

**БОРИС
РЯБУХИН**

ОТЦОВСКИЙ СЛЕД

**МОСКВА
2008**

БОРИС РЯБУХИН

ОТЦОВСКИЙ СЛЕД

Роман в письмах

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Володя – Борису

Без даты

Борис, здравствуй!

Письмо твое получил, спасибо, что нашел время. Человек, которого я разыскиваю, мой родной отец, а Рябов, оказывается, мой отчим. Представляешь!?

Как я вышел на него – случайно. В 1969 году я поехал в Донбасс к сестре Тане, устроился там работать, семья моя оставалась в Крыму. В июне 1970 года получил письмо от жены, что она со мной разывает, что у нее другой – это было неожиданно, как гром с ясного неба. Я еду в Крым, все узнаю так, как оно есть, расстроенный, что Донбасс уже для семьи моей не нужен. В Симферополе, при отъезде из Крыма, увидел на вокзале объявление, что в Одессу на такой-то завод требуются такие-то рабочие, прописка обеспечивается.

(Рок сообщил, что пришла пора узнать об отце. Вот он – шум предстоящего события.)

Приехал к сестре, сказал об этом объявлении. Она вспомнила, что в Одессе живет наша тетка Надя и наш двоюродный брат Вадик. Адреса у нее не было, но сказала, что адрес есть у Ольги, другой моей сестры. Я написал ей, получил адрес, написал брату, которого я не видел с 1956 года, не переписывался и ничего почти не знал о его жизни и жизни его семьи. Получил ответ очень короткий, что он рад мне, зачем мне этот завод, приезжай на пару дней, может, найдем работу и получше.

Приехал в Одессу, сам нашел дом, с сердцем, готовым вырваться из груди, нажал на кнопку звонка и... мне открывает дверь совсем незнакомый человек, маленького роста, с бритой головой, страшеньким лицом, коротыш какой-то недоделанный.

– Вам кого?

(Знал он сам – кого, и кто пришел, если он Рок.)

– Рубан здесь живет?

– Да, проходите. А вы кто?

– Я брат Вадика.

– А, Вова, проходи, проходи. Сейчас дома никого, я один, скоро все придут. Садись...

Завязался разговор. Это был второй муж тети Нади, первый бросил ее, больную, испугался ее болезни. Но этот, второй, никак не вязалось в моих глазах, что это – ее муж, такой щедушный, болтливый, и какой-то отталкивающий. Ведь, как я знал тогда, первый муж был родным братом

знаменитого в то время циркового дрессировщика зверей Ивана Рубана. Был резкий контраст для меня. Но я сидел и разговаривал, все расспрашивал. И попросил показать фото брата, ведь даже на фото я его не видел с 1956 до 1970 года. Он достал альбом и стал показывать и рассказывать все подробно.

Вот теперь тот момент! Открывает очередную страницу альбома, мои глаза (все было очень быстро, почти мгновенно) остановились сразу на одной, обрезанной по контуру людей и переломанной, но не порванной пополам фотографии (какие силы и что творили с этой фотографией?). Там была моя мать, очень молодая, и еще мужчина. Но что это? (Это было во мне). На меня смотрел я сам. Представляешь? Невероятно! Вспышка удивления (повторяю, все это было доли секунды). Я протянул руку к фото:

– Кто это? – шепотом сказал я, и на мгновение забыл, что рядом кто-то. И не знаю, не могу тебе описать, что у меня внутри произошло? Но эта вспышка удивления сразу исчезла. А глаза смотрели только на него – и уже сейчас, анализируя, я понял, что душа моя, внутренность моя, в тот момент во всем разобралась и принимала этого человека, и дальше я совершенно спокойно принял ответ:

– Это твой отец и мама.

Что было дальше, помню смутно, но помню то, что муж тетки замялся, понял, что выдал чужую тайну, потому что больше в его болтовне об этом не было ни слова.

Ты спросишь, как я его оцениваю? Никак – он в этом не виноват – он не предполагал, что вдруг появится это фото. А ответил он, не думая, на мой тихий вопрос, по инерции. А когда спохватился – было уже поздно.

Потом от тетки я узнал, что мой родной отец был талантливый конструктор, работал на заводе в Красноярске (я там родился). В 1942 году его забрали на фронт, у него была броня, как только она кончилась, его сразу забрали. А на второй день после его отъезда ему пришло продление брони. Обидно. Мать, когда осталась одна, со мной уехала из Красноярска к своим родителям, где через некоторое время вышла замуж, ничего не зная о моем отце. Последнее письмо от него попало этой тетке, у которой я сейчас живу. Он писал, что его направляют в артиллерийскую школу или училище, точно она не помнит. Все материны родные знали, что я не родной, они с Рябовым тщательно от меня это скрывали. Они уехали специально подальше от моих родных, и порвали с ними всякую связь, чтобы я ничего не узнал.

Тетя Надя мне все рассказала и сказала, что я – копия родной отец, и по характеру, не только внешне. Мне захотелось побольше узнать о нем, тем более, неизвестно, жив он или нет. Родичи не знают, что я все знаю. Когда я ехал в Одессу, они сильно отговаривали меня сюда ехать. Вот я тебе во всем и признался.

Я узнал адрес Сливкина, моего дяди, написал ему, но письмо осталось без ответа. Спасибо за адрес военного архива. Написал туда - буду ждать ответа из Подольска. Только к тебе просьба, никому – ни слова об этом, не дай бог, узнают мои родители. Отчим для меня остается отцом. А на мать я в

обиде. Но мать остается матерью, не мне ее судить. В 32 года я узнал обо всем этом.

С Галиной у нас дела очень плохи. Ничего писать о нас не буду, все равно ничего не поймешь, скажу только, что виноваты оба, кто больше – не известно. Я делаю все, что в моих силах, чтобы наладить наши отношения. Но что было прежде, уже не вернешь. Она меня не любит. Чем все закончится, не знаю. Сейчас первая моя цель – построить дом, а потом закончить ВУЗ или СУЗ, а дальше видно будет. Дом будет на самом берегу моря, полчаса езды от центра Одессы. Да, книжку о «Москвиче» не надо, я нашел. Но если ты уже купил, высылай, как получу – вышлю деньги.

Кем и где ты работаешь? Есть ли у тебя знакомые в журналах «Атомная энергия», «Физическая химия», «Теплоэнергетика», «Водоснабжение и канализация», «Санитарная техника», «Электрохимия» и подобные? Если есть, то можно ли в них опубликовать некоторые научные работы? И еще – подана заявка на статьи в Библиотеку Ленина, но прошло очень много времени, а статей нет. Можно ускорить? Если можно, напишу список статей.

Очень хочется увидеть твою рожу, хотя бы на фото, а еще лучше всей семьей. На здоровье пока не жалуюсь, но чувствую, что скоро – придется, пошаливает сердце. А как у тебя? Есть животик или нет? Передавай большой привет тете Оле и Лиле. Ответ, надеюсь, будет сразу.

Обнимаю, Володя.

(Я был готов помочь Володе, потому что сам давно искал своего отца. В детстве я написал стихотворение, из которого помню только настроение и строчки: «Мама, что такое папа? Я не знаю, мама, мама!..»

И сейчас я мысленно представлял такое же смятение в округлившись больших глазах друга. Как он тихо, как всегда, говорит, делая пухлые губы бантиком: «Представляешь? Отец – вылитый я. И фамилия у него не Рябов, а Сливкин. Африкан Васильевич Сливкин»).

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Я потрясен, что у тебя нашелся родной отец. Выходит твой отец Рябов вдруг стал отчимом?

Я готов тебе помочь. Только не пыли! Я ведь сам давно искал своего отца.

Сколько же твоему отцу на фотографии с молодой твоей мамой? Лет двадцать семь, как тебе?

Надо искать, может быть, он действительно еще жив! Мы его обязательно найдем. Нужно обратиться не только в военкомат, где он

призывался, и не только в военный архив в Подольске, но даже в архив КГБ (Сливкин уходил в разведку!) Надо послать запросы на завод, откуда он ушел на фронт, в музей воинской славы, обратиться к писателям-фронтовикам, однополчанам, друзьям и родным твоего отца. Вот именно, к родным, прежде всего, ведь они тоже, наверное, искали Африкана Васильевича. И мать твоя должна была получить документы и известия о нем, иначе бы она не смогла выйти замуж за Рябова.

И надо было тебе, талантливому парню, бросить рыбтуз и бежать из благополучного дома на сибирскую стройку ЛЭП-500, чтобы неожиданно узнать, что там – твоя родина, там жил твой настоящий отец, который не вернулся с войны.

Обнимаю, Борис.

(Точно рок водил Володю по Сибири, чтобы открыть ему родного отца. Он даже чуть-чуть не встретился с братом отца – Аркадием Васильевичем в Братске. Но разминулся.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗОВ ПРЕДКОВ

ГЛАВА I

ВОЛОДЯ – БОРИС

Борис – Володе
1964

Здравствуй, Володя!

Я решил прислать тебе стихотворение, которое написал раньше, когда ты работал на строительстве ЛЭП-500. Оно было частично опубликовано в

газете «Молодежь Алтая», когда я работал холодильщиком в Рубцовске.
Читай.

НА ТРАССЕ ЛЭП

В. Р.

Играет кровь и дух возносится,
Когда ты крепкою рукой,
В поту от ног до переносицы,
Сосну корчуешь за сосной.

Пусть губы сохлые, шершавые,
Горят от жажды и мошки.
Глаза, веселые и шалые,
Огни таежные зажгли.

Ты в пору неумной юности
Схватился с вековой тайгой.
Тебе хватило сил и мудрости,
Чтоб выиграть неравный бой.

Тайга угрюмо улыбается,
Росой умытая с утра,
И с неохотой расступается
Перед диктатом топора.

На землю топкую, липучую
Затылком падает сосна...
Не быть тебе, тайга, дремучею –
Ты людям свет нести должна!

Ну как?.. Пока. Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

Без даты

Борис, здравствуй!

Извини, что долго не писал, все устраивался на работу. Доехали мы благополучно, только сильно помучились с Андрюшкой. Сибирь нас

встретила приветливо – было тепло и мало снега. За время нашего пребывания мороз уже был настоящий, брюки твои мне оченьгодились. Я устроился на работу в леспромхоз инженером по рационализации и изобретательству (БРИЗ)!!! Да!! Если б не Галина, моя милая женушка, не бывать бы мне инженером (без диплома). Оклад 120. Галина почти устроилась бухгалтером в ОРС. Оклад 60 руб. Андрюшка будет ходить в ясли – вернее, мы его будем носить. Квартирки пока нет, но скоро будет, обещают дать. Работать я и Галя будем на 13-м разъезде в п. Таргиз – там Фрунзенский леспромхоз. А где мы сейчас живем – только участок этого леспромхоза. Таких участков пять, и все они относятся к одному Фрунзенскому леспромхозу. Как квартиру получим, у нас будет новый адрес, пока пиши по тому, который на конверте. Я уже успел отремонтировать два радиоприемника. Первый принесли на второй день, как мы приехали, второй – как только отремонтировал первый, деньги (10 руб.) еще не отдали, обещали с полочки. Андрюшка уже успел у нас приболеть, три дня ничего не мог есть – его тут же рвало, был сильный понос в виде воды. Он похудел сразу килограмма на три. Галя немного побаливает, но чувствует себя лучше, чем в Астрахани.

Работать на должности инженера я побаиваюсь, но думаю, что справлюсь, так как мне очень понравился мой начальник – главный инженер. Все, кто работал на этой должности, месяца через два убегали, так что уже около года место было свободно, а работа запущена. В основном, это работа творческая – нужно ворочать мозгами. С понедельника уже приступаю к работе, а там видно будет, тяжела она или нет. Спрашивать тебя ни о чем не буду, думаю, напишешь все подробно о событиях за истекший месяц. Давай договоримся, писать по одному письму каждый месяц, в котором описывать все события этого месяца.

Да, встретил своего старого начальника по ЛЭП-500, разговорились, и знаешь, что он мне сказал – если бы я был инженером-холодильщиком, то я был бы королем(!) всего Братска и его окрестностей. Холодильщики очень нужны в Братске, который через некоторое небольшое время станет городом с 300 тыс. жителей – это больше Астрахани. Причем, город новый, на берегу Байкала.

Да, у меня будет к тебе небольшая просьба, которую ты можешь и не выполнять, – пришли одну пачку сигарет «Шипка» – не вздумай больше, мне нужна только одна – в долгу не останусь.

Большой, большущий привет от нас с Галей, а также от Андрюшки, твоей маме Капиталине Алексеевне.

С приветом, Вова.

Володя – Борису
Январь 1965

Борис, здравствуй!

Посылку твою получили, очень тебе благодарны. Только зачем нужно было так тратиться? Теперь я даже заикаться не буду о том, чтобы ты что-нибудь прислал.

Работаю я с 11 декабря (я тебе, кажется, писал) в леспромхозе инженером по рационализации. Работа мне не нравится. Нужно часто ездить в командировки на участки и вытягивать, выжимать из рабочих эти рацпредложения. А из меня их старается выжать главный инженер. С горем пополам до Нового года собрал пять штук с условной годовой экономией 7, 4 тыс. руб. Теперь до начала апреля главный инженер обязал меня собрать 20 штук внедряемых, то есть тех, которые можно внедрить. На 13 января не собрал еще ни одного. Я уже ищу другую работу. По своей глупости и дурачности (вернее, скромности дурацкой) я упустил очень хорошее место в Братске. Работа на релейной радиостанции. Сам себе хозяин, оклад 150 руб. И главное – сразу квартира со всеми удобствами. Так как само управление находится в Иркутске, а в Братске я был бы один. Управление высоковольтных сетей УВВС – эксплуатации ЛЭП.

Есть еще одно место на старом нашем местожительстве, в Торе – работать на железной дороге в АУПе (автоматическая усилительная подстанция) дежурным радиомехаником, оклад 120 руб. Сразу – двухкомнатная квартира в двухэтажном доме (в Торе без нас выстроили два двухэтажных дома, а также электрифицировали дорогу от Тайшета до Братска). Вот получу получку, съезжу туда, все узнаю, может, и повезет.

Галя сейчас не работает. Поработала неделю и ушла – заболел Андрейка. Сейчас он здоровый, но его не с кем оставить. Я работаю один. Нам дали здесь квартиру в щитовом доме, такую, какая у нас была в Торе. Воду таскать, дрова колоть. Ведро – одно, топор – не сегодня-завтра сломается, две табуретки, один стол, две кровати – есть. Умывальника, ванны, стиральной доски, мочалки – нет. Одна тарелка, две ложки, две вилки – вот и все, живи, как хочешь. Но ничего, это все – наживное, главное – не унывать.

Из дома ни слуху, ни духу. Пишет только одна Татьяна из Таганрога, прислала посылку Андрюшке. У самой денег – в обрез, где взяла, черт знает. Хорошая она у меня сестренка!

Ту шишечку у меня на шее, про которую у нас был разговор, я вырезал. Оказалось это – атерома, сейчас все в порядке.

Как у тебя работа, как с трудовой книжкой, что нового на семейном поприще? Что-то ты ничего не пишешь, письма еще от тебя не получал – за тобой должок за декабрь месяц, ведь мы решили писать в месяц по одному письму.

Как здоровье Капиталины Алексеевны, нашей маман? Передавай ей большой привет и благодарность за посылку.

Прими от меня должок – небольшой подарок.

Как появятся в магазине кедровые орехи, так сразу вам вышлем, ведь в Астрахани их не покушаешь.

Жду от тебя длинное письмо. Пиши пока по старому адресу: Иркутская обл., Чуйский район, 14 р-д, п. Сосновка.

Поцелуй за нас маман!

С приветом, Вовка, Галя, Андрей.

73! SK

(Это знак УКВ. Так мы в рыбхозе «засоряли» эфир, связывались по УКВ с миром по собранной Володькой радиостанции.)

Борис – Володе

1966

Здравствуй, Володя!

Ничего, что пока ничего нет для жизни. Я вспомнил, как мы с женой приехали на Алтай. Рубцовские ребята в первые же вечера познакомились с ними, принесли кто сковородку, кто кастрюлю, кто тарелки. Так обзавелись сразу и друзьями и хозяйством. Нас сначала поселили в мужское общежитие за занавеску. А жена беременная. Ждали Танечку. Я пошел в главк и потребовал жилье, квартиру, как обещали при направлении из института. Мне начальник главка говорит:

- Много вы хотите, нынешняя молодежь. Мы целину поднимали, чуб к палатке ночью примерзал.

А я ему говорю:

- Это время прошло. Не надо было обещать квартиру. А не сможете сдержать свое слово, мы с женой вернемся в Астрахань. Я журналист, сумею объяснить причину такого решения в газете.

Не на того напал.

Решили дать мне квартиру холостого инженера-холодильщика, твоего теску Рябова. Только имя другое.

Я купил бутылку водки, вечером прихожу к нему и рассказываю об этом разговоре с директором гормолзавода.

Что делать? – спрашиваю. - Как беременной девушке в мужском общежитии жить?

Выпили, Женька Рябов помолчал. Он такой же молчун, как и ты. А потом сказал:

- Ладно, переселяйтесь! Пока в общежитии поживу, а там видно будет.

Вот характер! Сам нас и перевез.

Пока. Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

02.02.66

Борис, здравствуй!

Получил оба твоих письма. Ты уже, наверно, получил от меня весточку. Это ответ на твои письма, так сказать, письмо вне очереди (ты же принял мое предложение).

Мне совсем непонятна Ольгина фраза, которая тебя поразила: «В зеркало своего брата». Объясни подробнее.

У меня пока все по-прежнему. Галя опять пошла работать в бухгалтерию. Андрюшку отдали нянчить соседке, попалась хорошая. Собрал пять рацпредложений – ездил по участкам. Остальное время сижу дома, в конторе делать нечего, кроме как перебирать бумаги. Но для конторских – я на работе, проще сказать, прогуливаю, а дни записывают. Такая уж у меня работа – поневоле приходится лентяйничать – а это действует морально. Поскорее бы удрать с этой работы – не по моему характеру, хотя и оклад хороший. Из дома никто не пишет, кроме Татьяны из Таганрога. А она пишет: родители жалуются, что я не пишу. А черт с ними, не пишут – и ладно.

Послал документы в Иркутский политехнический, туда же, куда уже поступал, – я тебе говорил. Теперь жду ответа. Галина хочет поступать заочно в среднюю школу, чтобы получить другой аттестат.

Мы с Галиной на ближайшие пять–десять лет выработали две программы: программу–минимум и программу–максимум. В первой – что обязательно нужно сделать, во второй – все наши возможности и планы.

Получил письмо от Тольки – переслали из Астрахани. Высылаю его исповедь тебе, почитай и напиши ему.

Пришли песню, про которую пишешь в письме.

Большой привет маман от нас – пусть лечится и не вешает нос. Пиши по адресу, который на конверте. Если до апреля он не изменится, то, значит, будет пока постоянный.

Поцелуй за нас маман. Володя.

«1967».

(1967 – тайная дата встречи Володи Рябова, Валеры Лебедева, Володи Мироненко и меня – по клятве этих выпускников рыбвтуза, друзей, «мужиков» - встретиться в Астрахани на берегу Волги 19 числа 6 месяца 1967 года. Я записал эту цифру на циферблате часов. Цифра стала колдовской и опасной. По крайней мере, в это время у меня был нервный срыв, казалось, что я был при смерти. Мы не встретились.)

Борис – Володе

1970

Здравствуй, Володя! Это письмо к тебе – в стихах.

*Ты знаешь, друг, я очень постарел.
Сегодня заглянул в свои архивы.
Какие горизонты и порывы!
А ничего достичь я не сумел.
Как страшно дневники свои листать!
Читать свои забытые романы –
Что бередит затаянные раны,
И я опять не мог не трепетать.
Я сердцем доходил до мелочей
В судьбе давно забытого героя.
Опять сомненья налетели роем,
А, может, я из тех же рифмачей?
Я ничего за жизнь не разрешил.
Мечусь-мечусь, а впереди – лишь старость.
До тридцати – мне два шага осталось.
Зачем пришел, зачем я в мире жил?
Не утихает вечное смятенье.
Пишу стихи – чем дальше, тем трудней.
Тебе со стороны, поди, видней.
Но высказал ты лишь недоуменье.
Нет, я не конченный совсем поэт.
Я не был им совсем, да и не стану.
Зачем носить распятые и сутану,
Когда под ними в сердце бога нет?
Зачем себе признаться не хочу,
Что невелик размах усталых крылий?
Меня вчера для жизни воскресили,
А я существование влачу.
Я из тщеславья бросить не могу
Своих негромких и невнятных песен.
Но вспыхнет вдохновенье – мир чудесен,
И на Парнас влетаю на скаку.*

Володя, не забывай уговор, писать мне хоть одно письмо в месяц.
Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

Без даты

Боря, здравствуй!

Наконец, у нас небольшой сдвиг. Получили другую квартиру – лучше прежней. Ближе к работе. Возможность работы – для Гали, Андрею – детсад. Квартира на втором этаже, с телефоном. Магазины все рядом. Дом кирпичный. Единственное «но» – в этой квартире жил директор и... оставил порядочно грязи, клопов и тараканов. Но мы не тужим, это поправимо. В общем, место хорошее. В этом году сильные морозы – доходило до – 50 градусов. Я три раза отмораживал нос! А Галя – щеку.

Недомерков прислал письмо, еще, когда жили на старой квартире. Не помню, что он написал, но помню, что тон его письма мне не понравился. Я ему, наверное, писать не буду. Не хочу, вспомнил через столько времени.

В каждом письме жду новый урок чешского языка. Очень рад твоим успехам. Пиши. Большой привет Лиле. От всех нас. Рябовы.

Запомни, а лучше запиши наш новый адрес: Братск-9, Приморская, 17.

Борис – Володе

Ноябрь 1970 года

Здравствуй, Володя!

У меня родился сын! Ура! Поздравь меня.

Я видел его во сне еще до рождения, и в какой-то воде плавающего. Тогда даже не знал, балбес, что у женщин при родах отходят воды. Вообще с сыном связаны какие-то вещие знаки. Извини, но когда у меня искры посыпались из глаз в ночь любви, и я подумал, вот сын родился. Так и случилось. А когда за сыном ехал в роддом забирать домой, нашел кошелек с зарплатой. Ему на первое время, шучу.

(А не надо было брать кошелек. Чужое несчастье.)

А как нам тяжело, Володя, было это время. К 100-летию со дня рождения нашего любимого Ленина наш дом напротив Кремля решили расселить, так как он полуподвального типа, коммуналка. Всем дали квартиры. А нам, при двух комнатах около 30 квадратных метров предложили однокомнатную квартиру. Мы стали возражать, нам пригрозили дать две комнаты в трехкомнатной квартире с подселением. Я обратился к юристу, который в моем журнале давал юридическую консультацию монтажникам. Этот сгорбленный старый еврей был очень хорошим юристом, когда-то был поверенным лицом Романа Роллана. Он сказал, что вся юридическая система наша запутана, принимаются законы, взамен старых, а старые не упраздняются. И можно по желанию любой закон старый предъявить. Нам грозили выселить нас силой. Приходил милиционер и говорил, что машина для нашего пианино готова нас перевозить на новую квартиру. Юрист предложил писать жалобы в прокуратуру от районной до верховной, пока

нашему будущему Андрею не будет 8 месяцев. Только тогда считается новый человек. Жена лежала в больнице на сохранении. Я один выдерживал осаду наших благодетелей. Посылал очередное письмо в очередную прокуратуру, выверенное юристом. И случайно услышал в трамвае, что люди послали жалобу на съезд Верховного Совета СССР, и это помогло. Я тоже послал такую жалобу, и мне прислали открытку, что дело направлено в райисполком. Круг замкнулся? И вдруг нам звонят и предлагают двухкомнатную квартиру в новом доме. Помогло! Так что Андрея принесли из роддома в новую квартиру.

А что нового у тебя? Пиши. Борис.

Володя – Борису

29.01.71

Боря, здравствуй!

Это здорово, что у тебя родился сын. Здорово вдвойне, что Андрей. Поздравляю от души, желаю вашей семье счастья. Теперь ты стал настоящим семьянином, я очень рад за тебя. Извини, что не мог поздравить раньше, так уж получилось, что я узнал только сейчас. Очень рад, что вы получили квартиру. Интересно, на каком этаже, какое расположение комнат, есть ли телефон? Далеко ли ездить на работу? Что стало с вашим старым домом? Мне все интересно. Как дела с диссертацией жены? Почему не поступаешь на литфак? Я в этом году хочу поступить в Таганрогский радиотехнический, попытаюсь последний раз окончить институт. Если и на этот раз ничего не получится, тогда сдам на 6-й разряд или поступлю в техникум. Здесь строится два завода п./я, связанных с электроникой. Я хочу на один из них устроиться. Со временем получить квартиру. В городе 100 000 жителей, в ближайшие 8–10 лет намечено построить 40000 квартир. Снабжение очень хорошее. Так что меня на 90 % устраивает это место жительства. Нужно, в конце концов, где-то обосновываться.

Хочу прочитать хоть одно твое настоящее стихотворение, пришли, пожалуйста, из последних.

Передавай большой привет Лиле.

Володя.

Пришли, если есть, фото сына.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Рад, что ты готовишься поступать в институт. Я тоже мечтаю о своем – Литературном институте имени Горького. Но опять не прошел творческий конкурс. Настроение – не из лучших. Потерял сознание, упал – расшиб голову. Но жив, как ни странно.

Посылаю тебе мое стихотворение «Письмо маме»

ПИСЬМО МАМЕ

Здравствуй, хохотушка в завитушках!
Волосы окутал белый дым.
Разве будешь тоже ты старушкой?
Сдашься – с этим сердцем молодым?

Усидишь ли дома одиноко?
Хоть с немилым – лишь бы поплясать.
Жизнь – она прекрасна и жестока.
Как ее любить и не роптать?

Сколько не тянули в хлев за уши –
Вырвалась из нищеты темноты.
Строй–настраивай ребячьи души
На лады наук и доброты.

За тобою сын твой в люди вышел,
И взлететь высоко захотел.
На твоих плечах поднялся выше
И, взмахнув крылами, полетел.

Помнишь, ты гнала коров под вечер
По степи, окрашенной в закат?
И глаза заплыли, словно свечи.
А вдали ко всеобщей звонят...

Может быть, в девчонке босоногой –
Под божественный вечерний свет,
Под вечерний звон в степи убогой –
Зародился чувственный поэт?

И куда б его не уводила
Теплая, шершавая рука,
Муза на Пегаса усадила
И благословила седока.

С этих пор скачу по облакам я,
Иногда роняя удила.
Вот недавно я упал на камни.
Ты не бойся – ссадина прошла.

Желаю тебе поступить в институт. Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

Без даты.

Борис, здравствуй!

Письмо твое получили со стихами. Стихи понравились. У нас пока все по-старому. Появилась возможность уехать в Крым на постоянное место жительства, мы ее, наверное, скоро используем. В Крыму, в центре треугольника Симферополь – Севастополь – Ялта, в Бахчисарайском районе обосновались Галины родные, ее мама с отчимом, до этого они жили в 100 км от Брянска. В августе купили дом, настойчиво зовут нас к себе. Мы решили уехать, но когда – еще не знаем, самое раннее – в ноябре, самое позднее – весной. Решение окончательное. Недалеко от них курорт Черные воды. Вот переедем – будешь приезжать к нам отдыхать. А встретимся, наверное, раньше, чем мы думали. Уроки чешского мне нужны, но можешь писать их по настроению. У нас появился приемник «Дзинтаре» с проигрывателем «Концертным». Скоро появится одноголосый электромузыкальный инструмент «Романтика» – звуковой диапазон больше, чем у пианино. Начнем все поголовно заниматься музыкой. А как у тебя успехи на фортепиано?

Андрею вырезали гланды, кажется, успешно. Стал нормально дышать, лучше кушать. Пиши. Большой привет Лиле.

Рябовы.

Володя – Борису

30.03.71

Боря, здравствуй!

Письмо получил, спасибо, что не забываешь. Очень рад за ваши успехи в семейной жизни! У меня успехов пока мало, работаю на старом месте, живу у сестры, Галя осталась в Крыму до лета. Поступил на заочные подготовительные курсы в радиотехнический институт. Попробую получить высшее образование, если нет, тогда сразу поступаю в техникум, и на этом точка, а то уже мне перевалило за 30. Не знаю, когда теперь мы с тобой

встретимся, наверно, очень не скоро. Все-таки очень плохо иметь друзей заочно, тем более, когда не умеешь выразить свои мысли на бумаге. Вот все, что я могу тебе написать, больше не знаю, о чем. Скучна у меня фантазия, за что я многим поплатился, не буду писать – чем, может, сам догадаешься, а если нет, тем лучше. Пиши, когда найдешь нужным, сейчас у тебя забот полон рот. У меня тоже, Галина ждет второго сына.

Обнимаю, твой Володяка.

Володя – Борису

24.05.71

Боря, здравствуй!

У меня родился сын, Максим. Я горд, хотя на душе тревога из-за нашей неустроенности. Галина с Андреем и Максимом в Крыму. Ее родители уехали обратно в Сибирь. Через месяц она переедет в Донбасс. Будем жить пока здесь, на частной квартире.

Я готовлюсь в институт, в августе буду сдавать. Будем здесь жить, пока не кончу институт, а там видно будет.

Что у тебя нового? Как твой сын? Мне все-таки интересно, почему ты его так назвал, потому что у меня тоже Андрей? Может, у тебя есть его фото? Да и ваше общее фото не мешало бы получить. Передавай большой привет Лиле.

Пиши. Обнимаю, Рябов.

Борис – Володе

1971

Здравствуй, Володя!

Поздравляю с сыном. Интересно, мы Андрея хотели сначала назвать Максимом. Как мы все похожи! Может – родня?

Твое беспокойство неустроенностью жилья мне понятно. Я по приезде в Москву из Астрахани помотался по углам. У тетки жить в далеком пригороде трудно. Мать посылала мне по 30 рублей на квартиру. Бабки в Банном переулке не хотели связываться с молодым парнем – начнет пить, дебоширить. Зато те, кто соглашался пустить, были из трущоб или с грязным умыслом.

Помню, привела меня ночью толстая пожилая торговка в комнату, угол сдала мне. А в коммуналке другая женщина кричит:

- Каждую ночь приводит новых мужиков.

Я заволновался. Она, чай, пошла ставить, а я осмотрелся, куда попал? И бежать – ночь придется сидеть на вокзале, а утром к 9 часам на работу в Гидропроект. Смотрю, на шкафу - большая коробка от спичек виднеется. Я таких раньше не видел. Дотянулся посмотреть, а там крупные спички и какие-то маленькие капсулы. Открыл одну – там порошок. Все успел вернуть,

хозяйка с грязным горячим чайником пришла. Попили чай. В комнате две кровати. Я на одну лег, забылся сном. Очнулся ночью – она около кровати стоит. Затащила меня к себе в кровать. Я обезумел. Наверное, этого порошка в чай подсыпала. Меня спасло только то, что я, как и ты, испытываю отвращение к чужим женщинам. Всегда имел свою. Домашний. Кое-как дождался утра – и деру от этой ведьмы. У меня было пять или шесть подобных углов, пока не женился.

Не напугал я тебя, Володя. Так что, жизнь моя - не только стихи, но и проза.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

28.09.71

Боря, здравствуй!

Письма твои получил, одно прислала Татьяна. Спасибо, далекий друг. Мне сейчас особенно не хватает друзей, а их у меня нет и, наверно, никогда не будет, по моим внутренним качествам, никто мне не подходит. У меня уже давно полнейшее равнодушие к жизни, все окружающее опротивело и надоело. Кругом ложь и лицемерие, продажность и подлость, воровство и пошлость. Честность и благородство канули в вечность. На первом месте процветает мещанское благополучие, урвать лишний кусок, чтобы насытить свою и без того сытую пасть. Для чего мы живем, чтобы прийти не к коммунизму, а опять к капитализму?

(Он почувствовал за десять лет вперед, куда идет страна?)

Куда делись честные люди? Каждый живет только для себя. А в Одессе настоящее возрождение капитализма – все продается и все покупается, даже дети.

Я один одишешенек среди всего этого мира, со своим дурным характером – с боязнью всего живого. Я, наверно, «похож на бога, на которого можно только молиться».

В общем, в жизни сегодняшней я ни на что не способен. Для чего же тогда жить? Зачем кончать институт, мучиться шесть лет, чтобы потом работать не по специальности, и получать меньше любого рабочего? Да я и так себе заработаю на хлеб, но зато не буду забивать себе голову всякой дрянью, а буду читать то, что меня интересует. А вообще-то меня сейчас ничто не интересует. Родителям я не нужен, у сестер – своя жизнь, жена не любит. И самому себе я тоже не нужен. Выхода для меня никакого нет и, наверно, не будет. И ничто меня больше не интересует, даже радио, которое я сейчас ненавижу. Если бы мог пить, наверно, пил бы каждый день. Прости, Борис за такое равнодушие ко всему. Не могу жить в этом мире.

Володя.

Борис - Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Я написал венок сонетов, посвященных друзьям.

Эпиграф к ним: «О, если буду я изранен друзьями на тропе любви!»

Это пятнадцать стихов, связанных воедино. Один сонет посвящен тебе, посылаю тебе на утверждение.

* * *

В. Рябову

Привет, доверчивый, ревнивый
Скиталец с мягкой душой!
Лишь тот хозяин над собой,
Чей труд и жизнь неприхотливы.

Ты мог выслушивать учтиво
Рассказ нетерпеливый мой.
Мои стихи про рай земной
Умел судить неторопливо.

Несладок твой цыганский быт.
Чем он тебя вознаградит?
Доброжелательством, быть может?

Я все готов тебе отдать,
Твоим вниманьем растревожен.
Мне нежность некуда девать.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

Без даты

Давно я тебе не писал, честно говоря, не хотел, мне было на все наплевать, в душе пусто и одиноко. За два месяца получил два тяжелых душевных удара (если можно так выразиться). Какие? Я тебе написать не могу, почему, не знаю сам. Из Красного Луча я уехал в Одессу, здесь у меня, оказывается, две тетки и очень хороший двоюродный брат, моего возраста, специальность у него инженер–атомщик.

Скитаюсь с теткой по району, работаю, то столяром, то строителем, то электриком. Чуть не устроился в рыбнадзор. В общем, короче, – хочу постоянно осесть где-нибудь на берегу моря. Как только будет маломальское жилье, перевезу семью из Крыма.

С институтом в этом году сорвалось, если бы не те события, может быть, все было бы по-другому. Вот пишу и вспомнил, что адрес твой в Одессе, не знаю, сколько времени пролежит это письмо, когда я попаду в Одессу.

Тетка моя – золото, а не человек. Очень жалею, что не познакомился с ней и братом, ее сыном, раньше. У тебя – стихи, у меня – электроника. А у брата страсть – физика и защита кандидатской по физике, если, конечно, ему это удастся. Больше не могу писать. Недомерков прислал мне письмо еще в Красный Луч, я не стал ему писать, вернее, не хочу. Вот пока все.

Мой адрес: 270065, Одесса-65, ул. 25 Чапаевской дивизии, д. 10-а.

Володя – Борису

Без даты

Борис, здравствуй!

Что же ты молчишь? Или думаешь, что я уехал? Я уже давно приехал. Нет ни минуты свободной, приходится урывать время от сна. Окончательно с женой не решено, если бы ни мои дети Андрей и Максим, было гораздо все проще, я бы потерял только любимого человека. А что бы она нашла, не знаю, может быть, счастье, а может быть, горе, скорее всего – второе. Весь вопрос в детях, которых я очень люблю, и они меня любят. Это ее держит, а то бы она давно от меня ушла. Поэтому она до сих пор не может принять решение, да еще поняла, что я люблю ее по-настоящему. А я виноват в том, что не мог ей раньше этого доказать. Вот она и мечется туда-сюда и не может решиться – никуда. И я морально убит, потерять любимого человека – это я узнал, что такое. И тем, кто любит по-настоящему, мой совет – берегите свою любовь. Я ее уберечь не смог, теперь исковеркана жизнь на всю жизнь, а у меня такой характер – я всю жизнь буду думать о ней, и не смогу иметь больше ни одну женщину.

Не знаю, почему у других так все просто, а у нас очень и очень все сложно и запутано, очень трудно во всем разобраться. И когда конец всему, чтоб отдохнуть от всех мыслей? Понимаешь, Боря, я только сейчас понял, как я ее сильно люблю, и страшно боюсь ее поэтому потерять, а если это произойдет, мне ничего не нужно будет, кроме смерти. Стану бродягой, и постараюсь забыться хоть на час, на два.

Не жалею, не зову, не плачу.

Все пройдет, как с белых яблонь дым.

*Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.*

Чем-то этот стих меня тронул.

И вообще, Боря, я конченный человек, и не пиши мне слов утешения, не помогут, ничего мне сейчас не надо. Прошлое не возвращается.

(Прошлого нет!)

Единственное, что меня сейчас держит, – это дети, которым я должен помогать, чтобы между нами не произошло такого, что у меня с женой. Конечно, такой Галки я больше никогда не найду. И всех женщин буду сравнивать с ней, поэтому они мне будут противны. Близких людей у меня нет вообще, все родное и близкое осталось там. Ты только один, с кем я могу поделиться своими горестями жизни. Мне никогда не везло в жизни, видно, никогда и не повезет с моим дурным характером. Счастье только блеснуло молнией на моем пути. Что ж, как-нибудь доживу свой век с единственной целью – помогать детям, ничто меня больше не интересует, если бы ни дети, можно было бы и не жить. Кому я нужен такой: родителям (?), сестрам (?), а больше кому, может быть, только богу нужна моя душа, истерзанная и изорванная на куски. Как все надоело!

А из Подольска ответили, только на военкомат, и сообщают совсем о другом Сливкине. На радио нельзя писать, родичи ни в коем случае ничего не должны знать. В 32 года, наконец, многие жестокости в жизни с родителями для меня стали ясными. Хоть в этом стало легче на душе. Но появилась забота побольше узнать все о родном отце, о котором я, наверно, так ничего и не узнаю. Конечно, жаль. Написал в предполагаемый адрес его брата, и не знаю, сможет ли этот человек, получив мое письмо, ответить на него. В то же время я узнал, что он меня разыскивал в начале 60-х годов, но ему дали понять те, к кому он обращался, что этого делать не стоит.

И тут вдруг он получит письмо от меня. Как он на него среагирует – не знаю, а так хотелось бы, чтобы он ответил. Ладно, через месяц я буду знать точно, ответил он или нет.

Работаю с 8 до 20 с перерывом на 30 минут. Прошлый месяц не работал, нужно нагнать и послать денег Галине, все-таки ей тяжело одной, переболела гриппом в тяжелой форме, осложнение на печень. Кроме этого, сердце ни к черту – давление 80/60, женские болезни и старая болезнь почек. Не знаю, как она еще держится.

Ну, ладно, пиши: Одесса, главпочтамт, до востребования.

Большой привет жене и тете Оле.

Обнимаю, Володя.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Под впечатлением, что у тебя нашелся родной отец, я решил послать тебе мой рассказ, который пробовал опубликовать в молодежной газете в Астрахани, когда временно работал там корреспондентом во время преддипломной практики. Рассказ маленький. Но там – правда о моем раннем детстве.

Обнимаю, Борис.

СЕРЫЙ КОСТЮМЧИК

Сегодня май. Сережа опаздывал на демонстрацию. Надевал новый серый костюм. Мать была уже готова. Маленькая, сухонькая, она смотрела на сына, единственного мужчину их семьи. И о чем-то грустил ее задумчивый взгляд. О чем?

...Сереже сшили серенький костюмчик. Первый костюм за семь лет его жизни. Бесконечно тараторя, счастливый, он примерял длинные брюки. Не короткие, на пуговицах, а длинные, на ремне. Борис чувствовал себя большим, глядя, как отсвечивают в зеркале медные пуговицы пиджака. Завтра на первомайскую демонстрацию он пойдет в новом костюме. Хорошо, что в прошлом году кончилась война, мама никогда не сшила бы ему костюма. Потому что в войну не было часто даже хлеба. А придет папа с войны, они будут жить еще лучше. Что-то он задерживается. У соседки Вальки уже приехал. И эта конопатая девчонка хвалится блестящим орденом. А вдруг папа вернется без ордена? Сережа смутно помнит, какой он, папа, но все равно любит. Ведь все дети любят своих отцов.

Сегодня вечером опять пришел дядя Боря. Он хороший, потому что приносит леденцы. И где он их берет? Мама никогда не приносит с базара конфет. Только плохо, что при дяде Боре приходится сидеть одному в спальне. Потому что детям нечего слушать разговоры взрослых. Но до Сережи долетают обрывки разговора, и он долго над ними размышляет...

- А может, он вернется. Чем судьба не шутит? – говорит приглушенно мама.

Сережа не знает, кто «он»? Но очень хочет, чтобы он вернулся. Потому что этого хотят все люди, разговоры которых он слышал.

Дядя Боря уходил поздно.

- Завтра идем вместе на демонстрацию, - улыбнулся он.

Сережа зарделся и с важностью ответил:

- Конечно!

Мама гладила платье. Сережа до боли в щеках раздувал угли в утюге.

- Ух, ты, мой помощник! – мама посадила Сережу на колени и уткнулась носом в его курчавые белые волосы.

- Сережа, давай возьмем дядю Борю к нам жить, - предложила она.

- А папа?

- Папа наш погиб на войне.

Сережа опешил. Откуда мама вдруг догадалась, что папа погиб. Ведь она все время говорила: «Подожди, вот папа вернется, я ему расскажу...»

- Погиб, сынок, наш папа геройски погиб... И нам трудно без мужчины. У нас нет денег на дрова, на хлеб, на ботинки...

- Мама, мамочка, - еще не веря, заревел в голос Сережа, - не надо дяденьку. Теперь он вдруг понял слова: «А может, вернется». Прервав плач, он выпалил скороговоркой: - Может, вернется? Чем судьба не шутит, ма-ма!

Она гладила его голову, и слезы ее катились и жгли Сережин затылок.

- Мама, - вдруг перестал хныкать Сережа, - мама, давай... продадим мой новый костюмчик – и купим много хлеба и дров. Только не надо дяденьку. У меня есть ты и папа.

Сейчас он ненавидел дядю Борю, который захотел жить с ними вместо отца.

- Ну, не плачь. Не надо, так не надо, - мать вся съежилась и прижалась к мокрому лицу сына теплой грудью. – Ты будешь всю жизнь единственным мужчиной в нашем доме...

На демонстрации, как никогда в жизни Сережи, было много счастливых, празднично одетых людей. В новом сером костюмчике Сережа стоял на деревянном постаменте рядом с огромным синим глобусом, а старшеклассники с напряжением вели два велосипеда, на которых был закреплен постамент, где стоял он, первоклассник Сережа. Стоял и смотрел, как мама шла рядом вместе со своими учениками в колонне демонстрантов...

- Ну, пошли, а то мы опоздаем на демонстрацию, - заторопилась мама.

Володя – Борису

Без даты

Борис, здравствуй!

Прочитал твой рассказ. Даже всплакнул. Получил и второе твое письмо.

Спасибо за информацию, только насчет библиотеки и статей мне было все известно. Я обратился к тебе только потому, что хотел узнать, есть ли возможность все это устроить, но, как видно из твоего письма, скорее всего, нет. Насчет отца, я думаю, не стоит его разыскивать, я нашел его брата, моего дядю, написал ему письмо, но ответа не получил, наверно, так и должно было быть. Достаточно для меня того, что я узнал от тетки, хотя, конечно,

хотелось бы узнать больше. Ведь это тайна моих Рябовых, которые скрывали ее от меня всю свою жизнь и, наверно, никогда не узнают, что я все знаю. Да и что изменилось, что я узнал об этом? Они поэтому и скрывались от всех своих родственников, чтобы я никогда ничего не узнал. Тетка мне рассказывала, что давно, когда они были вместе, кто-то сказал отцу: «Он же тебе не родной». Так он весь побелел и чуть не убил того человека. Наверно, он меня считает родным, хоть и разная кровь. Пусть все останется по-старому.

А Галина меня не любит, это точно, и уже никогда не полюбит. Ты прав, она хорошая, и во многом я виноват, что она меня не любит. На Новый год поеду в Крым к ней, и решим вопрос, который нас мучает уже полгода, жить нам вместе или нет. И если жить, то жить придется только ради детей, на разных кроватях. Как тебе сказать, ну, что ли морально, я одинок, в душе пусто. Единственная цель – работать ради денег, какая бы не была работа, чтобы высылать семье. Хотя считай, что семьи у меня уже нет, даже если мы и будем жить вместе – все перечеркнуто, все разбито, и никакого просвета впереди. Другую женщину я уже полюбить не смогу – это будет все уже не то. И вообще, что об этом говорить?

У тебя одни взгляды на женщин, у меня другие. Да я никогда и не говорил о своих взглядах на эту тему, так как, по-моему, это сугубо личное. Сейчас я один, поэтому я тебе пишу.

Живу там же, где и работаю, отгородил угол, поставил раскладушку. И после 18.00 я – один со своими мыслями. И чтобы поменьше думать, я тебе пишу. В субботу и воскресенье бываю в Одессе, нужно постираться, помыться, узнать новости жизни (приемника у меня пока еще нет, был – подарил отцу после того, как узнал что он не отец). Получаю свою корреспонденцию. А вечерами, после работы пишу письма, или читаю диалектику, чтобы отвлечься от своих мыслей. Пишу жене, тебе, сестрам, больше писать некому.

Наконец-то добились с теткой участка 7 соток на самом берегу моря. Скоро начнем строительство, тогда свободных вечеров будет очень мало. Буду жить рядом с теткой, это пока единственный близкий мне человек, просто я ее сильно уважаю. Она вся больная, 26 лет живет с одной почкой, перенесла три очень тяжелых операции, и только благодаря тому, что в молодости была спортсменка–разрядница, летала сама на самолете, то есть была очень здорова, – она еще ходит на ногах. И еще, наверно, потому буду с ней жить, что только она одна решилась, не побоялась сказать мне всю правду. А если отец узнает, что она мне сказала, он ее убьет.

Ни в коем случае не пиши Недомеркову ничего обо мне.

Что у тебя нового? Ты почему ничего не пишешь о своей работе, ее характере. Пришли свое фото, я уже не знаю, какой ты есть. Наверное, животик отпустил? Зарядку-то хоть делаешь по утрам, не говоря уже о вечере?

Пиши. Адрес неизвестен.

Большой привет тете Оле, наверно, уже старенькая, я ее помню только по Астрахани. Поцелуй свою жену и сына, скажи, что я велел. Обнимаю, Володька.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, дорогой Володя!

Работа моя сложная, много отнимает времени и сил. Попался мне начальник с бельмом в глазу. Я боюсь ему в лицо смотреть из-за этого глаза. Он сначала меня познакомил с поэтом, которому я показал свои стихи. Но потом стал давить. Вроде, подружились. А потом стал давить. Я пробовал с ним поговорить по-мужски. А он мне в ответ сказал присказку. Мол, ты что, не знаешь: «Я - начальник, ты – дурак; ты – начальник, я – дурак». Наконец, я не выдержал его происков и выступил на собрании – его уволили. Поставили меня ответственным секретарем журнала. И тут я понял – хорошо ругать начальников, а когда попадаешь в их шкуру – сам становишься собакой. Но среди 20 журналов издательства, мой журнал завоевал первое место в социалистическом соревновании. Я подговорил приятеля в министерстве, чтобы он узнал, как ко мне относятся мои сотрудники – они сказали: «Сволочь!» Черт бы побрал эту работу. Говорил мне в астраханской газете главный редактор: «Боря, если хочешь стать писателем – не работай журналистом!» А я не послушал. Да больше ничего не умею. Ну, ладно. Исхитримся.

Я недавно написал и отослал отцу стихотворение на сюжет из его нищего детства. Он меня поблагодарил за него.

Вот это стихотворение. Пока.

ЯБЛОКИ

*Однажды в поисках еды
Мы в сад чужой попали.
И под деревьями плоды
В рубашку собирали.*

*А сад от яблок пламенел
И райским нам казался.
Но вдруг хозяин подоспел –
И я один попался.*

Схватил он за уши меня,

*Как зайца на охоте.
И привязал к жердям плетня,
Сорвав с меня лохмотья.*

*Потом в лохань насыпал соль,
Макал в тузлук крапиву
И бил с размаху. Эту боль
Я вынес терпеливо.*

*Я ненависть глотал, как кол,
От муки умирая...
Очнулся я, все так же гол,
За изгородью рая...*

*Навек стяжатели тогда
Во мне врага снискали.
Мой сын, запомни навсегда,
За что отца распяли!*

Хорошо бы, если бы мы смогли отыскать твоего отца. Ты не пыли.
Наберись терпения и воли. Как говорится, ищите – и обрящете.
Обнимаю, Борис.

Володя – Борису
Без даты

1.

Дорогой Боря!

Большое, очень большое тебе спасибо за твое письмо, сегодня его получил и, когда читал, ехал в автобусе, слезы выступили у меня на глазах, очень тронуло меня твое письмо, еще раз тебе спасибо, хороший ты человек все-таки, можешь глубоко понять душу чужого тебе человека. И не зря поэтому я нашел в тебе друга, настоящего друга, способного понять истерзанную душу. Твоя баллада об отце заставила проникнуться уважением к нему и состраданием к вам обоим, что вы не были вместе. Какие сюрпризы может преподнести нам еще жизнь? Мне сейчас очень тяжело, тяжело душевно и морально, я тебе всего не написал, так как не могу – это останется во мне, Галина страдает, может быть, еще больше меня, и я ничем не могу ей помочь. Не знаю, не знаю, чем у нас с ней все кончится. Если бы я ее не любил – а у нее был бы еще очень дорогой человек, – все было бы очень просто – развод. Но, что она меня не любит – это точно, и никаких шансов – на ее любовь. Хотя написала, что для нее я остался самым дорогим и душевным человеком. Нам мешают принять (вернее ей) твердое решение

только дети, потому что она видит, как они меня любят, и я их люблю. Это, наверно, еще больше ее мучает, а я боюсь их потерять, так как это будет мой конец, а другого начала у меня не сможет быть, таков мой характер. Я ее прекрасно понимаю, она всей душой тянется ко мне, как к отцу и как к человеку. Но, как говорится, сердцу не прикажешь, насильно мил не будешь. Помириться мы с ней не сможем, так как не в чем мириться, потому что я считаю, что она передо мной не виновата, я перед ней тоже – так считает она. В общем, у нас сейчас с ней очень и очень сложные отношения. Мы с Галкой часто переписываемся, я о многом ей написал, открылся перед ней полностью, писал ей о самых сокровенных своих мыслях, как мог, так и писал. Вот тогда она мне и написала, кто я для нее (я тебе писал раньше), и даже назвала родным. А какую я видел радость в ее глазах, когда она встретила меня в Крыму, я уж, было, подумал, что у нее все хорошо, но... вышло так, что все еще больше усложнилось, более или менее разрядившаяся обстановка еще больше накалилась. Да, Борис, я многое сейчас бы отдал, лишь бы скорее был конец всему этому – вот до чего измотана моя душа.

Во всем виноват мой дурной характер и, наверно, многим мне придется еще за этот характер расплачиваться.

Галина живет в Крыму, там же, где мы жили вместе. Но смотри, ей ничего не пиши, может быть хуже. Она и так вся измучилась, милая моя Галка, и ждет не дождется, «как бы поскорее сдохнуть, чтобы избавиться от всех этих мучений». Эти ее слова для меня – нож в сердце.

Прости, Борис, не знаю, почему я тебе обо всем этом пишу. А, может, что другое? По-моему, просто ты мне стал ближе, хоть и находишься за полторы тысячи километров. Милый, хороший мой друг, наверно, не удастся тебе перетянуть к себе меня. Я дал себе слово – быть рядом с тетей, я должен быть рядом с ней – это очень больной и хороший человек, относится ко мне, как к родному сыну, я бы сказал, наверно, лучше, чем мать, хотя, может быть, у матери есть свои причины на это. Я должен построить дом для нее и для себя, участок уже добились – на самом берегу моря.

Если бы Галина согласилась сейчас приехать ко мне, я не смог бы ее привезти, так как нет жилья. Сам я ночую там же, где и работаю. Если остаюсь в Одессе, то ночую на теткиной квартире из одной комнаты, в которой уже живет четыре человека, кроме тетки. Сама тетка тоже ночует там, где работает, если я приезжаю к ней, то ночую у нее. На днях только должен прописаться в доме, который еще не построен. Работаю на денежной работе, мне сейчас особенно нужны деньги, посылаю Галке, все, сколько могу послать.

Последний месяц заработал особенно хорошо: за 10 дней – 240 руб. В феврале будет еще больше. Впервые в своей жизни я зарабатываю столько. Кстати, заработок – одна из многих причин нашего разлада, хотя она прямо мне этого не говорила. Но главная причина, конечно, не в этом. И еще я буду в Одессе потому, что отсюда ближе до Крыма, до семьи. А если мы будем жить вместе, для ее здоровья лучше жить в Одессе. Я бы, конечно, хотел жить рядом с тобой, но, когда я построю дом, я думаю и надеюсь, что ты

будешь мой частый гость. Ведь был же ты уже в Одессе, и я виноват, что мы не встретились. Писал бы ты чаще – и наверняка была бы встреча. А если мы будем с Галей вместе, мы будем твои частые гости, один я приехать не смогу, я буду ездить к ним, конечно, если она мне это разрешит. На Новый год я ездил с ее разрешения.

Скажу тебе еще одну причину, тоже не главную – у нас не получилась половая жизнь, вернее, в большинстве случаев – я кончал раньше ее, я ничего не мог с собой сделать, отсюда все реже и реже – дошло до одного раза в месяц. Ей не стало нужно (она ни разу за всю жизнь не попросила сама) – для меня это первая и последняя женщина. Я сдерживал себя, боясь ранить ее душу неоконченным актом, а тем более ложась в кровать и, видя перед собой спину жены, все желание пропадало. Короче, я только сейчас понял, что мы не умели это делать по настоящему, так как откуда нам это знать. Недавно я прочитал статью в «Здоровье» и кое-что понял, но уже поздно. И понял главное – я не знаю, как себя вести с женщиной в этом случае. Может, поэтому она меня и разлюбила. У неё ко мне полное безразличие в этом отношении. А она мне написала, что мы не жили, а чахли. Извини меня, Боря, за мою откровенность, обычно об этом не говорят, это называется личной жизнью, но ты сам меня вызвал на откровенность. Недавно я ей об этом написал, только еще откровенней, потому что мне показалось, что она считает меня неполноценным. Не бывает дня, а может, и часа, чтобы я не думал о ней, она мне снится ночами, я очень боюсь ее потерять, даже зная, что она меня не любит. То, что мы с ней пережили, – не забывается, она сама сказала – прошлое не выкинешь. Я ей дал полную свободу, как хочет, пусть так и живет, я ничего от нее не требую, я просто ее очень люблю.

Извини меня, Боря, за мою откровенность, но кругом четыре стены и гнетущая тишина, вот что мне осталось. Тетя и никто из родных и окружающих об этом ничего не знают, они знают, что у нас «все хорошо». Мысли одолевают меня, поэтому я тебе и пишу. Разреши быть всегда с тобой откровенным, раньше я не мог, так как мы с Галей письма друг от друга не прятали, а откровенными не были до конца. Сейчас мне все равно.

Пиши. Как здоровье? Хотелось бы увидеть, какой ты сейчас, хотя бы на фото.

Обнимаю, Вова.

Большой привет жене и тете Оле.

2.

Боря!

Это второе письмо из двух, которые ты получишь сразу, очень прошу тебя не читать его, прочитай сначала другое. Написал тебе письмо, которое ты должен уже прочитать, потом написал жене, если она мне еще жена, и решил написать тебе обо всем, о самом главном. Мне теперь все равно, о том, о чем я тебе напишу, никто не будет знать, даже Галка, так я решил,

почему у меня хватило духу написать – не знаю, пока могу держать ручку, пока не дрогнет рука, то, что она будет писать, буду писать.

Из первого письма ты уже должен понять кое-что в наших отношениях. Я не знаю, как ты поймешь и что ты поймешь, но уж раз я решил, знай все.

Ты знаешь, я жил в Донбассе. Вот там все и началось, а впрочем, может, раньше, конечно, раньше, но удар, жестокий удар был в Донбассе, ты уже прочитал, что у нас не ладилась личная жизнь. На это много повлияли болезни жены и материальные недостатки. Она часто болела, болела по-женски. Я ради ее здоровья бросил все в Братске и поехал в Крым, не думая ни о чем, только о ее здоровье. Но когда мы туда приехали, я понял, что жить там долго нам нельзя – никаких условий. Я поехал в Донбасс, там было немного лучше, и хотел сразу же привезти их. Но когда она ко мне туда приезжала, ей сделалось плохо, она попросила остаться на зиму в Крыму. Я согласился. Потом ездил я к ним, весной она приезжала еще раз с детьми и попросила еще побыть в Крыму, через дорогу – поле клубники, хотела ею подлечиться.

А я чувствовал наш разлад. Все началось еще в Братске, но ничему не придавал значения, я ее ждал, думал, что все пройдет и наладится, ждал физически. Но теперь я понял, что был виноват в том, что боялся ей показать свою любовь, что чего-то ждал.

Нужно было быть более внимательным, больше ласки, а я наоборот сдерживал себя, и не видел, чего она хочет. У неё такой характер – сама ничего никогда не скажет. Она только вдруг ни с того, ни с сего, ссорилась со мной из-за пустяков, говорила, что меня не любит, и все что угодно могла мне наговорить обидного. Я, конечно, переживал, что-то говорил, потом вроде все налаживалось, потом все повторялось сначала. Я все это относил к материальным недостаткам и все надеялся, что у нас все наладится.

У меня и в мыслях не было того, что в июне прошлого года она написала мне в письме, которое я храню до сих пор.

(Наташа моему Андрею тоже написала письмо с укорами, которое все разрушило – и они разошлись, и мой внук тоже остался полусиротой, безотцовщиной.)

Это было очень жестокое письмо. Она писала, что любит другого человека, что ждет от него ребенка и что, когда я получу письмо, ее не будет в Поляне, где она сейчас живет.

Она уехала с ним, и просила, чтобы я ее не разыскивал. Что я очень хороший человек, но она больше не может жить со мной. Что оформим развод и алиментов ей не надо. А мои вещи она мне выслала. Прочитал его – и у меня что-то внутри оборвалось, и я потерял сознание. А когда очнулся, почувствовал сильную боль в сердце, я не мог сдвинуться с места. Я еще раз перечитал письмо. И не поверил. Что только я ни передумал в тот день и в ту ночь.

У меня совершенно пропал аппетит. Я ничего не ел три дня, пока не добрался до Поляны. Последние километры я шел пешком, так как не попал на автобус. И до самого дома не знал, там она или не там.

Но она была там, я вошел в комнату, она сидела на диване и безразлично смотрела на меня. Я без сил плюхнулся на стул. Максим увидел меня и бросился мне на шею, я его обнял, и сидел, и не мог говорить. Я обрадовался, что в письме неправда, но это длилось недолго.

Она мне сразу сказала всю правду: она любит другого, и что испытала с ним настоящее счастье, она спала с ним. Что она ни в чем меня не винит, что я очень хороший человек, но она не может со мной жить. Я онемел, я не смог говорить, я ждал, что она скажет, что все это неправда, но этого не произошло. Кто-то пришел, она выбежала, ее долго не было. Максим попросил попить, я открыл шкаф, чтобы взять стакан, и взгляд мой упал на пачку контрацептивов. Я ее открыл – начата, мы никогда ими не пользовались. Все оказалось правдой.

Ворох мыслей пролетел у меня в голове, и осталась одна – все простить, не потерять. А первой мыслью было – повеситься, но рядом был Максим, и что интересно – он молчал, хотя большой говорун. Так она и застала меня, вернувшись, с Максимом. Я сказал, что детей заберу, пойду на что угодно, но оставляю ее без детей. Она сказала: одно ее слово на суде – и у меня ничего не получится. В общем, пробыв несколько дней, я уехал, так как она просила ее оставить одну – справиться с мыслями. Но мне сказала, что для меня она может быть только сестрой, что, может быть, у нее все перегорит, так как я умолял ее остаться со мной. На прощание меня поцеловала и заплакала.

Я уехал, стал много ей писать, она мне отвечала тоже. Она мне писала, что она всеми силами старалась сохранить нашу любовь, но не получилось, что я своим равнодушием к жизни, своим всегда угрюмым и мертвенным видом убил в ней все. А здесь подвернулся человек, у которого живой ум. Сама жизнь в нем кипит, она мыслями и сердцем стремилась к нему. Он не хотел ее, она сама бегала за ним, и любит его больше жизни. И, если бы не дети, мы бы давно были врозь, что ко мне у неё осталась только жалость, гнетущая жалость, что я не человек, а бог, на которого можно только молиться.

Я очень много ей писал, откуда только находились слова, но я понял, что я ее люблю и не смогу без нее жить. Я ей все простил, много передумав, я понял, что виноват во всем я, не смог сохранить нашу любовь. В каждом следующем ее письме я чувствовал, что у неё что-то осталось ко мне, а однажды она даже назвала меня родным. Но самое главное, она не может себе простить, она считает себя непорядочной женой.

Что дальше? Дальше еще сложнее. Она увидела его плохие стороны, кое в чем разочаровалась в нем. Но с ним встречается до сих пор, так как он теперь ходит за ней по пятам, сватал ее. Она хочет жить со мной, я для нее самый душевный и дорогой человек, в каждом письме пишет, чтобы я простил ее. И в то же время пишет, что никогда не сможет простить себе, что

в этом вся соль, что душой тянется ко мне, и в то же время пишет, что мы не жили, а чахли.

А после нашей новогодней встречи, которой сначала очень обрадовалась и сказала, что стало легко на душе. Но вдруг у нее произошла вспышка, и она сказала, чтобы я уехал. А в письме написала, что она поняла, что я мщу ей молча, и буду по капле пить кровь ее, пока она не сдохнет. А в конце – прости за грубое письмо, ты для меня все еще очень дорог. А я только и мечтаю о том, чтобы хоть видеть ее и ребят, мне этого хватило бы, я готов всю свою кровь отдать ей, лишь бы ей было хорошо. Я согласился, чтобы она с ним жила, вышла за него замуж, в общем, так, как ей хочется. Но она до сих пор не может решить, и поэтому страшно мучается, написала мне, что она долго не проживет.

Все, Боря, я бы мог тебе написать и в три раза больше, но уже не могу, не знаю, что ты из всего этого поймешь. И я не знаю, что у нас будет дальше, хотя она мне и написала, что спасибо за то, что я ее люблю. Ладно, подумай лучше, может, ты что-нибудь поймешь, а потом мне напиши. Вова.

Володя – Борису

Без даты

Борис, здравствуй!

Получил оба твоих письма, первое не изорвал, но не стал читать, пока не получил второе. Пишу сразу, я с тобой во многом не согласен и почти все мне было ясно раньше. Ты прав – мы должны жить вместе, я прилагаю все усилия, чтобы это сделать, уже давно, но пока ничего не получается. От измены лекарство измена – старая истина, и мне она не подходит. Но я знаю только одно: раз Галина решилась изменить мне, на это были очень веские причины. Я во всем виноват, и мне все исправлять, а не делать еще хуже. Моя измена – это крах нашей семьи. И еще – я не смогу расплыть свои чувства, а не вовсе из-за недостатка мужества. Если бы я хотел, я уже давно изменил. У тебя не было первого чувства (то есть ты имел первую женщину, не любя), и тебе трудно понять, что это такое – я брезгую другими женщинами. Если полюблю во второй раз, тогда, может, будет все по-другому.

И еще – я жене простил все, так зачем же мне изменять, чтобы еще усложнить наши налаживающиеся отношения. Что пережил я – чепуха, по сравнению с тем, что выдержала Галина (она пьет валокордин). Я ей давал полную свободу вплоть до развода, но она решила остаться со мной, не знаю почему, но скорее всего ради детей. Она стремится ко мне всей душой, но ее поступок мешает ей это сделать, хоть и главная вина – моя. Ее убило мое равнодушие к жизни, вечно угрюмый и скучный вид, и еще сыграли роль вечно преследующие нас материальные недостатки, мой дурной характер

всегда меня мучил и мучает. Мы тоже читали много книжек еще в Братске, и довольно откровенных, в одной какого-то немецкого профессора даже описывалось 32 способа.

Но книжки – одно, а жизнь – другое. И никакие «шедевры» не помогут, нужно иметь свою голову на плечах, книжки могут только запутать. «Есть бездна вещей, которых мы просто не знаем, и еще больше таких, которые знаем дурно, бессвязно, отрывочно, даже ложно. И эти-то ложные сведения еще больше нас останавливают и сбивают, чем те, которых мы совсем не знаем». «Шедевры» буду читать на старости лет, сейчас просто нет времени.

В своем развитии я, может быть, и остановился, но только в техническом, а не в духовном. И вообще, Борис, ты меня прости, но из этих двух писем я понял – не надо показывать себя прожженным знатоком жизни, нужно в чем-то сомневаться. А вот предыдущее письмо твое, которое заставило меня быть откровенным, тронуло меня до слез.

Я во многом завидую тебе, но во многом и не соглашаюсь. И мне очень жаль тебя, что ты не знаешь, что такое любить, этим ты наполовину, а может, и больше, обкрадываешь свою жизнь. Я очень тебе благодарен, что ты во многом стараешься мне помочь, я знаю – это от души, но ты не понял до конца мою душу. Я – конченный человек уже давно, с тех пор, как возник у меня вопрос: почему Я есть Я, которого ты так и не понял? Когда я стану человеком, я не знаю. Но Галина дала мне толчок к тому, чтобы стать им. И еще, всю жизнь для меня чистая совесть – самая лучшая подушка. У меня никогда не было тайн от жены. И ее страдания – это мои мучения, я мучаюсь только от того, что она мучается, и никогда не смогу покривить душой. И все-таки, Борис, потерять друга, любимого человека – это оторвать кусок мяса от сердца, горячий, кровавый, это я знаю.

Прости, Борис, я уже не могу ни о чем думать, не могу излагать свои мысли, у меня, наверно, скоро голова лопнет, столько всего передумано за это время. Пиши, прошу, откровенно.

Обнимаю, Володя.

*И больные думы растревожив,
Вдруг поймешь, что сам всему виной...
Хочется быть чистым и хорошим
Нашей тихой северной весной.*

Володя – Борису

Без даты

Борис, здравствуй!

Молчишь! Обиделся! Прости!

Все-таки ты один, с кем я могу разговаривать откровенно, ты один мне друг, который может как-то понять меня, «вся жизнь – безумье, вред и хаос, не получая, отдаем...». «Ах, не знать бы пробуждения, не рождаться бы такому, обреченному на муки с первых дней до погребенья». Прости, Борис, расплакался я перед тобой, слабый у меня характер, женский, могу только плакать, как женщина. Был бы ты здесь, может быть, многое бы понял, что творится со мной, потому что я сам не могу этого понять. Жена в последнем письме написала, что врачи обнаружили у нее какую-то серьезную болезнь сердца, что организм до 40 лет может с ней бороться, а после все бесполезно, только операция может вернуть жизнь. Ей об этом не сказали, а проболталась знакомая. И мне так нехорошо стало, когда конец всему, что еще преподнесет мне судьба, мне уже все равно, ничего не хочется, ничего не нужно. Жена написала еще: мы можем изменять друг друга сколько угодно, но я поняла, что детям изменить нам невозможно, потому что мы оба любим их. Значит, она, наверно, изменяет мне до сих пор. Но дети, и ее болезнь...

Эх, Борис, Борис, у каждого свое горе и радости, у одного больше, у другого меньше. Но зачем эта жестокость, она просит, чтобы я меньше писал и не писал на конверте обратный адрес, чтобы не знали люди, что муж пишет жене. А тот, другой, живет в двадцати шагах от ее дома. Пишет, что как-то смотрели фото, и Максим выбрал все мои и долго с ними не расставался. Стала много писать о детях, и в конце письма всегда пишет: «Дети тебя целуют, Галина». О себе не пишет ничего, кроме своих болезней. На мои письма не отвечает, хотя и пишет, что «все твои письма получила», а дальше ни слова о том, что в них написано. Впрочем, Боря, зачем я тебе все это пишу?

Наверно, потому, что каждый вечер остаюсь наедине со своими мыслями, а они лезут и лезут в голову, и никак от них не отвязаться. А здесь еще одна молодая интересная женщина гоняется за мной, хочет узнать, почему я такой, не как все. Еле от нее отвязываюсь. Не смогу я изменить, не из-за недостатка мужества, а зачем ранить еще чью-то душу, чтобы потом человек страдал, как Л. в Джамбуле.

(Володя напоминает мне о моей первой девушке.)

Я уже испытал это на своей шкуре, и знаю, что такое потерять любимого человека, и никому этого не желаю. Лучше в начале оборвать, так как в конце труднее. Прости меня, но я в первую очередь думаю о другом человеке, чем о себе и своих желаниях. Жена этого не поняла сначала и сейчас не может понять. И мои, как она говорит, благородные намерения считает мстью, которую я ей придумал. Она мне написала после нашей последней встречи, что я молча буду у нее пить кровь по капле, «пока она не сдохнет». Такие ее мысли, по-моему, – суждения из книг и кино, где всегда за измену мстят, вот она и ищет, каким же образом я ей мщу, и решила, что я ей мщу молча, прикрываясь благородством, но как ее убедить в

противоположном – не знаю. Я все время ставлю себя на ее место, как бы я поступил. И понял, что мои муки, по сравнению с ее муками, капля в море, ей гораздо труднее, чем мне. В первую же встречу с ней после всего случившегося, она мне сказала:

– Смог бы ты жить со мной после другой?

(И у тебя, Борис, прости меня, это получается).

И я ее сразу понял, потому что не смог бы, изменив жене, опять быть с ней, во всяком случае, сразу, может быть, через несколько лет, не живя ни с кем, смог бы. Я с тобой согласен, что можно оставаться человеком и на дне жизни, но только в том случае – видеть все, но делать так, как подобает человеку, стоящему выше этого дна. В противном случае, ты человеком не останешься, у тебя уже будут грехи, которые исправить очень трудно. Всю жизнь они будут за тобой ходить.

(Такие суждения говорят о православной морали. Как же потом Володька отвергал веру в Бога?)

Этого-то и боится Галина, и за это я ее считаю порядочнее многих женщин, так может думать только очень хорошая женщина, поэтому я ее и простил за все. Потерять человека легко, найти гораздо труднее

Ну, пиши. Жду. И, пожалуйста, не обижайся на меня.

Обнимаю, Вова.

Володя – Борису

Без даты

Добрый мой далекий единственный настоящий друг, Боря!

Прости меня за такое вступление, только что получил твое письмо и очень кстати – ты как в воду смотрел. Большое тебе спасибо, хоть я и ругал тебя, а все-таки жизнь ты знаешь больше. За это короткое время, что я тебе не писал, и, наверное, самое тяжелое для меня, произошло много событий, и после них мне сейчас особенно тяжело. Я даже не знаю, как у меня хватит сил писать тебе, твое письмо тому причиной, которое я получил 10 минут тому назад. Вот вылетели строчки, и не знаю, с чего начать. С чего? Как написать так, чтобы ты все понял? Начну не с главного, мысли сами придут.

Я имею жилье в центре Одессы, правда без прописки, но если захочу, будет прописка, где я живу (решился добрый человек). Это первое, хоть сплю сейчас по-человечески, имею свой угол.

Второе – получил письмо от Сливкина Аркадия – моего родного дяди, брата моего отца, который погиб в зиму 1942–1943 года. Оказывается, мы с

ним жили в Братске на одной улице, через пять домов, и ничего не знали друг о друге. Это первое письмо, теперь будет много писем – я узнаю все об отце. У меня – куча родственников в Сибири. Но сейчас все это не главное.

Я тебе писал, что за мной гоняется одна молодая женщина. Гоняется – слово неправильное, не знаю, как сказать по-другому, но мы стали с ней встречаться, меня чем-то потянуло к ней, не знаю, я очень разборчив в людях, что меня заставило с ней встречаться, инициатива была ее. Меня очень взволновала ее жизнь, чем-то схожая с моей, она трижды пережила свою смерть и смерть своего ребенка, она пережила измену мужа. Вообще, у нее очень была тяжелая жизнь. Короче, она сказала, что любит меня по-настоящему и боится меня потерять – она все знает обо мне, и говорит, что любит меня уже давно. Мне с ней стало очень легко и хорошо, у меня такого с женой не было. Я не знаю, люблю ли я ее, но мне с ней очень хорошо, она мне нравится, я еще никогда не испытывал такого. У нас все это произошло очень быстро, я не успел ничего написать жене. А в последнем письме жене написал, что у меня есть комната, и, если она хочет, может приехать или совсем или с детьми на несколько дней. И вдруг получаю телеграмму о ее приезде. Валюша очень расстроилась, и я тоже, так это было некстати.

Валя хочет, чтобы я был с женой, и в то же время очень боится меня потерять. Она говорит: потерять легко – найти труднее. Она очень хороший человек, поверь мне и не сомневайся в моих словах, я зря не скажу. Последние часы мы были вместе, даже вместе поехали в аэропорт. Она говорила: «Может быть, последние часы». А я ей говорил: «Все будет хорошо».

Я один встретил жену, она приехала без детей, хотя я их очень ждал. Я встретил ее очень холодно, не так, как в последнюю встречу, и скорей повез ее к тетке (тетка знала о ее приезде, она мне о нем и сообщила, Галина дала на ее имя телеграмму, боялась, что я ее не получу). Там ее встретили очень хорошо, по-моему, она всем понравилась. Но, представь, что творилось у меня в душе в это время. Вечером мы поехали ко мне, я боялся ей все сказать сразу, все-таки она больной человек. Но я заметил, что она о чем-то догадывается. Я сразу лег спать, сославшись на то, что много выпил. Утром я уехал на работу, сказав, что без меня там не обойдутся. На работе ко мне подошла Валюша, спросила, о чем мы говорили, я ей опять сказал, что все будет хорошо. Приехал с работы. Галина навела у меня порядок, кое-что постирала, сготовила кушать, но я видел, что она не в своей тарелке. Вечером сходили по магазинам – это ее страсть, я дал ей денег, она кое-что купила, себе, детям.

Пришли, она с наслаждением рассматривает покупки. Легли спать, я был совершенно к ней безразличен, она что-то поняла.

Утром был разговор, сегодня утром, не помню, о чем мы говорили. Но, когда я сказал ей, что я изменил, она мне сказала: «Я верила в твою бескорыстную любовь и жила ею последнее время, она меня согревала. Но теперь вижу: все вы мужики – одинаковые». И начались слезы, рыдания, не могу передать, что творилось у меня в это время в душе. Я стал ее ласкать и

успокаивать, все-таки что-то у меня есть к ней. Я боялся ее потерять, дав ей полную свободу, почему она ей не воспользовалась, не знаю – это-то меня и мучает. Она сказала, что стремилась ко мне всей душой. И еще немного времени – и все наладилось бы. Потом сказала: «Я тебя ни в чем не виню, во всем я виновата сама». И опять заплакала и говорила что-то. Я запомнил только, что «дети бредят тобой, и ждут, не дождутся встречи». Кажется, был разговор и о разводе, не знаю, но мне было очень тяжело в это время, у меня стоял ком в горле. Я проводил ее на аэродром до самого самолета. И попросил ее:

– Скажи мне что-нибудь.

Мы в основном молчали, глаза у нее были красные, она несколько раз чуть не заплакала. Она сказала:

– Что я тебе скажу?

Я сказал:

– Ну, тогда письмо напиши.

Она сказала:

– Не знаю. – А потом: – Выплачусь, тогда, может, напишу.

Я ушел и заказал такси до главка. Там же получил твое письмо, пошел домой, выпил стакан вина, и вот сразу тебе пишу.

Валюша прочитала все письма моей жены, я ей сам дал (она читала без меня, при мне не могла) и сказала, что у меня с ней жизни не будет. Но она верит, что я очень люблю детей, и хочет, чтобы я остался с ней, она сейчас мучается, она со страхом ждет развязки и боится меня потерять. Я бы хотел с ней остаться, но я боюсь, что она внушила себе меня, и я боюсь вторично сделать другому больно, после того, как я заставил столько мучиться свою жену, но... Я тоже боюсь Валю потерять – она права: найти труднее, чем потерять. Я сейчас мучаюсь и не знаю, что мне делать. Я решил послать все письма, которые у меня остались, моей жене тебе. Я уже хотел их показать тете, но твое письмо изменило мое решение, она ничего не знает и может сразу не понять, а ты поймешь больше.

(Написал я ему, или нет, что говорила мне Галя, когда они с Володей были у нас с Лилей в Москве? Везли два огромных чемодана, один с вещами, в том числе для двоих маленьких детей, другой – электродетали, сопротивления, конденсаторы, лампы – ужас. «Вот весь он, сидит целыми днями собирает свои электросхемы, не может выйти зимой машину дров заказать, все приходится делать мне», – пожаловалась Галя мне с Лилей. А такая красивая, ладная девчонка. Я так был рад, что Володе повезло с женой. И вдруг – гром среди ясного неба! – сбежала от него.)

Только прошу ответ дать как можно быстрее, я тебе буду очень благодарен. Пиши все, что думаешь, я смогу сделать для себя вывод. Письма, конечно, верни.

Спасибо, Боря, тебе за все, хороший ты человек, я никому не открывал свою душу.

Обнимаю, Вова.

ГЛАВА II

ПИСЬМО АРКАДИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА

Аркадий Васильевич – Володе

Красноярск

09.03.72

Володя! Ура!

Наконец-то ты узнал о нас, Сливкиных, здравствуй, дорогой племянник. Тебе сейчас 32 года, и, откровенно сказать, я ждал, что несколько раньше будешь нас разыскивать. Прошло 30 лет, точнее 30,5 лет, когда я тебя держал последний раз на руках. Нет, ошибся – 29 лет. После того, как погиб мой брат Африкан, в зиму 1942–1943 гг. (в эту зиму погибли еще два моих брата – Лев и Серафим), Люба – твоя мама вышла замуж за Валентина Яковлевича, это было в июне 1943 года. Валентин Яковлевич усыновил тебя. Вы уехали на Амур, и перед отъездом Люба и Валентин просили нас забыть о тебе. Что мы и обещали. Но 30 лет спустя мы можем восстановить свои родственные отношения. Валентин и Люба не будут на нас в обиде. Передай (если это можно) им сердечный привет от меня.

Опишу мое положение: в 1945 году женился второй раз, у нас сын Олег 1946 года и дочь Наташа 1951 года. Наташа – студентка 3-го курса, энергетик. Мне 62 года, ушел на пенсию и работаю последний месяц. Постоянно проживаю в Новосибирске, а красноярскую квартиру отдаю сыну. Он женат, музыкант. Здесь же, в Красноярске живет моя старшая дочь Галя, ей 38 лет, замужем, муж Юрий и она – инженеры, две внучки – Иринка и Аленка. Тетя Потя еще бодрая, мамаша стала старенькая – 81 год. Герман и Владимир – мои младшие братья здоровы – 46 лет и 44 года. Их дети Игорь, Таня, Юрий, Люба – большие, и все живут в Новосибирске. Старший брат Александр на пенсии, его сын Володя (1947 года) за хулиганство сел в тюрьму, а Тамара – старшая дочь (1934 года) – хороший врач, и тоже у неё дети, и у других Сливкиных тоже не пересчитать родственников.

Мы тебя постоянно вспоминаем, и каждый раз за столом, выпивая, вспоминаем твоего отца и тебя, и Льва, и Серафима. А твой отец из семи братьев был самый умный и красивый. Люба, твоя мама, тоже хорошая женщина, а Валентин – твой второй отец, для меня был тоже хороший человек. Посылаю тебе несколько фотографий, а фотографии твоего отца находятся у нас в Новосибирске.

Володя, кто ты сейчас, я не знаю – деловой человек, рабочий, моряк или пройдоха-пьяница (что я исключаю)? Приезжай к нам в Новосибирск, познакомься со своими братьями, сестрами. И пусть Валентин Яковлевич не будет в обиде, срок давности прошел. Отвечай мне в: Новосибирск, 105, ул. Крапоткина, 109, Сливкину Аркадию Васильевичу, или в Красноярск, где будет жить мой сын Олег: Красноярск, 59, ул. Корнетова (а не Корнилова), 2, Сливкину Олегу Аркадьевичу.

Пиши, дорогой Володя, опиши все. 10.04 я уезжаю в Новосибирск на Кропоткину.

Будь здоров. (Подпись)

PS. Сегодня только приехал из Новосибирска и нашел твое письмо.

ВОЛОДЯ – БОРИС

Борис – Володе

08.06.73

Здравствуй, Володя!

Напрасно ты так строго меня судишь. У меня серьезные переживания в семье. Болеет Андрюша. Жена рвется доделать диссертацию. Не хватает денег на еду. Всех бед не перечислишь. А плакаться кому хочется? И мужчинам не велят.

Не пыли. Все пройдет.

Но даже в это время стараюсь заняться стихами. Недавно мой друг Мамаев прислал мне переписанные им от руки стихи юного гения Раймонда Редиге. Не менее гениальна у него и проза. Блистательный роман «Бес в крови» он написал в 15 лет. Раймонд Радиге - «пятнадцатилетний гений» с Марны, притока Сены, его так и называли «Чудо с Марны». Маститый французский классик Жан Кокто пошел к нему на выучку. А в двадцать лет Радиге умер. Последние его слова были: «Воины бога пришли за мной». Его поэтический сборник «Лицо пылает» свидетельствует о больших возможностях. А «Бес в крови» был экранизирован и обошел с триумфом весь мир. Эх, если бы я знал французский язык! Пошел на курсы. Но тут же сник. Не дается мне зубрежка. И никогда не давалась. А Лиля изучает итальянский, и ничего. По-моему, с любовником М.В.

Был в командировке на строительстве КАМАЗа, с заместителем главного редактора издательства, которое выпускает мой журнал.

Представляешь, весь город ходит в телогрейках. В магазинах пусто, только коньяк и банки соленых зеленых помидоров. Энтузиазм.

Рассказывали случай, сюда приехал какой-то знаменитый зарубежный фотокорреспондент. С ним была свита из наших, увешанных фотоаппаратами. Ходили по всем цехам. Все щелкают затворами, а знаменитый только улыбается. Наконец пришли в столовую. Народу тьма. Один здоровенный парень сидит за столом, а перед ним шесть бутылок кефира и больше ничего. Он обратил внимание, что на него смотрит кто-то. Налил очередной стакан кефира и поднял с улыбкой, мол, будь здоров. Наши фотокоры засмеялись. А зарубежный гость успел сделать эти два снимка с двух своих фотоаппаратов. И уехал. Эти снимки облетели весь мир - "На строительстве КАМАЗа в России". Вот так надо работать головой.

А мы с приятелем за счет командировки решили махнуть в Елабугу, на могилу Цветаевой. Приехали – куда идти? В горком или в пивную? Хорошо, что пива захотели. Нам говорят, да могила на кладбище. Рассказали, как проехать, как искать. Только снегу по колено, а мы в ботиночках – москвичи. Показали дом, где Цветаева жила и повесилась. Посоветовали купить хозяйке кулек конфет, чаю попить, рассказ ее послушать о жиличке Цветаевой. Только говорят, эта могила условная. Настоящая была на отшибе. Самоубийц на кладбище не хоронят, грех. Так при очередном строительстве ее срыли - и костей не найдешь. Какой ужас. Пришли на кладбище – все закрыто. Но попали туда – а куда идти. Увязая в снегу, пошли прямо. И нашли – сфотографировали друг друга у памятника Марине Цветаевой. Бог с ней! А потом я узнал, что она детей своих в детдом отдала. Что делает с нами жизнь!

Пиши, не мрачней.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

Без даты

Боря, здравствуй!

Получил твое письмо. Спасибо. Спасибо за сочувствие и помощь в моих поисках отца.

А вообще, никто меня не понимает или не хочет понять. Приезжала Галина с детьми в начале мая, отрицала все, что писала в письмах, и что я видел своими глазами. Говорила, что она совершенно чиста передо мной, что во всем я виноват, по-всякому меня обзывала, и Валу – тоже. Когда я поехал ей купить билет, она в это время уехала к Вале, очень ей хотелось ее увидеть, в общем, были только одни неприятности. И в то же время вешалась мне на шею, смахивала на хамелеона. Уехала, написала мне прощальное письмо,

что у меня нет семьи, нет детей, которых я никогда не увижу. Детям она внушает, что у них нет отца.

Я написал обо всем отцу и матери, они меня вызвали в Астрахань, и, как мне показалось, одобряют мое решение (мать ненавидит Галину). Я был у них один день. Они просили только об одном – постараться вернуть хотя бы Андрея. Максим еще совсем маленький. Но из этого ничего не выйдет – Галина не отвечает на мои письма, требует только развод и пишет, что Иван будет им хорошим отцом, и требует денег, и говорит, что выжмет из меня все соки. Я живу на участке в автомобильной будке, строю дом. Валя лежит в больнице, ей вырезали кисту яичника. Я собираюсь подавать на развод, родители против этого, они еще надеются, что я останусь с Галиной. Если бы я даже и захотел, какая бы была у нас с ней жизнь – одни муки и все, жизнь ради детей, и никаких чувств. Мне все страшно надоело, единственный человек, который меня понимает, – Валя. И я, наверно, с ней останусь. Вот и все.

Чувства нужно беречь, и никакой фальши – иначе крах.
Вова.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Где ты? Ни слуху, ни духу. Я занялся вплотную журналистикой, так как денег не хватает. Ведь работаю один. Пока ездил к герою очередного очерка, меня чуть-чуть не «пришили».

Сажу с портфелем на заднем сидении автобуса. Ехать долго. Что-то сосед рядом со мной ворчит. Прислушался. А он говорит:

- Сейчас отниму у тебя портфель, а пикнешь, ножа получишь.

Я очнулся, оторопел. А он свое гнет:

- И мне все по... Все равно – в тюрьме горбатиться.

Я взял себя в руки и говорю:

- Ну что пристал? Да возьми ты этот портфель! Там одни бумажки. Нужны тебе – возьми... Они мне во! - как надоели...

Вдруг от задних дверей автобуса кореш его позвал, и они вышли, слава богу. А я пот вытер с лица.

И больше к этому Чугунову не поехал. Провались все пропадом! А материал хороший собрал. Может, рассказ написать?

Это старейший и лучший в тресте «Металлургмонтаж» руководитель наладочных участков Д.Я. Чугунов, на счету которого 50 сооруженных и пущенных доменных печей по всей стране. Сколько грандиозных строек! Каждую из этих домен, к которой Чугунов приложил руки, можно считать техническим чудом. Когда у Дмитрия Яковлевича Чугунова был юбилей – в один день и в один час по стране его приветствовала гудками вся эта

полусотня домен. На вид он похож на Котовского, такой же огромный и гололобый.

Когда ему за отличную работу решили дать новую квартиру, выяснилось, что он не зарегистрирован с женой. Хотя прожил с ней более тридцати лет и вырастил сыновей. Вспомнил, что сказал жене: «Я же – монтажник, в командировках вечно, сегодня здесь, завтра там. Не выдержишь – уйдешь, не обижусь». Пришлось срочно регистрироваться с ней. Заказал тройку и на санях по снежной Москве с сыновьями и внуками помчались в ЗАГС.

Он и за рубежом домны поднимал, в Финляндии, в Индии... И, надо же, фамилия – Чугунов, и домны его – плавят чугуны.

А когда его документы представляли на Героя труда, выяснилось, что он – не член партии. Пришлось обойтись медалью «За трудовую доблесть». Он был согласен и на медаль, но так и не вступил в партию. Хотя брат его был ярким коммунистом. В квартире Чугунова меня поразила оттоманка – чуть ли ни из царского дворца. «Откуда?» - спрашиваю. От брата осталась. Оказывается, брат был революционным начальником. В одной книге о нем написано: «Военно-революционный комитет поручил группе молодежи Замоскворецкого трамвайного парка – Легонькой, Крюковой, Кокину и Чугунову – разведать силы белогвардейцев на участке Пятницкая улица – Москворецкий мост – Красная площадь – Моссовет. Всем им грозила смертельная опасность быть схваченными юнкерами, но они не думали об этом – и добыли ценнейшие данные. Так же смело, они выполнили другое задание – пробраться в район Большого и Малого театров и гостиницы «Метрополь» через вражеские заслоны, выяснить состояние сил противника».

Ну, пока, Володя. Не затухай. Обнимаю. Борис

Володя – Борису

09.11.73

Борис, здравствуй!

Только что получил твое письмо. Поздравляю с днем рождения и праздником. Большое тебе спасибо, что пишешь, не забываешь. Очень хочется с тобой встретиться. Сколько интересного ты сможешь рассказать? Если будет возможность, приезжай летом в Одессу.

Мы отвоевали наш участок, влезли в долги. Но я думаю, что со временем все окупится. Завезли камень, я наполовину сделал фундамент. Весной начну строить дом. Очень много нам помогают тетки: одна – деньгами, у другой – живем. Валя опять в больнице – увезли на «скорой» с сильным приступом панкреатита. Насчет щитовидки подумаем, может, и правда все, что ты написал о своей больной тете Наде.

Валя совсем пала духом, собралась помирать, я уже не знаю, как ее поддержать. Из Ленинграда приезжал отец, лишний раз нам нервы потрепал и уехал. Но я думаю, что все наладится в отношениях с родственниками. Устроился пока на работу в Одесский порт – грузчиком, а там видно будет. Вся неустроенность наша – ерунда, по сравнению с болезнью жены. Как ей вылечиться, что предпринять, не знаю – это сейчас главное и больше всего меня мучает. Если бы Валя приехала в Москву, можно бы было устроить ее в эту клинику. Если бы была какая-то надежда, она бы поехала, а может быть, это и не надо – получить бы хорошую консультацию и лечиться бы здесь. Не знаю, как лучше.

Очень рад за ваши успехи, желаю всего хорошего и в дальнейшем. Если опубликуешь драму, жду экземпляр с автографом.

Пиши, надеюсь, скоро встретимся.

Большой привет всем родным.

Обнимаю, Владимир.

Борис – Володе

23.07.75

Здравствуй, Володя!

Моя мечта сбылась. Я попал в издательство «Молодость». Пока в редакцию публицистики, но издательство выпускает и художественную литературу.

Попал и сразу меня – мордой об стол. Сначала оклад занизили, хотели обмануть. Потом на картошку послали руководителем типографской группы на 101 километр, куда высылают всех хулиганов из Москвы. А они устроили нам погром. Вечером 21 июня группа пьяных местных ребят в возрасте от 16 до 25 лет ворвалась в барак в деревне Настаскино, где разместились наша группа (в скотских условиях), и устроила скандал и драку. Дебош продолжался до 3 часов ночи.

А на другой день в 19 часов, когда мы вернулись с поля, уставшие после работы, в барак, к нам на грузовой машине приехало четыре пьяных деревенских парня. Они врываются в комнаты, ругались матом, избивали без причин любого, кто подворачивался под руку. С криком «Вредитель!» меня долбанули в лицо и сбили кулаком с ног. Куражились, оскорбляли человеческое достоинство наших типографских рабочих, провоцируя их на драку. Нанесли удар парню, который осужден условно, и я боялся, что он вытащит нож и полезет в драку. Тогда его уже точно посадят в тюрьму. От испуга нервный припадок случился у другого парня. Вызывали скорую помощь. Двое из москвичей прорвались на улицу и шли семь километров пешком, чтобы вызвать милицию. Пока они ходили, развязалась драка, подоспело еще человек тридцать хулиганов. Вытеснили из барака представителя райкома партии, еле его отбили москвичи. Пьяная компания

ворвалась в одну из комнат, где присутствовал один из местных парней, его стали избивать в коридоре, за то, что стакнулся с москвичами. На помощь кинулся парень из шефмонтажного управления, который владел приемами самбо. Так его избили ногами, и плясали на его голове до тех пор, пока лицо не превратилось в кровавое месиво. На полу в коридоре осталась лужа крови.

Подроспела милиция, два человека на мотоцикле. Составили протокол. А сами милиционеры говорят: «Мы все изрезанные! Что мы можем сделать – здесь на выселении из Москвы 200 хулиганов». А пьяная компания не испугалась милиции. Они поймали около туалета несколько москвичей и с длинными гвоздями искололи и избили их. Одному москвичу удалось вырваться от них в барак к милиции и сообщить о новом инциденте. При поддержке москвичей милиционеры устроили облаву, поймали одного из зачинщиков драки. Допросили. Он назвал еще двоих. Один из моей группы получил рану вилкой в грудь, ему вообще пригрозили, что убьют. Несмотря на то, что один хулиган был пойман, другие не разбежались, а прятались до 4 – 5 часов по кустам около барака, выискивая очередную жертву. Мы с представителем райкома партии всю ночь дежурили, потому что нам грозили поджечь барак. Утром, по настоянию девушек, обратились к директору совхоза и парторгу, а также представителю райкома с просьбой гарантировать безопасность нашего проживания в совхозе.

Такой гарантии директор не дал, и я увез свою группу от греха подальше в Москву, как и руководитель «Шефмонтажа» - свою. Доложили обо всем в райкоме. А потом был суд над пойманным хулиганом. Но я на суд не поехал. Только написали объяснение в милицию и свои предложения, как обеспечить безопасность работы в подшефном совхозе.

Вот так я начал работу в центральном молодежном издательстве.

Всего тебе хорошего. Ты в Одессе ездешь от работы убирать картошку? Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

Без даты

Боря, здравствуй!

Наконец-то могу написать тебе пару слов. Нет, на картошку я не езжу. Но бандитов в Одессе хватает.

У нас все по-старому – стройка, стройка, стройка. Подготовил крышу для шифера, буду начинать крыть. Все делаю один. Не хватает времени. Валя вышла из больницы, устроилась работать в дом отдыха, совсем рядом от нас. После отъезда матери нас пытались выгнать из дома, но мы назло остались. Вот когда переберемся в свой дом – к черту всех родственников. То, что мы от них терпим, не желаю никому. Брат не здороваётся и не замечает брата, хотя спит с ним в одной комнате. Вот такие-то дела.

Лето в Одессе в этом году плохое, часто идут дожди. Когда у тебя отпуск, где думаешь проводить? Я смогу тебя пригласить только на будущий год, когда будет куда тебя принять. А сейчас надеюсь к зиме отделать одну комнату и поскорее уйти от этих родственников.

Пиши. Что? Как?

Извини, еще не успел прочитать твои книги. Когда прочитаю, напишу.

Все! Пиши!

Обнимаю, Володя.

Большой привет от Вали.

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, дорогой Боря!

Ты спрашивал, какие сыновние чувства вызывают сейчас у меня сведения об отце?

Меня сразу, как узнал отца, поразили его способности и то, что я бы мог их тоже достичь, а может быть, и более, если бы он был жив. Поэтому я испытываю гордость за него. Других чувств, мне кажется, я не чувствую.

(Не чувствует родства, ревностного отношения к памяти об отце?)

Представляешь, я перепутал название улицы в Красноярске (Корнилова вместо Корнетова). Почему? На листке, который я получил из адресного бюро, было неразборчиво написано. Но письмо мое все равно дошло!

Когда я начал искать отца, никто об этом не знал, знала лишь одесская тетка. Она мне в этом только помогала, а брат – ее сын сказал мне, что кто-то меня разыскивал, когда я уехал в Братск. И они думали, что я поехал к своей родне.

Пиши, обнимаю, Володя.

Володя – Борису

Без даты

Боря, здравствуй!

Давно я тебе не писал.

Из Одессы пришлось уехать, так как все ополчились против нас с Валей. Мы все бросили и уехали с ней на Урал. Сейчас устраиваемся работать на п./я – радиозавод, я – регулировщиком, она – намотчицей.

Как у тебя дела, что у тебя нового? Пиши.

Адрес: Челябинская обл., к. Касли, ул. Дзержинского, 137.

Володя – Борису

Без даты

Боря, здравствуй!

Получил твое письмо. Что-то немногословен ты стал. Почему я на Урале? А что мне было делать в Одессе? Жить на голом участке и выслушивать упреки, оскорбления тетки, и смотреть, как она строит своему сыночку гараж и дом! А он мне сказал, что я ему больше не брат. Ну, их всех к е... м...

Сестры, не говоря уж о родителях, – все набрали в рот воды. И их тоже к е... м... Галина вышла замуж за своего любовника. Перешла жить к нему, считает, что во всем виноват я, но это не так, с годами она это поймет.

Живем пока у Валиной матери. С 4 октября начали работать оба на радиозаводе. Работа обоим нравится. Вечером оба учимся.

Касли находится между Челябинском и Свердловском, город со всех сторон окружен озерами, в центре – действует церковь, размером не меньше собора Василия Блаженного. Два клуба, один кинотеатр «Россия», одно кафе – вот, кажется, и все. (Кажется, в Касли – художественное литье, иликовка).

Посылаю тебе фото жены.

(Когда я увидел это фото – понял, что страшная судьба у этой женщины, и Володя хлебнет с ней горя. Но ничего ему не сказал – пожалел.)

Хотелось бы фото твоей семьи. Жду, пиши.

Всем твоим привет.

Володя.

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, Боря!

С чего это вдруг тебе захотелось писать роман обо мне? Я не герой, и тем более не типичен, в наше космическое время. У меня куча недостатков, от которых я сильно мучаюсь и не могу их исправить.

(Сон: Скорпион вцепился в него, Змея сжала его своими кольцами, и каждое животное думало только об одном, как бы ни отравить эту открывшуюся душу, прежде чем все успеешь из нее высосать. Ужас какой-то. Я в страхе проснулся.)

И главное, я до сих пор скитаюсь по жизни, и во многом я виноват сам. Эх, если бы я встретил Валю раньше! Через два дня после встречи с нею, у нас все получилось сразу. Нам казалось, что мы уже живем два года, а сейчас кажется, что уже прошло десять лет. Столько пережито за эти полгода. Писать дневник – зачем, и кому он нужен? Да и писать-то в нем нечего.

Галина живет с другим, на развод не подает. Требует от меня деньги, а мои личные вещи не высылает. У меня к ней совершенно ничего не осталось, хорошо, что я вовремя раскрыл глаза. До боли в сердце жаль мальчишек. Я у неё просил одного Андрея и обещал на другого – Максима платить алименты. Так она написала: «Андрей сказал, что у него нет папы». Была бы она человеком, я бы еще не так мучился, ведь она же будет им внушать всякую дрянь. Ладно, это не так страшно, чем то, что было.

Родители живут в Ленинграде, с июня месяца от них – ни слова. Сестры только вот недавно стали писать. Для тетки в Одессе – я враг (не стал строить ей дом). О моем фото ты написал сразу, а о фото жены – ни слова, обидно – ты против нее. Она сейчас болеет, уже полтора месяца в больнице, не могут определить диагноз. Катастрофично теряет вес. Бедная моя Валюха!

Пиши! Все-таки в каком журнале ты работаешь? И еще, соскучился по твоим стихам.

Да, у меня есть одесская цветная обратимая пленка «Орвокалор», и не знаю, где ее проявить, если нетрудно, узнай, можно ли это сделать в Москве?

Пиши! Большой привет всей твоей семье. Володя.

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, Борис!

Получил письмо, спасибо. Редко стал писать. Много у тебя дел, но всё равно никогда все не переделаешь. Что-то ты, по-моему, забыл о литературном институте, почему? Так ли это? Я все еще мечтаю кончить свой радиотехнический, если судьба не закинет меня еще куда-нибудь. Работаю на радиозаводе п./я регулировщиком, сдельно получаю 100 – 250 руб. В магазинах ничего нет, жрать нечего, наверно, придется бросить эту хорошую работу и ехать туда, где лучше снабжение, если только удастся. В двух километрах от нас есть зона – город за колючей проволокой, там снабжение московское. Удастся, значит, будем жить там. Родичи – в

Ленинграде, от них – ни слова. Я тоже молчу, писать первым не буду. Если бы не мать, жил бы сейчас в Одессе. Все-таки очень тяжелый человек – моя мать. Я завидую тебе, что у тебя такая мать, самый большой ей привет от меня.

Послал тебе пленку, обязательно напиши, сколько это будет стоить. Когда уезжали из Одессы, купили фотоаппарат «Смена», а кассет для него не было, пришлось покупать эту пленку, так как она была в кассете. Так что на ней все одесские снимки, сделанные перед отъездом, ты все это увидишь.

И еще одна к тебе есть просьба.

Мне очень нужно достать лекарство, которого здесь нигде нет. Я одновременно написал в Красный Крест в Москву. Но, может быть, у тебя есть связи. Это лекарство называется: контрикал трозилон или тросилон пантрипин. Любое из трех, оно в ампулах – нужно 30 ампул. Если есть, дай телеграмму: лекарство есть. Сразу вышлю деньги, оно очень дорогое – укажи стоимость. Если нет, тоже дай телеграмму. Это лекарство от болезни: панкреатит.

Буду очень и очень тебе благодарен.

Пришли фото своей семьи.

Обнимаю, Володя.

Володя – Борису

Без даты

Борис, здравствуй!

Что-то ты молчишь, не случилось ли что с тобой? Или, может, решил мне больше не писать? Если так, то хоть сообщи. У меня пока все без изменений, работаю на старом месте. Жена сильно болела, это для нее нужно было лекарство, но оно не помогло – организм его не принял. Получил от матери письмо, пишет, как будто ничего не произошло, приглашает жить в Ленинград (это после всего-то). Не поеду, конечно, надоела нервотрепка. Мне и здесь неплохо будет, когда переедем в зону. Все дело в разводе – ждем его не дождемся.

Вот такие мои дела. Что у тебя нового? Как здоровье? Как растет сын? Пиши.

Володя.

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, Боря!

Получил твое письмо, благодарю. Мне виниться не перед кем, я ни у кого не воровал и никого ничем не обидел. Буду жить так, как мне хочется, не смотря ни на кого, и главное – подальше от всех, надоела вся эта не нужная нервотрепка. У меня пока все по-старому. Живу не хуже других. Природа здесь богатая, есть где отдохнуть. Буду постепенно окапываться. Как там моя пленка, если ничего не получается, вышли обратно.

Большой привет всем твоим родичам.
Володя.

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, Борис!

Получил бандероль, большое спасибо, если что должен, напиши. У нас дела обстоят плохо, куда думал устроиться на работу, не вышло, а там квартиру дают через 1,5 года. А больше хороших мест нет, везде работа не по мне, а главное – квартиру ждать не менее 5 лет. Поэтому мы решили лучше ждать квартиру в Одессе. Я еду в Одессу. Валя сейчас лежит в больнице здесь, когда будет выписываться, я за ней приеду. У нее воспаление поджелудочной железы – это главное заболевание, а кроме этого – опущение желудка, гастрит, калит, кислотность равна 0, увеличение щитовидной железы, геморрой, воспаление желчного пузыря, слабое сердце и сильно расстроена нервная система. Здесь обещают все вылечить, кроме панкреатита – это только подлечат. Она 6 месяцев лежала в областной больнице в Челябинске, и ей там дали инвалидность 2 группы. С 1 марта этого года она получает пенсию, а ей всего 25 лет. Очень много ей досталось горя в жизни, на тяжелой физической работе сильно подорвала себя. Но мы с ней духом не падаем, переживем и это. Снова возвращаемся туда, откуда уехали. Вот такие дела. Надеюсь, что мы все-таки когда-нибудь увидимся, посмотрим, кто каким стал.

Пиши: Одесса, главпочтамт, до востребования.
Обнимаю, Володя.

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, Борис!

Получил твое письмо, спасибо. Высылаю анкету. Грузчиком в порт я пошел работать по некоторым соображениям. Это одна из крупных организаций в Одессе, неплохой заработок, легче получить квартиру. В Григорьевке начался строиться самый крупный порт в Союзе, а это ближе

всего будет к моему дому. Я думал окончить курсы крановщиков и перейти туда в будущем. В Одессе есть радиозавод, я бы мог туда устроиться, но есть очень много «но», и самое первое – вопрос жилья, очень трудный здесь, в Одессе. Придется пока строить свой дом. Может быть, мне подойдет и твоя работа, тем более что грузчиком в день ворочаешь 20–30 тонн груза на своих руках. Тяжело, но я помаленьку втягиваюсь, нужно окрепнуть для стройки. Еще меня уже считают «летуном», слишком много мест работы я сменил. Так что у тебя может ничего не получиться по этой причине. Валю из больницы выписали до 1 декабря, предполагают камни в желчных протоках, нашли трещину в какой-то кишке (прямой), она еще похудела на 4 килограмма. Чтобы в Одессе лечиться, нужны деньги. Мне пришлось три раза подряд вызывать «скорую», чтобы Валю взяли в больницу, ждали все, что я им дам рубчик, но все-таки пришлось везти бесплатно.

Пока все, пиши.

Обнимаю, Володя.

Всем привет.

Володя – Борису

Без даты

Борис, Здравствуй!

Получил твое письмо, спасибо за заботу. Скорее всего, мне придется отказаться от твоей работы и вот по какой причине: алименты и жилье. Кое-что узнав, я решил пойти работать в ЖЭК сантехником, оклад 90 руб., есть возможность работать сразу в трех ЖЭКах, в одном постоянно, где у меня будут вычитать алименты, а в двух – по совместительству на полном окладе – получается 90+90+60 руб. Это с одной стороны, а с другой – сантехнику в ЖЭКе положена квартира, так что есть надежда получить скоро жилье. На любой другой работе я не смогу работать по совместительству. Вот такой вариант я и решил осуществить. Я бы смог устроиться на радиозаводе, у меня есть такая возможность, но в настоящее время мне это не подходит. Живем пока у моей тетки. Приезжал отец, сейчас приехала матушка. Все решили помочь мне построить дом, посмотрим, что из этого выйдет. Матери с отцом место здесь очень понравилось. Хотели бы обменять на Одессу свою квартиру из-под Ленинграда, но, наверно, это не удастся, так как в Мгу ехать никто не захочет.

Вот такие у нас дела.

Как говорится, все, что ни делается, все к лучшему. Самое главное, не падать духом, и будет все О'кей.

Пиши. Большой привет родным.

Обнимаю, Вова.

Володя – Борису

1975 год

Здравствуй, Боря!

Получил твое письмо, которое, видно, было ответом на мое, так как последнее письмо писал я. Ты прав, времени очень и очень мало, уже кончается август, а я только стал накрывать крышу. Строить не так тяжело, но плохо, что один, очень медленно все двигается. У нас произошли здесь небольшие изменения: Юрка, что жил здесь с семьей, развелся с женой, она уехала, он почти здесь не живет, так как у него в городе любовница. Немного свободнее стало дышать. Валюша отработала свое положенное на базе отдыха, работала по 12 часов без выходных. Сейчас легла в райбольницу, что-то у нее с зубом, стал душить. В декабре у нас должен кто-то родиться.

(Как может кто-то родиться, когда ей вырезали яичники, о чем он писал раньше?).

Живем с ней мы отлично, лучше жены мне не надо, даже мать изменила о ней свое мнение, и та молодая тетка о ней очень хорошо отзывается. Только эта тетка с братом о ней плохого мнения, от них все и исходит. Брат сейчас в отпуске, достраивает свой дом, со мной не здоровается и не разговаривает, по-моему, это на всю жизнь, такой у него характер. Мне на него наплевать, не собираюсь перед ним унижаться. Мать моя из-за этого запретила сюда приезжать моим сестрам, и, по-моему, зря.

Стих твой мне понравился, а Валя сказала, что нет души в твоих стихах. В октябре, если не знаешь, куда ехать, приезжай к нам сюда, хоть подышишь морским воздухом.

Пиши, жду. Да, ты очень удивил меня. Это здорово, что ты поступил во ВГИК! Молодец, я от тебя этого не ожидал! На будущий год я буду поступать.

Пиши. Обнимаю, Вова. Привет всем твоим.

Борис – Володе

06.03.76

Здравствуй, Володя!

Как твои дела. Что-то давно не пишешь. Я учусь во ВГИКе с большим удовольствием. Хочешь посмотреть, как? Взял тебя и других своих друзей, собрал в бригаду на судостроительной верфи (где когда-то проходил практику от института). И написал о них контрольную работу - план киноновеллы

«Почин». Прикинул, какие у вас черты характера, и как вы можете себя повести в конфликтной ситуации на производстве.

Идейно-тематический замысел сценария. В основе киноновеллы лежит конфликт, возникший из-за того, что передовая бригада отказалась поддержать почин судостроителей верфи – повысить нормы выработки на 5 процентов, и в наказание была переведена начальником цеха (со сборки приемно-транспортных судов) на неквалифицированную малооплачиваемую работу (собирать моторные лодки). Основная мысль автора – пользу приносит только честное отношение к делу; поэтому только честное отношение к трудовому почину может принести экономический и моральный эффект.

Конечно, пришлось кое-что приврать. Вот характеристики Рябова и Недомеркова, например, то есть тебя и Толика.

Володя Рябов – сварщик второго разряда, 28 лет, коммунист, отвечает за технику безопасности в бригаде. Активный общественник, участник художественной самодеятельности, не идет – танцует, играет на гитаре (это я приврал о тебе). Кончает сварочный техникум. Давно бы Володя получил повыше разряд, если бы не отнимали у него время его пляски и учебники. Он первый возмутился, что бригаду перевели на низкооплачиваемую работу, и собрался жаловаться в партком. Но все разрешилось до жалоб.

Толик Недомерков – резчик 3 разряда, черный, маленький, голубоглазый. Комсомолец, 25 лет. Уже успел побывать по комсомольской путевке на строительстве линии электропередачи в Тайшете. Там его стукнуло по голове срубленной сосной. Попав в Новосибирск в больницу, он подготовился к сдаче экзаменов в университет. Поступил, но бросил и вернулся в родной город. На судовой верфи работает недавно, готовится получить 4 разряд. Жизнь его бьет, но он выворачивается, у него большая оптимистическая живучесть. Это он, Толик, сумел доказать бригадиру, своему тезке, что не поддержать почин нельзя. Он не говорит громких фраз. Просто многому научился у тех, с кем строил ЛЭП-500 в тайге, где чуб примерзал ночью к стене барака, а денег хватало только на хлеб и табак.

Узнаешь? Толик больше похож. Но не пыли! Это художественный вымысел.

Рассказывать содержание не буду. Просто скажу, что сюжет взял из своей ранней публикации в астраханской газете. Мне рассказали сами рабочие, как на самом деле рождаются эти трудовые почины. Показуха.

Пиши. Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, Борис!

Пожалуйста, извини, что так долго не мог выполнить твою просьбу. Как ты уехал, установилась хорошая погода, и все свободное время уходило на строительство. Мы наняли человека, и я не мог из-за этого вырваться в город. Сейчас он закончил работу: выложил стены дома, остальное я буду делать все сам. А Валя все это время лежит в больнице. Всей стройкой руководит мать. Вот сделаем еще крышу, и она уедет. Вот такие дела.

Что нового у тебя, пиши.

Обязательно сообщи получение чулок–сапог.

Пиши на адрес: Одесская область, Коминтерновский район, с. Фонтанка, ул. Набережная, 43.

Обнимаю, Володя.

Хотел вложить в письмо твою «Театральную Одессу», да забыл в Фонтанке.

Большой привет от Вали.

Еще раз – пиши.

Вспоминай почаще об Одессе.

Огромный привет Лиле.

Борис – Володе

16.03.77

Здравствуй, Володя!

Решил тебе написать немного о высшем – поэзии.

Мой друг Мамаев присылает мне свои черновики, по которым я занимаюсь самообразованием. Это в дополнение к институту.

Тристан Корбьер, родоначальник символизма в поэзии. Мне хочется написать о нем эссе. Тристан – это имя его любимой собаки. А дом у него – интерьер корабля. Он написал знаменитую книгу стихов «Желтая любовь». Далеко не каждый француз в ней может разобраться. «Стих под ударом хлыста», сказал о нем Реми де Гурмон в знаменитой книге масок». Мелкий жулик и байронист, с проблесками гения... Я бы начал так свое эссе.

Высокая, худая, искривленная романтизмом старуха в грязных бесконечных юбках и рваной желтой кофте буквально хватала тощими руками редких прохожих, бормоча что-то нечленораздельное на ломаном итальянском языке. С трудом можно было понять, что она просит на пропитание. Который день появлялась эта старуха на центральных улицах Генуи. Люди шарахались от нее, но кое-что подавали, стараясь не смотреть на изможденное, как у чахоточной, серое лицо. А напрасно шарахались и не смотрели. Можно было и заметить, что взгляд у старухи цепкий, внимательный, осмысленный. Один досужий полицейский все же заметил это. И как старуха ни отпиралась и ни царапалась, привел ее в участок.

Документов у нее никаких с собой не было. И ее препроводили в тюрьму, до выяснения личности.

На фронтоне геноуэзской тюрьмы огромными буквами сияло, как что-то несбыточное, слово «СВОБОДА».

- Свобода, - ухмыльнулась старуха и расхохоталась в лицо сопровождающего ее полицейского.- Свобода - здесь в тюрьме!

Это маска старухи – гениальный поэт Тристан Корбьер. Почище Франсуа Вийона.

С Корбьера началось новое искусство. Он швырнул свой том в переносицу века, по словам Верлена – короля поэтов Франции. С 16 лет он ушел из лица в матросы – допризывник романтики. Но море ему не далось, раз 20 тонул. Ревматизм сделал из него калеку. И он замкнулся, чтобы не стать для друзей обузой. У него был лишь один лучший друг – и тот собака. Юмор его стал желчен и зол. Он мог бы превратиться в мизантропа, но открылся поэтический талант. «Я не знаю искусства, искусство не знает меня», сделал признание автор чудовищной книги «Желтая любовь». Самоучка взялся построить здание и создал грандиозное, дерзко попирая классические формы и каноны. Помнится, гениальный Мольер так же считал: чтобы создать свое, нужно забыть все старое. Подчеркиваю – забыть. А Корбьер и не знал. Антокольский и другие считают Рембо – родоначальником символизма. Но все символисты выросли из Корбьера, в том числе и Верлен. Изъездив Италию, эпатируя своими выходками Геную, Тристан Корбьер вернулся в свою любимую «флибустьерскую дыру» - Роскофф. Он любил свою Бретань. Его книга не разошлась. А через два года после ее выхода он умер. Наконец, Верлен написал эссе в восторге о ней. И Корбьер вошел в классику.

Хочется сначала перевести хотя бы одно стихотворение Тристана Корбьера «Свобода». Мамаев прислал мне его подстрочник.

А ты говоришь, я ничего не читаю.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, Борис!

Получил твое письмо.

Дела мои плохи, но не падаю духом. Валя опять в больнице, в роддоме – угрожающий выкидыш. Я всеми силами стараюсь закончить хотя бы одну комнату, но не хватает рук на все. Два раза срывало шифер с крыши ветром и завалило одну стену на 10 см. – нужно перекладывать. Приезжала мать, сначала было, вроде бы, все хорошо, даже хвалила свою невестку. Но как повидалась с тетей Надей, принялась опять за свое, как при тебе.

(Я не помню, что был у Рябова в Одессе, хотя то, что был в Одессе, помню. Помню и оперный театр – с одного конца белье на веревке, с другого – раздавленная крыса на асфальте, а в середине – почти театр Ласкала.)

Конечно, был скандал. Я ей сказал, чтобы она уезжала в свой Ленинград. Она уехала, но перед отъездом сказала, что с этого дня я ей больше не сын, и ее дом для меня навсегда закрыт. Что она от меня хотела, я не знаю, может быть, развода, а что бы он ей дал? Но я понял, что она будет мне мстить всю жизнь, только за то, опять этот вопрос. А тетку еще не видел после матеренного отъезда. Хотели мы с Валею продать то, что построили (Вот чего тетка подбивала сделать!), но сейчас нет покупателей, нужно продавать летом. Так что сейчас Рязань отпадает, да и страшновато сейчас туда ехать, ведь почти ничего не известно. Вот такие мои дела.

Как твоя учеба? Это то, что ты хотел? Как семейная жизнь?

(Я уже был разведен с Лилей.)

Поздравляю тебя с днем рождения и праздником Октября!

Желаю всего хорошего!

Большой привет от Вали.

Володя.

Володя – Борису

Без даты.

Боря!

У нас родилась дочь! Вопреки твоим прогнозам!

И вообще больше думай о своей семье.

А с Люськой ты поступил тогда, как самый настоящий подлец. А Толька Недомерков подлее в сто раз. У вас с ним нет мужской чести по отношению к женщинам, хотя сами от них требуете чести.

Прости, но ты это заслужил. Володька.

ПИСЬМО АВГУСТЫ ВАСИЛЬЕВНЫ

Августа Васильевна – Володе

Без даты.

Здравствуй, Володя!

Я, Августа Васильевна, сестра Африкана Васильевича, Вашего отца. Все Ваши письма к Аркадию Васильевичу я читала. Только вот последнее он не принес, сказал, что Вы отказываетесь с ним переписываться. Мало он Вам сообщил об отце. Очень жалею, что не я с Вами начала переписываться, ибо только я могу рассказать о нем, как никто из нас. Я у Африка (разрешите, я буду так называть своего брата, Вашего отца) воспитывалась (самая младшая в семье нашей), а потому могу бесконечно о нем рассказывать. Знаю его совершенно, все его мысли и помыслы.

Аркадий Васильевич просто не справился с этим, да рос он отдельно от нас, сам один.

(Аркадий Васильевич очень деликатно говорил с Володей, не чернил ни отчима, ни мать Володи, а тетя Гутя порицает мать Володи, значит, знает причину.)

Все мы очень долго ждали той минуты, когда хоть что-нибудь получим о Вас. Мы так все горим желанием встретиться с Вами, с нашими внуками, всей семьей. Для нас всех многое значит *сын Африка*.

Вы пишете, все должно остаться по-прежнему. Как? Что это значит, Володя? Я понимаю так: не знать отца родного, забыть его, не произносить имя отца. Нет, этого не должно случиться. Очень хочу, чтобы сын Африка знал своего отца, гордился им. Хочу, чтобы и внуки Африка знали о нем, кланялись низко своему замечательному деду.

(Как дети Володи будут знать деда Африка, когда отца такого знать не хотят? Трагедия!)

Володя, не всем выпало на долю такое счастье – иметь такого отца и деда, как Африк.

Горжусь своим братом.

Не сужу твою мать, а просто считаю, она не права. Давно настало то время, когда нужно было Вам рассказать об отце.

Другое дело, если бы он был какой-то негодяй, но Ваша мать прекрасно знает, что такое Африк: это человек, с которого должно брать жизнь. Зная все о своем отце, разве Вы могли бы изменить свое отношение к отчиму, нет, конечно, как это можно, он ведь воспитал Вас. Вы должны были знать своего отца родного, знать так, как он этого заслужил. Не его вина, что ему пришлось быть недолго отцом и очень мало пожить на свете.

Я самая младшая в семье, мне было год, когда у нас умерла мать. Только немного подрос Африк – лет 14, он уже взял нас, двух младших, на воспитание. В то же время Аркадий уехал учиться, Африк же этого сделать не мог, и он долгое время не учился. Африк был одаренным, в 14 лет, он в то время уже закончил среднюю школу (среднее образование тогда составляло 9 классов). Но ему пришлось работать и кормить нас, а это были страшные

годы, холодные, голодные годы. Он спас нас от голодной смерти. Африк заменил мне отца, мать, был моим братом и другом. До конца своей жизни. Мне сейчас 53 года. За свою жизнь я больше не встретила такого удивительного человека. Вам, Володя, наверное, понятно, что значил для меня Африк, Ваш отец.

До сих пор о нем плачу, до сих пор жду его, иначе я не могу жить.

Опишу другую картину.

Африк женился, ему было 26 лет, а в 28 лет погиб уже. Хочу другое здесь сказать.

Какой он был прекрасный муж, а потом отец. Я все помню, все перед глазами, как будто вот сейчас все. Как он был рад, что родился сын. О... как мне рассказать об этом: как он любил своего сына, нет, это надо было видеть, а рассказать об этом я не в силах. Помню, он каждый месяц фотографировал Вас, завел особый альбом.

Так в чем же он виноват перед Вами, Володя, и перед Любой, твоей матерью? Почему она захотела стереть память о нем, может быть, потому, что не было никакой выгоды помнить его и чтить его имя.

Ваш отец защищал Родину. Какие могут быть сомнения? Только гордость за отца. Зачем скрывать, что у Вас есть родной отец?

Погиб он героем, честно и мужественно, правда, не награжденным и неизвестным, не усыпана его грудь орденами, не похоронен он с почестями, а растерзано его тело фашистами.

...А сколько их, Володя, таких удивительных, замечательных людей, погибло – не награжденных, их не успели наградить, и узнать о них не успели в этом аду 1941 – 1942 годов. *Мне кажется, мир стал хуже без них.* Народилось ли столько честных и мужественных людей, сколько их погибло? Не знаю.

Я низко кланяюсь им, замученным, безымянным героям. Да, вечная слава им.

А Вы, Володя, говорите, пусть все останется по-прежнему! Это надо понимать так: не будет в твоей семье произноситься имя твоего отца.

Нет, я не верю в это. Не верю, чтобы сын Африка мог это сделать, так поступить со своим отцом. Скрывать его имя в своей семье, бояться, что он знает своего родного отца. Я не верю, что Вы можете это сделать. Не может и отчим этого не понять и обидеться. Как же он может этого потребовать? Это бесчеловечно с его стороны будет. Африк не бросил сына, он любил его больше жизни. Я тоже не верю, чтобы отчим этого не понял.

Вы все-таки один у Африка. И кто же его должен до последнего дыхания чтить и всегда помнить о нем? – *Сын.*

Я своим внукам буду рассказывать об их деде – Африкане. Никогда не померкнет о нём память в моем сердце.

Представляю, как Африк был бы рад своим внукам Андрею и Максиму. Мне так тяжело смириться с мыслью, что Африка нет. Я не могу его похоронить, не могу. Он жив для меня.

В Одессе есть человек, который знает Африка в его школьные годы, учился с ним. Вы могли бы услышать об отце из чужих уст.

В Красноярске есть человек, который служил с Африком в одной дивизии. В Красноярске же живет человек, который с Африком вместе ходил на боевое задание, задание было выполнено, дивизия вышла из окружения, а их с Африком захватили фашисты. Африка на его глазах замучили. Он никуда после войны не сообщил, так никто о нем ничего не знает, и мы не знаем, просто случайность (подробнее потом).

Африка взяли на фронт в конструкторское бюро. Это бюро находилось на фронтовой полосе. Африк писал мне, что я напрасно плачу и беспокоюсь о нём, что он в безопасности, что его очень берегут, носят «на руках». В то же время писал, что хочет попасть на курсы одномесечные по подготовке офицеров, что тогда он будет иметь возможность помочь семье материально (семье офицера выплачивали какую-то сумму денег). Но его из конструкторского бюро не отпускают.

Больше от него я писем не получала, сама же писала по этому адресу, ответ получила от других, что Африк ушел на боевое задание и не вернулся. Задание было выполнено, больше я ничего не могла узнать, поступил ли он на курсы офицеров или не успел. Только спустя несколько лет после войны, Аркадию удалось узнать то, что я писала выше. Я не пишу подробно, не знаю, писал ли Вам об этом Аркадий Васильевич. И будете ли Вы со мной переписываться, тоже не знаю, да и в одном письме все не опишешь.

Отец Ваш был на редкость одаренным человеком, большим талантом, большой души и доброты, это удивительный человек. Хотите знать отца? С удовольствием все о нем расскажу. Старший брат приехал в Новосибирск, впервые от нас услышал о Вас. Взял Ваш адрес, хочет написать Вам. Уже старый, 1906 года рождения. Был на фронте, пришел, правда, плохо слышит, контужен был. Он человек небольшой грамоты, уже после войны в вечерней школе закончил семь классов. Очень хочет видеть Вас. Он тоже будет Вам писать об отце, конечно, как о человеке; что было с Африком на фронте, он не знает, ибо сам был на фронте. На фронте у нас было пять человек, трое погибли в 1942 году, не успев узнать даже адреса друг друга. Александр Васильевич, наверное, не переписывался с Африком. Знаю, конечно, я больше о его фронтовой жизни и, наверное, твоя мать. Люба не знает, конечно, при каких обстоятельствах погиб Африк. Она поставила своей целью, чтобы ты не знал об отце. Она очень и очень не права. Я не могу ей этого простить. Как это можно забыть Африка? Извини мое возмущение, Володя. Я очень люблю брата, у меня ничего нет дороже его. Его невозможно не любить.

Пойми меня правильно. Я обижаюсь не на то, что Люба вышла замуж, это глупо на это обижаться. Но сделать так, чтобы сын не знал отца, она знает, что Вы значили для него, он очень хотел, чтобы, что не случилось с ним, сын узнал о нем. Неужели он и этого не заслужил – выполнить его желание? До свидания, Володя. Я совершенно растерялась. Крепко целую, Августа Васильевна. Очень жду письмо.

ГЛАВА III

ПИСЬМА АФРИКАНА ВАСИЛЬЕВИЧА СЛИВКИНА

Африкан Васильевич – Поте

09.07.40

Адрес Александра:

г. Сталинск, Новосибирской обл., Таргайский губ. Санаторий,
Сливкину.

Адрес Аркадия: (домашний не знаю)

г. Красноярск, Судоремонтный завод (затон), Сливкину

Адрес Льва напишет Августа. Он в Средней Азии вместе с Серафимом.

Августа сильно болела. Ей делали операцию и хотят (техникум) отправить на курорт. Сейчас она очень слабо себя чувствует, и приехать в Новосибирск, наверное, не сможет. Приезжай лучше, Потя, сама к нам. Посмотришь, как мы живем, какой у тебя племяш растет.

Я, по всей вероятности, в этом году в отпуск не пойду по ряду обстоятельств, а если и пойду, то не раньше августа месяца. Сейчас у меня много работы на заводе, поэтому даже на пять дней, и то не отпустят. Пока все. Пишите подробнее о ваших путешествиях.

Наш домашний адрес:

г. Красноярск, 11 участок Красмашзавода, д. 24.

С приветом, Африк и Люба.

9/VII-40 г.

Вовку посмотреть, наверное, Потя, приедешь. Ждем.

Африкан Васильевич – Аркадию

С фронта

14.01.42 г.

Здравствуй Аркадий!

Вот уже скоро семь месяцев как я на фронте. Тебе писал только одно письмо, но к сожалению не получил на него ответ. Особенно тебе писать не пытался, конечно, обижаться на это не следует, я о тебе кое-что знаю через

Любу, а ты обо мне, опять же через нее, знаешь все, что возможно, конечно, в настоящих условиях. Жду от тебя письма, но никак не дождусь. Люба писала, что ты написал мне три письма, но я не получал еще ни одного. Но это не так важно. Когда-нибудь да все же получу.

Вкратце о себе. Многое ты уже слышал от Любы.

Около трех месяцев наши части были в резерве на укрепрайоне. Затем пошла заваруха. Укрепрайон немцами был обойден, и нам пришлось отступать, конечно, с боем, и с крепкими боями. Во время отступления наша дивизия потрепала изрядно несколько немецких дивизий. Иногда немцев набивали целые горы, горы трупов. Никто никогда не видел и не представлял, что может лежать столько трупов в одном месте. Бывали отдельные случаи, когда за два дня боев уничтожали до двух тысяч немцев, сравнительно с небольшими потерями в нашей дивизии.

(Почему-то на этом письмо оборвано).

Африкан Васильевич – Августе

С фронта
апрель–май 1942 г.

Здравствуй, Августа!

Узнал от Любы, что ты мне писала письма. Я же от тебя еще ничего не получал и не знал до вчерашнего дня, где ты находишься.

Перед отъездом на фронт тебе звонил раза три, но не мог дозвониться. Сейчас уже 11-й месяц на фронте. Наша дивизия бьет немцев по всем швам, которые под натиском наших бойцов дают порядочные трещины, за боевые дела нашей дивизии присвоено звание гвардейской. Ты – сестра гвардейца.

Чувствую себя хорошо, обо мне не беспокойся.

Получил письмо от Льва. Пишет, что был бы рад, если бы я написал ему письмо. Сегодня отправлю и ему.

Пиши о себе, как живешь, как работа, как ешь. Где Потя? Я слышал, что Никандр тоже на фронте.

Если после войны встретимся, то можно будет многое кое-что рассказать страшного, ужасного, жестокого, хорошего и плохого, печального и веселого.

Пока все. Пиши, адрес на конверте. С приветом...

Очень соскучился по дому, по семье.

Африкан Васильевич – Августе

С фронта
08.06.42

С далекого фронта Отечественной войны мой братский, горячий привет.

Получил от тебя первое письмо, Августа. Благодарю. От всего сердца благодарю, Гутя. Но сколько упреков?! Зачем это? А какой порыв, душевный порыв! За это, за эту, хотя и мимолетную, можно сказать, откровенность так же благодарю, и приветствую это. Да, твое письмо порядком меня озадачило, и в то же время обрадовало.

Из твоего письма, прежде всего, видно, что ты свободна от каких-либо посторонних влияний, у тебя еще нет друга, которому бы ты могла «излить» свою душу, высказать то, что обычно не говорится громко, вслух, а передается другому только на бумаге. Потребность же высказаться у тебя большая. Если хочешь избрать пока этим человеком меня, то это вполне естественно, и выбор будет, я думаю-таки, не плох. Времени у меня достаточно (*ирония – никакого*), чтобы уделять внимание твоим письмам, а желание также имеется. К тому же, мы, может быть, больше с тобой не встретимся (*убьют*), и наша переписка останется для тебя последней обо мне памятью. Вообще-то говоря, безусловно, будем надеяться, что после окончания войны обязательно встретимся.

А к этому твоему первому письму мне, я надеюсь, мы еще вернемся. Сейчас мне не хочется высказываться по этому поводу, но поговорить есть о чем.

То, что я от тебя не ждал письма, это, конечно, вздор. Я почти в каждом письме к Любе спрашивал твой адрес. А она все забывала его мне прислать. Наконец, недавно я от нее получил твой адрес и сразу же написал тебе письмо (ты, наверное, теперь его получила).

Перед отъездом мне, конечно, хотелось тебя увидеть, мы с Любой тебя все время ждали, я пытался несколько раз до тебя дозвониться, но ничего не получилось. Так и уехал.

Пока хватит, пиши обо всем, буду рад получать твои письма.

Я чувствую себя вполне удовлетворительно. Особенно обо мне не беспокойся.

С приветом, брат (подпись)

(Это последнее письмо Африка к своей сестре.)

ВОЛОДЯ - БОРИС

Володя – Борису

Без даты

Борис!

Молчишь? Молчи.

Можешь не считать меня другом, но для меня ты остался тот же, кем был. Все, что было в твоей личной жизни, я не стремился презирать и осуждать. В дружбе мы должны были понимать друг друга. Страшно то, что все годы нашей дружбы мы были разными и чужими. Мне очень бы хотелось, чтобы я ошибался в этом. Многие считают свои поступки правильными, а чужие – осуждают.

Пришли письма.

Володя.

(Я вернул ему письма его родного отца Сливкина Африкана Васильевича.)

Володя – Борису

03.12.77

Здравствуй, Борис!

Если ты не забыл старого друга и если он тебе еще друг, и ты бы хотел восстановить контакт, ничего больше не пишу, а жду твоего письма.

Владимир.

(На это раскаленное письмо я ответил как можно теплее. И Володя оттаял.)

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Перелопатил все полученные письма и наметил три десятка основных вопросов, на которые нам предстоит найти ответы. Даже завел конверты на каждый вопрос. В них три раздела: первый – по письмам Африкана Васильевича; второй - по письмам Аркадия Васильевича; и третий – отношение к Африку твоих родителей и всех Сливкиных.

Володя, ты не можешь узнать у сына одесской тетки или у кого-то другого о том, кто точно тебя разыскивал? Это очень важно. Ведь Аркадий Васильевич тебе в этом не признался? Потом можно спросить у этих людей, почему они стали тебя разыскивать? Думаю, что это старая и молодая Августы.

Что ты написал в письме к Аркадию Васильевичу, о котором он пишет 9.3.72?

О чем писала Августа в письме Африку, на которое он ответил письмом от 08.06.42 года? Какие упреки, что за мимолетная откровенность в ее письме была?

По какому поводу не хотелось высказываться Африку в этом ответе Августе 08.06.42 года?

Твой отец с твоей матерью жили отдельно от семьи Сливкиных, где жили те и другие в это время?

Почему Африк не знал адреса своей сестры Августы, а твоя мать знала, но не хотела долго этого адреса сообщать твоему отцу на фронт, ссылаясь на забывчивость?

Получила ли Августа первое письмо Африка с фронта, о чем оно?

Почему не получилось прощания Африка с Августой перед его уходом на фронт, как это объясняет она и твоя мать?

Видимо, Сливкины не любили твою мать и не хотели общаться с ней до ухода твоего отца на фронт?

В чем размолвка у Африка с Августой (да и с другими, кажется, братьями и сестрами), если он даже не знал ее адреса, уходя на фронт?

Извини, если много, и что на некоторые вопросы вообще нет ответа.

Почему все-таки молчала о твоем родном отце родня по материнской линии, чем они оправдывали твою мать и Валентина Яковлевича?

Чем оправдывали мать с отчимом просьбу (клятву!) и чем объясняют свое согласие Сливкины забыть о тебе и не сообщать тебе о родном отце? Этот вопрос до того трудный, что на ответ не надеюсь.

Может быть, узнав, что отец пропал без вести, мать твоя испугалась, что он попал в плен, а за это не миловали, поэтому она решила отрешиться от него, спасая себя и тебя от последствий, поэтому и не велела никому говорить тебе о родном отце? Все письмо Августы говорит о том, в подтексте, что из-за плена они «забыли» отца твоего.

Как узнала Августа Васильевна о «гибели» Африка? Она встретила с человеком, на глазах которого его замучили фашисты?

Как посмотрели в твоей семье тогда, когда ты начал искать родного отца? Что думают Андрей и Максим о том, что ты нашел родного отца? Как они, в связи с этим, стали в тот момент относиться к Валентину Яковлевичу?

Как посмотрели мать и отчим на то, что ты стал искать родного отца (ты слишком скупоб об этом написал)?

Что говорит твоя мать об Африкане, ведь она его любила и не дождалась? А что она говорит обо всех Сливкиных?

Как твои сестры относятся к Африкану Васильевичу и к твоим поискам родного отца и его родни? Выходит, сестры тебя надоумили на поиск родни (ведь тайна об Африкане Васильевиче открыта родней по материнской линии)? Знали ли они, что ты их сводный брат? А не признавались тебе по просьбе отца с матерью?

И как вообще родня по матери отнеслась к Африкану Васильевичу, к Сливкиным, к тебе, когда открылась тайна о его существовании? Были ли у них контакты хоть с кем-то из Сливкиных все это время?

Как отчим и все Рябовы относятся к родне твоей матери? А как ты относишься к родне Рябова, и как они – к тебе?

Кстати, кто по национальности Сливкины и родня твоей матери? Ты для меня вообще был похож на чеха? Видимо потому, что учился в Чехословакии.

Володя, как ты относишься к своим двоюродным братьям и сестрам Сливкиным, есть ли у вас точки сближения, как они приняли тебя, как отнеслись к твоим поискам родного отца?

Встречался ли ты с семейством Аркадия Васильевича и с ним самим? Какие отцы – остальные Сливкины, братья и племянники Африкана Васильевича? Знали ли все Сливкины об Африкане Васильевича и о тебе?

Какая обстановка в доме Аркадия Васильевича, и какие были встречи с его семейством. Как встречала тебя старшая дочь Аркадия Васильевича Сливкина – Тамара и другие родные Сливкины?

Чувствуешь ли ты вообще родственное отношение к другим Сливкиным? Кто из них кажется тебе ближе по душе и почему? Кто вызывает неприязнь и почему?

Конечно, на этот рой вопросов ты не сможешь ответить за всю свою жизнь. Я себя не останавливаю только потому, чтобы ты понял, как все сложно.

Слушай, Володя, может лучше нам нарисовать генеалогическое дерево твоих родственников по отцу (такое ветвистое, кедровой) и по матери (от дедов до внуков)? Вот, например, я уже путаюсь, кто такие Герман и Владимир – младшие братья Аркадия Васильевича, двоюродные или родные, тогда почему самая младшая – Августа Васильевна? Кстати, Августа Васильевна к тебе сразу стала обращаться на Вы, а потом? А кого Аркадий называет мамашей (81 год)? Мачеха, что ли, ведь мать-то умерла давно? Вопросы, вопросы...

Володя, а может быть, тебе лучше было не ворошить всего этого, не знать о существовании родного отца, Сливкиных, всего этого родного корневища, о котором ты даже не догадывался, этой цепи проблем, склок, обид, сочувствия того мира Сливкиных, от которого ты был в неведении отчужден, не раскройся эта тайна так случайно? Или тогда бы ты до конца своих дней так и не понял, почему так сложилась твоя жизнь в семье? Почему ты рос одиноким, как я в душе сочувственно тебя называл «гадким утенком»?..

Ладно, не пыли. Мы найдем твоего отца.

Когда будешь отвечать – указывай, пожалуйста, вопрос.

Будь здоров. Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, дорогой Боря!

Отвечу на твои вопросы, на какие пока смогу.

В первом письме Сливкину я ничего особенного не писал. Это было первое мое письмо по адресу адресного бюро. Я не знал, кого я нашел. Поэтому написал очень коротко, примерно такое: «Уважаемый тов. Сливкин Аркадий Васильевич. Если вы что-нибудь знаете об Африкане Сливкине и его сыне Владимире, прошу ответить мне по адресу...» И больше я ничего не написал.

Как мои сестры относятся к Африкану Васильевичу и к моим поискам родного отца и его родни? Из письма моей сестры Ольги:

«Вовочка, ни с отцом, ни с матерью я никогда не разговаривала о твоём отце, но, думаю, что мать догадывается, что ты рассказал мне об этом. Танечке (я Тане не рассказывал) я рассказала, так что она тоже в курсе дела.

И Таня, и я отнеслись к этому известию спокойно, но не равнодушно, как тебе показалось. Это вполне понятно, так как это известие никак не изменило наши отношения друг с другом и с родителями. Думаю, что я бы, на твоём месте, тоже отыскивала родственников и стала поддерживать хотя бы самую элементарную связь. И, вообще говоря, я в этом не нашла ничего сенсационного (когда обмыслила все сама), ведь, в конце концов, наши родители обыкновенные люди, пережившие войну, и, наверное, было бы более удивительно, если бы она никак не повлияла на их судьбу. Мне кажется, что и тебе не стоит слишком акцентироваться на этом обстоятельстве, ведь коренных изменений в твою жизнь оно не внесло».

Мои взаимоотношения с родней Рябова безразличны с обеих сторон.

Потерпи, на следующий вопросы – в следующий раз отвечу.

Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, дорогой Володя!

Судя по ответу твоей сестры Ольги, можно предположить и то, что она (или Таня, или обе сестры) знала все-таки о Сливкине. Тогда психологически понятны такие фразы: «Я отнеслась к этому известию спокойно, но не равнодушно». «Не нашла в этом ничего сенсационного». Понятно, что она вступает за родителей, что боится тебя ранить, пытается успокоить. И с матерью разговор был, это подтверждается фразой: «Но думаю, что мать догадывается, что ты рассказал мне об этом». Но все это лишь мои предположения. Хотя сестры могли и не знать раньше о Сливкиных, потому что Рябов этого не хотел.

(Оно и понятно, ведь они не родные Володе, только он об этом не знал.)

Мне интересно узнать какие-то эпизоды твоих встреч со Сливкиными.
И опять несколько вопросов.

Говорил ли ты об отце с его одноклассником в Одессе, что узнал от него, если говорил?

Встречался ли ты с человеком, который служил с отцом в одной дивизии (из Красноярска), о чем он рассказал, если встречался?

Говорил ли ты с однополчанином отца, на глазах которого в плену его мучили фашисты?

Не пыли, не нервничай. Все сразу не узнаешь. Я даю ориентир – что нужно узнавать? Курочка – по зернышку...

Пока. Пиши. Борис

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, дорогой Володя!

Давай поговорим о твоём отчине. Откровенно говоря, мне жалко человека, который вложил всю душу в тебя, и вдруг его лишают отцовского звания. Не надо его терять. Пусть у тебя будет два отца.

В связи с этим, у меня к тебе несколько вопросов.

Когда твоя мама зарегистрировалась с Рябовым? Учти, что 10.08.42 Лев ещё писал Африку (не получил ответа), а 21.08.42 дядя Саша писал: «об Африке ничего не слышно», а ещё 07.01.42 (проверь дату) Аркадий писал: «Про Африка есть версия, что будто бы попал в окружение или, возможно, в плен».

Знал ли отчим твоего отца Африкана Васильевича живым, были ли у него какие-нибудь связи со Сливкиными до его женитьбы на твоей матери? Писала ли ему твоя мать об отчине на фронт? Не об этом ли знакомстве твоей матери с Рябовым написала твоему отцу Августа Васильевна в первом письме ему на фронт?

Как все-таки на самом деле относится Аркадий Васильевич к Любове Михайловне и Валентину Яковлевичу – в письме он тактичен?

Ну, больше пока не буду тебя терроризировать.

Пиши. Борис.

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, дорогой друг Боря!

Высылаю копию открытки моего отца, которую он написал мне, маленькому, с фронта.

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

Штемпель
Томск

15.6.42

Дорогому Вовочке
на добрую память от папы
с далекого фронта
Отечественной войны.
Не забывай своего
папу, будь здоров, и
расти большой на
радость папе и маме.
С приветом
твой папа (подпись)
26.5.42 г.

Штемпель
полевая почта № 493

29.5.42

г. Томск, Новосибирской обл.
Самусьский судоремзавод
ул. Томская, дом № 3
Сливкину Владимиру Африкановичу
(через Никитину Любовь)
(Просмотрено военной цензурой)

Никитина Любовь – моя мать. Мать жила не в Томске, а в Самуськах, то есть Самусьском Затоне, где жили ее мать и отец, мой дед и бабушка. Этот Затон находится недалеко от Томска. Открытку мне переслал Аркадий Васильевич. Пиши. Всего хорошего. Вова.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, дорогой Володя!

Твой отец писал открытку 26.05.42 – уже тогда, видимо, были причины тому, что он послал ее через Никитину Любовь. Может быть, он уже знал о связи матери с Рябовым? Попробуй выяснить, почему открытка оказалась у Аркадия Васильевича.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

Без даты.

Здравствуй, Боря!

Продолжаю отвечать тебе, как следователю, по существу заданных вопросов.

Большинство Сливкиных принимали меня, как родного, и мне показалось в большей степени те, кто больше любил Африка. Жил я всегда у Августы Васильевны, тети Гути. Ее все зовут Гутя. Она больше всех мне рассказывала об отце, у нее были все его документы и фотографии, на фото во время войны, наверное, сделаны надписи ее рукой, что она ждет его.

И еще – у меня от всех встреч осталось чувство, что во мне больше видели не сына Африка, а самого Африка. Это чувство было и приятно, и неприятно. Приятно, что все уважают и любят отца, и что я чем-то похож на него. Неприятно, что меня самого почти не замечали.

Очень удивила меня встреча со старшим среди братьев Александром Васильевичем. Он живет в Белово Кемеровской области, от Новосибирска – ночь на поезде ехать. Я приехал к нему и, кажется, попал к самому себе в дом. Он старейший радиолобитель, вся обстановка в доме, все его увлечения – полностью совпадают с моими.

Обнимаю. Вова

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Моя жизнь идет по-прежнему, по-видимому, по-пустому. Учеба в институте много отнимает времени. Меня изводит своей ненавистью одна сокурсница. Я не выдержал и попросил ее по телефону рассказать откровенно, чем же я так плох. Она сначала опешила, а потом решилась. И наговорила столько отвратительного, что в меня еле вместились. Володя, но во многом она была, к сожалению, права. Как мы не видим себя!

Теперь о нашем деле.

Заметил ли ты, что многих братьев и сестер твоего отца зовут на «А»? Почему так получилось? У меня и свой вопрос еще нерешенный: почему все континенты на «А»? Азия, Африка, Америка, Австралия, Антарктика, Антарктида? Только Европа на «Е». Имена у Сливкиных на «А» – не случайно. Думаю, что и Рябовы переняли выдумку с именами детей Владимир, Ольга, Татьяна (по «Евгению Онегину»). У родителей твоей матери были тоже такие причуды: дети Вера, Надежда, Любовь. А может, я все это придумал.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, Боря!

Жалко мне тебя, как ты решился спросить о своих недостатках.

По вопросу об именах на «А» есть небольшой эпизод. Африкан, Аркадий, Александр, Августа – вот все на «А», остальные – Ефросинья, Серафим, Лев, Герман, Владимир. Я, когда неожиданно получил письмо, первое – от Аркадия Васильевича, в то время я знал только два имени Аркадий и Африкан. И запрос в адресное бюро послал на эти два имени. Первый раз ответа не было, а когда через год получил второй ответ, в адресе были написаны только инициалы А.В. Я и письмо написал только с инициалами на конверте – Сливкину А.В. А в письме обратился – «Уважаемый товарищ!» Потому что я не знал, может, это однофамилец, а когда получил письмо, на конверте которого было написано – Сливкин А.В., и, когда я его распечатал и увидел это А.В., у меня сильно забилося сердце (тетка мне говорила, которая здесь в Одессе, что «неизвестно, жив или погиб твой отец»). Руки дрожали – а вдруг от отца! Я долго (минуты 3 – 4) не мог решиться распечатать письмо, а когда распечатал, понял, что ошибся, почему-то очень быстро успокоился. Вот когда я обратил внимание на эти «А». А потом уже не обращал, и никто из них не говорил об этих «А». Мне кажется, что это случайно получилось в семье Сливкиных. Да и Рябовых. Имена раньше (для Сливкиных) давал поп, а у Рябовых – все было просто случайно – иначе обязательно был бы Евгений, а ведь он – главный! А его нет, и скорее всего не было аборта.

Жду письма. Володя.

Борис - Володе

17.12.77

Здравствуй, Володя!

Все думаю, как лучше организовать наше повествование в книге. Посылаю монолог, где ответы на твои предыдущие письма. Как ты думаешь, мой герой? Читай с пристрастием. Извини за длинное письмо. Только не пыли!..

В своей ответной исповеди он признавался, что искренне рад, что прежняя дружба не отвергнута, хотя понимал, что я вправе был это сделать. Потому что он поступил по-хамски со мной, даже ничего не объяснив. Из этого его письма, я понял, почему – он был в состоянии аффекта от всего, что с ним случилось в это время. Даже не помнил, что он мне написал в этом письме, крохотном, но жестком, как пощечина другу. И все время его мучила

совесть. Но полмесяца ему хватило, чтобы осознать свою ошибку. А моя ошибка заключалась в том, что я, приученный матерью–учительницей поучать и друзей, переступил в нашей переписке границы недозволенного, переоценил свои способности. Меня часто одергивали мои даже самые близкие друзья: «Что ты оригинальничаешь!?!» Правда, я усвоил истину, что обижаются не от большого ума. И этим козырем отшучивался. Поэтому и Володя уверял, что не в обиде на меня, и больше не хочет вспоминать о моем промахе. Он знал, что и сам я слишком мнительный. Но не врожденная мнительность, а логика мышления, внутреннее чутье, подсознание, подсказали мне, получившему такую пощечину, что, наверное, что-то очень серьезное случилось с Володькой. И я оказался прав, только случилось намного раньше, и в меня попали лишь последние, летевшие от Черного моря до Каспийского моря, осколки. И когда успокаивается обиды – опять возрождаются совесть. Она и заставила Володьку написать мне. Потому что, по его признанию, друга, ближе по духу, он так и не нашел.

Так я узнал, что больше года назад, пока был занят своими невзгодами – разводом с женой, Володька пережил тоже сильное душевное потрясение – лишился человека, которого любил. Я тоже лишился – но таких кратких писем другу не посылал. Ну, Бог с ним, человек в беде – и мне она, ох, как понятна.

Тяжелее всего Володе потому, что она его тоже любила, по-настоящему. Это я знаю точно, уверял он. Уверял, значит, сомневался, или сомневались другие. Например, я. Неужели в том злополучном письме я об этом проговорился? Когда я глянул на фотографию этой молодой женщины, то прочел в ее лице все невзгоды, которые ждут не только ее, но и Володю. В глазах – всполохи гроз и трагедий, и страданий от них. Что меня угораздило так подумать?

«Все уже позади, пережито», – уговаривал себя в письме Володя и клял себя за то, что любимая потеряна по его вине. Он еще не мог предположить, что в этой трагедии пережил только первый акт из пяти. И придется еще пережить катарсис. Я тоже тогда не знал, но боялся, что пережито еще не все.

Из письма я узнал, что мать Володи предсказала развод и, как все матери – о чем дидактически, с мельчайшими подробностями объяснили нам бразильские мыльные оперы по телевидению, – желала развода сына с этой молодой женщиной. Такова уж обычная роль свекрови, редкой удается стать матерью для невестки. А ведь у Володи расстроился уже второй брак. И остались у Володи только фотокарточки его детей, да исполнительные листы на алименты. Первая жена забрала двух сыновей, вторая – дочку, и уехали–распрощались. Правда, старший сын Андрей приезжал иногда к отцу. И в этот раз Володя ждал его на зимние каникулы.

Год Володя чувствовал в себе пустоту и апатию, ничего не мог делать, дом так и стоял недостроенным. Мучили мысли, почему так получилось. Много передумал, как несовершенен институт семьи. Но многое так и не понял. Искал ответов в книжках, которые брал в библиотеке завода. Да, наверное, в книгах всех времен и народов на эти вопросы так и не нашли

люди ответа. Поэтому и сейчас больше половины браков распадаются, каждый второй ребенок – полусирота. Как, впрочем, и он сам. Как и я. Очень понравились ему дневники Пришвина, его отношение к миру, людям. Много похоже на меня, признавался он в письме. «Только похожее обычно и нравится. Ты не похожее пойми и полюби», – думал я, читая его письмо.

Как и раньше, его тянуло посмотреть на себя со стороны. Прошло уже двадцать лет, как он окончил среднюю школу. Институт так и не кончил. Работает на заводе. Работа не в тягость, хотя зарплата маленькая, 200 рублей. На заводе его ценят, уважают, даже любят – от этого легче на душе. А живет совершенно один, в недостроенном доме на берегу Черного моря. С родственниками не общается, мать и сестры – далеко, живут сами по себе, а он сам по себе. Есть товарищ, но, увы, не друг, сам к нему привязался, пусть хоть так.

«Кто – я? И что – я? – горестно восклицал Володя. – Простой рабочий, отец троих детей, но без детей. Но почему-то я несколько не жалею о прожитых годах. Ты прав, нам не так уж много и надо, в смысле благополучия и комфорта».

Но, по его признанию, ему постоянно все эти годы чего-то не хватало и не хватает, все время к чему-то тянет, душа чего-то ищет, нет, не любви, не взаимного понимания, не искренности и доверия других, не радости в детях, а чего-то большего. «То есть не земного! – понимал я его. – Наоборот, слишком, даже чересчур мы с тобой разборчивые».

«И тебе, я чувствую, все время чего-то не хватает – письмо твое очень грустное», – писал Володя. И в силу своих не развитых, лежащих втуне потенциальных возможностей, начинал поучать, не лучше меня.

Жизнь – это мысль в постоянном движении, движении только вперед. О чем бы ни подумал сегодня, это наложит свой отпечаток на то, о чем будешь думать завтра. Может, эти мысли не новы для других, но они новы для нас. Если наша мысль не дремлет, а всматривается в мир, мы – уже творцы, потому что мы открываем мир для себя и творим в этом мире себя.

Подобные мысли постоянно преследуют его всю жизнь, прыгают как бы со ступеньки на ступеньку вверх, только, когда кончатся эти ступеньки, не известно. Он сознавался, что выражать свои мысли на бумаге он так и не научился (не то, все не то пишу!). И в то же время, с мнимой высоты говорил: «Ты уж извини, если не сможешь понять меня. Не знаю, поймешь ли ты, скажу одно: главное, жить для того, чтобы возвратиться, чтобы где-то сохранялось все, чем ты жил прежде». Обиженно я ему мысленно отвечал: «В ноосфере, если ты сможешь сам понять меня». А потом стыдился за свой ответ.

Во мне есть некто, с кем я борюсь, чтобы расти, – продолжал свою исповедь Володя, – Мне пришлось распознать в себе личность, с которой я борюсь, и отделить ее от растущего во мне человека. Личность – это всего лишь путь. Человек, избирающий этот путь – вот главное. Нужно всю жизнь стремиться к Человеку, который выше каждого из нас. И всю жизнь я стремлюсь познавать именно такого Человека.

А я думал, как жалко, что такой системный человек, как Володя, с его огромным мыслящим лбом, лишен был системного же обучения – не совсем по своей вине. Из-за этого он перепутал координаты: надо идти от человека к Личности, а он пошел наоборот – от разума к инстинкту. И другое было ясно: такие рассуждения рабочим трудно понять, а высокообразованный человек не может поддержать из-за путаницы в их изложении. Вот он и одинок. И я ему сказать не могу всей правды – чтобы не обидеть. Философ – графоман. Хотя он уверял меня, что будет благодарен, если я буду чаще ругать его.

А Володя продолжал выплескивать свою «кашу в голове» с искренним доверием: познавая жизнь, мы познаем скорее не жизнь, а самого себя, свое подсознание. Полного согласия между сознанием и подсознанием так же мало, как счастливых браков. Излюбленный способ действия подсознания – вести дело так, будто его и нет, будто сознание управляет всем целиком и полностью. Когда же сознание обнаруживает подвох, начинается скандал с самим собой. По-моему, у каждого из нас есть свое внутренне «Я», своего рода человек – сумма из всех наших общений, из книг, из фильмов, из всего. Это – наша мораль, наша совесть, наша ирония, наше самосознание – это мы сами. И этот другой внутри нас всегда ищет своего двойника – живого человека, с кем бы слиться, отождествиться. Так уж мы устроены, и это, наверное, – закон человеческой психики. Вот почему мне мало самого себя, я хочу слишком многого – самого себя в другом. Но ведь это, наверное, невозможно? – растерянно закончил Володя.

И я распутывать этот путанный-перепутанный клубок не стал. На некоторые из его писем с подобными «оригинальными» рассуждениями я не отвечал только потому, что нужно было бы тогда писать научные монографии в нескольких томах, чтобы хотя бы исправить все его ошибки. Но и тогда возражения Володи были бы такими же запутанными. Этот самородок мог подковать блоху, но плясать она у него не стала бы, как и у Левши.

И хотя он просил меня писать ему «больше о мыслях души», я старался делиться с ним только житейскими переживаниями.

Наконец, понемногу Володя стал возвращаться к жизни. В мае поехал в Новосибирск, к Сливкиным. Он не жалел, что узнал о них, переписывался с братьями отца, особенно с дядей Сашей.

Ну, как?

Обнимаю, твой бытописатель Борис.

Борис - Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Психологически можно понять, что в тебе видели отца. Жаль, что ты к этому так ревниво относился. А что ты видел в них? Стал ли ты после того, как увидел радиолобительские склонности Александра Васильевича, чаще переписываться с ним? Если не стал, то почему бы тебе не сблизиться с ним?

Володя, скажи честно, ты прощаешь или оправдываешь поведение Сливкиных, согласившихся не сообщать тебе о них и о родном отце? Как ты считаешь, правильно ли поступили родные, что столько времени молчали об отце? Может быть, тебе бы лучше не ворошить всего этого, не знать о существовании родного отца, Сливкиных, всего этого родного корневища, о котором ты даже не догадывался, этой цепи проблем, склок, обид, сочувствия того мира Сливкиных, от которого ты был в неведении, отчужден, не раскройся эта тайна так неожиданно случайно? Или тогда бы ты до конца своих дней и не понял, почему так сложилась твоя жизнь в семье? Почему ты рос одиноким, «гадким утенком»?

И наконец, главное. Почему бы не попробовать еще раз начать розыск отца? Я бы тебе помог, как журналист, и друг. Я бы, на твоём месте, продолжил поиски отца. Тем более, можно обратиться в полевую почту № 493. Ты пишешь, что точно похоронки не было?

То, что твоя мать оставляла тебя у тети Поти, когда тебе было 1–2 года (период начала жизни с Рябовым с рождения Тани), говорит о многом. Может быть, только тетя Потя тебе и сможет, если ты ее мягко уговоришь, рассказать многие вещи, неизвестные тебе. Думаю, главное открытие в своей судьбе ты еще сделаешь, если будешь действовать осторожно, с умом и по размышлению нашем о положении дел. Только тете Поте твоя мать могла довериться, а главное, та ее поняла (хоть, может быть, и осуждала про себя).

Пока, Борис

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, дорогой друг Боря!

Вопросы ты, конечно, задал, как дал под дых.

Конечно, они сделали очень большую ошибку из-за своего молчания, могу даже сказать, сильно навредили мне в моей судьбе. Нельзя было этого делать, после окончания школы я должен был узнать об этом, мне легче было бы выбрать дорогу в жизни, я не метался бы в течение 5–6 лет, чтобы найти свое место. Я считаю, что с 1957 по 1963 год я бездельничал.

Сливкины должны были первые разыскать меня и рассказать об отце, этого я им не прощаю. Но, когда я увидел их жизнь, каждого в отдельности, понял, что не было среди них того, кто бы смог это сделать, поэтому я им прощаю их молчание.

Однако я благодарен судьбе за то, что все-таки узнал обо всем. Жить стало как-то легче и радостнее, что есть еще кто-то, кто знает о тебе, радуется

твоим успехам, интересуется твоей жизнью. Я еще смог почувствовать, что и я есть участник тех великих событий войны, ее отголосок коснулся и моей судьбы. Раньше я этого не чувствовал. Горько только сознавать, что я мог бы так ничего и не узнать, его величество случай мне помог в этом, даже не верится до сих пор.

Обнимаю, Вова.

Борис - Володе

15.01.78

Здравствуй, Володя!

Раньше я тебе посылал пример своего монолога, чтобы показать, как может быть написана наша книга. Теперь посылаю твой монолог (который составлен из текста нескольких твоих писем). Как ты считаешь, годится ли такая форма для нашей книги! Только опять же – не пыли!

Обнимаю, Борис.

Володя

(монолог)

Почему неизбежно начинать все сначала? Что начинать сначала? Создавать новую семью? Терять легко, найти, кого хочешь, почти невозможно. А жить с кем-то только ради того, что «не можешь быть долго один», – это неизбежность новых ошибок и неудач.

Разве счастье только в женщине? Да и то я имею в виду только ту, которая тебе по духу родная. Разве не может быть другого счастья? Счастье – это делать добро людям, не получая взамен ничего. У меня все время стоят в голове слова Пришвина о том, что красит человека только любовь, начиная от первой любви к женщине и кончая любовью к миру, к человеку, все остальное уродует человека, губит его, приводит к власти над другим человеком, понимаемой как насилие.

Я, наверное, уже не смогу создать новую семью. Очень трудно это сделать сейчас. Невозможно. А ехать в Москву, как ты предлагаешь, – это опять скитаться, ради того, чтобы узнать что-то новой, интересное. Большое – зачем мне это сейчас. Да, если мать узнает о моем разводе (она еще ничего не знает), то будет звать к себе, Ленинград – вторая столица. А тетя Гутя – родная сестра родного отца – уже мне писала: «мой дом – твой дом». Она живет в Новосибирске – третья столица. Я ездил к ней, видел почти всех Сливкиных. И понял, как много я потерял, что не знал о них раньше.

Никуда я не хочу ехать. Не нужны мне больше лучшие мысли, шедевры. Буду довольствоваться тем, что найду здесь. Буду заниматься

садоводством вдали от всех шумных столиц. Пятнадцать лет пролетело, а там еще 15 – 20 пролетит – и пенсия. В столичной квартире я сдохну. Нет уж, буду поближе к земле. Да здесь, у моря, от гостей каждое лето не будет отбоя. Ты, старина, до этого не дошел, я знаю.

«В человеке любом заложено будущее» – ты прав, только, по-моему, «не провидеть» его он может. Любой человек живет будущим, все его дела и поступки направлены к этому. Мысли и подсознание работают на это. Короче, человек сам творит свое будущее. И не жизнь учит этому человека, а через жизнь свою человек познает себя, и это – самое трудное, то есть самое трудное и важное – познать себя. И не об этом двойнике я тебе говорил. Не могу хорошо излагать свои мысли, получаются какие-то обрывки мыслей, не получается того, что хочется выразить. Вроде бы много читаю (не знаю, может быть, для меня это много). Все, кого знаю по работе, соседей, знакомых – мало читающих, по-настоящему читающих. Чем живут люди, что их интересует? И в библиотеке библиотечарша говорит – в основном читают фантастику, приключения, любовные романы. Почему так духовно бедно живут люди? От достатка, наверное, от легкой жизни. Мне легче обсуждать сказанное – получить толчок, тогда легче сосредоточиться, собраться с мыслями. Что написал – не перечитываю, чтобы не порвать, и половину не помню. Вообще, стал многое забывать, не помню, с чего начинал. Положу что-нибудь – и не могу вспомнить, где лежит. Что-то со мной происходит, не знаю. Страшное – давно позади Я чуть с ума не сошел, был душевно парализован, а сейчас все идет к лучшему.

Пиши. Борис.

Володя – Борису

25.01.78

Зря ты беспокоишься, я не настолько глуп, чтобы стресс мог меня одолеть. И о себе я думаю только столько, сколько необходимо в моем положении.

Матери писать обо всем не стоит, да и бесполезно, она не была мне никогда другом и всегда не понимала меня, моя откровенность с ней всегда оборачивалась против меня же, поэтому я ей просто говорю, что у меня все хорошо.

А все о себе доверительно пишу тете Гуте (Августе Васильевне) в Новосибирск. И я, и она жалеем, что мы раньше не узнали друг о друге. Она мне стала хорошим другом, потому что все понимает.

А вот сын Андрей ко мне не приехал и не отвечает на мои письма, конечно, жаль и обидно...

Электронику забросил и давно ею не занимался – не до нее было. Так бы и не стал заниматься, если бы не мой товарищ по работе. Ему нужно было кое-что сделать – я помог. И постепенно он ко мне привязался. Он младше

меня на десять лет, женат, у него двое детей, неплохой хлопец. В общем, он дал мне новый толчок – и теперь занятия электроникой меня отвлекают от всего, просто я душевно отдыхаю. Сделал осциллограф, генератор сигналов, делаю звуковой генератор, а вместе с этим товарищем делаю себе стереоусилитель – он все время как бы подталкивает меня. Недавно принес мне сломанный фотоаппарат ФЭД-4 – а я давно хотел иметь такой, предложил ему свой аппарат, а ФЭД-4 уже отремонтировал. Вот и все мое общение. Не знаю, изменился ли я внешне, но внутренне – да.

Переписываюсь только с тетей Гутей, сестрой Ольгой, с дядей Сашей (интересный человек). Начал переписку с двоюродной сестрой Августой – она живет в Красноярске.

Продолжаю много заниматься розысками прошлого из жизни родного отца. Сейчас к этому подключились красноярские школьники, с которыми я поддерживаю связь.

Отец служил в 17-й гвардейской стрелковой дивизии, о которой много писал комиссар этой дивизии Сенкевич. Он писатель, его книги – «Дорогой памяти», «Когда страна прикажет быть героем», «От Енисея до Эльбы» пытаюсь разыскать, но пока не могу. Вообще, за это последнее время после нашей последней встречи с тобой, я много узнал о родном отце. Все его документы и несколько писем – теперь у меня.

У тебя есть еще друзья, подобные мне? Чтобы вот так могли тебя попросить сделать то, что тебе, может быть, и сделать неудобно. Дело касается моей бывшей жены Вали. С октября 1976 до января 1977 года она жила в Москве у Александра Панфилова на улице Седова (недалеко от ВДНХ). Смог бы ты с ним встретиться и поговорить, главное – узнать причину: почему она от него уехала?

Пиши. Будь здоров. Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

03.02.78

Здравствуй, дорогой Володя!

Володя, ты переживаешь, что Андрей не приехал. Мне предстоит, наверное, то же. Хотя сейчас, пока мы не разъехались, сын тянется ко мне.

Старается минутку поиграть со мной. Пишет мне записку: «Целую тебя, мой любимый папочка». Когда входит в мою комнату, закрывает дверь. Как жалко наших пацанов! И, наверное, мы в чем-то все же виноваты, что не смогли построить прочную семью. Может быть, причина не только в наших недостатках, но и в наших достоинствах?

Секреты взаимоотношения отца с сыном, особенно в моем положении, когда я не общался всю жизнь с отцом, живущим где-то вдали, в другом городе, меня очень интересуют.

Да и у тебя эти взаимоотношения – односторонние – носят какой-то детективный характер. Ведь сначала ты не подозревал, что живешь не с отцом, а с отчимом, что у тебя есть родной, другой отец. Потом открыл это, и был потрясен. Теперь собираешь о нем сведения, хоть какие. А для чего? Из интереса? Чтоб узнать побольше об отце и полюбить его? Испытываешь ли ты чувство любви к родному отцу? А я? Испытываю ли я это чувство? Да и считает ли он меня своим сыном?

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

18.04.78

Здравствуй Борис!

Почему ты решил, что я проповедник? Чтобы им быть, нужно обладать очень большими знаниями, которых у меня и очень мало, и которые с большим трудом мне даются.

(Неужели я не сообразил, что эти слова «проповедника» в предыдущем письме – принадлежат Экзюпери, а не Володе? Какая самоуверенность и какое равнодушие к исповеди друга!)

Почему я тебе писал из Экзюпери? Я хотел донести до тебя свои мысли, переживания, но сам я этого сделать не мог (не могу записать свои мысли), мне помог он. Главное – не только сами мысли, но и как они выражены, преподнесены читателю, – его манера написания именно та, какую бы я сам хотел освоить. И я с тобой не согласен, что в «книгах» много прекрасных слов нам в утешение. Для чего книга? В книгах всегда должны быть прекрасные слова, те, которые хватают за душу, а значит, кем-то другим пережиты, и в книге взяты из жизни. Если это обычно вымысел, значит, и книга сера, и читать ее противно. Ты меня удивил – пишешь с девятого класса, а этой самой первой истины так и не знаешь. Нужно уметь находить в книгах вымысел и жизнь, мне казалось, что эту истину просто надо знать. Представляешь, ты удивил меня тем, что абсолютно не знаешь о писательстве, живописи, скульптуре. Ты себя давно решил посвятить искусству, чем же ты тогда столько лет занимался, если, наконец, понял, что ничего не понимаешь в этом? Научиться писать рифмы совсем, по-моему, просто по сравнению с тем, чтобы понять искусство, и не только живопись и скульптуру, а любое искусство. Искусство я понимаю, как умение творчески работать в любой области деятельности человека, и не только работать, а умение и любить, и страдать, и наконец, быть Человеком. Меня в частности сейчас интересует характер человеческих отношений с любых сторон их рассмотрения – психически, философски, биологически, исторически,

интимный, любовный и т. д. Я не ищущу слов «нам в утешение». Сама жизнь со своими трудными и неудачными сторонами диктует и заставляет интересоваться, и даже проникать в те области человеческих тайн, о которых, наверное, никогда бы и не задумался, если бы у тебя все складывалось в судьбе чисто и гладко. Этим, наверное, жизнь и интересна, когда она сама вынуждает духовно обогащаться, заставляет тебя идти к тому идеалу, который называется Человек – царь природы.

Свою жизнь интересной и значительной я не считаю – обыкновенная жизнь обыкновенного неудачника. Но написать так, как я живу, мне будет, конечно, очень трудно, почти невозможно. Хотя, если в двух словах, то получится просто – работаю, жру, сплю, интересуюсь чем-то непонятным даже самому себе, без всяких целей в жизни, вернее, без значительных целей. Цель одна – живу ради детей своих, о которых ничего не знаю и которых не могу видеть, то есть ради материальной помощи для них, и сейчас, и в будущем.

Ты любишь сына, он – тебя, не допускает даже и мысли, «что твоя комната больше и ближе к центру».

Стремись только к тому, чтобы не лишиться ни себя, ни его радости общения – по-моему, это главное для вас обоих. Я лишил себя этой радости, а теперь поздно ее вернуть.

Если тебя интересует тема отца и сына, которую ты начал в одном из писем, я готов ее продолжить, вернее, для меня – начать, только не знаю, с чего начать. Эта тема меня давно интересует и продолжает интересовать, ведь это относится и к характеру человеческих отношений.

Не бойся мне писать прямо, откровенно. Я смогу понять, но не смогу обидеться. Правда лечит, а не наносит обиды – все это известные истины, но почему-то их многие боятся.

В июне отпуск, приедет Андрей (обещал), приедет мать и сестра, в июне же буду решать, где жить дальше. Свободное время убиваю на свои железки, делаю усилитель звука с очень хорошими параметрами (высший класс среди высшего класса). Хочу слушать записи музыки с наибольшим возможным качеством воспроизведения. Мир музыки для меня очень важен. Это мой второй друг по одиночеству, первый – книги. Пиши, обнимаю, Вова.

Пришли фото с сыном.

Володя – Борису

11.05.78

Здравствуй, Боря!

Прочитал твое письмо, прилег и думал о том, что ты написал, как тебе ответить и что тебе написать, начал писать – и все вылетело из головы. Увы.

Трудно мне писать, намного труднее, чем тебе. И я не знаю, смогу ли я когда-нибудь восполнить этот свой недостаток – как можно яснее излагать свои мысли. Кстати, я заметил за собой то, что написанное мной суждение или мысль – только небольшая часть тех слов и мыслей, которые проходят в голове моей, как бы отрывки, мгновения того, о чем я думаю. Может быть, оттого мне и тяжелее писать, что не могу высказать ясно и понятно, а опускаю моменты, которые для меня проходят как бы в подсознании, и другим человеком должны быть поняты, так мне кажется, а получается не так.

Все твои письма интересны по-своему, но почему-то они не заставляют думать, все мы всё знаем, все ясно, а как касается дела... увы! Как мало мы знаем, даже простых школьных истин. Вернее, мы их хорошо знаем. А! Мне это известно, нужно искать другое, нужно узнавать новое, – отмахиваемся от них, обходим стороной, стараемся не замечать. А ведь порой именно эти простые школьные истины и есть главное. Мы ищем чего-то где-то в глубине, далеко, когда истина-то перед нашими глазами. Все, в конце концов, оказывается намного проще, чем мы думаем.

К примеру, что такое семья, брак. Когда мы выбираем себе спутника жизни, строим семью, мы фактически берем на себя ответственность за судьбу другого человека, а когда появляются наши дети, мы уже не принадлежим себе, мы принадлежим им, так понимаю я эти простые истины, и если бы так понимали оба, семья бы осталась крепкой.

А любовь, что любовь? Мы просто очень ленивы, а еще проще мы просто не умеем любить. А иногда не хотим любить. И еще, по-моему, наш бич в том, что мы опошлили, отделили от любви половое чувство. Многие считают, что любовь в книгах, в кино, а в жизни – «половое чувство». Очень понравилось о любви: «Удар молнии» («Юность», 1977, № 5) – это лучшее, что я читал. Любить – это жить ради кого-то, для кого-то, отдавать всего себя кому-то, мыслить его мыслями, чувствовать его чувствами, то есть жить его жизнью, перевоплотиться в него. Так я понимаю, что означает – любить человека.

А впрочем, к любому вопросу можно подойти по-разному, но в жизни, по-моему, есть истины, которые можно и нужно понимать однозначно, раз и навсегда. Не хочу быть наставником, не хочу быть проповедником, эти роли я презираю. Хочу быть просто человеком, которого могут понять и с которым можно поспорить. Ты прав, быть проповедником легко, если вокруг тебя тупицы. Но зачем нам это с тобой?

«Не обидишься ли ты?» – эх, Борис, Борис, совсем ты меня не знаешь. Обижаться глупо, мы не дети. Не бойся мне писать ничего, наоборот, я буду тебе благодарен за твою резкость и откровенность. Ведь мы почти 20 лет знаем друг друга, какая может быть речь об обиде, наоборот, мы оба имеем право говорить прямо, не стесняясь в выражениях. Я никогда на тебя не обижусь, но подлость не прощу. Как-то получилось у нас с тобой, что дружба у нас с тобой заочная – это и хорошо, и плохо. Хорошо то (для меня, для тебя, не знаю), что в письмах легче писать о своих мыслях. Плохо то, что

письма нужно писать, и они долго путешествуют, и я порой забываю то, что писал в предыдущем письме. Поэтому, возможно, что я буду иногда повторяться, но в то же время, это будет означать, что я много об этом думаю.

Какие именно суждения мои «беспомощней школьника», а какие «проблески»? Напиши подробнее. Я хочу знать – откровенность и искренность, прежде всего, и до конца. Список книг–шедевров пришли. «Маленький принц» мне не дал ничего. «Военный летчик» и «Письмо заложнику» и отчасти «Планета людей» мне были интересны. Из них я тебе написал тогда письмо.

Меня больше интересуют мысли, чем художественная ценность литературного произведения, мысли, которые заставляют думать. Если не читал дневники М.М. Пришвина – обязательно прочти, там очень много интересных мыслей. Если знаешь что-либо подобное, напиши – я постараюсь прочитать. У каждого человека свои взгляды, свои суждения, своя жизненная философия. Интересуешься ли ты философией, как наукой? Если да, то сможешь ли ты мне написать философское понятие энтропии (из 2-го закона термодинамики)?

В своих письмах ты меня дважды удивил. Где прочитал или услышал, что на Тибете живут 300–800 лет? Я читал, что в Индии нашли племя (место, где оно живет, называют оазисом молодости), в котором в среднем живут 120 лет, ничем не болеют. Оказалось, в этом племени возведен в культ режим питания. Еще я читал об одном американце, который погиб в возрасте 95 лет (!), когда занимался спортом – серфингом (утонул) – он выглядел как 40-летний – у него тоже был своего рода культ – культ образа жизни и режима питания. Наша жизнь слишком коротка, обидно коротка, меня интересуют вопросы жизни и смерти биологически, исторически, философски. Человеку необходимо жить больше – природа жестока к нам. Ты веришь в бога??!

Зачем тебе эта галиматья – французский гороскоп? Я был о тебе лучшего мнения. Забываешь себе голову ерундой. И ты можешь в это верить?! Кстати, моя вторая жена родилась 14 марта – «союз счастья» по твоему гороскопу. Я родился 3 ноября 1939 года. А все, что ты написал обо мне – сплошная глупость! Мне было смешно читать! Чем читать гороскопы, лучше найди книгу Владимира Леви «Искусство быть собой», 2-е издание, и обязательно прочти – если тебе дорого твое время, ты не пожалеешь, прочитав ее, я тебе не просто советую, а очень прошу – прочитай эту книгу. Тогда к черту полетят все твои гороскопы.

Ты работал на съезде! Это здорово!

Но разве суть в том, где ты был – это и так ясно было еще по открытке. Что ты там чувствовал, какова обстановка, что ты нового для себя открыл, были ли интересные встречи, – как бы сказать? – ну сам дух съезда – в прессе одно пишут, а что на самом деле. Неужели все так любят Брежнева, как показывали по телевидению, – вот что ты должен был написать, раз уж решил об этом писать. Постарайся забыть привычку блеснуть чем-то – это вредно быть хвастунишкой, у тебя это иногда бывает. Может, я не прав – докажи тогда. Буду рад.

На производстве, в рабочей обстановке, наверно, неизбежны конфликты, у меня тоже это бывает, но они у меня никогда не кончаются ссорой, наоборот, мой авторитет возрастает. Не подумай, что и я хвастун, но, где бы я ни работал, меня почему-то везде уважают, ценят, а женщины даже любят. Не знаю, чем я располагаю к себе людей, и хочет иногда со мной человек поссориться, но все выходит наоборот – противники мои начинают меня защищать даже тогда, когда я бываю неправ. По-моему, вся соль в том, что нужно уметь вовремя признать свою вину и уметь отстоять правду так, чтобы человеку стало чуточку стыдно за себя, что он был неправ перед тобой. Я всегда так поступаю, и это у меня получается как-то само собой. Поэтому мне было дико читать, что у тебя доходит дело до юриста, а не в тебе ли самом весь вопрос (неудачно сказал)? Вот теперь можешь считать, что я проповедник-наставник. Нет, Боря, просто я пишу то, что думаю, исходя из той небольшой твоей информации, – на самом деле все может быть и не так. Просто, может быть, ты посмотришь на все это другими глазами, а мои слова будут как бы толчком к этому, ведь ты сам писал, что я уже раз «схватил тебя за руку». А ведь такие простые слова были.

А теперь о теме отца и сына. У меня было два отца – один родил, другой воспитал. Теперь могу сказать, что оба были людьми исключительными, в этом мне повезло. Но первого – родного отца Сливкина я не видел, он пропал без вести в июле 1942 года. Вторым – отчим Рябов очень хотел, но не стал мне родным отцом. Мы не понимали друг друга, и я очень жалею об этом. Кто из нас виноват в этом, не знаю. Если тебе будет интересно, могу написать о них более подробно, дай знать. Хочу сказать только вот что. Я, как сын, не имел, по-моему, главного – обыкновенной отцовской ласки, дружбы, не чувствовал настоящей кровной любви. Мне кажется, что отец, как отец, не давал мне ничего, я только сознавал, что у меня есть отец, но не чувствовал его, не воспринимал всей душой. Я раньше этого не понимал, и дело дошло до конфликта. А когда понял и хотел исправить положение (не знаю сейчас только, что из этого бы получилось), он ушел из жизни – преждевременно.

Теперь о своих детях. До самого рождения первого сына, я не понимал, что именно появится в моей жизни. Очень хорошо запомнил, как я его увидел первый раз, когда мне его показали через окно роддома. Это был непередаваемый момент. Я взглянул на него и сразу от этого красного, с закрытыми глазами, вот-вот хотевшего заплакать личика, что-то бесконечно родное, мое (как бы сам я) пронизало всего меня, это было как удар, как... Представляешь, не могу подобрать слова. Я стоял потрясенный, до сих пор это стоит перед моими глазами, как наяву. И уже гораздо позже я понял, что тогда я сразу полюбил его, не сознавая в полной мере всего свершившегося факта. Со вторым сыном было уже все по-иному. Я ждал дочери, вернее, мы с сыном ждали дочери, и я испытал сначала, когда узнал, что родился сын, чувство досады, а потом, когда увидел его, мне показалось, что это опять Андрей, все повторилось. Но помню я Максима много меньше, хотя все время, постоянно вспоминаю о них обоих. Я не учился быть отцом. Все само

собой получилось. Понял я только вот что. Мало любить своего сына. Нужно стать ему другом, исключив разницу в годах, нужно суметь перевоплотиться в его возраст, суметь жить его чувствами, его пониманием мира, и, как старший, раскрывать ему глаза на мир, его окружающий, то есть понимать, что он знает, а что нет, что видит, а что не замечает. Все наши родительские нравоучения ничего не значат, для ребенка они непонятны, а может быть, даже вредны. Не знаю, как тебе написать это, это нужно самому почувствовать, понять, осмыслить, проанализировать.

Мне почему-то стало казаться после всех твоих писем, что нет у тебя глубины чувств, все они мне кажутся у тебя поверхностными, ты их прекрасно понимаешь, осмысливаешь, но они, как бы тебе сказать, ну, что ли, не вжились в тебя, не вросли в тебя так, что невозможно вырвать. Может быть, я неправ, не знаю.

Что тебе еще об этом написать, не имею представления – побольше вопросов, побольше пиши о себе, о своих мыслях, которые только с тобой, заставь меня задуматься, мне очень хочется что-то перенять у другого, пережить то, что он смог пережить.

А теперь совсем о другом. Несколько к тебе вопросов. Пьешь ли ты чай? Умеешь ли ты его пить? Не смейся! С некоторых пор я понял, что все мы не умеем это делать, во всяком случае, те, кого я знал и знаю. Если будет тебе интересно, я могу тебе очень много написать о чае.

Когда у тебя отпуск? У меня с 15 июня по 3 июля. Возможно, скоро ко мне приедет мать, сестры и сын Андрей. Когда ты написал, что возможно выбьешь командировку и приедешь ко мне – я надеялся, что так будет. Хотелось бы встретиться

Пиши. Не задерживай.
Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, дорогой Володя!

Какое хорошее письмо ты написал!

Мне тоже захотелось что-то серьезное написать в ответ. Я недавно приобрел Марсея Пруста. У меня есть приятель, который хочет с моей помощью написать сценарий. Когда я приехал с ним на пароходе в Астрахань к маме, она сказала: «Копия – твой отец в молодости». Удивительно. Он, мягко сказать, своеобразный. Я думал, таких не бывает – но смотрел с ним какой-то зарубежный фильм – и говорю ему, показав на главного героя: «Смотри, это ты». Он обиделся и не поверил. После этого даже подарил мне свою фотокарточку. Но в кинокартине герой – точно такой на самом деле. Так вот, когда я пришел к нему домой, то был поражен, как

богато выглядит его рабочий стол. Он, оказывается, считает тайно себя большим писателем. А сам ходит на работу в обносках, с мешком за плечом. Ест полбуханки черного хлеба, держа в салфетке, и запивает водой, или чаем. Так экономит на обедах.

И вдруг у него я увидел книги Пруста. А в столе (подсмотрел) – несколько четыре толстых тетради с аккуратными конспектами произведений Пруста. Я не ожидал.

И вот я зачитался сам первым томом «Под сенью девушек в цвету». И так мне захотелось подобное написать. Я сел и стал лихорадочно работать. Вот Начало моего сочинения.

«Я возвращался в детство, лишь только ложился в прохладную постель в темноте комнаты и принимал свободную позу на боку, раскинув ноги и руки, со вздохом: «Наконец-то я распространился!» Укрывшись с головой ватным одеялом, я видел закрытыми глазами нагромождения линий и красок, которые, как в калейдоскопе фокусировались постепенно в рожи и лица, абстрактно искаженные или реально четкие, которые мелькали близко перед моим лицом. И мне однажды пришло в голову, что это тот самый параллельный мир, который мы видим внутренним зрением даже и днем, едва закроем глаза. Может, художники-абстракционисты как раз и обладают способностью запечатлеть его, этот параллельный мир? Потом, впадая в краткую дрему, я ждал, когда мешанина линий, организуясь в мелкий орнамент, наконец, станет превращаться в летящее навстречу пшено. А став постарше, я пришел к мысли, что это светящееся пшено на темно-синем фоне – ни что иное как бездна звезд, впадая в которую, я вздрагивал всем телом, словно космический корабль, выключивший все рубильники земного притяжения на орбите, и засыпал.

Я получил для себя подтверждение моей догадки о звездном пшене, когда однажды ночью проснулся и вышел в ванную по нужде, и там, при включенном свете, закрыв глаза, увидел редкие, как при взгляде с земли на ночное небо, светящиеся точки, оставшиеся в памяти на черном пространстве моего внутреннего зрения. Несколько раз потом, при подобных обстоятельствах, я убеждался в этом эффекте возвращения из звездного сна. И все это я считал своей фантазией, пока не произошло что-то сакральное, о котором я никому никогда не рассказывал.

Неожиданно очнувшись ночью, я увидел у моей кровати двух человекоподобных существ в полный рост, которые склонились серыми тенями надо мной и что-то со мной делали. Но, вдруг заметив, что я очнулся и увидел их, мгновенно исчезли. Я не испугался, а удивился, кто бы это мог быть?

Однако обычно лежать на левом боку, из-за сердечной недостаточности (а не из-за недостаточной сердечности), я долго не мог, и поворачивался на правый бок, невольно просыпаясь от первого кратковременного сна. Сознание мое вздрагивало от щелчков остывавшей фарфоровой люстры, от потрескивания пересохших обоев, от шелеста отлетавшей известки их

расходящихся швов потолочных панелей. Принимал жужжание приближающейся далеко на улице электрички за комара, невольно отгоняя его рукой от щели, в которую едва высовывалась из-под одеяла моя голова, и замирал от того, что кто-то ходит рядом, пока сознание не объясняло, что, видимо, жилища наверху повернулась в своей кровати, отчего и скрипнула соседская половица. Но чтобы удостовериться в этом предположении, я всё же отбрасывал слегка одеяло и вперялся в темноту, подобно маме, которая поднимала резко голову от подушки на соседней кровати и тревожно спрашивала: «Боря, это ты?», потом валилась на постель и со вздохом облегчения укоряла: «Фух, как ты меня напугал!»

А я опять слышал четкий стук часов, начинал считать качания маятника, пока часы потихоньку не стихали, и светящееся пшено налетало на меня и наконец, засыпало, и я проваливался в это звездное небо».

Ну как, Володя? Если писать так подробно, мне бумаги никакой не хватит.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

05.06.78

Здравствуй, Боря!

Очень и очень жаль, что ты не смог (а может, не захотел) ответить на мои простые вопросы. Я этот вариант предвидел и даже больше – думал, что ты именно так поступишь – откажешься отвечать, а будешь требовать от меня то, что тебя самого более интересует. Это уже становится похожим на эгоцентризм. Ты отсылаешь меня к книгам и прилагаешь список – большое спасибо, Боря.

О родном отце я узнал случайно, и что странно, – сразу поверил, а узнал от человека, которого впервые видел. В душе ничего не всколыхнулось, а просто сразу стали понятны многие ранее непонятные факты из моей жизни, и очень захотелось, как можно больше узнать о родном отце, сравнить его с собой. И чем больше я его узнавал, тем больше хотелось узнать, потому что он был удивительный человек. Его младшая сестра, моя тетя Гутя (Августа) до сих пор о нем плачет, сказала мне, что лучше человека она в жизни не встречала. И тоже сравнивала меня с ним – это сравнение меня до сих пор преследует. И что удивительно, я очень мало взял от отца по крову, у меня все от отца по крови. Отец по крову (отчим), как только я узнал о родном отце, сразу намного возвысился в моих глазах. Я стал им больше интересоваться, мы с ним не были друзьями, он был всегда немногословен, скрытен к откровенным разговорам. Кстати, *он взял клятву* с моих отцовских родственников, что они никогда не дадут знать о себе. Смерть его раскрыла

мне на многое глаза, я понял, что отчим был удивительным человеком, и я очень пожалел, что мы не были друзьями. Твою просьбу я, кажется, выполнил – на твои вопросы ответил, только не знаю, в каком объеме тебе это нужно знать, ведь я бы мог написать все гораздо подробнее, и, наверно, интереснее (не художественно). Но мне так показалось, что именно в таком объеме тебе нужно знать.

Зачем противоречишь сам себе, выслал список книг, а в конце пишешь, не доверяй книгам. Не читать книг, значит перестать думать, и книги – наши последние друзья, которые нас не обманывают и всегда остаются с нами. А ошибки великих, по-моему, легче заметить, чем собственные. Хорошая книга, мысли великих дают нам, по-моему, возможность легче разобраться со своими собственными трудностями, нужно только, наверно, вовремя взять в руки нужную книгу. Я жизни без книг не мыслю, это все, что мне сейчас осталось, все остальное для меня уже бессмысленно, не нужно. Работать, чтобы жить, и читать, чтобы мыслить – вот и все, Боря, в другом варианте я свою жизнь не могу представить. Не вижу никакого смысла – к чему-то еще стремиться, чего-то добиваться. Зачем? Какая и кому от меня польза? Даже тебе не могу я ни в чем помочь.

Будь здоров, Обнимаю, Вова.

Володя – Борису

29.07.78

Здравствуй, Боря!

Письмо твое получил давненько, а вот писать сел только сейчас. Почему задержал с ответом? Обстановка у меня здесь сейчас такая, не до писем, хоть и время бывает много свободного.

В этом письме напишу кратко о своей жизни за последние полгода. Ничего интересного. Была сплошная нервозность.

В начале июня приехала мама. При маме, 30 июня неожиданно явилась бывшая жена Валя со своим молодым (22 года) мужем. Приехала с пузом, жить в своей, «по закону», половине дома (а дом строил только я, на деньги родственников). Я не пустил – как жить в одной комнате? Был скандал, со схватками. Муж увез ее в больницу рожать. Когда родила, опять приходила вселяться, снова был скандал. Видел дочь.

(А чья это дочь, может, того молодого мужа?)

Видел очень мало – это было самое тяжелое время из всей этой нервозности – моя дочь, трудно словами обо всем написать.

Я опять их не пустил в дом – пускай через суд вселяются – ушли на квартиру, что будет дальше, не знаю.

Жена подала на алименты, в июле оформлял развод и всякие дела.

За свои ошибки мы расплачиваемся только сами, а тем более, если закон на стороне подлеца. Представляешь, мы остаемся в дураках, со всей нашей философией и чистой совестью. Подлец видит в любом подлеце, и ему легче достичь цели, чем честному, который видит в подлеце сначала честного, и поэтому страдает за свою честность. Мне кажется, хорошие мужчины больше говорят сердцем, а не словами. А женщины, большей частью своей, болтливы, завистливы и злы, а такие в любой момент могут предать тебя, растоптать, все перечеркнуть ради своего эгоизма. Самоуверенность и глупость – это черты эгоизма высшей марки, если можно так выразиться. Да, это просто – быть самоуверенным, даже легко. Намного труднее, по-моему, разобраться в человеке, понять его философию, а для этого нужно сначала разобраться в самом себе, что, по-моему, еще намного труднее – «так мало я постиг, мелко плаваю, а другого делать не умею и не хочу», – мне понравились эти твои слова, по-моему, бред мальчика. Извини, по-другому я сказать не смог.

На эти твои слова могу задать тебе вопросы, на которые ты не сможешь, наверно, ответить. Чем ты живешь? Смысл твоей жизни? Наверно, нельзя объять необъятное? Цель жизни должна быть достижима, по-моему. И если ты чувствуешь, что никогда не сможешь достигнуть этой вершины – выбери другую, пониже и полегче, но с не меньшими трудностями, чем первая, главное – чтоб видеть ее конечную цель и суметь на нее взобраться. Ведь и в малом, по-моему, можно сделать немало.

(Если бы я так делал, то не достиг того, что смог.)

Если ты мало постиг, заканчивай второй вуз. Что же тогда я, по сравнению с тобой, – выходит, ничтожество? Почему же ты рад читать мои длинные письма? Я не учусь, читаю ничтожно мало, совсем мало по сравнению с тобой. В июне прочитал «Идиота» Достоевского, читал с желанием, с интересом. Но что я узнал, когда прочитал, – ничего нового для себя, все мне было это знакомо. Встает вопрос: почему? – Не знаю.

(Потому что потенция и гонор – необъятные, а образования – нет.)

А вот недавно прочитал небольшую книжечку о шахматах Бронштейна, и узнал для себя многое, чем читая классика. Какой-то парадокс. Ты ошибаешься, по-моему, ты совсем не оригинален – просто в тебе, по-моему, сидит бес, который мешает тебе всю жизнь, и ты это заметить никак не хочешь или не можешь. По-другому я сказать не могу. Может быть, поэтому мы и говорим на разных языках, скорее всего так, а впрочем, об этом трудно судить сейчас. Ты очень хорошо разобрал мою фразу письма – все правильно, если понимать так, как ты пишешь. Но ведь я писал совсем в другом смысле, и, может быть, ты его и понял, но решил зачем-то прибегнуть к логике и положить меня на обе лопатки – может быть, мстишь

за обиды, которые я тебе нанес в своем письме. Но ведь обижаться глупо, тем более между нами.

Испытал ли ты, что такое одиночество – вот почему книга – наш последний друг, какая бы она ни была, она рядом с тобой, плохую ты, конечно (это ясно любому смертному), отбросишь, а найдешь по своим потребностям – это последний друг, который с тобой разговаривает, и ты с ним споришь, ищешь истину. Но книга не обманет, как живой человек, потому что она – вещь – не живая. Неужели так трудно было понять этот смысл, а не тот, что ты написал? Книги всегда остаются с нами в архивах, библиотеках, дома на полке – стоит только взять их в руки, а друзья – стареют, умирают, теряются, как друзья. Я с тобой согласен – разговор можно продолжать бесконечно, если лить воду в дырявое ведро, бумагу не жалко и даже время – просто нужно уметь понимать другого.

(У Володи слово «понимать» означает верить только его мнению, даже если он несет околесицу. Кто не принимает, тот не понимает его. Поэтому спор с ним бесполезен.)

Одному жить страшно, даже если ты постоянно среди людей. Я тебе уже писал, для полной человеческой жизни каждый человек должен иметь своего двойника – другого живого человека – обычно это жена, может быть друг, может быть мать, отец, сын – но самое главное, чтобы между вами было полное взаимопонимание, можно сказать, любовь, чисто человеческие отношения. Чтобы ты мог перевоплощаться в этого другого, а он в тебя, тогда жизненные цели, смысл жизни и вообще все главное в жизни, ради чего живет человек, впишется в твой короткий миг, который нам отпустило время. Я сейчас один, у меня полная пустота в душе, хотя рядом мать, приехал сын Андрей, и брат через шесть лет решил помириться. Вот почти уже месяц я вижу рядом своего кровного сына, и вроде бы он не мой, хотя прошло всего шесть лет, я его не узнал (физически очень изменился). Сразу чувствуется не твое влияние, не таким хотел я видеть своего сына, и ничем не могу себе помочь, горько сознавать, что растет моя плоть, но моего в ней почти ничего нет.

Мой совет тебе – не покидай своего сына, постарайся стать для него другом, именно другом, а не отцом, он сам будет видеть в тебе отца. Будь с ним на равных, исключая возраст. Никто из родственников мне другом не стал, со второй женой что-то намечалось, но она оказалась змеей. Насколько она могла влезть в душу, настолько она сделала гадостей. Это был мне очень хороший жизненный урок. Я еще не знаю, какой во мне сидит бес, но я чувствую свои крупные недостатки – эгоизм, нерешительность, необщительность, упрямство, безволие, равнодушие ко всему. И масса – мелких.

В своем письме ты меня опять удивил, потому что ты это написал: займись писательством. Другие мне уже писали об этом. Вся моя писанина – мои письма, которые я очень не люблю писать. Ты как-то давно мне

предлагал писать дневник – это не для меня, Боря, и я прекрасно знаю, что глупо мне думать о писательстве. Я в себе-то не могу разобраться, а здесь орешек не по моим зубам. Письмо-то толком написать не могу. Для меня это мука – выжимать из себя слова. И книги-то я читаю, выбирая только такие, чтобы разобраться в своих ошибках.

Я думал, что ты мне в чем-то поможешь, но начинаю все больше убеждаться, что жизни, как таковой, ты не знаешь, хотя очень хорошо можешь говорить, доказывать, советовать. Это не так трудно, но есть одно «но» – нужно все пережить самому. Книги, примеры, советы, взгляды – одно, в них есть польза, но мизерная, все мы делаем и решаем сами. Наши ошибки – это мы сами. И никто в них не повинен, кроме нас.

Этим хочу закончить. Письмо поедет к тебе, и многое, что я тебе написал, я забуду. Я заметил, что стал очень рассеян и забывчив. И еще запомни – при встрече у нас с тобой таких разговоров не получится, просто я не смогу так разговаривать, слишком много труда мне нужно, чтобы хотя бы написать все это. И сейчас я разговариваю как бы с тобой, толчок к этому разговору – твое письмо. А при встрече в разговоре живом все происходит по-другому.

О чае. Наверно, ты многое уже знаешь, но постараюсь написать. В чае содержится около 130 (!) различных веществ. Чай бывает черный, который мы пьем, зеленый, который пьют в Средней Азии, а красный и желтый (промежуточные) пьют в Китае – на родине чая. Сразу напишу, как правильно его заваривать. Хранить чай нужно в стеклянной таре, с притертой пробкой. Чай, как губка, все впитывает. А когда завариваешь, рядом не должно быть ничего сильно пахнущего. Посуда для заваривания – фарфор, фаянс и только. Размер чайника – сколько ты намерен выпить зараз – не более. Воду кипятить только в эмалированном чайнике. Если вода из крана, налить в чайник и перед кипячением дать постоять 0,5 – 1 час, чтобы вышел запах хлорки, а потом ставить кипятить. Лучшая вода – родниковая. В Китае воду для чая продают на рынке. Кипятить воду нужно тоже уметь. Различают три стадии кипения: 1 стадия – чайник начал шуметь, появляются пузырьки; 2 стадия – пузырьков очень много, все поднимается кверху, вода как бы болеет; 3 стадия – вода начинает бурлить. Заваривать нужно на второй стадии кипения. На третьей стадии при бурлении выделяется, образуется тяжелая вода. Второй раз кипятить или подогревать для заварки воду нельзя. Вместо воды можно применять молоко, то есть заваривать чай молоком – это уже кому как по вкусу.

Теперь о норме заварки. Средняя нормальная норма заварки считается – 1 чайная ложка на стакан воды плюс чайная ложка на заварник. Если в заварник входит три стакана, значит нужно положить 4 чайных ложки (без верха, немного с верхом). Очень большая крепость – до 10 ложек на стакан воды – сильно возбуждает, выше 10 ложек вызывает сонливость, для здоровья не вредно при одноразовом употреблении, систематически пить нельзя. Сам процесс заварки: заварник – чайник фарфоровый нужно сначала прогреть или сухим воздухом, или кипятком, предварительно ополоснув его

подсоленной сырой водой. В нагретый чайник засыпать норму и сразу залить примерно на 2/3 объема закипевшей водой, закрыть крышкой и накрыть салфеткой льняной, сатиновой, чтобы аромат не улетучивался. Если чай черный, через две минуты (зеленый чай – 5 минут) залить доверху, и можно сразу наливать в чашки и пить. Ни в коем случае не разбавлять водой, только одну заварку пить. Если ты правильно заварил, чем выше качество сухого чая и чем правильнее заварил, тем больше должно образоваться пены, когда наливаешь кипяток (это самоконтроль). Чай можно и даже нужно пить с молоком (сначала наливать молоко, а потом заварку). Чай и молоко – друзья, молоко уменьшает действие кофеина. Чай и сахар – враги, перестань пить чай с сахаром. Можно пить чай с коньяком, чай с кофе, чай с какао, чай с вареньем (отдельно), чай с солью, чай с перцем.

Очень хорош напиток, который пьют в Тибете, он быстро восстанавливает силы: заварить пачку чая (50 г) стаканом воды, растопить масло, чай и масло хорошо перемешать (масла 200 гр.), и все выпить.

Ни в коем случае заваренный чай нельзя кипятить – будет «чефир» – очень вредный напиток. Я мог бы тебе перечислить все достоинства, сорта, разновидности чая – это долго писать. Главное – очень полезный напиток. Я пью в основном зеленый чай с молоком без сахара.

Все, пиши, Обнимаю, Володя.

Володя – Борису

Без даты

Дорогой Боря!

Пожалуйста, извини за долгое молчание. Оправдываться не имею права. Наконец-то вырвался в Фонтанку и разыскал письмо отца, которое он мне писал в черновике, но послать мне не успел. Отвечать на твое письмо пока не буду. Мне думается, на многие вопросы свои ты найдешь ответ в этих двух конвертах, и напишешь мне новое письмо.

У меня все в порядке, на работе небольшие изменения в лучшую сторону. Никогда не думал, что мне будет так тяжело со временем, я в большом цейтноте, столько всяких дел, которые нужно переделать, а где взять время?

Пиши, жду.

Очень прошу, о получении писем сообщи открыткой. Отдаю тебе их на постоянное пользование.

Володя.

ПИСЬМА ВАЛЕНТИНА ЯКОВЛЕВИЧА РЯБОВА

1.

Володя – Валентину Яковлевичу

Без даты

Ждал от вас письмо, но его нет.

Значит, не я, а вы решили от меня отказаться?

Что я вам сделал плохого?

Добро будет только тогда добром, когда оно делается без примеси зла.

Может, все-таки напишите хотя бы о своем здоровье?

Только не надо писать, что я неблагодарный сын – вы совсем меня не знаете.

Желаю вам крепкого здоровья.

У меня все хорошо.

2.

Приписка на этом письме рукой отчима Валентина Яковлевича

Вова!

Удивляемся твоему поведению.

Будь нормальным человеком и сыном. Пиши, чтобы было кому, чтобы было здравствуй и до свидания. Отец.

3.

На обороте этого письма – письмо Володи без даты

Вам не нравятся мои письма. Удивляетесь моему поведению. Я вас прекрасно понимаю: вырастили – кормили, одевали, дали образование и т.д. и т.п. А сын пишет такие письма, сюрприз за сюрпризом. Естественно, для вас я буду неблагодарный. Если бы я мог, я бы с радостью вернул вам все ваши материальные затраты за всю мою жизнь в несколько раз больше, чтобы не быть вам неблагодарным, чтобы вы так не думали. Ведь мать всю жизнь человеческую переводит на деньги.

Не знаю, как отец – он для меня всегда оставался загадкой, наверное, так и останется. Кроме ленинских цитат и постоянных придирок в мелочах, я ничего вспомнить не могу – вот и сейчас возмущение и приказ писать «здравствуй» и «до свидания», разве в этом суть наших теперешних отношений. Я могу вам писать: «Здравствуйте, у меня все хорошо, до свидания», – если вы так хотите. Но я хочу понять суть, правду, хочу понять, что на самом деле вы от меня хотите. Хорошим сыном, поэтому, быть у меня не получится, хотя хочу быть хорошим, но как, мне мало «здравствуй и до свидания» (а сами вы почему-то не написали – обиделись). Я хочу до конца вас понять, вашу философию. Хочется вам задать вопросы, но не знаю,

ответите ли вы мне на них. Ведь вы скажете – дети не должны осуждать родителей.

Почему на нашем доме всегда висел замок для окружающего мира, почему к нам никогда не приходили люди, почему мы жили только своим миром?

(Железный занавес – в доме, железный занавес – в стране.)

Почему я, не знаю, как сестры, никогда не чувствовал любви, согласия, общих интересов, общих радостей между вами обоими? Если вы не любили друг друга, зачем вы жили вместе – ради детей? Или от того, что мать пропала бы с троими? Почему я ничего не знал о жизни, о всех ее сторонах до 22 лет, кроме мира нашей семьи, до всего пришлось доходить самому, а сколько лет ушло на это! Вы сделали большую ошибку, что хотели от меня скрыть такого человека, как Сливкин. Виновата мать – это называется предательством – в том же году, когда он (Сливкин) погиб (6 июня 1942), она, не зная о его смерти, вышла замуж – оправдание одно – испугалась трудностей. Но ведь в оправдание себе можно сохранить его письма и документы. Где они? – документы все у меня. А где письма? Вы бы так мне ничего и не сказали бы? Это называется жестокостью, по отношению к памяти этого человека. Такие тайны хранить до конца почти невозможно. Так почему вы мне об этом не сказали? Боялись? Чего боялись? Бояться можно только, когда грешен, а когда совесть чиста, бояться нечего. Так в чем же ваша совесть не чиста? Поймите, только одно то, что я узнал о нем (что он существует), дало мне больше, чем вся моя жизнь.

Простите, но сейчас писать по-другому я не могу.

4.

Второе письмо Володи родителям без даты

Хочу добавить еще. Когда я в 1971 году узнал о Сливкине, первое, что было, это то, что Вы, отец, поднялись в моих глазах сразу на десять порядков, а мать настолько же упала.

Мне еще не понятно, почему вы нас, своих детей, приучили называть вас на «Вы»? Ведь «Вы» между близкими отдаляет их на какое-то расстояние друг от друга.

(Рукой отчима написана рядом реплика: «Не тебе говорить – отдаляет». И ниже: «10 тысяч долг уже».)

Ведь «Вы» для меня может значить что-то недостижимое. А ведь сейчас между вами и мной нет никакой разницы, кроме возраста, мы равны в отношении к жизни, и это «вы» только нас отдаляет, а у меня так это вошло в привычку, что уже никогда не смогу сказать вам «ты». Зачем Вы привили

нам, детям, эту официальность? Показывать другим, что вот, мол, у нас какие дети, своих родителей так уважают, что называют их на «Вы».

(А может быть, родители – дворянского рода? По внешности – похожи.)

По-моему, это глупо, вы сами этим «Вы» сделали какую-то границу в наших отношениях, за которую переходить нельзя, вы просто сами отдалили нас от себя. Естественно и просто и даже приятно называть на «ты» – в этом чувствуется близость, а уважения к себе добиваются не этим «вы», а чем-то другим. Ведь если друга называешь на «ты», это не говорит о том, что его не уважаешь? Только из уважения к старшему, тебе незнакомому или малознакомому, или человеку, который заслужил уважение, называешь его на «Вы».

Все люди грешны своими ошибками в жизни, никто никогда не жил, не совершая ошибок. И чем больше знаешь ошибок жизненных других людей, тем меньше совершаешь своих. Я о ваших жизненных ошибках совершенно ничего не знаю, вы всегда старались показать себя с хорошей стороны, что Вы одни хорошие, а большинство – плохие.

(Приписка рукой отчима: «Ковыряется в грязном белье».)

Я вышел в жизнь, почти ничего не зная о ней, об ошибках, об опыте других, большей частью до всего приходилось доходить самому. Зачем бояться сказать о своих жизненных ошибках искренне, откровенно обо всем, ничего не утаивая? Почему я должен от других узнавать, что отец был женат на другой женщине, но у них не было детей – и он ушел от нее – это правда? Что у отца в Хабаровске была другая женщина, и что у нее от него есть кто-то – а это правда? Я вспоминаю частые скандалы в Хабаровске между вами – из-за чего они были?

Еще я вспоминаю в Ленинграде, когда мы жили в общежитии, отец вечером, или уже ночью, сидел за столом и занимался, я уже лежал в постели, но еще не спал. Вы о чем-то между собой разговаривали тихо. Потом услышал вопрос матери: «А ты его любишь?» Я понял – это обо мне. Я потом всю жизнь задавал себе этот вопрос, почему отец может не любить своего сына? Сколько я писал Галине, чтобы она что-то написала о детях, и наконец, пригрозил ей судом. В ответ получил письмо Андрея, в котором он пишет, чтобы я не писал маме такие письма, и что он не хочет мне писать сам – вот что значит скрывать от детей правду.

(Рукой отчима: «Поехать» – имеется в виду – Володе надо поехать к сыновьям, навестить их.)

Так, может быть, хоть сейчас, так поздно, это нужно было сделать лет двадцать назад, вы напишете мне только правду, хотя бы о своих самых крупных неудачах и ошибках в жизни. Ведь вы не только друг друга

встретили (а ведь я тоже об этом не знаю, как это было), на вашем жизненном пути было много встреч, и были, конечно, ошибки и промахи.

(Рукой отчима: «Институт. Армия» – имеется в виду, не окончил институт, откосил от армии, а родители согласились.)

Это будет лучше всякого вашего совета, делай так, а не так, я смогу сделать свои выводы. И не бойтесь писать, вам от этого плохо не будет, а мне будет только польза. Но я и не принуждаю вас писать – это ваше право. Нужно, давно нужно изменить характер наших отношений с вами. Инициатива остается за вами. Ваш Вова.

5.

Третье письмо Володя родителям

03.11.77

Здравствуйтесь, папа, мама!

Не могу понять ваше молчание. Если я вас оскорбил, обидел, если я для вас неблагодарный сын, не надо молчать, лучше отругайте, искренне, от чистого сердца, я на вас никогда не обижался и не обижусь, я могу только возмутиться неправильным вашим поведением. Ваше молчание хуже любых ваших слов – оно равносильно отказу от меня, вашего сына.

(Я вспомнил, как плакал на всю школу, навзрыд, от маминых слов: «Будешь так себя вести, я откажусь от тебя». У меня же тогда никого не будет! Мать меня утешала, говорила, что стыдно, все видят, что если я буду хорошо себя вести, то она не бросит меня. Уже тогда, пятиклашкой, я подсмотрел (эффект острашения, странный взгляд), что мать не на шутку испугалась, что я поверил в то, что она может меня бросить, перегнула палку в наказании за мое плохое поведение на уроках. Но это (подглядывание) дало мне силы постепенно успокоиться.)

Но я хочу контакта, я его всегда хотел, но вы, ваша жизнь, ваши взгляды на жизнь, для меня всегда были загадкой. И все мои стремления к контакту всегда кончались неудачей. Я прекрасно понимаю, что самые большие люди для ребенка – отец и мать, и их нужно любить и уважать, вы это хорошо внушили. И я всегда хотел и хочу любить и уважать вас, вы мне дороги – я хочу постоянно знать, как вы живете, как ваше здоровье, чем обеспокоены, я уже неоднократно просил написать вас о вашем здоровье, ни в одном письме этого не было. Не обижайтесь на меня за мои письма, пишу – как могу.

Отцы и дети не должны дожидаться просьбы друг от друга, а должны предупредительно давать потребное друг другу, причем первенство принадлежит отцу. Диоген.

Помните, что дети ваши будут обходиться с вами так же, как вы обходитесь со своими родителями. Фалес.

Вначале мы учим своих детей. Затем мы сами учимся у них. Кто этого делать не хочет, тот отстает от своего времени. Я. Райнис.

Любящая мать, старающаяся устроить счастье своих детей, часто связывает их по рукам и ногам узостью своих взглядов, близорукостью расчетов и непрошеной нежностью своих забот. Д.И. Писарев
Ваш Вова.

6.

Выписки черновиков Валентина Яковлевича

(Видимо, Валентин Яковлевич перечитывал последние письма Володи, делал выписки, готовясь написать ему свой ответ.)

«Что сделал я вам плохого».

«Я не принуждаю вас писать – это ваше право».

А в другом месте пишешь: «Ждал от вас письмо, но его нет. Значит, не я, а вы решили от меня отказаться?».

Во-первых, только отъявленному подлецу может придти в голову мысль отказаться от своего сына.

Значит твое последнее выражение – отказаться от тебя – само требует, чтобы тебе писали.

И в чем суть наших теперешних отношений?

А почему ты не должен писать, как люди?

«Чего вы от меня хотите?»

Хочу понять до конца вашу мысль, как помочь государству, семье...

Почему замок для окружающего мира, не приходили люди?

Или человека, который заслужил доверие, называешь на «вы».

Отец и мать жили с вами честно.

Приезжайте, когда купите дом.

Где, когда, да ты мог заметить, чтобы я не любил тебя? (зачеркнул).

О неудачах и ошибках в жизни.

По собранным документам, значит, хочешь писать мемуары.

О моей жизни. Есть даже некоторые документы? Надо не быть загадкой. Честность, настойчивость, решительность, последовательность.

Ленинские цитаты? Пионерия, комсомол, партия – переходил по трем ступеням, этим всегда гордился. Во всем ответственность: за свое воспитание (родителей, детей, свою жену). О жизни семьи. Одеты, обуты, учились нормально.

О твоей жизни. А где у тебя ответственность за свое воспитание, твою семью, твою жену? Ты был равнодушен. Только товарищи, книги, аккордеон. Потому «только после 22 лет...» Это когда юбка тебя повела.

Три основания в формировании современного человека. Обращение с людьми. Быть человеком: злоба, неуважение людей; издевка, надменность, лицемерие, беспомощность. Пока ничтожный обыватель. Хотя пыжишься в сравнении со мной, не имеющем практически ни одного из твоих недостатков. Я, его отец, не знал этого.

Что это за большая ошибка, что от тебя скрыли Сливкина?

Зачем он тебе понадобился? Почему перед тобой мать – предатель? Ведь это настоящая глупость. Женились в январе 1943 года.

Ах, вы не рассказали о первой жене. Ах, почему не рассказали о Хабаровске.

7.

Валентин Яковлевич – Володе

23.02.78 г.

Здравствуй, Вова!

Так и не пойму, где Валя с Олечкой. Если они у тебя рядом, чему мы очень рады, так им тоже приветище.

Нахожусь дома, (в черновике: мама ведет все домашние дела, так как мне, видите ли, нельзя волноваться, переставлять всякие предметы) на полном иждивении мамы, так как мне врачом приказано: не волноваться, домашние вещи не таскать. Пью сильные лекарства: немецкие, венгерские, получаю уколы румынские, но грудь по-прежнему болит, и приступы стенокардии (сиречь – грудной жабы) усмиряю в среднем пять раз в сутки русским лекарством – нитроглицерином.

В общем, жду избавления от этой напасти (в черновике «может быть, и зря»), ведь существует крылатое: «все впереди, надейся и жди...» Вот и жду. Из дома почти не выхожу, больно уж холодный воздух и «дух захватывает». Вот потеплеет, тогда, будем надеяться (в черновике: «произойдет улучшение»), все изменится к лучшему.

Два раза получили твои деньги. Нам думается, что их мы будем складывать для твоей поездки к детям в период твоего отпуска. Иначе нельзя, отец должен посещать своих детей, не смотря ни на что, это его право, и отнять это право у него никому не дано. Так будь же мужчиной. Кстати, когда у тебя отпуск?

(В черновике этот абзац: «Два раза получили твои деньги, но, нам думается, что эти деньги тебе понадобятся к сынам съездить; как у нас выйдет, но мы их постараемся складывать тебе для этой цели. Когда отпуск у тебя будет, вот и съездишь. А иначе ведь нельзя, они твои сыны и ничьи больше. Вот и готовься к этой поездке по серьезному, как отец.»)

Девочки писали, что ты редко им пишешь. Старшим детям, да еще мужского пола, надо в этом вести себя более серьезно, быть ведущими, а не ведомыми. Пожалуйста, сделай выводы и здесь. По письмам Тани и Оли нам понятно, что у них все в порядке. И мы верим этому, нам представляется, что оба Володи – серьезные ребята.

Рекомендуемую тобой литературу мы стараемся читать, так что ты в этом не сомневайся. Нам же с матерью понравилось и очень, это две книжки автора Капица «Боксеры» и «Летчики» (общее название забыли, кажется «Перебори страх»). Первую книжку я прочел, но пришлось перечитывать ее для матери, а уж вторую книгу читали вместе. Такое было три года назад.

Еще совсем недавно прочитали книгу «Следователь прокуратуры», автор С. Родмонов. Я только что с интересом прочел «В полдень на солнечной стороне» Вадима Кожевникова. Сейчас начал читать «Берег» Бондарева, он за эту книгу только что получил гос. премию. У него есть очень хорошая книга «Горячий снег».

Чирковы, как и мы (пожалуй, больше), побаливают. У Петра Александровича стенокардия чуть поменьше, но плохо дело в животе, жалуется на все подряд. Вера Михайловна похудела и тоже больна. Боря работает на знаменитом металлическом заводе, участвует в создании громадных турбин, зарабатывает хорошо, приоделся, но по-прежнему выпивает. У Валеры что-то не все ладно с мужем, чем кончится, пока трудно сказать.

Вы-то хоть здоровы? Хорошо ли питаетесь?

Пока до свидания, будьте счастливы.

Целуем, мама и папа.

8.

Приписка Володи на черновике письма Валентина Яковлевича

Отец умер 5 марта 1978 г. Это его последнее ко мне письмо вместе с черновиком.

9.

Валентин Яковлевич – Володе
(не отправленный черновик)

На конверте письма:

272161 Ленинградская область, Кировский район, ст. Мга,
Железнодорожная, 71.

Фото.

У нас есть лучшего изготовления (мы тебя понимаем, ты хотя бы сообщи, что неразборчиво).

Посылаем тебе некоторые фото, возможно, у тебя их нет.

Вырезка из газеты, с твоей добавкой – для Чирковых. Пусть им будет стыдно перед сыном.

Современный рабочий не просто грамотный человек, это духовно богатый человек.

10.

Валентин Яковлевич – Володе

Здравствуй, Вова!

Ну, что же, сын, давай поговорим начистоту, по-мужски, раз тебе очень этого хочется. Хотя, скажу заранее, что я такого разговора не хотел бы, зная, что ты человек взрослый, и пора тебе жизнь понимать должным образом без моей помощи. Да и твои жизненные заблуждения настолько длительны и глубоки, что слышать о них мне, старику, невольно, уж очень оскверняют они душу порядочного человека, каким я являюсь. Издевательски оскорбительное отношение к родителям с твоей стороны я должен пресечь, мы с матерью этого не заслужили.

В последнем твоем письме значатся слова: «Я всегда хотел и хочу любить и уважать вас, вы мне дороги...» Как бы мы хотели этого. Но почему все наоборот, например: всегда игнорировал наше мнение – не бросать учиться, не спросил совета о женитьбе, насмеялся над нами, когда мы хотели приехать к тебе, я, в частности, нуждался погреть больные ноги.

В последнем твоем письме значатся слова – «я на вас никогда не обижался (?) и не обижусь». Вот теперь я посмотрю, как ты не обидишься после того, как я напишу *«суть, правду, что мы от тебя хотим»* (курсив твой)?

Это письмо далее состоит из трех частей: обо мне, о нашей семье и о тебе.

Обо мне, как я понял, тебе теперь надо знать под зарез, видимо, хочешь писать мемуары (курсив – зачеркнутый текст: *о нашей семье, валяй*). И эта, мало запомнившаяся тебе, часть жизни членов семьи требует просветления.

(В этом и я, автор, виноват, что подбил Володю запросить автобиографию Валентина Яковлевича Рябова, как запросил ее у своего отца.)

Пишу о себе максимально сокращенно. Родился 19 июля 1912 года. Мне было 5 лет – умерла мама. Меньше чем через год появилась первая мачеха. Отец – коммунист – комиссар пассажирского парохода, на котором находился штаб Волжской военной флотилии. Год возил нас всех (жену, мою сестру, брата, меня) с собой, через год отец – уже механик непосредственно боевого парохода этой флотилии. Мы – опять с ним. В эти два года мы, ребяташки, – как бы участники боев на Волге и Каме.

Самым запомнившимся эпизодом той войны было то, когда колчаковцы захватили пароход, повели отца, бывшего моряка, на расстрел. Мы осиротели бы еще раз, если бы из 40 парней отец со своим другом Овечкиным не смогли убежать от этой кары. Подробно об этих приключениях, при желании, сообщу дополнительно. Отец, отягощенный такой семьей, решил отправить нас в деревню, в тайгу, к брату. Это недалеко от Ижевска. Приехали. Год выполняли посильные сельхозработы, а затем год – в приюте, где давали только сто грамм ржаного хлеба в день. А еще мы добывали кое-что сами на полях. Только приехали, на четвертый день умерла эта мачеха, а через четыре месяца – ее дочка, моя сестренка.

В общем, на третьем году в деревню приехала вторая мачеха, забрала нас и увезла к отцу, то есть в Затон, что рядом с деревней Аракчино – моей родиной.

Мне девять лет, я начал учиться, помогал отцу... перевозил через Волгу людей, и дачников – через Затон. До 25-го года, пока мы были в этом месте. Не обошлось и без заметных событий. Когда отец уехал в длительную командировку, сестренка была в Казани в прислугах, братишка – у нянек в деревне, – я удрал от мачехи в город, где болтался с подобными ребяташками–беспризорниками. Потом отец все же меня разыскал, собрал семью.

В начале 24-го года меня приняли в пионеры, а в январе 25-го нас двоих пионеров, вместе с комсомольцами Казани послали на экскурсию в Москву. Тогда мне удалось повидать В.И. Ленина, еще в деревянном мавзолее.

А в 14 лет я стал комсомольцем. В 27-м году поступил в ФЗУ, через четыре года, еще не кончив ФЗУ, начал учиться на курсах по подготовке во ВТУЗ. Учился и работал слесарем. Ну и в январе 1932 года я – студент того горьковского института, в котором начал учиться и ты (Володя).

В Калининграде прошел высшую вневойсковую подготовку два раза (в 32-м и 35-м годах), был на практике на военных кораблях Черноморского

флота, получил звание лейтенанта, командира БЧ5 надводного корабля 3-го ранга (или механик тральщика). Тут же женился на инженере нашего же выпуска.

Выбрали место работы в Сибири. Был назначен в Томск, в Самусьский завод, где позднее, уже после твоего рождения, привелось увидеть твою мать. Тогда она мне просто понравилась. Я увидел ее благодаря жене дяди Вити (как ты его называешь), работавшем тогда вместе со мной.

Ехал я туда в надежде работать сначала мастером, как советовал отец, но был назначен сразу начальником планово-производственного отдела, а через три месяца уже директором завода.

В 39-ом, практически точно тогда, когда ты родился, я был принят в партию.

В 1940 году был назначен главным инженером пароходства. 26 июня 1941 года был назначен комиссаром полка, а за три часа до отправления полка на фронт приказ был отменен, видимо, не решились оставлять важное в стратегическом отношении пароходство без главного инженера. Так, после этого я и не попал на войну.

В конце 1942 года снова увидел твою мать, будучи в командировке в Самуськах. В январе 1943 года выписал вас в Новосибирск, в феврале зарегистрировались. Почему женились?

Да потому, что полюбили друг друга (это ты, видимо, поймешь), и полюбили всерьез. И, как видишь, держали слово, до сегодня остались верны друг другу, и не потому, что только мать строгость в этом выказывала по каждому подозрению своему необоснованному, а и потому, что и я был железно верен ей всегда. Есть основание гордиться нам самим и детям нашим.

Ну а то, что какой-то мерзопакостник (расшифровываю – это мерзавец и пакостник) напел в твое, всегда охотно слушающее пакости ухо, что будто бы я в Хабаровске кого-то кроме матери еще имел, это все равно как утверждать, что Владимир Рябов является помощником чилийского фашистского кровавого диктатора Пиночета... Уж тут бы ты возмутился. А нам с матерью какво читать эту блевотину из подворотни, сообщенную не злодеем, а собственным сыном. На что мать, всю нашу совместную жизнь донимавшая меня домыслами на почве ревности, и та, прочтя это заботливое «сообщение сына», засмеялась вовсю. Настолько смехотворным показался ей этот (доноситель). Ведь мы жили прямо душа в душу, с полным доверием друг к другу. Если и были некоторые размолвки, то только по недоразумению, и они не влияли на прочность нашего союза и любви.

Дальше рассказывать обо мне, как я жил, полагаю, не надо. Ведь это проходило уже на твоих глазах.

Но следует остановиться на моем мировоззрении.

Прежде всего, я, сколько можно серьезно, понимал, что такое пионер, и очень гордился тем, что сразу, после беспризорничества, был принят в только что образованный отряд, был я тогда маленьким (подросток как-то сразу через семь лет в лето 1930 года, когда от ФЗУ плывал кочегаром, а затем

помощником механика на пароходе) (...) пареньком, пел песни, был первым барабанщиком. Потом комсомол, затем партия. Жизнь понимал такой, какая она есть. И получился из меня человек честный, принципиальный, скромный, последовательно настойчивый, решительный, понимающий ответственность. Видимо, эти качества позволяли выдвигать меня на довольно-таки высокие рабочие посты. Эти качества и достаточно серьезная партийность на всем жизненном пути помогли мне пройти по жизни без ошибок – и в труде, и в партии, и почти без ошибок в семейных делах. Почему «почти» в семейных делах? Да потому, что, знаю, две ошибки все же я допустил. Первая – это то, что согласился с твоим желанием пожить самостоятельно в труде, не закончив Астраханского института, уж больно ты был в то время вялым. Думалось, что труд тебя подбодрит, а учеба еще придет. Ошибка была наполовину. Общественный труд-то тебя как-то подбодрил, но учебу-то в большей части из-за юбок и своей безвольности так и не завершил.

Вторая ошибка. Ходил, упрасивал комиссара, чтобы не взяли тебя в армию. Он мне сказал тогда, что была твоя жена, но он решил все же тебя отправить в армию. Как бы мне согласиться с этим! Ведь армия – это школа мужества, дисциплины для тебя была чрезвычайно нужна, но...

А теперь о нашей семье. Женился я на твоей матери (когда ясно было, что мужа у твоей матери нет – тогда новое правило: больше полугодика после получения письма из военной части, что Сливкин выбыл). (Я был бесконечно рад, у меня есть сын). Появились Таня, потом Оля. Нас стало пятеро, дедушку вашего можно не считать, уж больно этот труженик мало с нами пожил. Чрезвычайно важно то, что в нашей семье никто не помнил, что мы кровно не до конца родные. Мы с матерью единомысленно понимали, что это никому в семье не нужно, а посторонним до семьи дела нет. Думалось, потом, когда дети подрастут, и вдруг будут очень спрашивать об этом, то придется дать пояснения. А объективно говоря, разве это может чем-то укрепить семью, или как-то изменить отношение в семье еще в лучшую сторону. (Разве не наоборот? Оно так и получилось, но об этом в следующем разделе письма.) Поэтому мы просто забыли обо всем этом, и жизнь ведь прожили.

Работал я один, материально жили трудновато, но не так уж плохо. Вы были сыты, стараниями матери чистенько одеты. В семье обычно был мир. В пример многим семьям, у нас в семье атмосфера была дружеской, запрета вам почти ни в чем не было. Иногда по малому (существенному поводу) возникали стычки, но они не могли повлиять на взаимную любовь членов семьи. В довершение, отец у вас не матерился, сумел бросить курить, чтобы не тратиться и не травить вас дымом. Грешен, иногда немного выпивал.

Как мы с матерью радовались, когда ты сделал в своем кружке эсминец и поехал на соревнование. Потом уже всей семьей радовались твоим успешным прыжкам в пионерлагере под Прагой. Думали, формируется нормальный человек. Людей действительно мы приглашали маловато, причиной этому была, прежде всего, ограниченность материальных

возможностей, которые создали как бы инерцию обособленности семьи. Ведь тебе, будем думать, понятно, почему ты сейчас не приглашаешь гостей, а тогда у нас сначала война, потом полуголодная послевоенная (жизнь), потом переезды, потом надо стало больше всем вам взрослым...

Все вам практически было доступно и в школе, и на улице, и дома, из того, чем мы могли располагать. Наоборот, мы подталкивали всемерно вас к труду, общению с людьми, спорту, музыке. Забота о каждом была одинаковой, по-настоящему родительской. Еще раз говорю, мы крепко забыли, что Вова чуть разный, что об этом следует когда-то рассказывать кому-то из вас.

Итак, до выхода вас всех из семьи, благодаря нашей с матерью последовательной заботе, вы были обеспечены всем и материально, и духовно. И нашу семью, по праву, следует считать практически образцовой, если хочешь – только благополучной. (Даже твои запоздалые завихренные мысли насчет обращения к родителям на «вы»).

О тебе. В нашей социалистической действительности существует понятие, что основополагающими формами трудового воспитания человека являются три: семья, школа, трудовой коллектив.

Полагаю, у тебя к первой форме воспитания – семья претензий нет, то же – ко второй форме. Ты и в семье и в школе претерпевал только доброе отношение и пользовался всем в достатке так же, как и твои сверстники. А в Праге даже больше, чем советские дети. Осталась третья форма – трудовой коллектив. В этот третий период у тебя получился как бы «сбой». Перейдя к самостоятельной жизни, ты расслабился настолько, что потерял генеральную линию жизни – стать ответственным главой семьи, то есть обеспечивать семью материально, возглавлять ее во всех жизненных делах. Довел дело до того, что женщины стали тобой руководить; во всем мире матриархат стал в двух местах: в одном из племен, обитающих в пустыне республики Тунис, и в СССР в семье Рябова. Об этом положении пишу с горечью, но что поделаешь? Довести до такого две семьи, это, похоже, смог только ты. Тебе возможно лучше знать, чем ты оттолкнул Галину от себя, но только возможно – что лучше. Сомневаюсь, что в этих причинах ты разобрался. По-моему, ты просто сам не мог, а возможно, не хотел быть отцом. На мой взгляд, причинами развода были: первое – конечно, ее увлечение другим; второе – увлечение другим содействовало ее охлаждению к первому – спрашивается, из-за чего? – Да из-за отсутствия должного внимания к жене, к детям, и неумелого личного поведения, как человека вообще.

(На этом письмо обрывается, а может, Володя не захотел дать оставшийся текст о себе.)

Володя – Борису

Открытка с Новым, 1979 годом

Дорогой далекий и давний друг!

Прошел еще один год нашей жизни, со своими горестями, злом и добром. В Новом году все это нужно забыть, а думать о новых светлых днях, новых надеждах, радость принимать, как должное, с улыбкой, а горькие дни пусть заставят задуматься о смысле жизни, о нашем месте в этом мире.

Счастья тебе, Боря!

Обнимаю, Володька.

Извини за молчание, виноват, обещаю исправиться – протяни руку из Москвы в Одессу и побей!

Володя – Борису

08.01.79

Здравствуй, Боря!

Давно я тебе не писал, извини, руки не доходили. И сейчас пишу без всякого желания. Потому что надо. Твои письма редки, когда я молчу. А они мне интересны. И хочется последовательности, вопросов, ответов на все вопросы, я на твои, а ты – на мои. А для этого нужна регулярная переписка, ответ – сразу по получении письма.

Мама жила у меня до 12 декабря, сейчас вернулась в Ленинград.

При ней бывшая моя жена Валя подала в суд на вселение ко мне в дом – 30 августа был суд, я подал на обжалование в облсуд, так как нарсуд присудил вселить. 12 сентября жена приходила опять скандалить – побила много посуды, порезала потом дверь, разбила окна. 9 октября облсуд отказал в моей жалобе. Но жена исчезла, не стала вселяться, и я не знаю, где она сейчас, бухгалтерия не знает, куда посылать ей алименты. В декабре я подал в суд на раздел. В конце января должен быть суд. Жду.

Работа прежняя, удовлетворенности работой почти нет. Свыкся. Держит коллектив, с кем работаю, можно сказать, второй мой дом. У начальства имею авторитет, ценят, как специалиста. Заработок неплохой, до 300 руб., чистыми – 130 руб.

Сейчас живу наполовину один. Появился новый сосед (тетка продала дом) капитан дальнего плавания, более 30 лет плавал, сейчас работает в новом порту, купил этот дом, он один без семьи, жены его обобрали и выгнали. Я пустил его к себе, он неплохой повар, варит, очень много знает о политике, с ним интересно беседовать. Но он полный профан в житейских вопросах, в познаниях о семье, о женщинах. Угощает меня разными заграничными напитками. Человек, которого трудно понять. Очень много странностей.

Зима в этом году очень холодная, дом не утеплен, не успеваю топить, все выдувает, сплю, не раздеваясь.

Вот кратко вся моя информация. Чем живешь ты? Ответь всего на один вопрос. Но, если не захочешь, не настаиваю. Причина твоего развода? О себе скажу, до сих пор так и не смог понять, почему от меня ушла жена. Много передумал, анализировал, но ответа так и не нашел. Неужели я такой идиот, дурак, что не могу понять простого, а лезу, вернее, стараюсь разобраться в вещах, которые считают вечными вопросами.

Как говорится, все, что ни делается, все к лучшему. Но я вижу впереди один мрак.

Никакого просвета!

Пиши. Обнимаю, дружище, крепко. Вова.

Володя – Борису

Открытка с праздников Октября

Боря! Поздравляю с днем рождения и праздником! Всего тебе хорошего! Счастья!

Я молчу, и ты обиделся или решил забыть, а может быть, я подох давно, ты бы так и не узнал никогда. Если тебя обременяет наша переписка – не буду навязываться. Дом отстоял, женился.

Будь счастлив! Вова.

ГЛАВА IV

БОРИС – ВОЛОДЯ

Володя – Борису

Открытка 2.04.79

Боря!

Поздравляю с праздником Первого Мая и желаю всего самого наилучшего тебе. Извини, что молчу и не пишу. Времени много, но... пусто в голове и в душе, нет никаких желаний. А впереди один мрак, сзади еще хуже. Единственное, что заставляет жить, – работа. Все остальное – чепуха!

Володька.

Борис – Володе

Без даты

Не отправлено.

Здравствуй, Володя!

Рад, что ты женился. Все не один, как я. Спасибо за поздравление с праздником. Поздравляю тебя с днем рождения. Я болел. 3 ноября и не смог дать тебе телеграмму, извини. Желая тебе счастья, но не одинокого, а разделенного (с супругой, или с детьми, или друзьями). У меня произошло много изменений. Этот год был очень напряженным. Я без отпуска сдавал государственные экзамены, делал и защищал диплом. Участвовал во Всесоюзном совещании молодых литераторов. Наконец, закончил институт, съездил в совхоз и ушел с работы на вольные хлеба. Теперь живу только за счет гонораров или командировок. Это не сладко. Зато нигде не служу и пишу свою пьесу об Иване Болотникове. А вечерами ремонтирую свою квартиру сам. Все это требует сил эмоциональных и физических. Времени свободного нет.

Теперь мне хотелось бы сказать несколько слов о тебе. Здесь я начну писать разборчиво. Есть в развитии человечества три позиции видения:

1 – с колен – это древние греки преклонялись перед богами;

2 – в упор – это во времена Шекспира каждый мог сказать царю «ты» и чувствовал себя на равных с другими;

3 – сверху – это когда люди, начиная с Сервантеса, а потом Достоевского смогли возвышаться над простыми смертными и чувствовать себя по силе своего развития выше, чем малообразованные, низкие люди.

Ты пока находишься на первой позиции, хотя претензий у тебя хватает на третью. Ты тычешься, как слепой щенок в умную книжку, почти ничего в ней не понимая. Но лезешь с большим апломбом поучать и воинственно требуешь, чтобы твои поучения не пропали впустую.

Есть в истории развития человечества несколько пластов развития.

1) Я – Я – это взаимодействие человека с самим собой (свойства личности, определяемые ее природой, его отношение к совести, нормам, подсознанию, смыслу жизни).

Сразу скажу, что ты находишься на этом первом пласте (вместе с Экзюпери, как ты его понимаешь). Ты себя чувствуешь в мире, только себя. Если тебе не пишет друг, ты не думаешь, что он может быть занят, болен, обложен делами, что ты сам ему не пишешь сто лет, сказав в последнем письме небрежно, мол, «неохота писать, да и не о чем». Нет, ты его клеймишь за то, что он не думает о тебе (хотя он думает), что он не подозревает, что у тебя боли, беды, свадьбы (хотя он сочувствует твоей разбитой судьбе, разбитой по дурацки). Не я ли валялся у тебя в ногах, умоляя не бросать вуз на четвертом курсе, хотя сам ненавидел это заведение, и так и не стал долго работать инженером. Дело не в институте, дело в том, что ты – размазня, не можешь наступить себе на горло, так как слишком

носишься с собой, слишком пестуешь свою персону. Наступить на горло не в смысле поступиться совестью, а в смысле – достигнуть цели, конечного результата, почувствовать себя победителем, на вершине. Ты победил в другом плане. Отстоял дом, у беременной женщины и у дочери родной отнял дом, так как сам его строил. Какой бы не была та женщина, ты выглядишь не в лучшем виде. Все тот же эгоист.

А теперь я продолжу о других пластах развития человеческого в человеке.

2) Я – Ты – отношение человека к другому человеку. Я сознаю, что кроме меня существуешь ты, или существует моя любимая. И не только сознаю, но выражаю к тебе или к ней свое (действенное) отношение. Судясь с женой, ты не сознавал, что она существует, ты думал только о себе, о несправедливости по отношению к тебе.

3) Я – Мы – человек относится к непосредственному окружению, своей социальной среде, классу, нации, народу, обществу, государству, истории (но все равно только к его среде, его соседям, его классу, например, к рабочим, его, например, русской нации, его – советскому народу, социалистическому обществу, государству – СССР, русской истории).

4) Я – Все – это отношение личности ко всей окружающей среде, (воздуху, лесам, солнцу, людям, зверям, птицам и т. д.) но не как часть природы, а как вершина ее развития, активный орган жизни.

5) Я – Всё, созданное нами, – это отношение личности к рукотворной природе, отношение аналитическое. Например, понять, что человечество развивается не по тому пути, не эти науки надо было бы развивать, а науки о человеке. Вот и получается, что мы много знаем о неживой природе, а о себе совершенно не знаем, не открыли запасы других свойств, шестое, седьмое, сотое чувство (телепатия в зачатке, гадалок судят и пр.)

6) Я – Всеобщее Всё – человек и космос, главный носитель философских проблем.

И опять, оставаясь в своем развитии на первом пласте, ты с претензиями разглагольствуешь о пласте наивысшем, ни черта в этом не понимая. А все потому, что человек ты одаренный, но ужасно невежественный и необразованный, зато с большими амбициями. (Поэтому Володе и трудно писать письма, выразить свои мысли).

Вот пока все, что у меня накопилось. Хочешь писать мне, пиши. Я тебе ничего плохого не делал и не сделаю. Я знаю много хорошего в тебе, и у меня есть свое положительное к тебе отношение, как к другу, хотя и не лишенному существенных недостатков. Обижаться на тебя у меня тоже нет причин. Если ты прав в своих осуждениях, я принимаю к сведению, в чем не прав – у меня хватает ума понять. Кстати, недостатков у меня, может быть, еще больше, чем у тебя. Но тактичности – не меньше. Я бы мог не писать это письмо. Опять промолчать, потому что, боюсь, ты многое не примешь. Но если хоть что-то из этого письма тебе пригодится, я буду рад. Учти, я взял всего только один вопрос: на каком уровне развития ты находишься по отношению к уровням развития человечества. Для чего? Для того чтобы

сбить с тебя немного спеси. Ведь ты же опять не один. А значит, пора развиваться дальше. Передавай привет твоей супруге.

Обнимаю, Борис.

(И все же я не отослал это письмо, Володе, пожалел его. А жаль! Он остался прежним.)

Борис – Володе

1979 год

Здравствуй, Володя!

Может, ты попробуешь дать краткие портреты и биографии каждого Сливкина, с кем встречался?

Схема портрета такая. Карикатурист всегда выделяет самое существенное, бросающееся в глаза, например, вытянутый вперед подбородок, нос крючком, огромные глаза и т.д., и подчеркивает эту главную деталь, утрируя ее. Так же поступает и художник. Значит, тебе надо описать бросающиеся в глаза особенности лица, фигуры, походки, жеста, можно с чем-то сравнить, например, огромный и неуклюжий, как медведь, или – тонкий с вытянутой шеей, как цапля. Не бойся, не получится – не страшно. Даже один штрих важен – потому что внешность объясняет характер, поступки, судьбу.

Пока. Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, дорогой друг!

Биографии ни одного Сливкина полностью не знаю. Думаю, мне в этом поможет тетя Гутя, я уже ей написал. Твою схему портрета я понял, я примерно так и сам понимал. Но вот не могу я заметить того, о чем ты пишешь, может, в силу моей неопытности. На всякий случай высылаю несколько фото, которые я сделал при встречах со Сливкиными.

Ефросинья Васильевна, тетя Потя, 1901 года рождения, самая старшая, малограмотная, боговерная, верующая, маленькая, старенькая, сгорбленная, но очень подвижная женщина, у нее очень выразительные глаза, серо-голубые. У нее детей не было, было два мужа (умерли), обоими, по-моему,

довольна. Работала уборщицей и т. п., сейчас живет с тетей Гутей. Она очень стеснительная, поэтому сначала обращалась ко мне на Вы, а потом, после встречи, – перешла на «ты». Ефросинья Васильевна подарила мне 500 рублей, совсем меня еще не зная. Моя мать оставляла меня у нее, когда мне было год или два, она меня нянчила. Когда она сама была малой, ее прозвали почему-то Потей, так до сих пор и зовут ее все Сливкины.

Александр Васильевич, 1906 года рождения. Дядя Саша моего роста, высокий, лысоват, глаза небольшие, улыбается в усы. Зоя заметила, что у нас с ним схожи затылки, медлителен, любит юмор. Кем работал Александр Васильевич, точно не знаю, скорее всего - вроде, как я, рабочим. Женат второй раз, первая жена умерла, которую очень любил. Сын его Владимир вел непутевую жизнь, несколько раз сидел, сейчас, вроде, живет нормально.

Лев, 1908 года рождения, женат не был, на фото очень красив, погиб, был офицером.

Аркадий Васильевич, 1910 года рождения, черноволосый, с усами, ниже среднего роста, худощав. По характеру, видно, спокойный. Внешностью очень похожий на киноартиста Глузского. Работал в Новосибирске, Красноярске, Братске - на речном флоте, поздно закончил ВУЗ, что-то под 50 лет. Женат второй раз. От первой жены (гулящая была) дочь - Августа, в честь Августы - тети Гути назвал, но все его дочь зовут Галей - Галя Баландина. От второй жены - двое детей, сын - по профессии музыкант, живет в Красноярске, дочь Наталья - недавно окончила вуз.

Во дворе его дачи мы любовались белками, для нас, южан, это было необычно. Жена его мне не понравилась. Мне показалось, что ее приветливость ради ее дочери Натальи, которая хотела ехать в отпуск в Одессу отдыхать. Она и приехала потом в сентябре с подругой, но была у нас на Фонтанке (мы там жили) один день, потом сняла квартиру в Одессе. Почему им так захотелось, не знаю.

Мой отец Африкан Васильевич, 1913 года рождения, был на войне, пропал без вести.

Серафим Васильевич, 1914 года рождения, - погиб на войне.

Августа Васильевна, 1919 года рождения тетя Гутя, роста среднего, очень медлительная, впечатлительная, глаза малые, губы тонкие, у нее очень больны ноги, они опухшие, вся сама она очень больной человек, по профессии учительница, в основном работала в спецшколе–интернате, живет очень скромно, можно ее сравнить чем-то с твоей мамой, как учителя. Августа Васильевна продолжает «ждать» возвращения моего отца, хотя знает, что он не вернется, но ее любовь к брату (в жизни личной она несчастна) и вера в него заставляют ее на что-то надеяться.

Все это дети от первой жены Александры Алексеевны деда Василия Фомича, умер в 1934 году, от несварения желудка.

Что я заметил общее среди всех – аккуратность во всем всех, с кем я был больше знаком, общая любовь и уважение друг к другу – в семье моей матери этого последнего нет.

Связи с двоюродными братьями и сестрами по отцовской линии у меня, можно сказать, нет никакой. С некоторыми я виделся мало, со многими совсем не виделся. Есть трое: сын тети Гути – Саша Богачев, и две дочери Аркадия Васильевича от первой жены Августы Аркадьевны, которая живет в Красноярске, о ней я писал раньше, и Наташа от второй жены. Наташа живет с отцом и матерью в Новосибирске, не замужем, окончила институт, она два раза приезжала в Одессу. Никаких точек сближения у меня с ней не было. Мне трудно что-либо о ней рассказать.

Когда первый раз ездил в Новосибирск, тетя Гутя познакомила меня с первой дочерью Аркадия Васильевича от первой жены. Она – инженер-химик, уже на пенсии, мы с ней, ее дочкой и внучкой увиделись на вокзале, они были проездом и виделись всего 20 минут, столько времени стоял поезд. Но после такой короткой встречи мы с ней до сих пор переписываемся. Тетя Гутя ее очень любит, а она – ее, взаимно, они часто встречаются, звонят друг другу, кстати, ее тоже зовут Августа. Аркадий Васильевич назвал дочь в честь сестры. Но почему-то все ее зовут Галей.

Саша – сын тети Гути – очень необщительный, совершенно неразговорчивый, закончил университет, сейчас учится в аспирантуре, химик-органик, холост, живет с матерью. С его отцом мать в разводе, оказался алкоголиком. Сам Саша к этому склонен – осталось наследство от отца. Саша очень начитан, много знает, видимо очень боится женщин, поэтому, наверное, и холост.

Их отношение к поискам отца не могу знать, они в этом не участвовали.

О деде и бабе по отцу знаю очень мало. Хотя дети должны знать, кто были родные дед и бабка, чтобы понять себя. Знаю, что дед имел мельницу, которую выстроил своими руками, работников не держал, но попал под раскулачивание, из-за чего (из-за прошлого деда) страдали его дети. Отца, Африкана, не приняли в комсомол, долго он не мог поступить в институт из-за деда. Дед умер в 30-х годах. Бабка умерла, когда Августе, младшей ее дочери, было один год.

Дед женился во второй раз, от второй жены были дети – Герман и Владимир.

Герман, 1926 года рождения, самый младший – в 1943 году попал на фронт, где был 1 – 2 недели, но в первом же бою потерял ногу, инвалид, всю жизнь проработал сапожником, болеет сердцем (инфаркт), он очень полный, видел я его в свою первую поездку. У него есть дети – дочь и сын.

Владимир, 1928 года рождения, очень на него похож – с первого взгляда, обычный работяга, железнодорожник, водит поезда.

Старшие дети звали вторую жену отца мамашей. Умерла она совсем недавно. Все ее, мачеху, очень любили. У дяди Саши я видел ее похороны, он заснял их на киноаппарат.

Все, кроме Александра, живут в Новосибирске.

Конечно, все Сливкины знали об Африкане Васильевича и обо мне.

В частности, мои фотографии, которые делал мой отец, были у тети Гути, она часть оставила себе, остальные отдала мне. И у меня дома есть мои фотографии до годовалого возраста – их, как теперь оказалось, сделал не Рябов, а родной отец Сливкин.

Из всех Сливкиных, кажется, мне ближе по душе тетя Гутя, дядя Саша, тетя Потя, отчасти Аркадий Васильевич и сестра Галя, дочь Аркадия. Почему – они видят во мне сына Африка, этого мне достаточно.

Пиши. Володя.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

То, что все Сливкины знали о тебе, говорит за то, что эта история для них интересна (и не только из-за почестей к Африкану), и говорит о том, что они могут все знать в подробностях, о которых, может быть, не совсем человечно, по отношению к тебе, рассказывать. Но это лишь мое предположение.

А мне было бы интересно прочитать и твою автобиографию.

А как все-таки у вас произошла размолвка с братом отца Аркадием Васильевичем? Почему ты отказался переписываться с ним? У меня предположение, что он от тебя скрывает самое главное. Из его письма я понял, что он ушлый, не проговорится. Может быть, мы так и не узнаем, о чем он молчит. Наверное, боялся разыскивать Африкана, а мнение имеет на этот счет.

Пока эти вопросы.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

Без даты

Дорогой Боря!

Аркадий Васильевич – это первый, с кем я вел переписку после его первого письма. Его первое письмо было самое лучшее для меня в отношении информации, которая меня интересовала, – все узнать об отце. В последующих моих письмах на все мои просьбы писать об отце, он старался их как бы избегать.

(Африкан даже не знал в 1940 году домашнего адреса Аркадия, кстати, не только его.)

Написав пару слов об отце, он в основном писал о своей современной жизни, о том, как он строит себе дачу, как куда-то ездил, ходил, с кем говорил и т.д., и в таком же духе.

Я не выдержал и написал ему, что если он не может добавить ничего нового, то не имеет смысла дальше переписываться. Это я ему написал в письме, а сам в то время подумал, что, может, этот человек не хочет со мной переписываться, что, может быть, я слишком настойчив, в общем, мне не хотелось нарушать чью-то, может быть, спокойную жизнь.

Тебе, Боря, нужно понять один психологический момент в этом вопросе – мое намерение, как можно больше узнать об отце, ведь никто еще не знал, что я разыскал Сливкиных, а он почему-то не старался это сделать, это не понятно для меня до сих пор. Аркадий Васильевич мне сам перестал писать, и больше я с ним не переписываюсь. А жаль.

Ты спрашивал об эпизодах встреч с семейством Аркадия Васильевича?

Я встречался, когда с Зоей ездил в Новосибирск. Он был на даче. Тетя Потя нас возила туда по Оби на «Ракете». Дача его на берегу Оби, в лесу, очень красиво, всю ее он сделал своими руками. Встретили хорошо, мы переночевали у них и уехали. Он водил нас к остаткам старой водяной мельницы в лесу.

(Для этого семейства мельница священна.)

Нина Ивановна, жена Аркадия, видимо, не любит первую дочь Аркадия – Августу (Галю). Он тайком от жены высылает подарки внукам. Более о нем, как об отце, я не могу ничего сказать. Как, впрочем, и о других Сливкиных.

Во дворе его дачи мы любовались белками, для нас, южан, это было необычно. Жена его мне не понравилась. Мне показалось, что ее приветливость ради ее дочери Натальи, которая хотела ехать в отпуск в Одессу отдыхать. Она и приехала потом в сентябре с подругой, но была у нас на Фонтанке (мы там жили) один день, потом сняла квартиру в Одессе. Почему им так захотелось, не знаю.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, дорогой Володя!

Извини за долгое молчание.

Каков Аркадий Васильевич, таковы и его жена и дочь Наташа – себе на уме, да с выгодой. Может быть, я не прав.

Но задумайся над таким совпадением: Наташа приезжает к тебе в гости, и на другой день снимает квартиру, ничего не говоря. Сын твой Андрей уезжает после побывки у тебя – перестает тебе писать, хотя «повода для этого» ты ему не давал, а он обещал писать. О Галине я не буду ничего говорить пока (мы еще не дошли до этого щекотливого вопроса). Чтобы Андрею, с годами начать самому искать связи с тобой, нужно, наверное, это заслужить отцовским вниманием.

Я думаю, что твои аргументы (как, в свое время, и мое отношение к своим женам) не совсем убедительны.

Не по такой же ли причине, как в случае совпадения отчужденности Наташи и Андрея, перестал тебе писать Аркадий Васильевич? Не попробовать ли возобновить с ним переписку?

(А может, в письмах, разговорах Володи просквозила подозрительность его о вине Аркадия в измене матери с Рябовым?)

Внимание к людям обременяет нас. Не знаю, как ты, но я не могу отказать в участии кому-нибудь, хотя часто бурчу, что это отнимает время, которого мне всегда не хватает.

Только не обижайся.

Обнимаю. Пока.

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, Боря!

Этот «щекотливый вопрос» лучше разобрать при встрече в устном разговоре. Наташа сказала, что ей неудобно нас стеснять, ведь она была со своей подругой, а я думаю, им нужна была свобода. Представляешь, они приехали отдыхать, развлекаться. И конечно, на наши уговоры остаться у нас – отказалась.

Я считаю, что здесь нет одной причины, а есть три разные причины. Я тебя понял, на что ты намекнул, что я сам виноват во всем этом. Не думаю, что это так. Почему Наташа не захотела у нас жить, я написал. Андрей больше поверил матери, чем отцу, ведь он живет и воспитывается у нее. И я надеюсь, что он со временем что-то поймет и начнет сам искать связи со мной (Галина очень эгоистичная и мечтательная женщина). А Аркадий Васильевич под пятой у своей жены, я бы хотел попробовать, может, даже не возобновить переписку с ним, а хотя бы задать ему несколько вопросов, чтобы он ответил на них, но пока не могу решиться.

Но мы отвлеклись от главной задачи – найти Африкана Васильевича.

Я с тобой согласен в отношении поисков, но отец погиб, как я понял, в то время, когда их дивизия попала в окружение, и все документы того времени утеряны. Если бы он был жив, он давно бы дал знать о себе. Такой человек не может не дать знать о себе. Поиски я прекратил в связи со смертью отчима.

Будь здоров. Обнимаю. Вова.

ВОПРОСЫ - ОТВЕТЫ

Вопрос

Борис

Володя, знает ли твоя мать, при каких обстоятельствах пропал отец, какой документ об этом она получила? Почему думает, что «он, может быть, в Америке»?

Володя

Не знала. Когда я рассказал то, что его мучили, она заплакала и сказала, я этого не знала. Какой документ, не знаю, но не похоронка – это точно.

Вопрос

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОИСК РАЗВЕДЧИКА

ГЛАВА I

ВОЛОДЯ – БОРИС

Володя – Борису

10.05.80

Здравствуй, Боря!

Давно я тебе не писал, очень давно. Поэтому не помню, что писал последнее.

После смерти отца ко мне приехала мама, я в то время был уже один, разведенный. Жил в своем доме. Кажется, я писал тебе, как приехала жена беременная, как она ходила по судам, чтобы вселиться в дом, била мне стекла в доме в окнах, а потом вдруг исчезла. Весной 1979 года она приехала одна, опять суд, в общем, кончилось тем, что пришлось ей выплатить 4000 руб. за дом, лишь бы она отвязалась – она уехала к себе на Урал.

В июне 1978 года ко мне приезжал сын Андрей, побыл месяц, уехал, так ни разу не назвав меня отцом, а мать – бабушкой. Обещал писать, получил от него письмо, что доехал, и все, больше ни слова, хотя я написал ему три письма. Обидно, конечно. О дочери я тоже ничего не знаю, и не знаю, когда узнаю что-либо о своих детях.

Когда мать еще жила здесь, я ее познакомил с женщиной, которая потом стала моей женой, мать не могла и подумать, что такое может быть, женщина ей эта очень понравилась. Она была шокирована, когда я сказал, что Зоя будет моей женой. Мать хотела, чтобы я остался один, чтобы мы продали дом, и я один жил вместе с ней Ленинграде, а тут все ее планы нарушились. Она уехала в Ленинград, ничего не сказав, но я ее понял, писем она мне почти не писала, а если, что и писала, то только то, что она никому не нужна, что ей жутко одной жить. Осенью 1979 года ее соседи дали телеграмму сестре Тане, что с матерью плохо, сестра, конечно, сорвалась уехала к матери, мне и Ольге такой телеграммы не было. Таня побывала у неё неделю – все было в порядке со здоровьем. В марте этого года мы с Зоей собрались в отпуск в Ленинград на неделю. Дней за десять до отпуска получаю телеграмму от тетки из Ленинграда, что матери плохо. Я, зная о поездке Тани, решил не ехать, а когда приехал через десять дней, оказалось все в порядке. Мать приняла нас холодно, я узнал, что была телеграмма и Ольге, и она приезжала бесполезно. В день отъезда был скандал, мать нас выгнала, сначала потребовав с меня 7000 руб. за дом.

Зоя – русская, одноклассница, пять лет вместе работаем на одном участке, она разведенная, у нее сын 14 лет, однокомнатная квартира. Живем очень хорошо – я впервые за много лет стал жить по-человечески. Сестры одобрили и были рады за меня, тетки – тоже. Вот такие мои дела житейские, Боря. А как у тебя, дела, чем занимаешься? Я сделал стереоусилитель, слушаю стереомузыку. Посадил огород, буду достраивать дом. Если будет

возможность, приезжай в любое время. Мы с Зоей будем очень рады. Приезжай.

Посылаю тебе некоторые документы и ответы на мои запросы по инстанциям об отце.

Пиши, Володя.
270111, Одесса, пр. Добровольского, 148.

ДОКУМЕНТЫ СУДЬБЫ

Мордвинкин – Августе Васильевне

Просмотрено цензурой В Ш / 12

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

Полевая почта 49

Красноярский край Карамузенский район село Качулька, Сливкиной А.В.

Адрес отправителя: п.п.с. 493/ бат. Н.А.Л. 22.8.42 г.

Привет с фронта.

Здравствуйте, незнакомя для меня т. Сливкина, даже не знаю Ваше имя.

Ваш брат Сливкин Африкан служил вместе со мной, но в настоящее время прошло уже 45 дней как об нем ничего не известно. Трудно сказать его судьбу. Что будет известно в дальнейшем, обязательно сообщу. Это Вам дорогая А. пишет незнакомый человек. Но я интересуюсь, как Вы живете, особенно студенческую жизнь, о которой я часто вспоминаю. Веселая ведь, правда?

Пишите, будем иметь переписку о своей жизни. Я живу настоящей фронтовой жизнью.

Гвардеец, горжусь т. Африканом. Он был мой близкий товарищ по фронтовой жизни.

До свидания, с дружеским приветом, Иосиф.

П.П.С. 493 бат. Н.А.Д.
Мордвинкину Иосифу.

Извещение

Ваш брат солдат Сливкин Африкан Васильевич пропал без вести в августе 1941 г.

5/VIII-47 г. – №1/978.

Засельцовский Военкомат

г. Новосибирск.

Письмо с Красмаша

Красноярск, завод Красмаш
Отдел кадров

Гор. Одесса, с. Фонтанка, ул. Набережная, 43
Рябову В.В.

На Ваше заявление о розыске Вашего отца пришлось потратить много времени. Удалось разыскать т. Паклина П.К., который работал вместе со Сливкиным А.В.

Прилагаем архивную справку т. Паклина П.К. Его домашний адрес: г. Красноярск, ул. Красноярский рабочий, 48.

Других товарищей установить не удалось.

Рук. группы учета
О.К. завода

(подпись) Марков.

Архивная справка Паклина

СПРАВКА

Т. Сливкин А.В. работал в Техническом Отделе завода в качестве ведущего конструктора (перед войной) опытного образца проходческого комбайна ПК-1 проекта Московского НИИ Углемашвостока. Война помешала окончанию работ.

Т. Сливкин числился передовиком, и его фотография висела пред войной на Доске почета завода.

После ухода в армию от него было получено одно письмо, в котором он сообщал, что находится в группе обслуживания самолетов аэродрома близ г. Воронежа. Через некоторое время (несколько месяцев) было получено бывшим начальником К.Б. т. Соловьевым Б.И. письмо от его жены, в котором она сообщала, что ее муж пропал без вести. Тов. Соловьев Б.И. погиб на Севере, провалившись под лед р. Енисея.

660014, Красноярск, Красноярский рабочий, 48,
Паклин Петр Константинович.

Архивная справка Вивдича

Вивдич Григорий Трофимович
л. 102
Новоселова Анастасия Афанасьевна
3 июля 75

По частично сохранившимся 71–29 расчетным ведомостям на нашем предприятии работал Сливкин А.В. конструктором по (...)
В архиве есть приказ директора от 8.XII 1937 г. за № 554.

§ 2

Конструктору технического отдела т. Сливкину А.В. устанавливается IV разряд с окладом 400 руб. в месяц с 1 декабря 1937 г.

Основ. Приказ Д/З от 13 л. 572

Работал техником отдела Основания Новых производств.

Согласно расчетным ведомостям со Сливкиным работали в отделе главным технологом Паклин П.К., Вивдич Г.Т. в 1941 г. апрель месяц, май, июнь (20 дней), уволен.

ВОЛОДЯ – БОРИС

Володя – Борису
26.11.80

Здравствуй, Боря!

Я, как всегда, давно тебе не писал. Прости!

Нашел твое последнее письмо. Очень рад за твои успехи, что живешь полной творческой жизнью. Мне, наверно, такой жизни уже не видать, всю работу на заводе делаю автоматически, каждый день одно и то же, никакой творческой мысли. И ведь так работают миллионы – только ради куска хлеба. Поэтому тебе можно только позавидовать – ведь ты сам располагаешь своим временем. Рад за тебя, так держи! Молодец! И большое тебе спасибо, что не забываешь меня, старика. Ведь у тебя, наверно, друзей много. У меня нет. Меня, как всегда, волнуют мои личные, житейские дела. В этом моя беда, от которой никуда не убежишь, – жизнь преподносит сюрпризы, на которые трудно найти ответ.

С третьей женой я живу очень хорошо, в этом мне, можно сказать, наконец-то повезло. С матерью отношения совсем испортились, она сама обрубает все концы, к ней не подступиться, со всеми перессорилась – эгоистка в высшей степени.

(Может, болезнь прогрессирует? А дети и не догадываются.)

До слез обидно, что такая мать. Сестре Ольге предъявила обвинение, что якобы после смерти отца она завладела его сберкнижкой, то есть обокрала свою мать. (Ольга в прошлом году купила машину «Запорожец»), а я уверен, что никакой книжки не было. А мать требует с нее эти деньги. А ведь Ольга с 1972 года ежемесячно высылает ей по 25 руб. Разве это не ужас, страшно писать даже такое – вот тебе и житейский вопрос.

(А на какие средства жить матери – на крохотную пенсию?)

Или еще, живу в одном городе с двоюродным братом, перед которым я ни в чем не виноват. Но он перестал со мной знаться, потому что он богат, – боится, что я буду просить у него денег, хотя сам он эти деньги не доставал – мать его обеспечила, живет ради сына, который, как сыр в масле катается.

Зачем я тебе все это пишу, потому что жизнь нужно видеть и слышать своими глазами и ушами.

Поступил к нам на работу отставник–полковник простым рабочим, умная голова (кончил военную академию), проработал меньше года, узнаем: жена его сонного в постели зарезала ножом. Жена – Заслуженный врач республики – как это понять? Что людям нужно? Ради чего люди живут? И опять вечный вопрос, смысл всего сущего – зачем рождение, если такая смерть? Да мало ли таких вопросов, на которые нет ответа, простых вопросов, а мы лезем в дебри, познаем тайны Вселенной, когда в самих себе разобраться не можем.

А наша система хозяйства стала в корне порочной – цены растут, нормы повышают. Куда ни посмотри, в какую область – торговлю, производство, транспорт, сельское хозяйство – везде бардак и неразбериха, очковтирательство, обман, воровство. К черту все, лучше закрыться от всего, лишь бы не видеть и не слышать о социализме, коммунизме.

(Призрак капитализма уже бродил по Восточной Европе? Вот так уже разлагали рабочих – и умные головы, готовили на закланье при грядущем диком бандитском капитализме.)

Случайно обнаружил в Москве своего одноклассника Михаила Крупинского. Советую с ним познакомиться, он окончил МГУ, журналист, знает итальянский, румынский, работал в ТАСС, был редактором корабельной газеты на флоте, работал корреспондентом на БАМе, в газете «За рубежом», в издательстве «Знание», в «Аргументах и фактах». Сейчас нигде не работает, на вольных хлебах, занимается творческой работой, был дважды женат. Я ему написал о тебе, ответил, что охотно с тобой познакомится: Москва, ул. 3–я Песчаная, 3, Михаил Крупинский.

Пиши. Обнимаю, Вова.

Пришли какое-нибудь фото. Пожалуйста.

Володя – Борису

08.06.80

Здравствуй, Борис!

Твое письмо обрадовало и... огорчило. Видно, мало тебе жизнь задавала вопросов таких, на которые нет ответа для человека, который считает, что хорошо знает жизнь. Тебе бы все услышать моими ушами и увидеть моими глазами, и я вполне уверен, что ты бы мне написал совсем другое письмо. Ты знаешь только одну мать – свою. А ведь матери все разные, как нет одинаковых людей, так нет одинаковых матерей. Ты можешь меня упрекнуть только в одном – о плохой матери надо молчать, ведь мать одна и другой не будет, а я тебе написал столько, что со стороны это выглядит неубедительно. Да, я знаю, что такое взаимопонимание, и ищу его, как помню себя. И все мое отношение к матери, к отцу строилось на том, чтобы прийти к взаимопониманию, но я понимал, а они не хотели меня понимать, для них я всегда оставался мальчиком, ребенком, получалось одно понимание. Так что взаимопонимание должно быть взаимным, и оно также редко, как счастливый брак, например.

Здесь уместен вопрос не о взаимопонимании, а скорее о том, как каждый из нас стремится к взаимопониманию, как каждый старается понять другого, пытается найти пути к этому пониманию. А ты меня упрекаешь, что я не ищу путей. Что толку, что я буду их искать к человеку, который все делает для того, чтобы его понимали, а сам никого не хочет понимать, – это и есть семейный, родственник конфликт. Было бы не так страшно, если этот конфликт с матерью был бы один у меня с ней. Но ее сестра, тетя Вера со своим мужем (они живут тоже в Ленинграде), очень хорошие люди, тоже ищут пути к пониманию матери, но она их не хочет понимать, и с ними – конфликт. Моя сестра Оля, побывав в Ленинграде за неделю до моего приезда в марте, написала тебе мне дословно: «у меня настолько велика горечь и обида от моего посещения Ленинграда, что я не могу даже писать об этом, у меня рука не поднимается написать тебе то, что я о ней думаю. Мать, есть мать, я обязана ей помогать и буду помогать всегда, но как родной человек она для меня не существует. Очень сожалею, что не дала тебе знать о том, как она собирается вас встречать».

(И никто мать не пожалеет, несчастную, уже потому, что старая, больная, нелюбимая своими детьми.)

Кстати, после того, как вы провожали меня из Астрахани в Сибирь, после того, как она увидела твою мать, моя мать очень плохо о ней говорила. Сейчас я тебе могу об этом написать. И о тебе лично был не лестный отзыв.

Ну, а теперь ты какое мне письмо будешь писать, опять нравоучительное, что мать моя всегда права, всегда готова заступиться, всегда верны ее слова.

(Цитирует мое раннее слабое стихотворение о матери.)

Едва ли ты мне это опять напишешь.

Что у тебя – по–прежнему? Чем занимаешься, где работаешь? На что существуешь? С кем живешь? С кем общаешься?

Пиши. Будь здоров.

Вова.

Володя – Борису

02.03.81

Здравствуй, Боря!

Что–то редко ты стал мне писать – одно письмо за полгода. А на фото я тебя не узнал, вернее, конечно, узнал, но как сильно прическа меняет облик. Правда жизни всегда одна, но каждый понимает ее по–своему, в меру своих знаний, жизненного опыта, трагических жизненных ситуаций. А сложившийся характер человека у всех людей всегда разный, и по–разному этот характер относится к правде жизни. У каждого не своя правда, а свой характер, свои взгляды на жизнь. И каждый приспособливается, подделывается под правду жизни, как может, как он сам того хочет. О «бардаке» я с тобой тоже не согласен. Один завод – не целая Россия, и, если в каждой единице, ячейке общества, будет порядок, то и в целой России будет порядок. Если в каждой комнате 100–комнатной квартиры будет хозяин, то, в общем, везде будет порядок, а не «бардак». Все это, конечно, примитивно, все гораздо сложнее, но общие черты понять всегда можно.

Зря ты не хочешь познакомиться с Мишкой Крушинским, ведь набрал номер, а дальше все само собой. Кто его знает, может быть, он и поможет тебе опубликовать «Ивана Болотникова». Кстати, я надеюсь получить экземпляр с автографом.

Живу хорошо, работаю, занимаюсь любимым делом. Сестра Оля, если помнишь, на своей машине приезжала летом. Встречи – всегда радость в нашей жизни, а они так редки, встречи с прошлым. Родственники родного отца со мной связь не теряют. Зато брат, который здесь рядом в Одессе, меня знать не хочет – стал слишком богатым – машина, дача, как сыр в масле катается.

Ради Бога не обижайся на меня, если что не так пишу. Обижаться глупо – никто никому не хочет зла – это от природы заложено в человеке. А если злой человек, нужно постараться понять причину злости, или причину обиды, которую тебе нанесли.

Пиши. Будь здоров.

Обнимаю, Вова.

Володя – Борису

11.06.81

Боря, здравствуй!

Короткая информация!

Буду в Москве проездом в Новосибирск 21 июня в воскресенье в 14.00, Киевский вокзал, поезд № 24, вагон № 1. В 21.00 с Ярославского вокзала в этот же день поеду в Новосибирск. Так что с 14.00 до 21.00 я в Москве с Зоей и Сережей, ее сыном.

Если у тебя есть желание встретиться, тогда встречай. Не забудь – 21 июня.

Вова.

Володя – Борису

25.11.81

Здравствуй, Борис!

Я перед тобой виноват. Не буду оправдываться, бросил все дела и сел писать письмо. Какие могут быть у меня дела? Самые простые, обыденные. Работа на заводе выматывает, выходной, как подарок, но дома находится всегда масса того, что нужно сделать. Сейчас почему-то стал остро чувствовать дефицит времени и ... О, как оно стало быстротечным! Я думаю, это возраст.

(Володя с 1939 года, ему 42 года.)

Был очень рад нашей, такой короткой, встрече, и остро почувствовал, что у меня не хватает такого друга, как ты, но, чтобы общаться с тобой каждый день, чтобы ты был всегда рядом. И очень благодарен тебе за то, что ты, будучи далеко от меня, с 1962 года не забываешь до сих пор Рябова, такого далекого от поэзии, литературы, от искусства, наконец, от того круга людей, с которыми ты общаешься ежедневно. Старая дружба, интерес к моей судьбе, что еще может заставлять тебя поддерживать нашу связь. Чем может быть интересен тебе простой смертный, которых так много рядом, садись и пиши о любом.

Ты хочешь написать «Отца», и я обещал отвечать тебе на твои вопросы. Если ты боишься, что я буду задерживать на них ответ, то зря. Буду отвечать сразу. И, если бы ты мне задал их еще летом, как только я приехал из отпуска, то это бы письмо не было таким поздним. А если бы ты смог приехать в Одессу, это было бы еще лучше. Если не передумал то, что задумал, – я к твоим услугам.

Мишке Крушинскому я тоже ничего не писал. Встречались ли вы еще, после нашей общей встречи?

Хотел бы знать, сам не знаю почему, как ты живешь, твой типичный рабочий день – от постели до постели (может быть, интерес вызван, чтобы сравнить небо с землей).

Какова судьба твоего «Ивана Болотникова»? Мне уже кажется, что ты его никогда не напишешь. Сколько лет ты о нем говоришь. А хотелось бы его прочитать.

Напиши о своей маме, Капиталине Алексеевне, как живет, как вы с ней общаетесь, помнит ли она меня, если да, то передай ей большой привет.

Письмо получилось короткое, не вини меня в этом, наверно, это от того, что общение наше стало тоже «короче».

Посылаю тебе некоторые ответы на мои письма к однополчанам отца и письма юных следопытов из школы-интерната. Они дороги мне. Начинаю новый виток поисков.

Будь здоров и главное, не забывай, что наше сердце не любит перегрузок.

Обнимаю крепко, Володя.

Фото еще не успел сделать.

Володя – Борису

Открытка 26.11.81

Дорогой Боря!

Поздравляю с днем рождения!

Поздравляю также – с днем рождения Советской власти!

Всего тебе хорошего.

Был в отпуске, был план приехать к тебе, не получилось. Жди письма.

Будь здоров. Вова.

Борис – Володе

1 декабря 1981 г.

Здравствуй, Володя!

Я очень благодарен тебе, что ты согласился поучаствовать со мной в поисках материала об отце. Сразу оговорюсь: не старайся отвечать литературно, не задумывайся над конструкцией фразы, хотя бы потому, что мне нужен твой живой разговор. А главное – ты не сможешь мне помочь или быть моим соавтором, потому что придется многое переделывать, исходя из моей точки зрения. Все, что ты будешь писать в ответ на мои вопросы, постарайся рассматривать через призму такой мысли. Сын – это часть отца, развивающаяся одновременно с развитием отца (если он жив), связанная с отцом различными связями, через которые идет взаимодействие отца и сына (физическое, духовное, психологическое, генное, телепатическое...), даже если отец и сын не живут вместе. Поэтому затруднен контакт с отчимом. Поэтому неполноценна жизнь «безотцовщины» – ребенка, разлученного с отцом войной, разводом и пр. И вот, в свете этого, вопрос: вспомни, когда ты понял, что твой «отец» тебя не понимает, что не получается контакта (хотя тогда ты, под таким углом зрения, не размышлял над этим)?

Опиши хотя бы один случай, но со всеми подробностями, какие вспомнишь. Если таких случаев в раннем детстве было несколько, опиши два самых ярких. Что произошло, где, в какое время дня, года, жизни? Кто участвовал в этих событиях и что говорили окружающие?..

Моя жизнь течет по-прежнему, по-видимому, по-пустому. Перевалил порог сороколетия. Под горку пошли. Теперь можно не торопиться, само все ускоряется, по инерции спуска с горы. Все больше людей впрягаются в воз с моей пьесой, но не могут сдвинуть с места. Жизнь моя внешне напоминает любую другую. Только ты – у станка, а я – у письменного стола. Встречи, в основном, – деловые, а друзей, таких, как в юности, нет. У каждого – корысть.

Мама побаливает. В Новом году приедет. Тебя она помнит по-доброму. Обнимаю, Борис.

ЮНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ

Богданова Вера – Володе

Без даты

443056 г. Куйбышев, 56, проспект Масленникова, 15,
Бутин Иван Иванович.

252053 г. Киев, 53, ул. Артема, 24, Шарабан Андрей Никитович.

г. Барнаул, ул. Новая, 10, Тирищев Евгений Андреевич.

Шкуренко, тел. 3-19-68

Здравствуйте, Вл. Валентинович!

Пишет Вам Богданова Вера. В нашей школе создан музей Боевой славы 17-й гв. с. д. И, несомненно, письмо Ваше передали нам. Мы начали поиск. Пока что нам удалось установить расположение штаба. Части и штаб дивизии в феврале–июле 1942 года находились в районе г. Белого Смоленской области (восточнее, северо- и юго-восточнее). Штаб располагался в деревне Егорьево. Во время кровопролитных боев (июнь–июль) штаб перемещался несколько раз. Во время окружения находился в 1 – 1,5 км от деревни Солидолово, где был убит командир дивизии Горбунов. После окружения (июль) дивизия вышла в район Петрищева лба. Дело в том, что у нас очень мало данных о Вашем отце. Если Вам известно его звание (рядовой, офицер), род войск (пехотинец, артиллерист), то сообщите нам. Если сохранилось письмо Иосифа Мордвинкина, то просим Вас, вышлите. В случае надобности, его мы можем вернуть.

Теперь пишите нам по адресу:
660055, г. Красноярск-55,
ул. Джамбульская, 24, шк-инт. 5, 9 класс,

Богдановой Вере.

Если есть фотографии, то это будет еще лучше.

Богданова Вера – Володе

Январь 1978

660055, г. Красноярск - 55, ул. Джамбульская
24, Школа–интернат, Богданова Вера

Здравствуйте, Владимир Валентинович!

Извините, что долго не писала. Я болела и поэтому не могла вовремя ответить. Сообщаю, что в ближайшее время постараюсь выслать Вам книжку с адресами ветеранов 17-й гв. с. д. У нас в музее было несколько книг Сенкевича в запасе, но их мы все разослали, поэтому я не могу их Вам выслать сейчас. В магазинах их продают очень редко. Его книги называются: «Дорогой памяти» и «Когда страна прикажет быть героем». А еще у него есть замечательная книга «От Енисея до Эльбы». О Вашем отце выписать что-нибудь еще пока не удалось. Те, кому мы написали о нем, нам еще не прислали ответов. Постараемся попасть в отдел кадров з. Красмаш. Может, они знают что-нибудь еще. Напишите, пришел ли Вам ответ из Подольска.

Ну, что еще написать? Сейчас у нас каникулы. Это полугодие я закончила без троек. Новый год встретила хорошо. В этом, 1978 году нашему городу исполнится 350 лет. Напишите мне о Вашем городе, какой он сейчас.

У нас погода теплая. Вообще в этом году зима теплая, только недавно выпал снег. Ну, ладно. До свидания. Буду ждать ответа.

Вера.

Богданова Вера – Володе

ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ ОТКРЫТКА

Вл. Вал.!

Поздравляю Вас с Новым 1978 г. Желаю Вам всего самого лучшего. Успехов в труде, счастья, радости, крепкого здоровья и долгих лет жизни.

Вера.

Богданова Вера – Володе

Без даты

Здравствуйте В.В.!

Вот получила Ваше письмо и решила сразу же ответить.

Я собираюсь завтра ехать в отдел кадров завода, узнать о Вашем отце. Пока ничего нового узнать о нем не удалось. Что можно написать о нашей школе? К 23 февраля должны присвоить звание 17-й гв. с. д. В этом году ей исполнится 17 лет. В интернате я учусь с 4 класса. До этого жила в Карелии в г. Харлу. Там родилась, и в 10 лет вместе с семьей переехала сюда. Сначала было трудно с квартирой, поэтому поступила учиться в интернат. Теперь все наладилось, но уходить отсюда в другую школу я не хочу. Ведь я уже привыкла, теперь, когда прошло шесть лет, как я учусь, здесь сложился прочный коллектив. Все стали очень дороги. Кроме меня в семье еще старшая сестра Ира, но она в прошлом году вышла замуж, теперь у нее есть свой сын, живут они в г. Рудном Кустанайской обл. А младше меня – два брата – Андрей (он в 7 кл.) и Женя (он в 8 кл.) Ну, что еще? Есть у меня подруга Жанна Алексеева. Я живу с ней вместе на одной остановке. Знакома я с ней всего два года. Но она стала для меня так близка, что я даже не знаю, как была раньше без нее.

Теперь о нашем городе. В августе этого года исполнилось 365 лет со дня основания. В следующем письме вышлю фотографии с изображением города. Вообще город очень красивый.

(Читая это, Володя мог представить Красноярск. И он, может быть, любил бы его, если бы отец не пропал на войне.)

Ваш город располагается на берегу Черного моря. Вы, наверное, не раз видели море.

Напишите о нем. Ведь мне это очень интересно. Недавно пришло письмо в музей от Вашей тети. Но что мы можем ей ответить? То же, что и Вам. Ну, что же, на этом я кончаю. Пишите обо всем, я буду очень ждать.

До свидания, Вера.

ВОЛОДЯ – БОРИС

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОДНОПОЛЧАНЕ

Шарабан – Володе

17.10.77

Уважаемый тов. Рябов!

На Ваше письмо сообщаю, что до июля 1942 года я был в 1-м дивизионе и людей штабной батареи не знал. Фамилию Мордвинкина И. вспоминаю. Видимо, мы знали друг друга уже после июля 1942 года, когда я был в штабе полка.

Думаю, Вам надо связаться с людьми, которые служили в штабной батарее до июля 42 года.

Дам некоторые адреса.

Военком штабной батареи сейчас проживает в г. Красноярске, 97, ул. Маркса, 88. Павел Иванович Замотаев.

В этом же городе живет бывший повар штабной батареи, попавший в те дни в плен (и вернулся домой слепой). Он-то, видимо, знал всех людей батареи. Красноярск, 62, ул. Крупской, 28, Соломонов Александр Парфенович.

В Хабаровске проживает командир вычислительного взвода артполка Поленов Борис Петрович. Правда, он был в разное время, но, может, он знает Вашего отца или Мордвинкина.

Пытайтесь через них расширить круг людей, которые служили тогда в штабной батарее и именно в топовычислительном взводе. Это дело нелегкое, но надо делать.

Желаю Вам всего доброго.

Примечание: адрес т. Поленова Б.П. – Хабаровск-30, Пушкина, 13.

Кажется, т. Мордвинкин был в нашей полковой школе в 1940 г., где я был политруком. Жив ли он?

С уважением, А. Шарабан.

г. Киев.

Поляков – Володе

28.10.77

680030, Хабаровск-30, Пушкина, 13, Поляков Б.П.

Уважаемый тов. Рябов В.В.!

К сожалению, я вынужден разочаровать Вас. Я был переведен в 26-й гв. артполк в октябре 1942 года, и поэтому не мог знать Вашего отца, который погиб, как Вы пишете, в июне 1942 года. Не знаю я также его фронтового товарища Иосифа Мордвинкина. Кроме того, я служил не во взводе топографической разведки при штабной батарее. Топовычислительные же взводы были при дивизионах полка. Поэтому неудивительно, что я вообще не помню упомянутых Вами фамилий.

С уважением (подпись)

ПОСЫЛКА ТЕТИ ГУТИ

Тетя Гутя – Володе

Без даты

Здравствуйтесь, дорогие мои Зоя, Володя и Сережа!

Значит, плохо у вас дела с домом. Да, печально. Я все радовалась, что вот продадите и вылезете из нужды, можно долг отдать и квартирный вопрос решить. Вот так и у меня всю жизнь – одни неудачи. Где тонко, там и рвется. Вот какое несчастье у вас. Ну, что поделаешь, Володя, придется и это пережить. Только бы у вас с Зоей все было хорошо – мир и понимание. Я всегда в тревоге. Не знаю, какому Богу молиться, чтобы у вас с Зоей всегда было хорошо. Горе оно есть и радость есть, а хорошо – это понимание, если оно есть, то это – счастье.

Я волнуюсь, что вам не понравилось, наверное, что-то я писала о внуках своих. Я же не виню вас в чем-то. Такова жизнь. Я на самом деле теперь, наверное, наверняка уже не увижу Ольгу и мальчиков. Болит у меня

об этом сердце. Не было у меня материальных возможностей. И могилы братьев не нашла – все та же причина. Но здесь, конечно, еще здоровье мешало. Сейчас старость, а в молодости только выкарабкалась – и опять на несколько лет недуг. В основном, необеспеченность. Вот так и жизнь прошла. Могли бы это сделать и тетя Потя, и Аркадий Васильевич, и Александр Васильевич. Видишь, как... Вот немного и приглядывайся к нам, разбирайся... Может быть, успеешь что-нибудь понять. Сейчас, конечно, они уж старые, но ведь были и не так старые.

Сейчас вот только надо мне к вам успеть приехать, надо ответить на все твои вопросы, и много-много поговорить.

С тетей Потей у меня плохи дела. То притихнет немного, то снова – буря, ураган. Изнемогаю. Ну, что поделаешь? Она в молодости была с ужасным характером, а сейчас все обострилось. Придется терпеть. Не связываюсь, но так трудно, часто из строя выхожу, болею.

Галина–Августа раздумала менять квартиру. Деньги ей нужны были ненадолго. Машину и гараж они хотели купить, потому что иначе с ними не будут квартиру разменивать. Какое-то странное условие. Раздумала меняться, и слава Богу. Я тоже переживала, что так все скоростижно делалось.

На юг давно хотят. Не все, а Галина с дочерьми, Юра не хочет. Они хотят из-за детей – ближе к морю. Дети слабые все, да и сама Ира больная. Лена тоже не блещет здоровьем. Надо много фруктов им всем (для здоровья). Да и Красноярск очень загазован, очень загрязнен сажей. Да это – сейчас каждый промышленный город. А в окрестности Красноярска (по Енисею) – прекрасно. Даже и дача замечательная, в смысле чистоты воздуха. А на участке надо работать, а работать только Галина должна и дети у нее. Она думает, на юге что?.. Само все вырастет? Опять же – она.

Мне, например, юг не нужен. В городах и у нас, в Сибири, газ и сажа, и деревеньки есть такие. Лес – река (рыба речная, грибы, ягоды и прочее). Я вот в Быстровке была, мне не нравилось (когда разглядела), возле воды – и без воды (море, что нельзя купаться, и полить огород нечем), и лес далеко. Жить, где лес и вода речная чистая, – вот здоровье, а это даже у нас в Сибири, и то найдешь только в глуши, куда добираться надо на перекладных. А у них машина, так что можно такое место найти для отдыха, лучше всякого юга: тебе и грибы, рыба, ягода, дичь и говядина. И яблоки сибирские можно выращивать – правда, нет цитрусовых, ну какая беда. Вы вот были у Аркадия Васильевича на даче, чем плохо? Правда, там не глухомань, но воздух чист. Вода кругом, и мойся, и купайся, и грибов хватает (не в изобилии), и рыбы, можно свою дичь вырастить. Но хотят тепло, фрукты и соленое море.

Вы вот тоже к этому привыкли, а мне там тяжело, особенно зимой. Да без воды не могу.

Володя, пишите, что у вас (я всех вас имею в виду) с домом, с работой. Собираюсь к вам. На днях иду шапки отдавать шить. Так к осени должна прибыть. Боюсь загадывать.

А Галину можно понять. На юге отдохнуть одной – она не может, ей надо и внуков, и Иру, и Лену – всей капеллой. Конечно, надо свой уголок на

юге. Вот это они хотят решить, а машину они, конечно бы, продали, она им не нужна.

Ходила в трест бытового обслуживания, ничего не удалось узнать. Ведь не знаю даже имя, не то, что фамилию. Одного фронтовика–парикмахера мне указали, ходила к нему, он лежит парализованный, не говорит, глупый, но по всему видно, что не он. Во-первых, с 1904 года рождения, а тот примерно с 10–13-го года. И этот неграмотный, а тот знает немецкий язык.

Я после санатория, обострение, плохо ходила, да боли ужасные были. Много сделать не могла. Дунькович дал мне список живых из их дивизии. Пять человек проживают в Одессе, пять человек – в Новосибирске. Я еще к ним не ходила. Адреса проживающих в Одессе я тебе напишу. Может быть, они знали Африка. Дивизия была сначала 119-й, а потом 17-й гвардейская, Красноярская. Африк, как говорит Дунькович, был при штабе – там была такая группа вычислителей. Как он погиб, он не знает, знает этот парикмахер.

Дунькович дал мне адрес Сенкевича. Сенквич был комиссаром в 52-м стрелковом полку 17-й дивизии. Сенкевич написал книгу о 17-й дивизии. Эту книгу я достать не могла. С ним я не виделась, но разговаривала по телефону. Сенкевич Африка не знает. Он говорит, что «дивизия была очень большая, и знать мы все друг друга не могли. В полку своем – другое дело. Может быть, я его и узнал бы на лицо, а фамилию не помню». Но он обещал помочь найти парикмахера. С ним связалась Августа, и Аркадий поедет, продолжит поиски парикмахера, он ведь его все-таки видел в лицо.

Адреса.

1. Зайченко Прокопий Васильевич, 270028, Одесса, 28, ул. Б. Хмельницкого, д. 31.

2. Каблучко Василий Васильевич (медсанбат), Одесса, 53, ул. Леси Украинки, д. 8

3. Каблучко–Бурлакова Анна Семеновна (медсестра)

4. Сальников Григорий Степанович, Одесса, 8, ул. Жуковского, д. 16.

5. Шкуренко Николай Иванович, Одесса, 3, ул. Московская, д. 4.

Может быть, они в этой дивизии оказались позднее Африка, а может быть, и в 42-м году были, может быть, и знают Африка. Запомни – дивизия Красноярская 17-я гвардейская. Африк был при штабе. В разведку на задание пошел – этого я точно не знаю. Спроси, знают ли они Иосифа Мордвинкина. Помнишь, у меня была открытка от него. Он писал, что Африк его друг. Может быть, Мордвинкина найдем.

Посылаю биографии Африкана и Аркадия и письмо ко мне от твоей матери, Любы, в войну, нашла в старых фотографиях.

До свидания, целую всех, ваша тетя и баба Гутя.

Долго не молчите. Рада, что у вас продвигается строительство. Как там с моими париками, размер 57? Вале не забудь, можно и 56.

Из биографий Африкана и Аркадия Сливкиных

Сливкин Африкан Васильевич родился в с. Колывань Новосибирской области в 1913 году. Призван в армию в июле 1941 года Кировским райвоенкоматом гор. Красноярск. Работал на заводе «Красмашзавод» с 1937 года по июль 1941 года конструктором в КБ, где начальником был М.И. Хренников. Африкан Васильевич был ведущим конструктором по группе угольных проходческих комбайнов.

Аркадий Васильевич Сливкин работал в Братске с 1964 по 1970 год в Гидротехотряде главным механиком и главным инженером. В конце 1970 года ушел на пенсию в 61 год. Уехал в Красноярск, где некоторое время (1,5 года) поработал в ожидании квартиры. В конце 1972 года переехал в г. Новосибирск, где еще раньше (в 1965 году) была построена кооперативная квартира.

Любовь Никитина – Гуте

24.09.41

Здравствуй, Гутя!

Письмо твое получила, за что спасибо. Мне не понятно, за что ты на меня сердиться и о чем так беспокоиться. Гутя, к большому сожалению, багаж мой еще в Красноярске, а поэтому выслать тебе то, что ты просишь, я не могу. При первой возможности, если окажутся твои книги в моем багаже, вышлю. Ты сама знаешь, с рассеянной душой собиралась, и даже затрудняюсь тебе сказать про твои журналы. Так как они были связанные и отобранные еще Африканом. В доме отца совершенно одна, не с кем оставить Вовика, чтобы съездить в Красноярск за багажом. Писала Африкану, что делать с ним? Он пишет: пока подождать с перевозкой. Шура меня, наверное, ругает, что не еду, но я при всем желании не могу этого сделать.

Гутя, не время сейчас для натянутых отношений. Сейчас нужно как можно дружнее жить. Морально поддерживать друг друга, душевно очень тяжело. Война, по-видимому, порядочно затянется. Может быть, не придется увидеться с братьями и мужьями. Гутя, пиши им, они будут очень довольны, поддерживай их морально, это твой долг.

Аркадий в Моряковском заводе, был у меня два выходных. В армию его, по всей вероятности, не возьмут. Африк – за Москвой, его адрес следующий:

Действующая Красная Армия, Полевая почтовая станция 493 п/я 12 Африкану.

Пока что еще пишет часто, все беспокоится за нас с Вовой. Мы с Вовой чувствуем себя прекрасно, а я, Гутя, наоборот поправляюсь, как будто бы и не с чего особенно, а иду на поправку. Вовик начинает говорить, подросток заметно.

Хотелось бы сфотографировать, да здесь совершенно негде. Гутя, твоя бывшая подруга Камольдинова надоела мне прямо-таки, все спрашивает про тебя, передает привет. Напиши ей, пускай успокоится.

Я не знаю прежнего Затона, очень плохо стало. Аркадий говорит, что Шура к нему приедет на зиму.

Гутя, в отношении шерсти напиши, почему, при первой возможности денег вышлю, так как хотелось бы связать Африкану носки и пимы. Я надеюсь, что он вернется, он сейчас в резерве. Я ему написала твой адрес, он просил, так что жди письмо.

А вообще-то постарайся купить шерсти, Вовику тоже не лишне связать чулки, пимы у него в багаже, прямо и не знаю, что делать, туфли уже износил.

Ну, пока, Гутя, пиши, жду. Ты все сердисься, а за что, я совершенно не знаю. Что ж, понимай меня, как понимаешь, твоя воля. Ты для меня осталась прежней Гутей.

С приветом, Люба.

ВОЛОДЯ – БОРИС

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, Боря!

Я чувствую, пришла пора поговорить нам о тете Гуте, слишком много у тебя к ней вопросов по нашему делу. Я спрашивал у тети Гути, училась ли она в студенческие годы с Иосифом Мордвинкиным? Но представляешь, Августа Васильевна, оказывается, никогда не видела Иосифа Мордвинкина. Была только переписка с ним. Кстати, она мне с прошлого года не писала писем. Я не могу ее понять. И вот прислала посылку, где много важного для нас.

Пытался я узнать у Августы Васильевны о версии «гибели» Африка, как встретила с человеком, на глазах которого его замучили фашисты? Но с этим человеком она не встречалась, с ним встретился Аркадий Васильевич в г. Красноярске, а потом они его потеряли. Я просил тетю Гутю разыскать этого человека. В свою поездку в Красноярск она его искала, по моей просьбе, с Галей (второй Августой). Ничего не получилось. Как можно найти человека, не зная ничего о нем, даже имени. Ведь Аркадий Васильевич встретил его сразу после войны в Красноярске, зная только одно, что он работал парикмахером. Может, действительно, Аркадий Васильевич знает больше других о судьбе моего отца, если он встречался с этим человеком – свидетелем. Но не говорит всего. Поможет ли он в этом дочери Гале, не известно.

Я тоже удивляюсь, почему Августа Васильевна отрезала несколько раз на последнем листе конец своего письма? Видимо, что-то важное, которое раздумала говорить, пишешь ты. А может, привычка к экономии бумаги. Могу тебе добавить по этому вопросу: на последней поздравительной открытке она написала: «Не сердитесь, никак не могу закончить письмо (рву, снова начинаю другое и снова рву)».

Ты спрашивал, откуда стало известно тете Гуте, что мой отец служил в топовычислительном взводе штабной батареи 17-й гвардейской дивизии, которая была сначала 119 Красноярской дивизией. Стало известно по письмам Африка.

Не знаю, почему мне ответили, что в Красноярске отец не призывался и даже в списках без вести пропавших его нет. Точно в трудовой книжке Африка не написано, что он уволен в связи с уходом в РКК именно в г. Красноярске?

До смерти отчима Рябова, я вел обширную переписку по поводу поисков следов отца, тетя Гутя тогда мне очень много писала, но у меня сохранилось только то, что я тебе выслал.

Отец, совершенно точно – это подтвердила тетя Гутя – призывался из Красноярска, а не из Томска, как ты предположил, куда переехал жить с матерью. Мать потом сама уехала в Томскую область (Самуськи), к своим родителям. Бывший фронтовик (у меня на работе) сказал мне, что военкомат может не знать, не имеет архива военных лет, поэтому мне так и ответили.

На вопросы, на которые не ответил, буду искать ответ. Оказывается, я еще сам многого не знаю.

Всего тебе хорошего. Вова.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Присланные документы меня очень взволновали.

И, конечно, появилось множество вопросов. Вот некоторые из них.

Помнишь, отец писал тебе открытку 26.05.42? Уже тогда, видимо, были причины тому, что он послал ее через Никитину Любовь. Видимо, твой отец уже знал о крахе семьи. Это подтверждает и письмо матери к Гуте. Попробуй выяснить, почему открытка оказалась у Аркадия Васильевича. Может, выяснишь причины разлада матери с твоим отцом Африканом Васильевичем?

Причины их разлада тебе не известны? Такое отношение твоей матери к Сливкиным можно объяснить антагонизмом к разведенному супругу. Ведь они свидетели ее драмы. И многие ее осуждали. Но это все – поводы. А

причины лежат глубже, понять их, может быть, даже самой матери и всем заинтересованным лицам не под силу.

Может, их поняла тетя Потя. Поэтому и подарила тебе 500 рублей, не зная тебя.

Писала ли отцу твоя мать об отчине на фронт? Не об этом ли знакомстве твоей матери с Рябовым написала твоему отцу Августа Васильевна в первом письме ему на фронт?

А как ты и все Рябовы относятся к родным твоей матери?

Как посмотрели отчим и мать, как посмотрели в твоей семье на то, что ты начал искать родного отца? Что думают Андрей и Максим о том, что ты узнал о родном отце? Как они, в связи с этим, стали в тот момент относиться к Валентину Яковлевичу?

Говорил ли ты об отце с его одноклассником в Одессе, что узнал от него, если говорил?

Встречался ли ты с человеком, который служил с отцом в одной дивизии (из Красноярска), о чем он рассказал, если встречался?

Твое «добавление» из открытки тети Гути меня только еще раз убедило в предположениях, что Августа Васильевна не все говорит, жалеет тебя.

Что знает твоя мать о твоём отце, особенно о его фронтовой жизни?

Володя, нам нужно сверить все сроки, как говорят в авиации (редактировал книгу для Аэрофлота), «собрать все стрелки»: Когда твой отец ушел на фронт – дата? Когда твой отец ушел на задание и не вернулся? Когда твой отец пропал без вести – дата?

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, дорогой Боря!

С твоим отступлением об открытке я полностью согласен. Да, на открытке написано имя моей матери, но как она попала к Аркадию Васильевичу, пока не знаю. Тетя Гутия и мать еще до войны невзлюбили друг друга, какое-то время тетя Гутия жила у них (у Африка и матери), когда училась, потом вынуждена была уйти, поссорившись с матерью, из-за чего, мне не известно. Отец не мог знать в то время о крахе семьи – в письме матери продолжение той ссоры. А вот по поводу того, что у них не складывалась жизнь, возражаю. В одном из разговоров с матерью об Африке, она сказала, что он ей до сих пор снится, и она заплакала.

Вопрос «Как я и все Рябовы относятся к родне твоей матери?» очень сложный, нужно много писать, чтобы все понять правильно. Если тебе это очень нужно, я могу написать в отдельном письме.

Что важно, я не могу точно вспомнить, что написал тебе. Это естественно, может быть, но придется писать под копирку.

Будь здоров.
Вова

Володя – Борису
22.06.82

Боря! Дорогой! Прости!

Прошу впредь не допускать мысли, что я могу отказаться от начатого дела. Весь вопрос во времени. Сразу оговорюсь, я получил от тебя очень трудное для меня письмо, потому что очень много трудных вопросов, а больше всего меня убило то, что их много – большой объем. Поэтому прочитав твое письмо, я понял, нужно очень много думать и, главное, вспоминать. А моя жизнь сейчас устроена так (и мне ее очень трудно изменить), что я не могу выделить достаточно времени, чтобы отвечать на твои вопросы так, как хочешь ты, да и сам я хочу так же. Я очень заинтересован во всем этом в своих личных делах, в дальнейшем, я думаю, ты поймешь почему. Но, ради бога, письмо не ради какой-то корысти или известности. Пока у нас получается это очень медленно, и я боюсь, как бы ты не передумал и не бросил начатое.

Это письмо, в общем, дало мне понять, за какое сложное дело мы взялись, и для тебя, как автора, и для меня, как ответчика на твои вопросы.

У меня к тебе просьба по дальнейшей организации нашей работы: первое – не более двух больших, трех маленьких вопросов; второе – каждый вопрос должен иметь номер и подпункты в нем (тебе легче ориентироваться в этом творчестве; мне легче – когда яснее и конкретнее); третье – отвечать я буду так, как смогу, возможно, и не конкретно на данный вопрос для тебя, но для меня именно то, что я буду писать, все будет относиться к данному вопросу. И последняя просьба – обязательная – я хорошо знаю себя и знаю, как я могу выражать свои мысли, а излагаю я их очень плохо, или могу слишком длинно, или могу главное упустить, поэтому при малейшей неясности в моем ответе – дай знать. И еще, последнее – мне трудно писать с продолжением, так как мне легче писать за один присест, чем опять потом себя настраивать.

«Почему тебе никто раньше не сказал (об отце), а в этот раз сказали?»

Почему сказали, я уже ответил. А почему раньше не сказали? Родственники моего родного отца мне сказали, что Рябов взял с них клятву, что они никогда не дадут знать о себе. Они дали эту клятву, хотя пытались через много лет меня разыскивать. А родственники матери почти всегда жили очень далеко, и писем от них я не помню. Родственники Рябова, соответственно, делали так, как хотел сам Рябов. Мать молчала, а сестры Оля и Таня не знали.

«Как Рябов конкретно реагировал на то, что тебе сказали о настоящем отце?»»

Узнав, а вернее почувствовав все это, я молчал, не говорил ни с кем очень долго, мать и отец Рябов жили далеко. Приехав в Донбасс, сестре Тане я не сказал ничего, и до сих пор ей ничего не писал. Ольге сказал много позже, может, может, мать ей сказала, я не знаю. Знает ли Ольга – неизвестно.

Уже здесь, когда я строил дом и жил со второй женой, когда все, что мог, узнал от тети Нади и Вадика, когда сам разыскал Сливкиных, и получил первое письмо от них (я его сохранил), в момент, когда мать была у меня в Фонтанке, не помню из-за чего, но помню, что мы с ней сильно повздорили. И тогда в порыве гнева или злости, я сказал ей, что знаю о Сливкиных. Она как раз уходила. Она остановилась в растерянности, но ненадолго. И ушла, так ничего и не сказав.

Только после смерти отца я смог с ней говорить о Сливкиных. Она сказала отцу тогда, когда я ей сказал, и, с ее слов, я могу ответить, как он реагировал. Он возненавидел мужа тетки и саму тетку, хотя при наших последних, очень коротких, встречах он ничего мне об этом не говорил, как будто ничего не произошло, – этот человек умел скрывать свои чувства. Я скажу, у него была железная выдержка. Хотя все-таки один раз он не смог сдержаться, но это было совсем по другому поводу.

Вот пока все. Продолжение следует.

Есть другой вопрос. Как ты располагаешь временем? Может, приедешь ко мне, можно с сыном. Ведь у меня пока еще есть дом на берегу моря. Тебе, я думаю, будет неплохо, только кухарить придется иногда самому. Зато, очень эта встреча поможет в нашем деле. Подумай.

(Больше навредит, В письме человек откровеннее, так как не видит глаза и реакции собеседника. Да и время есть подумать и лучше выразить на бумаге свои мысли.)

С «продолжением следует» пока задержу до твоего приезда или письма. Всего хорошего. Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, дорогой Володя!

Отвечаешь на вопросы ты хорошо. Жду с нетерпением «Продолжения».

Я сейчас «на вольных хлебах». Пишу «Антонова». И несколько книжек для издательства «Молодость», для хлеба.

Одна из них посвящена милиции. Мой друг писал все материалы, а я редактировал. Задание дал директор: «Только вы сможете все сделать хорошо и в короткий срок». Книга к юбилею. Составитель, полковник милиции, дал другу бесплатный билет на транспорт, чтобы не было препятствий при оперативной подготовке материалов. Типография срок выпуска книги, по правилам, увеличила в два раза. Я вывернулся на изнанку – и книга вышла в два раза быстрее обычного производственного процесса и успела к юбилею, к торжественному концерту ко дню милиции в Колонном зале, где я тоже был с женой. Все хорошо. Но друг не захотел платить за составление книги полковнику. И ему не продали за бесценок списанную «Волгу», которую обещали. А директора и меня наградили знаком «Отличник милиции», только директора – золотым. Я рад и доброму слову. Но друг на меня обиделся навсегда. А мы с ним знакомы с Астрахани. Жаль, конечно. Но правда дороже.

Пока, Борис.

(Самое сложное было впереди. Об этой награде нельзя было говорить вслух. Милиционеру надо 15 лет прослужить, чтобы получить такой знак «Отличник милиции». Я и не говорил, в наградном удостоверении – ни печати, ни подписи. Я забыл об этом, чуть не потерял это удостоверение. Оказалось, что по нему мне смогли дать «Ветерана труда» и льготы при уходе на пенсию. Может, это имел ввиду мой начальник в министерстве, утверждая, что я получаю военную пенсию. А я нигде не служил и в военкомате снят с учета рядовым необученным. А обо мне что только не говорили за спиной! Оболгали на всю жизнь. Вот черти, без меня меня женили.)

Володя – Борису

26.06.82

Здравствуй, Боря!

Сначала большое спасибо за твою книжку стихов. А потом – как тебя ругать, не знаю. Книжку я получил на месяц позже, чем мог бы, так как там я не живу более и не появляюсь там, где живет сын Зои. А новый адрес я тебе давно сообщил. Вот так-то, друг мой старый, что, склероз у тебя или, может, ты не получаешь мои письма. Это странно.

Твои стихи, не обижайся на меня, я не понимаю, то есть не понимаю мысль, выраженную в стихе, – вот такой я глупый в отношении стихов.

Прошел ровно год, как мы живем с Зоей в доме. Скажу одно – жить в своем доме во много раз лучше, чем в самой-самой хорошей квартире. Я в этом уже уверен, и не только я, но и англичане и африканцы. Только что сделал горячую воду в дом, прямо в смеситель в ванной, от солнца. Теперь вся весна, лето и осень у нас с Зоей будет горячая вода. А для зимы я что-то придумаю.

За последнее время прочитал второй раз книгу Михаила Веллера «Все о жизни» (750 стр.) – для меня бесподобная книга. Читал несколько работ Артура Шопенгауэра из сборника, он очень и очень медленно, тщательно и в мрачных тонах доводит читателя до одной какой-то мысли, поэтому его трудно читать, хотя и интересно. Пробовал читать Бердяева, но сразу не стал, это не для меня. Сейчас читаю «Диалоги с Иосифом Бродским» Соломона Волкова – интересно, так как там о том времени, в котором ты был, но взгляд с другой стороны. Но самое интересное – все эти книги дает мне читать моя соседка по дому, которая тоже сбежала из квартиры, но верящая в лучшие качества человека, в духовность, кажется, и в бога.

Твое здоровье – ни к черту, хочешь быть здоровее, послушай совет дурака Рябова. Все говорят, нет времени для этого, но потом его не будет тем более, а будет куча истраченных денег, которые не смогут вернуть утраченного здоровья. Купи обязательно книгу «Опыт дурака или ключ к прозрению, автор Мирзакарим Норбеков, доктор многих наук, директор института человека, который создал свою систему и уже вылечил тысячи людей без лекарств и без хирургии. У меня есть еще три его книжки, где он в соавторстве с Хваном описывает методику своей системы. Но первую книгу ты прочитаешь – и не только получишь ключ к прозрению, но еще и огромное удовольствие от самого чтения. Не брезгуй советом старого друга. Мне очень хочется, чтобы ты стал здоровее, и прожил бы еще столько же.

Веду заочную переписку с человеком, мужчиной 55 лет, которого никогда не видел, из Заполярья, инженер, – совпали общие интересы. В последнем письме (20 стр.) он даже сказал, что стал думать по-Веллеру, автоматически. Выдержки из Норбекова он рассказывает людям, все очень слушают, но продолжают покупать детективы.

Если спросить россиян, какова их жизнь, – скажут, плохо. Так вот у нас в 3–5 раз еще хуже, и нет просвета.

Не забывай, что есть еще Рябов.

Крепко обнимаю, Вова.

Борис – Володе

20.07.82

Здравствуй, дорогой Володя!

Давай не будем извиняться за задержку наших писем. Причин всегда много. Главное – будем делать по мере сил начатое дело. Я был очень загружен – сдавал в производство сразу две книги. Потом ездил в командировку в Астрахань, на совещание литераторов Нижнего Поволжья. Удалось и рыбу половить, и позагорать, и маме помочь. Вспоминал, как мы, мужики, в институте жили вместе, играли в карты (помнишь, при лучине?), громко «рыдали» перед лекциями, обещали встретиться через шесть лет. Все пролетело, остались только у мамы фотографии, да три костяных медвежонка – ваш с Толиком подарок.

Правильно ты говоришь, что надо нумеровать вопросы и задавать их не по многу сразу. Начнем нумеровать.

Как ты думаешь, что такое – быть отцом? И на своем примере, и на примере отчима, и на примерах, которые встречал в жизни. Какого отца видят в тебе сыновья Андрей и Максим, и дочь Ольга, и пасынок Сергей?

Больше вопросов пока задавать не буду.

Твой последний ответ мне понравился, более глубокий и детальный. Озадачу тебя еще одним подходом к решению нашей задачи: при ответах постарайся, если получится, осознать, чем отличаются взаимоотношения сына и отца в русской семье, в чем эта русская особенность родственных отношений (и хорошее, и плохое)? Ты чувствуешь, как можно без конца углубляться в суть вопроса?

Большое тебе спасибо за приглашение приехать с Андрюшей в Одессу. Будем живы, может, на будущий год я и попрошусь к тебе, чтобы показать ему море, хоть на пару недель.

(Мой Андрей с Наташей ездили в Одессу в 2003 году, я дал адрес Володи, но они так и не зашли.)

Он научился плавать. Ходим в бассейн, правда, по отдельности. Приезжает на днях из пионерского лагеря. Доставал ему путевку через ЦК ВЛКСМ. И не рад, не разрешили встречаться с родителями. Скучает. И я. Привет твоим близким. Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

16 ноября 1982 г.

Здравствуй, дорогой друг!

Боря, много причин было для моего долгого молчания, не буду о них говорить – задержка с начатым делом, думаю, кончилась.

Мне понравилось твое письмо от 20 июля. Там всего два вопроса. Очень жаль, что ты не смог в этом году приехать. Я думал побывать у тебя в октябре, в свой отпуск – не получилось, время прошло – не заметил. Стареем, время стало быстротечней. Работа на заводе, домашние дела забирают у рядового советского человека очень много времени, и вот на такие дела, что я делаю в данную минуту, нелегко выбрать время. Ведь чтоб писать это письмо, мне нужно как бы перейти в другой мир, в другую область жизни, в которой я бываю очень редко сейчас. Вот мне и казалось, что встреча с тобой значительно облегчит дело. Стремись поймать командировку в Одессу!

«Что я знаю про своего родного отца?» – вопрос, вроде бы, простой, но... я никогда не видел и не слышал его. А видел и слышал его родных братьев и сестер, и только с их слов, и отчасти со слов моей матери, я смог кое-что смутно узнать о нем. И первое, что я хочу отметить в этом, – совпадения, можно сказать, удивительные. Их я почувствовал сразу, как я увидел впервые его фотографию. И уже потом я понял, что весь мой интерес побольше узнать о родном отце после этого был направлен на одно – искать эти совпадения. Поэтому и вопросы я старался задавать всем такие, чтобы узнать как можно больше этих совпадений. Их я бы, наверное, не заметил, если бы жил с родным отцом. В жизни, наверное, так и получается – большинство не замечает, что он почти полная копия своих родителей. А я все это почувствовал на себе, и меня очень удивляла необыкновенная четкая закономерность нашей природы – ведь был факт – от меня тщательно скрывали, сохраняли тайну моего рождения. Какие же эти совпадения?

Приведу только некоторые – мне сказали, что внешне – рост, голос, движения – копия Африка, даже почерк – как будто читаем его письма.

(У меня почерк тоже похож на отцовый.)

Отец был очень музыкален, имел отличный слух, без нот играл на гитаре, даже выступал в самодеятельности, но он не умел петь песни и никогда не пел.

(Помню, как Володя однажды подвыпил с нами, и пел за столом, а потом удивлялся, не верил, что он пел с нами: «Неужели я пел?»)

В 16 лет я упросил мать купить мне именно гитару (была возможность купить аккордеон, в доме стояло пианино), но только гитара, ее звук, ее тембр мне очень нравятся, я сам без чьей-либо помощи начал успешно на ней учиться играть по самоучителю и уже кое-что играл. Почему не научился играть – это уже другой вопрос.

(Отчим Рябова пишет, что Володя играл на аккордеоне, а мне Володя в этом не признался. Или я не помню?)

Отец очень любил Чайковского и Бетховена – это мои любимые композиторы.

Отец курил, я начал курить сразу в 18 лет, как будто я и не бросал.

Отец был ведущим конструктором отдела на машзаводе в Красноярске. В школе, в моем классе – учитель черчения заранее мне поставил пятерку – уж очень легко оно мне давалось.

(У меня на глазах в рыбвтuze Володя, после моих уговоров сделать контрольную, взял плохой треугольник, мягкий карандаш, развернул чистый ватман и стал на нем без рейсины и циркуля чертить вентиль в разрезе. И за короткое время начертил, как «стионерил».)

Так же легко мне давался английский, но у меня все время почему-то было желание выучить немецкий – отец сам, без чьей-либо помощи выучил немецкий (большая часть технической литературы в то время была на немецком языке). Он потом в армии стал разведчиком, там и погиб – в разведке, ушел с группой – задание выполнил. Но никто не вернулся – таково было извещение с фронта.

Он был хороший фотограф, любил лазить по свалкам, возиться со всякими железками – в этом я от него не отстал.

Куча пластинок с патефоном, гитара, фотоаппарат «фотокор», которые, я помню, были у нас, когда мне было 7 – 9 лет, – все это были вещи отца. Еще были его книги – это я понял сейчас, – технические книги, – справочники, словари. Ими Рябов – отец никогда не пользовался, я в них заглядывал чаще, чем он.

Вот такие совпадения меня интересовали. И чем больше я узнавал о родном отце, тем больше было этих совпадений. В то время у меня возникло странное чувство к себе и к отцу, к тому, что так жестоко обошлась судьба с нами обоими. Я вполне уверен – у него был талант, он стал бы очень крупным специалистом. Ведь он самоучкой до всего дошел. В институт его не приняли сразу, а когда наконец-то было разрешение на поступление – началась война. Ему было 28 лет, когда он пропал без вести.

Он очень любил мою мать и меня, своего сына. Я тебе посылал его открытку, адресованную именно мне с фронта за два месяца до его исчезновения, ее сохранил его брат для меня, как она к нему попала – не знаю.

У меня есть (я тебе посылал) также все документы, которые остались от него и хранились у его сестры Августы. Есть немало фото. Все это я получил после первой своей поездки в Новосибирск. Первое письмо от дяди моего Аркадия Васильевича, которое я получил, уже не надеясь его получить, и первое письмо мне от Августы Васильевны, с которой я до сих пор переписываюсь, я тебе посылал. Эти письма, просьба, не потеряй – они мне дороги.

Я уже тебе говорил, что мой дядя очень часто был в Братске, где я работал, хорошо зная моего начальника. Но непосредственно обо мне и моей фамилии он там не слышал.

Еще раньше, во время войны Аркадий Васильевич работал вместе с Рябовым и очень хорошо о нем отзывается.

А еще удивительно, как я смог найти своих родственников? Сам не могу понять. Тетка Надя, которая живет здесь, в Одессе, тогда сказала мне только имя, приблизительно отчество и фамилию этого дяди. И сказала: «Ищи где-то в Сибири – Новосибирск, Красноярск, Иркутск». Я написал в адресное бюро этих городов. Но, представляешь, мне ответили, что «такой не проживает», я потерял всякую надежду. Не знаю, что мне стукнуло в голову, но, где-то через полгода или год, я послал вторичный запрос – и получил адрес на Красноярск.

На второй вопрос пока отвечать не буду, он более сложен. Да еще, мне кажется, что я много еще не дописал в предыдущем вопросе. Прочитай все и именно поэтому первому вопросу задай более мелкие вопросы, можно много, но такие, чтобы на них можно было ответить коротко.

Надеюсь, что ответ ты не удержишь, как я.

Хоть коротко, но всегда пиши о себе, чем дышишь, что волнует. Ты – единственный в моей жизни духовный, если можно так выразиться, друг. И я благодарен судьбе, которая когда-то нас с тобой свела.

Большой привет твоей маме. Обнимаю.

Вова.

Борис – Володе

25 декабря 1982 г.

Здравствуй, Володя! С Новым, 1983 годом!

Спасибо за признание. Здесь, в Москве, таких искренних и бескорыстных друзей я пока не нашел. У меня жизнь становится более литературной. Очерки, слава Богу, не пишу. Редко пишутся стихи, рецензирую рукописи поэтов, дали мне на пробу сделать переводы стихов с киргизского по подстрочникам для книги. Жду выхода книги, которую написал с работником ЦК ВЛКСМ, хлопочу о выходе своих стихотворений. Стараюсь участвовать в воспитании Андрюши, узнать о жизни Танечки, хоть как-то приобщиться к отцовству – горькая ирония. Вот такая жизнь.

Письма я тебе верну позже, так как по каждому из них – куча вопросов. Думаю, ты не забудешь о них сам, и мы к ним вернемся.

А теперь по твоему письму от 16 ноября 1982 года.

Нет, не то что люди не замечают свою похожесть с отцом с детства, а сызмальства подражают отцу даже в движениях, позах, интонациях, суждениях, принципах жизни... Я видел, как Андрюша, маленьким,

копировал мою позу, запоминал мои выражения. А сейчас он больше похож на мать, по интонации в голосе, движениям, фразам. А ты замечал за собой, как стараешься походить на отца–отчима (с детства до зрелости), по своим повадкам, принципам, устоям? Или это было тебе чужеродным по наитию?

Далее ты пишешь, что от тебя тщательно скрывали тайну твоего рождения. Что скрывали, понятно, – чтобы не ранить детскую душу. А какова все же причина разрыва матери с отцом? Чем он ей так насолил, чтобы брать клятву с его родных не касаться тебя? Отчим тебя усыновил после извещения о гибели твоего отца, ведь иначе требовалось его согласие? (Где это извещение о гибели Сливкина? Нет его!) И почему матери дали клятву родственники по отцу, что не будут говорить тебе о нем, по собственной инициативе?

Ты называешь вещи отца в вашем доме. А где сейчас эти вещи отца? Есть ли у тебя хоть что–то из них? Не помнишь, что было в твоей жизни с ними связано?

Ты пишешь, что отец пропал без вести. Ты пробовал обращаться в Подольск, в Центральный архив Советской Армии. Там сведений нет. А вдруг, отец попал в плен, или что-то еще, и он даже сейчас жив? Может быть, подумать, как еще его поискать? Написать в передачу «Ищу человека», если она продолжается по радио.

Всего наилучшего тебе и твоей семье в новом году, пусть он будет для вас легким и светлым.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

03.01.83

Здравствуй, Боря!

Спасибо за письмо. Искренность и бескорыстность – разве это не главные качества в отношениях людей, которые близки между собой, друзья, муж – жена, брат – сестра, и т.д. Разве не эти именно качества мы ценим в окружающих нас людях, товарищах по работе, просто знакомых. По-моему, любой нормальный человек должен обладать этими качествами, да и немислимо настоящее человеческое общение без этих качеств. Неужели все люди, встречающиеся на твоём пути, не искренни и преследуют свои цели? Мне в это очень трудно поверить, даже страшновато стало за твои слова. Не ищешь, не хочешь искать, или не можешь видеть, а это выглядит странно. Или ты сам не замечаешь в себе самом что-то такое, что видно сразу первому встречному, и соответственно, у него возникает реакция та, которую воспринимаешь ты сам. Или еще один вариант: меня ты воспринимаешь выше, чем другие, – может, именно это ты мне хотел сказать в начале своего письма. А у меня это в крови – отец мой был таким. Это я понял по наитию. А заставила меня это понять жизнь, даже мать как-то сказала: дурак ты,

нужно быть немного похитрее в жизни. Перевоспитать других невозможно, а себя самого, тем более. Поэтому я всегда такой, какой есть, и другим я не буду.

Ответы на твои вопросы в письме от 25 декабря 1982 года.

Ты спрашиваешь: замечал ли я за собой, что старался походить на отца–отчима (с детства до зрелости), по своим повадкам, принципам, устоям? Или это было мне чужеродным по наитию?

Я просто не мог этого замечать, потому что до самого того дня, когда извне узнал, что мой отец мне не родной, я внутри себя не мог никогда допустить этой мысли. Потому что не знал, как родной отец должен строить свои отношения с сыном. Но я внутренне страдал и не мог понять, почему отношения с отчимом (для меня в то время с отцом) никак не складываются? Какая стена, грань все время этому мешала? В этих отношениях не было искренности, а было то, что мы не могли понять друг друга. А с его стороны никогда я не мог заметить его желания наладить отношения, а сам я сделать первый шаг не решался. Сейчас я, может быть, уже и решился бы поговорить с ним обо всем, но его нет. Отчим посвятил себя речному флоту. После окончания школы, когда он хотел меня устроить где-нибудь по своей профессии, я и слышать об этом не хотел. Мне не интересна была его работа. Я мог в доме сделать все, что положено любому мужчине, – отчим этого не умел. Мы с ним были очень разные. Я больше замечал эту разницу, чем сходство. А он сам никогда не старался передать сыну свой жизненный опыт – ни одного совета я от него так и не получил. Почему?

(Обманывает Володя себя и меня. Даже из того, что он передал мне о Рябове, например, в его письмах, видно, что Рябов старался, но деликатно, чтобы не обидеть Володю, передать ему свои принципы, но натыкался на жуткое сопротивление.)

Сергею, Зоиному сыну, я стараюсь, по возможности, ненавязчиво (как Рябов – Володе) побольше давать жизненных примеров. Я ему тоже отчим (но открытый, а Рябов закрытый). Но почему мой отчим был равнодушен к этому?

(А моя жена Таня любила Павла Павловича, отчима, и звала этого отчима папой до конца его жизни, хотя у нее был и родной отец, с которым она встречалась раз в году на кладбище на Пасху.)

Ты спрашиваешь, какова причина разрыва матери с отцом? Чем он ей так насолил, чтобы брать клятву с его родных не касаться тебя?

Мой родной отец пропал без вести в июне 1942 года. Мать вышла замуж где-то осенью 1942 года, а меня усыновили, наверное, в 1943 году.

(Есть документ об усыновлении? Или его прятали от Володи?)

Так что, наверно, никакой причины, кроме его исчезновения, для матери моей не было, и ничем он ей насолить не мог. У меня другое предположение. Мать просто ждала этого известия (погиб или пропал без вести, ей было все равно), ей нужна была просто бумага (документ), чтобы получить возможность выйти замуж за Рябова, так как этот муж надежнее, на фронт не попадет, так как крупный начальник. Мать думала только о себе, о своем будущем благополучии. Все это только мои догадки. И мне кажется, что они верны. К этому я пришел только сейчас, после смерти отчима.

Где сейчас вещи отца? Есть ли у меня хоть что-то из них? Помню ли я, что было в моей жизни с ними связано? Этих вещей уже нет в доме матери, и у меня – тоже, вернее, их уже не было, когда я понял, что это были вещи отца. Фотоаппаратом я сделал свои первые снимки – фотоаппарат был «Фотокор», на пластине, а не на пленке, как сейчас. Я уговорил мать продать его, а купить мне более совершенный, еще когда я учился в 7 классе. Мать, кажется, меня сначала отговаривала, что это очень хороший фотоаппарат. Но, в конце концов, уступила моим просьбам.

(Память о муже – написал я тогда на полях письма. Но это и связующая нить создания цепи изображений жизни Африкана Сливкина и его сына Владимира Рябова. Не прерывайте нить событий! Все же на деньги от фотоаппарата купили тоже фотоаппарат. Действие одно и то же осталось, не прерываясь.)

Гитара отцовская была у нас в Хабаровске, и мать часто играла на ней и пела, обычно, когда отчима не было дома, всего две или три песни, которых больше я нигде не слышал.

(Моя мать тоже играла на гитаре и пела, только одну песню «В далекой теснине Дарьяла...» – песню своей молодости.)

Книги, в основном всякие справочники и словари, – я ими еще пользовался в институте, а Словарь иностранных слов – до сих пор у меня здесь, в Одессе. Вот и все вещи.

(Словарь иностранных слов – вот она, память об отце.)

Да, от родственников отца в Новосибирске, я получил его фотографии, письма и открытку с фронта, адресованную лично мне (он послал на случай своей гибели!), его сыну.

Когда я пробовал узнать что-то в военном архиве в Подольске, мне ответили о другом человеке, однофамильце. А все это делалось через военкомат. Волокита. Да и события, развернувшиеся со второй женой, все это приостановили.

Мать, узнав, что я этим занимаюсь, сказала: «Зачем тебе это надо? Может быть, он в Америке. Не навредит ли тебе это?» А я и его родственники

не верим, чтобы он не вернулся на Родину, если жив. Значит, он погиб, выполняя задание.

(А не выполнял ли Сливкин «задание», как разведчик за границей?)

Вот пока все. Пиши. Если появится хоть какая-то возможность приехать в Одессу – не теряй! Большой привет твоей маме. Как ее здоровье? Что у тебя нового? Пиши хоть кратко об этом.

Обнимаю, Володя.

Борис – Володе

07.01.83

(Не послано)

Здравствуй, Володя!

Письмо от 3 января – сухое.

(Я обиделся, хотя Володя был не по возрасту – максималистом.)

Но оно говорит о многом. Первое. Да, к сожалению, мир, в котором я живу, таков. Как разведчик. Более того, я думаю, что и ты живешь в таком мире. Но не хочешь замечать этого, и правильно делаешь. Вера в людей стоит личных потерь. Как сказал в свое время Евтушенко: «Уж лучше недруга принять за друга, чем друга – заврага». Но ведь у меня усугубляются условия – они литературные. Значит – обостренные.

Живу я в ожидании своего рождения, и работой.

Не уходи от ответа, не глуши сам себя. Я нащупал главную струну, ты боялся искать родного отца добросовестно. Все, что ты писал до этого о своем отце, было романтикой. А я приглашаю тебя посмотреть в реальность. Страшно? Но надо, чтобы ты спокойно мог смотреть себе в глаза, хотя бы когда брешься. И с пониманием.

(Как раз понимания у меня и не хватало. Может, мать сказала Володе: вдруг отец сбежал за границу, тогда тебе от КГБ не поздоровится. И всем нам. Даже то, что он без вести пропавший, мы скрывали, чтобы тебе органы не сломали жизнь. Но мне об этом Володя, видимо, побоялся написать, сказать, вот и хотел поговорить при встрече, наверное. А мне, дураку, и в голову это тогда не приходило. Да я и не знал толком, как отразилось на родных пленение их отцов. Когда даже дети, жившие в оккупации в своих домах на половине территории России – полнарода! – и те

были на учете в органах и, по доносу «доброжелателей», могли иметь все трудности роста и процветания.)

Ты не прав, что не было причины у твоей матери забыть о первом муже и заставить замолчать его родню. Здесь тебя ждет такое открытие, которое может перевернуть твою душу (я это понял по его письму сестре и ее письму тебе). Если уже не перевернуло. Но давай постараемся разобраться – твоя мать и родная сестра твоего отца были менее подготовлены, чем мы, вспомни, сколько им было лет, и какое это было время. Сейчас многое прояснилось.

Интересно, как искали родные твоего отца? Спроси их еще раз, сейчас они могут признаться. Письмо дяди твоего выглядит так, что писал его человек, знающий больше, чем признается, и притворяющийся, ради тебя, простаком. Очень хорошо ты ответил на вопрос о том, что с детства ты не хотел походить на своего отчима (отца) Рябова. Это совпадает полностью с моими (общечеловеческими) предчувствиями. Ведь я еще молокососом задумался над вопросом, почему ты выглядишь гадким утенком в семье. Мы не только должны все понять, но – главное – оправдать и твою мать, и отчима, подняться выше их представлений. Это общечеловеческая идея – *не судите, да не судимы будете.*

Обнимаю, Борис.

Борис – Володе

15 февраля 1983 г.

Дорогой Володя!

Делал срочную работу. Сидел, как проклятый.

Наконец-то, собрался подумать над твоим письмом. Ты прав, конечно, что искренность и бескорыстие – главные качества в отношениях людей друг с другом. Но, увы, не всегда эти качества главенствуют. Есть и среди моих ближних (мать, ты, Андрюша, несколько других дорогих мне людей) искренние люди, и во мне есть это притягательное поле откровенности, которое помогает мне в общении с людьми (по крайней мере, они мне сами об этом говорили). Но, Володя, идеального в мире нет, и многие, как выражается твоя мать, стремятся «быть немного похитрее в жизни». И от этого наши обиды и разочарования в отношениях, даже с ближними.

Жизнь моя протекает в литературной работе. В конце года вышли из печати сразу две моих книги: одна в соавторстве с работником ЦК ВЛКСМ, вторая – о передовой швее из Киргизии. Кстати, мне так идет акколпак, который я купил в командировке во Фрунзе, что невольно поверил, что «скифы мы», как убеждал Блок. О второй книге ты можешь прочитать рецензию в газете, которую тебе высылаю.

Рецензирую чужие стихи, жду своих публикаций. Меньше стал ходить в Дом литераторов, пьянки отвращают, я не имею ни желания, ни денег, ни здоровья на такие вечеринки. Сейчас сижу в буфете Дома литераторов в основном один. С кем-то поздороваюсь, а за пьяный стол не сажусь. Сколько классиков у меня на глазах спивались!

Руководитель секции поэтов как-то мне сказал, сидя за соседним столиком: «Борис, как ты можешь сидеть один в «Пёстром зале» ЦДЛ? Просто удивительно!». Однажды я с товарищем по нашему литературному цеху был у него даже дома после очередной пьянки, слышал какие-то полусекретные разговоры ипил рижский бальзам. Потом он дал нам денег на такси – поздно было, и деньги у нас кончились.

А ты знаешь, что Маяковский обычно один сидел в доме литераторов (в каком только месте был этот дом, н Тверском бульваре?) с бутылкой сухого вина? И до сих пор его голова торчит у входа в здание КГБ, где открыт и музей Маяковского. Но я даже не вспомнил об этом, когда мне Цыбин задал этот риторический вопрос. Не вспомнил хотя бы потому, что я – не Маяковский...

(Мне тогда и в голову не приходило, что меня стороняться. Однажды я даже увидел, как кто-то из писателей за моей спиной показал приятелю, кивнув на меня, чтобы он лишнее не болтал. Я больше удивился, чем обиделся. Только начальник мой в Миннаце, по-сути, мне открыл глаза. Да еще Золотцев пожале: «О тебе, Борис, и так много чего говорят!» «А что? И за что?» – хотел спросить я, но промолчал.)

Решил для общения больше ходить по редакциям.

Хочется летом приехать к тебе (может быть, с Андрюшей, но вряд ли Лиля его отпустит со мной), хоть пару недель поговорить с тобой, выяснить наше «дело» в тонкостях. А пока разобрал то, что накопилось, и задаю тебе несколько вопросов.

Какое впечатление у тебя об отце Толи Недомеркова?

Как, ты думаешь, сложились отношения твоего отца с родней?

Каким ты был отцом в трех твоих семьях?

Обнимаю, Борис.

Борис – Володе

21.02.83

Здравствуй, Володя!

Наконец-то я перепечатал письма, которые обещал тебе, по твоей просьбе, вернуть. Но много вопросов они вызвали. Ты прав, что вопросы мне для себя нужно пронумеровать (я уже писал про это?), что я и сделал, начиная с сегодняшнего письма. Не хочу тебя пугать количеством, но посылаю те, которые возникли при чтении и перепечатке писем твоего отца,

Августы Васильевны (и некоторые, не связанные с этими письмами, но всплывшие при размышлениях). Сразу на все отвечать не надо. Выбирай те, которые захочешь, только отмечай в своем списке, что ответил, то же буду делать и я в своем списке. Часть из вопросов потребует твоей переписки с другими людьми, мамой, сестрами, родственниками по отцовской и материнской линии. Если это неудобно или неприятно будет для тебя, я не настаиваю – попробуем предположить, домыслить сами. Какие вопросы повторяются или не хочешь отвечать – не отвечай, мне будет ясно, глядя в свой список. Где я пишу в скобках (эпизод), означает, что хотелось бы представить подробности (время, место действия, обстановка, выражения действующих лиц, запомнившиеся фразы, погода, твое настроение, отношение к людям, твои слова, и то, что ты думал в той атмосфере, примерно так, как ты описывал момент узнавания по фотографии своего отца). Не сможешь – не надо, не насилуй себя. И без этого труд – адский. Мне будет дорого все, что ты ответишь. Хоть одним словом – да или нет. А теперь принимай список – толк не пыли! Всего тебе доброго. Обнимаю, твой Борис.

Володя – Борису

24.02.83

Здравствуй, Боря!

Получил твое письмо, спасибо. Я всегда рад твоим письмам. Не хватает мне рядом такого человека, как ты, с которым можно поговорить о многих вопросах, очень волнующих. Среда (люди), меня окружающая, не может дать ответ на эти вопросы. Я чувствую, что я сам виноват в том окружении, ведь я его творец. Простые люди, с которыми я работаю и общаюсь, их уровень развития, их интеллект, меня не удовлетворяют. Вопросы, которые меня волнуют, их не тревожат – это не то слово, эти вопросы у них даже не могут возникнуть, слишком малы (а может, низки) у них требования к себе, к жизни, в которой они живут. Мне нужен рядом человек, похожий на тебя. Ты скажешь, а как же жена? Мне с ней хорошо, она мне друг, она всегда рядом, но она... женщина, которую я уважаю, стараюсь делать ей добро, доставлять ей маленькие радости во всем, в чем могу, стараюсь передать ей частичку самого себя. Но мне не хватает человека–мужчины – равного мне.

Мы прожили с тобой, я так считаю, два периода жизни – весну и лето – детство и молодость, сейчас период зрелости – осень, когда многое прожитое (созревшее) начинаешь понимать, оценивать (вкушать), и это понимание дает познать еще большее, и чувствуешь, что для этого один ты бессилен, и рядом нет того, с кем ты смог бы пойти дальше. Как грустно это сознавать, свое бессилие.

Работаю на старом месте, работать стало намного труднее. С нас, рабочих, стараются выжать последние соки – план любой ценой. Сменилось

все начальство цеха – с ними, с новыми «временными», я воюю, так как я у них почему-то стал сразу на плохом счету – считают меня бездельником, хотя работаю я за двоих, а может, и за троих. Вот я им и доказываю, да так, что они стали меня побаиваться.

(Он умнее рабочего, и раздражает, нельзя его обмануть.)

Мое личное мнение – заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет. Очень плохо, что нами руководят такие. А когда я прочитал статью в «Литературной газете», № 3 за 1983 г. «После шторма», – мне стало страшно – нет, не за себя, а за всех нас, – у меня возникло сомнение. Где я живу, в стране, созданной Лениным? Или в стране лжи и обмана, в стране дураков?

(Заражен системой, как и я в то время.)

Всю зиму над нами издеваются, как хотят – один день батареи горячие, неделю – холодные. Я никак не могу согреться (на работе тоже холодно). Взял бы автомат, пошел бы в исполком, горком и всех бы уложил.

(Володя мне не скрывал ничего, просто мы все были лилипутами Свифта. Я тоже в Рубцовске кричал начальникам–жуликам, которые воровали масло и сливки в детском саду: «Да я вас всех перестреляю – у детей маленьких воруете, сволочи!» А за Володю уже стал бояться, боялся его таких писем, и бросил ему писать.)

Знаешь, Боря, столько злости и ненависти ко всей этой бесхозяйственности, беспорядку, взяточничеству. И еще обиды и горечи за всех нас, кто страдает незаслуженно, а другие – в Доме литераторов пьянки устраивают – этих бы тоже к стенке.

Приезжай ко мне в любое время – отпуск у меня в июле, буду продавать дом.

Ответ на твои вопросы. Отца Анатолия Недомеркова я не знал, не знал даже, что он у него есть.

О своих братьях и сестрах. Отец их очень любил, большая часть из них отвечали тем же, некоторые завидовали его способностям, но в то же время уважали его за это. Я, когда встречался с каждым из них впервые, невольно чувствовал эту любовь и уважение. Мне даже иногда казалось, что меня принимают ни как сына Сливкина, а как самого Сливкина. Очень трудно передать то, что я чувствовал при этом. Кажется, я об этом писал.

Очень трудно ответить на вопрос: каким я вообще был отцом. В первых двух семьях я был хорошим, даже слишком хорошим отцом, а в третьей – я просто дядя Вова, и отцовства здесь я не чувствую, хотя знаю, что несу ответственность за судьбу Сергея.

(Вот так, наверное, и Валентин Яковлевич Рябов – по отношению к Володе. И у Володи перед глазами этот опыт есть, который и определяет, наряду с его характером и характером Сергея, его поведение отчима.)

И стараюсь как-то на него влиять: в том, что он, кажется, меня уважает и ценит мои слова, в этом, наверное, моя заслуга.

Если есть время, пиши больше о себе, подробнее.

Обнимаю, Вова.

Володя – Борису

13.03.83

Здравствуй, Боря!

Получил твоё заказное письмо с письмами и твоими вопросами. Перечитал все. Оказывается, очень многое я не знаю сам. Сейчас буду отвечать на самые короткие. А на те, которые не знаю, буду искать ответ. Я уже написал письма в Сибирь.

(Отрезаны ответы на вопросы и разложены по конвертам.)

Борис – Володе

23.03.83

Здравствуй, Володя!

Ты чувствуешь, что переписка наша становится интересней? Я завел конверты на каждый вопрос, и туда складываю твои ответы и свои размышления. Сейчас отвечаю на твои три письма.

Первое.

Жаль, что ты думаешь так о своем окружении. Если ты выше, поднимай своих друзей, тактично, и тогда вдруг увидишь, что каждый человек может сказать такое, что не всегда даже гению придет на ум. В этом меня убедила жизнь. В этом признался и мой друг Саша Мамаев, сказав, что я был прав. Мудрость жизни живет в народе – по крупицам, у кого этих крупиц больше, у кого – меньше. С начальством у тебя конфликт потому, что ты выше их. И даешь это понять, поэтому выглядишь белой вороной. Посредственность всегда мстит таланту. Выход один: хочешь мира – представь, что смотришь спектакль, который разыгрывают они, а ты – зритель, и глупо, в театре зрителю вступать в пререкания с актерами. Удастся в себе выработать эту остраненность, я подскажу тебе следующий шаг, как драматург. Не обольщайся конъюнктурными публикациями в газетах, смотри

на жизнь сам, проверяй на ощупь. Наша страна не такая, какой нам пытаются ее представить, и доказательство этому – хотя бы мы с тобой, а таких – тьма. И вообще, Володя, такие разговоры лучше вести тет-а-тет, чтобы не поддаваться всяким провокациям из-за своей неосведомленности. У нас есть трудности, и будут пока, но где их нет, и мы – народ крепкий, а главное – человечный. Дерьмо всегда на поверхности плавает, поэтому его и видно, и вонь – от него. Но представь, что плавает это дерьмо в великом океане – сколько чистой воды, какая глубина и простор какой!

Теперь о вопросах. Когда вы с Галей и детьми были у нас, Лиля мне проговорила, что ты, по словам Гали, плохой отец и муж. Я не поверил. Я так был раньше рад за тебя. Проверь, старина, может быть, в чем-то она была права, а может, и нет. Подумай. По крайней мере, резанули мне душу слова, что ты с детьми своими «не общаешься совсем».

Каковы все же причины разлада матери с отцом Африканом Васильевичем?

Твои метрики, ты говоришь, пропали. Когда, после того, как ты начал разыскивать родного отца? В метриках отцом уже значился Рябов, если фамилия твоя Рябов?

Когда твоя мама зарегистрировалась с отчимом? Учти, что 10.08.42 Лев еще писал Африку (не получил ответа), а 21.08.42 дядя Саша писал: «об Африке ничего не слышно», а еще 07.01.42 (проверь дату) Аркадий писал: «Про Африка есть версия, что будто бы попал в окружение или, возможно, в плен».

Обнимаю, дорогой друг.
Борис.

Володя – Борису
27.03.83

Высылаю тебе бандероль со всеми документами. Был в Фонтанке, в дом залез вор, разбив окно, но брать было нечего. Буду продавать дом, жить в нем не живу, а достроить тоже тяжело, решил продать таким, каков он есть.

Ответы на некоторые вопросы по письму Африкана пришлю, когда получу эти ответы из Сибири. Очень много ответов ты получишь в бандероли, и, я уверен, когда ты будешь их разбирать – будут опять вопросы. Там, в документах, есть два фото отца, остальные у меня в альбоме наклеены – их ты увидишь при встрече.

(Отрезаны ответы на вопросы и разложены по конвертам.)

Володя – Борису

29.03.83

Здравствуй, Боря!

Получил твоё письмо. Ты прав – очень интересной становится для меня переписка, многое, что ты увидел со стороны, – для меня открытие, и, о! как мало я, оказывается, знаю фактов, и многое будет очень трудно узнать.

Спасибо тебе за твои советы. Своими словами ты подтвердил, что я избрал правильный путь, ты написал все именно так, как я думал и поступал, и далее избрал именно такой путь поведения. Только полной отстраненности быть не может, ведь я не в театре, а на работе, и контакт происходит постоянно. Но я установил определенную границу этих контактов и стараюсь ее, по возможности, соблюдать, и в обиду себя не даю. А среди друзей, и большинства окружающих, авторитет у меня уже давно большой. Около меня постоянно кто-то есть, или задают вопросы по работе, или просто о себе рассказывают. Я их за язык не тяну. И эти крупницы, о которых ты пишешь, сами для меня открываются, и возможно, я их не замечаю, но что впитываю в себя – это я вижу по тому, как растет мое понимание людей.

Могу тебе с полной ясностью и обдуманностью сказать, что Галя была плохая мать и очень плохая жена. Самый простой факт: разве хорошая мать будет настраивать сыновей против отца, пусть даже плохого, по ее понятию. Андрей перестал мне писать после поездки ко мне – повода для этого я ему не давал, он мне обещал писать, когда уезжал от меня. И второй факт. Может быть жена хорошей, если она не любит мужа, а вышла замуж за него только по расчету?

О Сергее, его отношении ко мне, общении ежедневном со мной, неважно, что мы с ним мало разговариваем, хотя я иногда ему говорю, и немало. Главное, я добился уважения и авторитета в его глазах. И его общение со мной дает ему больше для его развития, чем дал ему его родной отец, – это главное.

Давай подумаем, что главное может скрывать Аркадий Васильевич от меня?

Что жив отец? – Не думаю, ведь это нужно скрыть от всех;

Что-то нехорошее было в действиях отчима и матери по отношению ко мне или моему отцу? Эту мысль я не допускаю, потому что отчим был слишком честен по натуре. Он умер от этого (5 марта 1978 года), в его записной книжке, кроме кучи адресов, было еще около 10 пословиц о правде и только правде, и такие, которых я никогда не читал и не слышал;

Есть еще одна мысль – мать мне как-то сказала: «Отец (отчим) сделал ему (Аркадию) броню». Я не могу знать, правда это или нет, но, может быть, этого боится Аркадий Васильевич? И можно ли этого бояться?

(Аркадий Васильевич Рябову обязан за это по гроб жизни, мог сам познакомить Рябова с матерью Володи, хотя любил брата – вот это и отстраняет его осуждать Рябова и мать Володи – Любу.)

А почему ты понял, что он ушлый? Тетя Гутя говорила о нем, что он жил всегда в стороне от всех Сливкиных, скрытно, никогда не старался никому помочь, и не интересовался бедами близких. Очень смутно припоминаю, при нашей последней встрече настоящего разговора у нас с ним не получилось, все отрывками. И, кажется, он говорил, что отчим что-то ему сделал, и он ему благодарен по сей день. Он не сказал, что, он очень осторожен в разговоре, – может быть, это и есть то, что сказала мне мать. Он мне в письме написал, которое ты читал, что мать вышла за Рябова в июне 1943 года. В августе 1943 года родилась Таня, моя сестра. Он (Аркадий Васильевич), когда писал мне письмо, не мог еще знать, что есть Таня, которая родилась в августе 1943.

(Значит, зачата дочь Таня в ноябре 1942 года. А когда Сливкины дали клятву Рябову, еще не мужу Любы?)

И еще могу сказать, что об отношениях матери и отчима из Сливкиных больше всех знает Аркадий Васильевич – что-то мне об этом говорила тетя Гутя.

Может быть, еще эти отношения скрывает Аркадий Васильевич? Если он о них расскажет, значит, наверное, может меня посорить с матерью, и именно поэтому он молчит?

(Продолжение следует.)

Боря, мне нравится такая форма ответов и вопросов – по моим ответам – твои суждения, а потом опять мои. Продолжай в том же духе. Можешь писать без всякого порядка и системы, порядок только в нумерации – ведь вдруг возникнет мысль – убежит, и ее не догонишь.

Выслал тебе еще два письма и бандероль – получение всегда подтверждай.

Всего тебе доброго в твоих делах.

Обнимаю, Вова.

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, дорогой Борис!

Отвечаю на твое письмо по порядку предложенных вопросов. Дату регистрации отца с матерью не знаю, но помню только, что в моем свидетельстве о рождении была дата регистрации моего рождения 1943 год. Свидетельства у меня нет, где оно, не знаю.

Свидетельство о рождении в то время не пропало, оно пропало для меня много раньше начала моих розысков. В нем был указан Рябов, и оно было 1943 или 1944 годом выписано. И вообще во всех датах и факты, которые регистрируют, есть какая-то путаница, разобраться почти невозможно.

(Путаницы нет, просто Володя путает дату регистрации, дату регистрируемого факта и дату заполнения документа и регистрации его в книге регистрации. Так как Володю усыновили в 1943 году, ему дали новое свидетельство о рождении в 1943 году, хотя родился он в 1939 году, о чем в этом свидетельстве, конечно, сказано. Мне давали в 1956 году «повторное» свидетельство о моем рождении в 1941 году, когда мать добилась моей регистрации, и чуть ли не сам отец, по словам матери, писал красивым почерком этот документ в ЗАГСе.)

Не знаю, знал ли отчим отца живым, но знаю точно, что отчим работал вместе с Аркадием Васильевичем. А мать сказала, что, если бы не Рябов, Аркадий бы тоже попал на фронт, вроде бы Рябов сделал ему броню. Аркадий Васильевич не воевал.

Аркадий Васильевич, мне кажется, к Рябову относится хорошо, а вот как к матери, – не могу сказать.

(Какая мистика! Пишу это, и слышу по включенной только что музыкальной программе «Релакс – спокойная волна» пересказ зарубежной песни: «...Все узнаю о нем. Она не имеет права отнимать у меня отца. – Все о моей матери.»)

Так отвечать проще. Давай продолжим.

Направляю тебе письма дяди Саши. Интересно пишет, как книгу.

Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

3 апреля 1983 г.

Володя, посылаю тебе справку о Колывани, малой родине твоих родных Сливкиных.

И несколько новых вопросов.

Откуда тебе известно, что отец служил в топовычислительном взводе штабной батареи 17-й гвардейской дивизии, которая была сначала 119-й Красноярской дивизией? Если тебе ответили, что в Красноярске отец не призывался, и даже в списках без вести пропавших его нет, может быть, он призывался в Томске, куда переехала ваша семья?

Горная Колывань

Алтай – одна из крупнейших горных систем Азии, которая состоит из множества хребтов. Колыванский хребет находится на северо-западе Алтайских гор. Он представляет собой весьма разветвленную сеть отрогов, покрытых тайгой и степной растительностью. Другое весьма распространенное название Колыванского хребта – Горная Колывань.

Самая высокая вершина Колыванского хребта – гора Синюха – находится на его окраине и поэтому, несмотря на относительно небольшую высоту (1210 метров над уровнем моря), выглядит величественно. Сглаженные гранитные скалы этой вершины вырисовывают на фоне бирюзового неба притягательный силуэт. На самой вершине, где группы скал песочного цвета разделены широкими проходами и узкими расселинами, теряешься в догадках: какая из этих скал является высшей точкой Синюхи. И неслучайно у местных жителей есть свои названия этим гребням – Синюшонок и Подсинюшонок.

Известно, что у приверженцев старой православной веры вершина г. Синюхи являлась своеобразным местом паломничества. Считается, что омовение лица священной водой из гранитной чаши на вершущке этой горы способствует очищению души и укреплению плоти человека.

Выше тысячи метров поднимаются только две другие вершины Колыванского хребта: Ревнюха (1110 м) и Северный Камень (1002 м). Такие горные макушки называют господствующими вершинами, они, как правило, безлесные. С них открываются огромные панорамы. На север и северо-запад простирается Западно-Сибирская низменность. На юге, за долиной реки Белой – вершины Тигирецкого хребта.

Жемчужина Горной Колывани – Колыванское озеро, вытянувшееся на 4 км. Это одно из самых больших озер юго-западной части Алтайского края. Рядом с озером – село Саввушка, и поэтому в народе Колыванское озеро нередко называют Саввушским. Вдоль его берегов возвышаются гранитные скалы.

Согласно существующей научной гипотезе в давние геологические времена на месте Западно-Сибирской низменности было море. Горы Алтая являлись береговой сушей, ограничивающей это море на юге. Гранитные скалы Колыванского озера как раз и связаны с прибойно-волновой деятельностью древнего моря. Об этом свидетельствуют характерные вымоины (западины) в скалах.

На Колыванском озере можно встретить необычное растение – водяной орех (чилиим), – занесенное в Красную книгу. Это реликтовое растение, сохранившееся с доледникового периода, напоминает окаменевших чертиков.

(В Астрахани в дельте Волги тоже растет чилим. Если его сварить – он, как картофель.)

Начиная с XVIII века, были открыты первые рудные месторождения на Алтае. Неглубокие воронки (3–5 м), заросшие травой и кустарником, – это шахты-закопушки демидовских времен. Большую опасность представляют провалы с отвесными краями (более 40 м), образовавшиеся в результате проведения горнодобывающих работ.

Главнейшими рудными минералами Горной Колывани являются серый колчедан, сфалерит (цинковая обманка), халькопирит (медный колчедан). Встречаются здесь золото, серебро, медь, галенит, магнетит, вольфрамит. Кроме рудных минералов Горная Колывань богата кварцитами, порфирами, а также яшмами, имеющими четкую полосчатую, реже пятнистую текстуру, высокую твердость, слабую трещиноватость. Именно из такой яшмы, добытой в районе горы Ревнюхи, была изготовлена самая большая в мире ваза – «Царица ваз», находящаяся ныне в Государственном Эрмитаже в Санкт–Петербурге.

В селе Колывань Курьинского района есть старый Колыванский камнерезный завод.

В районном центре Колывани на ул. Советской в глубине квартала рядом с Колыванским краеведческим музеем, находится здание, в котором был клуб, потом, до перестройки размещался кинотеатр «Победа», а с 1990–х годов – вещевого рынка, страховая компания, медицинский кооператив... В обиходе нескольких последних десятилетий никто из жителей не называет это здание Собором, хотя Собор был заложен 15 августа 1861 года, построен «тщанием прихожан» и освящен 1 октября 1867 года. Собор во имя Святой Живоначальной Троицы стал первым каменным зданием, построенным в «новой» Колывани, вблизи трассы Московско-Сибирского тракта и в некотором отдалении от деревни Мельниковой. Позднее, в соответствии с планом К. Турского, в городе была сформирована огромная Соборная площадь – от улицы Московской с севера до Купеческой (Советской) с юга и от Покровской (Революционного пр–та) с запада до Жернаковской (Маркса) с востока. Во второй половине XIX века она была обстроена домами наиболее богатых людей в городе – купцов Орлова, Пастухова, Кроткова, Кривцова, Жернакова, Култашева, прасола Паисова, здесь размещались базар, церковно–приходская школа, Городская Дума и Управа.

Колывань являлась своеобразным узлом в системе расселения юга Западной Сибири, втягивая в сферу своего влияния многочисленные сельские поселения. А поскольку ближайшие церкви со статусом «Собора» находились только в Каинске, Томске и Барнауле (соответственно на расстоянии 308, 220 и 270 верст), то Собор во имя Святой Живоначальной Троицы стал центром православной духовной культуры на огромной территории Новосибирского Приобья.

Первым протоиереем здесь служил Михаил Федорович Вавилов. В 1889 году при церкви имелась библиотека, которой пользовалась причта и

некоторые из прихожан. В 1902 году при Соборе была открыта церковно-приходская школа. В 1915 году в ней обучалось 43 мальчика. В приход Собора кроме города Колывани входили деревни Мельникова, Б. Оеш, М. Оеш, и Киселева.

Строительство Собора было связано с именем видного сибирского мецената и общественного деятеля колыванского купца Кирилла Климовича Кривцова. Будучи купцом 2 гильдии и очень богатым человеком, Кирилл Климович Кривцов активно занимался благотворительностью: в 1868 году он безвозмездно отремонтировал колыванский военный лазарет. В 1872 году Кривцов построил на собственные средства деревянный дом для женского приходского училища. Он неоднократно получал благодарности от властей, а в 1874 году был удостоен золотой медали на Станиславской ленте для ношения на шее «за заслуги по духовному ведомству». В 1876 избран гласным в городскую думу, в 1879–1881 годах был блюстителем Колыванского Владимирского приходского училища. После убийства 1 марта 1881 года императора Александра II Кирилл Климович Кривцов пожелал построить (вторую) в городе Колывани каменную церковь в память в бозе почившего Государя Императора Александра Николаевича во имя Святого Благоверного князя Александра Невского. Церковь была заложена в 1881 году, и 4 декабря 1887 года освящена епископом томским Исаакием. А для Собора во имя Святой Живоначальной Троицы Кривцовым были построены в 1876 году два придела: левый «Во имя Святой великомученицы Екатерины» и правый «Во Имя Святых преподобного Кирилла и мученицы Натальи».

Собор просуществовал в своем первоначальном назначении около семидесяти лет. В годы советской власти здание лишилось куполов, горело, реконструировалось под несовместимые с храмом функции.

Время постройки, стилистика, характер декора Собора позволяют предположить связь архитектуры здания с творчеством Константина Тона. Об этом свидетельствуют килевидные арки, профилированные карнизы, пилястры, круглая ниша над западным входом – детали, созвучные авторскому почерку К. Тона и по стилистике близкие с некоторыми деталями Троицкого собора в Томске.

Борис - Володе

13.04.83

Здравствуй, Володя!

Отвечаю сразу на три твоих письма (одно от дяди Саши, то есть Александра Васильевича).

Не спешишь ты продавать дом?

Теперь размышления по поводу ответов на вопросы.

Дядя Саша пишет: «Мой дед крестьянин Колыванский». Это фамилия или местность?

А как фамилия, имя, отчество твоей родной бабки по отцу?

То, что все Сливкины знали о тебе, говорит за то, что твоя история для них интересна (и не только из-за симпатии к Африкану), и говорит о том, что они могут все знать в подробностях, о которых, может быть, не совсем человечно, по отношению к тебе, рассказывать. Но это лишь мое предположение.

Внимание к людям обременяет только нас.

Теперь о твоих размышлениях. Говорить сейчас, в начале пути, наверняка трудно. По этому поводу – одно отступление. Володя, мы с тобой ведем анализ, можем допускать предположения, порочащие кого-то близкого или далекого. Поэтому сразу договоримся, не обижаться и не выносить приговоров, ни себе, ни кому другому. Моя цель – обелить всех, потому что у каждого может быть своя правда, и необязательно с червоточинкой. И, тем не менее, я могу предположить, что Аркадий Васильевич отблагодарил Рябова за броню, посодействовав его сближению с твоей матерью. Кошунство? А если у неё с Африком не складывалась жизнь, а с отчимом родилась настоящая любовь (ведь они прожили всю жизнь вместе)? И это еще не все возможные оправдания.

(А если мать Рябова не хотела иметь дело с разведчиком, с органами? Правда, и Рябов не просто так, наверное, впоследствии работал в Чехословакии.)

И еще одно предположение. Обращаясь к людям, в поисках ответов, лучше всего придерживаться двух условий: 1. Спрашивать очень тактично, а не так, как пишет в письме Александр Васильевич («Ты просишь меня написать свою автобиографию...»). Если будет трудно сформулировать просьбу к кому-то, я могу помочь. 2. Спрашивать только о том, что касается твоего родного отца, тебя, твоей матери и Рябова. Иначе мы погрязнем в материале.

Письмо дядя Саши говорит о том, что человек он хороший, к тебе относится душевно и с открытой душой. А «тихий нрав и голос тихий» – у тебя, видно, от прадеда еще. Конечно, со всей родней переписываться сложно, да и нет особой необходимости. Выбери два-три человека по душе и будь к ним внимательней в письмах. А они и сами передадут о тебе по своему корневищу, и тебе о нем расскажут. Да ты, наверное, так и сделал.

У меня новостей пока особых нет. Все в ожиданиях и в работе для новых надежд. Мама побаливает. Поеду в середине апреля к ней, приеду, наверное, в мае с ней в Москву. Привет твоим.

Обнимаю, Борис.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПИСЬМА ДЯДИ САШИ

Дядя Саша - Володе

27.01.83

Белово.

Здравствуй, Володя, привет Зое и Сереже.

Получил твое письмо давно, а с ответом задержался. Времени нет.

У Марии Александровны болят ноги, очень трудно ходить, но ходит в сад. Мне приходится все делать самому. Связался с погребом. До обеда работаю в погребе, а после обеда – на Мичуринске. Даже телевизор некогда посмотреть, и в саду все запустил. А все растет хорошо: овощи и трава, и урожай надо снимать. Не успеваю. К вам приехать летом невозможно.

Об Африкане, о чем ты пишешь, я узнал первый раз. И многое – неверно.

Африкан родился в 1912 году, Серафим в 1914–1915 году, Герман – первый в 1917 году (умер), Августа в 1919 году. Так что там все напутали. Августа и Ефросинья лучше меня знают. Они тебе об этом сами напишут. Никогда не думай, что они на тебя обиделись. Просто: время не находят или что-нибудь мешает. Я им напишу. О своей жизни я пишу, что помню. Какие-либо сведения мне узнать негде, поэтому могут быть некоторые пробелы – менее значащие события.

Интересная работа памяти. Когда пишу, я как будто переношусь в то время, когда описываю те события. Оказывается, если бы я стал все писать непрерывно, я мог бы более ярко и точно рассказать обо всем. Но это очень большая работа, и нужно очень много времени для этого. Я затрачиваю на одно письмо два или три часа, которые можно прочитать за одну-две минуты. Я как будто вновь переживаю свою жизнь, и для меня это – даже приятное переживание. Надеюсь, такие письма нескоро прекратятся, впереди целая жизнь, еще не скоро возмужаю.

Наконец-то я добрался до письма. Так хотелось дописать, и не мог. Получил уж от тебя второе письмо, в котором ты пишешь причину в обиде. Это в корне не верно. Просто кто-то или что-то мешает, или нет времени, и даже условия не позволяют, да мало ли что... только не обида. Я запурхался совсем с этим Мичуринским, даже дыхнуть некогда, спать мало приходится, телевизор не смотрю. Теперь все позади, Мичуринский готовлю к зиме. Возьмусь за гараж и машину. Съездить нужно в Новосибирск, попроведать и разузнать все, а там придет зимняя работа: радиотехника, кинолюбительство. Работы много. Я даже забыл, на чем остановился. Примерно помню, может

быть, немного повторюсь, не тревожься. Редакция все равно будет другая. Я ведь не магнитофон...

Крепко целую, твой дядя Саша.

Дядя Саша – Володе

Белово, 23.03.83

Здравствуйте, Володя, Зоя и Сережа!

Вчера получил от вас письмо, в котором ты, Володя, просишь написать свою автобиографию, не краткую, а подробно, чтобы даты – точное время указать, а более яркие эпизоды из своей жизни описал подробно. Ну, например, такой эпизод.

Случайно я сделал открытие, что я могу свободно писать стихи. Я решил написать поэму о своей жизни. Писалась она хорошо, легко, с малыми затруднениями, и исписал целых восемь ученических тетрадей. Тут началась война, и я ушел на фронт. После войны вся моя писанина куда-то исчезла. Осталось очень немного в памяти. Вот так она начиналась.

*Мой дед, крестьянин колыванский,
Провел весь век свой за сохой.
Взгляд, не скажу, что был орлянский,
Старик – крепьш был неплохой.
Был тихий нрав и голос тихий,
И шапка с проседью волос.
Старый пиджак, к плечам привыкший,
И в заключение – средний рост.
Старушка, бабушка родная,
Наоборот была бойка.
Со звоном голос разливая,
Вела хозяйство все сама.
Чуть помню, был еще ребенком,
К ним в гости мать нас привезла.
Старушка толстая, с веселком,
К себе на кухню нас звала:
«Здорово, гости дорогие,
Да раздевайтесь поскорей.
Смотри, здоровые какие,
Ты, Груня, чаю им налей».
За стол нас с братом посадили,
Налили чаю с молоком.
Заходит мать, заговорили.*

*Не понял толком я, о чем.
А рядом дядя жил Димитрий,
Фомич по батьке будет он.
Умен мужик был, и плечистый.
Три года как скончался он.
Осталась бедной тетя Поля,
Детишек – куча на руках.
Ох, ихватила она горя,
Но... каждый не был в батраках...*

Вот это осталось в памяти моей. И еще два отрывка: первая любовь, и вторая любовь. Велик ли этот отрывок, а сколько места занял. Это немисливо написать яркие эпизоды из своей жизни. Один эпизод может занять целую ученическую тетрадь (если описать подробно). Есть такие яркие эпизоды, от которых человек изменит свой характер на всю жизнь.

После войны я не мог написать ни одного стихотворения. И в довоенных стихах я не стеснялся вписывать нелитературные, искаженные слова. Просто не придавал этому значения. Ведь я не поэт: могу писать – могу не писать, а поэт – тот, который не может не писать. Так сказал Роберт Рождественский.

Я – природный рационализатор-изобретатель. Я не могу не рационализировать. Всю жизнь я что-нибудь изобретаю или рационализирую. Я никогда ничего не копирую, обязательно добавлю что-нибудь свое. Сейчас я из мопеда «Рига» делаю себе машину. Много уже сделал, поставил на колеса, это самое важное и трудоемкое. Осталось – корпус и управление, это нужно делать на улице, в гараже. Просохнет на дворе – займусь.

Раз смотрю, ребята делают электрическую прялку, точную копию деревенской прялки, только вместо маховика устанавливают электромоторчик. Я заинтересовался этим и сразу сконструировал, более компактную и более простую, с одним маховичком и одним ремешком, с двумя скоростями и обратным ходом. Места занимает не больше ученической тетради, вес 1 кг с мотором. Сделал одну, получилась хорошая, и уже дважды рационализировал. Теперь она имеет вид небольшой сумочки. Вот так всегда. Вот посылаю эскиз прялки.

Теперь о себе. Здоровье мое как у старика, болею мало, фронтовая рана мучает. Осенью упал, зашиб себе руку (растяжение жил), медленно заживает, все еще болит.

Мария Александровна: болеет, все время и сейчас ходит в больницу. Я ее берегу, жалко. Погреб в гараже набил снегом. В саду парник – под провалился. Я его разобрал. И теперь делаю столбики, и на них настелю железные плиты и сделаю под. Это нужно сделать в марте. В апреле будем высаживать рассаду помидор.

С продуктами у нас сносно – все есть, кроме мяса и масла. Но я, как участник войны, перед каждым праздником получаю (7 раз) паек на сумму от 11 рублей до 21 рубля. Но зато у нас всегда яйца, колбаса, изредка куры, рыба. Так что без продуктов не бываем. На базаре редко берем. Мясо 3,50 до 5,50 руб.

Сестры мои живут по-прежнему. И Володя – тоже. Панковы мучаются со Светланой. Алеша живет хорошо.

Крепко обнимаю и целую, твой дядя Саша.

Большой привет от Марии А.

Дядя Саша – Володе

Белово, 06.04.83

Здравствуй, Володя, привет Зое и Сереже.

Письмо я ваше получил неожиданно так быстро. Или я был сильно занят, шло восемь дней.

Теперь кратко пишу о своем отце. Василий Фомич был образованный человек по тому времени из мужиков. Он закончил приходскую школу, три класса. Дедушка Фома Михайлович приехал в Сибирь в город Колывань четырех лет со своей семьей из Воронежской губернии. Им дали три усадьбы на задней улице. Было три семьи, и они построили три дома. Отец родился в среднем доме. В родной семье было три брата и сестра. Отец был средний.

Колывань был городом кустарей. Каких только там не было специальностей: делали телеги, сани, легковые коляски, бочки, кадки, самопряжи, веревки, туески, ложки, чашки, квашни, сельницы, деревянные лопаты, были кузницы и много другое. Какие только ни бывают на свете кустари, все были – по мебели, коже, овчине. А также лавочники, купцы, скупщики и маслобойщики, сапожники, портные, фотографы. Назывались – колыванские мещане.

Семья же Фомы Михайловича занималась хлебопашеством: снимали землю у соседних деревень и сеяли хлеб. В такой семье вырос мой отец. Отца женили родители, он даже никогда не встречал свою невесту. Впервые увидел ее только на свадьбе. Это была девушка крепкого телосложения, чуть повыше его, довольно красивая. И он был не против на ней жениться. И вот они женатые. Это было в 1897 году.

Почувствовав себя более или менее хозяином, отец решил сразу сделаться самостоятельным обеспеченным человеком. Получив кое-какое от отца и жены приданное, он, так же, как его отец, снял в аренду побольше земли в деревне и всю засеял. Фома Михайлович ему сказал: «Как же ты сумеешь собрать весь урожай?..»

Но случилось несчастье. В тот год напала саранча (ее называли кобылка), и все дочиста съела. Отец разорился. Тогда он на последние деньги, что у него остались, да тесть помог – уехал вместе с женой на Дальний Восток. Это был ему первый удар судьбы. На Дальнем Востоке он прожил несколько лет. Работал на стройке плотником, на золотых приисках. Охотился там, медведя убил. Жена не всегда была с ним, работала в общежитии уборщицей, детей у них не было. Моя мать в школе не училась, но читать и кое-как писать умела. И когда она вместе с отцом уходила на прииск с партией, то там работала поваром и обстирывала их. Добыча была неудачная, едва сводили концы с концами.

Однажды к ним пришел один мужчина и сказал, что нашел богатый прииск. Давайте с вами договоримся и сделаем свою партию. Сделаем договор и застолбим место на себя. Это будет наш прииск, и будем работать на себя.

Они так и сделали. Приехали в управление и оформили документы. С ними поехал агент застолблять. Ехать нужно было по реке на лодке вниз по течению. Они спокойно доехали до места, застолбили участок. Агент остался с ними. И они стали работать.

Место оказалось действительно богатое, и они быстро набрали довольно много золота и решили сдать его. Несколько человек и агент поехали сдавать, а остальные остались мыть золото. Когда приехали сдавать (отец был в этой группе), там удивились такой добыче. Они спокойно сдали, получили деньги, закупили всяких продуктов, оборудования и ружья. Мать тоже уехала с ними. Через несколько дней нашлась такая группа людей, которая решила отобрать у них прииск, и кинулась вслед за ними на пароходе. Но они не успели догнать лодку, она приехала раньше, и они были уже на прииске. Ночью собаки почуяли большой шум. Все проснулись и схватились за ружья. Началась перестрелка, но была она недолго. Нападающие ушли и больше не появлялись. Оказалось, что у них убили главаря. Поэтому они поспешно ушли.

Когда они пришли сдавать второй раз, к ним пристали какие-то люди. Требовали, чтобы они продали им свой прииск, иначе они их просто уничтожат. Словом, им пришлось согласиться. Документы сделали, и начали дело тянуть. На долю отца приходилось 22 тысячи рублей. У него просрочился паспорт, а заменить, по тогдашним законам, можно только в Колывани. Ему поневоле пришлось ехать в Колывань. Он сделал доверенность на жену и уехал. Когда приехал, там никого не было, все разъехались, и жену его обманули. Так они остались снова нищими. Это был второй удар судьбы.

Так они приехали домой такие же, как уезжали. Что делать? Маму мою звали Александра Алексеевна. У нее была богатая сестра Матрена Алексеевна. Она к ней съездила, и сестра устроила их на своей водяной мельнице в Малом Осте «засыпкой» (так тогда называли рабочего на мельнице). И вот отец мой стал мельником. Там я и родился в 1906 году 1 апреля. Я не помню эту мельницу.

Когда отец освоил мельничное дело, приобрел себе разрушенную мельницу и восстановил ее. Мельница эта находилась между деревнями Котково и Чик (в 25 километрах от Новосибирска). Все раннее детство мое прошло на этой мельнице.

Девяти лет я пошел в школу. Школа была далеко от нас, в Крохалевке, шесть километров от нас. Поэтому мы жили на квартире. В этой школе уже училась Потя, и мы с ней квартировали. В школе я был большой шалун.

Однажды я прибил попу галоши маленькими гвоздями к полу. Но этого было достаточно, чтобы он упал. А я подглядывал за ним. И когда он упал, я понесся по коридору, отчего он догадался, что это сделал я. Когда отец узнал об этом, он сильно захохотал и здорово всыпал мне, а гостям об этом рассказывал.

У нас был орган, на который можно было положить стальную с прорезями пластинку и вертеть ручку – и он играл песни с несложными мотивами. Про меня говорили, что я еще ползал, а уже играл на этом органе. Бывало кто-нибудь придет чужой, я вытащу орган из-под лавки и начинаю играть. Мне тяжело, я без штаников – только попа подскакивает, а сам смотрю на дядю, не обращает ли он на меня внимание. Вот, видимо, какое начало. А ведь я много-много пропускаю...

Ремонт теплицы я закончил, и пошли холода. Мне нужно насыпать в нее земли, а земля мерзлая. Приходится ждать, а помидорная рассада уже большая. Что делать? Я взялся за письмо. И ты как раз прислал – и тебе ответил. Напиши, нравится ли тебе такой стиль и это время.

Начало отечественной войны 1914 года. У меня уже, кроме сестры, были: братья Лев (1908), Аркадий (декабрь 1909) и Африкан (1912).

Крепко обнимаю и целую. Твой дядя Саша.
Привет Зое и Сереже.
Сердечный привет от М.А.

(Почему-то дядя Саша считает, что Африкан родился в 1912 году, а в свидетельстве о рождении Африкана – указан 1913 год.)

Дядя Саша – Володе
Белово 17.04.83

Здравствуй, Володя, привет Зое и Саше.

В прошлом письме ты упрекнул нас, Сливкиных, что мы не разыскивали тебя – сына Африкана. А как бы мы могли это сделать? Твоя мама «побеспокоилась», сделала так, чтобы никаких следов не осталось от тебя и их самих. Все связи перечеркнула. Где искать? Куда писать? Кого

искать? Ведь твою фамилию мы не знали, а старая фамилия тщательно стерта.

Но все же я надеялся: не может быть, если жив, все равно где-нибудь обнаружится. Мы могли бы просто узнать тебя – большое сходство с Африканом. А тебе помог случай. Вот так оно и получилось.

С Августой, действительно, что-то получилось. Она прислала мне поздравительную открытку–телеграмму. Подписалась «от всех». Обычно они присылают обе, отдельно. Я думаю, или они помирились, или Потя болеет. Я им напишу письмо.

У нас пришла самая настоящая зима: снегу выпало с полметра, и мороз до 20 градусов. Сегодня чистое небо, яркое солнце, с горячими лучами, ветерок небольшой, но северный, и температура не поднимается выше трех градусов тепла. В прошлом году мы в это время кое-что посадили, а нынче еще снег и земля не оттаяла. Вчера я закончил свою теплицу, завтра высадим в нее рассаду помидор. Они уже переросли.

Я получил выписанный через «Посылторг» двигатель от мотороллера «Электрон» (7,5 л.с.). Как безобразно их упаковывают – нет инструкции, а паспорт отпечатан на паршивой бумаге. Я написал им об этом и попросил выслать инструкцию, напечатанную на хорошей бумаге и с хорошими чертежами.

Здоровье мое – сносное, М.А. – неважное.

Где же мы остановились?.. Да, на Котковской мельнице, где прошла моя школьная жизнь.

Моя судьба целиком и полностью зависела от судьбы семьи отца. Здесь появились Лев, Аркадий и Африкан. Дела у отца на этой мельнице пошли хорошо. Он построил там хороший дом, с кухней, пять комнат. Возле дома насадил сад: береза, черемуха, рябина. В старом доме жил. Засыпка! Мельница тоже изменилась. Вместо деревянных колес появилась металлическая турбина, потом вторая. Молоть зерно стали на сеянку на простой размол. Крестьяне мололи только скоту. И к этому – появились обойка и крупорушка. И отец зажил, как настоящий передовой мельник, и считался богатым человеком. Стало часто бывать много гостей: веселье, смех, игры, борьба, песни, пляска и т.д.

Мы были еще маленькие, и в этом во всем не участвовали. В Катковой жили другие Сливкины: дедушка Иван, он был родной брат дедушки Фомы. Они жили недалеко, и мы часто к ним ходили. У дяди Прони родился сын, одновременно с нашим Африканом. И мама договорилась с ними, чтобы назвать его тоже Африканом, так и сделали. Он и сейчас живой, живет где-то в Новосибирске (твое первое письмо попало к нему). Мы там действительно жили хорошо.

Время было спокойное. Крестьяне жили все богато. Каждый крестьянин имел много скота и сельскохозяйственных машин. Самая сложная машина была сноповязка, и стояла она на улице перед окнами. Вся на виду. Столько машин, пересчитать невозможно.

Я очень интересовался техникой, и всегда что-нибудь делал замысловатое. Тележка меня не интересовала. Больше я делал турбины, и многие хорошо крутились. Весной, когда бывает много ручьев, на каком-нибудь ручье сделаю плотину и установлю турбину, а братишки мне в этом всегда помогали. Я, как старший, всегда был заправилкой.

Зимой в сугробах делали ходы довольно длинные, потом играли. И собаки принимали участие (они тоже любили по ходам бегать). В соломе тоже делали ходы.

Когда я стал ходить в школу и начал читать сказки, я обнаружил у себя замечательную память, и увидел, что другие ребята такую память не имеют. Я сперва этому удивился, а потом понял, что я такой уродился. А потом сильнее себя среди сверстников я ни одного не встретил, значит, я тоже такой уродился. Но я этим не гордился. Хотя я был большой шалун, но не был драчуном и забиякой, а всегда заступался за слабого. Лев же был забиякой и всегда бил Аркадия. А Аркадий рос маленьким и частенько плакал от Льва. Я всегда заступался за него.

Африкан в то время был еще маленьким ребенком. Как-то, копаясь в отцовском ящике с документами, я обнаружил большую папку с бумагами, достал и развернул их. Это были чертежи, написанные на синей бумаге белыми чернилами. Так тогда я думал. Спросил отца: «Папаша, посмотри, написанные белыми чернилами». Он засмеялся и сказал, что это такая бумага, называется синькой. Копировальная бумага. Печатается на солнце.

И рассказал, как это делается. Я был поражен этим. Я долго-долго их рассматривал. Отец хорошо разбирался в них, и мне все объяснил. Я их выучил наизусть. Потом мне это здорово пригодилось.

Я учился уже в третьем классе, когда отец привез батарейку, к ней две лампочки. Я был тоже поражен этим. Электричество – что это? Никто толком объяснить мне не мог. В школьной библиотеке я стал брать книги об электричестве. Книг было много. Однажды я читал книгу об атмосферном электричестве, о грозе, как молния может убить, и как от нее спастись громоотводом.

Опять читаешь об электричестве? – спросил отец. – И что же такое там есть интересное? Я объяснил, как спастись от электрической молнии. Если идешь по степи, и нет громоотвода, нужно лечь на землю. Пока не пройдет гроза, нужно лежать. Отец тогда отмахнулся, сказал, что все это чепуха. Все равно не спасешься, если она попадет.

Не знаю, сколько прошло времени. Я читал книгу зимой. А это случилось летом. Отец забежал домой, сильно возбужден. Страшный. И сразу подбежал ко мне и сказал: «Ты спас мне жизнь!»

Оказывается, они ехали на лошади в поле втроем. И их застала там сильная гроза. До того сильная, что даже лошадь остановилась. Он вспомнил мой рассказ, что лежачего молния не убьет. И лег на телегу, и сказал им: «Ложитесь тоже, чтобы не убило!»

Они не легли, сказали: если убить, так убьет и лежачих.

Отец остался живой, а их и лошадь сразу убило. Этот трагический случай на отца сильно подействовал: даже маленькая гроза – он всегда ложился.

Однажды отец поехал в Новониколаевск (так назывался Новосибирск). Город тогда еще был молодой. В нем были кинематограф и цирк. Но меня больше всего поразили уличные электрические фонари. Я на них смотрел, как на чудо века. И когда приехали домой, вечером поздно от нас было видно световые столбы от уличных фонарей Новониколаевска. Я залазил на крышу и часами стоял и смотрел на эти столбы, и думал, почему они столько тратят электричества. Как жаль, что я такой молодой. Пока я вырасту, то могут все электричество истратить.

Бывало, какие отец ни купит замысловатые игрушки, долго они у нас не живут. Я обязательно разберу их, а собирать их уже нельзя. А мне нужно узнать, как они устроены. Представь себе, ни одним механизмом я не был доволен. А вот мельницей своей – нашей был очень доволен. Я ей гордился. И когда гости приезжали с детьми, первым делом я им показывал мельницу, и все рассказывал, как она работает.

Мы жили рядом с речкой, но почему-то никто из нас не умел плавать. А купались часто. Это большой недостаток. Лев и я чуть не утонули. В деревне Чик утонул мальчик. Засыпка Илья за столом рассказывал, что теперь ему налилась вода в нос, в рот, в уши и глаза. Эти слова вдолбились мне в голову. И вот я показываю и рассказываю мельницу гостям, захожу в турбинный зал и говорю: «Вот на эту доску не наступайте. Она опрокидывается – и можно упасть в омут и утонуть».

И сам наступил на нее – и сразу очутился в омуте. Я зажмурился, закрыл рот, заткнул пальцами уши. А как же – нос? Я стал болтать руками, и случайно ухватился за дыру в бревне и вытащил себя из воды. Открыл глаза и закричал. Илья меня вытащил. Я страшно перепугался. А зря, все из-за этого Ильи.

Война с Германией гремела во всю.

Пока все. Крепко целую, дядя Саша.

БОРИС – ВОЛОДЯ

Борис – Володе

17.04.83

Здравствуй, Володя!

Наконец-то, выкроил время ответить на твои письма от 04.04.83 и бандероль, и фотографии. Я все ограничиваю свои занятия, но все равно набирается много дел, не считая суеты. Собираю материалы для главного дела, такой же пьесы, как «Иван Болотников». Пишу стихи и работаю над прозаическим произведением. И ради хлеба – рецензирую. Один день в неделю встречаюсь с Андрюшей, один раз – с женщиной, один раз в бассейн хожу, один раз в Дом литераторов. И один раз принимаю в журнале начинающих поэтов. Володя, как разорваться, скажи? Собирался к маме в Астрахань, и порыбачить, пока идет вобла, не удается. Что будет после майских праздников. Ну, теперь к делу.

Хорошо, что ты прислал фотографии. Судя по ним, твой род по отцу пошел от украинцев, есть такая фамилия Сливко (Сливка). Кстати, в библиотеке им. Ленина заглянул на всякий случай в картотеку, нашел: Сливкин А.В. (Воронежский медицинский институт), автореферат на звание канд. мед. наук, 1965 г. И Сливкина Клара Алексеевна, Алма-Ата, институт зоологии АН Каз. ССР, автореферат на звание канд. биол. наук, 1953 г. А также Сливкин А. (в составе с Вельт В.В.) Строители. Пьеса в 1 акте, М., 1952 г. Может быть, кто – твоя родня?

Что касается документов, это, конечно, – здорово, с трепетом гляжу на каждую бумажку. Отвечать на них буду не скоро, надо все разложить и подумать. Бросилось в глаза (видел ли ты?), что одно удостоверение ударника, за 1 ноября 1932 г. выдано Силькину (а не Сливкину) – опечатка? Несколько документов твоему отцу не принадлежат, например, справки Сливкину В., работающему на Кемеровском Азотно-туковом комбинате в 1933 г. старшим рабочим (это отец его Василий Фомич) и т. д.

Теперь ответы на письмо от 4 апреля.

То, что перепутан твой отец в документе, я догадался, так как не совпал год рождения. Что касается поисков отца, я думаю, можно найти концы. Соберу все сведения и посоветуюсь с прошедшим войну полковником, мне знакомым.

Я обратил внимание, что твоя мама в письме к Гуте (о котором переговорим позже) назвала тот же номер полевой почтовой станции 493 п/я 12 (за Москвой), что и адрес ППС 493 шт/бт НАД в открытке якобы его «близкого товарища по фронтовой жизни» Иосифа Мордвинкина – Августе. Мои подсчеты и беглый просмотр писем-ответов на твои поиски приводят к выводу, что много здесь запутанного. Будем распутывать. Поиски будут успешнее после того, как выясним у сведущих людей, как и где искать, когда разберемся в исходных данных. Твой путь длинный.

Напиши свою автобиографию. Если вспомнятся эпизоды, связанные с отцовством, дополни ее.

Напиши биографию матери своей. Наша переписка уже начинает в чем-то воспитывать и меня. Сел за письмо к своему отцу, стал спрашивать его о

его жизни и нашей родословной. Он мне раньше, по моей просьбе, начал писать, но бросил, а я не придавал этому значения.

Что известно от самого Африкана Васильевича?

Письмо Африкана – Аркадию 14.01.42 г. (На фронте 7 месяцев, с июля 1941 г.)

Письмо Африкана – Августе от мая 1942 г. (На фронте 11 месяцев).

Открытка Африкана – Августе 22 марта 1942 г. (Уже 1,5 месяца пропал. Значит, Африкан пропал в феврале 1942 года? С июня по июль 1942 г. – в плену?).

Пропал без вести в июле 1942 года (Чем зафиксировано?)

Открытка Африкана – сыну 29 мая 1942 года.

Другие вопросы:

Какого отца видят в тебе Андрей и Максим, и дочь, и Сергей?

Своей родне мать тоже не велела говорить о твоём родном отце? Кто это подтверждал? Тетка в Одессе?

Переписывался ли Африк с другими Сливкиными на фронте и в тылу?

Как относятся к этой истории родственники твоего второго отца?

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

02.05.83

Здравствуй, Боря!

Твое последнее письмо получил, и сразу послал тебе два письма дяди Саши, в которых много ответов на твои вопросы. Долго не писал я, думая, что ты поехал в Астрахань, да и ждал подтверждения получения тобой бандероли. Еще – мое начальство на работе преподнесло мне подарок к 1 мая – это тоже отняло время. Нашли повод отомстить мне (приказ тебе высылаю), но я этого так не оставлю. Если тебя бьют – беги! Нет, не побегу, так как хочу на своей шкуре испытать нашу советскую правду. Буду отстаивать свою правду, пока сил хватит. Ведь оскорбили не только мою рабочую честь – страшно даже писать о том, о чем я думаю, дальнейшие события, которых я жду, дадут возможность кое-что понять.

А теперь – продолжение следует – по твоему письму 23.03.83.

Ты спрашивал, стал ли я после того, как увидел радиолобительские склонности Александра Васильевича, чаще переписываться с ним? До встречи с дядей Сашей, я ничего о нем не знал, а после встречи – он быстрее всех отвечал на мои письма, и у меня с ним завязалась переписка, которая не прерывается до сих пор. Тетя Гутя пишет мне много реже, например,

последнее письмо от нее было в прошлом году, а от дяди Саши я уже получил за это время 5–6 писем.

Дом я не спешу продавать, боюсь, наоборот, что опоздаю. Дом близко к берегу, берег обвалился на 15 метров, очень многие в моем районе стали продавать. Та мысль, которая у тебя возникла, и ты задал вопрос, теперь значения не имеет, и не имела бы, дом мне не нужен в любом случае жизни. И больше об этом вопросе ни слова.

Ты просишь: «Скажи, как разорваться»? Все время – на главное, а что останется – на все остальное. Да ты, наверное, понимаешь, не мне тебя учить.

Продолжение следует.

Обнимаю, Вова.

РАСПОРЯЖЕНИЕ

по цеху № 31 от 25 апреля 1983 г. № 80

Приборист цеха тов. Рябов В.В. таб. № 2094 отказался выполнять распоряжение механика цеха тов. Болева Е.Х. по ремонту нарезного станка. Тов. Рябов В.В. и ранее имел нарушения трудовой дисциплины (отказ выполнения указаний мастера и механика). Учитывая вышеизложенное

ПРЕДЛАГАЮ:

- 1. Объявить тов. Рябову В.В. выговор, депремировать по итогам работы за апрель месяц на 100 % и вывести из косвенной бригады сроком на 1 месяц.**
- 2. Предупредить тов. Рябова В.В., что при повторении подобных случаев к нему будут приняты меры более строгого административного порядка.**
- 3. Мастеру по ремонту приборов тов. Тынгач В.Г. повысить требовательность к своим подчиненным.**
- 4. С настоящим распоряжением ознакомить весь коллектив цеха.**

Начальник цеха № 31 (А.П. Высоккин).

Володя – Борису

05.05.83

Продолжаю отвечать.

Смотри свое письмо от 13 апреля 1983 года.

Спасибо за справку о Колывани. Фамилия деда и бабки Сливкины. Я знал только, что г. Колывань – местность, сейчас райцентр, недалеко от Новосибирска. Колывань раньше стояла на пути Сибирского тракта, и сначала Новосибирск хотели строить на месте Колывани, но потом почемуто передумали.

На это твое письмо я ответил.

Теперь – распоряжение о моем наказании – просьба вернуть в ближайшем письме.

И еще давно хотел у тебя спросить о журналисте Каверзнев, может, ты что-то знаешь о его смерти, что не сообщалось. Неплохой был человек.

На последнее твое письмо буду отвечать после праздника Победы.

Всего тебе доброго в твоей жизни.

Обнимаю, Володя.

Борис – Володе

09.05.83

Здравствуй, Володя!

Как меня огорчило это Распоряжение. Но не удивило. Не зря я тебе намекал раньше на исход твоих отношений к руководителям. Сам я такой же. Конечно, будешь ты доказывать свою правоту. Но еще ни одному дураку никто не доказал, что он дурак. А ведь и мы не всегда бываем правы и не запятнаны. Не знаю, стоит ли бежать или нет, но это – уже не работа. Даже бросив борьбу, не отмоешься от созданного мнения. Да и от себя далеко не убежишь. Прежде всего, нужно пересмотреть свое поведение и средства борьбы – изменить отношение к раздражителю в корне. Послать всех к черту и быть зрителем, как я уже говорил. Или – другой, более трудный путь, прекрасно очерченный в романе Гашека. «Бравый солдат Швейк» – блестящий образец борьбы с долдонами. Перечитай этот шедевр, может, пригодиться. У меня новостей нет. Мама собирается в Москву, может быть, останется насовсем. А я собираюсь к тебе в августе.

Теперь ответы на три твоих письма.

Письма дяди Саши меня потрясли. До чего же талантлив наш народ. А главное – появилась глубина замысла. Читая эти письма, я понял, что «находишь отца» в самом главном, корневом смысле слова: узнаешь всю его жизнь, жизнь его семьи, его земли, его дух, ощущаешь свои корни – и начинают поступать в душу соки отчего генеалогического древа, питательная среда истории отчей нравственности. Так складывался его быт, позиция, характер, судьба. Только бы дядя Саша продолжал свой рассказ. Для этого, дружеский совет – откликайся с заинтересованным вниманием на его просьбы по электронике, на его парники и прочие нынешние хлопоты, иначе потеряешь доверие очень хорошего человека. Ведь нам нужно одно-два участливых слова, готовность родственника сделать для нас хоть мелочь, выполнить просьбу, предложить помощь.

Теперь по существу твоих писем. Они очень хорошие и вопросов вызывают немало. Жаль, что тебе не удалось осторожно спросить, почему

Сливкины тебя не искали. И они восприняли твой упрек с обидой. Ответ дяди Саши – неполный, но, для его уровня, убедительный. Не досказал он одного (из-за природной тактичности): да и кем ты стал после такого воспитания, может быть, таким же чужим для них, как твои мама и отчим, или еще хуже – настроенным враждебно к Сливкиным, что тогда толку в поисках тебя. Ты не обижайся, Володя. Ведь у меня еще хуже положение – дочь категорически отказалась от меня, так настроила ее бывшая жена Ирина. И сейчас до сих пор не пишет. Тем более не ищет, хотя знает мой адрес, и принимает мои подарки ко дню рождения. По крайней мере, не возвращает их.

(Может быть, выбрасывает. Ее мать Ирина от своего так же отвергнутого отца подарки собирала в сундук, не пользовалась ими.)

Добавление твое меня только еще раз убедило в предположениях, что Августа не все говорит, жалеет тебя.

Жду с нетерпением продолжения рассказа дяди Саши.

«Распоряжение» возвращаю (перепечатал). Могу только высказать недоумение, что наказывают обычно один раз, а тебя наказали трижды: 1 – выговор; 2 – лишили 100 % премии; 3 – вывели из косвенной бригады сроком на 1 месяц. И второе – видимо, выводить из бригады решает собрание бригады, а в твоём случае бригада только «ознакомляется» с распоряжением нач. цеха.

Ответы на письмо от 5 мая 1983 г.

Чтобы Андрею, с годами, чего-то понять и начать самому искать связи с тобой, нужно, наверное, это заслужить отцовским вниманием, иначе сработает позиция бывшей жены Галины?

«Внимание к людям обременяет нас» – я написал фигурально. Не знаю, как ты, но я не могу отказать в участии кому бы то ни было, хотя часто бурчу, что это отнимает время, которого мне всегда не хватает.

Ты забываешь, что писал мне, – это естественно. Может быть, тебе писать под копирку?

О смерти Каверзнева ходили всякие сплетни. Кажется, в «Неделе» напечатан недавно (я не читал) об этом очерк «Последний фильм...» (Не помню точно название и спросить не у кого). Умер от осложнения старой болезни. Мне он тоже нравился.

Я разложил документы по годам и буду тебе потихоньку писать о каждом годе. А пока по письмам, присланным с документами, попробуем разговаривать.

По посылке от тети Гути.

Кто такой Дункевич?

Ходил ты по одесским адресам однополчан 17-й гвардейской дивизии – Зайченко П.В., Каблучко В.В., Каблучко–Бурлакова, А.С. Сальников Г.С., Шкуренко Н.И.?

Ходила ли тетя Гутя к пятерым однополчанам 17-й гвардейской дивизии, живущим в Новосибирске?

Помог ли Сенкевич тете Гуте найти парикмахера, как обещал?

Но все эти вопросы можно освещать лишь после точного знания, что отец твой был именно в 17-й Красноярской гвардейской дивизии. Боюсь, что это – спорное утверждение тети Гути.

Обнимаю, Борис.

ПИСЬМО ГАЛИНЫ–АВГУСТЫ

Галина–Августа – Володе

май 1983 г.

Здравствуйте, Зоя, Вова, Сережа!

Поздравляю Вас с 9 мая, и запоздало с 1 Мая!

Мы попали не в ту струю, не семья, а лазарет. У Юры – сердце (был приступ, еле отошел). У меня – кровь, кладут в больницу (в гематологию). Внуки – Уля и Саша – грипп. Внучку Наташу кладут в больницу – с почками. Так круто нас еще не закручивало.

Вова, после твоего письма звонила на Красмаш, потом была у них. Там в документах об Африке нет ничего. Звонила в военкомат. Но там пока не нашли документов, но обещали поискать. Вова, я это сделаю обязательно, но только осенью. Сейчас выздоровеем, надо взять детей и уехать на дачу. Лето короткое, но надо хоть на два месяца вывезти за город. А с сентября начну действовать. Найду ветеранов, должны помнить отца.

О себе: Родилась в 1932 году 15 августа в Красноярске. Училась в школе в г. Томске, Новосибирске, Минусинске, Красноярске. В 1950 году окончила в Красноярске 10 классов и поступила в Иркутский сельхозинститут на агрофак, плодоовощное отделение. В 1955 году окончила (ученый агроном широкого профиля). Работала с 1955 по 1960 год в Управлении Дальстроя Министерства цветной металлургии (Магаданское управление) в г. Усурийске в совхозе № 3 начальником участка.

Вышла замуж 5 апреля 1955 года в Иркутске. Дети: Ира родилась в 1956 году 21 апреля, Лена в 1959 году 7 марта в Усурийске. В 1960 году приехали в Красноярск, работала до 1966 года на заводе медпрепаратов инженером микробиологического цеха и старшим микробиологом ОТК. В 1966 году, по вызову, уехала в Тульскую область на Белоховский химкомбинат, где работала до 1970 года инженером микробиологического

цеха. С 1964 по 1968 год заочно училась в Ленинградском химфарминституте на отделении промышленной микробиологии. В 1970 году уехала в Красноярск, где стала работать до 1974 года в Крайсовпрофе (Краевом совете профсоюзов) в производственном отделе труда и зарплаты инструктором. В 1974 году пускали на Красноярском химкомбинате новый цех, меня взяли технологом этого цеха. Работала до 1977 года, вышла на пенсию в 45 лет по I списку – пенсия 120 рублей. После пенсии один год была дома с Улей. В 1979 году снова работала в химкомбинате зам. председателя цехкома. В 1981 году уволилась. Сiju с внуками. В 1982 году работала три месяца зам. директора фабрики химизделий. С тех пор – дома.

Всего Вам доброго. Летом, осенью добуду все, что надо. Пишите.
Целую, Галя.

ВОЛОДЯ - БОРИС

Володя – Борису
10.05.83.

Здравствуй, Боря!

Отвечаю на твое письмо от 17.04.83.

Как разорваться? Тебе немного, по-моему, легче, чем мне. Встаю в 5.00, прихожу с работы в 16.30 – 17.00. С 6 до 9 вечера – вот все мое личное время, в которое входят все, что нужно сделать по дому, и всякие мелочи. Субботы редко бывают свободными, большей частью или «красные» или «черные» – рабочие субботы. На воскресенье так же найдутся какие-то дела, ведь всю неделю ждешь этих выходных, вот и сложится что-то. Ты же больше хозяин своего личного времени, и поэтому его легче распределить и беречь. Ведь каждый Новый год – начало нашего конца, и этих новых роков все меньше и меньше, а конец все ближе и ближе. Цена (стоимость) времени возрастает, а дел не сделанных, задуманных и желаемых, все больше и больше, и им конца не видно. Какой выход – выбрать главное, все подчинить главному, но не забывать и о мелочах.

Теперь о деле.

Сливко? (Сливка?), а все-таки Сливкин – это по-русски. Сливкин А.В. (Воронеж) – мой прадед из Воронежской губернии, возможно, это родственник, но очень дальний.

Фамилию Силькин в присланных документах видел, скорее всего, опечатка.

Полевая почта ППС 493 – стоит на открытке отца, есть в письме матери и стоит на письме-открытке Иосифа Мордвинкина от 22.8.42.

О матери смогу написать мало. О личном она не сказала бы. Родилась в сентябре 1918 года. Ее отца и мать не видел, вернее, видел, но был очень

маленький. Кажется, мать закончила 7 классов, больше о ее образовании не знаю. В молодости она где-то и кем-то работала, а как вышла за Рябова, нигде, никогда не работала. Всегда ненавидела моих жен. В 1978 году, после смерти отчима, получает пенсию 50 рублей. Ольга ей каждый месяц высылает 25 рублей, иногда, нерегулярно, – высылает Таня. Я не высылаю ничего, но я ей должен отдать после продажи дома 3000 рублей, и я отдам.

(Для матери всегда нужно быть благородным и благодарным сыном. Просто, не всегда это получается.)

С детьми своими я не общаюсь совсем, а для Сергея я только дядя Вова, но он меня никак не называет, наверное, стесняется, а может, для него это трудно.

На твое последнее письмо я ответил.

В июле у меня отпуск, если мы с Зоей надумаем приехать в Москву на недельку, можно ли будет остановиться у тебя на это время – только напиши, пожалуйста, откровенно – я не обижусь. Если, приехав к тебе, я почувствую, а я уверен, что почувствую, то стеснил тебя, то я нисколько не обижусь, уйду в гостиницу.

Посылаю тебе свою биографию.

Биография. Я, Рябов Владимир Валентинович, родился 3 ноября 1939 года в г. Красноярске. Себя помню в 6–7 лет в Бобровке, под Барнаулом, там был Затон – судоремонтный завод, где отец (оказалось – отчим) работал директором завода до конца войны – они, кроме ремонта судов, делали бомбы–фугаски. Помню эпизод, у него в кабинете стояла модель буксира, я, увидев ее, выпросил у него и принес домой, играя с ней, но мне было интересно, что внутри, я ее разломал, остался один корпус без надстроек. Я пошел на речку Обь и стал его пускать, он уплыл. А потом не знаю, через какое время, его привезли из Барнаула речники.

(Я помню, Володя студентом мне рассказывал, что очень меня удивило. Мать уходила по делам, оставляла его на кровати сидеть, а когда возвращалась через несколько часов, он так же молча сидел на кровати, прислонившись к стеночке.)

Потом еще эпизод. Я сам пришел к проходной завода, сказал, кто я и что хочу на завод. Меня пустили, кто-то повел по цехам. А потом, помню, что мне дали рубанок, и я строгал доску в каком-то цеху.

В 1946 году, осенью, мы в теплушке приехали в Хабаровск, где (отец) отчим стал работать главным инженером Амурского пароходства.

Помню, что мать его часто ревновала (это сейчас осознал), были у них часто скандалы на этой почве.

Учился там сначала в начальной школе, имя учительницы Янина Людовиковна.

Помню эпизод, мы – ученики в день ее рождения (видно, у нас была договоренность, не помню) принесли из дому кто что мог (время послевоенное было трудное). И все это перед началом урока поставили ей на стол, а сами стояли за партами и ждали ее прихода. Она вошла, поздоровалась, сказала: «Садитесь». А мы стоим, подошла к столу – мы хором: «Янина Людовиковна, поздравляем Вас с днем рождения!» Она, как онемела – стоит, смотрит на стол, на нас, потом поняла, заплакала и выбежала из класса – это мне запомнилось на всю жизнь. И сейчас все это стоит перед глазами. И у самого слезы на глаза лезут.

В 1952 году мы уехали в Ленинград, где отчим два года учился в Академии речного флота, я там закончил 7 классов.

(Вот почему из Астрахани Рябовы опять уехали в Ленинградскую область.)

Когда мы жили в Бобровке, к нам приехал отец отчима Яков, а как приехали в Хабаровск, осенью–зимой он умер, и помню (это были поминки), сижу я на колене отчима, он плачет и говорит – вот и нет твоего деда, моего отца.

В 1954 году, опять осенью, мы приехали в Прагу, где отчим работал в Торгпредстве СССР начальником Регистра СССР. Там я учился в советской школе, которую закончил в 1957 году.

(Помню, Володя мне предложил купить новые импортные, чешские, туфли, показал целую кучу новых туфель в сундуке. Я купил лакированные, черные туфли. А зря – носить не мог, они ссохлись от времени и врезались в ноги.)

Рябовы остались в Праге, а меня отправили в Москву поступать в институт, жил я у знакомых отчима, сдавал экзамены в Московский инженерно-строительный институт. Экзамены сдал, приехал отчим, и мы не дождались решения приемной комиссии, поехали с ним в Измаил, к его сестре. Проезжали через Одессу, там были недолго. Вернулись в Москву – меня не приняли, не прошел по конкурсу. Отчим хотел меня устроить в речное училище, я сказал: «Не хочу быть речником».

(Отношение Рябова к Володе этим характеризуется – избавиться и с плеч долой.)

Тогда он сходил к заместителю министра – своему бывшему однокурснику, взял какую-то бумагу, и мы поехали в Горький с ним. Меня по этой бумаге приняли в Горьковский институт инженеров водного транспорта.

Этот институт окончил отчим. Он устроил меня на частной квартире, и уехал в Прагу. Желания учиться у меня не было, хоть я и учился на кораблестроительном факультете (когда мы жили в Ленинграде, я занимался в кружке морского моделирования и даже участвовал во Всесоюзных соревнованиях).

Через год Рябовы оказались в Астрахани. Я упросил их в помощи перевести меня в Астраханский институт (рыбвтуз).

(Опять отношение Рябова – чтобы не вместе жить с ним, а парень хотел с матерью–отцом жить, упросил перевести в Астрахань.)

Отчим ходил к ректору. Меня перевели со второго на первый курс. Вот когда мы с тобой встретились. Желания учиться у меня так и не было. Я чувствовал, что мне чего-то не хватает, а чего – понять не мог. А тут еще увлекся радио – и вообще учебу забросил.

И когда мне показалось, что я не осилю запущенную учебу, а в это время как раз появился Толя Недомерков, и изъявил желание уехать в Братск. И я решился бросить учебу и уехать с ним, в неизвестность. Я только много позже понял, что мне не хватало самостоятельности. Я в то время еще не нашел себя, я сам не знал, чего я хочу.

(Ремя ему не хватало, настойчивости отца. А я умолял его – не бросать учебу – но этого было мало). Он и потом, до конца жизни, не нашел смысла своего, и так и не выучился. А в Братске все пошло не так, как нужно было. Там не повоображаешь и не покапризничаешь.)

В 1962 году женился. В 1963 году родился Андрей, в 1968 году – Максим. Жизнь меня встретила жестоко, самостоятельности было учиться тяжело. Было время, когда отчим высылал мне ежемесячно год или два деньги, это – мне, уже отцу. Жена не могла работать, был Андрей на руках. Был момент, когда я проявил слабость и вернулся в Астрахань. Но не прожил там и года, мать не ужилась с невесткой, а может, наоборот, не знаю. Вернулся к родителям жены, а потом попал в Братск, где нашел для себя интересную работу – инженером по радиолокации. Даже вновь поступил в институт, но не смог учиться на первом курсе, бросил. Заработок у меня был вдвое меньше, чем у большинства братчан, устроил жену к себе на работу, сам же – за нее работал, она или болела, или ссылалась на занятость с детьми. Все время мне в укор ставила, что мало зарабатываю. А тут еще ее мать с отчимом уехали жить в Крым, стала говорить мне, что вот ей фруктов не хватает, на юг хочет.

Я решился, все бросили в Братске и уехали в Крым – это была моя большая ошибка. В Крыму оказалось, что жить негде, работать негде. Поехал к сестре в Донбасс. Жена с детьми осталась в Крыму. Пока я год жил и работал в Донбассе, она (Галя) нашла себе другого, до сих пор живет с ним.

В 1971 году я уехал в Одессу. В 1972 году сошелся со второй женой, и в этом же году уехал на Урал, к ее матери. В 1973 году вернулся через Донбасс в Одессу. В то время, кажется, приезжал ты. Я начал строить дом. В ноябре 1974 года родилась дочь. А с февраля 1974 года работаю на Одесском заводе сопротивлений. Вторая жена от меня ушла. В 1979 году женился в третий раз.

Всего тебе хорошего в твоих многочисленных делах.
Обнимаю, Вова.

Володя – Борису
16.05.83

Здравствуй, Боря!

Получил твое письмо от 9 мая 1983! Здорово!

Интересно – не менее писем дяди Саши. Я всегда называю его дядей Сашей. В начале нашей переписки он запретил называть его Александром Васильевичем. По Распоряжению ты меня не совсем, кажется, понял. Я все это предвидел, но не думал, что это все будет так нагло выглядеть. Меня оскорбили, желая показать свою безнаказанность. Я знаю, что они дураки, и не хочу им доказывать это. Я просто хочу пресечь эту безнаказанность, и показать моим товарищам по работе (они мне все сочувствуют), что и одному можно добиться справедливости, во всяком случае, попробую это сделать. И в то же время сам для себя узнаю, что стоит правда в нашем советском государстве.

Поясняю тебе три письма моей сестры Августы–Гали, № 1 и № 2 следуют друг за другом – лето 1981 года, когда я ездил в Новосибирск, одно получил до отъезда, другое – после приезда из Новосибирска. Это не были ответы на мои письма – простая переписка. Третье письмо я получил совсем недавно – ответ на мое письмо, в котором я просил ее сходить на Красмаш, где работал Африк. Может быть, там, в архиве сохранились какие-то документы, бумаги, чертежи отца, а также в военкомат – узнать о его призыве. И еще попросил кратко написать свою биографию, ведь я и сам ничего о ней не знал (из ее биографии).

На Гашека время не знаю, когда найду, так что он отпадает.

Тебе очень понравились письма дяди Саши, мне тоже. А как тебе нравится мое эпистолярное творчество? Надеюсь, напишешь искренне, я не обидчив, там, где не надо или нельзя обижаться.

(Не только обидчив, но остро раним!)

Смотри, не отмени свой приезд в августе!
Я буду ждать обязательно.
Будь здоров. Большой привет Капиталине Алексеевне.
Обнимаю, Вова.

Володя – Борису
19.05.83

Здравствуй, Боря!

Продолжаю ответ на твое письмо.

Ты пишешь о сыновней любви: «Нужно это заслужить отцовским вниманием». Я противник такой позиции. Подарки – это не внимание, а может выглядеть в глазах детей, как наше желание загладить перед ними свою вину. Ведь с ними рядом живет человек, который меня ненавидит, и сделает все, чтобы убедить детей, что подарок плохой (или очень дешевый, а если дорогой, зачем такую ерунду прислал, лучше бы побольше алиментов высылал). Это позиция, а она вполне возможная, всегда будет против меня. Лучше молчать и не вмешиваться ни во что. А дите, став взрослым, и, если в нем природа заложила наши лучшие качества, сам захочет поближе узнать отца родного, захочет увидеть – это, значит, будет встреча, вот здесь и наступит самый ответственный момент. Все будет зависеть от отца. Ведь если мой ребенок, сколько лет не видел меня, и ничего не зная, кроме рассказов мамы, захочет видеть меня, – это доказательство того, что он думал обо мне, вспоминал и, наконец, созрел, чтобы узнать правду.

(Я созрел, когда развелся, и понял, как трудно удержать семью, и одной вины не бывает, бывает и другая вина, и разные обстоятельства, например, не умение сохранить семью.)

У меня есть два примера из жизни. Здесь в Одессе живет моя тетька Рубан Надежда Михайловна, у нее сын – Вадим, мой двоюродный брат. Его отец Александр Рубан бросил его мать, когда он был еще очень маленьким. Отец его (учитель физики, живет в Москве) скрывался от алиментов, мать сыну говорила, что его отец очень плохой человек. Став взрослым, он решил сам убедиться, каков его отец. Поехал в Москву, нашел его и, когда он пришел к нему домой, его отец сказал ему – кто ты такой, я тебя не знаю. Вадик все понял.

Второй пример, очень похожий, был с моей Зоей. Ее отец прямо ей написал письмо: оставь меня в покое, не хочу тебя знать.

Ты спрашивал, ходил ли я по одесским адресам однополчан 17-й гвардейской дивизии. Ходил по всем адресам. Бесполезно – все эти люди попали в дивизию позже Африка, в 1943–1944 годах.

Очень желательно найти книгу Сенкевича, названия не знаю, он служил в этой дивизии, и написал книгу о ее пути.

Ответ на письмо закончил.

Всего тебе хорошего.

Обнимаю, Вова.

P.S. Наши дети должны нас видеть и слышать, тогда они будут знать правду о нас. Очень хорошо, что ты общаешься с Андрюшей. Ты должен быть за это благодарен своей жене. У меня нет возможности общения, жизнь меня наказала.

Борис – Володе

19.05.83

Здравствуй, Володя!

Получил твое письмо от 16 мая 1983 года. И вспомнил сегодняшний случай. Сажу в редакции, веду важный личный разговор по телефону. Кто-то ломится в дверь. Крикнул: «От себя!» Дверь у нас в журнале открывается от себя, не по правилам). Он продолжает ломиться. Наконец, вошел. Автор. Глянул на листок верстки на столе с его стихотворением и говорит: «Я не Мензуркин, а Манзуркин». Стали выяснять, ошибся заведующий, ошибку исправить нельзя. Если уговорить типографию, они пойдут на нарушение и исправят. Если не пойдут – заведующему попадет. Почему все это пишу тебе? Потому что очень похоже на твой случай на работе. Тебя оскорбили. Ты хочешь доказать правоту. Но не знаешь, как это сделать. Ты по правилам пытаешься открыть эту «дверь», а она не открывается. Ты путаешь государство (частью которого, кстати, являешься и ты сам) и государственный аппарат власти. Ты думаешь, что тебя все рабочие поддержат? Не будет этого. У каждого – свои личные дела. Ты умнее их, это вызывает расположение к тебе. Но как только дело коснется их личных интересов, даже сочувствующие промолчат, в лучшем случае, а то и предадут. И не округляй свои глазщи, и не делай губки бантиком. Такова жизнь!

Писать можно долго, особенно, если бы знать суть конфликта. Скажу пока главное: работать еще лучше; делать вид, что ничего не произошло; сняв этим напряжение, ты сможешь остаться на поле боя, не то тебя просто выгонят. А после твоих жалоб по инстанциям, если и восстановят на работе и даже накажут виновных, тебе все равно придется уйти по собственному желанию. Не дадут работать. Что же это – отступление? Нет. Это тактика. Потом ты напишешь мне суть вопроса, или я приеду – расскажешь, и мы

подумаем, как действовать наверняка. У меня бывали случаи, когда моего недоброжелателя–начальника понижали в должности, или выгоняли – и он становился, по крайней мере, на словах, моим приятелем. В заключение – изречение современного классика: «Ну, допустим, ты пробьешь лбом стену – но что ты будешь делать в соседней камере?» Твои горе-начальники – еще не весь государственный аппарат, хоть и не исключение. На все их выпады сейчас отвечай только отличной работой.

Второй вопрос личный. Вы хотите приехать в Москву. Но у меня будет мама с 25 мая до осени. Забронировать номер в гостинице летом, да и зимой, я не могу, даже от журнала, так как вы не писатели и не журналисты. Видимо, после такого ответа отпадает и моя поездка к вам, как я буду смотреть в глаза твоей супруге, даже если ты и поймешь меня?

Теперь по нашей переписке. Мое отношение к «эпистолярному творчеству» твоему – нормальное. Пока ни у тебя, ни у меня – никакого не творчество. Идет рабочий разговор, искренний, скрупулезный, вслепую. А представление об эпистолярном творчестве тебе может дать, например, повесть Достоевского «Бедные люди» или юношеский роман в письмах Бунина «Первая любовь».

Письма Августы–Гали пока обнадеживают, что она попытается когда-то что-то узнать об Африке (давай его так называть для удобства, я с тобой согласен). Но надо ее тоже понять – болезни, дача, заботы, нерасторопность, и не такая заинтересованность, как у нас, особых плодов не предвещают. Обижаться не будем, укорять не надо ни в коем случае, примем к сведению, и будем ждать ее дальнейших действий, изредка напоминая в письмах к ней, чтобы знала, что мы ждем.

Теперь ответ на деловую часть письма твоего от 10 мая 1083 года. Там, где ты пишешь, что пока не знаешь, как ответить, я думаю, ты наводишь справки. Как бы тебе не забывать это? Может быть, тебе делать пометки? И просматривать изредка вопросник, все ли ты смог узнать и сообщить?

Твоя автобиография меня устраивает. Если вспомнятся эпизоды, связанные с отцовством, дополни ее.

Наша переписка уже начинает в чем-то воспитывать и меня. Сел за письмо к своему отцу, стал спрашивать его о его жизни и нашей родословной. Он мне раньше, по моей просьбе, начал писать, но бросил, а я не придавал этому значения. Резанула меня и участь матери – на 50 рублей не проживешь, и 25 рублей Ольгиных (сестра Володи) – капля в море. Даже в таком разладе можно, наверное, и тебе посылать матери. Некоторые матери подают на своих, не помогающих им, сыновей, в суд на алименты. Как-то моя мама рассказала мне случай: сын, обозлившись на мать, принес ей ведро молока – компенсировал то, что высосал у нее из груди. В одном из стихотворений у меня были такие строчки: «Ведром грудного молока от матери не откупиться» Не так ли выглядят эти 3000 рублей? Вижу, что получилось жестко. Но прости, Володя, мы должны смотреть прямо в глаза друг другу. Думаю, что если ты начнешь посылать матери регулярно, хоть так же по 25 рублей, она их не будет возвращать. И как знать, может,

повернется к тебе душой. Благородство – великая сила, сильнее зла в тысячу раз. А ты даже не знаешь, где училась твоя мать. Прошное свое надо знать. Вот ее интересный документ, который ты мне присылал с документами об Африке (случайно оказался почему-то у Сливкиных. Почему?)

Временное удостоверение Любови Сливкиной

**Секция Коммунистического интернационала молодежи
Новосибирский Областной Комитет ВЛКСМ**

ВРЕМЕННОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ ЧЛЕНА ВЛКСМ

(Взамен комсомольского билета)

№126750

Фамилия	Никитина
Имя отчество	Любовь Михайловна
Год рождения	1918
Год и мес. утвержд. членом	4/VIII–38 г.
Наименование комитета, выдавшего билет	Вокзальный РК ВЛКСМ
Личная подпись – Секретарь	(подпись) Никитина (подпись)

августа 1938 г.

Печать Вокзального Р.К. ВЛКСМ г. Томска

(Уплата членских взносов январь–июнь зачеркнута. Наклеены только марки – Шефский взнос за 1938 г. – 20 коп. и 10 коп.)

Новостей у меня особых нет. Работа над пьесой идет туго. Андрюша побаливает. Стал звонить я ему каждый день. Или он позвонит, пока матери нет дома. Хочу купить ему мужской велосипед, не знаю только, какой лучше. Мама придет, буду водить ее по врачам. Стала давать себя знать её грыжа хроническая паховая. Хотел на осень достать путевку в Ессентуки, полечить желудок, но в этом году не удалось. Что следующий год покажет. Как твое здоровье?

Подарки детям – это не заискивание. Пусть даже они так считают сначала. За неимением возможности отдавать ребенку своему лучший кусок, хоть что-то ему дать. Тем более – в день рождения, когда по человеческой традиции даже знакомые дарят подарки. И у меня Лиля старается мои покупки не надевать на Андрюшу. Теперь я с ней советуюсь. Вот купил Андрюше велосипед складной, она хотела отдать мне деньги, но я попросил ее на эти деньги купить что-нибудь по своему вкусу Андрюше. Ребенок может, став взрослым, разобраться, почему произошел разлад отца с матерью.

Так сделал и я в 30 лет. Но я сам попал в похожую ситуацию. И потом, в 14 лет он вызвал меня для знакомства с ним. Я тоже хочу вызвать к себе Танечку на каникулы, ей уже скоро 20 лет. И она настроена матерью против меня и моей мамы. Но совсем молчать – по-моему, неверно. Как ребенок будет думать об отце, если он не подает признаков внимания к нему? И твои примеры доказывают, что именно «молчащий» отец скажет сыну, что не хочет его знать, при встрече с ним.

Передавай привет своим домочадцам.
Обнимаю, Борис.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Ответы на письма из бандероли.

Нужно ли тебе возвращать эти письма?

Обращался ли ты по данному тебе киевлянином Шарабаном адресу военкома батареи: Красноярск, 97, ул. Маркова, 88, Замотаеву Павлу Ивановичу?

Обращался ли ты к бывшему повару штабной батареи по адресу: Красноярск, 62, ул. Крупской, 28, Соломонову Александру Парфеновичу (попал в плен, вернулся слепым).

Из писем переписки с военкоматами явствует, что ты в сентябре 1977 года обратился в Красноярский краевой военный комиссариат с просьбой разыскать Африка. Тебе 14 сентября 1977 года послали копию запроса о твоём деле председателю Совета ветеранов 17 гвардейской стрелковой дивизии. Но какой их был ответ?

В октябре 1977 года ты обратился в Ленинский РВК Одессы с просьбой установить судьбу Африка. 10 октября 1977 года послали запрос из Одессы в ВК Красноярска и копию выслали тебе. Красноярский краевой ВК 27 октября 1977 года ответил Ленинскому РВК Одессы, что Африк по спискам призванных, погибших и пропавших без вести в военкоматах г. Красноярска за период 1941–1945 гг. не числится. Копию этого ответа тебе дал Ленинский РВК Одессы.

Запрос в Красноярский военкомат

Ленинский
районный
военный комиссариат
г. Одессы

Областному военному комиссару
города Красноярска
копия: гр. Рябову В.В.

10 октября 1977 г.
№ 4/2481
г. Одесса, Одесской обл.

г. Одесса, Фонтанка,
ул. Набережная, 43

Ко мне обратился гр. Рябов В.В. с просьбой установить судьбу своего отца гр. Сливкина Африкана Васильевича, 1913 года рождения, уроженца с. Колывань, Колыванского района, Новосибирской области, призванного в ряды Красной Армии в начале войны Красноярским горвоенкоматом.

До армии работал в Красноярском машзаводе в должности конструктора 1-го разряда.

После войны мать вторично вышла замуж, поэтому фамилия сына не Сливкин, а Рябов (по отчиму).

Прошу Вас при наличии извещения о гибели – выслать копию извещения в наш адрес, а при отсутствии извещения – выслать справку, подтверждающую призыв Сливкина А.В.

Ленинский райвоенком полковник (подпись)
Исп. Юрова.

(КОТЕНКО)

Ответ Красноярского военкомата

Красноярский
краевой военный
комиссариат
27 октября 1977 г.
г. Красноярск

Копия
Ленинскому районному военному комиссару
г. Одесса
На Ваш № 4/2481 от 10.10.1977 года

Сообщаю, что гражданин Сливкин Африкан Васильевич, 1913 года рождения, по спискам призванных, погибших и пропавших без вести в военкоматах города Красноярска за период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. не числится.

П.п. Начальник 4 отдела Крайвоенкомата
Подполковник – Сипкин

Копия верна:
Ленинский райвоенком
Полковник (подпись)

Котенко

Печать.

Это самый важный документ. Ты пишешь, что знакомый военный фронтовик сказал, мол, военкомат может не знать, не иметь архива военных лет. А не хранятся ли эти сведения в Новосибирском областном военкомате, ведь отец был уроженец Колыванского района Новосибирской области? И не отписались ли из Красноярска? И не скрывается ли за этим письмом тайна,

которую нельзя говорить родственникам? Я же тебе говорил, что моей маме несколько раз отвечали с Колымы, что осужденный ее отец умер, а он был жив, тетка моя его там нашла, и мать похоронила его уже в Саратовской области в 70-е годы. Даже я успел его увидеть живым.

В конце года 1977 ты запросил о судьбе отца Центральный архив МО СССР. 6 января 1978 года послали открытку из Подольска, что ответ на твой запрос послан в Одесский облвоенкомат. В ответе из архива отмечена ошибка, что Африкан Васильевич Сливкин, 1914 года (так в документах)... призван в СА Таджикским РВК, пропал без вести в августе 1941 г.... Учен в 1947 году по материалу РВК г. Новосибирска.... Основание: донесение № 35202 с – 1947 г. Документов 17 стр. дивизии (ППС 493) за 1942 г. на хранении в ЦАМО не имеется». Причем, это «По документам учета персональных потерь сержантов и солдат» учтен рядовой Сливкин. Смотри сколько неясного, сколько путаных сведений.

Запрос и ответ из Центрального архива Минобороны

1.

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

Куда г. Одесса, Фонтанка, ул. Набережная, д. 43

Кому Рябову В.В.

Штамп

Министерство обороны СССР

142100 г. Подольск Моск. обл.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

142100, г. Подольск Московской области

№ 145739

6 января 1978 г.

Ответ на Ваше письмо направлен в Одесский облвоенкомат за вышеуказанным номером, куда и просим обратиться.

Зам. Начальника отдела (подпись) Алексеев

2.

Штамп.

Одесский

областной военный

комиссариат

Коминтерновскому военкому

23 января 1978 г.

Исп. Вх. КЖ.46

№ 4/кж-46
г. Одесса

Копия: Гр-ну (ке) Рябову В.В.
г. Одесса
Коминтерновский р-н, с. Фонтанка,
ул. Набережная, 43

Направляется письмо гр. Рябова В.В.,
поступившее из Центрального Архива МО СССР
на Ваше рассмотрение по вопросу установления
судьбы СЛИВКИНА А.В.
Прошу рассмотреть его (ее) просьбу
установленным порядком и результаты рассмотрения
сообщить автору письма.

Приложение: по тексту на 2 листах,
н-Вх.КЖ 46, только первому адресату.

Начальник 4 отдела ОВК

(подпись) Кошमितько

3.

Штамп

Вх.КЖ № 46
17 янв. 1978 г.

Центральный
Архив
Министерства обороны
СССР
6 января 1978 г.
№ 9 / 145739
142100, г. Подольск
Моск. обл.

Одесскому областному военному комиссару

Направляем письмо тов. РЯБОВА В.В.
По установлению судьбы СЛИВКИНА А.В.

По документам учета персональных потерь сержантов и солдат Советской
Армии установлено, что рядовой Сливкин Африкан Васильевич, 1914 (так в
документах) г. рождения, уроженец Новосибирской обл., с. Колывань, призван в СА
Таджикским РВК, пропал без вести в августе 1941 г.

Сестра: Сливкина Ефр. Вас. Проживает: г. Новосибирск, Свободы, 33
Учен в 1947 г. по материалу РВК, г. Новосибирска.

Основание: донесение № 35202 с - 1947 г.

Документов 17 ст. дивизии (ппс 493) за 1942 г. на хранении ЦАМО не имеется,
поэтому удовлетворить просьбу заявителя не представилось возможным.

Основание ЦАМО, донесение 3 19.....г.

Если эти данные относятся к лицу, о котором запрашиваются сведения, просим сообщить их заявителю, в отрицательном случае – оформить материал для установления его судьбы в соответствии с директивой Генерального штаба ВС СССР от 03.01.77 № ДГШ-1. При необходимости оформления извещения – проверить, не выдавалось ли оно семье ранее, в положительном случае – выдать дубликат.

Приложение: наш вход. № 145739 на 1 лист, только адресату.

Зам. начальника отдела (подпись) Алексеев

Исп. Ситникова

Печать.

бо

Вот объяснение, что ППС 493 означает 17 стрелковую дивизию. Ты как-то писал, что считаешь, мол, отца перепутали с его братом. Кто тебе об этом сказал, и прав ли был он, ведь речь об Африкане Васильевиче? Именно в документах на отца могли перепутать год рождения. Далее. Отец (Африкан) поступал в школу, чтобы стать офицером; если он им стал, то может числиться по другим «документам учета» в том же ЦАМО. Может, подтвердятся мое предположение, что Африк числится в Новосибирском облвоенкомате. Видишь, тут пишут: «Учтен в 1947 году по материалу РВК г. Новосибирска». Не сделать ли туда запрос тебе? Далее: Таджикский РВК мог быть и в Красноярске (военкомат Таджикского района). И почему их учитывали в 1947 году?

(После репатриации?)

Все говорит за то, что в этом документе может быть настоящая правда о судьбе твоего отца. А пропал без вести – необязательно погиб. Одесский облвоенкомат 23 января 1978 года послал твое письмо в ЦАМО и ответ из ЦАМО (а копию письма послал тебе) в Коминтерновский РВК Одессы. Тебя вызывали и вручили ответ из ЦАМО? Что тебе сказали?

Фу, устал. 2 часа ночи!

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, Боря!

Отвечаю на твои вопросы по документам.

У меня есть очень большой недостаток, когда я пишу, то могу, не замечая, написать так, как я тебе написал. Нужно было мне написать так:

«Не помню, писал ли, напишу завтра им письма». Письма по этим адресам я написал и уже получил ответы, которые высылаю тебе в этом письме. И из этих писем я понял, что уже писал раньше. Письмо Шарабана мне очень понравилось, я как бы почувствовал дыхание военного времени. По адресам, которые он дал, я уже написал письма, написал и ему еще одно письмо. Книгу Аристову я постараюсь найти.

На днях напишу в Новосибирский военкомат.

Какую тайну не может говорить родственникам военкомат? Разве есть такие тайны у военкомата?

(Такие тайны у военкомата есть.)

Из средней Азии (Таджикского РВК) призывался брат Африка – Лев Васильевич Сливкин – об этом мне сказали его сестры, тетя Потя получала аттестат Льва, ведь он был не женат, и его документы оформлялись для той фотографии, на которой указана фамилия Сливкины (я тебе выслал ее). На ней изображено место в Новосибирске (не знаю, как оно называется), где хранят память о всех погибших на войне.

(Мемориал?)

Остального не знаю. Что может знать майор военкомата? Он мне вручил ответ и все – в этом была его задача.

И наконец, об отцах и детях хочу сказать, я с тобой не согласен (разговор будет при встрече). «Молчащие» отцы тоже разные бывают.

Пиши. Обнимаю, Вова.

Володя – Борису

26.05.83

Получил твое письмо от 19.05.83 г.

Пробью лбом стенку, а что делать дальше? Не в этом все дело. Наше государство создано Лениным! А то ли это государство сейчас? Нет, не то. Все ленинское – изуродовано, исковеркано, извращено, наконец, опоганено. Каков государственный аппарат власти, таково и государство, я не могу их друг от друга отделять. Коммунисты, где ты их сейчас найдешь, настоящих-то? Одни ездят в черных «Чайках», другие – в трамваях, с закрытым ртом, с пьяной физиономией.

(Володя заразился раздуваемой уже тогда демагогией подстрекателей–демократов, и не понимал, что зомбирован этим на тот момент, перед перестройкой. Так она готовилась в умах народа?)

В общем, не хочу я дальше писать ничего. Мне просто обидно за свою страну, за свой народ, хамский, бескультурный, тупой. Ведь насколько бы мы могли жить богаче и интереснее, не процветай у нас сейчас показуха, формализм, взяточничество, тунеядство, спекуляция и т.д. и т.п. Миллионы, миллиарды рублей тратятся впустую. Неужели все такие слепые? Нет. Все видят, но никого это не волнует, лишь бы свой карман все время пополнялся, все равно каким способом. И мы с тобой сейчас занимаемся делом, только выгодным для нас обоих. Не думаю, чтобы кого-то сильно волновало отцовство, его проблемы. Ведь в средней семье стало нормой иметь только одного ребенка, двое – это уже считается много. Люди хотят жить в свое удовольствие, дети – обуза для них. Куда делись в наш век Пушкины, Репины, Чайковские? Людям подавай больше мяса, машины, японскую радиоаппаратуру, чтобы балдеть, жиреть и подохнуть, так ничего и не узнав.

Твоя поездка к нам ни в коем случае не отпадает, жду тебя в августе, как ты сам надумал. Подтверди, что приедешь.

Очень рад твоему признанию – прошлое свое надо знать, в этом меня убедила жизнь. Как-то, год или два назад, Ольга мне написала: мать у нас обеспечена, была у нее и удивилась, она одевается лучше, чем я. А Ольга материально живет очень хорошо.

Благородство – великая сила, согласен, но нужно знать, где и когда быть благородным.

Мать сейчас живет одна в 3-х комнатной квартире под Ленинградом, меня считает предателем, мне ничего не пишет и запрещает писать о себе своей сестре тете Вере, которая живет в Ленинграде. Сестры мои к ней ездят в гости. Когда я приехал к ней с Зоей – выгнала. Мне горько и стыдно писать все это о своей родной матери.

О творчестве, любом, правильно ли я его понимаю? Я думаю так, если человек в любом деле делает все сам своими руками, думая при этом сам своей головой что-то – это и будет творчеством, плохим или хорошим, никому не нужным или очень важным. Не подумай только, что я пессимист по натуре, все хорошее я сразу чувствую и радуюсь ему. Просто от рождения несчастья преследуют меня по сей день: потерял родного отца, будь он жив, как бы по-иному сложилась бы моя судьба, это первое; второе – не получилось у меня по разным причинам образования, а как бы оно было нужно сейчас, как вода путнику в пустыне; третье – неудачные мои две женитьбы, я считаю – это было самое жестокое, чем меня наградила жизнь; четвертое – разлад с матерью – самое сложное, трудное в понятии и приносящее большую боль в душе – нет, это не «ведро молока», рассказать невозможно, нужно прожить и перечувствовать все это; и пятое – не повезло с домом, на который возлагал большие материальные надежды – мог продать за 25 тыс. руб., теперь не смогу, наверно, и за 5 тыс. руб. Улица, где стоит дом, объявлена «аварийной зоной». За этой бедой сразу вторая, приехала тетка на своих «Жигулях» и срочно требует долг 1300 руб. Я рассчитывал, продав дом, расплатиться со всеми долгами, а теперь не знаю, что будет. Я

сам зарабатываю 40 р. аванс + 60–70 р. получка; Зоя – 50 р. аванс + 100–110 р. получка. Получается 270 руб. – на троих, а жизнь в Одессе вдвое–втрое дороже, чем в Москве или Ленинграде, – вот она простая арифметика.

(Отчим так же рассуждал: первое, второе...)

Все, что было в бандероли, и письма дяди Саши вернешь, когда они тебе уже не понадобятся (через год – через 5 лет).

Володя – Борису

02.06.83

Боря, Здравствуй!

Я написал тебе ответ на твое письмо. В случае задержки ответа, я просил открыткой подтверждать получение.

Поясняю тебе три письма моей сестры Августы – Гали № 1 и № 2 следуют друг за другом – лето 1981 года, когда я ездил в Новосибирск, одно получил до отъезда, другое – после приезда из Новосибирска. Это не были ответы на мои письма – простая переписка. Третье письмо я получил совсем недавно – ответ на мое письмо, в котором я просил ее сходить на Красмаш, где работал Африк. Может быть, там, в архиве сохранились какие-то документы, бумаги, чертежи отца, а также в военкомат – узнать о его призыве. И еще попросил кратко написать свою биографию, ведь я и сам ничего о ней не знал (из ее биографии).

Я надеюсь, в августе увидеть тебя.

Володя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПИСЬМА ДЯДИ САШИ

Дядя Саша – Володе

Белово, 12.05.83

Здравствуй, Володя, привет Зое и Сереже.

Получил ваше письмо. Вот что я знаю о розыске. Августа мне написала, что нашелся Володя, сын Африкана. Твое письмо получил

Африкан Прокопьевич, наш родной брат и принес письмо Августе. И с этого началась переписка с тобой. Больше я никаких сведений не имею. Да я и не добивался подробностей. Главное, что ты нашелся, и был этим доволен.

Мы целиком и полностью на посевной на Мичуринске, все растет. Помидоры, плоды появились уже со сливу. Посадили морковь, чеснок, редис, лук и дыню. Завтра будем сажать картошку. Похолодание – нередкий гость, но это не страшно. Вот такие дела.

Про сестер не знаю. Война 1914 года с Германией была в полном разгаре. Народ и лошадей все время берут и берут на фронт. А войне конца не видно. Появились раненые. В глаза бросались: без руки, без ноги. Появилось в деревне горе. Ни песен, ни смеху. Мне казалось, что мы на этой мельнице жили долго. Мельница много усложнилась. У нас появился мастер. У него сын года на два меня старше. В воде он плавал очень хорошо, и нас выучил плавать. Он родился с заячьей губой, верхняя губа раздвоенная. Мы его дразнили «безгубый». Он на это не обижался, и мы жили дружно. Нас каждый год там всех затопляло. Но несильно. Когда Обь разливалась при ледоходе. Как где-нибудь ниже нас сделается затор из льда, то вода быстро поднимается и заливают большие пространства, и доходит до нас.

Один раз так сильно поднялась, что нас совсем затопило: в комнате на одну четверть не дошла до потолка. И нам пришлось к дедушке Ивану перебраться на лодках. Много у нас тогда добра поиспортилось. Вот отец и решил, только из-за этого продать мельницу.

Там у нас родились Аркадий, Герман, который умер еще ребенком, за ним родился Африкан, твой отец. Жили мы там очень хорошо. Мы, ребяташки, были там предоставлены самим себе. Я был жожаком, и меня все слушались. Правда, Лев частенько задибался со мной, но я был гораздо сильнее его и быстро его утихомиривал. Но крики-то были. На них выбегала мама и всегда заставляла меня, как я его отшлепывал. Ясно, она меня обвиняла, и за это мне попадало.

Отец к нам совсем не касался: хозяйство было большое, и ему было не до нас. Маме тоже хватало работы: только и знала встречать да провожать гостей. А потом ведь нужно для них все приготовить, да повкуснее.

Отец любил пошутить, другой раз и жестоко подтрунит над какой-нибудь женщиной. Маме это не нравилось. И после гулянки – частые ссоры. Я любил маму, и еще больше любил отца, и ненавидел эти ссоры. Кое-что я еще не понимал, и думал, что все это из-за вина. И взял себе слово: когда вырасту большой, никогда не буду пить вино. И я сдержал это слово.

А война идет. И дошла очередь – взяли отца. Он служил в Новониколаевске в 707-й дружине. Часть их считалась гарнизоном Новониколаевска, и никуда их оттуда не собирались отправлять. Так он там прослужил года два и вернулся домой.

Неожиданно он продал мельницу за шесть тысяч рублей. Стал ездить, собирался купить другую мельницу, целый месяц ездил. Нашел на станции Чик, деревня Прокушкино, за 30 тысяч рублей. Таких денег у него не было, и он нашел Якуниных, два брата и отец. У них был большой магазин в деревне

Крохалевке. Они согласились и купили. Отец заплатил 10 тысяч, Якунины – 20 тысяч. Мельница была водяная и паровая, молола вальцами сеянку, крупчатку и простой размол. За сутки перерабатывала 1000 пудов. Отцу принадлежала третья часть. Локомотив 10 л.с. топился углем, сжигал один вагон в месяц (16 тонн). И вот начали партнеры работать на новой мельнице. Отец работал по технической части, как мастер, а Якунины – на весах: принимали от населения пшеницу и выдавали муку, получали деньги, как купцы. Нужно отдать им должное: они были очень честными людьми. Прошло три месяца. Получили доход, оказалось, чуть-чуть не 30 тысяч. Они так удивились и обрадовались, устроили вечер, сильно хвалили отца и даже зацеловали его. Говорили, мы в магазине работали, и накопили двадцать тысяч рублей за десять лет, а здесь – тридцать тысяч за три месяца. Какие же мы были дураки!

И закрыли магазин.

Якунины Михаил и Федор жили здесь. Отец, как в Крохалевке, постепенно ликвидировал все хозяйство. У Михаила было столько же детей, сколько у нас, но другого пола с небольшой разницей в возрасте: Поте – Михаил, мне – Поля, Льву – Дуня, Аркадию – забыл, как звали, Африкану – Лиза. У нас был еще Серафим ребенок – у Якуниных никого не было. Мельница от деревни находилась в километре. Для нас это казалось далеко. У Федора была только одна дочь – Ксения. Дружила с Потей – почти одногодки. Михаил был громадного роста, больше своего отца, и очень сильный, меня свободно забрасывал на кузницу. На два года моложе Поти. Любил одиночество, неразговорчивый, ни с кем не дружил, читал много книг. Прожил он мало. Чем-то заболел и умер. Даже не успел жениться – точно не знаю. Потя с Ксенией – у них был свой круг знакомых, и к нам они не касались. И здесь я оказался вожаком.

Я был очень веселый парень, любил играть, веселиться, был большой затейник, много придумывал разных игр. Группа увеличилась вдвое, и притом много девушек. Мы были очень дружны. Я не любил ссоры, и, как старший, влиял на всю группу. Во всех играх мы были все равны. У нас не было принято называть, что мы все женихи и все невесты. Мы даже не разбирали, кто мальчик и кто девочка. А тогда не было ни трусов, ни плавок, купались совершенно голые. И считали это вполне нормальным. Даже взрослые это не замечали – считали нормальным. Даже Якунин Михаил подошел, когда мы купались, подозрительно посмотрел на меня, погрозил пальцем и ушел.

Зимой мы увлекались картами. Играли больше в 66. Да... веселая была пора.

Как только переехали мы на эту мельницу, я первым долгом побежал осматривать мельницу – все ее механизмы и сравнивать с Кошковской мельницей. Разница большая: на Кошковской мельнице все было сделано чисто и аккуратно, здесь – все грубо и наспех. Водяная часть была сделана на деревянных водяных колесах. Здание всей мельницы тесное – с разными надстройками, свету мало. Машинное отделение было деревянное и совсем

без крыши, пол земляной, свету тоже мало. Вся эта примитивность мне бросилась в глаза. Мне она очень не нравилась. Но все механизмы я изучил, как свои пять пальцев, и локомотив – тоже. Впоследствии мне это все пригодилось. Кроме хозяев, на ней работали и работники: плотник, двое австрияк пленных, машинист, а также кочегары, машинист – опытный, хорошо знал машину, слесарь и кузнец. Кузнец вручную в горне сваривал жаровую, от котла трубу, это – не мастерство, а, можно сказать, искусство, не каждый сможет сделать. Я от него многое что почерпнул по своему возрасту. У него был сын, звали Андреяшка, ровесник Льву, но полный, неподвижный и неразвитый. Иногда он тоже участвовал в нашем кружке, но у него все плохо получалось, и над ним все хохотали.

Я был в кружке вожаком, все мы были изолированы от других ребят и девчат деревни изрядным расстоянием. Я ведь тоже был их сверстник и не имел нужного опыта. Мы воспитывались стихийно. Благодаря мне. Я не любил драки и ссоры, и всеми силами старался, чтобы все были дружны. Иногда мне это не удавалось. Тогда вмешивались взрослые. Попадало всем, без разбора – виноватым и невиноватым. А мне – как старшему, и самому большому. Но я этим пользовался, мог пригрозить - смотрите, всем попадет! И это имело успех.

Был бы взрослый человек и опытный, было бы гораздо лучше. Ведь и литературы тогда никакой не было, из которой можно что-либо узнать.

Отец на этом месте все время находился в разъезде: запасные части, масло, особенно уголь достать было очень трудно. Военное время. Ничего не поделаешь. Было и так: никак не могли достать уголь, хоть мельницу закрывай. Решили котел топить дровами. Приедешь молот – вези дрова, и повезли дрова. Навезли столько дров, что их некуда было девать. После уголь достали, и дровами была завалена целая площадь.

На этой мельнице не было больших гулянок, разве только небольшие вечера с Якуниными, и то редко. Мельница не давала. Отец даже похудел. И ссор с матерью не было.

Мельницу в компании с Якуниными купили у Кузнецовых. Их жило несколько братьев и отец. Мой отец с Федором Кузнецовым был хорошо знаком. Они куда-то уехали, и через год приехали обратно. Купили ниже нас, в Прокушкиной же, водяную мельницу, и стали там жить. В школе я познакомился с сыном Кузнецова – Федей. Он был со мной одноклассником и учился в одном классе. Сделались друзьями, и сейчас дружим. Вот пока все.

Крепко обнимаю и целую, твой дядя Саша.

Привет Зое и Сереже. Большой привет от М.А.

Дядя Саша – Володе

Белово, 02.06.83

Здравствуй, Володя. Привет Зое и Сереже.

Письмо от вас получил не совсем радостное: насчет дома. У меня возникает вопрос. Раз решили его продать, так почему же такая медлительность? Нужно было давно продать. Пускай и не достроенный, все равно бы купили. А сейчас возникает новый вопрос. Берега отваливаются не первый год. Почему же их никто не укрепляет? И почему там разрешили селиться и нарезали места? Такие шутки не разрешаются и городским властям. Нужно потребовать от них, сообщая всем, кому грозит эта опасность, закрепить берега, и добиться этого всеми средствами.

Теперь о себе. Да, у нас действительно весь май холодный, ничего не растет, редиска только всходит, а раньше редиски ничего не бывает. Занимаюсь ремонтами. Для передвижения собираю пока велосипед. Все ж на дорогу время сократится. Мария Александровна все прибалывает. Готовит помаленьку, я и то рад. Получил письмо от Евфросиньи. Она сильно болела печенью, и 1 апреля ее увезла «скорая» – и на операционный стол, вырезали горсть камней из желчного пузыря. Сейчас рана зарубцевалась, но боли еще есть. Написала мне письмо. Пишет: «Не знаем, что писать тебе, мы можем с тобой повторяться». Я ей написал: чтобы она писала о себе, все равно мы напишем об одном и том же по-разному – будет интересно. Августе тоже сказал, подробнее написать об Африкане – она его больше знает взрослого, а я – ребенком и юношей. Главное для меня – что они помирились.

Итак, продолжение.

Мы жили в Прокудково на мельнице в Колывани с Якуниными.

Однажды я услышал разговор отца с матерью. Отец говорил: я чувствую здесь себя, как будто я – работник у Якуниных, тяжело мне, измучился, всю работу на меня свалили, хватит.

Отец продал свою часть Якуниным уже за 80 тысяч рублей. Там мы прожили примерно два года.

И мы переехали в Колывань. Там отец купил двухэтажный дом на Московской улице. Денег у него было, примерно, 250 тысяч рублей. И он сказал: теперь я нигде не буду работать, отдохну с год, а там видно будет.

Время было беспокойное. На фронте дела были плохие, и в народе – брожение, слухи страшные.

Приезжает к нам как-то Крылиха – Матрена Алексеевна. Мы, ребяташки, почему-то звали ее Леля (крестная мать). Кого-то она из нас крестила, может, даже еще не одного (точно не знаю). Она жила богаче всех из родни, за третьим мужем, и тот – скоропостижно умер. Детей у нее не было ни от одного мужа. Мужья все были – богатые купцы. У Тархова была даже мельница в деревне Воробьевка. От Колывани у нее работал их компаньон Зайцев. Тархов жил в деревне Малая Ось. Я был там один раз ребенком, чуть помню. Вскоре Тархов умер. И вот Леля вышла замуж за Крылова. Он жил в деревне Дубровино, вниз по Оби, примерно 75 километров от Новосибирска, на левой стороне. Тогда там было домов

тридцать. У Крылова были большая пасека и магазин. Человек он был культурный, аккуратный, любил порядок во всем, даже мед продавал в красивых банках, и на крышке написано красивыми буквами «Луговой сотовый мед пасеки Павла Максимовича Крылова». И вот он умер. Леля приехала вся в слезах. Говорила отцу: Василий Фомич, помоги! Нынче было большое половодье, и мельницу нашу в Воробьевке сильно размыло, и амбар снесло. Словом, мельницы там совсем нету, и нам с Зайцевым ее не восстановить. Средств нет.

Отец говорит: так продайте ее мне, она здесь под рукой, и я с удовольствием куплю ее.

Нет, говорит Крылиха, у меня покупать не нужно. Купи у Зайцева, и будешь моим компаньоном. Я, наверное, перееду жить к вам, с Александрой мы уже договорились. Я вам мешать не буду, мы будем жить одной семьей, так что покупать у меня нет смысла. Ты и так будешь полный хозяин этой мельницы.

Они говорили долго, и отец согласился. В этом он сделал большую ошибку. Ему нужно было бы купить всю мельницу и документы сделать на себя на всю мельницу. Денег у него в то время было на десять таких мельниц. Леля могла бы жить у нас не как компаньонка, а как родная сестра моей матери. Но дело сделано, начали жить.

Царя уже не было. Временное правительство во главе с Керенским управляло государством. На фронте сделалось затишье. Немец стал выдыхаться. В народе чувствовалась какая-то настороженность, и приходили разноречивые слухи.

Отец купил две коровы и рыжего коня. Мы звали его Рыжка. До чего был умный конь, большой, сильный, смирный и красавец. Чувствовалось, что он понимал человеческую речь. Вероятно, старый хозяин дрессировал его. Он даже с нами, ребятами, играл. И вот на нем мы с отцом поехали смотреть воробьевскую мельницу. Половодье еще не прошло, но вода уже вошла в свое русло. Было хорошо видно, разрушения здания мельницы не было. Две крыши, у одной выбит столб – и крыша скривилась. Стоят два домика: один – маленький, вероятно, помолка, другой – побольше, пятистенный, здесь, по-видимому, жил хозяин или засыпка. Плотину размыло несильно. Все это было на другой стороне реки, и мы туда попасть не могли. Там никого не было. Мы насмотрелись, поговорили немного и уехали обратно домой в Колывань.

Я учился в школе в пятом классе, Лев – в четвертом, Аркадий – во втором, Африкан – в первом классе. Я не знал, как нужно учиться в школе. Я был очень способен, а в школе учился очень медленно, мне это не нравилось, и я скучал. А в перемену сильно баловался. За это мне часто попадало, и меня учителя недолюбливали, и выходило, учился я неважно, но такие предметы, как математика, геометрия, химия, история, география и физика, любил. Очень не любил русский язык. Его преподавала суровая женщина, с которой я поссорился, и сказал ей: «Я совсем не буду учить ваш предмет».

В этом была моя большая ошибка. Она сумела меня оставить на второй год. И мы со Львом оказались в одном классе. Отец не обращал на это внимания, а мать даже обрадовалась: вот и хорошо, не нужно лишних книг покупать.

Оно, может быть, и правда лучше для меня. Лев учился неважно, и мне приходилось его тянуть. От этого были две выгоды: Лев не отставал, а я хорошо все успевал. И дело пошло хорошо.

Когда переехали жить в Колывань, мы, ребята, стали знакомиться с соседями – сверстниками. У них была страсть – играть в бабки и городки. Мы тоже включились в эту игру. У нас было много бабок, раскрашенных в разные цвета, мы в них играли всегда дома. Вот мы со Львом набрали в карманы бабок, и пошли на улицу играть с соседями. И так быстро проиграли их все, что даже удивились, как мы плохо умеем играть. Почему? Я сам себе ответил: все дело в тренировке. И договорились со Львом – будем тренироваться каждый день. Бабок у нас не было, и мы нарезали чурочки, и в эти чурочки стали играть. Сперва у нас ничего не получалось, а потом начало получаться. И мы тренировались до самой зимы и привыкли к этому, и протренировались всю зиму. Стали делать прямо чудеса. Ни одного промаха и безо всякого напряжения.

Наступило лето. Смотрю, Лев тащит целый мешочек бабок. Смотри, говорит, сколько я выиграл.

А что если и мне попробовать? И случай представился. Как-то я шел не по нашей улице. Смотрю, большая группа ребят играет в бабки, кон стоит с метр длинной. У меня ни одной пары бабок нет. Смотрю, мальчишка знакомый. Я попросил у него одну пару бабок и поставил. У него же взял железку и пошел туда, откуда бьют. Все пробили, я последний ударил и сбил «кола», это значит, я забираю весь кон. Кто-то скала: случайно попал, повезло.

Снова начали ставить бабки. Мне сказали, что я должен две игры поставить. Я поставил две игры. И опять стал последний бить. Тут уже все стали смотреть на меня. Я ударил – и опять сбил кола.

Это уже не случайно, сказали. И не дали мне больше играть. Бабки все я отдал мальчишке – он рад радешенек.

Представь себе, Володя, я не стал играть в бабки, интереса не стало. И не стало интереса к цирковым номерам. Все эти трюки – плоды тренировки, а это так просто. Не нужно ни ума, ни знания.

Я был записан в детскую библиотеку. Я перечитал все сказки и детские рассказы. Перешел во взрослую библиотеку. Первый попался мне Майн Рид – читал запоем. Перешел на Конан Дойла, потом на Дюма (отца), Жюль Верна. Все это зря. Стал читать русскую литературу. Вот здесь я почерпнул много.

В разгаре лета отец взял меня на мельницу. Посмотришь, что мы там натворили, – сказал он.

Да, действительно. Крышу, которая свалилась, убрали совсем. Купили новый дом, в нем две длинные комнаты. В нем живет отец, в нем – и контора. Навезено много разного леса. Сделали через плотину мост. Строят

здание для мельницы, больше старого, и забивают много свай. Дела идут вовсю. Я, конечно, ни в чем не мог разобраться.

Пока все. Крепко обнимаю и целую. Твоя дядя Саша.

Большой привет от Марии Александровны.

Дядя Саша – Володе

28.06.83

Здравствуй, Володя! Привет Зое и Сереже.

Письмо твое получил, но с ответом немного задержался: приехал мой сын Володя с новой женой. Здоровый детина, ему уже 36-й год, должно быть, на этом его рост закончится. Он мне кое-что помог на Мичуринске. Здоровый горбыль нужно было отесать на брус. Мне бы хватило его тесать на 4 часа, а он отесал за несколько минут и сказал: «Этот топор для меня легковат». Силы много – ума не надо? Это неправда. У Володи силы хватает и ум неплохой, в жизни ему не везет. Как-то все не ладится.

С ремонтом жилища вчера я закончил, теперь буду заниматься покраской.

Редиска у нас в полном ходу, огурцы еще не цветут. Помидор много выросло, скоро покраснеют. Земляника отцветает, скоро поспеет. Батун, лук перо давно едим. Лучше наших помидоров нет у нас на всем участке. Здоровье мое, как всегда, М.А. – неважно. Погода сейчас стоит жаркая, дождей мало.

Биография. Я несколько раз бывал на мельнице и даже подолгу жил (с неделю–две). Смотрел, как строится мельница, и даже участвовал кое в чем. Например: долбил дыры в большом деревянном колесе для кулачьев. Хорошо освоил это дело. Жернова мы нашли в воде, в омуте. Достали их оттуда, подремонтировали, один даже нарастили цементом. Всего 4 жернова, на две лопасти. При мне перехватывали плотину, интересное зрелище. Командовал отец: он мастер этого дела. На постройку этой мельницы у отца было достаточно средств, и он, как правило, всегда рассчитывался с людьми вечером – платил заработанные за день деньги. Поэтому народу было очень много, день поработать – и вечером получить деньги. Никогда у других этого не бывало. Мельницу он построил быстро. Плотники были постоянные, и они набирали каждый вечер деньги. Таким образом, сколотилась такая группа людей, очень дружная и веселая. Один из них был такой сказочник, на редкость. Такие интересные и длинные сказки он рассказывал, и очень много. Он их умел хорошо рассказывать. Народу всегда собиралось много. Эти сказки ни в какой литературе не были напечатаны, потому что все они были построены на нескромности, но не похабные, и много в них было и остроумия, и сатиры. Мне неизвестно откуда он знал столько сказок, и

грамотности у него было четыре класса. Если бы он имел высшее образование, он был бы великим писателем.

Я спросил у отца, зачем он сделал у мельницы двухэтажный амбар? Когда деньги есть, ответил он, нужно подумать и о будущем. Река здесь хорошая, помолу будет много, и мельницу можно сделать большую. Вот я и сделал двухэтажный амбар. Вся эта заваруха когда-нибудь кончится, настанет нормальная жизнь. Все можно будет достать. И вот только тогда мы можем построить хорошую мельницу. Амбар-то и пригодится.

Здесь он опять ошибся: нормальная жизнь так и не наступила для него. Колесами я тоже сильно заинтересовался. Откуда вы знаете, сколько нужно в колесе кулачьев и сколько в шестерке? – спросил я у отца.

Он сказал: шаг берется произвольно по опыту, диаметр колеса нужно сделать меньше водяного колеса, чтобы его не подмочило. А шестерку рассчитываешь по числу оборотов жернова. Дело все в чертеже, вернее, в части чертежа, начерченной в натуральную величину, он покажет все размеры.

Чертеж довольно оригинальный, я его хорошо запомнил, впоследствии это мне пригодилось. Вот таким образом мельницу быстро достроили, и она стала молоть, как все обычные мельницы

В Колывани жизнь – с небольшими изменениями. Крылиха – Леля уже много перевезла своего имущества, и жила то в Колывани у нас, то в Дубровино, на мельнице, я не помню, Лелю мало интересовала техника. Она узнала, что мельница восстановлена и работает, больше ее ничего не интересовало.

Еще одно событие произошло: родилась Августа. Я уже писал, что отец купил крупного очень красивого коня Рыжку. Он любил с нами, ребятами играть, и нам это нравилось. Он был долго смирный и дисциплинированный: привязывать его не нужно, где оставишь – никогда с этого места не уйдет. В оглобли сам заходил. Выпрягаешь – сам в конюшню уйдет. Оправлялся в определенном углу, под ногами у него всегда было сухо. Хороший был конь, а куда он делся, я не помню.

Колывань славился уличными драками ребят. Сходились улица на улицу, край на край. Это мне очень не нравилось, хотя я еще не дорос до этого. Потя уже была взрослая девушка, и она была больше в своем кругу подруг, о которых я почти ничего не знаю. Скандалов отца с матерью совсем не стало, да и гулянок тоже. Приедут иногда гости, одна – две семьи, и все. Угостятся тихо, спокойно. Поделятся слухами – на арене появился какой-то Ленин, Керенского сбросили. Тут я впервые услышал слово «коммунисты». Говорили о коммунистах со страхом, что только им не приписывали. Мама про них говорила: я их встречала в ссылке во Владивостоке, обычные люди, дружные, живут общиной, друг другу помогают, и все же жили они плохо, я им не завидовала.

Но вот и советская власть пришла. Спокойно, без шума. Администрация в Колыване сменилась – вот и все. Даже в школе преподавали попы, на уроках оставались только желающие. И добавился еще

один преподаватель – комиссар: у него были обязаны присутствовать все. Его лекции были очень интересны, похожи на беседы. Мы как будто с ним разговаривали. Все это было для нас новое, необычное. Удивительно, комиссар-то этот был наш сосед, напротив наискосок, у него был сын, с которым мы играли, – Капустины. И рядом с нами сосед Клоков – тоже коммунист малограмотный, кустарь, токарь по дереву, точил деревянную посуду. У него большая семья, старший сын Виктор – на один год старше меня. Мы с ним были друзья и ничего не знали, что они партийные. Сразу у нас отобрали мельницу, и отца поставили заведующим и мастером. Весь доход он сдавал государству, и получал зарплату.

Так тянулось, пока не пришли белые. Так же бесшумно сменилась власть, Капустин сбежал, а Клоков никуда не скрывался, и его никто не трогал. В основном все осталось, как при Керенском. Так продолжалось года два, может, больше.

Августе сравнялся один год, когда случилось большое несчастье... Умерла наша родная мама. Кто-то уговорил ее сделать у деревенской бабки аборт. Бабка есть бабка, аборт сделала, и мать умерла от заражения крови. Врачи не могли ничего поделать. Так мы остались семеро сиротами. Отец загоревал: какая женщина пойдет на семерых!.. Что делать?.. Мука, а не жизнь. Леля его уговаривала: я знаю женщину, которая согласится на семерых.

Посмотрел на нее отец – страшилище, и вдобавок больная. Она зарится на богатство. «Не надо!» – сказал отец.

Леля, как будто обиделась. Нагрузка по хозяйству – все легло на Ефросинью. Она к этому не привыкла. Мы ей, как могли, помогали. Приходит как-то Федор Дмитриевич (племянник отца) и говорит: дядя Вася, я нашел тебе невесту, молодую, красивую, работающую вдовушку. У ней, правда, одна девочка есть, но это ничего. Лет на двадцать тебя моложе. Потеряла мужа на фронте. Живет у свекрови, всю работу на нее свалили. Она не знает, куда ей деваться. Домой – мать живет плохо, и семья большая, отца нет. Так что пойдем свататься. Я уверен, что она пойдет за тебя с радостью. Работы она не боится, крепкая, здоровая, веселая – песенница.

Пошли – и поженились. Вот так появилась у нас в доме хозяйка. Вот что, ребята, - сказал нам отец, - эта женщина пошла на семерых, это ваше счастье, она пошла на благородный поступок, за это ее нужно уважать, помогать ей во всем, слушаться во всем, и не обижать ее девочку, пусть она будет вам сестренкой.

А Потя сказала: будем звать ее мамаша.

Мы согласились с этим и зажили дружно. Мамаша оказалась на редкость хорошей женщиной и хорошей хозяйкой. Она с нами подружилась, и мы ее полюбили, а дочь ее никому не давали в обиду. Ее звали маленькая Шура, а меня Шурка большой. Мамаша никогда на нас не ругалась. Иногда, когда что-нибудь натворим, скажет мне: «Шурка...» – таким тоном, от которого дрожь пробежит по всему телу. А это слово слышат все, и сразу, как по команде, все затихнем и разойдемся, и чувствуем себя виноватыми перед

ней. И все входит в свою колею. Отец в ней души не чаял, и жили они душа в душу. Только Леля одна была не довольна ею, и взяла свои вещи и уехала домой в Дубровино. Так мы прожили спокойно. Августу Леля взяла к себе, и она у нее жила, и вообще ребенком Гутя была капризная.

Раз как-то мы сидели на улице, на лавочке с Виктором Клоковым и говорили о «политике». Я говорю: красные грабят. А Виктор возражал: красные грабят, у кого кошелек во! – и показал рукой, какой большой кошелек. А белые – бедных... – и убежал домой.

Я удивился: как можно ограбить бедного, если у него ничего нет, и это для меня было большой загадкой, над которой я долго ломал голову. Впоследствии я узнал от взрослых – это недоплата за его труд.

Наконец, дожили до большого события: белые начали отступать. Как долго они отступали. Пошла эпидемия тифа, страшная болезнь, много смертей.

Пока все. Крепко обнимаю и целую. Дядя Саша.

Большой привет от М.А.

ВОЛОДЯ – БОРИС

Борис – Володе

19.06.83

Здравствуй, Володя!

Была напряженная работа, поэтому не смог тебе сразу ответить на твои письма от 19 и 26 мая и письмо дяди Саши от 12 мая 1983 г. Письмо дяди Саши – хорошее. Когда он будет продолжать дальше, ты бы попросил его припомнить подробности о твоём отце.

Я попробую найти книгу Сенкевича в Ленинской библиотеке, пришлю тебе ее название и индексы, по этим данным ты, записавшись в городскую (центральную) библиотеку, сможешь заказать ее по межбиблиотечному абонементу (МБА), и Одесса запросит ее в Москве, тебе пришлют, и ты сможешь пользоваться ею в течение 2–3 недель.

Теперь ответы на письмо от 26 мая 1983 г.

Горечи в твоём письме много. Очень жаль, что ты об этом пишешь в письме. Больше прошу этого не делать.

(Я знал о перлюстрации.)

При встрече с тобой я постараюсь объяснить тебе то, что ты не понимаешь, а ты – мне, то, что я не понимаю. Договорились? Заглядывай в книжный магазин, постарайся купить мою книгу «Иван Болотников». Там есть ответы и на некоторые твои тревожные вопросы. А главное, он был, оказывается рыцарем. Сельвинский так и назвал поэму о нем «Рыцарь Иоанн». Хорошо, у меня получился свой, молодой Болотников. У меня пока только один экземпляр, тираж еще не вышел. Если не купишь, я привезу тебе в августе. Объяснить, что такое процесс творчества, по-моему, еще не смог никто. Твое объяснение – принятое в газетах заблуждение. Очень горько слышать обо всех твоих передрягах. И хорошо, что ты не считаешь себя пессимистом, у тебя есть на другой чаше весов очень значительное – ты человек, труженик, семьянин, мыслящий, правдивый, физически полноценный, – человек.

Теперь о вопросах.

Вопрос о матери снимаю, если она обеспечена. Письма верну, когда придет время.

Моя мама живет у меня. Посылает тебе большой привет. Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

28.06.83

Здравствуй, Боря! Твое письмо от 19 июня я получил.

Я своего добился, деньги должны вернуть – подробности при встрече.

Дядя Саша просто молодец, я с большим интересом читаю его письма, и в этом я обязан тебе, нашей переписке, наверное, не смог бы я до этого додуматься сам.

Твою книгу «Иван Болотников» тоже буду искать, но ты, на всякий случай, пришли еще одну. Очень рад, что добился ее публикации. Молодец! Лично к тебе несколько вопросов.

а) Что, кроме литературы, вызывает у тебя интерес, серьезный интерес, может быть, даже не меньший, чем главное твоё занятие?

б) Знаком ли ты с технологией, если да, то в каком объеме?

в) Когда и где тебе приходится встречаться с чистой философией?

г) Интересуешься ли ты литературой о здоровье человека и в связи с этим, как ты пьешь чай?

Передавай большой привет твоей маме. Знает ли она о нашей затее и как к ней относится?

Если хочешь, чтобы я тебя встретил, приезжай или в субботу и воскресенье, или после 17.00, когда я не на работе.

Всего тебе доброго, обнимаю, Вова.

ОДНОПОЛЧАНЕ

Замотаева – Володе

02.06.83

Уважаемый Владимир Африканович!

(Володя, наверное, вздрогнул, что его Африкановичем назвали.)

Ваше письмо Замотаев получил, но отвечает Вам его жена, так как Павел Иванович после перенесенной тяжелой операции чувствует себя еще слабо. Он сказал, что Вашего отца он вспомнить не может. Говорит, что возможно помнит его Шарабан Андрей Никитович, который был комиссаром 1-го арт. дивизиона, а затем комиссаром арт. полка. Проживает он по адресу: 252107, г. Киев, ул. Половецкая, дом 14-а. Павел Иванович сказал, что дивизия в июне-июле 1942 года вела бои под городом Белый.

Можете обратиться в государственный архив.

Лариса Николаевна.

Г. Красноярск, Маркса, 88.

Шарабан – Володе

20.06.83

Уважаемый В.В.!

На Ваше письмо сообщаю, что действительно в июле 1942 года наша дивизия вместе с другими соединениями попала в окружение. Эту трагедию пережил и я. Многим воинам удалось выбраться из кольца и сохранить знамена частей. Но было и пленение, и гибель при выходе и до выхода. Часть людей попала в партизаны, и там воевали и погибали. Некоторые вышли к своим через два-три месяца. Так что для потери воина без следов или без вести условий было достаточно в этой сложной обстановке.

Я понял, что Ваш отец был разведчиком-артиллеристом. Возможно, он воевал в составе разведчиков полка, которые были при штабной батарее. До окружения я был в штабе первого дивизиона. Такой фамилии не встречал. После окружения я стал воевать в составе командования уже полка и тоже не мог встретиться, так как отца Вашего уже в полку не было. Но ведь Замотаев до окружения был политруком штабной батареи, куда входил взвод разведки полка. Видимо, и он не мог вспомнить. А может, отец воевал во втором дивизионе.

Фамилия Мордвинкина мне встречалась после окружения, но я не могу его представить. Думал долго. Наверное, pošлю Ваше письмо ветеранам полка и попрошу вспомнить Мордвинкина. Может, кто из разведчиков знал и отца. Пошлю письмо в Москву писарю штаба полка, потом помощнику начальника штаба по учету людей. Попрошу, чтобы они мне и Вам ответили, если что будет новое.

Есть еще возможность написать тем, кто из штабной батареи попал в плен. Отдельные были. Например, повар Соломонов Александр Парфенович. С плена он вернулся слепым. Если он здоровствует, то может вспомнить. (660052 Красноярск, ул. К. Маркса, 141). Врач полка Шулятьев Александр Иванович (Кемеровская обл., г. Новокузнецк, Кирова, 23–а). Он тоже пережил пленение с некоторыми бойцами. Возможно, болеет. Но попытаться можно. Прошу писать с условием: не упоминать о плене и кто рекомендовал написать. Нужно просто писать, что «по имеющимся данным мой отец служил в артчасти, где до окружения воевали вы». И просить узнать, не встречался ли он до июля 42 года. В общем, если здоровье позволяет, то они могут дать сведения. Если я получу от своих однополчан, куда pošлю Ваше письмо, то я Вам сообщу новое, если будет.

Желаю Вам добра и здоровья, с ув. (подпись)

ВОЛОДЯ – БОРИС

Борис – Володе

17.07.83

Здравствуй, Володя!

Я нашел работу по душе, литературную. Меня пригласили в журнал «Молодость», в библиотечку журнала, которая выпустила моего «Ивана Болотникова». Он и помог. Старшим редактором. Деньги небольшие, 170 руб. плюс премиальные. Редактировать прозу. Пока хватит. Это изменило планы, придется ждать командировку в Одессу, или отпуска через год. Мама пока уехала в Астрахань, но скоро приедет. Будем делать ремонт. Занимаюсь следующим атаманом. На большее времени не хватает. Поначалу трудно привыкать к режимной работе. Хотя сейчас творческая загрузка меньше – своего рода отдых. Немного успокоился. Андрюша в Севастополе с мамой своей. Написал мне письмо. Звонил. Пишет: «Море меня встретило волнами». Я узнал о Танечке, через маму, от декана ее факультета. Очень ее расхваливал. Перешла на третий курс, активная, общественная. Идет ли это от общительности или тщеславия – не знаю.

(У Танечки был нервный срыв чуть раньше, – рассказывал позже мне ее муж Саша.)

Теперь отвечаю на твое письмо от 26 июня 1983 г.

На твой вопрос замечу, что писателю постоянно приходится вызывать свое озарение. Другое дело, что не всегда оно приходит. Но он не «дает душе лениться». А когда приходит вдохновение, у него получается удачнее произведение, чем без него.

Творчество, действительно, бывает в любой работе, только оно имеет меру от охотки, профессионализма, мастерства, виртуозности, до открытий и озарения. В газетах же, рассчитанных в основном для среднего человека, мало информированного и образованного, дается и среднее значение творчества (конечно, бывают исключения – и тогда газетный материал становится событием, так, например, писал, ушедший недавно из жизни, в «Правде» Орлов, хотя бы о Шостаковиче). Умеешь ли ты читать газетные материалы между строчек (знать о событии больше, чем там написано?)

До Ленинской библиотеки еще не добрался в связи с хлопотами по трудоустройству. Но доберусь.

О письме Шарабана, от 20.06.83 Письмо заинтересованного человека. Создается впечатление, что ты идешь по ложному следу: Замотаев был политруком штабной батареи – и не помнит человека с редким именем Африкан. «А, может, отец воевал во втором дивизионе», – надежда, но из какого дивизиона повар Соломонов, врач Шулятьев, Мордвинкин (которого помнит Шарабан, а Сливкина Африкана – не помнит)? Но все же, будем надеяться, что Шарабан расширит круг опрошенных. Просьба Шарабана об осторожности в отношении плена, как видишь, подтвердила мои предостережения...

В письме от Замотаева от 02.06.083 есть обнадеживающая фраза: «дивизия в июне–июле 1942 года вела бои под городом Белый». Может быть, обратиться в этот город, в военкомат, к следопытам, в музей боевой славы?

Вывод: сведения о Сливкине мы знаем неточно, при поисках не надо настаивать, что он служил разведчиком–артиллеристом при штабной батарее 17 гвардейской дивизии. Каждое слово приводит пока к людям, которые не помнят Сливкина Африкана.

(Неужели тогда люди молчали по той же причине, что и мать с отчимом, и Сливкины, потому что Африкан пропал без вести, и боялись навредить его сыну?)

Значит, каждое слово – под сомнением. Отправной пункт в поисках – последний адрес на восточке отца. Даже под сомнением то, где он призывался, раз военкомат пишет, что в списках призывавшихся... не числится.

Теперь на твои вопросы постараюсь ответить.

Серьезный интерес вызывают серьезная музыка и народные песни. Мелодии у меня постоянно в голове, а пою я всю жизнь песни и романсы, даже тихонько на улице для себя; история (взаимоотношения народов и правительств в нашей стране вплоть до сегодняшнего дня); театр (кажется, я и живу по своим сценариям); люди (их характеры и взаимоотношения).

С психологией почти не знаком, только житейски, хотя купил учебник, увлекался гороскопами (потом все собрал и выбросил в мусорный ящик), физиогномикой, хиромантией, психотерапией, знания, в основном, – из наблюдений и анализа поведения людей.

С философией знакомлюсь в основном с русской, приобрел за последние два года Киреевского, братьев Аксаковых, Федорова, Одоевского, Белинского, Карамзина, Салтыкова–Щедрина (ничего пока не читал толком). Все это связано с литературной критикой, кроме Федорова. Знакомился с Чаадаевым, Вл. Соловьевым, их посетил с пользой для себя. Составлена программа познакомиться с Н.О. Лосским, Н.А. Бердяевым, В.В. Розановым и др. Читал Аристотеля, Фрезера, Сенеку. (Списки потом расширились). Знаний по чистой философии практически нет, за что себя ругаю. Но такой склад – только прикладная философия в меня еще кое-как влезает. Так устроена память. Читаю Библию. Писал стихи на псалмы.

Например, такие два.

* * *

Счастлив, кто хлеб мог преломить,
Своими созданный руками,
Любимую жену сравнить
С плодоносящими лозами,
Родню на праздник пригласить,
Свой стол украсив сыновьями.

* * *

Кто, кто сегодня не порочен
И правильно ведет дела,
И правду высказать захочет?
Чье сердце истина зажгла?

Кто, кто сегодня не клеветет
И зла наивным не чинит,
И безбоязненно перечет

Тому, кто ближнего чернит?

Кто, кто отверженных не ранит
И славит преданный борцов,
И даже в малом не обманет
Ни праведных, ни подлецов?

Кто, кто услужит безвозмездно
И не слукавит на суде,
И поступить сумеет честно
И в наслажденьи, и в беде?..

Кто, кто? И где?

Читал литературу о здоровье. Сексопатология женщины, Мужчины после сорока, физиология и патология половых функций, Лечебные травы, Молодым супругам. Есть у меня Похлебкин, Тайны хорошей кухни, Книга о вкусной и здоровой пище, Краткая медицинская энциклопедия. Чай пью, тем не менее, безобразно: не всегда свежая варварским способом сделанная заварка, внакладку с вареньем, обязательно с бутербродом. Несколько раз пил в редакции чай, заваренный, вернее, приготовленный в кофеварке – и понял, каким он может быть вкусным, но сердце колотилось – бросил. Твой рецепт, грешен, потерял.

Мама о нашей затее знает в общих чертах, ровно столько, чтобы не осознать важность этого для тебя и для меня. Я стараюсь ей о замыслах не говорить – у нее плохой глаз, говорю только о результатах, да и то с опаской, что сглазит. Наверное, это – мнительность.

Письма перешлю в следующий раз.

Большой привет твоим. Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

31.07.83

Здравствуй, Боря!

Получил твое письмо от 17 июля и «Ивана Болотникова». Поздравляю с публикацией, оформлена хорошо. На фото весь твой характер. Еще не читал, только некоторые места. Много старых неизвестных слов – поэтому вопрос: почему нет сносок–разъяснений?

Очень огорчился, что твой приезд отменяется на неопределенный срок. Посылаю письмо дяди Саши, и двойное письмо от фронтовика (хочу знать твое мнение, чтобы сверить со своим). На два указанных адреса послал письма.

К своему понятию о творчестве я пришел не из газет и журналов, и даже не из книг. Я это понял практически, когда смог испытать радость творческую. А газетам я не очень доверяю, и даже многому не верю. Твое объяснение творчества вполне понятно, я полностью согласен. Могу только добавить – из всех наслаждений жизни, самое высшее наслаждение (удовлетворение, потребность, сладость и прочее) человек получает в творчестве, каково бы оно ни было, лишь бы был сам творческий процесс деятельности человека. Продукт творчества не может вызвать этого высшего наслаждения, только сам творческий процесс (когда творишь, тогда и живешь) дает жизнь человеку в том понимании, когда говорят – ты счастлив.

О письме Шарабан – это он переслал мое письмо Чемерису, который мне ответил – я считаю это первой удачей. Я писал Черемису ответ на его письмо, задавал вопросы – он ответил, тебе все переслал. Так же, как ты мне ответил о письме Шарабана, прошу ответить и о письмах Чемериса.

Дядя Саша регулярно отвечает на мои письма, а вот тетя Гутя почему-то упорно молчит, не могу понять, почему, не отвечает ни на одно мое письмо, а их было уже около пяти. Меня это беспокоит.

Меня интересует, зачем тебе хиромантия и гороскопы?..

«1. Нельзя изменить себя в желаемую сторону, не изучая себя постоянно.

2. Нельзя изучить себя, не пытаясь себя изменить.

3. Нельзя изучить себя, не изучая одновременно и с равной заинтересованностью других людей (хотя бы еще одного человека; но чем больше, тем лучше).

4. Нельзя изучить человека хорошо: таким путем человек не познаваем, потому что природа его противится изучению, как насилию; по-настоящему постичь человека можно, только помогая ему.

5. Ни себя, ни других нельзя изучить иначе как в деятельности и общении...»

Это я написал тебе выдержку из книги писателя и врача психотерапевта Владимира Леви «Искусство быть собой». Это, по-моему, интереснее гороскопа).

Что такое философия? Если перевести дословно – это любовь к мудрости, именно в этом плане я тебя и спрашивал. Я по философии, кроме учебника, ничего не читал, не скрою, читать трудно, но как интересно!

О здоровье ты только читал, а практически помогало это тебе?

И у меня есть Похлебкин. Все о чае. Пью чай по Похлебкину с 1975 года. Не жалею. Доволен. Советую всем. Веду, где могу, пропаганду о культуре чаепития, а у нас в стране ее практически нет. Зоя и Сергей пьют так же, как я. Мой тебе совет по поводу чая, никогда не пей неверно заваренный чай, может оказаться вредным для здоровья (в кофеварке получил «чифирь» – очень вреден для сердца). Кофе – наркотик, чай этим не

обладает, хотя содержит кофеина больше. Короткий рецепт, как заваривать (пить всегда только свежую заварку, ничем не разбавляя). Вода в чайнике залита из крана за сутки, чтобы вышла хлорка, и только свежая, а не уже кипяченая раз. Воду довести до кипения, но чтобы вода не бурлила хаотично, а только появился, как бы родничок, если открыть крышку и посмотреть (со временем, когда привыкнешь, можно определить по звуку кипящего чайника). Нагреть любым способом – (ополоснуть кипятком) фарфоровый пустой чайник, насыпать сухого чая (1 чайная ложка с верхом на стакан воды + 1 чайная ложка на чайник) и заливать только что вскипевшей водой (должна в это время образоваться пена, чем ее больше, тем лучше и правильной заварен чай). Накрывать салфеткой и ждать 15 минут (грузинский черный чай), 5 минут (индийский, цейлонский), 20 минут (зеленый чай) После этого лить в чашки из фарфора, пустые. С 1/5–1/6 от объема с молоком, со льдом. Сахара класть как можно меньше, а еще лучше без него.

Обнимаю, Вова.

Володя – Борису

11.08.83

Здравствуй, Боря!

Высылаю тебе письма Журавлева и Сенченко. Журавлев работал вместе с отцом. О Соловьеве второй раз упоминается, что он утонул подо льдом реки Виллой. Когда я матери тогда в первый раз об этом сказал, она очень сожалела о нем и говорила, что он был очень хороший человек, что Африк с ним дружил.

Прочитал твоего «Ивана Болотникова» – вещь неплохая, но, по-моему, малоемкая, для рядового читателя малоприспособна, специалисты могут оценить. Читается легко, правда есть иногда сбои, много слов, на которые обычно дают сноски, что они означают, в книге этого нет, а жаль. Ты писал, что я найду в ней ответы на свои вопросы – не нашел, но понял, что ты имел ввиду, – мне этого очень мало, и я уже знал.

Будь здоров. Обнимаю, Вова.

ОДНОПОЛЧАНЕ

Чемерис – Володе

15.07.83

Донецк

Уважаемый т. Рябов!

Получил Ваше письмо, в котором вы интересуетесь судьбой Африкана Васильевича Сливкина, Вашего отца.

Я очень хорошо знал Африкана Васильевича, и по совместной работе в конструкторском бюро Красноярского завода Главуглемаша, и по службе на фронтах Отечественной войны до лета 1942 года.

В конструкторском бюро он работал техником-конструктором. Я после окончания Донецкого политехнического института работал ведущим конструктором – это по современной должностной структуре – главным инженером проекта. Из нашего завода на фронт попали единицы. И Вы можете себе представить, какая это была радость – мы с Африканом встретились летом 1941 года под Молодым Тудом (сев. Оленики). Оказывается, он служил писарем-чертежником в штабе артиллерии 119-й, а позже 17-й гв. стр. дивизии. Я в то время был начальником штаба 2 дивизиона 349-го, а позже 26-го гвардейского артполка.

Африкан в полку не служил, поэтому товарищи с полка его не могли знать (я имею в виду Шарабана, Замотаева и др.).

В штабе артиллерии дивизии, где он служил, была небольшая группа людей, и круг общения Африкана замыкался на нескольких человеках.

А почему я часто с ним общался, сейчас напишу. Наш дивизион составлял артиллерийскую группу, которая в оперативном подчинении находилась непосредственно в штабе артиллерии дивизии.

Я же, как начальник штаба артиллерийской группы, почти каждый день бывал в штабе арт. дивизии, ну а по телефону разговаривал десятки раз на день. Вот мне и приходилось почти ежедневно встречаться с Африканом. Был он рядовой. Плохо устраивался в жизни, очень был тихий, скромный человек. Но работал на планшете отлично. Схемой плановых огней можно было залюбоваться. Ну, еще бы! Профессионал – чертежник.

Летом 1942 года наша дивизия попала в окружение. Израсходовав все боеприпасы, нам была дана команда: «Рассыпаться на мелкие группы и выходить из окружения».

Это было в районе Беганщины, сев. 6 км г. Белого. Из окружения вышли немногие.

После окружения я Африкана Васильевича больше не встречал.

Я думаю, что если он попал в плен, то в плену он не выдержал и нескольких дней. Он был худой, истощен и физически слаб.

Вот что я знаю о Вашем отце.

340049, г. Донецк, Олимпиева, 102, Чемерис Николай Тихонович.

Чемерис – Володе

24.07.83 Донецк

Уважаемый тов. Рябов!

Получил Ваше письмо. Попытаюсь ответить на поставленные вопросы.

Сенченко Р.И. служил вместе с вашим отцом в штабе артиллерии дивизии последних 2–3 месяца перед окружением. Это единственный человек, который живет и здравствует из состава штаба того времени. Его адрес: 352032, Киев, 32, ул. Льва Толстого, д. 25.

Из наших общих товарищей по конструкторскому бюро я поддерживаю связь только с Журавлевым Александром Михайловичем, который знал Вашего отца по работе. Его адрес: 140004, г. Люберцы, Московской обл., пос. Вуги, д. 5.

Шелепова не ищите. Его судьба аналогична с судьбой Вашего отца. Впрочем, точнее Вам может ответить Сенченко, это был его начальник.

О том, каков был порядок при выходе из окружения? Не спрашивайте. Никто никак ничем не командовал. Люди разбрелись, как овцы, и стали легкой добычей врага. Поэтому никого, и тем более Вашего отца, в разведку не посылали. Его знание немецкого языка никому не могло понадобиться. Разведка была проста: кругом немцы. А что касается начальства, то одни были убиты, другие пролезли через боевые порядки немцев к своим, третьи пропали без вести. А все это могло быть по-иному, если бы кто-то руководил огромной массой людей.

А.В. был снят (на фотографии), очевидно, за штурвалом проходческого комбайна ПК-1, который завод осваивал перед войной. Он работал в группе по освоению этого комбайна.

С тем, будьте здоровы!

Я уже Вам выше написал, что штаб артиллерии дивизии состоял из небольшой группы людей, а именно:

1. Командующий артиллерией дивизии Середин, из окружения вышел, но несколько лет тому назад умер в Москве.
2. Начальник штаба артиллерии Шелепов – из окружения не вышел.
3. Пом. начальника Сенченко Радион Игнатьевич – из окружения вышел, ныне проживает в Киеве.
4. Начальник связи Дунькович – ныне проживает в Красноярске.
5. Писарь-чертежник Сливкин, видимо, был вместе с Шелеповым.

Позже мне довелось служить и начальником штаба 26-го гв. арtpолка, и начальником штаба артиллерии 17-й гв. дивизии, и даже в штабе артиллерии 39-й армии. Закончив войну на Западе, нас перебросили на Восток, и там я дошел вместе с войсками до Порт-Артура.

А потом началась для меня сугубо мирная работа.

Почему Ваша фамилия – Рябов? У меня когда-то был знакомый в Одессе Рябов – директор нефтяного техникума (он давно умер).

Журавлев – Володе

06.08.83 Панки

Уважаемый Владимир Валентинович!

Письмо Ваше получил вчера. Попытался вспомнить прошлые годы, но они, вероятно, мало что скажут об отце.

На Красмаш – молодой неоперившийся завод угольного машиностроения я прибыл весной 1940 года. КБ занимало второй этаж административного здания. В огромной комнате размещались технологи и конструкторы, занимавшие северную половину. Людей было очень мало, всего человек 15 – 20. Начальник КБ был Покрышкин, его замом числился Соловьев (утонул в р. Вилюй). Конструкторов–стариков было 4 человека. Паклин (умер в 1981 году), Уральский С. (вернувшийся после ранения, вскоре уехал на Урал), Сливкин, Приходченко, Вивдич. Секретарем была Ася Новожилова (еще проживает в Красноярске). В 1940 году состав пополнился «зелеными» специалистами из Донецка, в том числе я, Федоров, Чемерис, Винницкий. Все получили столы и доски в ряду «стариков». Помнится, что Сливкин и Уральский работали над агрегатом Ломова (фронтальный комбайн на всю длину лавы). Паклин – над врубной универсальной машиной. В памяти остался интеллигентный вид опрятного, с насмешливой, но доброжелательной улыбкой Сливкина, угрюмый взгляд Уральского. Они – «старики» – были семейными, и поэтому мы, молодежь, дружеских отношений после работы с ними не имели. Я занимал комнату в квартире, где жил Уральский с женой, но общался в основном только с такими же, как сам, холостяками, а также с Паклиным, являвшимся проводником при экскурсиях по тайге. Год прошел незаметно – осваивались азы конструкторской работы. По окончании работы все расходились по своим очагам: семейные – к семье, холостяки – в столовую (внизу) и обычно ко мне, на преферанс, гитару, шахматы, ну, иногда и вино – бутылок в углу скопилось много. Пока супруга Уральского не убирала их. Дебошей не было.

В воскресенье 22 июня я услышал о начале войны в ресторане и сразу поехал на завод. В понедельник на работу не вышли два человека: Уральский и Сливкин, – вероятно, получили повестки. Остальные работали, ожидая их со дня на день. Затем ушли Чемерис, Винницкий. Потом стали прибывать главным образом в половину технологов – эвакуированные специалисты, а на старых, оставшихся, наложили бронь. Завод перешел в другое ведомство со всем наличным и пришлым персоналом и оборудованием. Никаких прощаний при уходе людей, естественно, не было. Я перешел в отдел главного механика, а после войны – опять в КБ, в 1949 году не уволился и не выехал на Запад. Через 25 лет, в 1975 году были с женой в Красноярске – хотелось побывать там, где прошли 10 лет начала жизни. Красноярск нельзя было узнать, завод – тем более. Встретили общих знакомых. Пообщались. С Асей Новожиловой (замужем, вероятно носит другую фамилию) перекинулись парой слов на ходу, она стояла на балконе дома напротив

завода, где всегда жила. Жили у Паклиных. Заходили к Вивдичу (Григорию) – он еще работал и, вероятно, жив. Он приехал в Красноярск на год–два раньше, чем я и, возможно, знает о Сливкине больше (адреса не нашел, его коттедж на берегу Енисея, мы нашли по словам Паклина и соседа, сами с трудом, не записав почтовый адрес). Остальные, прибывшие по эвакуации, стариков–аборигенов завода не знали. О судьбе товарищей – холостяков, ушедших на войну в первые дни и пропавших без вести, мне тоже ничего не известно. Чемерис, вернувшийся живым, живет в Донецке, очень болен. Его адрес: г. Донецк, Олимпиаева, 102, Чемерис Николай Тихонович.

О Сливкине он вряд ли помнит: в то время он имел жену и двоих малых ребят – забот хватало. Где проживает Уральский – не знаю. Вот и все, что имею Вам сообщить о прошлом, когда Ваш отец работал на Кросмаше.

Мне неизвестно, где он жил, с кем общался и т. п., то есть не известна личная жизнь. На работе же в том небольшом коллективе, куда я попал, у нас была очень дружеская атмосфера: никаких ссор, никаких дразг, кроме, естественно, споров о выгоде того или иного конструкторского решения, не было. Но на работе каждый был увлечен своим проектом, и по личным делам, как у женщин, разговоров обычно не заводили, тем более я – нелюдим. Знаю, что квалификацию «стариков» Соловьев – весьма грамотный инженер – ставил высоко и доверял их решениям вполне.

Адрес Вивдича, возможно, может сообщить вдова Паклина – Свентицкая Галина Сигизмундовна, проживающая по адресу: 660014, г. Красноярск, пр. Красноярский рабочий, д. 48.

Приблизительный адрес Вивдич Григория ... 660014, г. Красноярск, Парковая, д. 4.

Извините за мазню. Всего вам доброго, с уважением (подпись)

P.S.

К сожалению, никаких фотографий сотрудников того периода, который Вас интересует, у меня не имеется.

Сенченко – Володе

09.08.83

Уважаемый Владимир Валентинович, здравствуйте!

Шлю Вам пламенный привет и чувство признательности за Вашу сыновнюю любовь и благородство души. Очень радостно и трогательно осознавать эти качества. Думаю, что и мать, и принявший на себя обязанности отчима и отца Рябов – люди благородные, и сумели воспитать в сыне любовь к окружающему миру, к близким и друзьям, а значит, и к нашей великой Родине.

Сливкин стоит у меня и сейчас перед глазами. Действительно, по роду службы, мне приходилось давать задания ефрейтору Сливкину на вычерчивание разведсхем и оформление других документов.

(То что Сливкина называет ефрейтором – более правдоподобно для такой работы с планшетом.)

Было это в мае–июне 1942 года. 3 июля фашисты, при многократном превосходстве в живой силе, массовом применении танков и авиации, перешли в наступление. Это были неравные бои. На каждого пехотинца шло в первом эшелоне 3–4, а местами – и более немцев. Каждое наше артиллерийское орудие атаковано 10–12 танками противника. К 6 июля противнику удалось расчлнить наши боевые порядки, а затем замкнуть кольцо окружения по тракту Белый – Оленино в районе д. Нестерово. В памяти стерлись некоторые детали, в том числе и последняя встреча со Сливкиным. Во второй половине дня 6 июля в лесу, севернее Заньково был организован сбор подразделений для выхода из окружения. Где-то в 15 – 16 часов я встретил Вашего отца, и с ним был еще один солдат, фамилию точно не помню (кажется, Смирнов) В 2 часа ночи мы начали выход из окружения, через болотные массивы, южнее д. Нестерово. Выход был очень трудным, вначале по кочкам, а на последнем участке – вброд глубиной до 1,5 метра. Выходившим удалось скрытно подойти к шоссе, на котором сидели немцы, забросать их гранатами, прорвать оборону, уничтожить несколько танков и вырваться из кольца. Из многочисленного отряда 1600 с лишним потери от огня противника были незначительны, несколько человек утонули в болоте, были и такие, которые не поверили в возможность выхода из окружения. Я, как начальник разведки, возглавлял группу артиллеристов первого эшелона, вместе с тремя офицерами мы выносили через болото нашего командира полка. Если память мне не изменяет, то Африкан Васильевич вместе с другими солдатами шел слева сзади в 14–16 шагах, они должны были обеспечить выход начальника политотдела Буракова. За 50–60 метров до шоссе Бураков был ранен. Вполне возможно, что в глубокой тогда трясине (сейчас этой речушки и болота на местности нет), мог погибнуть и Африкан Васильевич. Вырвавшись из кольца окружения, измученные 5–дневными боями, голодные, испытывавшие страшную жажду, люди вытягивались в цепочку и по непролазным болотам и чащобам пробивались к деревне Петрушино, где были встречены своими и подверглись учету. На второй или третий день (за точность не отвечаю, но какой-то разговор звенит и сегодня в ушах) мне сообщили, что Сливкин пропал без вести. Так ли это – утверждать не могу. В боях за город Белый погибло свыше 30 тысяч человек.

В июне 1982 года я участвовал во встрече ветеранов в г. Белом и в лесу, по которому мы выходили из окружения, в 50–60 метрах от шоссе Белый – Оленино, наши товарищи обнаружили каски и останки погибших. Тогда до меня дошло, до сознания, сущность формулировки «Без вести пропавший». Через 41 год после событий трудно предположить и утверждать детали

гибели Африкана Васильевича, но те два месяца, а точнее 8–10 встреч (я был на передовой, а он при штабе) дают мне право утверждать, что он был мужественным бойцом и выполнял служебный долг, как положено, хотя в штыковую атаку не ходил. Поскольку мне на третий день после выхода из окружения пришлось с группой бойцов идти на задание через линию фронта, и операция эта заняла 7 дней, то предыдущие события для меня в те дни уже отошли на задний план. Так сгладилась из памяти острота выхода из окружения и связанные с ним потери.

Учетом личного состава в 26-м гвардейском артиллерийском полку ведал Пожилов Иван Артемович. Нынешний его адрес: 123436, Москва, Первый Волоколамский проезд, 7. Было бы целесообразно побывать в Бельском военкомате и в местах выхода из окружения летом 1942 года. Не могу утверждать, где служил в те дни Сливкин (в 26-м гв. артполку или при штабе артиллерии дивизии), так как, по долгу службы, я постоянно встречался с разведчиками полка и штаба артиллерии. Прошу простить меня за долгое молчание, чтобы вспомнить изложенное, пришлось поломать голову несколько ночей. С уважением к Вам (подпись) Нис.

(Это Сенченко Родион Иванович.)

Если найдете нужным, пишите, заезжайте.

ВОЛОДЯ – БОРИС

Борис - Володе

15.08.83

(Не отправлено)

Здравствуй, Володя!

У меня сейчас ремонт, все запаковано, поэтому не могу подробно отвечать на твои письма. И так будет месяц.

Твоя оценка моей пьесы меня насторожила. Видимо, в плохом настроении человек раскрывается больше. Мне казалось, что твои треволнения, в том числе, и с конфликтом на работе, из-за того, что ты попал «в ножницы». Голова и душа претендуют на большее, в силу их способностей, чем дает жизнь, в силу сложившихся обстоятельств. И ты выглядишь заносчивым, с претензиями. А кому это понравится? Откуда тебе, дорогой, известно, что пьеса эта «для рядового читателя малопригодна»? А ты – рядовой читатель? И как ты определил, что «ее специалисты могут оценить»? Ты, что, специалист? Или выше специалистов? Но судя по тому,

что нашел «сбивы», сдаётся мне, что неправильно ставишь ударения в русских словах. Так читал мой неграмотный дядя Саша. А машинистка обрелась, киоскер прочитала, еще не получив книгу для продажи, и услышала «напевность». Что касается сносок – жаль, что мы не знаем родного языка, которым говорят наши бабки. И «малоемкость» пьесы – от нашей (автора и читателя) малоемкости души и разума. Кстати, пьеса сокращена в два раза. Борис.

Борис – Володе

08.09.83

Здравствуй, Володя!

Выкроил несколько часов, чтобы ответить тебе на пять писем. Ремонт, как погром, отнимает все: силы, время, деньги. А еще и конь не валялся.

Письмо дяди Саши от 28.06.83

«Если бы он имел высшее образование, он был бы великим писателем», – пишет дядя Саша о плотнике–рассказчике. А я подумал, что и дядя Саша мог бы стать писателем, пусть не великим, но самобытным, если бы имел литературную подготовку. Жду, когда его рассказ дойдет до времени осознанной жизни твоего отца, его поступков, биографических эпизодов. Но торопить дядю Сашу не надо – а то так и не узнаем самого главного: как складывалась его нравственность в этой семье, почему он стал именно таким, каким вырос, и что заложило от этого в тебе (по генам передалось).

Письмо фронтовика Чемериса от 24.07.83 из Донецка.

Как важно сравнить мнение Чемериса и того начальника разведки – о выходе из окружения. Вообще, я почти ни одному слову штабиста этого не могу верить, потому что все, что он говорит, – штампы военной мемуарной литературы, придуманной журналистами – литобработчиками военных воспоминаний участников боев. Причем, самое досадное, – ветераны войны потом уже говорят с чужого голоса и чуть ли ни верят в это крикливое, воинственное словоблудие. Чемерис более искренен, хоть и раздражителен и угрюм: «Не спрашивайте. Никто никем и ничем не командовал», – человек обижен и разочарован на всю жизнь. Обрати внимание на его слова: «Поэтому никого, и тем более Вашего отца, в разведку не посылали». Они говорят о многом. (Кстати, не противоречат и письму начальника разведки). Я склонен верить, что известная нам версия, что Африкан пошел в разведку (на задание) и не вернулся, – мыльный пузырь вот таких словоблудов (или органов), которые уже тогда таким языком отвечали семьям погибших или пропавших без вести.

Письмо Чемериса от 15.07.83.

«Из нашего завода на фронт попали единицы», – пишет Чемерис, а ведь у него, да и твоего отца, должность была не рядовая (заметь, автор не выпячивает этого, не кричит о патриотизме и героизме). О чем это говорит? Вряд ли, о знании немецкого языка, или о нужде в военных инженерных специалистах, судя по должности отца в армии – чертежник (а может, секретная должность?). Это говорит, скорее, об их порядочности, не прятались, не умели, да и не хотели прятаться за спины других и прикрываться высокими должностями от смертельной опасности.

Володя, советую тебе приобрести карту и отмечать все пункты, где был отец, со слов сослуживцев и по официальным документам. У тебя составитя схема его военных дорог. Будет возможность проверить разночтения (люди могут врать или путать! – сколько лет прошло? – места встреч с отцом. Можно будет и узнать, где дорога оборвалась, – и туда поехать, вдруг хоть братскую могилу найдешь. Выписать надо и послужной список отца – где, когда и кем служил на войне.

Вот Чемерис пишет: Африкан служил писарем-чертежником в штабе артиллерии 119-й, а позже 17-й гвардейской дивизии, а в полку не служил. Совпадает с нашими сведениями. А иные могут сказать другое. «Был он рядовой. Плохо устраивался в жизни, очень был тихий, скромный человек. Но работал (на планшетке) отлично», – вот и твой портрет, дружище. Яблоко от яблони недалеко падает. По словам Чемериса, Сливкин попал в окружение в районе Беганщины сев. 6 км г. Белого (см. на карте). Фраза Чемериса: «Я думаю, что если даже он попал в плен, то в плену он не выдержал и нескольких дней. Он был худой, истощен и физически слаб», – не означает, что Африкан Васильевич мог «расколоться» или предать, он просто мог умереть от мук. По крайней мере, это следует из письма. (А может, все выдумки).

Что ответил тебе Дунькович из Красноярска?

Что ты ответил на вопрос Чемериса: родственник ли отчима директор нефтяного техникума Рябов?

Я случайно начал перечитывать письма Чемериса не по порядку их отправления тебе, и это натолкнуло меня на мысль, что его первое письмо мягче, а второе – суше, раздраженнее, в нем он замкнулся, хотя и дал практические советы для поиска Сливкина.

Все же, думается, через Сенченко можно попытаться поискать Шелепова, хотя тебе это не советуют.

Письмо от 31.07.83. Думается, что тетя Гутя «упорно молчит» потому, что не хочет говорить правду, жалея тебя, может быть, даже не об известии об отце, а о конфликте с твоей мамой. Хотя, видимо, она получала документы об отце и пыталась его искать. Мой совет – не беспокоить ее больше вопросами о том, почему она не пишет, а продолжать писать ей хоть изредка письма о себе и успехах или неудачах в поисках отца (как информацию), без

вопросов непосредственно к ней. Только так можно наладить взаимный контакт. И может, она просто болеет.

О хиромантии. Когда-то и генетика считалась ересью и лженаукой. Немалый опыт наблюдений человечества за взаимосвязью характера человека – и его черт лица, особенностей руки – и времени его рождения запечатлен в хиромантии, физиогномике, гороскопах. Например, у музыкантов кисть руки тонкая. Кстати, приведенная цитата из Леви не противоречит выбору способов изучения людей. Его книга «Искусство быть собой» – интересна, но не исчерпывающая и не безупречная, как и в отдельности, гороскопы и т.д.

Письмо Журавлева от 06.08.83. Мало говорит о Сливкине, но и эти сведения нам дороги. Вызывает уважение то, что Журавлев приезжал в город своей юности, Красноярск.

Написал ли ты Вивдовичу?

Может быть, написать письмо секретарю Асе Новожиловой. Направить его в отдел кадров Красмаша с просьбой передать его ей. Секретарь много знает о сотрудниках, и сплетен тоже – таков характер их работы.

Письмо Сенченко. Как уже писал выше, письмо считаю не искренним, хвастливым (подчеркивает свое геройство – выносили из окружения командира полка – за этот поступок положена высокая награда), клишированным из мемуарной военной литературы. Как видишь, неуместно, выглядит его «радость» за благородство отчима и матери, воспитавших тебя таким сознательным. Вот бы только забыть тайну о Сливкине, да не забудешь. У него Африкан Васильевич – уже не рядовой, как у Чемериса, а ефрейтор в мае–июне 1942 года. Но думаю, здесь он прав. Найди на карте деревню Нестерово на линии Белый–Оленино, деревню Заньково. За точность («15 – 16 градусов»), когда он встретил Сливкина, ручаться нельзя. Это придумано для эффекта. Видимо, Африкан Васильевич был не со Смирновым, а Шелеповым, о чем писал Чемерис. А уж то, как удалось забросать фашистов гранатами и уничтожить несколько танков (такой героизм!), – вообще хвастливое вранье. Если учесть, что, по его словам, в боях за Белый погибло свыше 30 тысяч человек. Чемерис пишет, что Сливкин в полку не служил; как же тогда, если верить начальнику разведки, он мог идти рядом с ним «в 14–16 шагах» (опять эффект!) от начальника разведки, спасающего командира полка? Это – красивая легенда, по его мнению, должна утешить сына и влить в него гордость за отца–героя – Сливкин должен был «обеспечить выход начальника политотдела Буракова» (полка?) – разве не геройский поступок? И трясина (антураж!), где, по его мнению, мог погибнуть Сливкин 6 июля 1942 года за 50–60 м до шоссе, не «высушена», а не существовала, раз ее сейчас нет.

(Но и жаль этого однополчанина. Он также зомбирован идеологией и ложью ради нее в то время.)

(Был на войне, убил хотя бы одного врага – уже геройство, и подсочинять ничего не нужно). Есть только журналистские красоты, типа: «голодные, испытавшие страшную нужду, люди вытягивались в ниточку по непролазным болотам и чащобам, пробирались к деревне Петрушино». Правда может быть лишь в том, что вышедшие из окружения «подверглись учету» (и то, это мягко сказано). В общем, это – треп «звенит» у него в ушах до сих пор. Сходится лишь одно: и он, и Чемерис считают, что Сливкин «пропал без вести».

Написал ли ты Пожилову Ивану Артемовичу, который занимался учетом личного состава в 26-м гвардейском арт. полку (хотя Чемерис утверждает, что Сливкин в этом полку не служил, – и об этом Пожилову писать не надо)?

Ведь начальник разведки сам признается, что не уверен, где видел Сливкина – в полку или при штабе артиллерии дивизии. (Точно не знает, а «видел» в 14–16 шагах от себя в попавшем в окружение полку?)

Написал ли ты в Бельский военкомат, в местный музей боевой славы?

Немного о себе. Работа у меня сейчас интересная, на первых порах трудновато. Жалко, что уходит заведующий – хороший приятель (познакомил нас «Иван Болотников»). Кто придет?! Будут командировки. Постараюсь выбраться к тебе. Но только после ремонта. Большой привет твоему семейству. От моей мамы тебе привет и наилучшие пожелания. Как у тебя работа?

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

15.09.83

Здравствуй, Боря!

За работу твою рад, что попал в свою стихию. По-моему, она дает тебе большую пользу, критиковать тоже надо уметь. Виртуоз-исполнитель иногда даже лучше понимает музыку композитора, чем сам композитор, это отмечали сами композиторы, послушав этих виртуозов. На этой работе набирайся опыта, как не надо писать. Ты должен научиться с первых строк почувствовать сразу все произведение. О сбивах... Человек читающий не должен специально искать, как поставить ударение, чтоб не было их (сбивов).

Я считаю это недостатком, искусственностью – уход от естественности. Напиши несколько слов из статьи Евпатова.

Никак не думал, что ты почувствуешь мое нутро, напиши показавшиеся тебе не моими слова, которые дали повод тебе так подумать – я никак не могу вспомнить, чтобы у меня было в то время плохое настроение.

Как мои дела? Лучше о них не думать. Дом продать не могу, значит, не могу отдать долги, из-за которых, наверно, совсем рассорюсь с родственниками, ведь деньги сейчас – главное мерило жизни у людей, ниже совести. А тех, кто выше совести, почти нет. Нужна встреча, чтобы наговориться друг о друге.

Письмо дяди Саши – очень боюсь, что он больше ничего не напишет, почему-то все из Сибири перестали мне писать. Написал ему очень осторожное письмо на днях, если он на него не ответит, мое чувство оправдается.

Сенченко Родиону Ивановичу, начальнику разведки, я ответил, жду от него письма. Я написал ему о Шелепове.

Письмо Сенченко. Здорово ты его разбомбил, я, с этой точки зрения, не мог знать, твоя профессия тебе помогла, ты снял у меня сомнения – хоть я все равно ему не поверил, что отец утонул в болоте.

Письмо Чемериса. Мне тоже оно больше понравилось. По карте я пробовал смотреть, но слишком мелки пункты, и они не обозначены на карте, а другую карту едва ли достанешь. Есть еще такой фактор – все, что относится к отцу, у меня остается в голове навсегда, много я об этом думаю, перебираю всякие варианты, основная информация всегда при мне.

Адреса Дуньковича у меня не было, я не знаю, как его узнать.

Я ответил, что знакомый ему Рябов – однофамилец, неужели это его разочаровало? А мысль о том, что это – тот Рябов, заставила его написать первое письмо? Выходит, мой отчим мне помог получить это письмо. Кстати, ты почему-то о нем совсем забыл. Ни одного вопроса о Рябове больше не было.

Тетя Гутя молчит. Я ей еще раз на днях написал именно так, как ты советуешь, хотя твой совет немного запоздал.

И все-таки хиромантия, физиогномика, а тем более, гороскоп – чистая выдумка (поговорим как-нибудь позже).

Дополнение о чае. В чайник, например, входит три стакана воды – значит, $3+1=4$ чайных ложки чая – независимо от объема чайника на сам чайник добавляется 1 чайная ложка. Но все это – средняя норма, а я бы сказал, минимальная, это примерно 20 – 30 грамм на 1 литр. В Англии норма 45 грамм на 1 литр. В Тибете – еще больше – 50 грамм на стакан воды. В России была и есть сейчас, я бы не назвал нормой, скорее, это ненормально – 4 грамма на 1 литр. Это не чай, а подкрашенная водичка.

«Я должен был выпивать много чая, чтобы работать. От чая освобождались те возможности, которые дремали в глубине моей души». (Л.Н. Толстой). Прочитай статью в «Науке и жизнь» 1983, № 7, с. 104. – обязательно! Это одна из последних статей о чае, которые я читал.

Написал жене Паклина, жду ответ. Я просил жену Паклина дать мне адрес Вивдича и Аси Новожиловой.

От Пожилова ответа еще не получил, а в г. Белый как писать, не могу придумать – что просить?

Если приятель по «Ивану Болотникову» пошел выше, не жалея...
Жду твоей командировки.

Обнимаю, Вова.
Большой привет маме!

Борис – Володе
18.09.83

Здравствуй, Володя!

Наконец-то, посмотрел для тебя в Ленинской библиотеке книги. Их ты можешь, как я тебе говорил, через городскую библиотеку заказать из Москвы через МБА (по межбиблиотечному абонементу).

1. Сенкевич Иван Петрович, Дорога памяти. (110-я Красноярская стрелковая дивизия), Красноярск, 1969. Индексы: Б 69–35/118, Д 391/21

2. Сенкевич Иван Петрович. Красноярская гвардейская (17-я стрелковая дивизия), Красноярск, 1973. Б 73–29/493, Д 624/398

3. Аристов Иван Дмитриевич. Годы испытаний. Записки офицера. Днепропетровск, 1973. Б 73–34/211. Д 626/232

4. Аристов Иван Дмитриевич. Дорогами побед. Записки офицера. Днепропетровск. 1970. Б 70—61/119, Д 757/425

5. Аристов Иван Дмитриевич. Фронтowymi дорогами. Из записок офицера, Днепропетровск, 1968, Б68–45/295, Д 592/397.

6. Я посмотрел эти книги. Аристов пишет о другом, повторяя одно и то же. Интерес представляет книга Сенкевича И.П. Красноярская гвардейская, Красноярск, 1973 г. (уточняя книгу 1969 г.) Вот выдержки из нее.

«Автор благодарит своих боевых товарищей, которые помогли создавать эту книгу: бывшего командира дивизии А.П. Квашнина, комиссара Д.И. Шершина, помощника начальника штаба Н.В. Богомолова, комиссара полка А.Н. Шарабана».

Есть на с. 74 схема боевых действий 119-й СД с 5.12.41 по 2.7.42 под г. Белый.

17 марта 1942 года приказ № 78 Народного комиссара обороны о переименовании 119-й стрелковой дивизии в 17-ю гвардейскую. С июня 1942 года командиром стал С.П. Горбунов – убит в окружении 2 июля 1942 года.

С. 97. – У станции Солодилово связь штаба дивизии с полками была потеряна. Полки были разделены не только расстоянием, но и «клиньями» прорвавшихся гитлеровцев. К 5 июля артиллерия дивизии была почти вся разбита. Не было снарядов и мин. «С изнурительными боями, через леса и непроходимые болота, части дивизии вырвались из вражеского кольца и заняли оборону в районе Петрушина Лба. Было вынесено и гвардейское знамя». Выбирались на шоссе Белый–Оленино.

С. 107. – Повар Соломонов в июле 1942 года во время окружения попал в плен тяжело раненым и контуженным. Лагерь на станции Оленино немцы назвали «отборным пунктом» – пустой квадрат, обнесенный колючей проволокой, где под открытым небом жили, вернее, умирали сотни людей. Дождливая осень 42-го и суп из древесных опилок делали свое дело. Из сотни выжили единицы. Выживших угоняли в Германию. Александр Парфенович Соломонов, ослепший, вернулся после войны, не признавался, что был в плену. Жив до 1972 года.

С.118. – Соломонов решил остаться «для родных без вести пропавшим. Ведь он был им столько лет! Так зачем же беречь старую рану?» Только одному человеку в новосибирской больнице рассказал – и его нашла жена в Доме слепых. Услышал в 1970 году – по Красноярскому телевидению выступали бывшие воины 17-й гвардейской дивизии, пришел в студию, рассказал о себе, а раньше даже не говорил, что воевал.

(Так народ был запуган репрессиями против без вести пропавших.)

С. 113. – В г. Белый есть Братская могила героев, павших за освобождение города.

С. 114. – 13 июля 1942 года дивизию вывели во второй эшелон. Сенкевич в это время был назначен комиссаром 52-го гвардейского стрелкового полка.

С. 115–116. – В 1972 году был жив почтальон 119-й дивизии, сын полка Александр Попов. Он многих знал. Работал в отделах, возил штабное имущество дивизии, потом стал сапером. Вышел из окружения. Вернулся (с. 112) в родные Кашенцы, работал почтальоном (около г. Белого).

С. 117. – До 1972 года (дата подписания книги в печать) жив был заслуженный художник РСФСР Виталий Сергеевич Рогаль. Многих рисовал, служил в дивизии пулеметчиком, потом разведчиком, устраивал в Красноярске выставку фронтовых работ.

(Мог Сливкина рисовать – хотя бы за броское имя Африкан.)

В Абакане до 1972 года жил (может быть, и сейчас там) бывший помощник начальника штаба дивизии А.Н. Соколов.

В Абаканском пединституте работал (до 1972 года) преподавателем бывший начальник штаба Николай Онуфриевич Максимов.

Есть в Красноярске комитет ветеранов 17-й дивизии (ты туда, кажется, обращался). В школе № 10 Красноярска создан уголок боевой славы 17-й гвардейской (туда ты тоже, вроде, обращался). В школе № 11 создана комната истории 17-й гвардейской дивизии, в ней бывший начальник артиллерии А.Ф. Середин проводил (до 1972 года) уроки боевой славы.

Вот и все, что важно и что я законспектировал.

Ремонт мой продолжается. Надоел, а дел еще полно. Меня же спроваживают в командировку, и никак не могу отвертеться, ремонт для них – причина неуважительная. Мама побаливает, нервничает из-за ремонта, устает. В Астрахани мой товарищ написал рецензию на мою книгу в газету «Волга». Вот и все мои новости.

Как ты поживаешь? Что у тебя хорошего? Как семья? Большой привет от моей мамы.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

23.10.83

Здравствуй, Боря!

Получил ли ты мой ответ на твое письмо от 13.04.83?

Теперь мой ответ на письмо от 18.09.83.

Прочитав твои выдержки из книги Сенькевича, я считаю, для меня этого достаточно – это, во-первых. А во-вторых, Африк вышел из окружения – это сказала моя мать (мне удалось с ней кратко переговорить, она была в Одессе).

Она вспомнила один эпизод из последних писем его, где он писал, что, когда выходил из окружения, он ехал на машине, в которую попал снаряд, – все погибли, он остался жив, и написал, что был на волоске от смерти. Далее, в другом письме он писал, что не спрашивает ее разрешения, так как нет времени, и уходит в разведку – это было уже после окружения, через несколько дней. Последнее письмо, которое было от него, мать не получила, получила его Магрефа – жена брата матери – они жили вместе в то время. Узнав о письме, мать прибежала к ней, а она не смогла его найти (или не захотела?). Больше писем не было. Мать ходила в военкомат, сделали запрос, пришел ответ, что ушел на задание, а с задания не вернулся.

Все письма Африка, а писал он почти каждую неделю, мать хранила, будучи уже женой Рябова.

(А моя мама не получала писем от отца с фронта? И где они? Только сказала, что писал редко. Ведь письма летчика она хранила раньше, пока отец, в день «свадьбы» их не порвал.)

Но связка писем пропала, и мать не знает, кто взял – может, Рябов, а может, ее сестра, которая тогда жила с ней вместе. Еще мать сказала, что Рябов все фото Африка уничтожил. Вот все, что я смог узнать от матери.

Послаю тебе письмо дяди Саши и письмо Пожилова. На все другие письма ответа не было.

Дела мои с домом дрянь, но я думаю, с его потерей я беднее не стану, лишусь только денежных знаков. На работе без изменений – борьба с дураком продолжается, только не знаю, насколько меня хватит – солдат воюет против генералов, а солдат всегда физически сильнее. Ненависть и злоба мои растут.

Будь здоров. Обнимаю, Вова.

Пожилов – Володе

21.09.83

Уважаемый Владимир Валентинович!

Сообщаю, что до 1944 года я служил в 26-м гв. арtpолку. Вашего отца Сливкина А.В., а также упомянутых Вами Шелепова и Мордвинкина, я не помню.

О Вашем поиске мне сообщил из Киева А.Н. Шарабан; его запрос я переслал в Донецк Н.Т. Чемерису для ответа Вам.

Думаю, что свои данные Н.Т. Чемерис сообщил Вам или А.Н. Шарабану.

С уважением Пожилов (подпись).

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Наши поиски закрутились не на шутку. Жду с нетерпением ответов на твои письма от однополчан твоего отца.

А у меня был дерзкий шаг. Я послал свою книгу с драматической поэмой известному композитору Гаврилину. Я, кажется, тебе говорил, что когда ее писал, то слышал оперу. С просьбой написать оперу о народном герое, подобную «Ивану Сусанину», я и обратился к композитору. Вот что он мне ответил.

«Уважаемый Борис Константинович!

Большое Вам спасибо за книгу. Еще не прочел, так как только на днях вернулся в Ленинград. Насчет музыки сказать что-либо трудно, так как время мое расписано до конца 1987 года. Что и как сложится дальше – не знаю, да и каков я сам буду к тому времени – не угадаешь. Вы поэт, и меня поймете.

Еще раз благодарю за посылку. Желаю Вам всего самого доброго.

С уважением, В. Гаврилин.

13/X 83 г.

Ленинград».

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

04.11.83

Здравствуй, Боря!

Высылаю тебе ответ, который мне дали в военкомате.

Прочитав его, ты убедишься, что это повторение. Мне не повезло, мою просьбу выполнили не так, как я просил. Я просил сделать запрос в Новосибирск, а запросили ЦАМО. Второй раз просить я там не могу и в данный момент не знаю, что делать дальше. Может быть, ты что-нибудь придумаешь.

Будь здоров. Обнимаю, Вова.

Повторный ответ из архива Минобороны СССР

**Центральный
Архив
Министерства обороны
СССР**

12 октября 1983 г.

№ 9 /391856

142100, г. Подольск,

Моск. обл.

**Ленинскому райвоенкомату
г. Одессы
на № 4/1801 от 09.09.83 г.**

По документам учета безвозвратных потерь сержантов и солдат Советской Армии установлено, что рядовой Сливкин Африкан Васильевич, 1914 г. рождения уроженец Новосибирской области с. Колывань, призван в СА Таджикским РВК, пропал без вести в августе 1941 г.

Сестра – Сливкина Ефр. Вас. Проживала: г. Новосибирск, ул. Свободы, 33

Учтен в 1947 г. по материалу РВК г. Новосибирска

Основание: ЦАМО, донесение № 35202 с 1947 г.

Примечание: год рождения так в документе
Документов 17 гв. сд (ппс 493) за 1941 г. на хранении в ЦАМО СССР нет,
поэтому уточнить его судьбу не представляется возможным.

Просим уточнить, относятся ли данные сведения к разыскиваемому лицу.

В положительном случае просим выдать извещение, предварительно
проверив, не вручалось ли оно семье ранее, если вручалось – просим выдать
дубликат. В отрицательном – просим оформить материал на розыск в соответствии
с директивой Генерального штаба ВС СССР 1977 г. № ДГШ–1.

При необходимости внесения изменений в учетные данные просим
представить в ЦАМО СССР материал (справку о призыве, копию свидетельства о
рождении, браке, заверенные нотариусом) с Вашим личным заключением.

Печать.

Начальник отдела (подпись) Алексеев

Исп. Новичихина

пз ф–121а

Володя – Борису

20.11.83

Здравствуй, Боря!

Посылаю тебе два письма моих дядей.

Переснял из альбома некоторые фото Африкана (они у меня
приклеены), получились маловаты, но рассмотреть можно. Фото, где
Африкан один с матерью, я увидел тогда в 1970 году, когда приезжал в
Одессу на несколько дней. За углепроходческим комбайном сидит Африкан.
На этих фото есть и я тех лет. На фото – г. Красноярск 11–II–40 г., слева от
матери – ее брат Виктор, я – на ее руках. На фото, справа от этой, – Африк
с двумя друзьями.

Я работаю с 1 ноября в другом цехе, вырваться из этого цеха помог зам.
главного инженера завода, который очень хорошо ко мне относится. Сейчас я
стал регулировщиком на производстве проигрывателей «Электроника ЭП–
060–Стерео». Условия работы намного лучше, и главное – интереснее, и мне
по душе.

Как твои дела? Что-то ты молчишь?

Будь здоров!

Обнимаю, Володя.

ПИСЬМА ДЯДИ САШИ

Дядя Саша - Володе

12.10.83

Белово

Здравствуй, Володя, привет Зое и Сереже.

Итак, начала отступление белая армия. Я даже не знаю, как долго она отступала. Железная дорога не могла всех перевезти. Обозы шли на конях рядом с железной дорогой и другими объездами, по деревням и городам. Таким образом, и через Колывань ехали день и ночь. Мы жили на Московской улице. Через нее проходил Московский тракт, от железной дороги он сворачивал от станции Чик и прямо – к нам в Колывань через несколько деревень. Наш дом был видный, один – двухэтажный. К нам заезжали больше офицерство, с ними – важные персоны: дворяне, чиновники или богатые купцы, фабриканты, профессора. Был и композитор Александров со своей семьей. Сын его – Борис. Он был со мной по росту одинаковым, по годам – не знаю. Мы с ним сдружились и играли вместе. Они прожили с неделю или даже больше. Потом они поехали дальше. А мать старушка, бабушка Бориса осталась у нас, и прожила у нас чуть ли не два года. Хорошая старушка, мы ее очень любили, как родную. Сын ее вызвал к себе, и она уехала.

С белыми отступал и Шаляпин. В Колыванском театре он сделал концерт. Я был на том концерте. Но я ничего не заметил, в чем он знаменит, а разговору было много.

На станциях скопилось очень много народу, и вспыхнула эпидемия тифа. Народу погибло больше, чем в боях, на станциях на путях валялись горы трупов. Заразили и нас. У нас заболели сразу все, не болели только я и отец. Нам с ним досталось ухаживать за всеми. У Ефросиньи были длинные волосы, их остригли под машинку. Некоторые стали выздоравливать. Тогда я заболел. Я болел очень сильно, тяжело, часто был в бреду, думали, что я умру. Но я выжил. Отец один так и не заболел.

Наступило лето. Пришли красные. И шли они только одни сутки. Было чудно и непонятно: такая небольшая кучка людей, а гнала такую большую армию. После этого как будто все затихло. Все стали заниматься своим делом, лавочники стали открывать свои магазины, кустари – своей работой, мельники – своей мельницей, крестьяне – сеять хлеб. Дети пошли в школы, и там даже участвовали попы. В церквях служили молебны. Газеты были все советские – «Правда», «Известия»... Там много было написано о политике, в которой я абсолютно ничего не понимал. Появились новые деньги, но и царские еще ходили, только керенские никто не принимал.

Приходит как-то Федор Сливкин, племянник отца (который нашел ему невесту) и говорит: дядя Вася, у тебя еще много царских денег? - Да есть, – отвечает отец.

Пропадут они у тебя, говорит Федор, поедem по деревням, скупим скот, пригоним сюда, и на советские деньги продадим.

Так и сделали. Наняли несколько человек и поехали скупать скот. Это у них быстро получилось: на царские деньги люди охотно продавали. И они приобрели около двух сот голов и пригнали в Колывань. А возле Колывани

был большой выгон для колыванского скота. Там и пасли этот скот и помаленьку продавали на колыванском базаре на советские деньги. Так и продали весь скот. У отца появилось опять много денег. И мы жили спокойно. А в газетах пишут, что по всей России народ голодает, везде разруха, остановились фабрики и заводы, закрылись шахты и рудники. Гражданская война только что закончилась.

В Сибири голодовки не было, но хлеба было мало. Государственные закупки ничего не могли закупить. Центральный комитет сделал постановление – накладывать контрибуцию на крестьян. Ездили отряды по деревням, и забирали хлеб подчистую. Поднялось большое недовольство населения. Женщины, с детьми на руках, где грузили хлеб на пароход и на паровозы, чтобы отправить его на железную дорогу, плакали, кричали дети. Их было много. Они просили, чтобы дали им хлеба, хоть немного. Жуткая картина.

После этого вспыхнуло восстание крестьян, которое назвали Колыванским кулацким восстанием. Восстание стало быстро распространяться. Перерезали железную дорогу на станции Чик, и окружили город Новосибирск. Но взять Новосибирск не смогли. В Новосибирске был воинский отряд. Он остановил почти не вооруженную и не организованную толпу крестьян.

Кое у кого из взбунтовавших крестьян были охотничьи ружья и изъяты у коммунистов винтовки. Они захваченных коммунистов расстреливали на месте или уводили к оврагу и спихивали в овраг. Нашего соседа Клокова тоже расстреляли и спихнули в овраг. А он с моим отцом были друзья. Жена Клокова обнаружила его в овраге мертвым, оттащила от мертвецов, а вынести его тело из оврага не могла. И попросила моего отца помочь ей. Это было очень рискованно. Темной ночью он пошел и помог вынести соседа из оврага. Нашлись люди и начали организовывать эту стихийную толпу. Появился главнокомандующий Зайцев, который собрал бывших коммунаров Красной армии, а также – и белой, которые здесь, среди восставших, были. Стали организовывать роты и полки. Все кузницы заставили ковать пики. Стал наводиться какой-то порядок. Колывань стали укреплять: копать окопы, привезли откуда-то пушки, петровских времен, и установили дежурство. Восстание продержалось с неделю или немного больше. Его быстро подавили. Просто все повстанцы попрятались по своим домам. Интересно отметить, как у восставших проводилась работа с населением. Например, такое воззвание: «Мы не против советской власти, мы против коммунистов!»

Что это такое? Это такая же бессмыслица, как в картине «Чапаев». Задали вопрос мужики Чапаеву: вы за большевиков или за коммунистов?

После подавления восстания пошли аресты и расстрелы. В Колывани арестовали всех мало-мальски исправных мужиков, и моего отца – тоже. Тот, кто участвовал в восстании, тот скрылся. А тот, кто не участвовал, тот был дома, его и арестовали. И так во всех деревнях. Моего отца выпустили, Клокова жена заступилась: рассказала, как он вынес ее расстрелянного мужа

–коммуниста из оврага. Остальных всех расстреляли. И потом еще долго, кого обнаруживали из беглых, так же расстреливали.

В европейской части также были большие стихийные восстания, о которых я плохо знаю. Такой большой кровью усмирять восстание – это большая ошибка нашего правительства, которая отразилась в Отечественную войну, отражается и по сие время.

По моему мнению, Ленин первый догадался, что большой кровью ничего не поделаешь. Слышал лозунг: «Два шага вперед и шаг назад»? Новая экономическая политика НЭП – это был гениальный маневр. Сразу все везде появилось, откуда что взялось. Стали все жить хорошо. Заводы заработали, шахты восстановились. Железная дорога стала бесперебойно работать. И разговорчики пошли, что и при советской власти можно жить. Все страны стали признавать страну Советов. Стали строить новые заводы, шахты, электростанции, план ГОЭРЛО. Это было такое время – неопределенное, смутное, страшное, с разными противоречивыми слухами. А мы, ребяташки, жили своей жизнью: учились в школе.

Африкан, когда пошел в школу, умел уже бегло читать. Меня удивило, что он не по складам читает, а прямо запоминает целые слова. Попробовал это сделать я, и у меня ничего не получилось. Это нужно долго тренироваться. Нужно читать, не называя слова, как человек видит глазами. Например, ты видишь, идет мальчик. В голове в одно мгновение осмыслена вся картина, и ты не сказал ни одного слова: идет по дороге мальчик, русский, в голубой рубашке, серых брюках, носках и сандалиях. Эти слова ты не сказал, а осмыслил, в одно мгновение все сразу увидел. Попробуй все эти слова также быстро просмотреть, не читая, и также осмыслить, как видел глазами. Ничего не получится. Конечно, в первом классе он так быстро не читал, но в третьем и четвертом – читал очень быстро. Память у него была такая же, как и у меня, но я не догадался ей пользоваться, как он. Я немного опоздал, а его натолкнул на это. Я много с ним занимался, и мне нравились его способности. Может быть, я делал неправильно.

Я делал много замысловатых игрушек и отдавал ему, и он всегда играл готовыми игрушками. Я не помню, чтоб он сделал сам игрушку. Вот читать он сам научился, это его заслуга. Своего внука Алешу я научил так же читать, по методу Африкана, и он читает тоже очень быстро.

Раз я увидел древний станок с лучком – точить веретенки для прядения. Станок до того неуклюжий, нескладный, а на нем такие красивые и точные вытачивают веретенки, и довольно быстро. Мне захотелось тоже точить. Я сделал настоящий токарный станок и начал точить веретенки гораздо быстрее. И не только веретенки, а что только захочешь. И мы все на нем научились точить, и Африкан – тоже.

Во время восстания сделали игрушку – пулемет, который стрелял палочками, как настоящий – пулями, только недалеко, всего на два шага. Когда играли в него, то взрослые люди останавливались и смотрели.

В школе, кроме обычных учителей, с нами проводил занятия коммунист Капустин. Хорошо образованный человек. Помню один урок. У него в руках была небольшая книжка. Он говорил:

При царе, говорил он, было столько законов, что если их сложить на этот стол и занять всю столешницу, то высота этой кипы до потолка достанет. А у нас вот все вошло в эту книжечку, все законы. Разница большая.

Это было тогда, когда зародилась советская власть. Теперь ей 60 лет, и законов очень много.

Крепко целую, твой дядя Саша.

Привет от М.А.

Дядя Саша – Володе

Белово, 08.11.83

Здравствуй, Володя!

Получил твое письмо от 22.10.83.

Подавить восстание, притом, стихийное, большой кровью – это большая ошибка правительства. Об этом ведь узнал весь мир, с преувеличением. А наш народ, особенно кому не нравилась советская власть, пускали слухи, один другого страшнее. И таких ошибок наше правительство сделало немало. Теперь это стараются как-то исправить. И начали это исправлять сразу после войны. Но поддается это очень трудно и медленно. Почему за рубежом коммунистическая партия имеет малый авторитет. Голосуют больше за социалистов, чем за коммунистов. Пример – Италия (там самая большая коммунистическая партия), Франция, Португалия и Испания. Это все от нас – людей-то стали расстреливать после подавления восстания, и без разбора. Достаточно было бы арестовать зачинщиков, судить их открытым судом и принародно расстрелять. В дальнейшем я еще много напишу ошибок нашего правительства.

А ты что мне написал: «Все это такая мелочь, что с ней бороться не нужно. Все это само по себе отомрет». Если люди зарабатывают честным трудом – это хорошо, мошенники попадутся – ответят сполна, больше не захотят. Приспособленцев у нас еще много, это правда. Сейчас просто не до них. Косность тоже есть. Они постепенно вымрут все, их заменят молодые. Да и жизнь будет другая. Все это постепенно отомрет, опасность небольшая.

Ну а сейчас будем продолжать биографическую хронику.

В прошлом письме я закончил на Московской улице.

Потя дружила с двоюродной сестрой Марусей Сливкиной, и ухаживали за одним молодым человеком. Он имел довольно приличный мануфактурный магазин. Жених видный, богатый. Каличкин женился на Марусе. Потя сильно переживала. И в это время ее посватал Ликандр Фокеевич Готовцев, и она вышла за него замуж. Он жил хорошо, имел

хороший крестовый дом. Это у него был второй брак. Высокий, хорошо развитый физически, разбитной человек, общительный, веселый, любил выпить в обществе друзей. Очень любил моего отца, и никогда не обижал Потю. И мы все его уважали. Когда был парнем, участвовал в драках. И с тех пор его стараются побить. Но это еще никому не удавалось. Он мог побить 10 и 15 человек, не смотря, что некоторые были сильнее его. Секрет в том, что у него были очень длинные руки

На Московской улице родились: в 1924 году – Лидия, 1926 – Герман.

Потом почему-то отец этот дом продал и купил дом на Верхней улице, большой, одноэтажный, с большой усадьбой, которая сходилась садами с усадьбами дедушки и тети Поли. Там мы сделали калитку, через которую ходили друг к другу. Дом был в хорошем состоянии, построен по-старинному: большая кухня, русская печь, и большие полаты, где можно было сидеть. Мы, ребяташки, все там спали. На дворе были надворные постройки: амбар, конюшни, хлев, дворы для коров, свиней и овец, и большая крыша. И еще много места в ограде свободного. По всей ограде было разбросано много навоза, и после дождя по ограде было невозможно пройти, непролазная грязь. Я организовал весь этот навоз убрать и увезти в огороды. После этого по всей ограде выросла красивая трава, появились плотные дорожки, на которые дождь не действовал. Было очень хорошо.

В этот год была сильная засуха, охватила она очень большой район. Люди остались без хлеба. На мельницу никто не приезжал молотить, и мы тоже остались без хлеба. Все стали ездить в Славгород за хлебом. Хлеб выменивали на шмотки.

Мы не ездили за хлебом. Мы со Львом купались в реке, и переплыли через речку, и там увидели озерко, заросшее камышом. Мы выдернули по камышинке, очистили его и стали его есть, а он такой вкусный. Мы съели много и почти утолили голод. Набрали в рубашку съедобную часть и принесли домой. Мамаша увидела. Это хорошо, - сказала мамаша, - мы сейчас достанем из него крахмал и что-нибудь состряпаем.

У нас была просяная мука. Мама крахмал смешала с мукой и зажарила на листе. Получилась очень вкусная запеканка. После мы частенько ходили и приносили в мешках камыш, и делали крахмал. Это было большое подспорье к нашему столу, и мы не испытывали большого голода.

Следующий год был урожайным. А наша детская жизнь шла своим чередом. Во-первых, мы познакомились со всеми ребяташками, завели друзей. У меня был хороший друг Александр Дубровин. Мы уже ходили на взрослых парней и начинали поглядывать на взрослых девушек, интересоваться их красотой, достоинством и характером. Закон природы в нашем организме начал делать свое дело.

Рядом с нами жили соседи Ивановы, у них была девушка, нам подстать. Наискосок от нас жили Симоновы, там были две девушки, сестры мамашины. Жили у нас Нюра и Вера (дома они жили плохо). К нам еще каждый год приезжала мамашина племянница Тоня, очень красивая разбитная девушка, она училась в школе (мы почему-то со Львом не учились, перестали учиться

в шестом классе). Аркадий, Африкан и Серафим еще учились. Мы со Львом часто дежурили на мельнице и продавали муку на базаре. Денег у нас не стало, и жить мы стали хуже. Мы со Львом уже подросли, и интересы у нас появились другие. Нам потребовались хорошие костюмы. Вечерами стали собираться в местные свои кружки, куда ребяташек не пускали, и игры стали другие – с поцелуями, с танцами и музыкой. У нас появилась балалайка и гитара. Мы пели песни, было весело.

Игрушки я не бросал, они стали более сложные. Сделал я игрушечный велосипед и приделал к нему грузик, который управлял рулем, и пустил его с небольшой горки. И он катится, не падает, едет по прямой линии, пока не остановится и упадет. Это было очень интересно. Кто-то его стащил.

Как-то я пришел к Михаилу Сливкину (двоюродный брат). Он уже женат, и возится с ружьем.

А от, – говорит, – застрял патрон. И не выстрелишь. И не выбьешь. Что делать? – И курком щелкает. Потом прицелился в жену и хотел нажать. Я схватил за ствол: что ты делаешь?

Оно же не стреляет, - говорит. – Оно заряжено, говорю, - если хочешь, стреляй только в дверь.

Он засмеялся, но повернул на дверь и нажал на курок.... Как оно выстрелит! Ахнули неожиданно... У Михаила лицо сделалось бледное. Схватил ружье за ствол, выскочил на улицу, и об столб искромсал все ружье. Я вышел на улицу, посмотрел на Михаила и сказал: ружье разве виновато?

А потом мне же пришлось делать ложу и ремонтировать ружье. Это была моя первая работа с ружьем. Конечно, сначала у меня были большие недостатки. После я такие замечательные ложи делал.

Летом мы всегда ждали Тоню (племянницу), ее приезду всегда радовались. Она хорошо играла на гитаре. И она привозила что-то новое – то вальс, то романс, то какой-нибудь танец. Мы все старались заучить его. С каждым годом она приезжала все красивей. Мы были все в нее влюблены, не только ребята, а и девчата. Она была хорошим организатором–заводелой. И с ней было намного веселей. Но жизнь ее сложилась неудачно. Муж – нехороший человек, сын непутевый.

Во взрослой жизни я ее встречал только один раз. Она меня приняла хорошо. Муж ее в это время отбывал в тюрьме. За столом она мне призналась, что она была влюблена во Льва.

Однажды Нюра мне говорит: Шурка, что же ты ни с кем не дружишь? Смотри, сколько девчонок кругом, а ты зеваешь. Пора бы уже дружить.

Я подумал: кто со мной будет дружить? Я же скучный. Я даже не знал, о чем я буду говорить с одной девушкой. То ли дело в обществе со всеми – легко и весело. Испытать, пожалуй, можно. С кем же? Они, вроде бы, все хорошие. С Тоней нельзя, она уедет. Вот, пожалуй, с Валею Ивановой. А как это сделать? Напишу-ка я ей письмо с объяснением. Написал, и мне стало как-то неудобно, стыдно. Ну ладно, мы с ней все это будем делать тайно. В одной из игр я ей ловко опустил за блузку. Она это хорошо заметила и мне улыбнулась. А потом мне приносит Шура от Вали треугольное письмо.

Сверху красными чернилами все исписано одним только словом: «Люблю, люблю, люблю...» Я, как увидел, ахнул... Кто видел это письмо? Я взял это письмо и подумал: вот это я влип!.. Здорово!.. С этого времени я никому не писал любовные письма. И действительно я не знал, что с ней говорить. Встретимся, поцелуемся и разойдемся. Или сидим молча. Скучная была дружба. Зато у всех только и разговору – о нас, и комплиментов разных пришлось наслушаться. Потом мы уехали. После через много лет я написал стихотворение об этом.

Приехала Леля, тетя Матрена Алексеевна, наша компаньонка по мельнице. Она договорилась с отцом взять меня, Серафима и Августу к себе на лето, наладить ее хозяйство в Дубровиной, и я поехал.

Крепко обнимаю и целую, твой дядя Саша

ПИСЬМА АРКАДИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА

Аркадий Васильевич – Володе

05.11.83

Здравствуй, Владимир.

Задержался с ответом – все дела, и когда они кончатся, летом на даче, а сейчас работаю и, по-видимому, последний год. Пора бросать работать, уже 74 года.

Тетя Потя (Ефросинья Васильевна) и тетя Гутя, да и Нина Ивановна – все хуже и хуже, болеют. Наташа вышла замуж. Похоже, что муж серьезный и положительный парень, одного с ней возраста, однокашник, работают в одном проектно институте, только он – экономист.

Отвечу на интересующие тебя вопросы.

Любовь Михайловна вместе с тобой в начале войны переехала из Красноярска в Самуськи, к своим родителям – Никитиным, и там жила. Весной 1942 года меня перевели на работу в Самуськи. Зимой 1942/1943 годов Люба уехала в Новосибирск к В.Я. Рябову.

Открытку мне, по-видимому, с почты в Самуськах передали, так как адресат выбыл, и эта открытка хранилась у меня в семейном архиве.

С Дунковичем я был знаком до войны, работали на Красноярском судоремзаводе. После войны встречался с ним дважды, примерно в 1948–1949 годах и 1963–1964 годах. Оба раза он мне говорил: с Африканом Васильевичем они были в одной дивизии, но встречались редко, так как были в разных подразделениях. Из окружения вышла часть состава дивизии, но брат из окружения не вышел, и о его дальнейшей судьбе Дункович ничего не знает.

В Красноярске примерно в 1948–1949 годах разговорился в парикмахерской с мастером, он служил и воевал в одном подразделении с

Африканом Васильевичем, были в окружении и вместе были взяты в плен. Одновременно их всю группу пленных допрашивали. И, как обычно принято у немцев на допросах, некоторых били по лицу руками или кулаком в живот (под дыхало). Парикмахера тоже побили. (Термин «мучили» несколько преувеличен – обычный мордобой с запугиванием). Пленных было много, и их партиями отправляли в тыл, в лагерь. Африкан Васильевич и парикмахер попали в разные партии и в разные лагеря. В плену он с Африканом Васильевичем не встречался и ничего о нем не слышал. И что мог услышать пленный рядовой о другом пленном рядовом, когда наших в плену были миллионы и сотни лагерей. Миллионы умерли от истощения и тоски по Родине и близким.

Ты, наверное, знаешь, что брат был призван в армию в июне 1941 года в Красноярске Кировским райвоенкоматом, работал в КБ завода «Красмаш» (тогда так назывался).

Больше, пожалуй, у меня нет ничего интересного для тебя. Два других брата Лев и Серафим для тебя большого интереса не представляют.

Здоровье мое начинает сдавать, становлюсь стариком.

Привет тебе и Зое от Н.И. и Наташи.

Будь здоров, Аркадий Васильевич.

5 /XI– 83 г.

ВОЛОДЯ – БОРИС

Борис - Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Я обратил внимание на три факта. Первый - вот сколько от тебя утаил поначалу Аркадий Васильевич. Второе – ты прислал некоторые документы, которые не относятся к Африкану Васильевичу Сливкину. И третье – в предыдущем письме Аркадия Васильевича написано, что «Весной 1942 года меня перевели на работу в Самуськи. Зимой 1942/1943 годов Люба уехала в Новосибирск к В.Я. Рябову».

Сопоставив их, у меня закралась такая идея. Часть присланных тобой документов о Сливкине А.В. – относится к Аркадию Васильевичу, который, как он сообщал, работал в системе речного пароходства. Тогда получается, что Аркадий Васильевич работал в Самуськах намного раньше 1942 года. Это следующие документы.

1. Расчетная книжка

**Для рабочих государственных, кооперативных
и общественных предприятий и хозяйств**

**Самусьский Судоремонтный Завод
Запсибречпароходства**

Фамилия Сливкин А.В.

Наименование предприятия	Самусьский Затон
Адрес предприятия	Самусьский Затон Конструкторская группа
Дата поступления	16-го октября 36 г.
Цех, отдел	Конструкторская группа
Должность	тех. конструктор
Расчетный лист	октябрь 1936
Сдельно	12 дней 150 руб. Итого 150 руб.
К/сбор 0=57	
Подходный налог 0=45	
Итого 1=02	
Остаток 148=98	
К выдаче на руки 148=98	

Ведомость № 1343

**Самусьский Судоремонтный Завод
Запсибречпароходства**

Ноябрь 1936 г.

Сдельно 25 дней 300 руб. Итого 300 руб.
Займ 15=
К/сбор 3=80
Подходный налог 2=55
Итого 21=35
Остаток 278=65

И т.д.

**Самусьский Судоремонтный Завод
Запсибречпароходств**

Время увольнения 17/VIII-37 г.

**Самусьский Судоремонтный Завод
Запсибречпароходств**

2. Удостоверение

**СССР-НКВД
УПРАВЛЕНИЕ**

**ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО
РЕЧНОГО ПАРОХОДСТВА
Самусьский
Судоремонтный завод**

**Выдано настоящее технику
конструктору Самусьского завода
СЛИВКИНУ А.В. в том, что ему
предоставлен отпуск за 1937 г. сроком
с 26 июля по 16-е августа 1937 г.,**

26/VII–1937 г.
№
Томск, телефон № 83

что и удостоверяется

Директор завода
Управделами

Матиголров
Мокеров

Печать

3. Справка

СССР–НКВТ
УПРАВЛЕНИЕ
ЗАПАДНО–СИБИРСКОГО
РЕЧНОГО ПАРОХОДСТВА
Самусьский
Судоремонтный завод
От 23/VII–1937 г.
№ 4–649

Дана тов. СЛИВКИНУ А.В. в том, что он действительно состоит на службе на Самусьском заводе в качестве техника–конструктора с 11–го октября 1936 г. по 17–е августа 1937 г.

Что и удостоверяется.

Директор (подпись)
Управделами (подпись)

Нерхобудов
Мокеров

Печать

То есть отгулял отпуск, взял справку о работе и уволился. Молодец. Володя, обрати внимание, что в речном пароходстве работал и Рябов В.В. И эти документы – подтверждение тому, что они там познакомились.

Борис – Володе
26.11.83

Здравствуй, Володя!

Наконец-то закончился этот ремонт и все связанные с ним хлопоты. А недоделки придется исправлять еще не один год. Много хочется успеть за день, но служба путает карты. Мама уехала в Астрахань, там пока ей лучше. А что будет дальше – посмотрим.

Ответ на твое письмо от 15.09.83. Кроме статьи Евпатова, о пьесе упоминалось в «Вечерней Москве», написали рецензии в астраханской газете «Волга» и на Дону – в газете Новочеркаска. Приводить похвалы не

хочется, а умного критического разбора не было. Жаль, что плохи дела с домом, а главное – с долгами. Но отношение людей к деньгам – лишь одна их черта, что-то ведь и хорошего есть в каждом, у кого много, у кого мало. Так что это – универсальное мерило человека.

Так как отвечаю по твоему письму – то и ответ получается отрывочный. Есть выражение «Конь еще не валялся» – ничего не начато еще, не сделано. И есть выражение «Кот заплакал» – очень мало. Советую тебе не надеяться на память – она подводит нас поразительно, даже в самом главном.

(Это результат, что он школу прошел за рубежом, в Чехословакии, и нетвердо усвоил русский язык. Или потому, что нет базового образования?)

Пример: мама моя каждый год отмечает день смерти бабушки, одна из всех дочерей, – забыла, что бабушка умерла в 1956 году, уверена была, что в 1957 году, и даже так написала на памятнике. Я ее разубедил, да и документ о смерти находится у нее.

Нужно записывать все версии и для того, чтобы легче было сопоставлять, что помогает порой открывать очень важное. Например, я обнаружил, что твоя мама могла получить страховку за погибшего Африка, он успел внести взносы за два, кажется, года – удостоверение ты прислал с документами.

Посмотри этот документ. Интересно выглядит сейчас.

НКФ СССР

Госстрах

Коллективное страхование жизни

СССР

Народный Комиссариат Финансов

Главное управление государственного страхования

Т № 308064

Выдано - Сливкин Африкан Васильевич в том, что он в коллективе Конструкторского бюро техотдела Красмашзавода застрахован с 2 февраля 1941 г. по утвержденным НКФ СССР «Правилам добровольного коллективного страхования жизни трудящихся» на случай смерти от любой причины и полной или частичной постоянной утраты трудоспособности (инвалидности), происшедшей от несчастного случая.

(Умно сделал Африкан. Мало ли что может с ним случиться на войне.)

Страховая сумма в случае смерти застрахованного выплачивается жене – Никитина Любовь Михайловна и в случае инвалидности – самому застрахованному.

За это страхование уплачивается по 12 руб. в год с каждой тысячи рублей страховой суммы, одновременно или равными частями за каждый квартал вперед.

В случае неуплаты очередного взноса страхование прекращается с 24-х часов того дня, по который внесен последний страховочный взнос.

Гр. ... непрерывно застрахован с «___»... 19... г.

Инспекция Госстраха Кировского района

Красноярского края

2 февраля 1941 г.

Страховой инспектор

(Подпись)

Печать

На четвертой странице

СТРАХОВОЙ ГОД КОЛЛЕКТИВА

По свидетельству №173

С 2/II – 1941 по 2 /II – 1942 г.

Стра. сумма руб. Одна тысяча

Страховой инспектор

(Подпись)

Печать

1 квартал страхового года – марки «Госстрах жизни 3 руб.» 2 шт.

с 2 /II 1941 г. по 2 /II 1941 г.

(Далее не заполнено.)

Бережно храните это удостоверение. Это удостоверение предъявляется в Инспекцию Госстраха для получения страховой суммы.

Справка–разрешение на продолжение страхования при оставлении работы застрахованным.

(Не заполнено.)

Что нужно знать застрахованному.

1. На коллективное страхование жизни принимаются трудящиеся по месту своей основной работы. Лица, находящиеся в отпуске, по болезни или не работающие в застрахованном коллективе, не могут вступать в коллективное страхование.

2. Страхование заключается в сумме 5.000, 4.000, 3.000, 2.000, 1.000 и 500 руб. сроком на один год. Трудящийся может застраховаться в любую из перечисленных сумм, но не выше той суммы, которая принята коллективом....

7. В случае смерти застрахованного от любой причины или постоянной полной (100%) утраты трудоспособности от несчастного случая, Госстрах выплачивает страховую сумму полностью, а при частичной инвалидности от несчастного случая – столько процентов от страховой суммы, на сколько процентов утрачена трудоспособность.

9. Для получения страховой суммы в инспекцию Госстраха должны быть представлены: а) страховое удостоверение; б) свидетельство ЗАГСа о смерти застрахованного, а при инвалидности вместо свидетельства ЗАГСа – копия акта о

несчастном случае, а также предъявляется паспорт лица, получающего страховую сумму.

(Вдовы могли получить по этим удостоверениям деньги за погибших в войне? Жена пропавшего без вести Сливкина А.В. не получила страховку, так как удостоверение сохранилось не заполненным.)

Ты и сам признавал, что многое тебе открылось благодаря переписке – а ведь это большей частью из сопоставлений записей. О Рябове нет ни одного вопроса – это тебе кажется. Открою тебе маленький профессиональный секрет – в подтексте нашей переписки идет отношение каждого адресата к Рябову. Только невыдержанный, нетактичный Чемерис (хоть и более честный и откровенный), и болтливый Сенченко (испорченный литобработчиками) выдали этот подтекст: один спросил в лоб, другой расхвалил поступок Рябова. Но к отчиму мы вернемся и впрямую, нам не уйти от этого разговора, потому что клятва – тебе не говорить о Сливкине – должна иметь вескую причину.

В город Белый надо обратиться в военкомат и попросить помочь найти отца, так как (как я узнал) в Центральном архиве в Подольске сведений о рядовых нет, только об офицерах и героях и кавалерах всех орденов Славы, и они поэтому не смогли тебе помочь.

Все, что узнал об отце, а главное – номер части и даты последних писем, напиши им. Только не говори о плене (забегаю вперед).

Ответ на письма дяди Саши. Как просто он снял твои сомнения, почему тебе не пишут: «просто: время не находят или что-нибудь мешает». Видишь, как трудно такому занятому человеку вспоминать – на письмо тратит 3 – 4 часа. Я тоже много трачу времени на ответы, вот и не могу сразу собраться написать тебе письмо.

Ты сказал дяде Саше, что он пишет для книги, почему он говорит: «не тревожься, редакция все равно будет другая»? Если сказал, то жаль. Теряется элемент искренности, появляется напряжение и поза, как перед фотоаппаратом у простых людей. Надо же, как интересно – играл с сыном композитора и жил вместе с его отцом – Александровым, слушал Шаляпина. Кто напишет сейчас такую фразу: «С белыми отступал и Шаляпин»? Дядя Саша не понял тогда, да и сейчас, видимо, не понял, в чем смысл фразы: «Мы не против Советской власти, мы против коммунистов», между тем, она злободневна была даже еще при Сталине. Советы организованы еще при царе в 1905 году и близки к древнерусскому вече, казацкому кругу, царской думе. И сейчас Советы – главная исполнительная власть, а партия выполняет руководящую роль, идеологическое руководство. Наконец-то дядя Саша подошел к описанию Африка. Правильно он делает, что описывает только то, что было вокруг, а не в стране в целом, иначе он никогда не кончит свою эпопею.

Ответ на твое письмо от 23.10.83. Считаю, что наша переписка увенчалась большой победой – она заставила разговориться твою маму (но пока не до конца, я думаю, она знает больше того, что ты написал).

Зная результат твоей склочной борьбы в цехе (забегаю вперед), на твое признание «ненависть и злоба растут» скажу на будущее – если так опять почувствуешь себя, знай, что унижаешь себя из-за своего невежества и слабосилия.

Ответ на мое письмо, посланное 01.11.83. Я уже в этом письме тебе сообщал, что документов в ЦАМО на твоего отца не будет. Предложил обратиться в архив КГБ, как, я не знаю. Наверное, через местный отдел КГБ. Повтор так и будут слать – больше в ЦАМО ничего нет, и в Новосибирске тоже не будет, видимо. Еще есть один выход – обратиться в 17-ю гвардейскую стрелковую дивизию (если она продолжает так называться) – оказывается, каждая дивизия имеет свою историю, имеет донесения о выполнении заданий, документы и фотографии. Лучше туда съездить и поговорить с начальником политотдела, предварительно списавшись. Так делала одна наша сотрудница по журналу, когда собирала данные о гибели своего брата.

Ответ на письмо Аркадия Васильевича от 05.11.83. Вот теперь он говорит с тобой серьезно, жестко, а не прикидывается простачком, как раньше. Тете Гуте не до писем к тебе – видишь, болеет. Итак, можно поверить, что Африкан попал в плен и в лагерь. Мертвым его никто не видел. Дунковичу я не доверяю. А парикмахера фамилия указана была бы – дело было бы другое, а в таком виде («случайно разговорились») тоже внушает подозрение. Не знает ли этого парикмахера Сенкевич?

Можно спросить Сенкевича – кто из оставшихся в живых красноярцев работал после войны в Красноярске парикмахером? Если даже он умер сейчас, семья его знает о его судьбе, и это может быть похоже и на судьбу Африка. Наверняка, знает фамилию парикмахера и Аркадий Васильевич, но мог и забыть – поэтому нужно говорить с ним осторожно – он сейчас на пределе срыва отношений с тобой, холодок – в каждой фразе. Парикмахер, или его семья могут знать, в какой лагерь попал Африк, или в какие лагеря тогда отправляли. При освобождении лагерей могли сохраниться списки убитых, только как до них добраться? Видимо, опять через КГБ.

(Недавно, в марте 2006 года, по телевидению в передаче о книге Толстого – потомка классика – говорилось о том, как англичане и американцы сдали Сталину в СССР всех освобожденных из немецких лагерей, держа их в своих лагерях, и юридически не зная, что с ними делать. А в СССР репатрианты попали в ГУЛАГ и погибли, как бывшие военнопленные – враги народа. Может, и Африкан Сливкин с ними был, и даже какую-то весточку сумел послать семье, о чем так и не решилась

сказать тетя Потя? Самое потрясающее – по мнению Толстого: цивилизованный Запад тогда (да и сейчас) воспринимал русских как недочеловеков, туземцев. Ходят по улице в шкурах с медведями, поэтому и сдали их обманом советскому режиму без зазрения совести на заклатие, спровадив в СССР заодно и белых казаков, и других русских эмигрантов. А русских пленных на митингах встречающие простаки поздравляли с возвращением на Родину. А потом подавляющее их большинство отправляли в лагеря или расстреливали, как врагов народа).

Так же попытаться добраться – и до списков интернированных – вон парикмахер вернулся (в 1948–1949 годах). Мог вернуться и Африк.

Ответ на письмо дяди Саши от 08.11.83.

Советую не спорить с дядей Сашей по его оценкам современных событий. Ни он, а тем более, ни ты не можете дать исчерпывающую оценку их (я – тоже), потому что не обладаете запасом нужной информации и большим политическим кругозором о прошлом и настоящем времени. Но ты больше дезинформирован, чем он.

Повесть о его жизни затягивается, но она очень интересная, а главное, нужная для понимания Африка и тебя, нравственной и социально–политической атмосферы, которая формировала и нас.

Ответ на письмо от 26.11.83. Хорошо, что ты прислал мне фото.

Что за друзья сфотографированы с Африком? Может быть, они что-то знают об Африке, что не знает никто другой? (Африк мог писать с фронта письма другу). Кстати, а что думает об Африке и Рябове брат твоей мамы Виктор?

Очень рад, что тебе удалось вырваться из цеха. Только будь теперь осторожен в поведении. Во-первых, слух обязательно придет сюда из того цеха. Во-вторых, если ты сорвешься и здесь, тебе зачтется и прежний раздор в оставленном цехе. Скажут, да он и впрямь скандалист и неуживчивый парень, («конфликтный», как меня обозвал мой коллега в дружеской беседе), если даже сейчас в это не верят. Зам. главного инженера к тебе хорошо относится – это здорово, но он может тебя уважать за голову, за работу, но не одобрять каких-то отрицательных сторон твоего характера, не признаваясь тебе в этом. Со мной, например, был такой случай. Главный редактор мне об этом под конец так и сказал.

Обнимаю, Борис.

ВОПРОСЫ – ОТВЕТЫ

Вопрос

Борис

«Твое первое письмо попало к нему», – пишет дядя Саша о живущем где-то в Новосибирске сыне дяди Прони (видимо, твой двоюродный дед) – Африкане Сливкине. Уточни все это мне, особенно с письмом, которое попало к нему. Что ты знаешь об этом Африкане (теске Африкана Васильевича Сливкина)?

Володя

О блуждании первого моего письма я узнал впервые и уже задал вопрос дяде Саше об этом. Первое письмо я писал точно по адресу к Аркадию Васильевичу, и поэтому меня удивило то, что написал дядя Саша.

Борис

Если ты писал точно к Аркадию Васильевичу первое письмо, то, видимо, Африкан Прокопьевич его получил от Аркадия Васильевича или по указанному тобой адресу жил в то время Африкан Прокопьевич.

Вопрос

Борис

Как узнала Августа Васильевна о «гибели» Африка, как встретила с человеком, на глазах которого его замучили фашисты?

Володя

Как узнала, не знаю. С этим человеком она не встречалась, с ним встретился Аркадий Васильевич в г. Красноярске, а потом они его потеряли.

Борис

Лишний раз подтверждаешь, что Аркадий Васильевич знает больше других о судьбе твоего отца, если он встречался с этим человеком – свидетелем. Может быть, попробовать найти его, если он еще жив, надо только узнать его имя, имя однополчанина Сливкина.

Володя

Я просил тетю Гутю разыскать этого человека. В свою поездку в Красноярск вместе с Галей, она его искала. Но как можно найти человека, не зная ничего о нем, даже имени. Ведь Аркадий Васильевич встретил его сразу после войны в Красноярске, зная только одно, что он работал парикмахером. Пыталась его разыскать, по моей просьбе, тетя Гутя и Галя (вторая Августа), но не смогли найти даже его следов.

Вопрос

Борис

Может быть, узнав, что отец пропал без вести, мать твоя испугалась, что он попал в плен, а за это не миловали, поэтому она решила отрешиться от него, спасая себя и тебя от последствий, поэтому и не велела никому говорить тебе о родном отце?

(Может быть, и в органы заявила об отречении от мужа – «врага народа»?)

Володя

Такой версии я предположить не мог (не знал того, что не миловали). Она интересна, но, по-моему, маловероятна. Именно Рябов хотел, чтобы я ничего не знал, а мать боялась своего одиночества.

Мне непонятна твоя версия, разве дети отвечают за отцов или наоборот?

(И Сталин говорил, что сын за отца не отвечает, только делал по-другому, да и сына заставляли отречься от отца.)

Я знаю, наказывали только тех, кто попадал в плен – мой первый тесть, муж (второй) моей первой тещи был в плену в Дании. Он рассказывал, что после победы их, с лозунгами, с оркестром, отправили на Родину, но, как только переехали границу – их закрыли в вагонах, поставили конвой, и увезли на Дальний Восток. Он только при мне получил паспорт.

Борис

Такая судьба, может, была, и у твоего отца, как у твоего первого тестя. И откликнуться было нельзя, а потом умер, не успев получить паспорт. Но это только мое предположение. Так что, твой ответ не исключает моего предположения, даже подтверждает его: Рябов поэтому и не хотел, наверное, связывать твою судьбу и судьбу твоей матери со Сливкиным, так как он знал всю серьезность даже намек на эту версию. Помнишь лозунг: «Русские не сдаются!»?

Вопрос

Борис

Давай разберемся, Володя, на какое боевое задание ушел твой отец и не вернулся?

Володя

Сейчас, по непроверенным данным, мне известно, что отец пошел в разведку, их было около 10 человек – ни один не вернулся, отец был командиром этой группы.

Борис

Я не понял твоей фразы: «в другом письме он писал, что не спрашивает разрешения, так как нет времени, и уходит в разведку» – какого разрешения, у жены?

(Просить разрешения у семьи уйти в разведку – наивно. По всей вероятности, таким текстом в письме Африкан Сливкин давал понять семье, что его забросят разведчиком за линию фронта, к немцам. Или, вообще, жена не поняла, о чем в письме было написано.)

Володя

Отец просил у матери ее согласия на то, чтобы он пошел в разведку. Письма от него до этого шли очень часто, через день-два, не более.

Борис

Жаль, что не располагаем мы письмами отца к жене, особенно теми, где он сообщал, что уходит в разведку.

Не верю, что Магрефа – жена брата матери – не могла найти последнее письмо Африка с фронта, было ли оно до ухода в разведку?

Володя, страшный вопрос! Муж спрашивает разрешение у семьи уйти в разведку, работая чертежником в штабе, а не разведчиком. Может быть, знание языка решило его судьбу, и его забросили в тыл противника с секретным заданием? Тогда о его судьбе надо запрашивать архив КГБ. Здесь может крыться и веская причина: клятвы не говорить тебе об Африке; и недомолвок, а теперь и молчания тети Гути; и пропажи последнего письма у Магрефы; и согласия родственников Сливкиных не искать тебя; и исчезновения писем и фотографий отца; и упорного молчания матери сейчас, и ее фразы о загранице; и утайки документов о его судьбе, права Рябова тебя усыновить. Дядя Саша своими письмами доказал, что Сливкин из семьи кулаков или даже промышленников, по меркам того времени.

Володя

Вопрос сложный, но не страшный. Вспоминаю слова, где-то мной услышанные: по аттестату родственники разведчика получали больше, чем родственники чертежника. И Африк (далее мои домыслы), читая письма матери, в которых она, наверняка, писала о своих трудностях, решился **сам** на этот шаг, когда неожиданно подвернулась возможность. Он о себе не думал, он думал о семье. Архив КГБ отпадает. Африк из семьи «кулака» (я своего деда не считаю кулаком – все гораздо сложнее в жизни, чем кажется большинству наших в верхах – всех под одну гребенку нельзя стричь). Честный человек кулаком не может быть. Ненависть и злоба растут сейчас у меня, когда все больше раскрываются глаза на все наши беспорядки.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРОШЛОЕ В ОТВЕТЕ

ВОЛОДЯ – БОРИС

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, Боря!

Письмо твое получил 11 декабря. Все эти дни думал над ним – трудновато мне придется. Я очень хочу тебе помочь в твоей работе над задуманным, мысли о соавторстве абсурдны для меня. Ведь даже простое письмо для меня так же трудно, как тебе разобраться в сложной радиосхеме. И все–таки я согласен отвечать на все твои вопросы. Почему?

Не знаю. Только корысти здесь нет никакой. Мне очень много пришлось думать о том, какое значение имеет отец в жизни каждого человека. У меня было два отца, сам я отец двух сыновей. Рябова я не могу называть отчимом, язык не поворачивается, потому что при слове отец – в первую очередь *его* образ встает перед глазами, так как он, и никто другой, был рядом со мной всю мою сознательную жизнь. Я никогда не мог допустить мысли, что он мне неродной. Он сам не хотел, чтобы я узнал правду, и возненавидел того, кто мне о ней сказал.

Но что самое удивительное, когда я узнал, вернее, услышал слова рядом сидящего человека – это твой отец, – он показывал пальцем на фото моего родного отца, ничто во мне не произошло, не возникло никакого протеста, просто я сразу поверил, не было ни растерянности, ни желания возмутиться. Ведь человека, который это сказал, я видел впервые. Удивительное в том, что я сразу бессознательно поверил.

(Вот так же уверывают в Бога – Отца.)

В то время я не думал, почему я должен верить словам этого человека. Сейчас, анализируя, могу только предположить такое: на фото были моя мать рядом с отцом, который очень сильно похож на меня, я как бы увидел самого себя. Может быть, это и заставило меня поверить. Даже тихо произнесенных слов «это твой отец» не нужно было, сама фотография говорила все.

И только тогда я многое понял в отношении неродного отца.

До этого случая (1970 или 1971 год) я не могу вспомнить другой случай, когда я понял, что «отец» не понимает меня. Потому что мне казалось всегда, что и мать, и «отец» меня не понимают. Сейчас, уже зная почти все, могу вспомнить и немного понять.

Когда мы жили в Хабаровске, «отец» был главным инженером пароходства, часто ездил на объекты в командировки. Я его называл тогда (лет до 10 – 11) одним словом «папочка». Когда его долго не было дома, я хорошо помню, только я один, а не сестры, бежал через коридор к входным дверям, где он стоял, еще не раздевшись, я с разбега кидался к нему на шею, обнимал и приговаривал: «папочка, мой папочка!» С его стороны не могу припомнить, как он себя вел, но хорошо помню, что он не целовал меня, и не отстранял. Это самое раннее мое воспоминание.

В 1953–1954 годах в Ленинграде, когда «отец» учился в Академии речного флота, мы жили в студенческом общежитии, в одной комнатке пять

человек. Моя кровать головой стояла к спинке стула, на котором вечерами сидел «отец» за письменным столом и занимался. Горела лампа, я уже лежал в кровати и по времени должен был спать, но не мог никак уснуть. Рядом с отцом сидела мать, они о чем-то тихо беседовали. И вот я услышал слова матери, которые остались у меня на всю жизнь:

– Ты Вовку любишь?

Что ответил «отец», я не мог слышать, он сидел ко мне спиной, а мать – боком к нему, а передом ко мне. Может, даже он и не ответил, а кивнул головой, не знаю. Но этот вопрос матери к отцу у меня долго стоял в голове. Только я не мог понять тогда, почему его задала мать, почему он должен любить только меня, а – сестер?

Я не понимал и не мог знать тогда, каким должен быть родной отец, какая связь между отцом и сыном родным, до тех пор, пока у меня самого в октябре 1963 года в поселке Чуна Иркутской области не родился сын Андрей. Я приехал в роддом, и мне через окно на первом этаже показали сверток с лицом, обращенным ко мне моего сына. Как только я взглянул на него, что-то такое бесконечно родное увидел я в этом лице. Не знаю, как передать тебе то чувство, которое я испытал тогда, до сих пор это – то лицо – стоит у меня перед глазами. Я еще тогда подумал: это же я – второй я, и если я – отец чувствую это к сыну, то почему я – сын, не чувствую это к «отцу»? Почему между нами какая-то стена, которая мешает нам сблизиться, почему он, «отец», не понимает меня?

А почему он, «отец», когда я с первой женой жил в Астрахани в 1964–1965 годах очень сильно любил Андрея? Он звал его «Ондря». Теперь я могу сказать только одно – этот человек очень любил детей, он не любил мою мать, он жил с ней только ради детей. Он и первую свою жену бросил, потому что у неё не было детей. Сам он вырос без матери, с мачехой, у него был родной отец.

Помню, как на поминках его отца, моего деда, я сижу у него на коленях (это было в Хабаровске зимой 1947 года), а он смотрит на меня, текут у него слезы из глаз, и говорит мне:

– Не плачь, это мой отец умер.

Общение с окружающими было минимальное, и я не помню ничего о них.

У меня сохранился черновик письма, которое не успел написать и отослать мне «отец». Когда я был на похоронах, я забрал этот черновик. Могу прислать.

Когда я узнал, что он мне не родной, я проникся к нему очень большим уважением, потому что он всеми силами своими, как мог, хотел мне заменить моего родного отца. Это редкой чистоты души человек, его нельзя было не любить, и я до сих пор сожалею, что так и не смог найти с ним настоящего мужского контакта.

(Настоящий, мужской контакт был. Это у меня не было, потому что не было и отчима.)

Может быть, я был виноват, может быть, он, я так и не знаю.

Боря, к тебе просьба – твой комментарий на каждый мой ответ пиши в начале своего письма – обязательно. Вот и все.

Если хоть чуть-чуть непонятна какая-нибудь деталь, переспроси. Пиши. Большой поклон твоей маме.

Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Я попросил маму записать ее впечатления о тебе, вроде дневника. Она прислала их мне в Москву из Астрахани в письме. Действительно, наша маман относилась к тебе и Толику Недомеркову, как к родным сыновьям. Читай.

Обнимаю. Борис.

Капиталина Алексеевна – Борису

25.05.71

Володя – часто бывал у нас в доме. Жили мы с Борей на 80 рублей в месяц. В получку я получала 37 рублей. Но, несмотря на скудный заработок, обед и ужин у нас был всегда. И я никогда его друга не отпускала голодным. Вначале он смущался, а затем привык, так как домой не торопился. Иногда он не ходил ночевать домой, а иногда сразу после института был у нас до 12 часов ночи. Это меня озадачило. Спрашиваю:

– Боря, а дома у него не будут волноваться?

Раз Борис со мной поделился, что Володю не любит отец. Я была поражена. Такой Володя выдержанный, тихий, скромный, деловой.

Часто чинил мой старенький телевизор. Раз прихожу с работы, а дверь отперта, Володя сидит за разобранным нашим телевизором. Он знал, где мы прячем ключ. Открыл и сидит, исправляет телевизор. А Боря был в институте.

С того времени он перестал посещать институт и собрался с другом Толиком по комсомольской путевке уезжать в Сибирь. Мне было жаль, что он так решил. И я его убеждала этого не делать. А он в ответ:

– У меня очень сложная обстановка в доме.

Конечно, мне его было искренне жаль. Но помочь-то я мало чем могла.

Буквально накануне отъезда приходит женщина, в брюках, элегантно одета, – и начинает с брани:

– Как вам не стыдно? Вы затащили моего сына в этот бардак, что он из-за вас бросил институт.

Я была ошеломлена. Усадила ее, спокойно выждала время, а потом дала волю своему красноречию. Говорю:

– Вам нужно было бы мне спасибо сказать, что сын ваш у добрых людей, а не в бардаке. Я учитель, живу одна, воспитываю сына, он ведь не бросил институт и не бросит. Достаток у нас невелик. Но мы и эти крохи делили с ним пополам. Ошибка ваша. Вспомните, где вы сделали просчет, что потеряли сына!

Тут она расплакалась и говорит:

– Он не мирит с мужем.

– А с вами, что?

– Да он мне доверил тайну, а я ее сказала мужу.

Говорю:

– Значит, последнюю обвиняете меня, не заслуженно?

В общем, много слов, но вернуть Володю в институт было невозможно.

(Мать Володи упрекнула: « Капиталина Алексеевна, почему это Володя называет вас мамой? »)

Провожали его с Толиком в Сибирь мы все. И была мать Володи. Я все наблюдала, что невысказанная досада и боль поехала вместе с ним в Сибирь.

Из Иркутска они мне писали, что оба поступали в институт. Толя кончил, а Володя бросил учебу. Так и не удалось ему окончить институт.

(На фотографиях этих проводов нет отца Володи Рябова. Значит, он не пошел его провожать).

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

По моей просьбе мама пишет дневник с воспоминаниями о своей жизни. Ведь мы не знаем, как следует, своих родных. Когда были малышами – многое не понимали. Когда стали старше – многое из жизни родителей нас просто не интересовало. Да и скрывать им приходилось многое, чтобы не уронить свой авторитет. Поэтому все наши знания о них – лишь верхняя часть айсберга. Читая дневниковые записи мамы, я в этом убеждался, и удивлялся открытиям не только из жизни мамы, но и из своей жизни тоже.

Да и время многое прояснило в нашей жизни. Посылаю тебе дневниковые записи мамы, которые говорят многое о моей отце.

Обнимаю, Борис.

ПИСЬМО – ЗАПИСКИ КАПИТАЛИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ

Капиталина Алексеевна – Борису

20.01.80

Отец твой воевал на фронте, но немного. С первых дней его подстрелил снайпер, разворотил все бедро, но кость не задел. Когда Костю повезли в Сибирь, он сам написал мне письмо. И был в госпитале восемь месяцев.

Он выписался из госпиталя на Дальнем Востоке, был демобилизован, и вернулся в хутор Зимняцкий в мае 1942 года. Он с палочкой приехал домой. Но совсем другой. Даже сразу не пришел к нам на квартиру, где мы свили гнездо. Когда приехал отец, тебе было шесть месяцев.

(Интересно, сколько месяцев Христу на иконе Божьей Матери)?

Была интересная встреча. 12 мая мне говорят:

– Костя приехал.

Я была на уроках. Он мне не показался. Домой не пришел.

Спрашиваю:

– Где видели?

Говорят:

– В парикмахерской сидит.

Я туда сбегала – нет его.

Ищу, бегаю, по хутору – нигде нет Кости.

В школу вернулась. У меня было много уроков. Кончились уроки, он так и не пришел. Это меня удивило. И дома его не было. Встреча произошла на улице. Меня окликнула женщина. Я остановилась, смотрю, идут люди, не знакомые мне. Я иду, они меня догнали. Смотрю, это Костя, с палочкой, прихрамывает. А с ним – две женщины и мужчина.

Я, было, ринулась к нему на шею с поцелуем. Но он своим видом как будто не велел целовать его. Мне почему-то показалось, что он готов оттолкнуть меня, такой у него был чужой взгляд. И подал руку, будто ему неудобно, так как был он не один, а с людьми. Я пожалала ему руку, словно незнакомцу, поздравила с возвращением. Так мы и поздоровались, не поцеловались. Я пошла рядом, как побитая собака. А за что? Сама не знаю. Я оробела, как будто в чем была виновата. И мы пошли всей гурьбой к дому. А он с ехидцей сказал при всех:

– Еще не знай, как она себя вела здесь все это время?

Я так и опешила. Как кинжал – в сердце, так стало больно. К горлу подкатил комок слез. Мне так стало обидно. Я его ждала честно. Он был у меня первым мужчиной в жизни. Такие были тогда правила. Да я и маму боялась, чтобы плохо сделать. Я ничего не ответила – от обиды. А за меня ответила идущая рядом женщина. Говорили потом, что это его родственница:

– Да одна Капиталина Алексеевна и ее подруга остались честные, когда полк стоял в хуторе. Больше не нашлось баб в нашем хуторе честных. Все перебесились, и девки, и бабы – с животами, когда полк отсюда двинулся дальше.

Я была поражена, услышав это. Спрашиваю ее:

– А вы почему знаете? Я ведь вас совсем не знаю.

– А я знаю вас. Всё, дорогая, нам известно. Как уходил «хозяин» продукции, которая у вас лежала для солдат. У нас весь хутор, каждый человек на виду. Ничего не утаишь. Многие пошли в роддом от полчан, или остались беременные.

Я была поражена.

Да, все перемутились, народ стал бесстыжий – война спишет. А мы иного нрава. Даже Костя тогда своей родственнице сказал, показав на меня:

– Значит, никому не нужна...

Так мы и дошли до дома. В квартире он увидел тебя, Боря, твои глаза любопытные. Ты стоял в качке и так пристально рассматривал его: «Что за дядя?» Мужчин он не видел, кроме того квартиранта–старшины с военным продовольствием. Смотрел на отца неотрывно. А отец чужими глазами смотрел на сына.

Потом взял тебя на руки и сказал:

– Ну, сын, иди ко мне.

Поцеловал, поставил опять в качку. И как-то с усмешкой сказал:

– Ну, жена, поцелуемся, что ли?

Так холодно меня поцеловал, без людей. Сделал мне одолжение. Но ответить на поцелуй мне не дал его холодный, официальный взгляд. Это был первый и последний поцелуй.

Надя уже училась в 9 классе, ходила в школу с обеда. А я с утра убегала на работу. Когда я возвращалась домой – в школу шла Надя. Так было все время. Поэтому в тот миг Нади не было.

Стали жить. Вскоре после того, как вернулся, Костя мне говорит:

– Я так к тебе спешил, что с поезда на поезд перескакивал. А по дороге из Владивостока цыганка мне нагадала, что у меня будет две жены. Думаю: «Неужели Капиталина изменила мне? Если изменила, я приеду и убью ее!».

Значит, у него и было две жены, если после возвращения с фронта целый день не приходил ко мне в школу. Так торопился, мимо школы ходил, и встретились после уроков на улице при всех и очень холодно. Видимо, там получил он оплеуху, и пошел ко мне.

А я ему в ответ:

– Ну, убивай! Невинную. А я так ждала тебя! Да и считала за преступление, чтобы изменить. Ты своим отчуждением уже убил меня.

А сердце внутри надрывалось: за что? Жила скромно, вопреки всем, кого соблазнял в хуторе полк солдат. Пока полк не ушел. Защищать нас, и умирать, когда немец подошел уже к Ростову.

Ну а потом – ты все знаешь. Наладить хотела жизнь по нужному руслу. Так и я думала, и мама об этом думала, хотела выдать меня замуж по-людски. А тут война. В 1940 году мы с Костей расписались, я стремилась создать в доме уют, обставила квартиру, забеременела, а родить пришлось без мужа. Я его ждала честно. А могла быть сыта и весела, как другие. Нет. Приехал через восемь месяцев, раненый, как чужой, оскорбил при всех, стал придирааться. Еще без денег, я одна тащила семью: Надя, я, он и ты маленький. Ведь ему сказали, что только осталось нас двое, я и моя подруга – скромницы, которые были верны мужьям. Цыганка, видите ли, нагадала, что будет у него две жены? Так он это сделал сам. Сам разрушил семью, очернил меня, ни в чем не повинную, как перед Богом, да еще в самом начале моей настоящей супружеской жизни. Он был убежден, что я ему изменила, и, как выразился, ехал меня убивать за измену. А тут вдруг осечка, все не так. Убивать не за что. Так он убил нашу жизнь, свою и мою, да и тебе, Боря, не легче было.

Все, что пишу об отце, тебя не касается. Но он должен покаяться перед смертью и очистить себя перед тобой. Ты-то не виноват совсем, если я не виновата, как ты знаешь. Или не веришь? Ты сам испытал холодные взгляды и не любимые сердца. Я тоже искала в себе вину, и только пришла к выводу (поздно), что зря я не давала сдачи. Но я такой родилась или стала с детства. Тут уж ничего не поделаешь. Хотя ты и обвиняешь меня за это.

Я его ждала, забыла прежние обиды – ведь шла война. А он не забыл, как я его не отпускала на войну? А, когда приехал, сказал мне как-то:

– Что там делают тыловые крысы! А я лез со своей моралью. Вот наш патриотизм! Честность! За правду!

Так, наверно, и было. Но я не помню.

(Мама, как все, боялась даже в письме говорить лишнее.)

Но все равно у казака остался характер тот же, с вывихами. «Каким ты был, таким остался...», как поется в песне.

Когда Костя приехал домой с палочкой, слава Богу, нога его ходила, так как кость была цела. Я шов во все бедро ему мазала.

К нам приближалась война. Стали мы жить хуже, на мою зарплату четверо, пока Костя опять устроился на должность управляющего банком.

И денег у него не было. А что у нас было – истратили, купили материал бостон ему на костюм и сундук большой. Я позже на этом сундуке спала. В сундуке был ящик водки на костюм, чтобы сшить (только за водку брались шить). А брюки у его старого костюма лопнули, и я из них сделала юбочку, материал был ценный.

Но все время я чувствовала что-то неладное. Он начал фырчать, мотаться.

Костя издевался надо мной еще и до армии. Все ему не нравилось. Он ничего не доставал из продуктов. А мог бы. А с меня требовал. Я крутилась, что сварить. Базара нет. Денег мало. А нас трое. Надежда страшно переживала, видя нашу размолвку. Спорила с твоим отцом. Сколько раз пыталась заступиться за меня, видя его несправедливое отношение и придирки. А сама-то мала еще. Однажды во время нашего скандала Надя назвала Костю «глистом». Он как на нее бросится с кулаками! Она вмиг шмыгнула под кровать. Я на него – повисла и разняла драку. И он остыл. А я сижу и плачу, такая моя безотрадная жизнь.

И после фронта, стал озорничать. Что не сделаю для него, все ему противно. Я не знала, как себя вести. Ровно месяц он терзал меня. А за что? За что? Я боролась. Старалась ему угодить. Но это угодничество его злило. Он выразился как-то:

– Надоело мне твое приспособление.

А защитить свою невиновность я не могла, как надо.

А он стал совсем невыносимый. Придет обедать – все ему не так.

Раз пришел на обед, а у меня ничего путного не было. Денег нет. И положить в суп нечего, кроме манки. Я налила горяченького, а он швырнул и начал ругаться. А потом хлопнул дверью и ушел на работу. А я зарыдала.

Приходит соседка – майорша:

– Капа! Это Костя так хлопнул дверью? Я бы ему дала! – И показывает кулаки, засучив рукава. – Он у меня бы три дня не сел.

Она знала, что я честно его ждала. Не как она. Когда ее мужа Славу взяли на фронт, она, имея двоих детей, приняла чужого полковника. И таскали из моей комнаты солдатские продукты. Вроде такая растопша. А, поди ж ты! Когда Костя вернулся, с ним вернулся и ее муж Слава. Хороший был человек. И после войны все ей простил, и опять жили вместе, а она еще над ним издевалась, помыкала им, как хотела. И он все делал ради детей, и стирал, и мыл.

А мне и прощать-то не было чего. Боролась с нуждой, как могла. Сама третья. Да и денег Костя не давал. А я ходила, носила из дома шмотки, чтобы выменять кусок сала, которое раньше мы и не ели с Надей. Я презирала тех женщин, кто изменил мужьям. И эту соседку, через коридор. Наревелась – и все. Дала ему полное раздолье измываться.

(И я, подростком, так уходил от матери. Весь в отца? Уеду на велосипеде в степь и сижу там, злюсь на нее, переживаю. Потом возвращаюсь. Надо признать, готовила мама поначалу неважно, как многие учителя – «щи с тетрадками». А на какие шиши хорошо-то готовить? Бедная мама!)

Костя уходил добровольцем на фронт вместе с парнем, мужем моей подруги. Этот парень был артист, за которого я не пошла замуж, боялась, что

будет изменять. А он так меня любил. После, когда вернулся с фронта, как-то услышал, что Костя издевается надо мной, и говорит своей жене:

– Я пойду, ему рожу набью за Капиталину.

На фронте он очень сильно простыл, и вскоре, после возвращения с войны, умер. Мы дружили с этой девушкой, она библиотекарь.

Бывало, сижу с ней и плачу. Так жить больше нет мочи. Вижу, дела плохие.

Не было покоя в доме и после его возвращения с фронта. Чувствую, что-то болит в левом боку, думала, сердце болит. И говорю про себя:

«Вот помотает муж еще меня, и я скончаюсь. Оставлю сына сиротой. Надо спастись бегством. Он же идиотничает над кормящей матерью».

К тебе он относился настороженно. А ты был толстенький, уже привык к нему, тянешь ручонки. А Костя стал еще пуще раздражительным, хотя повода я не давала. Все доискивалась причин.

Я все скрывала от людей, а сама начала таять. До его возвращения с фронта была полная, белая. Правда, на лице пигментация послеродовая (пятна) еще оставалась, но бледная. А здесь – чернеть лицо начало, и я стала слышать сердце. Видимо, сильно заболела, это отразилось и на молоке.

За месяц я сильно похудела. Но все скрывала от учителей. Они говорили:

– Костя приехал – и ты истаяла и почернела.

И я решила сама уехать от него совсем, чтобы оставить себя для сына.

А может, нас развели? Я думала, он стал чужим после того, как приходили какие-то две девки, и все хохотали. Принесли ему коробку турецкого табака и мундштук. Спросили:

–А Константина Семеновича нет дома?

–На работе, – говорю.

–Мы ему подарочек – коробку турецкого табака и мундштук принесли.

Говорю:

– Он не курит.

– Курит, курит, научился, - смеются.

Их я не знала и не видела никогда. Но боялась ссоры – и взяла.

Мне нужно было бы выбросить, а я ему отдала. Когда он пришел, говорю:

– Что это за фифочки?

Промычал себе под нос. Но, оказывается, стал курить. И, правда, стал сам не свой. Уходил в степь один. Мне видно было, как он с опущенной головой возвращался домой.

Ходил куда-то в поле. Видно было – идет один. Зачем ходил, не спрашивала.

Сделался он невыносимым. Все ему во мне не нравилось, как бы я ни старалась. Он был раздражительный и чужой...

И еще одно совпадение. Я спала с ним – ближе к стене, и описалась во сне, что никогда не было со мной. Разве я виновата? Видимо, нервы сдали.

Мне так неудобно было перед Костей. Хорошо, что все стекло под кровать. И он не видел. Я убежала на работу.

После этого он сказал:

– Стели мне на полу.

Меня это сразило. А стелить-то нечего было. Начались дрызги. Он был всем недоволен. Я, конечно, очень переживала...

Когда он опять стал управляющим банком, часто задерживался на работе. Пошла сплошная нервотрепка – и стрессы в семье. Но жить нужно. И бороться нужно. Жизнь – это борьба, без борьбы – нет жизни. И вот первый плач. Заболела грудь – грудница. Заболели легкие. Все за один месяц с мая по июнь.

Я расхворалась. Температура под 40 градусов. Пришел врач, простуда и грудница. Молока много, а врач велел сцеживать и выливать молоко. Тогда я вспомнила, как мама лечила в селе ребят. У них все горло от ангины распухало. Только этот заговор я выучила, и тут вспомнила.

– Дело плохо. Нужно вскрывать, – сказал врач. – Вся грудь зарделась, распухла.

А я все время заговаривала. И перестало колотие. Но краснота осталась. Врач сказал:

– Подождем вскрывать. Делайте компресс.

Я была на больничном. Все делала, как врач сказал. Стала меркнуть краснота. И врач обрадовал:

– Не будем вскрывать грудь. Только не надо пока давать грудь ребенку.

Так у меня левая грудь стала меньше правой. У многих – так. Но все обошлось. Ты опять стал улыбаться, и дело пошло по-прежнему. Я без конца волновалась.

Костя начал уходить из дома. Ночь – полночь. Я его искала. А потом этим бешеным молоком кормила тебя. Отсюда у тебя и болезнь желудка. Она еще началась на Дону. А потом болезнь продолжалась. Пришлось кормить грудью до 2, 5 лет, так как врачи сказали, что грудное молоко – это лекарство для детей. Другого ничего не было, как сейчас. Молочные кухни стали значительно позже...

Ну так вот, Костя часто «задерживался» на работе. Говорил, что очень занят, печатывает документы к эвакуации. А сам, наверное, жил с другой женщиной? В 1942 году немец подошел близко к Сталинграду, и решили у нас эвакуировать банк, школу.

Однажды Кости не было до двух часов ночи. Я даже испугалась, пошла в банк. Там сторож сонный говорит:

– Он давно ушел домой. А я думал, что какая-то ревизия.

Я вся дрожу.

А на другой день приходит еще позже, и меня выругал:

– Что ты меня позоришь?

Я его позорю?! Ведь я и сама себя срамлю. Ко мне относились везде с большим уважением. Я видела, что дети в школе меня любили. И вдруг такой разлад в семье.

Пока жил с нами отец, больше месяца, с первых дней его возвращения, видимо, ходил по женщинам. Я наверняка не знала. Не слышала толки. Лишь переживала. Наконец, услышала:

– Капиталина Алексеевна, возьми домой своего распутника...

Немного по-другому сказали. Я была поражена, смешалась и бросилась домой. Долго не могла придти в себя. Ведь я у людей на виду. Срам-то какой!

(Не знала моя молодая мама и то, что с войны приходили люди с поломанной психикой.)

Всё хуже стали жить. Холодная война между нами леденела. Нужно было принимать срочные меры. Близился конец учебного года, скоро каникулы. Мне надо, как всегда, ехать домой. Решила серьезно поговорить с ним.

Как-то вечером сижу на крыльце, жду его. Ночь, а его нет. Идет, не торопясь, после приятных встреч? Заставила сесть его на приступок.

– Давай поговорим. – Сели на рундучок втроем. – Что с тобой происходит? Я тебя ждала, как верная жена. Это твои люди на улице тебе подтвердили. И я вины своей не вижу. В чем дело? Что ты меня изводишь? Так жить нельзя.

И начала серьезный разговор. Решающий. Я стала таять, как свеча. Из здоровой полной женщины, превратилась в сухарь. Он упрекал меня, что я окаменела? А сколько я пережила, чтобы окаменеть? Все ему высказала:

– Что ты с нами делаешь? Неужели тебе не стыдно?

А он, видимо, только и ждал этого разговора. Ему было тяжело.

– Я тебя разлюбил. Вон, у тебя черное пятно на лбу.

Это от переживаний потемнели родовые матежи – пигментация лица во время беременности. Они не черные, а бледно-желтые, от переживаний потемнели. Кстати, беременность была тяжелой. Я падала в обморок в школе. Ему еще до армии звонили в банк, чтобы он пришел в школу за мной, так мне было плохо. Так у многих женщин бывает. А матежи прошли потом, когда я стала поспокойнее.

– Разлюбил? А любил ли? – спрашиваю. – А что же ты ко мне ходил?

– Я не к тебе ходил, а к Нюрке, дочке твоей хозяйки.

Я опешила. Это – страшное откровение! И я задала прямой вопрос:

– Что мне делать? У меня болит сердце. Я расстраиваюсь. И дите стало болеть, видимо, от плохого молока.

О разводе речь не шла. Он помолчал и, наконец, сказал:

– Уезжай домой.

Говорю ему:

– А сын тебя не волнует? Ты пощади хоть дитя.

– А что, сын? Ребенок еще маленький – умрет.

Я была поражена. Прошила грудь не то обида, не то боль в сердце.

– Как умрет?.. – вскрикнула я.

Я даже похолодела: «За что?!» Обида сжала сердце.

– Жить я с тобой не буду. Езжай домой... Только не выходи замуж... Я помогу посадить вас на машину, которая ездит от нас в Сталинград. А оттуда пароходом поедете в Астрахань.

Я подумала: «Немец недалеко от Ростова, творит чудеса. Жжет города, бросает бочки с горючим. Может, Костя хочет спасти нас, но не говорит».

– Я вас отправлю. Собирайтесь.

Вот так легко он расправился с семьей.

Нади в это время не было, и я ей не сказала. Она работала от школы в колхозе. Надя заработала тогда два мешка – пшеница и зерна – в колхозе.

На другой день я пошла к первому секретарю райкома. Все ему рассказала. Он позвонил в банк. Костя был удивлен, когда увидел меня, заплаканную, у первого секретаря. А тот поговорил с ним грубо, по-мужски. Велел все утрясти.

– Не время заниматься шашнями. Идет война.

Да, ведь шел 1942 год!

Но по глазам Кости я видела, что все бесполезно. Каким он был, таким и останется. Уложит меня – и замычет горе ребенок. Нужно сохранить себя для дитя. И я решила послушаться его совета – уехать домой. Что там меня ждет? Голод. Близкий фронт – немец был уже за Элистой, близко к Астрахани. Дома мать мучается одна, с Ленькой, Лидкой, Калерией. Еще Надежда со мной. Как выживать?

От такого страшного переживания я заболела и слегла. А сын насосался больного молока – тоже стал болеть.

Во время болезни я попросила Костю сходить за мукой, которую мне выдавали от школы. Он так и не пошел. Я тогда разозлилась и говорю:

– Иди, нечего тебе здесь делать.

А он этого только и ждал:

– Так, значит, по рукам? – подает мне руку в постель. – По рукам?

Я говорю:

– Помоги мне выбраться отсюда.

– Помогу, – говорит. – В общем, завтра в Сталинград пойдет грузовая машина, и они вас заберут. А там на пароходе – до Астрахани.

Так мы и разошлись.

Наде тогда было 16 лет. Она уже в 9 классе училась. Все понимала. И, конечно, все видела и терпела вместе со мной. Была упрямая, самостоятельная. А здесь согласилась:

– Поедем.

Мы с ней решили зерно с собой взять в Астрахань.

Надя тоже в душе надеялась, что Костя нас так эвакуирует, спасает, так как немец был уже в Ростове.

И вот он привел нас к машине. Она ехала до Сталинграда.

Отец сказал водителю о нас, и мы подошли к машине, груженной мешками. Да у нас еще два мешка. Мешки наши кто подал, я не помню. Может, даже и отец. В кабине были еще кто-то, по-моему, жена шофера. Мы втроем залезли в кузов машины. Надежда вперед, я ей подала тебя. Потом сама залезла. Сели. Два мешка с зерном, я с дитем, и узелок с барахлом – все пожитки. Он погрузил нас, подал руку – прощай «лавка с товаром».

Узелок небольшой, так как почти все поменяла ребенку на молоко и нам на картошку. Мы только что стали ее сами сажать. Но пришлось оставить огород перед отъездом. И все мои шмотки, и квартира – все осталось в Зимниках.

Я подумала про себя: «С пустой котомкой за плечами он проводил меня с крыльца», за все доброе и честное. Бог ему судья!

Но Косте далось это провожание тяжело. Он стоял около столба, прислонившись к нему лбом. Мне его было жалко, а не себя. И все же я не думала, что это конец совместной жизни.

Господь обиды знает, а нам не велено знать.

Так, без шума и крика, 12 июня 1942 года мы уехали с тобой, грудным, в Сталинград на машине. В кузове на мешках! А до Сталинграда – триста километров, потрясись по бездорожью.

И вот вся развязка. Хорошо, что совесть не дала ему соврать, оклеветать меня. Не было моей вины, да и люди и ученики меня любили.

Почему такая неразбериха в жизни?

«Я тебя разлюбил»!

А я даже не спросила, почему разлюбил. Нечего спрашивать свою совесть. Ведь он меня девочкой 22-летней взял. И я привезла матери доказательство – рубашку. И удостоверение о браке. Хотя оно оказалось ложное.

Вот такая моя судьба. Я оправдываться не стала. Причин не было. Я жила, как святая. Все знали. Даже от продуктов отказалась, которые сложили во второй нашей комнате для воинов. Считала – грех. И жалко их, солдат. Поют на холоде, голодные. А я им свою мелкую картошку отдала в котелки, и капусту, что насолила 10 ведер, всю отдала. Так старшина, хозяин продуктов, и ушел от меня ни с чем. Видит, что не пройдет номер. И начал таскать солдатский провиант своей любовнице.

Ты еще грудь сосал. На дорожку пососал, прилег к руке и заснул. Никакого беспокойства не проявлял. Наоборот, очень спокойно себя вел, и не обмарался, ничего. Ехали мы долго. На открытой машине. Ты почти все время спал. Потихонечку пососешь грудь, а потом опять заснешь.

Я на машине сажу и тебя кормлю.

А дядечка на меня смотрит все время, сидит напротив меня. Их много в кузове было. А этот пожилой мужчина, наверное, видел, что Костя меня провожал. Разговорились. И меня спрашивает:

– Вы кто? Я че-то вас не знаю.

Я говорю:

– Да, я учительница. Как же вы меня не знаете? Я тут работаю все время.

– А-а. А кто вам Константин Семенович будет?

Говорю:

– Муж. Вот я уехала от мужа с дитем и сестрой.

– Кто ваш муж? – переспрашивает.

– Константин Семенович, – говорю.

– Как муж? У него другая жена.

Я говорю:

– Как это, другая? Вот сын его. Уже второй год мы живем.

– Да что вы мне говорите? У него жена другая совсем. Я ее хорошо знаю. Туфли еще ей шил в мастерской. Он сам меня просил.

А я никак не пойму, о чем он говорит.

– Да что вы! – говорю. – Вот ребенок его. Едем домой к маме.

Я этого мужчину сначала не узнала. И тут вспомнила, что заходила в сапожную мастерскую. У нас открыли. Ну, там он не только один был, там несколько человек работало. Я просила сшить мне туфли. Значит, это он отказал: «Да нет, я не могу, и все». Хотелось мне заказать зеленые туфли. А он отказал, когда я сказала, что я – жена Константина Семеновича. А оказывается, он уже шил другой жене.

Этот сапожник так и не поверил мне. Ведь хутор Зимняцкий был очень большой, и не все меня знали. Это райцентр был тогда.

Вот так я узнала, что Костя тогда уже, при мне, имел женщину, и выдавал ее за жену тем, кто меня не знал. Видимо, этот месяц, после возвращения из госпиталя, он жил со мной и с другой женщиной.

(Я как-то спросил мать:

– Только один месяц после возвращения отца с войны вы жили? Когда же он успел туфли сшить другой жене? Значит, он до того шил туфли, как ушел на войну?

– Может быть, и так. Он в мае приехал, а в июне я уже уехала. И за один месяц я стала черная, – ответила мама.)

И, значит, мы приехали, уже к вечеру, в Сталинград. Ничего не ели в дороге. Да и есть-то, собственно говоря, нечего было. Так приехали мы в Сталинград, к одной старушке, живущей на окраине города. Там еще были старые домишки, хатенка небольшая. Но въехали во двор, видимо, к родне шофера. Может быть, они чего-нибудь и покупали – в этих мешках. Я не знаю. Все выгрузили мы. Остановились у этой бабушки.

Что я помню, то помню. Я бабушке говорю:

– Как вас немец, не тревожит?

Она слепенькая, говорит:

– Да, нет. Пароходы до Астрахани ходят.

– Говорят, что Сталинград бомбили?

Она:

– Да, ну-у! Кто это говорит? Ничего подобного. Не бомбили. Все тихо, спокойно.

Десятого вечером мы приехали. По-моему, мы переночевали. Потому что я побежала на другой день за билетами. Надежда осталась с тобой. Я купила на пароход до Астрахани билеты 3 класса. Наверное, извозчика наняла, или кто нас погрузил? В Сталинграде мы были уже одни. Погрузились на другой день.

Ты вел себя хорошо. Конечно, я тебе все поменяла, у нас были пеленки. Постирать негде. Наверное, подводу наняли утром, потому что нести мы не могли.

Погрузились и поехали мы на пароходе. На двухпалубном. Но на палубе третьего класса. Двухколесный, вроде, «Марат» даже. Ты с рук моих так и не слазил. Видимо, нас погрузили мужчины, которые привезли в Сталинград. Потому что они как-то прониклись уважением к нам, сочувствием. И шофер, наверное, почувствовал, решил, что здесь что-то неладное. Видимо, отец ему что-то сказал. Он и посадил меня, наверно, на пароход. Потому что я не испытывала тяжести. В третьем классе, там вот такие скамеечки, как жесткое купе, отделяются друг от друга. Не в каюте, а прямо на палубе. Не под палубой, а на первой палубе. Там было свободно. Мы хорошо ехали. Ты был все время у меня на руках. Я только села туда, и мешки свои положили, где-то на скамейки на эти.

Ехали молча. Так это, народ – как бы пришибленный. Почти никто ни с кем не разговаривал. В основном женщины, конечно. Может быть, и боялись. Потому что был слух: уже топили пароходы. Перед нами разломился пароход. Раньше немножко. Вот он, фашист, когда бомбил. Но только не Сталинград, он бомбил подступы.

Соску я тебе давала. Пузыречек у меня был. Я сцеживала молоко. Как куда идти, так я пузыречек этот оставляю тебе. Остается Надежда. И говорит:

– Ну, он и это съел, и это съел, все съел. И молоко все выпил.

Пеленки запачканные складывала – где в дороге постираешь? Я была черная, туберкулезная.

(Я мать как-то спросил:

– А что же, ты меня молоком туберкулезным кормила?

– Ну, у меня, видимо, не туберкулез, а только осеменение было. Наверное, в первой стадии, что ли? – оправдывалась моя бедная мама. – Но молоко у меня было очень хорошее.

– Но ты не понимала, что ты можешь туберкулезом заразить меня через молоко?

– Я не знала сама ничего. Диагноз мне поставили тогда, когда я уже сама себя вылечила, не зная от чего, от черноты. Тогда я думала, что сердце болит у меня. Я так решила: если только я останусь на Дону – я уже чувствовала, что он начал безобразничать, - то я не выживу.)

Ехали до Астрахани больше суток. Приехали к вечеру, двенадцатого.

Ты вел себя спокойно в дороге. Все было спокойно, все хорошо. Ты вообще молчал, ты както мало плакал. А я переживала. И Надежда, конечно, переживала. Она же Костю назвала не только «глистом, но и «Змеем-Горынычем».

На Волге все время было спокойно. Мы-то считали, что нет войны, ее не видели еще.

В общем, успели мы проскочить. Многие пароходы потом были потоплены. А мы плыли – даже не думали об этой тяжелой обстановке. Но были слухи, что немец бомбил Волгу. Сколько пустил ко дну пароходов, сколько погибло людей. Даже наша соседка Шурочка, жена капитана парохода погибла. Мы плыли 12 июля 1942 года. А 22 июля 1942 года от красавца Сталинграда не осталось ничего, кроме дома Павлова, камня на камне не осталось. А мы благополучно доехали до Астрахани.

Приехали мы к вечеру. Где-то нашли подводу. Факт тот, что мы приехали на ней. Нас никто не встречал. И некому. Я вхожу домой на Пушкинской улице. Открываю ворота, тебя держу вот так вот, как сейчас помню. У мамы сердце упало. Она до того растерялась, смотрит – и не узнала меня. Единственное, что она смогла сказать:

– Господи! Капиталина, ты ли это? Мешок с костями!

Значит, я была «красивая» уж очень. Вот эти слова у меня остались в памяти. Ну, и разревелись, конечно. Еле успокоились.

Почему я начала чернеть? Черное лицо – все в матежах. Почему начала худеть? Из полной цветущей матери превратилась в скелет – «мешок с костями». А недавно слышу разговор о том, что матежи – это сигнал рождения человека, приносящего зло людям. Кошмар какой-то! Не верю... Меня не оставляла боль и злоба судьбы. А за что?

А вот я сама с работы уволилась? Не помню. Но нужно было. Думала, что это немец подходит к хутору. Идет война под Ростовом. Нас эвакуируют. Но был у Кости уже план. Вскоре я узнала, что его с обозом банка отправили в Тюмень, спасать деньги. После он вернулся, но нас не звал. Так я и осталась жить у мамы.

ВОЛОДЯ – БОРИС

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, Боря!

Ты спрашиваешь, как я сблизился с Августой (Галей) – другой дочерью Аркадия Васильевича. Отвеча. Подробно – эпизод.

На вокзале в Новосибирске поезд стоял всего 20 минут. Из вагона вышла женщина небольшого роста, очень приятная и сразу к себе располагающая. Следом за ней – ее дочь, очень на нее похожая, с девочкой 7 – 8 месяцев на руках. Тетя Гутя меня представила. Потом – внучка Гали как-то оказалась у меня на руках. Они – две Августы – много говорили между собой, иногда задавали мне вопросы, а мы с моей племянницей стояли и слушали. Перед тем, как поезд тронулся – при прощании – обе родственницы из Красноярска обняли и расцеловали нас с тетей Гутей, я отдал внучку, и они уехали.

Никак не могу вспомнить, как у нас началась переписка с Галей (Августой). Но помню, что писали друг другу длинные письма – интересные. А одно мое письмо понравилось ее второй дочке – с ним она даже спала (держала под подушкой). Сейчас стали писать очень редко друг другу. Мы так больше друг с другом и не встречались, хотя Галя постоянно стремилась приехать ко мне в Одессу.

Не знаю, почему, но у меня сначала почему-то зародилось чувство, что она стремилась больше – не встретиться со мной, а попасть на юг, в Одессу. Может, я ошибаюсь, мне бы хотелось, чтобы я ошибался в этом вопросе.

В то время мы с Галей часто переписывались. Вторую дочку обманул студент, с которым она училась. И они на семейном совете решили сделать аборт. Галя мне писала о моральном состоянии дочери тогда, я на это ответил письмом, в котором много писал о любви, о семье, о долге и ответственности – это как раз было во время, когда начала разваливаться моя вторая семья. Я жил один, много думал об этом и читал. И эти мои мысли и настроения того времени вылились в то самое письмо. Сейчас, наверное, я не смогу такое письмо написать.

Обнима. Вова.

Борис – Володе

Без даты

Дорогой Володя!

Твое письмо нарисовало картину, как ты наконец-то вошел в огромную семью своего отца Африкана Васильевича. Стал своим для Сливкиных, по крайней мере, тех, с кем встретился.

Однако ты ошибаешься, из-за мнительности, что Галя больше рвалась на юг, а не к тебе.

Вот если бы тебе вернули письмо, с которым «спала» вторая дочка Гали, или хотя бы ты вспомнил, о чем и как там было написано, что тронуло девочку.

Не мог бы ты прислать хоть какие-то письма от Гали, чтобы они пролили свет на ее жизнь с дочкой? И хорошо бы предварительно прочесть их, чтобы в двух словах прояснить, о чем ты им писал, вызвав такой душевный порыв.

Жаль, что ты боишься попробовать еще раз написать «о любви, о семье, о долге и ответственности», как ты писал Гале. Это было бы и мне по-человечески полезно, не только для нашего дела. И у меня бывает такое, что в уме красиво, а на бумаге – не то. Просто приходится зачеркивать и заново заставлять себя выразить задуманное. И не раз. И в какой-то момент приходит что-то вроде озарения. Находишь не только нужные слова, но и гораздо интереснее задуманного. Это – обычный процесс творчества. Писателю постоянно приходится вызывать свое озарение. Другое дело, что не всегда оно приходит. Но он не должен «давать душе лениться».

Я бы, на твоём месте, продолжил поиски отца. Моей семье сообщали два раза о смерти деда. Надя, его дочь, моя тетка, распределилась после мединститута в Мурманск, и нашла отца на Колыме. И моя мать похоронила его намного позже в Саратовской области, когда он был освобожден. Тем более, по почтовой открытке можно обратиться в полевую почту № 493 от 29.05.42. Ты пишешь, что точно похоронки не было?

Посылаю тебе новые записки, которые мне прислала мама.
Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, дорогой друг!

Очень сожалею, Боря, не смогу я написать сейчас об этом, как писал сестре, если и попробую, получится серо, повторение истин. Тогда слова и предложения сами ложились на бумагу, я жил в то время теми мыслями, много думал о своей жизни, о своих ошибках, анализировал, читал литературу, которая мне попадалась на эту тему. Я как бы был весь пропитан, как бы тебе сказать – моя душа кричала, психическое состояние было на пределе, много бессонных ночей, я метался, как зверь в клетке. Да, тяжелые были времена. А сейчас жизнь совсем другая, и мысли – тоже (часть их я затронул в предыдущем письме, ты назвал их «горечью»). И поэтому, мне кажется, не нужно никогда заставлять себя делать то, к чему не подготовлен, к чему в данный момент нет желания, – наверняка, всегда получится плохо, очень трудно найти что-то вроде озарения, если его специально искать, оно должно прийти само при определенных обстоятельствах, которые мы и должны создать целенаправленно. И все-таки я с тобой не согласен – творчество бывает не только в искусстве, но и в любой работе творческий процесс возможен. Мне не нравится выражение «принятое в газетах заблуждение». И вот почему – все мы черпаем из газет, книг, кино, телевидения, из жизни. Но анализируем мы всю эту информацию каждый по-своему. Поэтому «принятая в газетах» чья-то мысль, чей-то анализ, значит и чья-то истина. И отрицать сразу ее нельзя, не проверив, не побыв самому в той ситуации, в какой был тот человек.

Пиши. Вова.

Борис – Володе

Без даты.

Здравствуй, Володя!

Посылаю новые отрывки из дневниковых записей моей мамы. Эти посвящены моей первой встрече (после рождения встреча – неосмысленна) с отцом. Хотя и она не осмыслена, зато интуитивно верна, ведь устами младенца глаголет истина. А мне тогда было неполных пять лет.

Обнимаю, Борис.

ПИСЬМО – ЗАПИСКИ КАПИТАЛИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ

Капиталина Алексеевна – Борису

20.02.80

Больше я ничего об отце не знала до 1946 года. Но я решила поехать к нему, когда прошла война. Прибарахлилась, купила себе розовое крепдешиновое платье, выбила (на машинке) сорочку. Тебя одела. Заработала 1000 рублей. Тебя – в зубы. И поехала опять на Дон, надеясь, может, сойдемся с твоим отцом.

Добралась с трудом. Сталинград разбит. Мы с тобой приехали в Зимняцкий хутор. На нас по дороге в Зимник напали пчелы, мы еле отбились. Спасибо, прохожий мужчина нам помог, пиджаком их отгонял от нас. В хуторе Анны Кондратьевны не было. Нюрки – тоже. Я никого не искала, пошла в сбербанк. Он уже вернулся из эвакуации.

Отец поселил нас в «отель» для приезжих. Я думала, что у нас с ним наладится жизнь. Нет, опять рукопожатие.

Все думали, что я буду кричать, ругаться, а мы поговорили мирно.

Он сказал:

– Я женился.

Спрашиваю:

– А как я? У меня нет развода. Как ты мог зарегистрироваться?

Он говорит:

– Война. Паспорт у меня до войны забрали, а после дали чистый.

А он у него и был чистым, так как при регистрации мне поставили печать, а ему нет. Так сумел. Опять я ушами прохлопала.

Наверно, он дал фиктивный бланк заполненный – брачное свидетельство. А в регистрационную книгу не записала девчонка. Может, ей деньги сунул. Я-то в рот росла, не думала. Мне казалось, что он очень любит меня. Держи карман шире. Вот еще когда меня обманывали. Как верить людям? А мне не стали потом снимать копию с брачного свидетельства, так как оно не действительное. Но факт-то действительный. Жили мы вместе почти два года в своей квартире у всех на виду. И вот убеждаюсь, что жена – не та, что документ о регистрации не тот. Благо, что отец тот – твой. А он за двоеженство мог и партбилет потерять, и в тюрьму попасть.

(Когда я приехал к отцу, смотрел–смотрел на него и видел, что я совсем не похож на него. А мама уже при смерти, взмолилась и почти плача сказала: «Истинный Бог, он твой отец». Я ее поспешил успокоить. Ведь на его сына Сергея я чем-то похож. И Андрей, мой сын, похож на деда Семена – отца моего отца.)

Костя сказал мне:

– Выходи замуж. Я не возражаю.

Раньше он велел уезжать в Астрахань, но просил, чтобы я замуж не выходила. А теперь, видите ли, разрешает. Когда уже сам женат. У него самого – семья, жена казачка и двое сыновей. Что мне оставалось делать? Еще раз сглотнуть горькую пилюлю. И вся моя надежда – лопнула.

Поехали с Костей в город Серафимович к нотариусу. И там заверили справочку, что он не возражает, чтобы я вышла замуж.

Эта филькина грамота до сих пор лежит. Не потребовалась.

Я, конечно, страшно переживала в этом доме приезжих, поэтому свалилась. Боря принес мне воды запить лекарство. В это время открывается дверь – и две лошадиные морды смотрят на нас. Я спрашиваю:

– Что вам надо?

Им и сказать нечего

– Как устроились?

– Хорошо, – говорю.

Какая из них жена – не знаю. Конечно, может, и не стоило возмущаться на весь хутор. Я и не возмущалась. Но жалко мне было, что это – настоящий конец моего «семейного» счастья.

Все думали, приехала жена с ребенком. Вот и забегались.

Особенно была возмущена его бухгалтерша. Она сразу ко мне прониклась уважением. Она со мной переписывалась, очень хорошая женщина, меня очень жалела. Это она сообщила, что в войну отец был в эвакуации с банком в Тюмени. И когда она увидела меня – не отводила глаз.

Эта женщина бухгалтер была просто поражена. Говорит:

– Я думала, что вы только самостоятельная и семейная женщина. А вы ведь красивая, умная, а так он издевался над вами? Что ему надо было еще? Вы знаете, какая у него страшная жена? Видали его жену? Что он сделал? Куда смотрел?

Так она мне много сплетен наговорила, а про меня – хвалебных слов. Я была в розовом крепдешинном платице, стройная. И конечно, не стоит жена меня. Так бухгалтерша возмущалась поведением Кости, я и не знаю, почему.

Отец сказал в Серафимовиче:

– Боря, я твой отец.

А ты удивленно пожал плечами, как взрослый:

– Папа? Хмы... У меня папа красивый. Разве ты мой папа? Ничего подобного.

И все хмыкал.

Костя был крайне удивлен таким обращением к нему. Но и мы не меньше были удивлены.

Тебе не понравился отец. Но ведь и ни страшного, ни красивого и в помине у меня не было. Я не стала разочаровывать и доказывать. Сказала ему, что сын фантазирует. Пусть думает: «Красивый папа семцев бьет», – так ты в пять лет называл немцев.

(Когда я пришел к Диме, ему было лет шесть. Он прибежал домой с велосипедом. Бабушка ему говорит:

– Дима, это твой родственник.

А Дима удивленно пожал плечами и протянул:

– Мой родственник? – и хмыкнул.

Гены все повторяют.)

После нашего визита в Зимники к отцу, мне в Астрахань, по ходатайству бухгалтерши, прислали исполнительный лист на алименты – на 200 рублей. Как раз – на четвертинку бутылки молока. Так я стала получать алименты, которые даже не просила.

(Не могла просить, потому что не было никаких документов о регистрации и о рождении ребенка. Ведь свидетельство о регистрации не действительно, так как нет № по регистрационной книге, да оно и потеряно, а копию нотариус не смог заверить. И свидетельство о рождении моем получено повторное в 1956 году, а оригинала нет. Да и было ли оно? Незаконная жена и незаконный сын! Обо всем этом я узнал позже, а осмыслил только недавно.)

Насчет неверной регистрации я не знала до тех пор, пока не проработала 25 лет учителем. Я должна была получать 100 рублей зарплаты после второй смены денег. Хотела заверить копию свидетельства у нотариуса, а мне не сделали. Считается, что регистрация не действительная, так как нет номера в регистрационной книге. Я этого не знала. У меня была тоже зарплата 80 рублей, как и у Кости.

(Присылали по 20 рублей алиментов после обмена денег. Помню, однажды, обидевшись на мать, я сказал ей о том, что у меня есть деньги – алименты. Причинил ей лишнюю боль.)

Конечно, все со временем изменилось. Повзрослел человек – и мысли другие, и дела другие. Так и отец. Я не хочу что-то сказать или укорить его. Написала правду, а у каждого она своя.

Приехала я в Астрахань ни с чем, с филькиной грамотой за 1000 рублей и разбитой судьбой, вдребезги.

ВОЛОДЯ – БОРИС

Борис – Володе

Без даты

Володя, когда рухнула моя семья, я написал отцу, что он может рассчитывать на меня, если ему захочется или потребуется. До этого с 8 до 18 летя я получал от отца алименты по 20 рублей в месяц. Мать своими рассказами подогрела неприязнь к бросившему меня отцу. Но так ли все было? Сейчас я сомневаюсь в достоверности этого мнения. Видимо, такие слова сказаны в сердцах. Даже мать в отчаянии может сказать: «Лучше бы ты не появлялся на свет». Или поугубить: «Убью!»

В тринадцать лет, когда я съездил к отцу, по его приглашению, в Быковы Хутора, отец мне не понравился – жадный, лысый, очкарик. Но я его запомнил – живым. Я запомнил эту вторую встречу с отцом на всю жизнь.

По сохранившейся в памяти версии, отец прислал письмо на адрес школы. Мама не хотела, чтобы я ехал. Потом согласилась.

Она купила билет на пароход, в каюту с женщинами, попросила их посмотреть за мной.

«Отец звонил мне позже, – писала она мне в письме:

– Мне нужно с сыном познакомиться.

– Что ж, пожалуйста.

А затем вскоре звонок опять:

– Что же сына на маленький срок отпустила? – он мне сказал.

Я говорю:

– Пусть, сколько ему хочется, побудет.

А, оказывается, напрасно я так сказала. Ты приехал неожиданно. Весь грязный. Говоришь:

– Спал на полу на нижней палубе парохода. Билетов не было.

И все белые брюки испачкал, текла вода, где-то под краном спал. Говоришь:

– Мам, я так и знал, что ты разрешишь мне остаться еще на несколько дней. Но я соскучился».

Другой раз, в письме мать рассказала другую версию: «Какая, интересно, была встреча у тебя с ним, когда тебе было 13 лет?»

Он мне звонит:

– Ты пришли его ко мне.

Я поговорила с тобой, ты согласен. Тогда я купила тебе билет в двухместную каюту, до Быковых хуторов. Все наказала соседке по каюте, чтобы следила за тобой, чтобы не проспал, когда выходить. Но ты мне о встрече не говорил.

Потом он прислал тебе на Красноярскую улицу хорошую теплую кофту–свитер».

(Эта кофта – единственный подарок от отца на всю жизнь. Я в ней сфотографировался на паспорт.)

Я помню третий вариант. Отец тогда прислал письмо на школу для меня и в нем попросил маму отпустить меня к нему. Я письма не видел. Может, его и не было. Мать не хотела пускать. Как мать не отговаривала, я решил тогда поехать к отцу. Был скандал.

Отец стоял на пристани. Штаны засучены по колено, босиком. А ботинки на палке висят на шнурках за спиной. Сколько тогда ему было лет? Сорок лет. Так мы и пошли по кромке воды вдоль Волги к нему домой. В доме на стене я заметил чистое пятно от снятой большой фотографии.

Мне исполнилось тринадцать лет. Я учился в музыкальной школе играть на баяне, у слеполго учителя.

А после развода с женой, я понял, как непросто сохранить семью. Я стал таким же отцом, покинувшим, не по своей воле, ребенка – дочку Таню (даже не захотели знать меня). И, повзрослев, понял, что отец может быть и не виноват в разводе, вернее, может быть не подлецом, а просто человеком с плохим характером, слабым здоровьем, нелегкой судьбой.

Через двадцать пять лет после нашего «знакомства», я написал отцу первое письмо. Он откликнулся, написал о себе. Матери о нашей переписке с отцом я долго не говорил, пока она сама не нашарила в моих бумагах письма отца.

Более того, когда мать вспоминала обиды на отца, я заступался за него:

– Ты прожила с ним только один год, а с другой женой он прожил почти сорок лет. Значит, можно с ним было жить долго, до конца своих лет? Она сумела, а ты – нет. Как я был жесток к матери, понял намного позже.

Сейчас, когда я потерял вторую семью, и от меня отгораживают сына, я еще больше утвердился в мысли, что могу даже жить со своим отцом. Но вот любви к отцу я не чувствую. А ты?

У тебя, видимо, отец достойный, значительный человек, долго работавший за рубежом? У меня – простой служащий госбанка. Но не в этом дело. У нас с тобой не реализована сыновья любовь к отцу. Что ты, Володя,

думаешь на этот счет? Может, мы поговорим об этом, когда сможем встретиться?

Я за тебя беспокоюсь еще потому, что сам пережил похожее стрессовое состояние, и знаю, что в него попадают не от глупости, а, наоборот, – от больших дум и чувств. Хорошо еще, что есть с кем поделиться.

Я могу вот так откровенно говорить о литературе с одним товарищем из Астрахани, с которым переписываюсь десять лет, с Сашей. Он очень хороший человек и, как я убедился недавно, очень преданный друг. А вот о каких-то жизненных, тем более философских вещах, мне было не с кем поговорить. Был один друг, который знал о моей жизни много, – а жаль! – но я от него ушел. Он посмеялся – и не раз – надо мной. Я не терплю в дружбе унижений. Случайные – я прощаю, а постоянные, да еще намеренные – не могу простить. Я думаю, и ты такого склада. Потому что каждый из нас чувствует в себе человека неординарного, не хуже других.

Однако, что касается твоей просьбы узнать о твоей бывшей жене Валентине, я тебя умоляю, не втягивай меня в это дело, потому что здесь легко перейти опять ту грань, которую я когда-то перешел. Этот разговор с ее бывшим хахалем Панфиловым ты можешь отложить до приезда ко мне в Москву в июле в отпуск, я тебя провожу к нему. Договорились?

Я попросил отца написать мне его автобиографию. Что-то он никак не напишет.

Обнимаю, Борис.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Мне мама писала в своих воспоминаниях о моей встрече с моим отцом в Астрахани.

«Приезжал твой отец с двоюродным братом Абрамовым Вячеславом Николаевичем, который, оказалось, живет в Астрахани. Приезжал, когда тебе было пятнадцать лет (до смерти бабушки в 1956 году), на улицу Огарева. Отец приезжал в Астрахань с ребенком пяти лет. Он сказал мне:

– Давай сходитьсь. Я разделил детей, один – ей (его жене), другой – мне.

Стоит мальчишечка малышка, глазами хлопает. Жаль его мне стало. Да и тебе тоже, наверно, потому что ты сказал:

– Никому такой отец не нужен. Меня не воспитывал, пусть их воспитывает.

А ночью меня спрашиваешь:
– Мама, ты не спишь?
– А что? – говорю.
– Ты на меня не смотри. Мне – он не нужен. А если ты хочешь – то сходишь».

Отец мне не понравился и в этот раз. Не понравился он и на лицо, и по характеру. Я говорил матери:

– Он жадный. И страшный. Не в моем вкусе.

«Как я могла сойтись? – писала мама. – Конечно, согласие не дала. Он увез малыша. Этот, что ли, умер? Или другой? Я не знаю».

Нет, этот не умер. Этот – Сергей стал мэром в районном городе Волгоградской области. Вспомнив сейчас эту встречу с отцом, я понял, почему отец меня позвал: хотел посмотреть на меня, какого он возьмет с моей матерью, если она согласится выйти опять замуж за него. Но, приехав к нам, получил отказ.

Обнимаю, Борис.

ПИСЬМА ГАЛИНЫ–АВГУСТЫ

Галина–Августа – Володе

Лето 1981 г.

Здравствуйте, Зоя, Володя и Сережа!

Я уже близко от Вас, теперь нас омывает одно море.
(Сегодня с Улей ездили в Сухуми в обезьяний питомник).

Очень ждем Вас, после Новосибирска у нас. У Юры – машина, он рыбак, покажет Вам все прелести Сибири.

2/VI – 81 г. я уже буду дома, у меня отпуск до 20/VII – тоже смогу показать Сибирь, не обижайте нас, приезжайте.

У нас на даче очень хорошо.

В этом году Лене с мужем некуда поехать, если вы не возражаете, примите их на один месяц (на август) у себя. А на следующее лето мы с Улей приедем обязательно, никуда не будем планировать.

В этом году с 3/VII – я вставляю золотые зубы – это проблема, пропустить этот случай (по договоренности) нельзя.

Дачу жаль, без меня ездить будут редко, останемся без урожая. Таким образом, дел дома много.

Тете Гуте ничего не звонила, так как письмо пришло за 3 – 4 дня до нашего отъезда, у нас уже были куплены билеты туда и обратно, ничего нельзя было изменить. Пишите. И очень ждем в Сибири.

Очень рады, Вова, что у тебя наконец-то все хорошо, значит, есть Бог. Хоть бы не сглазить. Сейчас так редко стали люди жить хорошо.

Всего Вам доброго, Галя.

Галина–Августа – Володе

4 июля 1981 г.

Здравствуйтесь, Вова, Зоя, Сережа!

Мы уже отдохнули, даже немного забыли, как жить без забот.

Очень жалею, что не встретились в Сибири.

Лена мне сообщила просьбу Гути приехать в Новосибирск, но это оказалось невозможным. Билетов уже не было. У нас был билет на 2 июля, но мы выехали только 3-го, так как самолет был неисправен. Но это уже все позади, теперь об этом нечего говорить, ничего не вернешь.

На следующий год приеду обязательно, одна или с Улей. Если не заболею, планирую на август – сентябрь.

Лена в этом году к вам не приедет, так как год очень неблагоприятный, июнь – засуха, сейчас – дожди, в сельском хозяйстве неполадки, и студентов-комсомольцев уговорили сократить каникулы и поработать в селе. И у Лены, в результате, осталось каникул две недели только. Поэтому она сидит то дома, то на даче, ехать нет смысла, мало времени.

Я обычно далеко не планирую, боюсь, уже болезни цепляются, да и внуки могут связать руки. Но, думаю, что смогу в 1982 году приехать к Вам, очень хочу посмотреть Вас, да и в Одессе давно не была.

Юра все рыбачит, очень жаль, что Вы к нам не доехали. Юра бы наловил рыбы, наварили в тайге ухи – красота и вкусно.

Приезжайте к нам в Красноярск, не пожалеете, очень красивые места, Зое это будет очень интересно. Отправьте как-нибудь Сережу к нам на каникулы, пусть посмотрит Сибирь, она ему понравится.

У нас все здоровы, на даче все растет. Наварили варенья, компотов, уже готовимся к зиме. Сейчас уже пошли грибы, Юра и Лена уже ходили за ними.

Ира работает, вторую внучку – Сашеньку – носили к бабушке, скоро отдадим в ясли, ей 1 год 4 месяца.

Пишите, не сердитесь, что Лена не приехала, у нас все еще впереди.

Папа писем не пишет, а только шлет телеграммы и деньги. Сейчас правнучке Сашеньке выслал 100 рублей. На подарок («на зубок»).

Гутя пишет, но редко.

Пишите.

Всего Вам доброго.

До свидания. С уважением, Галя.

Привет от всех наших: Ира, Уля, два Сергея, Саша.

ВОЛОДЯ – БОРИС

Володя – Борису

05.02.82

На твое письмо я тебе ответил сразу, но до сих пор не получил ответа – наверно, не понравилось, не бойся, напиши. А может, ты его вообще не получил? Ответь, пожалуйста, хоть пару слов.

У меня все по-старому. Все свободное время от работы и домашних забот трачу на радиолюбительство – много планов, а времени так мало. Почему-то с возрастом его все больше и больше не хватает.

Что случилось? Почему ты перестал мне писать, даже, не получив моего письма, ты должен писать мне, каков бы я ни был, плохой или хороший, догадливый или непонятливый, сумасшедший или в своем уме. Ведь мы с тобой давно знаем друг друга. И прошло ровно 20 лет, как наши пути разошлись, а мы все еще можем что-то писать друг другу. А если ты получил мое письмо и не ответил, то это нехорошо с твоей стороны, не по-нашему, не по-дружески, ругать тебя за это мало.

Я не обидчив и легко прощаю, когда почувствую, что человек меня понял. Ведь чего так сильно не хватает людям? Умения понимать других и взаимного понимания.

Очень хочется встретиться, если есть возможность – приезжай в Одессу, лучше с наступлением тепла. Да, и сейчас можешь приехать. Ведь мы так мало поговорили при встрече в Москве.

Пиши. Обнимаю. Вова.

Борис – Володе

7 февраля 1982 года

Дорогой Володя!

Сегодня отправил маму и тетушку в Астрахань. Они у меня загостились, поэтому не было времени сосредоточиться для ответа на письмо.

Я не оставляю мысли продолжить начатое дело. Думаю, переписка пойдет теперь активнее. Ты просишь комментировать твои ответы, потому что дело не простое. Ну, попробую. Комментарии будут черновые, основные размышления над твоими письмами будут позже и, может быть, выльются на бумагу в процессе работы над задуманной вещью. А пока читаю письмо – и

отвечаю, и спрашиваю. Думаю, я не буду тебя ограничивать, пиши обо всем, что посчитаешь нужным и, как можешь, подробнее. Но обязательно постарайся ответить на мои вопросы. И еще одна убедительная просьба: пиши, пожалуйста, только на одной стороне листа.

Ты пишешь, при слове «отец» – «его образ встает перед глазами». Как ты видишь этот образ Рябова? Попробуй рассказать мне такие эпизоды (пускай схематично), которые подтверждают, что он выглядел в твоих глазах, именно, как отец. Докажи мне, что он был отцом.

Как Рябов реагировал на то, что тебе сказали о настоящем отце? Сам эпизод этого разговора, доказывающего его ненависть к тем людям, кто сказал тебе о твоём отце. А как бы ты поступил на его месте? Оправдываешь ты его «святую ложь»?

(Если бы я знал тогда, что это не ненависть, а страх за себя и за Володю!)

То, что Рябов, держа тебя на руках, не целовал тебя, наверное, говорит о том, что любви к тебе он еще не испытывал (кровной любви)? Это тебя не удивляло? Или ты считал, что мужчина не должен сентиментальничать с сыном?

Сколько тебе было лет, когда Рябов стал твоим отцом? Пусть я повторюсь, но как ты считаешь – твоя мать изменила, когда рассталась с твоим отцом? Как она (и он) оценили этот разрыв (Война разлучила? Любовь к Рябову? Она гуляла, пока он воевал? Клеймо «без вести пропавший» разлучило, из-за страха?), как ты оцениваешь эти позиции?

Слова матери в тот вечер: «Ты Вовку любишь?» – самое главное в твоих воспоминаниях, поэтому ты их и запомнил. Моя мать маленькой девочкой запомнила примерно такие же слова своей матери отцу ночью. И положение моей матери в семье было похожим на твое (я пошлю тебе письмо, где она об этом рассказала мне).

Хоть это и больно, Володя, но мы занялись анатомией чувств.

Поэтому я скажу, что называл про себя (на Красноярской) твое положение в семье, как в сказке Андерсена, – «Гадкий утенок». Я тебя сравнивал с этим гадким утенком. Пока не узнал о твоём открытии настоящего отца. Тогда я понял, что не прав, и прав.

Видел ли ты разницу любви Рябова к сестрам и к тебе? Докажи конкретными эпизодами. Володя, я все время прошу «докажи» и обязательно «эпизодами». Эпизод пишется так: ты подробно описываешь случай, что произошло, кто что сказал, какая была при этом обстановка. И свое отношение к этому событию. Не хватит одного письма, напиши «продолжение следует», потом доотвечаешь.

Случай в роддоме, когда ты увидел сына, ты, наверное, оценил. Тогда ты испытал не любовь к своему сыну, а скорее инстинктивный восторг, что у

тебя родился сын. И этот восторг подкрепился радостью – ты продолжил себя в сыне. А когда ты испытал впервые любовь к сыну?

Я не помню, сколько было лет моему Андрюше, год или больше, но точно знаю – не сразу, а в какой-то день стал ощущать зарождение в душе своей любви именно к Андрюше, как к сыну, родному. И понял, что такое эта любовь, и пришел к открытию, что больше так вот никого никогда не любил.

Сейчас, когда мы встречаемся раз в неделю, и лишь иногда удается позвонить друг другу (Лиля звонков этих не любит), я с горечью ощущаю, что любовь эта стирается разлуками. А как у тебя с твоим Андрюшей, Максимом и дочкой? К Танечке у меня осталось только чувство отцовского долга, который я исполнять толком лишен возможности. Я увижу ее – и, наверное, не узнаю. Ужас! Все потому, что ее настроили против меня (вернее, что ее мать Иру настроили против своего разведенного отца Макурина, а она, по эстафете, настроила так свою дочь против меня), и мы с ней, я с ней, не смогли встречаться.

Ты пишешь, что между тобой и Рябовым (ты не возражаешь, если я так называю твоего второго отца?) была «какая-то стена». Докажи мне несколькими эпизодами эту «стену», лучше самыми острыми, и проанализируй их с позиций той идеи, которую я подробно изложил раньше.

Какими эпизодами ты можешь доказать, что Рябов «всеми силами своими, как мог, хотел» заменить тебе кровного отца? Даже из его писем, которые ты мне присылал, я этого не понял.

И еще, Володя, вспомни несколько случаев, как ты сознательно пытался быть ближе к Рябову, пытался взломать эту «стену» между Вам, найти с ним «мужской контакт».

Письмо твое закончилось. Наверное, в дальнейшем я буду спрашивать какие-то подробности по этому письму. А пока последний на сегодня вопрос.

Находишь ли ты (со слов окружающих) общие черты в тебе с Рябовым, как с кровным отцом (очем ты писал)? Какие? Докажи примерами, поступками.

Это уже не гены, а воспитание. Хотя они сказываются в первую очередь. Но и судьба. Я, например, подозреваю, что если у отца не сложилась жизнь с женой, то и у сына может не сложиться семейная жизнь. Сын не видел перед глазами школы нормальной жизни мужчины и женщины в браке, не умеет строить семью, как не умеет играть на фортепьяно, не занимаясь этим каждый день под руководством учителя.

И общее бывает в жестах, даже у сына, не видевшего родного отца. Однажды я заплясал в шутку по комнате, высоко задирая ноги, и мама сказала: «Твой отец так же прыгал, да еще так же в кальсонах».

Большой привет твоей семье. Мама тебе просила передать «всего доброго». Спасибо за искренность и откровенность.

Посылаю новые дневниковые отрывки мое мамы.

Обнимаю, Борис.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПИСЬМО – ЗАПИСКИ КАПИТАЛИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ

Капиталина Алексеевна – Борису

Без даты

...Когда моя мама, Константинова Анисия Васильевна, вышла замуж за Белова Алексея Тимофеевича, шла Германская война (первая мировая война). Родилась первая дочь – Елизавета в 1914 году. Годы тяжелые. Отца взяли на фронт. Мама к нему ездила. И после привезла меня в 1917 году. Так что я родилась под канонадой, так же, как и ты – в 1941 году.

Родилась я в Петропавловке. Вес мой был всего 4 фунта (килограмм шестьсот грамм), ногтей не было. Бабушка меня «допекала» – согревала, поэтому и любила меня больше всех моих сестер. Была я вторым ребенком.

Ранние годы я помню смутно. Нянчили меня тетки и бабушка. Жили мы все с бабушкой в ее доме. Мамины сестры тетя Шура была еще девушкой, и тетя Оля – то же. Они ходили с ребятами. А я, маленькая, почему-то всегда тащилась за Шурой. Никак Шура от меня не отвяжется, когда идти на свидание. Я всегда бегала за ней «хвостиком». Видимо, не было близких, как у собачки.

Вот раз она меня обманула и убежала. Я спохватилась, а она уже далеко. Я - бежать за ней. И страшно кричала. Откуда не возьмись, появился мой отец. Схватил меня в охапку и принес домой. Не успокоил, а дал подзатыльник и посадил в чулан к крысам, которых я очень боялась. Не помню, сколько я просидела там, в чулане. Но я отца боялась больше крыс. Кто меня выдворил из чулана, тоже не помню.

Еще был памятный день, когда Оля и Шура со всеми девчатами на бахче справляли девишник, а меня заставили пугать грачей. Но мне тоже хотелось посмотреть, что они готовят на угощение из солодского корня, какой-то напиток. Я за ними подсматривала. А в это время налетела туча грачей, и все арбузы поклевали. На этот грех пришла бабушка Пелагея. И давай грачей всех клеванными арбузами шугать. Так я всем после рассказывала:

– А бабушка их айбузами, айбузами, так гоняла!

Маленькую, меня бабушка брала в Астрахань, сторожить корзинки с панером. Она делала панер и возила в город на базар на пароходе «Ласточка». Панер делала из кислого сепарированного молока, откидывала после закваски в марле, и получался ком. Его клали под жом, а затем резали ножиком. Он, как брынза, только маслянистая. В Астрахани на берегу торговали всем: рыбой, панером и прочим. Как ярмарка была. И варили рубец (потроха, коровий желудок). Очень вкусная похлебка Я ее очень любила.

Раз подходит полицейский и кричит:

– Чьи корзинки?

А я испугалась – и в рёв, караульщица. Было мне тогда 5 – 6 лет.

В Астрахани жила бабушкина сестра Подлипалина тетя Натуся и ее дочь, тоже Натуся. Мы у них останавливались с бабушкой.

Это были светлые дни в моем детстве. Ехать на пароходе – одна прелесть, До сих пор люблю Волгу и пароходы.

А дома вновь начинаются будни.

Стали дети прибавляться. Следующая – Таечка родилась, позже умерла.

Я училась в 3 классе. Отец работал по заготовке скота. Жили мы неплохо, были коровы, лошади–рысаки, отец любил лошадей. Он был горячий и своенравный. Хотелось ему быть лучше всех. О воспитании детей он не пекся. Все это было в обязанности мамы, родить и воспитывать. Я в доме из детей жила старшей. Поэтому была обязана помогать маме во всем.

Бабушка решила отделить маму. Отец купил старую лавку и лесу. И сам, с глупым парнем–помощником, строил дом. Дом–красавец, на пять комнат: две спальни, зало, кухня, столовая, большой коридор с чуланом. На три пролета все застеклил, выкрасил. Новый дом был большой. Отец выкрасил его изнутри и с наружи, так что было красиво. Я под ним пешком ходила, так как он стоял высоко.

И мы перешли от бабушки в этот дом.

Но я старый дом очень любила и часто уходила к бабушке Пелагее ночевать, когда мама брала заботу за ребенком сама. Бывало, бабушка, бедненькая, сама не съест, а кусочек спрячет в карман для меня, когда я еще училась. И потом она мне все гостинец совала в руку.

Село наше часто заливала полая вода. Но у нас вода доходила только до планки порога, а у людей – была даже в печках в половодье.

Раз мы с Андрюшей – братом мамы и отцом поселились на подволоке (чердаке). А я у них была повариха, готовила в жарнике кашу. Бабушка прислала с гор (с холмов), куда скотину переправляли в полую воду, масло – целый большой чугун. И мы его съели. Мужчины велели больше класть масла в кашу, за что нам влетело от бабушки. Она очень ругала сына Андрюшу:

– Расстрели тебя горох!

Как-то мы сидим на подволоке – а наш дом стоял в переулке – так вода подняла у кого-то лабаз, выдернув четыре стойки. А на верху лабаза оказались четыре курицы и петух. И понесло их по течению мимо нас, а петух распевает: «Куре–ку–ку!». Мы посмеялись, хотя и беда. А достать их нельзя.

Люди ездили тогда по селу на лодках.

У нас был граммофон.

(Я помню наш старый граммофон. Я надевал на голову его трубу–тюльпан. А когда заводили толстую тяжелую пластинку, все смотрел за ящиком – где же прячется певец?)

Отец дружил с хозяином кинотеатра «Модерн», от него привез из Астрахани много пластинок с операми в исполнении Собинова, Лемешева, Виноградова и других. Как вечером заиграет у нас граммофон – все на лодках подплывают к нашим окнам, вся улица занята людьми на лодках. У меня осталась в памяти эта прекрасная картина. До сих пор люблю разлив и залитые водой деревья – коблы, так у нас назывались ивы. Не пропадали деревья от половодья.

Когда я училась в третьем классе, отец работал по заготовке скота. Жили мы неплохо, были коровы, лошади–рысаки. Отец любил лошадей. Он был горячий и своенравный. Хотелось ему быть лучше всех. О воспитании детей он не пекся. Все это было в обязанности мамы, родить и воспитывать.

Старшую сестру Елизавету, после окончания четвертого класса, отдали в Астрахань, учиться на счетовода. Так что, она мало жила дома. Наверное, и голодать приходилось, и самостоятельность ронять. Стала на руку нечиста, но брала у своих, а не у чужих. Отец ее сильно бил, даже арканом. Я позже заступалась, за что и мне попадало. Елизавета убежала из дома. Мама тоже заступалась за Елизавету, и дома был кошмар. Елизавета осталась вороватой до конца жизни.

Так что я стала первой помощницей матери. Отец был очень строгий, сильный, большой. Я его очень боялась. Еще детским сердцем чувствовала его неприязнь ко мне, сама не зная за что. Была исполнительна, не по силам трудолюбива. Носила воду для всей семьи на коромысле еще тогда, когда ведра доставали до земли. Помню, стучались о землю. Правда, когда отец бывал дома, – а это было редко, он все время куда-то уезжал, как я после узнала, работал в конторе «Заготскот», – он брал два ведра в одну руку и два – в другую и натаскивал воды с Волги.

Воду брали из Волги, так как жили на берегу ее, но сравнительно далеко от берега. Купаться со всей ватагой ребятишек не могла, так как все время у меня на руках был ребенок, младенец, сестра или братик. Ночью я их тоже качала, а иногда и залезала в зыбку к ребенку. Спала вместе с матерью и отцом, так как нужно было качать дитя. Они спали – на кровати, а я – на большом сундуке.

Тогда наша семья не выходила из пяти человек, только детей. Мама была всегда в делах. Дети рождались погодки, то есть почти каждый год, или через год. У мамы всего было 11 детей. Многие умирали 4 – 8 лет. Матери я была хорошей и безотказной помощницей.

С Филимоновыми, у которых раньше работали бабушка, мама и мамины сестры, мы продолжали общаться. Маме было 16 лет, когда Филимоновы отдали Анисью замуж за своего работника – плотника. Они приходили к нам в гости в новый дом, который папа сам сделал.

Помню, на Рождество, мы с сестрой Калерией, ей было на пять лет меньше, ходили славить к Филимоновым. Николай Филимонов тогда был уже офицер. Перед ним приготовлена целая куча мелких денег. Мы

пославили перед иконами, и он дал нам из кучи денег 3 копейки на двоих. Калерия еще обиделась:

– Как мы будем делить с тобой?

Когда отец приезжал домой, он не замечал меня, доброго слова я от него не слышала. Он меня не ласкал, но и не бил.

Но мама меня жалела. Говорила:

– Да ее и бить нельзя. Она сожметса в комок и, молча, плачет. А всех остальных попробуй, ударь...

Вспомнилось, что, когда отец привозил домой черную икру, я не могла ее есть. Или из-за болезни, или с испуга. Я страшно боялась отца.

Я считалась в семье чужой. Почему, не знаю. Слышала версии, но им не верю. Только раз как-то приехал к нам Малик – видимо, богач татарский. Такой белый, полный, холеный. Привез много мне гостинцев. Я их сложила в подол платья.

Мне говорили много раз, даже в Петропавловке дядька:

– Ты не ихняя. Они все рыжие, а ты черная.

Но я не знаю никакой тайны, кроме того, что отец меня не любил. Маме было некогда, и я все свое детство была занята ее детьми, нянчила, качала по ночам, в общем, жила, как «золушка».

Раз я слышала, как мама говорила отцу:

– Купим Капиталине пальтишко?

Отец не возражал.

Мне как-то было странно, почему она просила?

Отец привозил покупки все дюжинами, посуду – ящиками. Мы были сыты.

Жили мы всего ничего в новом доме до 1929 года. Папа ездил в верховья Волги с рыбой, к родной сестре в село Золотуха. Там наловил рыбу (воблу), там же ее и продал. И узнал, что уже началась коллективизация. Были перегибы, как после писали. А у нас было 10 коров. Мама доила, а работник ухаживал за скотом. И два рысака были. Папа любил быстро ездить. И однажды под ним сдох один рысак, так как у него было два сердца, как после оказалось. Его съели татары, жившие на острове на Волге, против Петропавловки.

И вот отец узнал о коллективизации – раскулачивании. И они с мамой решили в 1929 году все продать, и всей семьей, вернее, две семьи, переехать в Астрахань.

Они купили дом, двухэтажный, в Астрахани и переехали на улицу Спартаковскую.

Я же осталась с бабушкой в старом ее доме. Это было блаженство! Вот один год я почувствовала, что я ребенок, и меня кто-то замечает. Я на печке спала.

Как все готово, бабушка Пелагея кричит:

– Капиталина, вставай, а то опоздаешь в школу.

Бабушка утром меня накормит блинами. И я бегу в школу. Я вынуждена была снова ходить в четвертый класс, так как меня не успели

устроить в пятый класс в Астрахани. А училась я хорошо, даже очень хорошо. И, окончив четыре класса в селе Петропавловка, получила аттестат с золотыми буквами. Все пятерки по всем предметам. В 5 классе в Астрахани я училась тоже на все пятерки, только с русским языком у меня были нелады. Так как я говорила на «о», а девчонки в Астрахани меня учили говорить на «а». Да и учительница была картавая по русскому языку:

– Дети, идите в квас.

Сначала в Астрахани мы все, две семьи, стали жить в двухэтажном доме, который купил отец, на Спартаковской улице. Я училась в 5 классе в школе, близко от бабушки, которая жила с Шурой и Андрюшей с семьей. Затем в 6 – 7 классах училась в другой школе, № 12, на реке Мелкий Кутум. В 1930 году переехала наша семья со Спартаковской улицы на Пушкину улицу. Купил папа одноэтажный дом, на две половины, было шесть комнат, большой двор и постройка. Работал отец хорошо.

В Астрахани я начала нянчить Лидию, ей был один год. Носила ее на руках, а она кричала все время. А потом стала озорница злая.

Однажды пошли с мамой в кино «Художественный». Там показывали картину «Отверженные» по роману Гюго. Жизнь Козетты очень на мою жизнь похожа. Я все плакала потихоньку, а в конце картины стала рыдать вслух. Я уже подросла, и осознала все свое детство, и нервишки не выдержали. Даже маме было неудобно из-за моих слез. Мама вначале уговаривала меня, а я закатывалась от плача. И только когда начала меня ругать, я перестала плакать. Но не могла еще ей все выразить, так как была маленькой.

Отец никогда не любил меня. Даже за столом, бывало, сижу, так он обязательно меня шпиговал, и по голове долбил за все проделки девчонок. Дети напроказничают – а он начинает меня толкать и тыкать в голову:

– Не делай так, как они.

А их не наказывал за проступки.

Я от страха сжималась в комок, и кусок у меня застревал в горле. Я только заплачу и забьюсь в уголок, как «Золушка». Вообще старалась не показываться ему на глаза. Вот почему и всколыхнул мою душу фильм «Отверженные».

Маме было не до любви, когда всю жизнь приходилось и ей, и мне бороться за кусок хлеба, и кормить весь выводок его. Отца посадили по 58 статье. Уезжая в ссылку, отец сказал:

– Помогай матери. На тебя вся надежда. Я приеду, тебе шелковое платье куплю.

Всю жизнь я шелковые платья носила после, но не его, а свои. Так как уже в 1938 году стала сама зарабатывать...

ВОЛОДЯ – БОРИС

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

У меня к тебе теперь вопрос личный: подскажи, какой мне купить стереопроектор, чтоб и не очень дорого, и чисто послушать серьезную музыку? Я, может быть, в кредит куплю. Денег зарплаты не хватает, но держусь, не подрабатываю. Продолжаю собирать материалы по Антонову. Иногда продолжаю писать прозу, но, по-моему, ничего путного из этого не получается. Собираюсь в командировку в Евпаторию на восемь дней на поезде. Как только будет автор из Одессы, обязательно вырвусь в командировку к тебе.

Отец мой попросил встречи со мной (1983 год). Трудное это будет событие – второй раз в жизни встречаться.

Мама попробовала в Астрахани выйти замуж. Познакомили ее с бывшим капитаном Волготанкера. Дядька большой, похож на ее отца, моего деда. Я его еще не видел, только на фотографии немного разглядел.

Андрюшу вожу по средам в Дом архитектора на занятия детского университета архитектуры. Ему нравится. Любит и немного умеет рисовать, особенно нравится ему делать макеты. Да и мне – лишний раз встречаться. Поэтому взял на работе творческий день в среду. Работается мне пока нормально. Там дальше – видно будет. Большой привет семье.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

23.01.84

Вот я и опять в Одессе. Собрался писать тебе ответ на твое письмо от 26 ноября 1983 года.

Отношение людей к деньгам – лишь одна их черта, согласен; но это сейчас главная черта, как бы разделяющая всех людей на две половины. У одних цель жизни – достаток, у других деньги – только вещь, без которой нельзя обойтись в жизни. И это разделение людей по их отношению к деньгам, то есть материальное богатство – одни бедные, другие богатые, – делит их и по духовным качествам. Чем человек больше стремится к деньгам, тем он чаще всего беден духовно – обратная зависимость.

Пожилов переслал мое письмо к Шарабану – Чемерису, от которого я и получил ответ.

Я просил дядю Сашу подробно писать о своей жизни с самого начала, как он помнит. И сказал, что, возможно, когда-нибудь его письма пригодятся мне для книги. Элемент искренности не теряется, ведь он написал, что ему интересно писать. А в Новосибирске он мне сказал, что, когда садится писать, то сначала с трудом, а потом сразу ясно вся картина прошлой жизни встает перед глазами. Даже разговоры вспоминает. Вот он и пишет то, что видит, а не вспоминает.

Очень рано что-либо в нашей переписке называть победой. Да, Аркадий Васильевич знает больше и не всю правду мне говорит – мне тоже так кажется.

Из поездки в Сибирь узнал, что тетя Гутя к моему приезду была в больнице. Чтобы увидеть меня, отпросилась на два дня. Тетя Потя (82 года) еще бодрая, весной 1983 года перенесла операцию – вырезали желчный пузырь, врачи удивились, что она выжила после операции, не надеялись. Она налепила кучу пельменей для меня, съездила к Аркадию (а это 1,5 часа туда, 1,5 часа обратно) сказать, что приеду я, а он сказал, что не может встретиться, так как работает в субботу и в воскресенье, дежурит – отговорка – не захотел встретиться. Дядя Саша приехал с женой из Белово (8 часов на поезде), хотя и были у них свои дела здесь, но все-таки приехал.

Не знаю, писал ли тебе, в 1981 году к нам в Одессу приезжала дочь Аркадия, в отпуск, с подружкой, побывала у нас в Фонтанке день, извинилась, что им удобней будет в городе снять квартиру, и уехала. А сейчас я у тети Гути спросил, почему она не захотела у нас остаться? Она говорит, хорошо выпивший был у нее Аркадий – она и спросила его. Он проговорился – плохо приняли. А когда протрезвел, говорил другое.

На вопрос, что думает об Африке и Рябове брат матери, не могу ответить, так как сам лично ничего о брате матери Викторе не знаю.

Поездкой на Бердский завод остался доволен, получил много информации. Зам. директора по качеству, с которым я ездил, был доволен моей работой в командировке. Сам я чувствую, что на новом месте работы меня ценят. Посмотрим, что будет дальше.

Если купить отдельно проигрыватель, усилитель и колонки, будет стоить не меньше «Эстонии», может быть, и больше. А в «Эстонии» есть еще тюнер и все это в комплекте. Покупай в кредит. (170+вычеты+ алименты) – так я понял?

А как дела у тебя с чаем? Пьешь по моему рецепту?

Я никак не могу забыть о нашем деле, не надо так писать. Ты скорее забудешь, чем я.

Будь здоров. Обнимаю, Вова.

ПИСЬМО АРКАДИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА

Аркадий Васильевич – Володе

14.02.84

Здравствуй, Владимир.

Задержался с ответом, извини: работа, и что-то стал прибалывать, даже не смог поехать с тобой встретиться. Работаю последний год, устаю, да и года, уже 75 лет.

Открытку хранил, как память о брате.

Как познакомились Л.М. (Людмила Михайловна) с В.Я. (Валентином Яковлевичем), следует тебе спросить у своей матери, да это и не имеет существенного значения, все равно Люба вышла бы замуж за кого-нибудь.

Фамилию парикмахера забыл, да он и не внушал особого доверия – много говорил о других товарищах, бывших на допросе вместе с ним и Африканом. Все вели себя хорошо, почти всем надавали «тычков» в лицо и в живот, и отправили в тыл небольшими группами под охраной. Африкан и парикмахер были в разных группах и, очевидно, попали в разные лагеря. Он Африкана больше не встречал. На допросе спрашивали, кто из них коммунист и комсостав, где штаб дивизии, в каком направлении намечался прорыв из окружения. По-видимому, Африкан погиб уже в Германии на каких-нибудь тяжелых работах, так как он к физическому труду был мало приспособлен.

Старший брат Лев Васильевич погиб под Моздоком (пришла похоронная), был командиром роты. Младший брат Серафим, лейтенант, так же, как и Африкан, «пропал без вести», был в авиации стрелком.

Вот, пожалуй, и все.

Привет Зое, Сергею от нас всех.

Заезжайте, Ар. Вас.

ВОЛОДЯ - БОРИС

Борис – Володе

17.02.84

Здравствуй, дорогой Володя!

Чувствую себя неважно, но все же хочется поговорить с тобой.

О письме твоём от 23.01.84.

Что касается деления людей по отношению к деньгам, то твой тезис: «чем человек больше стремится к деньгам, тем он чаще всего беден»

духовно» – не верен. Хотя бы потому, что многие духовно одаренные люди сейчас, типа Евтушенко, Рихтера и т.п., и раньше, например Алексей Николаевич Толстой или Федор Иванович Шаляпин (привожу специально примеры неустанно стремящихся к деньгам), тем не менее, не становились от этого по духовным качествам хуже, и даже наоборот. Скорее, правильнее другой тезис: материальное богатство помогает развитию талантов и пороков; и чем больше денег, тем больше их хочется.

Элемент искренности в воспоминаниях дяди Саши все же теряется. Спасает только то, что дядя Саша талантлив. Но, зная, что его воспоминания пойдут в книгу, он уже делает отбор этих воспоминаний, цензуру, подает события и героев в нужном свете. Например, он не говорит ничего о темных, неприглядных сторонах жизни своей семьи, о себе, тем более. А ведь жизнь – черно-белая. Ну, ничего, и то, что он пишет, – большое дело.

Не спрашивал ли ты еще раз осторожненько у тети Гути, почему она говорила: «Пишу тебе и рву»? Думаю, почувствовав последний срок, они тебе признаются все в своих недомолвках. И это будет совсем не то, что мы с тобой предполагаем, – а гораздо глубже и серьезней, но менее страшно. Так что не унывай: нет ничего тайного, что бы ни стало явным.

Мне пришла в голову идея: подключить как-то к нашей работе твою маму. Вариант первый: мама, я уже большой, а много в своей жизни не знаю, особенно о детстве, о тебе той поры. Помню вот такой эпизод: (не выдавай сразу наши эпизоды), другой эпизод, а полной картины нет. А главное – многое так и осталось непонятным. Вариант второй: Андрей стал переписываться со мной, спрашивает, каким я был маленьким, а мне и сообщить ему нечего. Или сам придумай вариант. Начни с вопроса, что, она в свое время потеряла комсомольский билет, и что ей за это было? А потом будешь цепляться за слова и разматывать клубок воспоминаний.

В астраханской газете - подборка моих стихов. Грешен, чай пью, как компот, варварски. Привет семейству.

Обнимаю, Борис.

Ехал через Москву, что не зашел?

Володя – Борису

01.03.84

Здравствуй, Борис!

Я летел Одесса – Новосибирск, в Москве не был.

Очень рад, как всегда, твоему письму. И огорчен, что болеешь. Милый друг, о здоровье своем нужно все-таки иногда вспоминать, хотя бы в мелочах – пить чай по варварски, то есть, не используя его, как лекарство, – это значит не думать о своем здоровье.

Я работаю на заводе на пятом этаже, что равноценно десятому этажу жилого дома, и каждый день хожу пешком вверх, и не один раз, хотя есть лифт, и другие, обычно полные и молодые, любят ездить на лифте. И Зою приучил ходить пешком. А уж чай мы с ней пьем нормальный, Другой чай – у кого-нибудь в гостях просто не лезет в рот, и обидно, что люди так много переводят хорошего напитка.

В вопросе «богатый–бедный», могу еще поспорить, ты привел исключение из общего правила. О себе скажу – я боюсь больших денег, так как, мне кажется, жизнь станет беднее, многие интересы пропадут, не исключаю, что и появятся новые – одним словом, деньги в отношениях людей – зараза, которая многому мешает. Вот если бы их не было вообще...

Перед моим приездом в Новосибирск, тетя Потя ездила к Аркадию сказать, что я буду у них 14–15 января (1984), он сказал, что приехать увидеться не сможет, так как работает в эти дни, как я тебе уже говорил. А мне написал, что стал прибаливать. Я ему написал ответ на это письмо, задал еще пару вопросов: почему мать все равно бы вышла замуж, и почему Африк не был приспособлен к физическому труду.

Честно, мне совсем не хватило времени по-настоящему поговорить с тетей Гутей – всего два дня я был у них, приезжал дядя Саша с женой, а они с тетей Потей готовили, стряпали. Тетя Гутя обещала в октябре приехать к нам.

Твоя идея подключить к нашей работе мою мать не плоха, но... То, что мне нужно, мать не скажет, скорее, совет – так думает ее сын.

У меня тоже идея – какое письмо написать к тебе на работу, чтобы ты приехал в Одессу, в командировку? Может, что-нибудь можно придумать?

Человек родился, умер – и вся его жизнь была связана с деньгами – Зачем?

Будь здоров. Крепко обнимаю, Вова.

Борис – Володе

22.04.84

Здравствуй, Володя!

Вот я и собрался ответить на твое письмо от 01.03.84. То болел, то был в командировке. Ездил в Ростов–на–Дону. Работать с двумя своими авторами. Объездил места Антоновского восстания, а на пару дней заскочил к маме.

Она вышла замуж за бывшего работника Волготанкера Тарасова. Познакомился. Хоть бы мама немного пожила спокойно. Человек на вид неплохой. Но самое главное, эту командировку я организовал для другого. Отец предложил повидаться. Второй раз в жизни. Но у него умерла жена, и он позвал к себе. Был в Быково Волгоградской области. Встретились через 30 лет. Мои переживания: опять стал курить, видел чужого человека, на которого внешне не похож. Был только сутки. Встретились и познакомились с его сыном (с женой и ребенком его). Второй сын – в тюрьме. Все чужое.

(Поэт Петров, мой друг, написал стихотворение о моей встрече с отцом. Вот оно.

Виктор Петров

СЫН

*Едет сын к отцу через полстраны.
Едет сын к отцу через тыщу лет.
Были так они разведены,
Что казалось им – друг друга нет!*

*В тамбур сын идет сквозь ночной вагон.
Там железный гром, разбитной сквозняк.
Как жалеет, что не курит он,
Сигарету бы – такой пустяк...*

*Мать скрывала от него до вчера,
Что отец живет где-то не один.
Отписал им: «Умирать пора...
Если сможет, пусть приедет сын».*

*Вот и едет сын к отцу в крайний срок,
Едет сын, что совсем не знал отца.
Зря слова он запасает впрок,
Нет слов на свете для конца.*

*Как тут рассуждать? Как тут понимать?..
Вспять уже ничего не повернуть.
На концах пути – отец и мать:
Это жизнь сыновья, а не путь.)*

Приехал из командировки – дела запущены. Только сейчас немного разгрузился. Пишу очерковую книгу об Андрее Тургеневе. Опубликовал рецензию на сборник стихотворений начинающей поэтессы. Одобрили пьесу в «Литературной России» и «Книжном обозрении», товарищ написал рецензию на мои стихи в астраханской газете «Волга».

Теперь на твое письмо. Деньги – конечно, зараза, и испытание человека на нравственную прочность. Но пока без них нельзя, пока есть купля–продажа. Неважно, скажет ли мать правду, пусть хоть что-то говорит, проговорится о многом. В командировку к тебе я бы и сам мог найти повод, но неудобно злоупотреблять добрым расположением редакции. Ведь я им объяснил, что еду к отцу, поэтому мне накинули дней сверх положенного. Будем ждать удобного случая. Что касается здоровья, – конечно, мы варвары, нет культуры *жизни*.

О письме Аркадия Васильевича от 14.02.84.

Почему все равно бы твоя мать вышла замуж за кого-нибудь? Ответ – она молода и красива, и, оставшись одна без мужа (пропал без вести), нашла бы себе хорошую партию.

Почему Африк не был приспособлен к физическому труду. Ответ – личность творческая, изнежен инженерной работой в конструкторском бюро, землю не пахал, кувалодой не махал, человек умственного труда. А много ты заработал на ЛЭПе – на хлеб и табак не хватало?

Почему у Аркадия вывод, что «по–видимому, Африкан погиб уже в Германии на каких-нибудь тяжелых работах»? Есть уверенность, что жил в Германии и что работал на «тяжелых работах»? (В лагере?). Какие были известия о нем для основания это предположить?

Парикмахеру этому, правильно, верить полностью не стоит: специально врал (поэтому и Аркадий говорил то одно, то другое, по словам родных Африкана). Путал из-за того, что с возрастом и лишениями в войну память слабела. Хотел помочь хоть ложью (свято человеку, спрашивающему о брате; правду всю говорить просто нельзя и т. д. – причин может быть много и разных). Думаю это письмо самое искреннее, хотя и осторожнее и прохладнее прежних: мол, ну если хочешь правду – вот она, какая есть горькая. Но все равно он сказал не все, и вряд ли проговорится, на что я надеюсь, при ответах на твои добрые письма.

Так что, Володя, пока ищем твоего отца, я стал искать своего.

Вот так произведение, даже собственное, даже еще не написанное, уже воспитывает. Потому что есть мысли, до которых дошел.

Встретился в Астрахани с Мамаевым. Очень по-доброму. Он подарил мне Антуана де Сент-Экзюпери «Планету людей» и «Маленького принца». И я подумал: «А ведь Сент – означает святой. Поэтому он и проповедник».

Большой привет Зое и Сереже.

Обнимаю. С праздником!

Борис.

Володя – Борису

10.05.84

Здравствуй, Боря!

Вот и реже стала наша переписка!

Если у тебя пропал интерес к этому делу – не насилуй себя, ты вправе бросить это в любое время.

Рад твоим успехам в работе. Рецензию на книгу стихов прочитал, хоть я и не специалист в этом деле, но твой стиль мне нравится – молодец!

Работник «Волготанкера» Тарасов!! Может, он знал Рябова? Ведь отчим был зам. начальника пароходства «Волготанкер». Очень для меня интересно было бы узнать, как работал Рябов и как его воспринимали, как человека, вообще, другие?

Твои переживания при встрече с отцом твоим для меня не новы. Сын Андрей через шесть лет показался мне чужим, сам я почувствовал, что я для него тоже чужой. Но вот, когда была первая встреча со Сливкиными – первый раз видел людей, а не чувствовал, что я для них чужой, и сами они притягивали к чему-то родному.

Когда была жива мачеха, твой отец не мог тебя позвать?

Сообщи кратко, о чем вы переписывались с отцом, темы?

О неотвратимости замужества матери ты прав. Добавлю: мать не могла не выйти замуж, молодость и красота были ей в этом союзники.

Что касается слабости отца, то он не был изнежен, хотя бы потому, что после смерти матери своей он воспитывал Гутю. Помогал ей материально, когда она училась. В остальном я согласен.

У Аркадия плохая вторая жена, это я понял при встрече, он как бы под пятой у нее, видно, ее побаивается, почему – не знаю. Аркадий хорошо знал Рябова и мою мать в те годы, когда они сходились. Может быть, в этом кроется какая-то тайна, не знаю.

Маловато вопросов, а ведь еще столько неясного.

Мы взялись разбираться о давно минувших днях, о людях, их взаимоотношениях, а порой мы сами в настоящее время не можем разобраться в самих себе.

Бывают ситуации, обстоятельства в жизни нашей, что никто тебе не сможет помочь, а сам тоже не знаешь. Вот и мечешься. Усиленно начинает работать мозг, что только не передумает, а ведь поступок совершить надо. И только после, через долгое время поймешь, как ты поступил, хорошо или плохо. Да, бывает и так, два хороших человека стали врагами, почему? Вот

как я это думаю. Все начинается со дня рождения, с родителей, с воспитания и т. д. И вот сталкиваются два характера, многое понимают одинаково, но у каждой стороны – остальное – в ином свете. Вот это-то и есть причина, что хорошие люди становятся врагами на всю жизнь. Что нужно, чтобы этого не было – очень много: учиться умению понимать другого человека. Ведь изначально никто друг другу не хочет зла, а скорее, наоборот, хочет добра. В человеке, прежде всего, заложено добро, добро от природы. А как дорого нам обходится наше непонимание того, что мы не понимаем другого человека, что мы упрямо твердим свое, а тот тоже не хочет понять тебя. Как все-таки сложна эта штука – общение с другим человеком.

Мы с двоюродным братом встретились через 24 года друзьями, и расстались врагами. Почему? В чем смысл жизни? Почему наука не дает ответ? Почему вообще невозможно ответить на этот вопрос, чтобы он мог удовлетворить всех? Почему каждый решает эту проблему для себя сам? И почему люди забывают об этом вопросе, умирают, так и не вспомнив о нем? В философском смысле это очень важный вопрос для каждого из нас.

(Все писатели и философы только и занимаются всегда этим вопросом, века напролет!)

Антуан (Экзюпери) обо всем этом как раз и писал.

А вот выдержки из Пришвина.

«Мы еще колеблемся очень-то думать о себе и, осуждая другого, говорим: «Он много о себе думает». Некоторые даже прямо говорят, что душа человека – выдумка. Но собака понюхает и знает: этот человек единственный, и он один на свете, у него так душа пахнет», – Пришвин.

«Поэзия – это дар быть умным без ума», – Пришвин.

«Деревья знают только о том, что было, но только человеческая душа борется за то, чего не было», – Пришвин.

«Жалость наживается с годами, потому что с годами наживается и опыт страдания», – Пришвин.

Может, тебе станет интересен М.И. Пришвин.

Всего доброго. Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

21.06.84

Здравствуй, Володя!

Вот я и собрался ответить на письмо, написанное 10 мая 1984 года. Герман Михайлович ничего о Рябове сказать не смог, так как он от него был далеко. Слышал только, что человек он был хороший. Сравнить мою встречу с отцом и твою встречу с сыном – и твои встречи со Сливкиными, думаю, нельзя. Они очень любили Африка (а значит, и его сына, очень

похожего на него). Да еще – чувство вины за молчание. А у тебя – эффект открытия мира отца, который тебя не бросал, а насильно выброшен был из твоего сознания. Все это вызвало взаимную тягу. Я же слышал об отце только плохое; видимо, и сын твой о тебе наслушался басен. А мое сыновнее неразвитое чувство, неразвитое чувство отцовства ко мне моего отца – несут такую холодность. Твое же отношение к сыну – Бог тебе судья, но, думаю, тоже неразвитое, потому что ты лишен был отцовской ласки. Да и я люблю Андрюшу, скорее, по-матерински, по-бабьи. У тебя же, к несчастью, и такого с твоей матерью не случилось, такого примера подражания любви к родному человеку.

Отец мой позвал меня в 13-летнем возрасте, когда мачеха куда-то уезжала. Второй раз – позвал сейчас, боясь, что не успеет свидеться. Ну, вот и свиделись.

Переписка была в основном поздравительного характера с праздниками. Кое-что я хотел узнать о нем, о своих корнях. Но до сих пор он даже автобиографии не прислал, хотя я просил его и в недавний мой приезд. Бог с ним.

(Потом отец прислал автобиографию.)

Если Аркадий содействовал знакомству твоей матери с Рябовым, то он, значит, не любил Африка. Нет душевного тепла в его письмах к тебе: сначала наигранная радость, потом холодные сердитые ответы сквозь зубы. И тайну его участия в твоей судьбе он не выдаст. Но о ней знает и дядя Саша, и тетя Гутя и др.

Что касается сомнений и терзаний – как поступить в том или ином случае, то они у всех есть, у совестливых – больше. Например, я стараюсь поступать, как подсказывает интуиция, чтобы мне можно было самому себе честно посмотреть в глаза. Это не рецепт – а позиция, часто приходится страдать или выправлять осознанную ошибку в поступке.

К непониманию друг друга я стал подходить с позиции драматурга, когда этим жанром творчески увлекся. До меня дошли слова, что у каждого есть свой характер, у каждого есть своя правда – пусть, как ты принял исходное, что два человека хорошие. При столкновении этих двух характеров и мировоззрений (да еще исходя из обстоятельств дела, условий жизни, элементарного невежества в знаниях психологии, физиологии, дипломатии, этики, философии и пр.) возникает конфликт (элементарный – черное и белое, да и нет). Люди из этого конфликта делают трагедию, настаивают на своем мнении, как будто могут по своей воле ночь сделать днем. Ведь гармония держится на противоборстве, на светотенях, колебании негативного и позитивного, тезе и антитезе. Надо признать этот конфликт неизбежным и поступать, приспособливаться, сосуществовать, учитывая эту неизбежность. Короче, ты можешь не соглашаться с мнением другого, но обязан его понять и помочь ему принять тебя в том же духе: не соглашаться, но понять. В случае согласия – нет вопроса, но противоборство остается, только в этом

случае двое борются с сопротивляющимся им действием, и им легче бороться за жизнь, за свою, общую, правду (может быть, и ложную, например, два жулика с милицией и следствием).

Что касается смысла жизни, на него пытаются дать ответ не только наука, но и культура, и религия, особенно искусство и философия, на протяжении всей осознанной истории человечества, и каждый человек на протяжении всей своей жизни. Я бы ответил сейчас так: смыслом жизни является развитие самой жизни.

Интерес к Пришвину, как и многим другим писателям, у меня есть. Выдержки, которые ты привел, очень интересны, но и ограничены, как любая мысль, выраженная словами. Например: «Поэзия – это дар быть умным без ума» – афоризм красивый, но не новый и не исчерпывающий. Пушкин говорил, что поэзия должна быть немного глупой. Это лишь одна из миллионов граней понятия поэзия, сформулировать все грани еще не мог никто, даже философ Аристотель, например, в своей «Поэтике», или Буало в своем трактате в стихах «Поэтическое искусство». И еще тысячи работ по этому вопросу с древнейших времен до наших дней. Никто еще не сказал исчерпывающе и безошибочно, не только о том, что такое поэзия, но и что такое одно из ее бесчисленных средств – поэтический образ, о чем недавно в книге «Вл. Соловьев» сказал профессор А.Ф. Лосев.

Вся вторая страница твоего письма с бесчисленными вопросами говорит о том, что у тебя большая потенция (стремление и возможность) осмыслить наше бытие на земле, но тебе не хватает философских знаний. Я начал читать Гегеля - для меня дремучий лес. Начни с того, что возьми обычный «Краткий очерк истории философии». М., 1981 г. и загляни в эту бездну - только не содрогнись с ужасом, как я, перед этой бездной знаний, о которых мы даже не подозреваем. И еще имей в виду, что каждый гений-философ большей частью ошибался. Другой философ начинает доказывать ошибочность суждений предыдущего философа. Например, Аристотель. Жизни не хватит все изучить хотя бы по одному вопросу.

У меня работы прибавилось, заведующий в отпуске, назначили меня исполнять его обязанности, значит, нагрузка удвоилась.

Познакомился еще с одним интересным своим автором. Но дружбу наладить в нашем возрасте и в творческом обществе трудно. Каждый пишущий (не говорю писатель - это высоко), в сущности, одинок.

Как поживает твоя супруга и ее сын? Передавай им от меня большой привет. Соберусь с духом, начну задавать вопросы по документам Сливкина. Что пишет дядя Саша? Начал ли ты переписку с матерью или она по-прежнему живет в твоём доме? Не можешь ли ты продать этот дом горсовету? Или какой-нибудь строительной организации?

В августе собираюсь в отпуск в Астрахань.

Пиши, что нового в твоих действиях по розыску Сливкина и о себе. Сам задавай мне вопросы о своих размышлениях, о взаимоотношениях интересующих нас людей, и не жди только моих вопросов.

Обнимаю, Борис.

Володя - Борису

08.07.84

Здравствуй, Боря!

Письмо твое от 21.06.84 получил, но никак не мог собраться, так как с 10 июля ухожу на работу в 6.00, прихожу домой в 19.20 часов. Работаю сейчас до 1 августа, так сказать, на аккордно-премиальной оплате (как отец) - посмотрим, как сдержит начальство свое слово – обещали хорошо заплатить.

В первую же неделю после приезда из Москвы твой магнитофон я восстановил. Были сильно загрязнены магнитные головки, у тебя стоит венгерская головка - ее тебе может хватить примерно на год. Надеюсь, по пути в Астрахань ты заедешь ко мне и заберешь его. А если потом поставить новую головку, он тебе еще послужит долго.

Может быть, Герман Михайлович мог бы поговорить с тем человеком, который хорошо знал Рябова? Для этого ему нужно найти такого человека, а согласится ли он это сделать?

Сравнение возможно – ниже ты же сам об этом пишешь, внимательно прочитай свои слова. Что-то общее в общении у меня с сыном и у тебя с отцом есть. Андрей пробыл у меня месяц, и все это время не изменило наших отношений. Что я могу сказать? Только сделать горькое признание, есть у меня дети, но отцом я так и не стал и, видно, уже не стану. Может быть, когда-нибудь будет встреча с ними, но, наверняка, это будет встреча чужих людей. Страшновато!

В непонимании друг друга, все так я понимал. Но здесь я хотел заострить внимание на том, что не каждый это понимает и не каждый стремится понять другого, и порой бывает невозможно заставить его понять, ведь он этого не хочет. Разве смог бы ты заставить понять свои действия тех, в кого ты кидал с балкона, ведь они тебя приняли совсем в ином свете, и мог бы быть конфликт?

Смысл человеческой жизни - в самой жизни, это я уже читал где-то. Человек не может не спрашивать, как жить? Каким быть? Если он хочет быть человеком.

И не что-то, а люди отвечают на вопрос вопросов. Современники, прежде всего. В живой жизни, ее свершениях итогах мы ищем ответ для себя. Мне понравились слова Гете, написанные в какой-то книге. Разве можно выделить в человеке впитанное его душою и разумом от мира людей? Можно только повторить Гете: «Что такое я сам? Что я сделал? Я собрал и использовал все, что я видел, слышал, наблюдал... детство, зрелый возраст, старость - все принесли мне свои мысли, свои способности, свои надежды, свою манеру жить: я часто снимал жатву, посеянную другими...»

Заповеди жизни: тщательное исследование накопленного до тебя опыта; ответственность решений, бескомпромиссность отношений. Жизнь человека: (далее из какой-то книги) иногда кажется хаосом случайных событий. Думаешь: вот она повернула на эту дорогу, а ведь могла и на другую. Случай, удача или неудача - и жизнь расцветает или гаснет, и человек - герой или небокопнитель. А вглядываешься в человеческую судьбу попристальней и приходишь к поразительному убеждению: есть предопределенность биографии. Могли быть другими конкретные эпизоды, но характер их ты выбрал сам! Сам предопределил свою жизнь. Под логикой или нелогичностью поступков глубинным течением живет логика внутренних принципов, которые ты отобрал себе для пользования еще на заре жизни. Став твоей судьбою, они делают «лицо» твоей жизни. Один поступок порождает другой, неизбежную цепь поступков. Цепная реакция честности, цепная реакция подлости, цепная реакция отваги.

Можно ли прожить жизнь, не изменяя себе? Ни в чем не изменяя главному в своем характере и убеждениях? Жизнь ведь состоит не только из дела, которому ты служишь. Даже если тебе кажется, что это так, все равно в ней существует еще один огромный мир, признаешь ты его или нет. Он проникает и в твое дело, он живет и отдельно? Может быть, он сложнее самого сложного дела. И неподатливей. И может быть, именно он делает тебе окончательный приговор как личности. Это мир человеческих связей. Мир человеческих отношений. Дело легко обнажает твою суть - трус ты ли храбрец, мыслитель или иждивенец чужого опыта, чужого риска, чужого поиска. А мир твоих душевных соприкосновений закрыт для постороннего глаза. И может быть, потому там ты дольше всего остаешься самим собой. Человеческие отношения могут быть ранимы подлостью, ложью, чванливостью, хамством. Но не отважной честностью, обязывающей к родниково-обжигающей отваге отношений...

Возможно, чтобы жизнь не обмельчала, чтобы не оскудело сердце. Чтобы не утратилась чудесная сила дерзости и отваги, чтобы не заплесневеть в стремлении к обывательскому покою, а до последнего дыхания жить преодолениями и свершениями. Стар не тот, кому 60, а кто «скис» не зависимо от возраста. Человек сохраняет свою молодость до глубокой старости, если верит он в жизнь, правильно угадывает ее потребности, умеет ее слышать, различать ее запахи и краски, радоваться ей и дерзать, уклоняясь от мертвящего покоя... (Сопротивляться наступлению неотвратимого покоя!)

В основе всех человеческих связей лежит высокая общественная суть человека, к ней нужно обращаться умом и сердцем, веря в способности человека побеждать в себе мелочность, эгоизм, суетное самолюбие. Любить, дружить, бродить по свету, видеть краски и звуки жизни сладко только тогда, когда живешь, в полном и точном смысле слова, живешь - значит, делаешь что-то нужное не тебе одному. Ни от чего не надо отказываться, ни в чем не надо обеднять свою единственную, неповторимую жизнь. Важно воспитывать в себе умение подняться над собой, над повседневностью, посмотреть на нее с высоты и со стороны. Человек сможет все, если не

подчинится обстоятельствам, если вытерпит, не утратив волю и отвагу к сопротивлению им. Порой, в минуты усталости и упадка, приходит отчаяние. Человеку свойственно недооценивать себя, свои силы, свои возможности. Но, если не останавливается (только и всего!), а идет, он обязательно приходит туда, куда стремится пойти.

(В наглуго переписывает из чужих книг! Это не мыслитель, а читатель.)

Учитесь смотреть на сегодняшнее не из вчерашнего (все тускнеет от времени, даже золото), а из будущего, чтобы и свои успехи не казались алмазами, а лишь кирпичами, нужными для общей постройки...

А почему нет такой медали - Хорошему человеку? Чтоб за сто метров было видно - Человек идет...

Говорят, первое впечатление самое верное. А все же оно только «дверь в стене». Что за мир там, за этой дверью? Чем ярче первое впечатление, тем взыскательней вглядываешься в человека

Все это я прочитал в какой-то книге. И очень мне понравилось, как будто все это были мои мысли, но так хорошо высказаны, поэтому я их переписал и считаю, что это написано все о смысле жизни.

Со Сливкиным дела на нуле.

Боря - тема для стиха: Отец - сыну (пожелание).

(Я его выполнил).

Обнимаю, Вова.

Володя - Борису

13.07.84

(Володя прислал только стихотворение.)

Запомни, сын мой:
В жизни много бед.
Ее уроки и мудры и строги.
И все ж, наверно, злей несчастья нет,
Чем вдруг да отказаться от дороги.
Дороги -
Под камнем ли, под песком,
Прямая иль кривая, - все ж дороже
Покрытого печалью иль тоской,
Бесцельного,
Пустого бездорожья.

Ты знаешь, сын, есть золото молчанья.
Но есть еще и слово - серебро.
Хочу, чтоб ты не спутал их случайно:
Что зло из них, а что из них добро.
Я думаю, что жизнь тебя научит
Неписаному правилу сама:
Сказать иль промолчать?
Как будет лучше?
И выбор твой - свидетельство ума.
Здесь все должно быть честно, а не ложно.
Душою покривишь, считай, сынок:
Ты в поединке дал врагу возможность
Из ножен первым вытащить клинок.

Володя - Борису

22.08.84

Здравствуй, Боря!

Получил твое письмо. Думаю, что это письмо тебя застанет. Чем вызвано? О Рябове!! Зачем ловить пустые слова, ведь ты в Астрахани, - нетрудно найти, где он работал, а там и людей, близко его знавших. По моему, момент терять нельзя!

Наверно, не только я, но и ты должен быть заинтересован узнать, как можно больше о нем и как можно из больших источников, чтобы иметь хоть немного верную картину. А твои слова, как ты написал, пустые, ломают то, что было уверенностью.

Подумай, может быть, все-таки стоит поискать.

Жизнь человека дороже денег, а время дороже жизни.

Большой привет маме, тете Оле, я ее еще помню.

Всего вам хорошего.

Обнимаю, Вова.

На конверте:

Беляков, корр.

Астрахань, ул. Костина (о Рябове)

Конаков Петр Андреевич

Начальник кадров Волготанкера

(Письмо прислано мне в Астрахань, Ужгородская, 9.)

Борис - Володе

10.10.84

Володя!

Твои выписки из интересных произведений – дело хорошее. Но не превращайся в цитатник. Лучше самому что-то интересное, важное для других сказать, хоть два слова, чем целый каскад умных цитат. Это я понял еще студентом в Астрахани. Был такой Антошкин, который снисходительно, при встрече своим, мне цитировал Цицерона и прочих. И смеялся над тем, какой я темный, а еще стихи пишу. Вот тогда я и сказал ему (и себе на всю жизнь, как оказалось): лучше я что-то свое скажу, чем чужое. И пока интересного не придумаю – молчу. А книги, а афоризмы? Их надо читать обязательно, чтобы развиваться, но не надо хвалиться чужим умом.

Посылаю обработанные мной документы. Так по частям и буду пересылать, по мере их обработки. Пиши.

Всего хорошего. Обнимаю, Борис

Борис - Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Вот я и собрался написать тебе письмо. В отпуске был в Астрахани целый месяц. Заезжать в Одессу накладно, может быть, соберусь к тебе в командировку, как только изыщу возможность. В Астрахани устал, и климат уже для меня тяжелый, отвык, и мама нервная, своими волнениями за меня сама меня же и изводила. Понять ее можно, но жить трудно. Да и сам приехал уставший донельзя, потому раздражительный. С Германом Михайловичем живет потихоньку, говорит, что семейной-то жизни и не знала, в ней свои возможности и особенности, агитировала скорее жениться, а то так жизнь полупустая и пройдет. Она права, что несемейный человек живет неестественно - это я тоже понял, и что не может творить нравственно глубоко, и ущербность будет мешать - тоже слышал, и грехи разводные отзовутся и в жизни, и в творчестве - тоже, подозреваю.

Но где же оно, это семейное счастье? И не умею я быть мужем, потому что вырос в бабьем разведенном царстве. И мужик, и хозяин - оттого неполноценный, с комплексами. Кто придет, излечит, научит терпеливо быть супругом, как учит младенца ходить его мать?

Вот поставили заново «Женитьбу» (Эфрон), и вместо того, чтобы смеяться над героиней, разборчивой в женихах, вздрогнули - до чего же она

несчастна, если женихи от нее из окна выпрыгивают. И меня при поступлении на работу главный редактор за холостяцкую жизнь обозвал козлом. И ты дважды приговорил меня к одиночеству за мое неуважение к женщинам - я не обижаюсь, а констатирую факты.

Хорошие слова ты выписал из книги: «Сам predeterminedил свою жизнь». Но в этом отрывке (из письма от 8 июня 1984 г.) много наивного, утешительного, для нас, дураков, мечтающих только о лучшем, и много неверного, даже вредного, думаю, по неведению самого автора (каким бы классиком он ни был). Примеры. Утешительного для дураков - «Человек сохраняет свою молодость до глубокой старости...» - вся эта длинная сиропная лживая фраза, но такая привлекательная для юноши, у которого впереди даль жизни, и мы обманываем его этой ложью, как будто нет стихов: «Все пройдет, как с белых яблонь дым. Увяданья золотом охваченный, я не буду больше молодым», написанных Есениным в 27 лет. Неверного - «Человек сможет все, если не подчинится обстоятельствам...» - вся эта фраза неверна уже тем, что «все» человек не сможет, если «предопределенность биографии», как говорит тот же автор, будет против этого «всего». Мольер, Ильинский, Раневская - все они рвались стать драматическими артистами, с трагическим амплуа, но так и остались комедиантами. А есть и просто вредное - «Ни от чего не надо отказываться, ни в чем не надо обеднять себя...» - и от блуда, и от фашистских замашек тоже?.. Мы, Володя, уже в таком возрасте (43-44 года), когда должны проверять «истины и аксиомы», какие бы авторитеты их не высказывали. Хорошие мысли приходят очень редко, а понимают их еще реже. И у классиков, и у философов бывают взлеты мысли и духа, а бывают и ошибки, и заблуждения. Неслучайно каждый философ критикует просчеты своих предшественников, повторяюсь я, и сам нередко допускает собственные ошибки. Так, методом проб и ошибок люди идут к истине. А нас, неподготовленных, легко загипнотизировать красивыми словами. Видимо, у тебя есть тетради, куда ты выписываешь интересные места из прочитанных книг.

Я бы хотел посмотреть таким критическим взглядом твои выписки из прочитанного. Как смотрел и анализировал Л.Н. Толстой в своих книгах «Круг чтения» (несколько томов!)

Теперь ответ на письмо от 8 июня 1984 г. по порядку.

О Рябове я узнавал в Астрахани (письмо твое от 22.08.84 получил).

С тобой согласен, что о нем заинтересован я знать больше. Но узнать ничего не удалось, так как в Астрахани в это время не было тех людей, которых мне посоветовал опросить Тарасов. Мама их расспросит. Однако, твоя фраза: «А твои слова, как ты написал, пустые, ломают то, что было уверенностью» требуют объяснения вот какого. Ты знал Рябова в другой атмосфере: в семье, в кругу его друзей и доброжелателей - одного плана; по его записным книжкам открылся его внутренний мир - другого, неожиданного для тебя плана. Я же могу узнать Рябова, с точки зрения его подчиненных, или недоброжелателей, или равных с ним по рангу. И это

может быть совсем другой человек. Ничего здесь не ломается. Меня на работе ответственным секретарем мои некоторые сотрудники считали подхалимом, карьеристом, тираном и просто дураком - и только мой уход в литературное издательство озадачил и моих подчиненных, и директора издательства - Стройиздат. Не укладывался я в их представление обо мне, ушел на понижение при перспективе повышения. Надо сказать честно, что те, кто мне что-то сказал о Рябове, ничего хорошего о нем не вспомнили, и впечатление у них о нем, как о пустом и неприятном человеке. Но кто судьи? Да и сама работа начальника в нашей системе - собачья. Я перекрестился, когда ушел из руководства. А не ты ли сам воюешь с плохим начальством? И что оно на тебя льет – помои? Видимо, отрицательные качества Рябова знал или чувствовал и ты, раз у вас с ним были трения. А у кого их нет, отрицательных качеств? У тебя? Или у меня? Все, что узнает мама, я сообщу тебе, но не пыли! Относись к этому обдуманно, а не с обидой или озлоблением на людей.

Что касается непонимания друг друга (эпизод с крестовиной - пьяная выходка по отношению к пьяным людям, мерзко даже вспоминать), то здесь ты пропускаешь самый существенный момент. Он касается и семейной жизни. Люди не только не хотят порой понять друг друга, а не могут понять в силу своей ограниченности или агрессивной настроенности. И второй существенный момент - даже сумев и захотев понять, люди не могут простить твое поведение. И последний момент - ты можешь быть убежден, что понял, а на самом деле заблуждаешься, но возмущаешься тем, что человек тебя не хочет понять. А человек как раз-то и понял, что ты неправ. Сколько раз я слышал слова возмущение такого именно рода, по которым видел неправоту возмущающегося.

Моя прежняя жена Лиля на суде сказала: «Он меня приковал к корыту и ребенку». Судья даже опешила и спросила: «Как это можно мать к ребенку приковать? Ребенок-то ваш?»

Тема - пожелания отца сыну - довольно расхожая. В присланном тобой стихотворении есть только один поэтический образ: «Ты в поединке дал врагу возможность /Из ножен первым вытащить клинок» - и тот не совсем соответствует посылу - «Душой кривишь».

Теперь о письме тети Гути. Прекрасное письмо. Начало написано так, как будто это любящая мать тебе пишет. Особенно важна строчка «Вот теперь немного и приглядывайся к нам, разбирайся...» - вспоминай свою нравственную основу, которая заложена в твоих генах, глядя на родню отца, ищи похожести с ними в себе - перед тобой материал, который и в тебе, но у них состарился и обработался временем, а у тебя еще не до конца распознан.

Но мне неясны некоторые вопросы. Что тетя Гутия писала вам о внуках своих и чем вы были недовольны в ее письме? Как ты относишься к тому, что тетя Гутия не нашла могилы своих братьев? Что ты знаешь о бедах тети Гути из ее рассказов, и какой у нее недуг?

Приезжала ли к вам этой осенью тетя Гутя, и почему она к вам собиралась? «Деньги ей нужны были не надолго» - о каких деньгах речь?

Что, Галина-Августа хочет переехать с семьей на юг?

Комментируй такие письма сам и присылай с комментариями - будет меньше вопросов.

Обнимаю. Привет Зое и Сереже.

Борис.

Володя - Борису

22.10.84

Здравствуй, Боря!

Вот и я собрался написать тебе.

Большое спасибо, хоть и с опозданием, за овсяное печение. Дошло хорошо. Магнитофон я хотел тебе выслать сразу, но как вплотную коснулся этого - побоялся высылать, как бы ты не получил пустой ящик. Поэтому я решил - пусть он ждет твоего приезда (у Сергея есть свой магнитофон, твой он не трогает, да и 12 ноября его забирают в армию). За сверхурочную работу дали премию 110 рублей и все, вот тебе и аккордная работа - все в жизни не так, как нам хотелось бы.

Где сейчас счастье? Радость достигается, а счастье само приходит - все зависит от тебя самого. Для меня счастье - в понимании, если тебя понимают - больше ничего и не надо. Но в семейной жизни есть пока свои недостатки, как черные-белые полосы в холостяцкой, а, в общем-то, эта тема неисчерпаема. И сейчас в газетах и журналах на эту тему много статей, созданы даже службы знакомств и т.д. и т. п.

Что тебе сказать в отношении твоей критики к моим выпискам. Двумя словами - я не согласен с тобой в корне. И я понял очень хорошо твои замечания. Абсолютной истины нет, она конкретна, как говорят философы. Все опять упирается в умение понимать другого, сказавшего или написавшего. Для меня авторитетов нет и истин тоже, я не смотрю, кто написал или сказал, я смотрю, что написано, о чем написано, как написано (кстати, автор тех строк, кажется, по профессии - полярный летчик). Меня не гипнотизирует то, что сказано красивыми словами - это для меня не красивые слова - это, что сам чувствуешь, что в твоей душе. А сказать так хорошо не можешь, а когда прочитаешь - и в твоей душе аукнется - сразу хочется записать, чтобы потом еще раз прочитать. Сейчас таких выписок я уже не веду, так как не читаю, да и жизнь стала спокойнее, без падений, а все время, что отпущено на себя, - отдаю любимому делу - электронике.

Когда приедешь, покажу свои записи. Переписка с тобой заставляет меня обращаться к старым записям. К примеру - Василий Кубанев (1921-1942), его слова:

(Все переписывать я не стал, субъективно.)

...«Слова - призрак, предрассудок, пустой звон. Стать самим собою, стать художником, добиться полного соответствия между внутренним богатством души и внешним выражением этого богатства - это единственное, из-за чего стоит жить. Смысл жизни - в самой жизни»...

«Но эта тенденция - видеть мир не таким, каков он есть, а видеть его таким, каким «я» хочу его видеть - остается на всю жизнь у всех в различной мере, разумеется».

Человеку, написавшему это, возможно, не было и 21 года. Что, Боря, ты мыслил, когда тебе было 20 лет? Я лично был далек от таких мыслей, я был еще птенцом. Еще раз обращаю внимание, как важно в жизни понимать самого себя и, главное, другого человека. В нас должно быть заложено это стремление понимать другого с детства, мы должны прилагать усилия своего ума, чтобы понять другого, заставляя себя это делать, исчерпать все возможности к пониманию, прежде чем принять решение. Нужно учиться всю жизнь понимать и прощать, чтобы понять самого себя.

«Узнать больше, копать глубже, ведь самая сладкая вода на глубине, и она-то и есть утоление».

(На глубине могут быть и отравляющие вещества, которые там были закопаны. Не видит Володя за красотью сказанного – порой простой ущербности понимания жизни.)

По-моему тема понимания и непонимания другого очень важна в жизни для каждого человека.

Тему: отец - сыну, я тебе предложил хотя бы потому, что ты задумался, а чтобы ты пожелал своему сыну. Эта тема интересна хотя бы тем, что у нас с тобой не было настоящих отцов, и нам никто ничего не желал, мы с тобой только на половину отцы и на половину сыновья, и поэтому не зря эта тема нас обоих волнует. Вот почему я предложил тебе эту тему. Может быть, ты лучше напишешь, чем то, что я тебе писал.

«А не с обидой или озлоблением на людей». Обида, злоба - довольно странные для меня чувства. Те, на кого обычно я бы должен был обижаться или их возненавидеть, - всегда вызывают у меня чувство жалости. Мне жаль этих людей, заблуждающихся в своем неведении - ведь они не понимают, что творят по отношению ко мне, желая моей злобы. В своей ненависти человек всегда страшен, неестественен, а я не хочу быть таким - вот и все.

Я как-то тебе писал об отношении к деньгам. Мой тебе совет: рви знакомство с человеком, который говорит о деньгах, все меряет деньгами. Человеку деньги нужны, как вода и воздух, но он должен о них вспоминать тогда, когда продает свой труд подороже, то есть за истинную цену, но не дешевле. Я считаю, что «Ивана Болотникова» ты продал слишком дешево.

Что касается вопросов о моем доме. Я не помню точно, о чем написала мне тетя Гутя. Но у нас однокомнатная квартира, и мой дом пропал. Я смогу продать дом, разобрав его на стройматериалы. Наверное, дадут участок в другом месте, чтобы заново строить дом.

Ты говоришь, что из-за вечной нужды тетя Гутя не нашла могилы своих погибших братьев. Да. Я ни в чем не могу винить тетю Гутю, слишком не сладкая жизнь была у нее. Оба мужа пьяницы, всю жизнь была учительницей по истории в спецшколе, всю жизнь к ней цеплялись разные серьезные болячки. Сейчас у нее больны ноги (слоновость ног) и сердце. Она родилась в 1919 году, поэтому лет ей уже много.

Я в октябре – в отпуске, в январе тетя Гутя мне сказала, что приедет с сыном к нам в октябре. Я давно звал ее к себе, и вот она решила приехать – уже точно сказала, приеду, но уже кончается октябрь, а от нее ни слуху, ни духу. Дядя Саша тоже молчит.

Галина Баландина нашла размен из Красноярска на Луч – недалеко от Николаева, те предлагали обмен с обязательной покупкой «Запорожца» – деньги на него и нужны были Галине. Но обмен не состоялся, расстроился, о причине мне не сказали. Галина давно хочет перебраться на юг. Вернее, свою дочь хочет перевезти сюда, больна – нужен южный климат.

Один к тебе вопрос, к твоему прошлому – как ты попал в рыбвтуз, почему в него поступал, что заставило, ведь ты человек, к технике не склонный, ведь, по-моему, еще в школе ты пробовал писать стихи. Если тебе неудобно – не отвечай.

Что я делаю в отпуске? Делаю для себя домашнее рабочее место – стол-шкаф для занятий любимым делом. Ведь важно, прежде всего, хорошо продуманное рабочее место, а потом дело. Мне уже давно нужно было его сделать, да все не получалось. Заодно и кухонный шкаф для Зои делаю, чтобы было ей удобнее кулинировать.

Всего тебе доброго. Обнимаю.

Привет тете Оле. Вова.

Борис - Володе

02.01.85

Здравствуй, Володя!

Поздравляю тебя и все твое семейство с Новым годом! Будьте счастливы и здоровы.

Наконец-то я сел за письмо к тебе. Надо признаться, что я уже отвечал на это письмо твое от 22.10.84, но ответ мне не понравился, и я его не послал. А потом обложился срочной работой – и не продохнуть. У нас изменения на службе: ушел заведующий, с которым мне было хорошо, и уходит, вроде, главный редактор. Кто-то придет, и как будет работаться – переживаю.

Новый год встретил в семье друга. Андрюша окончил четверть на тройки – никак не возьмется за ум. Жалко, парень хороший, смысленный, но... не любит трудиться, и никакие уговоры не помогают. А твой сын, говоришь, в армию пошел. Быстро дети растут. Да, не всегда наши желания сбываются, надежды оправдываются – но не надо винить только других. Мы и сами во многом виноваты. Если бы ты, например, не брался за сверхурочную работу, никто бы тебя не обманул такой маленькой премией.

Ничего не могу сказать тебе о том, что такое семейное счастье, не видел его, потому, видимо, и не умею его добиваться. Твердо решил попробовать еще раз жениться. Но где найти человека, равносильного матери моей? Только она меня любит бескорыстно и безоглядно. А я ей не могу, не умею платить такой же заботой. Только к Андрюше я чувствую безоглядную любовь, познал радость этой отцовской любви. Но не любил еще с такой силой ни одну женщину.

Сегодня говорил с зав. отделом критики журнала о Герцене, он пишет книгу о нем. И вдруг он назвал главу – личная драма. Выяснилось, что и Герцен искал ответы на причины разводов. Я этому посвятил повесть (написал пока 150 страниц, а конца не видно, и все время прерываю работу). Наткнулся на высказывание Киреевского и понял самую главную причину. О ней же говорил и Герцен. Это не просто личная драма, это беда всего нашего общества и по сей день: конфликт носителей западной эмансипации и восточного домостроя. Я пришел к выводу, что Лиля – не скорбящая мать, а салонная дама (сама такого полностью не осознавая). А у меня домостроевские взгляды на мужа (Лилия меня так и называла – восточный тиран. А когда хотела сказать помягче, цитировала из моего произведения: «Собрались неверные татары, бородами жидкими качают...»). Она могла бы отдать ребенка в ясли в пятидневку, если бы я не восстал, чтобы ходить по концертам, учить языки (с любовником), щебетать с подружками-канарейками. Она заражена этой салонной эмансипацией, но не осознает это – болезнью. Я же считаю, что цель жизни родителя – отдавать ребенку все необходимое ему, и назвал Лилю кукушкой. Для встречи с Андрюшей я переношу свидание с женщиной, бросаю все срочные дела и даже дела творческие могу отложить, хотя ради поэзии жертвую всем остальным всю жизнь.

«Если тебя понимают», – пишешь ты. Я понял многих из своего окружения, но не мог или не захотел некоторым из них пойти навстречу. У каждого свое отношение к счастью. Твое – думается, эгоистическое. Лишь бы меня понимали, а я могу этим наслаждаться и не затруднять себя вопросом: а вдруг мои желания и претензии в тягость близкому человеку? Хотя бы ты писал так: «Я счастлив, если понимаю человека и могу удовлетворить его желания». Мое счастье в том, чтобы написать или прочитать что-то высокохудожественное. Если я что-то создам значительное, значит, не зря жил.

Что касается твоих выписок и ответа на мое замечание, то на это у меня есть два предложения. Первое – почитай Гегеля «Эстетику» в 4-х томах.

Сначала будет впечатление, что продираешься через дремучий лес, все равно читай, что-то ты да поймешь, о чем-то будешь догадываться в оставшуюся жизнь. Второе – не обольщайся тем, что душа откликнулась на какие-то изречения и рассуждения. Эта радость – радость узнавания известного тебе (и может быть, неправильно известного и неправильно описанного). Смотрел «Беседы с Сократом» в театре. Спектакль–лекция, не очень хороший, но выяснил главное: Сократ учил сомневаться, проверять и исследовать истины. При нашей подготовке любой умный автор может убедить нас в своих рассуждениях. В детстве мама говорила мне: «Когда я прав, а прав всегда я». А я мог ее убедить, даже зная, что лгу. Но мне было стыдно. А Сократ сказал: «Я знаю, что я ничего не знаю». И это – в конце своей жизни.

Что у тебя философский склад ума, я понял интуитивно чуть ли ни с первой беседы с тобой в институте. Но знаний нет, Володька, у нас. Есть отрывки из обрывков, мы сами себе противоречим. Вот смотри, что ты пишешь: «Абсолютной истины нет, она конкретна, как говорят философы... Для меня авторитетов нет и истин тоже...» На твои 4 страницы письма надо отвечать романом. Почему я так долго собираюсь с духом хоть как-то попытаться, при своем скудоумии, все же ответить тебе.

Отрывки из В. Кубанева – образные, но такие же беспомощные, разрозненные, противоречивые заблуждения, как и у нас. «Как у нас», поэтому нам нравятся. Я тоже хотел тебе написать, что «смысл жизни – в самой жизни», но это – пустой афоризм... «Видеть мир не таким, каков он есть, а видеть его таким, каким я хочу его видеть» – чистой воды экзистенциализм и т. д. Ты сам понял, «что все в жизни не так, как нам хотелось бы», – на первой странице письма. Жизнь тебе это доказала.

Что касается главного тезиса письма: как важно понять друг друга, а главное – самого себя, то сначала выясни для себя, что значит слово «понять». Какой смысл ты в него вкладываешь, и что означает это слово с философской точки зрения – «понятие», и что ты хотел, да не мог вложить в это слово. Ты был только у входа, когда по интуиции добавил оттенок: «понимать и прощать».

Насчет темы: пожелание отца сыну – скажу одно: пока не встречал лучше стихотворения Киплинга «О, если!» в переводе Маршака. Если не найдешь в библиотеке, пришлю.

Об озлоблении и обиде ты написал хорошо, но это больше подходит к словам «ярость и ненависть». Ты только пробуй сам подняться до жалости к злым обидчикам. Проанализируй с этих позиций свое отношение к матери, бывшим женам.

Не совсем понял я тезис: «Ивана Болотникова» ты продал слишком дешево». Я бы доплатил за то, чтобы опубликовать хоть такой вариант. И в то же время не оставил работу над окончательным большим вариантом драмы и борюсь за полное его издание. Но не для того, чтобы стать миллионером. Хотя устал от вечной нужды и унижений самолюбия из-за нехватки денег. Просто творчество и деньги – разные понятия.

Теперь вопросы к тебе. Поразило меня, что Аркадий Васильевич окончил вуз в 50 лет. Заметь, второй после твоего отца инженер в простой семье. Неудивительно, что он всегда был от остальных братьев и сестер в стороне (тетя Потя тоже окончила институт, если работала учительницей?). Почему молчит дядя Саша? Почему бы тебе не помочь с обменом Галине Баландиной, хотя бы предложить свою помощь?

Ответ на твой вопрос о рыбвтузе. Только сейчас, формулируя ответ, я сделал очередное, наиболее точное открытие. Были до этого два открытия, но не полные. Когда я собрался поступать во ВГИК, мне посоветовали написать так свою автобиографию, что я всю жизнь мечтал об этом. Но ВГИК, вернее кино, мне не по душе. Но когда я писал честно автобиографию, то понял, что в школе писал сценарии концертов, в рыбвтузе – сценарии студенческого театра эстрадных миниатюр и телесценарии. На Алтае тоже писал телеочерки. Всю жизнь писал сценарии.

Второе открытие – в гороскопе написано, что у меня склонность к драматургии. На самом деле, точнее, я по складу – артист, причем, наверное, артист оперный. С детского сада, в школе, институте – я выступал на сцене, пел, вел концерты, играл в драмкружке. В 9 классе, играя водевиль, пел и плясал и получил первый (и последний) бис! Все, и я, были в восторге. Учился в музыкальной школе два года по классу баяна, но сорвал голос (а вернее воспользовался этим и бросил школу, потому что не люблю зубрить). До сих пор люблю петь и пою почти всегда, даже на улице про себя. После школы собирался учиться на артиста, мать отговаривала: все артисты – пьяницы (потом узнал, что некоторые – педики). Тогда хотел поступить на филфак. Мать–учительница запретила: только через мой труп! В рыбвтуз пошел по настоянию матери, да и не было средств ехать на учебу в Москву. Даже «Ивана Болотникова» я писал, сначала, как оперу «За царя» («Иван Сусанин»), я слышу, как она звучит оперой. Прослушал почти весь репертуар в Большом театре (через знакомого солиста Большого театра). Люблю часто ходить в театр.

Пиши, Обнимаю, Борис.

Володя - Борису

18.03.85

Здравствуй, Боря!

Извини за долгое молчание! Наконец, решил сесть тебе ответить на твое письмо от 02.01.85.

Сначала - Что? Где? Когда?

Письмо твое я прочитал только 26.01.85, так как с 08.01. до 26.01 был в командировке в Ленинграде. Ездил поездом, взял четыре наших проигрывателя на госиспытания во ВГИЦ (Всесоюзный государственный испытательный центр) при ВНИИРПА им. А.С. Попова. Через этот центр, как через КПП, проходит вся новая бытовая аппаратура, кроме телевизоров. Госиспытания прошли успешно, и я вернулся в Одессу. Конец месяца, скопилось много работы, за десять дней сверхурочных я заработал 100 рублей сверх зарплаты.

Уезжал из Одессы в командировку – был дождь, в Ленинграде намерзся, приезжаю в Одессу – здесь еще холоднее. Теплотрассы на нашем жилмассиве померзли, батареи дома и на работе холодные были, доходило в квартире до + 5 градусов. Главный комфорт для человека среди всех удобств – это тепло. Максимальная умственная работа будет при 21–23 градусах, ниже и выше – резко падает, имей это в виду. Февраль из-за мороза тянулся долго. После 12 марта начало теплеть, температура дома повысилась до + 17 градусов, хотя батареи чуть тепленькие. Некого винить и некого стрелять за такую бесхозяйственность, так как никто ни за что не отвечает. Только хвалиться могут в печати и по телевидению: столько-то миллионов жилья построили. Хватит, я тебе уже как-то писал подобное, про свою злость...

Теперь бери копию своего письма. Буду – по порядку.

Работа! Любимое дело – работа, это – главное в нашей жизни. И если есть любимое дело – обстоятельства не помеха. Начальники приходят и уходят, а дело остается с тобой, и ты обязан его делать по-прежнему хорошо, даже уйдя на пенсию.

Семья! Дети! Это второе главное в нашей жизни. И обычно в этом нам всем людям не везет, особенно сейчас, в наше время. Семья, дети – трудный вопрос – много об этом пишут, но мало чего-то нового открывают, легче открыть новый закон в науке, чем понять, почему бывают трагедии в семьях. Андрюша не хочет иметь пятерки, скорее всего у него отбили желание учиться, или наоборот, он не приобрел этого желания – тяги к занятиям. Папы и мамы должны учиться в другой школе – уметь воспитывать. Прочитал ли ты хоть одну книгу педагога?

(Я читал Сухомлинского, Макаренко.)

Если да, то помнишь ли что? А кроме этого, жизнь наша, наши ошибки должны учить нас воспитывать других, чтобы они не повторяли этих ошибок.

Эти естественные желания не сбываются – это хорошо, и мы в этом большей частью не виноваты, ведь мы не одиноки, так как живем в мире людей. А за сверхурочную работу я должен был браться, потому что другим я быть не хочу.

Счастья, любого, добиться нельзя, счастье приходит само, а... радость в жизни нужно добиваться. И никогда не найдешь человека, равносильного

матери твоей, таких людей не может быть. Любить бескорыстно, безоглядно, а разве можно любить по-другому? И разве это будет называться любовью?

Причины разводов. Хочу прочитать твою повесть вчерне. Слишком все обобщено, домострой, эмансипация.

Много сейчас ты жертвуешь ради сына, другими словами, балуешь – проверь, испытай своего сына – это будет и ему воспитанием, и тебе педагогией.

Я счастлив, если понимаю человека и еще больше счастлив, если он понимает меня, и я хочу, чтобы он понимал меня, стремлюсь к этому; прошу помочь мне этого человека, как сделать, чтобы он лучше меня понял, ведь чем больше тебя понимают, тем быстрее ты поймешь других.

(Каша!)

Сократ, Гегель и другие. Долгая история, время – наш тормоз – нужно выбирать, что дальше, время не может быть бесконечным. Хотя о Сократе читал с большим интересом. Гегеля и прочих уже, наверно, не осилю. Знаю, что знаний в этом у меня «мизер». Мое противоречие, которое ты приводишь, – это неумение выразить свою мысль. Зачем отвечать романом, нужно учиться кратко излагать мысль, а у меня как раз получается слишком кратко. Ведь я абсолютно не литературный человек. «Понять», то есть мыслить так же, как мыслю я в данном вопросе, хорошо понять причину поступка, смысл слова, дела.

Киплинга «О, если!» – пришли.

Да! Ярость и ненависть, ты прав.

Ты написал хорошо на мои слова о «Ивана Болотникова» – за него нужно бороться – он стоит этого, то есть опубликовать полный вариант.

На твои вопросы – мои ответы. Наверно, дадут участок в другом месте, чтобы заново построить дом, это я уже тебе сообщал. В одном из писем дяди Саши, которые я послал перед этим тебе, есть об Аркадии – он поехал к больной сестре, это тоже что-то значит, не такой уж он и плохой. Я уже предлагал и помогал Августе-Галине с обменом, но, кажется, ее муж против обмена, что-то мне говорила тетя Гутя об этом.

Твое последнее откровение в конце письма обязывает что-то и меня рассказать, спроси – скажу.

Зачем ты мне выслал желтый листок с датами из биографии отца? И что это значит «Ищу отца»?

(Это – вложение в его подсознание. Мы пишем книгу с рабочим названием «Ищу отца». Ничего больше не скажу ему об этом желтом листке.)

Пиши. Крепко обнимаю.

Вова.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Володя – Борису

18.03.85

Дорогой Боря!

Высылаю тебе два письма дяди Саши. Наконец-то он начал писать. Ответ на твое письмо вышлю немного позже.

Всего тебе доброго. Вова.

ПИСЬМА ДЯДИ САШИ

Дядя Саша – Володе

Белово

22.01.85

Здравствуйте, Володя и Зоя!

Наконец-то я собрался написать вам письмо. Вчера получил от вас бандероль с транзисторами и микросхемой. Почему на них обозначено по-другому, вместо КТ361 написано Б/0582, это что, какой-то шифр? Словом, мне неважно, поясни. А микросхема для меня понятна. Наверное, из нее можно что-нибудь дельное, миниатюрное сделать, для меня сюрприз. Словом, я очень доволен, выручил меня хорошо. Я тебе очень благодарен. Сколько это стоит, не стесняйся, я вышлю деньги. А микросхему подробно опиши и вышли схему.

Ну, мы с Марией Александровной съездили в Новосибирск на юбилей Августы. Ей 8 ноября исполнилось 65 лет. Было много народу и было весело, сошлись четыре брата и две сестры, все, что осталось от нашей семьи, и много наших родственников, некоторых я увидел в первый раз. С одной пожилой женщиной разговорились, оказывается, я с ней водился, когда ей было полтора года, и с тех пор я ее встретил первый раз. Владимир (младший брат) нам рассказал о том, что наша сестра Шура (сводная, ее привела в нашу семью мачеха) живет в Алтайском крае. Имеет сына, и сильно болеет водянкой, может, не проживет, надобно к ней съездить попроведать ее, на это потребуется самое малое три дня. Все же – сестра наша. И мы, я, Владимир и Аркадий, поехали. На другой день в 6 часов утра

сели в электричку и приехали в Барнаул, оттуда на автобусе 70 километров, а там от остановки три километра пешком. Был вечер, убродный снег, изрядный морозец. Аркадий в валенках – передом, а мы в ботинках – за ним. Я самый задний. Идти было тяжело, хотя и под гору. Шли долго (может быть, показалось). Я сильно устал. Большой совхоз с плохими дорогами и кривыми улицами. Пришли. Нас встретил лай собак. В избе горел огонь. Владимир занялся с собаками. Аркадий на него смотрел. И я шмыгнул на крыльцо и взялся за скобку двери. Дверь была не на запоре, и я открыл и зашел в сенки. Вторая дверь тоже открылась.

Кухня. Шура сидела за столом и ела немудреный ужин. Оглянулась на меня. Я снял шапку и тоже гляжу на нее. Боже мой, что я вижу, своим глазам не верю. Предо мной сидит изможденная старая-престарая старушка. Сердце мое так защемило. В это время входит Аркадий. Шура перевела на него свой взгляд, и Аркадий так же молчком на нее глядит, видать, тоже переживал. В это время заходит Владимир. И так громко сказал:

– Ну вот, Шура, я привез к тебе братьев. Принимай гостей!

Она сразу встала и сказала:

– Проходите в комнату.

И сделала несколько шагов, поравнялась со мной. Я ее схватил в объятья и прижал к себе. Она тоже прижалась и заплакала. Я тоже заплакал. Потом так же обнялись с Аркадием. А Владимир к ним часто ездит. Он там стал что-то хлопотать насчет чая.

Шура была одна дома. Сын и сноха были на работе. Мы разделись и стали разговаривать. Я смотрю на нее – и никак не могу смириться с таким положением, и мне было очень жаль ее.

Пришли Олег и Раиса, перезнакомились. Они организовали хороший стол, и мы хорошо поужинали. Разговоров было много. Договорились, завтра день мы побудем у них, а послезавтра сразу с утра поедем обратно.

На другой день Олег с Раисой ушли, и мы остались одни с Шурой. Она повеселела, и стала все расспрашивать про нашу жизнь, и вспомнили о детстве. Все это хорошо, а как посмотрю на нее, так сердце защемило тяжело.

Ну, а Олег с Раисой как-то договорились и пришли в обед домой насовсем. Опять организовали хороший обед. И пришла ихняя дочь с мужем. Он работает заместителем директора совхоза.

Живут они неплохо. Олег – старший механик, Раиса – заведующая больницей. Квартира у них просторная. Шура занимает отдельную комнату. Сноха за ней хорошо ухаживает. Шура не нее молится. Я их снимал немного. Шура просила меня напечатать побольше ее фотографий.

На другой день мы не без приключений вернулись в Новосибирск. Я проснулся и заболел. Мария Александровна тоже занемогла. Я хотел съездить к Владимиру, но не смог. Сели на поезд и уехали домой.

Простуда эта хуже гриппа, и мы проболели долго, до 5 декабря. Нужно было ехать в Новосибирск на юбилей к Аркадию. Я поехал, Мария Александровна не поехала, она еще плохо себя чувствовала.

Там также собрались четыре брата и две сестры, да дочь с мужем. Провели тоже весело. Пофотографировались, и утром я пошел на автовокзал и поехал на автобусе в Кемерово.

Часов пять я был в Кемерово у Петра. И туда же случайно приехал Алеша с Юрой (мой правнук). А дома у Алеши осталась с матерью дочка Аня (мне будет внучка). Алеша уехал домой, а Юру оставили у них гостить. Я с ним быстро подружился. Он еще мало говорит, но понимает все. Я купил много ему детских книжек и стал ему читать сказки, а он слушает. Он заставляет читать. А вечером он запросился домой и никак нипочем не хотел спать. «К маме...» и все. Они хотели его уложить спать. Не тут-то было. Я вижу, дело неважное, подошел к нему и позвал его к себе. Он пошел ко мне, и я стал с ним ходить по комнате. Он затих, и все равно просился: «К маме...» Я подошел к двери, открыл дверь, оттуда пошел сильный холод. Тамара сказала:

– Простудишь еще...

Я закрыл дверь и сказал:

– Видишь, как на улице холодно и темно. А мама далеко. Ух, замерзнешь. Пойдем со мной ляжем спать.

Он не захотел. Тогда я стал с ним ходить и запел песенку:

Бедный мальчик, весь в огне.

Все ему неловко...

Он слушал и задремал. Тамара взяла его на руки, и продолжала петь другие колыбельные песенки. А потом он спокойно уснул. И на другую ночь он спал без капризов. Я сказал:

– Вот видите, и вовсе он не капризный. К каждому ребенку нужен индивидуальный подход.

Света стала намного спокойнее. Юрку не любит. Отбирает у него все игрушки. Я сказал:

– Зачем ты это делаешь?

– А зачем он вредничает?

– Так он же ребенок... Ему нужны игрушки.

– Он их разбрасывает, а не играет. Он вредный, и я не дам их ему.

– Ты бы посмотрела на себя, когда ты была такая же маленькая. Вот это действительно была вредная.

– Я была вредная! Мама, я действительно была вредная?

– Да, уж, действительно, вредная. Ты замучила всех нас и Алешку, – сказал Тамара.

Я сказал:

– А теперь тебе самой не нравится, что Юра вредный. И всячески обижаешь его.

Она ничего не сказала, отдала все игрушки Юре, а потом стала с ним играть. Бегала от него, а он догонял ее, и так зазорно хохотал. Я даже сказал ей:

– Вот, видимо, с ним можно поиграть, а ты говоришь – вредный.

Я не знаю, а может быть, что-то хорошее, полезное дошло до ее сознания.

На другой день я уехал домой. Было очень холодно, но я не простудился, потому что был хорошо одет. Приехал домой первым, взялся за снимки. Потя мне дала свой фотоаппарат «Зенит-Е» отремонтировать. Я там тоже снимал, Света заставляла. Я еще сказал:

– У вас же свой есть аппарат.

– Он не работает.

И вот я разобрал его. Была заряжена пленка, и посередине – изорвана. Я ее осторожно снял, чтобы не засветить, и прибрал. Аппарат разобрал, и ничего не нашел в нем испорченного, прочистил, смазал, собрал и зярядил обрывок пленки. Несколько снимков, но не всю, заснял. Так пока оставил.

Я не занимался фотографией около десяти лет, и у меня ничего нет из фотоматериалов, а бумага вся испортилась, от 13 до 16 лет давности, и места нету, где заниматься этим.

В доме культуры была фотолаборатория, там все удобно, и я там больше обрабатывал. Дирекция сменилась, и фотолабораторию закрыла – нужен склад. Там было очень много фотоматериалов, и Кузьмич Головин все оттуда забрал к себе. Теперь он там не работает, но я с ним в хорошем отношении. Я пошел к нему, принес три пленки проявить. Он хорошо приспособился дома. Я его спросил:

– Фотоматериалы у тебя есть?

– Есть. Я все забрал, мне на всю жизнь хватит. Хочешь, и тебе дам?

И дал мне, на всю мою жизнь хватит. Кроме бумаги.

Я купил малогабаритную вспышку, питается от сети. И я первый раз в жизни снимал со вспышкой. Купил маленький фотоаппарат «Киев-30» – та же «Вега», и пристроил к нему вспышку. Вот такой аппаратурой я и снимал. Мы стали проявлять пленки. Первую большую испортили – большое недопроявление, сильное. Чуть заметные, прозрачные снимки. Вторые мы стали проявлять маленькие, ничего не получили, совершенно не заснятые. Потом узнал – заводской брак. Вспышка работала не синхронно. Я сильно переживал – сколько работы пропало. Вновь переснять-то это нельзя, особенно – за Шуру. Она-то вот надеялась, и вот результат. Дня четыре ничего не делал, потом успокоился. Сделал так же, как у Кузьмича, в туалете, получилось неплохо. Нашел проявитель – рецепт в книге, проявлять недодержанные негативы, то есть печать с них. И кое-что напечатал, немного успокоился. Я еще разыскал негативы, когда-то – в 1975 году снимал на похоронах мамы и до сих пор не напечатал. И я в этот раз напечатал их немного. И уже получил заказ напечатать их больше. А юбилей, хоть немножко, получилось, и я успокоился.

Кто-то срезал общую антенну на здании, и мы остались без телевизора, на комнатную очень плохо он принимает. Я прибавил напряжение на телевизоре – можно смотреть, но телевизор не выдержал и начал сыпаться, и совсем отказался. Мне пришлось с ним повозиться: сменил все лампы,

поднял накал на кинескопе до 8 v. Сгорел кадровый транзистор, сменил режим, все нарушилось. Провозился с ним целый месяц. Осталось заменить все электрические конденсаторы в блоке питания (высоком), а их нигде достать нельзя, они все двойные. Сейчас смотреть можно от комнатной антенны. Но слышен фон переменного тока. Сделал свою антенну и поставил на крыше. А с ней хуже, чем с комнатной (двойное изображение). Поворачивать антенну холодно – зима. Менять телевизор не хочу, дотяну как-нибудь до цветных телевизоров новой конструкции.

Совсем лишился я зубов. Сейчас хожу на примерку, делают протезы. Вот такие дела. Буду продолжать писать.

Крепко обнимаю и целую, твой дядя Саша.

Дядя Саша – Володе

Белово, 3.03.85

Здравствуй, Володя! Привет Зое.

Сегодня у меня день письма.

Как лето было суматошное, так и зима. После поездки по родине я занялся фотографией. Никакого оборудования у меня не было, потому что я работал в фотолаборатории в ДЭКа. Я там был своим человеком, и сейчас – тоже. Но при новом директоре фотолабораторию закрыли, и сделали там склад. И мне пришлось оборудовать место для фото дома. Я это сделал и поработал с недельку. Конечно, не так удобно.

А тут забарахлил телевизор. Сперва кто-то спилил общую антенну, я перешел на комнатную. Плохо прибавил напряжение – и посыпалось все. Сменил много ламп, сопротивлений и конденсаторов – и полетел селеновый выпрямитель 5ГЕ40Ф и трансформатор кадровой развертки и видеодетектор В-20. Я прямо растерялся – тут он остановился, показывает сносно, а то хоть новый покупай. Я не хочу. Хочу дождаться телевизор новой конструкции, про который пишут, что он в два раза легче и в шесть раз надежней, качеством на много выше и электричества берет меньше. В Ленинграде и Воронеже заводы уже перешли на его изготовление. Может быть, дождусь и я. Целый месяц провозился с ним, и ничего не поделаешь. Мне не хватает прибора, которым можно бы замерять конденсаторы и генератор промежуточной частоты. И я решил сделать такой прибор, чтобы он был малогабаритный и замерял бы ток, напряжение, переменное и постоянное, а также чувствительность была высокой до МКВ, и замерял сопротивление и емкость, индуктивность пока не требуется. Но генератор промежуточной частоты, промодулированной низкой в 1000 гц, тоже нужен. В магазине подсмотрел коробочку, купил ее и вмонтирую в нее маленький вольтметр индикатор, от записи стрелку переделал – и получилось хорошо. Вместе с ним вмонтировал панель фольгированную для схемы – получилось оригинально, и коробочка закрывается. Стал подбирать схему (у меня их достаточно), и тут я заметил,

что я ошибся. В чем? Большая схема в коробочку не влезала, а маленькая – ненадежная и капризная. Я перепробовал десять схем, и ни на одной не остановился. А время угробил, весь февраль. Вот черт!

Зима уже прошла, а я ничего не сделал, жалко, сколько у меня пропало времени. Только одно успокаивает – во время эксперимента у меня случайно заработал трехфазный мультивибратор. Он был обычный. Я собирался сделать генератор для измерения емкостей, и удивился, что он берет мало, а работает очень устойчиво. Я взял да добавил к нему еще транзистор, и он заработал так же устойчиво. Я замерил на каждом транзисторе токи и напряжение – везде все одинаково. Почему же до этого у меня никогда не получалось? Получилось, что каждый транзистор сдвигает фазу на 120° , а не 180° , как обычно, если эту частоту закрепить и заставить крутить электродвигатель без коллектора. И еще синхронно с этим можно достигнуть идеального постоянства оборотов. Простота-то какая! Это насколько проще бесконтактного батарейного электродвигателя. БДС-02 М – ужас, какая сложность, и он очень капризный, часто выходит из строя, и не вдруг найдешь повреждения. Сразу японцы взяли лицензию на него, и стали выпускать у себя. Это может не осуществиться, но я этот мультивибратор подобрал и сохраню его. Еще займусь им вплотную и изучу.

У Марии Александровны заболели глаза, врачи установили катаракту, и верно. Сейчас у ней один глаз совсем не видит, скоро будут делать операцию. После операции ей с полгода ничего нельзя делать. А там второй глаз – еще с полгода, и так – целый год. Вот мне еще прибавится нагрузка. Мария Александровна взялась за починку... тогда все починила. Заставила меня выбелить квартиру. Я выбелил, она все помыла. Все перебрали, вытрясли все паласы и ковры, посуду перебрали и прибрали все. А то это тебе все пришлось бы делать, говорит. Сделали – успокоились.

Вот какие у нас дела. В прошлом письме я писал, чтобы ты прислал мне микросхему и попросил прислать ее схему. Схему я нашел у себя в книге. Она от ЭВМ. Куда же я ее могу применить, не понимаю. Помогите мне.

Теперь о моей биографии.

Мы жили в новом доме на Советской улице. Мельница молола вовсю. К тете Матрене мы регулярно возили хлеб и давали деньги.

Она как-то приехала к нам и попросила меня у отца, чтобы я ей помог перестроить дворы и отремонтировать что-нибудь по дому. Отец сказал ей: если Шура согласится, пускай едет.

Она стала уговаривать меня. Я ее уважал, это для меня была лучшая тетька. Говорили, что она была моя крестная мать, по-французски называется Леля. Наши ребята все называли ее Леля. Мне так хотелось поступить работать в Новониколаевске в депо, а там у нее работал родственник. Я это знал и спросил её: сможешь меня устроить в депо работать учеником слесаря?

О, это просто! Ответила Леля. - Вот, все там у меня устроишь – и поедем в Новосибирск (Новониколаевск), я тебя устрою. И на квартире там у своих будешь жить.

Я согласился, и мы поехали, захватили еще с собой Серафима. У меня была гармошка, и ее я взял с собой.

И вот мы в Дубровино. Село Дубровино находится на реке Оби, ниже Новосибирска 75 километров. Расположено оно по обе стороны реки. На правой стороне – все Дубровино, а на левой стороне – только домов 30, и там жила Леля.

Дом большой, красивый, с подвальным помещением. В подвале была кухня, и были маленькие окна на улицу и ограду. Дом – как бы двухэтажный, но нижний этаж – наполовину в земле, внутреннего прихода не было. Входы были сразу на улицу с верхнего этажа с высоким крыльцом, и внешнее крыльцо – обычное, с лестницей вниз. У верхнего этажа было второе крыльцо. За оградой – прямо на улицу вход в магазин. Леля еще торговала всяким пустяком: солью, веревкой, ведрами, шапками, гвоздями, спичками, свечками, посудой, керосином, фитилями и т.д. В подвале, кроме кухни, были еще комната и кладовка, там жил квартирант Горлов, делал лодки–долбянки 6-, 7- и 8-ми метровые.

В ограде был небольшой пятистенный хороший домик, который называли «молоканка». При дяде Паше там специально пропускали молоко от населения. Сепаратор пропускал сорок ведер в час, крутили его два человека. За молоканкой был большой навес – крыша, под ней был настлан деревянный пол. Раньше там был склад кустарных изделий. Скупалось от населения: не окованные сани, тележные колеса, бочки – кадки, деревянные лопаты, дуги, колодки от хомутов и т.д. За навесом начинались дворы большие, туда можно было поместить целое стадо коров. Может быть, дядя Паша и скотину скупал? Не знаю.

За дворами была пасека – доходила до 500 колодок. Колодки были – старинные долбянки и ящечные, сколоченные из пиловочных осинового досок. Эти колодки были больше похожи на современные, в них были крупные пчелиные семьи, много меда. Но таких колодок было немного, и две колодки, выписанные из-за границы, как современные, с магазином сверху, фирмы Дани Блата. Такая пасека была при дяде Паше. Я уже видел гору наваленную долбянок и больших ящиков. А живых пчел – не более штук 5 – 6 в больших ящиках. Вся пасека погибла без хозяина.

С другой стороны ограды, начиная от дома – небольшая крыша, там стояли теслы и телега. Оттуда был вход, большие двери, в подвал. Там – широкая и пологая лестница из толстых досок сделана, спускаться довольно глубоко под землю. Там – снова большие двери. Заходишь в большой просторный и сухой подвал, выложенный из дикого камня, со сводами из камня. Видимо, хорошая вентиляция, подумал я. Висят два фонаря «летучая мышь». Зажгли фонарь – полки, ящики все пустые, немного картошки и моркови да редьки – и все. Еще дверь открыли – там прохладно и сыро. Половина второго помещения отгорожена высоко толстыми досками.

Это для ледника, – сказала Леля. Я заглянул туда – там никакого льда не было. Набивали снегом, да и он уже растаял. Но прохлада еще чувствовалась.

Рядом с погребом стоял большой высокий амбар. Зашли туда – там так же все пусто. Лежит прямо на полу сепаратор разобранный.

А наверху, рядом с амбаром, во дворе была конюшня теплая, стойл там было много, и комната для сбруи и хомутов, окно, стол, небольшая печь и кровать.

А печь зачем,? – спросил я. – Как же, для сбруи надо тепло, - ответила Леля. - Да и отремонтировать и починить можно. А на койке можно отдохнуть и переночевать. А когда лошадь или корова телиться начнет, – то и подежурить.

За конюшней был хлев для кур, гусей, уток, а там еще стайка, где жили свиньи, и отдельно – для коров, когда телятся. А там – уже общий двор

Двор был огорожен плотным забором из толстых досок и горбылей, а сверху был покрыт жердями и соломой. Осенью на эту крышу метали сено.

Какое большое хозяйство можно приобрести за свою жизнь! Но со смертью хозяина – гибнет все хозяйство. А ведь все крепко сделано, все ново – и все рушится. Это не только у дяди Паши, он бездетный. Но и с наследниками – не лучше, даже хуже. Наследники начнут все делить, и еще быстрее все разрушат.

Вот она – индивидуальная жизнь. Веками жили, а продвижение быта и культуры топталось на месте. Но вот появился новый строй, строй советский. Строй, который с самого начала старался уморить, задушить, уничтожить! Не смотря на это, за шестьдесят семь лет он сумел из руин возродить могучее содружество народов Советского Союза. Даже можно судить по одной операции. В Советском Союзе изготавливают за год столько обуви, сколько ее изготавливают Америка, Япония и Франция, вместе взятые. Я, конечно, этого тогда еще не знал.

Позже за столом у Лели я сказал: когда я сделаюсь самостоятельным человеком, заведу семью, то никогда не буду иметь своего дома. Буду жить в казенной квартире...

Так оно и получилось.

Кроме меня с Серафимом у Лели жили: Августа – наша, Нюра – дочь дяди Степана, на два года меня моложе, и бабушка Мальчиха – богатырь женщина, ей тогда было 84 года и жила она в молокане. Вот таков коллектив.

На этой же стороне, в деревне Черномыс, жил дядя Зена Мальцев, брат Лели. А за рекой жил дядя Ваня – самый младший брат Лелин, у него было два сына Виктор и Аркадий. Я часто встречался с ним и был дружен. У дяди Зены была большая семья. Дядя Зена был громадного роста и могучей силы, самый сильный из родни, в мать уродился. Женился на крупной женщине. Теперь представь себе, какие дети у него пошли – богатыри сыновья и дочери. Сыновья: Василий и Иван – женатые. Василий – крепкий мужик. Иван – младше, но сильнее Василия. Петр – самый младший, на один год старше меня, но гораздо крупнее и сильнее меня. Я с ним подружился, очень

странный человек. Потом он оказался самым сильным человеком, как дядя Зена.

Василий как-то приехал к нам и увидел у меня гармошку двухрядку.

Ну-ка покажи, как играть, - попросил он. Я сказал: я на ней играть не умею, только на однорядке играю.

Он ее взял и начал играть. И говорит – у нас есть однорядка, давай меняться. Я согласился и сменялся.

И вот начал я хозяйничать. Я начал с дома. Подправил рамы, вставил разбитые стекла, наладил ставни, двери, полки, крышу над сенками, расчистил ограду, починил ворота. Сделал топорище, собрал какой-никакой инструмент, привел его в порядок, наточил поперечную пилу, сделал верстак, починил табуретки... Словом, все по хозяйству: лопаты, вилы, грабли... Запряг лошадь и стал возить пчелиные колодки, свозить в ограду, сделал козлы и испилил колодки на дрова, дров получилось порядочно. Прочистил дымоходы в печах и поправил наверху трубы. Во всем мне помогал Серафим, а где – и Нюра.

Сено все вышло, кормить лошадь нечем, мы и выпускали на луг. Потом я направил литовку и стал с Серафимом ездить в поле косить траву. Привезем домой, разбросаем на крышу двора и подсушим.

Когда мы испилили все колодки пчелиные, стали разбирать двор и тоже пилили на дрова. Дров этих напилили – на несколько лет хватило.

Каждый вечер мы выходили на улицу, и Нюра с нами шла познакомиться с молодежью. Было весело. Я играл на гармошке, они пели или плясали. Гармошка была только у меня. Еще один человек умел играть на гармошке, он играл лучше меня, и я кое-чему у него научился. Но он был женат, и не всегда выходил на улицу.

В Колывани не было так весело, как там. Почему-то все ребята и девчата были очень дружны, многие ухаживали друг за другом. И мне очень понравилась одна девушка – Нюра Бехтерева. Оказывается, не мне одному она нравилась. Ко мне подходит один паренек и просит написать ей письмо от него. Я написал, она ему отказала. И так я многим написал письма, и всем она отказала.

Я, конечно, не ученый, и писать письмо девушке не буду. Но я старался в играх быть поближе к ней. Станем купаться (мы купались вместе – девчата и ребята, раздевались отдельно, но все равно все видно, а купались вместе, никаких плавок и трусов не было), и я сразу к ней плыву, она – от меня, но, вижу, – для виду. Как она здорово плавала! Я тоже хорошо плавал, но она – лучше. Я ничего плохого не позволял, потом она привыкла и стала сама меня искать – вместе плавать. Ихний дом был на самом берегу Оби. Отец ее был лесником, и она была единственной дочерью у него.

Зашел я как-то раз к Горлову, нашему квартиранту, который делал лодки долбленки. Живет он неважно. Спросил его: как это ты так быстро делаешь лодки? С утра поедешь, к вечеру лодку везешь. Что там у тебя, завод какой есть?

Никакого завода у меня нет, говорит. - Если хочешь, то поедem со мной, и сам посмотришь.

Мы договорились, и в 6 часов утра уже поехали на место – остров на Оби. Приезжаем туда, а там уже новая лодка заготовлена. Толстое осиновое бревно с обоих концов затесано, как у лодки. Пока я смотрел, он принес три теслы, топор и коловорот со сверлом. Положил все на сухое место размечать бревно, где будет сверлить отверстия. Я ему стал помогать крутить бревно, и он разметил все.

Теперь ты сверлом будешь сверлить отверстия, а я буду делать шпильки, – сказал он и показал, как сверлить.

Я стал сверлить, а он делать шпильки. Шпильки имеют определенную длину, она равна толщине корпуса лодки.

Когда будешь долбить лодку, говорит, и додолбишь до шпильки, значит, дальше долбить не нужно.

Забиили шпильки и начали долбить, тесать внутри бревна. Он-то опытный, натренировался. Я – зато здоровше его, и у меня из рук топор тоже не выпадет. Я – в черновую, он – в чистовую, и мы быстро выдолбили. Я даже не успел опомниться, как уже нечего долбить. Я тут понял, как из сравнительно тонкого бревна сделать широкую лодку. Вот посмотри на рисунок и сразу поймешь: на костре бока расправляют и разворачивают постепенно, ставя распорки. Осталось только развести костер, распарить бока и развести, поставить дуги – и лодка готова.

Давай спилим еще одну осину, - говорит Горлов. - Я буду заготавливать другую болванку, а ты собери сушняк на костер. Вон там площадка.

Я стал брать топор.

Погоди! – говорит. - И дай мне другой топор.

Я пошел таскать сушняк. Сколько там его много – целые завалы. По-видимому, в половодье льдом наворотило. Я быстро натаскал, и он подошел, болванку уже заготовил. Костер тоже нужно уметь, как раскладывать. Разожгли костер. К костру положены два бревна, на которые положили лодку. И он стал двигать к костру лодку – ближе, дальше, смотря по огню. Он в фуфайке, и шапка на голове. Распорок там целая куча. Я ему их подавал и следил за костром. И здесь время немного ушло. Потом я пошел вырубать дуги, а он сделал лозу, чем привязать дуги лодки. Хорошая получилась. Сидение было готово, только подогнали. Мне захотелось поехать на новой лодке. Мы сюда ехали против течения, и взяли с собой два весла. Сказал ему – он согласился. И поехали домой. Время было обеденное, мы не стали кушать, заторопились домой.

Горлов ехал впереди, а я сзади. Плыдем мимо какого-то острова, а на нем – малина. Я проголодался, и так сильно захотел малины. Я крикнул Горлову: давай поедим малины и с собой возьмем.

Оставайся, ешь, бери, - согласился Горлов. - А я поеду домой.

Я нашел удобное место, вылез. Малина – сплошь. Надо будет приехать, набрать здесь малины на варенье. Я быстро наелся и набрал полную кепку

домой. Сел в лодку и полегоньку поехал вдоль берега. Почти как несет вода. Смотрю вперед и вижу – два медвежонка на смытом дереве лакают воду. Мне вздумалось их напугать, и я норовился веслом ударить по воде, чтобы их обрызгать. Они сразу оказались в воде и сильно завизжали. В это время медведица как прыгнула в воду с двухметровой высоты и вынырнула возле моей лодки, против меня встала на задние лапы, вода ей по пояс. Разинула пасть, да как рыкнет на меня. Мне показалась пасть с двухэтажный дом. Весло из рук выпало. А медведица сразу повернулась и бросилась к медвежатам, схватила одного за загривок и хотела схватить другого, а этот выпадет. Она снова – за другого, куда один сам не убежал по дереву. И меня уже далеко унесло. Я очнулся – где же весло? Оно оказалось у лодки. Я схватил его и начал сильно грести на середину Оби. Потом одумался, что же я гребусь, ведь за мной никто не гонится? Перестал грести, посмотрел кругом, взял нужное направление и потихоньку поехал, успокоился. В каком опасном положении я был, совершенно беспомощным! Медведица могла бы только ударить меня лапой – и мне конец. Что же меня спасло? Она сама меня напугалась. Ведь я видел, как она неумело спасала своих детей. Уже стал подъезжать к Дубровино, почувствовал, что у меня под задницей мокро. Должно быть, все же плеснула на меня водой. Посмотрел кругом – нет, сухо. Откуда же мокро? Оказывается, меня прослабило. Вот и медвежья болезнь, от страха. Когда же это, я не заметил. Даже чудно. Стыдно стало. На мне были коротенькие штанишки и все. Не доезжая до деревни, я заехал в протоку, искупался и вымыл штанишки. И когда они высохли, тогда поехал домой. Там меня встретил Горбов и говорит - долго же ты собирал малину.

Мне стыдно было признаться, и я сказал: да я искупался и полежал на берегу.

Дома я тоже ничего не говорил об этом случае. Только сказал, что на одном острове очень много малины, можно съездить и набрать.

На каком острове? – спросила Леля. – На втором вверх по Оби.

Там же медведица живет, - говорит. - Как она тебя не задрала? Туда никто не ходит – вот и малины много.

Медведица?.. А как же Горбов мне ничего не сказал? – не признался я.

Он-то должен знать, говорит Леля. - Странно.

Я взялся за сепаратор и стал его собирать. Две штуки диска не хватает. На их место я кусочек кожи положил, и получилось хорошо. Когда стал ставить на место барабан – а он в подшипниках болтается.

Не годится, – говорю Леле. Она сказала: у нас есть новый подшипник.

Все я собрал, сепаратор установил на место, опробовали – работает хорошо.

Соседи узнали. Леля сказала: не надо подогревать молоко. Сразу парное, можно без подогрева обрабатывать.

Чуть не весь поселок стал вечерний удой пропускать (через сепаратор). И половину обрата оставляли нам. Мы им поили корову, теленка и лошадь. Так сепаратор и остался.

Я уехал домой. О жизни в Дубровино еще будет в продолжении.

Крепко обнимаю и целую. Привет Зое.

ВОЛОДЯ - БОРИС

Борис – Володе

09.10.85

Здравствуй, Володя!

Наконец-то, сел за ответ на твои письма.

На письмо от 18.03.85.

Мы привыкли к выражению, что на ошибках учатся, и удивляемся, почему нас не слушают дети, допуская те же ошибки. А дело все в том, что учатся на примерах. Если это ошибка – то повторяют ту же ошибку. Если это доброе дело – повторяют доброе дело. Запомни – учатся на примерах, подражая им, волей или неволей. Если педагог учит на ошибках, то ты не запомнишь, как делать хорошо. Я читал немного Спока, Сухомлинского и Макаренко. У Спока запомнилось только одно: мать интуитивно знает, что нужно ребенку и как это выполнить. Учителя – это лишь частица обучающей тебя жизни, меньшая, чем, например, твой собственный опыт обучения. Хотя ты никогда не был учителем по профессии, но при разговоре и в письмах любишь поучать (требовать, чтобы люди поступали так, как ты где-то прочитал, и додумался якобы сам).

Я, наверное, балую сына, но добрые дела не балуют, а, как пример, учат. Сын вряд ли может пожертвовать сейчас чем-то большим ради меня, и испытывать не нужно. Для жертвы надо вырасти духовно и физически. И жертву заслужить. Но на маленькие жертвы я его подвигал с самого раннего детства. Поделиться вкусной конфетой, придти самому ко мне, когда я болен, хотя он был еще маленьким, и т. д. Требовать большей жертвы, чем сын может, – это эгоистично.

Твой тезис: чем больше тебя понимают, тем быстрее ты поймешь других – не афоризм, а ошибка. Я понимаю поведение Андрюши, потому что я умнее в данный момент. Но разве ему легко понять меня во всем взрослом житии? Я понимаю тебя, но ты меня во многом не понимаешь. Что же нам не мешает рассориться? Видимо, точнее сказать: хорошо, когда тебя понимают. Но надо быть милосердным в понимании, и не требовать от людей непосильного понимания твоих мыслей, они могут быть просто не готовы умственно и духовно тебя понять.

Читать философов никогда не поздно. Это способ мыслить. Все нас заставляет мыслить, а философы учат мыслить. Тогда ты все меньше и реже

будешь сваливать в кучу все насущные вопросы мира и требовать краткого ответа на них. На такие краткие ответы был горазд Соломон, например: «И это пройдет».

Не нашел переписанное стихотворение «О, если!..» Р. Киплинга, поэтому для начала пишу по памяти, а как найду, вышлю точнее.

*О, если ты спокоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг;*

*И если можешь быть самим собою:
При короле – с народом связь хранить,
И, уважая мнение любое,
Главы перед толпою не клонить;*

*И если ты готов к тому, что стало
Тебе привычным, выложить на стол,
Все проиграть – и все начать сначала,
Не пожалев того, что приобрел;*

*И если ждать умеешь без волнения,
Не станешь ложью отвечать на ложь,
Не будешь злобен, став для всех мишенью,
Но и святым себя не назовешь;*

*И если можешь думы, чувства, жилы
Так завести, чтобы вперед нестись,
Когда с годами покидают силы
И только воля говорит: держись;*

*И если можешь мерить расстоянья
Секундами, пускаясь в дальний бег, –
Земля – твое, мой мальчик, достоянье,
И более того – ты Человек.*

На письмо дяди Саши от 22. 01.85.

Как хорошо, что дядя Саша пишет о том, как они навещали сводную сестру. Ты посмотри, как пожилым людям тяжело, и сестра-то не родная, но идут, пешком, по плохой дороге, в мороз. Лишь только испугаться старого вида женщины, поплакать над тем, что делает жизнь с людьми, прижать к груди маленькую частицу родного (сводная сестра), вспомнить совместную жизнь (в детстве и ранней юности). Вот поэтому их так много – сестры, и братья вместе. Это и тебе урок: хочешь родниться – не забывай никого. Может быть, тебе все же надо нарисовать генеалогическое дерево

Сливкиных и мне копию прислать? И написать на каждую веточку карточку, что знаешь об этом человеке. Ты делал, но не на каждого. Около сотни наберется, уверен. А копии карточек пришлешь мне. А то мне придется составлять генеалогическое дерево по письмам, но я не знаю ветвей Никитиной (твоей мамы), Рябова (отчима), и много другого. Так что, хорошо бы дождаться ответа от Галины Баландиной, может, опять напомнить?

Не послал ты дяде Саше фотобумагу и фотопринадлежности?

На письмо дяди Саши от 03.03.85.

Ты смотри, как внес в жизнь дяди Саши что-то необычное. Он начинает: «Сегодня у меня день письма». Сколько воспоминаний сразу нахлынет, когда он садится за дело, на которое мы его подвинули. Я радуюсь за него. Ведь он заново проживает свою молодость.

(А у меня сейчас глаза «на мокром месте», когда заново проживаю свою молодость в воспоминаниях. У дяди Саши – так много оптимизма, а у меня – одна тоска.)

Дядя Саша, видимо, хорошо разбирается в электротехнике. Пишешь ли ты ему о новинках, о своих схемах, откликнулся ли на его радость, что у него получился этот мультивибратор? Как с глазами у Марии Александровны сейчас после операции? Смотри, какая нравственность здоровая, перед операцией на глазах, она делает генеральную уборку в доме, вдруг беда – хоть чем-то облегчить жизнь мужу: «а то все тебе пришлось бы делать. Сделали – успокоилась» – вот любовь на деле, а не на высоких словах. Помог ли ты дяде Саше со схемой? Такие вопросы тоже имеют прямое отношение к нашей теме, так как, найдя отца, ты не бросаешь жизнь его семьи, а включаешься активно в эту жизнь. Был бы жив твой родной отец, он бы попросил тебя прислать дяде Саше эту схему.

Володя, вот рассказывает дядя Саша свою биографию, но забывает два момента: 1 – примерный год, дату; 2 – что делал в это время твой отец Африкан. Попроси его вспоминать это, если, конечно, он вспомнит. Какая здоровая жизнь! Как он ладно поднимал осиротевшее без мужика хозяйство Лели. Никакого тщеславия (человек лучше умеет играть на гармошке – Саша у него учится), никакой эгоистической ревности (всем ребятам помогает написать письма к полюбившейся ему девушке Нюре, а сам просто старается быть поближе к ней в играх, и этим выигрывает).

Пока на этом приостановимся.

Получил от тебя крышку магнитофона. Большое спасибо. Все работает. Хочу подарить этот магнитофон Андрюше на день рождения. Пусть привыкает к технике. Уже 15 лет будет.

На работе дела идут понемногу. Повысили зарплату на 20 рублей. Назначил научным редактором. Заведующего пока нового не дали. Справляемся сами. В отпуск не смог пойти в сентябре, а сейчас много личных дел, да и на работе говорят – потерпи. Розложил своего «Александра

Антонова», потихоньку обдумываю. Работы – прорва. Ну, да глаза страшат – а руки делают. Что нового у тебя, Володя? Как семья?

Посылаю тебе письмо моего отца с его биографией.

Всего тебе хорошего.

Обнимаю, Борис.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, дорогой Володя!

Наконец-то отец прислал свою биографию. Но до конца не дописал. Не хочет. Без комментариев. Интересно, похож я на него характером, или нет?

Посылаю тебе автобиографией моего отца. Не забудь вернуть. Посмотри, почерк – похож?

Всего тебе хорошего.

Борис.

ПИСЬМО КОНСТАНТИНА СЕМЕНОВИЧА

Константин Семенович – Борису

Автобиография Константина Семеновича

Родился я в 1915 году 21 октября в городе Новоаннинске, Волгоградской области. Отец мой Семен Федорович, работал в отделении компании «Зингер» по настройке швейных машин.

Мать, девичья фамилия Буланова Полина (отчество не знаю), была белошвейкой.

В 1918 году отец вступил в красногвардейский отряд Киквидзе, а в 1919 году заболел и умер. Через две недели, после смерти отца, умерла мать, еще через месяц умер дед, отец матери, в семье которого мы жили. Бабушка, жена деда, с горя ослепла.

До 1923 года я, и моя младшая сестра Кира, жили с бабушкой, где главным кормильцем был я. Жили мы на квартире у кулака, который своими домами занял целый квартал, в середине которого находился большой двор, где хозяин хранил стога соломы, сена для скота. Бабушка дала мне наволочку,

вместо сумки, с которой я ходил и просил милостыню. Особенно хорошо давали подаяния по праздникам, когда в церкви шло богослужение. Иногда у церкви я собирал много подаяний, и мне приходилось дважды в день относить домой подачки. В пять лет ведь силенок у меня было мало. Но подаяний, что я собирал, явно не хватало, и приходилось есть лебеду и другие травы. В общем, мучил и голод и холод. Иногда зимой я ночевал во дворе, зарывшись в стогу соломы, там было теплее. Позже, когда окрепла советская власть, нам стал помогать хлебом крестьянский комитет общественной взаимопомощи, как сиротам красногвардейца.

Запомнилось на всю жизнь мне еще два случая из моего раннего детства. Это кулацкая «милость». В уплату за квартиру бабушка отдавала ему все вещи, оставшиеся от моих родителей и своего мужа. Когда ему было уже все отдано, он решил выгнать нас с квартиры. Как-то весной бабушка на четвереньках (ходить она уже не могла) выползла на крыльцо дома, погреться на солнышке. В это время хозяин в смазанных дегтем сапогах подошел к крыльцу и стал требовать долг за квартиру. И только бабушка раскрыла рот, говоря: «Уплатим, уплатим», – как хозяйский сапог вдарил ее по зубам, выбив горсть зубов. Я побежал жаловаться в Совет. Помню, какой-то дядька в солдатской одежде, выслушав меня, запел песню «Цыпленок жареный, цыпленок пареный» и заорал на меня: «Брысь отсюда, цыпленок!»

Второй случай был также весной 1923 года. Отцвели недавно яблони, и на них уже стала появляться обильная завязь плодов. Лишнюю завязь, а это до 90 процентов, яблони сбрасывали, так как не в силах все их вырастить. Вот в это время голодные дети залезли в большой сад, расположенный на берегу реки Бузулук, к нашему хозяину–кулаку и стали подбирать яблоневою завязь.

Появившийся хозяин вспугнул детей, и все разбежались. На месте остался только я. Хозяин схватил меня и потащил к свежесплетенному из лозы плетню, лежащему на земле. Стащив с меня всю одежду, он привязал меня головою за руки и за ноги к плетню, животом вниз. После этого принес воды в деревянную лоханку, стоящую у плетня, всыпал туда соли и, размешивая соль, сказал мне, что сейчас будет варить меня. Я со страхом молчал. Потом он принес охапку крапивы и стал сечь меня по спине. После этого он стал окунать крапиву в соленый раствор и снова сечь спину. Помню, боль была жуткая, а кричать мне хозяин запретил, сказав, что если я пикну, он сварит меня тогда. Я закусил губу и потерял сознание. Очнулся я уже отвязанный от плетня. Хозяин стоял рядом и лил на меня из ведра воду.

И такая расправа кулака со мной произошла, несмотря на то, что я не один раз ходил за лошадью по кругу, поливая из чигиря сад и хозяйские плантации. Этой расправой кулак посеял во мне на всю жизнь жгучую ненависть ко всему кулацкому племени. Жадному и алчному зверью. Таких пострадавших в стране от кулачья было много, много раз больше, чем самих кулаков. И это является одной из причин, почему народ поддержал политику партии на ликвидацию кулачества, как класса. Правда, при проведении этой

политики многие перестарались. По пословице: «Заставь дурака богу молиться, он весь лоб пробьет (расшибет)».

(Я написал и отослал отцу стихотворение на этот сюжет. Он меня поблагодарил за него.)

Второй период моего детства начинается с 1923 года по 1930 год.

В этот период я жил у сестры моего отца Абрамовой Александры Федоровны – матери умершего (на момент написания биографии отца) Абрамова Вячеслава Николаевича в городе Астрахани. Так как мужа тетки Абрамова Николая Ивановича в 1924 году командировали на учебу в медицинский университет, нам пришлось жить в казачьих станицах Сиротинской, Кагалинской, Волгоградской области. После окончания университета семья Абрамовых переехала в город Россошь, Воронежской области. В этой семье я начал учиться с 1 класса и до середины 7-го класса, одновременно помогая тетке выращивать сына, старше которого я был на шесть лет. Но сын подрос, пошел в школу, и я стал не нужен. Поэтому тетка 26 января 1931 года сдала меня в РАЙОНО.

Помню, заведующий РАЙОНО спросил меня: «Кем ты хочешь быть?» Я, подумав, ответил, что хочу быть рабочим. На его вопрос, почему я хочу быть рабочим, я выставил две причины: во-первых, я теперь должен сам зарабатывать себе на жизнь; во-вторых, рабочим дают на хлебные карточки больше хлеба.

Вот таким образом, 26 января 1931 года я начал свою самостоятельную жизнь. По направлению Россошанского РАЙОНО я был направлен в авиашколу ФЗУ № 12, авиазавода № 18 (Воронежского), расположенную в городе Умань Воронежской области, и стал учиться на слесаря. При расставании с теткой, она мне заявила: «И не пиши, и не проси. Помогать и отвечать на письма не буду».

Школа была трехгодичная, принимали в нее с семилетним образованием. Занятия начались там 1 сентября 1930 года. Я же не окончил семь классов – и поступил 27 января 1931 года. Учиться общеобразовательным предметам мне было трудно. Занимались ежедневно четыре часа в классе и четыре часа в цеху на практике. Общежития не было. Получая 25 рублей в первом полугодии, платил за «угол» в частной квартире семь рублей, на оставшиеся 18 рублей давали талоны в столовой. А еще нужно было одеться, обуться, купить мыло, хотя бы. Но с каждым полугодием размер стипендии увеличивался, и в последнем полугодии достиг 52 рублей.

В годы учебы в ФЗУ 1931 – 1933 годах жить в стране было трудно большинству народа. Хотя некоторые жили и тогда неплохо, а именно имевшие золотые и другие драгоценности. Для них были открыты магазины «Торгсина», где можно было купить все. Купил однажды и я там один килограмм сахара. Мне его продали за обручальное материнское кольцо (единственно мое наследство).

В феврале 1933 года школа была ликвидирована, учащиеся распущены по домам, а нашу группу и другие, которые учились последний год, выпустили, выдав документы об окончании школы. Закрывшие школы нам объяснили тем, что стройка завода не была включена в ударные стройки и законсервирована.

На базе оборудования школы были организованы мастерские ширпотреба, которые делали слесарные инструменты. Но летом 1933 года были закрыты и мастерские. Работая в мастерских ширпотреба, я впервые стал ударником на производстве.

Из города Умани потянуло меня на место рождения в станцию Филоново (нынче Новоанненск), где жила старшая сестра моего отца Екатерина Федоровна.

Здесь я узнал, что бабушка моя умерла в 1928 году, а сестра моя Кира попала в беспризорники и уехала неизвестно куда. Впоследствии ее следы были в городе Борисоглебске, в городе Ростове, и на этом оборвались.

(Отец просил поискать Киру. Я пробовал, но не нашел).

Уже из Быково, через милицию, на мой запрос, последняя сообщила, что по уголовным делам она нигде не проходила. Из Центрального бюро по розыску неизвестных мне сообщили, что нигде такая не значится. Так до сих пор я и не знаю, есть ли у меня сестра или умерла где-нибудь.

С июня 1933 года я работал слесарем в Бударинской МТС на территории Новоаннинского района (в прошлом Бударинского района) до мая 1935 года. После чего был направлен на учебу в школу тракторных механиков на курсы нормировщиков. После окончания курсов нормировщиков работал в этой же МТС нормировщиком до 1938 года.

В этом году было оформлено личное дело на меня для поступления на работу в органы НКВД. Однако, под воздействием своего товарища по футбольной команде, управляющего Госбанка, который сказал мне, что если я поступлю туда на работу, то должен проститься с футболом (а надо сказать, что я очень любил играть в футбол), так как там придется работать и днем и ночью. И он посоветовал мне уехать учиться на госбанковские курсы инспекторов–экономистов. Я его послушался, и через девять месяцев был направлен на должность управляющего Фрунзенским отделением Госбанка в хутор Зимняцкий Волгоградской области, где через год (в 1940 году) встретил твою мать и женился на ней.

Женился по любви, или в молодости всегда кажется, что сходятся по любви? В общем, мы оба до этого не имели ни с кем связей. Через год началась Отечественная война. Сейчас идут разговоры о том, что немцы внезапно напали на нас, что мы не знали, когда они начнут войну. Это неправда. За год до войны в армию были призваны дополнительные люди. 5 июня 1941 года я получил утвержденный Совнаркомом кассовый план Госбанка на июнь месяц, где предусмотрены были выдачи зарплаты на

работы с мобилизованными в армию. Другое дело – немцы на первом этапе войны имели перевес в танках и авиации. Это нас и давило.

Призыву в армию я не подлежал по состоянию здоровья – зрению. Но, видимо, как каждый человек, имеющий физический недостаток, стремится сравняться со здоровыми людьми, так и я с 12 лет начал усиленно заниматься спортом и стрельбой из винтовки. Я из 50 очков выбивал 45 – 47 очков. Кроме того, мне стало стыдно оставаться дома, когда товарищи идут воевать. И я написал, в то время главному хирургу Красной Армии Бурденко письмо, чтобы меня взяли на фронт. Надо сказать, что в гражданскую войну Бурденко и мой отец были вместе в отряде Киквидзе. Написал о том, что я обязан защищать Советскую власть, которая из нищего подростка сделала меня человеком, и что я не хуже отца, защищавшего эту власть в гражданскую войну. К 1 сентября 1941 года пришел ответ мне и военкомату, в котором за подписью председателя Центральной врачебной комиссии бригаврача Молодцова разрешили взять меня в армию в порядке индивидуального подхода.

В это время райком партии получил наряд на партмобилизацию коммунистов в армию – 15 человек. В счет этого наряда попал и я, бывший тогда комсомольцем. А 19 октября 1941 года на нашу 152 особую мотобригаду РКК обрушились немецкие самолеты, а вслед за ними – танки. Началась паника, бегущих бойцов самолеты расстреливали на бреющем полете. Это была бойня людей. Появившиеся танки стали расстреливать и поджигать брошенные автомашины. Потом танки остановились, продолжая вести огонь вдоль шоссе (63 км от Москвы). В этот момент я решил, что умирать за просто так плохо, ничего не успев сделать на фронте. И с группой в 10 человек охотников–добровольцев пополз с тремя гранатами к этим танкам. Дело было часов в 8 – 10 вечера. Когда я подполз близко к танку и стал подниматься для броски гранаты, попал сразу под огонь трассирующих пуль из танка. Первая попала в руку, я упал на землю, где немец всадил в меня очередь, разорвав мне бедро и голень. Очнулся я присыпанный снежком от взрыва наших снарядов, бивших по этому танку, который лишен был хода, а огонь вел. Танк загорелся. Стало тихо. Через некоторое время послышались шаги. Мне неизвестно, кто шел. Когда замелькали среди деревьев тени людей, я подпустил их поближе, взвел ручную гранату, положил автомат на бедро и решил окликнуть подошедших ко мне на несколько метров людей. (Думал, если свои, то отзовутся по-русски, а если немцы, то – очередь и граната). И вдруг я услышал, как кто-то сзади этих людей, в ответ на мой окрик: «Стой! Кто идет?», сказал по-русски: «Кто там еще?..» Это были разведчики. Они положили меня на плащ-палатку и утащили к своим. Ночью я попал в госпиталь в городе Подольске. Утром я очнулся, уже перевязанный, лежа на соломе в вестибюле здания. Не успела медсестра дать нам по стакану чая, как появившийся комендант госпиталя объявил нам, раненым, что госпиталь эвакуируется, наши оставляют город, железнодорожный состав стоит в двух–трех километрах, добирайтесь, кто как может.

Однако, когда почти все уже выбрались из госпиталя, для нас, лежачих, пришли санитарные машины, и нас подвезли к эшелону. Потом был госпиталь в городе Сталинске (ныне Новокузнецк) Кемеровской области, где мне уже приготовились отрезать гниющую ногу (отложили до 1985 года). И остановило врачей только то, что забыли согласовать с начальником хирургического отделения хирургом Грековым. Позвали Грекова. Греков сказал, что резать нельзя, так как у меня разорвано было бедро и ягодица, а выше резать нельзя, и я умру. Врачи, которые приготовились отрезать ногу, сказали ему, что я и так умру. Но Греков сказал им, что без операции я, может быть, выскочу от смерти. Так оно и получилось. Через полгода меня выписали из госпиталя и направили в батальон выздоравливающих в город Новосибирск, где я месяц ходил на перевязки в санчасть. Однако рана на бедре все время лопалась и не закрывалась. Меня направили на гарнизонную комиссию, и я был отпущен в долгосрочный отпуск.

В госпитале я получил телеграмму о твоём рождении, чему был очень рад. В мае 1942 года я приехал домой к вам с мамой. Ты в то время уже начал ходить около ведра с водой, стоявшего на полу, и все пытался поднять его за дужку. Пыхтел и поднимал дужку ведра.

Через две недели, после моего приезда домой, мама уехала с тобой в Астрахань. На этом и кончилась моя первая семейная жизнь.

Через три года я, потеряв надежду на возвращение матери, женился в другой раз. Прожил с женой 39 лет, до её смерти.

До 1946 года (я) жил и работал управляющим отделением Госбанка в хуторе Зимняцком, там, где ты и родился. Потом переехал в город Серафимович, в связи с болезнью (функциональное расстройство нервной системы, неврастения в обостренной форме в связи с переутомлением). Ведь в годы войны мне приходилось работать до 18–20 часов в сутки без выходных и отпусков. Случалось в шесть утра уходить с работы, а к девяти утра – снова на работу. Это меня и доконало.

В Серафимовиче прожил до 1955 года, работал директором промкомбината, правда, полгода, так как отказался бесплатно обшивать и обувать районное начальство. За что и был повышен властями в должности, переведен по решению исполкома райсовета на должность начальника городского коммунального отдела. Через год в г. Серафимовиче был организован детдом для сирот, потерявших родителей в годы войны (это был 1947 год) на 150 человек. Помещений свободных в городе не было. Выход был – в уплотнении жильцов, а это можно было сделать только при условии, если это уплотнение начинать с начальства, о чем я и заявил на бюро райкома, со мной согласились. И первую я выселил из дома тещу председателя горсовета. Пострадал и еще кое-кто из начальства. Детей 150 человек разместили. Народ понял необходимость уплотнения. Но мне пришлось в дальнейшем, в скором времени, уйти из горсовета по собственному желанию ... председателя.

После этого я проработал три года начальником районной инспекции Госстраха, до 1951 года. В 1951 году был избран депутатом

Серафимовичского райсовета депутатов трудящихся и секретарем исполкома райсовета. В 1953 году снова был избран депутатом этого совета и председателем бюджетно-финансовой постоянной комиссии, секретарем же райсовета я отказался быть наотрез, так как к этому времени я окончил заочный финансово-экономический техникум и хотел работать по специальности. С 1953 по 1955 год работал в Серафимовиче заведующим районной центральной сберкассой. В конце 1955 года оттуда был переведен на должность управляющего Быковским отделением Госбанка, где проработал до 1963 года.

Работая в Госбанке, видны мне были многие неблагоприятные дела отдельных работников района и тот вред, который они наносят обществу. Поэтому спокойной жизни у меня не было. Так, через полгода работы в Быковском отделении Госбанка, меня решили в райкоме убрать оттуда, предложив должность начальника районной ремстройконторы, в ответ на мою докладную (записку) о нарушениях устава в одном из колхозов. Предлог был выбран благовидный – шло переселение райцентра на новое место, в связи со строительством Сталинградской ГЭС и очисткой водохранилища.

В 1957 году я был утвержден на бюро райкома председателем райпотребсоюза, так как вскрыл кражу 100 тысяч рублей в райпотребсоюзе. Но я три месяца не выполнял решение и не пошел работать в райпотребсоюз. Через три месяца бюро райкома партии вынуждено было отменить это (прежнее) решение, тем более я на бюро заявил, что перекрою все закрытые каналы их снабжения товаром, и их жены будут стоять в очередях у магазинов. Наверное, это и поколебало членов бюро, и они большинством в один голос отменили свое решение сделать из меня председателя райпотребсоюза. Потом через год проворовался друг первого секретаря райкома – директор заготконторы райпотребсоюза на арбузах. Меня решили сделать директором заготконторы. Но до бюро райкома здесь дело не дошло, так как я сам упредил удар. Встретив первого секретаря райкома, я заявил ему, что расценю этот его ход как попытку зажима критики, о чем я сообщу в ЦК партии. Трусоват был секретарь.

Без 10 минут 12 ночи под Новый, 1963 год я был вызван на бюро РК КПСС и утвержден, несмотря на мой протест, главным экономистом совхоза. Областная контора Госбанка и ее управляющий товарищ Добрынин (брат секретаря ЦК партии) не выдержал эту атаку райкома и решил перевести меня в Средне-Ахтубинское отделение Госбанка, на что я согласился. Но, промучившись там без квартиры, я решил проститься с Госбанком. Пришлось для этого обратиться в обком партии за содействием. Я снова возвратился в Быково. Где я прервал свой трудовой стаж (непрерывный), так как мне не разрешали нигде работать. Меня райком партии лишил права на труд. И только под моей угрозой, что я сообщу в ЦК партии, мне разрешили работать слесарем в совхозе. Правда, проработав полгода слесарем, меня стали просить – главным бухгалтером, что и стало моей основной профессией до выхода на пенсию. Работая в разных организациях. Правда, теперь уже после смены первого секретаря РК КПСС, меня уже

использовали, как затычку там, где создавались трудности в организациях с бухгалтерским учетом: племпредприятие, заготзерно, строительные организации, в которые меня переводили.

(Больше не написано.)

ПИСЬМО ДЯДИ САШИ

Володя – Борису

Без даты

Боря!

Высылаю тебе последнее письмо дяди Саши ко мне. По письму можно немного понять характер человека.

Поэтому высылаю.

Володя.

Дядя Саша – Володе

Белово

26.03.85

Здравствуй, дорогой Володя, привет Зое.

Первое письмо получил и был им очень обрадован. Я уже думал, что там у вас что-нибудь случилось плохое, уже забеспокоился. Письмо ваше меня успокоило. У нас еще зима настоящая с 20-градусными морозами по ночам. Но и днем плюсовой температуры не бывало. На Мичуринске снег лежит нетронутый. В прошлом году в это время уже было сухо, и я обрезал деревья. В поселке кое-где начинает подтаивать. Словом, нынче весна недели на две запоздала. Мое здоровье для старика хорошее, а вот у Марии Александровны неважное. Ко всему этому у нее заболели глаза (катаракта), завтра она ложится на операцию с одним глазом, очень волнуется. Да и я беспокоюсь, проболит долго.

Про микросхему я посмотрел в журнале «Радио» и хорошо разобрался. Мне понравилось – индикатор за несколько часов можно собрать. Может быть, я это сделаю. По транзисторам все понятно. По мультивибратору посмотрел в журнале, какая сложность сделать – трехфазный ток, и электродвигатель не менее сложный, и сделан он к проигрывателю высшего класса. Все – к одному, мне это не нравится. Я высылаю тебе схему трехфазного мультипликатора, который я собрал. Я с ней еще не экспериментировал и не могу о ней еще ничего сказать. Но я там еще

начертил схему электродвигателя, который должен работать от этого мультпликатора. Катушки электродвигателя могут быть включены вместо нагрузочных сопротивлений в коллекторах, большой КПД получится. Транзистор нужно брать соответственно мощности электродвигателя. Обмотку можно сделать 6-полюсной, чтобы полюса получились сквозные. И постоянные магниты всегда должны иметь только два полюса. Простота и надежность. Теперь осталось только выполнить на практике, а времени у меня нет. Я занимаюсь с авометром, схемы подобрал, проверил и половину выполнил.

На улице становится тепло, нужно собирать машину и готовиться к поездке в саду. А тут еще М.А. ложится в больницу. И все это – на мои плечи. А я стар, все делаю медленно. Так устроена природа, ничего не попишешь. Но в панику я не бросаюсь. По своей возможности, буду делать все.

У тебя был еще один вопрос. Радиолобительством занимаюсь давно. А приборов, кроме тестера, никаких нет. Я работал в таких учреждениях, где было много всяких приборов, к которым я имел свободный доступ, и я не нуждался ни в чем. Я и сейчас имею доступ к приборам, но приборы все большие, тяжелые, и телевизор тоже тяжелый. А я стар. Мне кажется, что и мой заводской тестер тяжелый. И я решил сделать легкий и замерять им малые токи и емкости. И для меня это очень важно. Удобство, экономит время. Все это отдаляет на задний план озвучивание любительского кино. Вот так складывается жизнь. Машина нужна позарез. Без нее тяжело ухаживать за садом. Очень много я переделал работы за последние два года. Понемногу все же я подвигаюсь вперед.

Ну а теперь – продолжение жизни в Дубровино.

Я все задворки ликвидировал, сделал только небольшой дворик для сена да загородку, куда можно временно выпускать погулять на солнце (он не закрытый) корову, свиней и овец. Теплая конюшня была просторная, я в ней сделал перегородки: для коня, коровы, свиньям и овцам. Лели это очень понравилось, и она сказала: вот и появился у нас настоящий хозяин.

Я, действительно, чувствовал себя, как хозяин. Меня никто не заставлял ничего делать. Во всем была моя инициатива. И даже Леля меня слушалась. И соседи относились ко мне, как к хозяину. Я хорошо организовал покос. Дядя Ваня Мальцев, родной брат Лели, помог мне, а так же я ему – на его покосе. Покос был недалеко, и я все сено вывез летом под крушу и на крышу. Конечно, я бы, действительно, мог бы быть хозяином этого большого хозяйства, и пасеку вновь бы возродил. Там я ни одной минуты не имел свободного времени. Что же я делал? Только наводил порядок в хозяйстве. На другое ни на что у меня времени не хватало.

Вечера были свободные, которые я проводил на улице с такими, как я, с молодежью. И там встретил девушку, которая сильно мне понравилась, Нюра Бехтерева, дочь лесника. Одна в семье. Училась в школе, должно быть, в девятом классе, последнем, тогда были девятилетки. И может быть, у нее был

в школе грамотный поклонник. Я чувствовал, что она меня выделяет среди молодежи, и часто мы оказывались вдвоем. Разговор у нас всегда клеился, и мы засиживались допоздна. Она была не избалована, умела делать все без исключения. Платье себе сама шила, вязала, вышивала и даже ткала холст. Я удивлялся ее трудолюбию. Ростом, правда, не большая, но и не маленькая, аккуратная. Я бы не прочь жениться на ней. Но жениться я не собирался, я считал, что жениться могу только тогда, когда я буду самостоятельным и при деле. Я к Леле приехал только для того, чтобы поступить в Депо учеником. При моей способности я мог бы быстро стать самостоятельным слесарем, дорога уже будет открыта на самостоятельный путь – и жениться можно. Такими мыслями я хотел поделиться с Нюрой. Она не разобралась и дала мне решительный отказ. Я был ошеломлен. Она ушла, я остался на скамейке один. Встал потихоньку, пошел домой. Дома спокойно, все спят. Я сел за стол и просидел до утра. Утром Леля увидела меня, удивилась, спросила, что со мной. Я сослался на головную боль и ушел.

А жизнь идет своим чередом. На Нюру смотрел обычно, как будто между нами ничего не произошло. Но она мне нравилась еще больше и недоступней.

Я стал присматриваться к людям, и замечал характерную черту русского человека: он радуется беде соседа, рассказывает об этом, как анекдот, со смехом, да и смешные анекдоты все построены на этом. Правда, там осмеивают хохла или еврея, но больше всего попа. Это даже в стихотворение проникло: «И друзья мальчишки, стоя надо мной, весело хохочут над моей бедой». Ведь это же ненормально. Я помню, как там рассказывали ребята: поймали одну девку и изнасиловали ее в очередь, ночью под конец толкнули на нее родного брата, и он узнал ее и сказал: «Это же Танька». С каким азартом и с каким хохотом это рассказывали! Это же варварство. Ужас!! Считалось нормальным.

И так проходило лето. Однажды я что-то делал дома в кухне. Лели дома не было. Смотрю, заходит к нам Нюра, поздоровалась. Я ей сказал, что тети дома нету.

Я не к Лели, я к тебе, говорит. - Ко мне? – удивился я. – Да, папа на той стороне Оби, просит меня, чтобы я перегнала лодку на ту сторону за ним.

На улице был сильный ветер, и дул он против течения Оби, поэтому были большие волны. И на лодке плыть рискованно. Бехтерев – умный мужик, пожилой, неужели не понимает, что в такую бурю плыть опасно. Вероятно, у него какое-то срочное дело.

Почему это ты пришла ко мне? – спрашиваю. - Рядом с вами Егор. Что, он отказался?

Я обошла весь поселок, и никто не согласился ехать, отвечает.

Посмотрел я на нее, какая же она хорошая. И виновато смотрит на меня. Никто не согласился, подумал я, а я соглашусь. Плавать хорошо умеем, поди, не утонем. Хорошо, поехали, – сказал я. – Но только с условием: ты должна ехать только в одной рубашке, а я – в рубашке и коротеньких штанишках. На случай, если лодка перевернется, нам легче выплывать и

держаться за лодку, друг к другу не подплывать. (Я видел такой случай. Лодка перевернулась, люди бросились друг на друга и утонули. А лодка была рядом.)

Она согласилась. И вот мы на берегу и выбираем лодку (лодки все на этом берегу). Лодки были большие с четырьмя веслами, и маленькие с двумя веслами. Мы взяли поменьше. Я сел за весла, она на корму – правила лодкой небольшим веслом. Править веслом она могла очень хорошо. А мне одному на два весла – тяжело. Было бы два человека, то мы легко бы переехали. Я хоть и здоровый, но весла тяжелые и широко разнесенные – неудачно. А тут еще лодка высоко сидит без груза над водой, и ее ветром бросает в разные стороны и удержаться поперек волны тоже трудно. Сперва мне показалось не так уж тяжело, и скорость лодки подходящая, и мы ехали довольно благополучно. Выехали уже на середину Оби, я почувствовал усталость и сбавил ход. Управлять лодкой стало труднее. Нюра сказала мне: Греби!

После такого слова у меня, вроде, силы прибавилось, и я начал сильнее грести. Но не долго. Я вновь услышал: Греби!

Я начал грести. В глазах у меня начало темнеть со всех сторон, и светлое пятно сперва занимало большое пространство, потом стало постепенно сужаться. Я не стал ничего слышать.

Греби! - И я греб, какими силами – не знаю. И светлое пятно все сужается и сужается. Наконец оно сделалось только в лицо Нюры. Я уже и Нюры всей не вижу, – только ее лицо. И слышу только: Греби!

Наконец и слово «Греби!» не помогло. Я остановился. В одно мгновение лодку перевернуло. Я оказался под водой, быстро вынырнул. Усталости – как не бывало. Все стал видеть, все стал слышать. Быстро подплыл к лодке. Гляжу – а Нюры нигде нет, слышу стук под лодкой. Я быстро перебрался по лодке к корме, сунул руку под лодку, поймал Нюру за рубашку и вытащил наружу. Она бросилась на меня. Я ей кричу: держись за лодку! Она все равно лезет на меня, схватилась за волосы и окунула меня в воду. Я стал барахтаться с ней в воде и не могу от нее оторваться. Откуда у нее взялась такая сила. Вспомнил про ту лодку, где так же утонули люди. Вспомнил, что я могу долго, с минуту, находиться под водой, но нужно хорошо вдохнуть. С большим трудом мне удалось вынырнуть из воды и хоть немного схватить воздуха. Она-то не схватила воздуха – и скорее потеряет сознание. Поглубже нырнул и не стал сопротивляться. Она крепко держалась за мои волосы и толкала меня вглубь. Все ее движения были неосмысленно-хаотические. Я попробовал освободить ее руки из моих волос – это было невозможно. У меня уже – весь запас воздуха, мне уже нужно вынырнуть. Она не пускает, вероятно, инстинктивно. Вот она смерть – из-за моей глупости!

Но в этот момент она лишилась сознания – и я вылетел, как пробка. Как ее руки освободились из моих волос – я не знаю. Только я держу ее крепко за ее руку. Каково было мое удивление, что я вынырнул рядом с лодкой. Мы были метрах в пятидесяти от берега. Нас несло. Люди бегут по берегу. Здесь Обь поворачивалась – и перед нами был высоченный яр, и нас несло прямо

на берег. Здесь было тихо. Я схватился одной рукой за лодку, в другой руке была рука Нюры. И ногами, сколько было мочи, направлял лодку к берегу – и быстро причалил. Люди сразу бросились к лодке, и Бехтерев – тоже. Перевернули лодку, весла все целы. Они вылили воду из лодки. У лодки был свой поводок довольно длинный, за который они стали буксировать ее вверх по реке.

А я – с Нюрой: взял ее на руки, как пушинку, вынес на берег. Там лежала суковатая когда-то свалившаяся сосна (с обвалом), на ней уже не было коры, она была чистая и сухая. Я сел на гладкое место, на коленях лежала недвижимая Нюра. Я ее посадил на колено, посмотрел на ее бледное лицо, и не знал, что делать. Открыл ей рот и подумал, что, должно быть, она нахлебалась воды, нужно ее вылить. Я ее положил животом на колено и подавил – вода не шла. Открыл ей рот и пошевелил пальцем язык – вдруг язык выпал на руку весь, я испугался. И сколько я ни старался всунуть его обратно, он не входил. Я снова положил на живот – из нее немного вышло воды, а потом пошли слизь и пена. И тут задрожал язык, и сам ушел в рот. Вдруг я почувствовал, ее тело тоже задрожало, и почувствовал ее тепло. Я ее посадил на колени, вытер рот. У нее появился румянец на щеках, и она очнулась. Я обрадовался невообразимо. Сколько раз я намеревался звать на помощь, так и не успел. Я, наверно, все это делал очень быстро, и я не мог оторваться, чтобы позвать на помощь. Первое, что она произнесла, – не слово, а стон и сильно прижалась ко мне. Я был весь в жару и мокрый. Потом она посмотрела кругом и сказала: где лодка?

Лодку уже отбуксировали вверх, говорю.

И мы тут же услышали: где вы там застряли?

Пойдем! – сказала она.

Я понес ее на руках. Нести было легко, но острые камни резали ноги. Тогда я пошел по краю воды, там меньше было камней. До лодки было довольно далеко. И Нюра стала проситься, чтобы я ее повел. Я ее поставил на ноги, и она с большим трудом сделала один шаг.

Давай лучше я тебя понесу, говорю. Но она не согласилась и стала мучиться – шагать, потом шаг ее стал тверже. И когда мы подошли, она совсем оправилась. Одежда на нас высохла, но мы сильно замерзли. Сильный ветер продувал наше одеяние. Отец Нюры посмотрел на нас, засмеялся, снял с себя брезентовый дождевик и сказал: садитесь вон в нос, и закутайтесь брезентом.

Мы сели и закутались. Стало тепло и приятно. Всю дорогу мы не разговаривали. Нюра была болезненна. Когда мы вылезли, мы в этом брезенте дошли до ее дома. И я сказал: сейчас ложись спать и хорошенько укутайся – иначе заболеешь.

Я тоже думаю. Выходи в воскресенье, – сказала она. Это значит – выйти вечером в воскресенье на игрище.

Когда я пришел домой, Лели дома не было. И я об этом происшествии ничего никому не говорил.

Еще произошел забавный случай. Там жила одна старушка вдовушка. Но хозяйство у нее было хорошее. И она даже держала работницу. Долго она у нее жила, вышла замуж, и муж ее бросил, она снова пришла к ней. Старушка посмотрела на ее живот и догадалась, что она беременна, и не взяла ее. Так и стала жить эта старушка одна. Она была подружка Лелина, и часто ходила к ней что-нибудь сделать. Старушка эта была довольно крепкая, но почему-то ходила с палочкой. И по ягоды ходила с палочкой.

И вот однажды она брала малину. И увидела корову – лижет малину с другой стороны куста. Она рассердилась на корову и ткнула своей палочкой в морду корове и крикнула:

– Цыля!

А это был медведь. Он как заревет – и наутек. Старушка испугалась еще сильнее медведя – и тоже наутек, без палочки. Это было недалеко от поселка, метров 500. Она их так быстро пробежала. У самого поселка был заливчик из Оби. После снижения до уровня, в заливчике оставалась тина. Через тину очень трудно пройти. Она пробежала по тине, как по воздуху. А тут крутая гора. Возле горы она упала с криком: Медведь! Медведь!

Сперва ребяташки набежали, потом взрослые. Кое-как добились, что случилось. Схватили, кто ружье, кто вилы, топор или хорошую палку, нож – и побежали. Я тоже побежал, безо всего. Пришли на место, а медведь лежит мертвый и теплый. Там трава тощая и песок, и было хорошо видно испражнения медведя – дорожка, как он бежал. Разрыв сердца. Тут же его стали потрошить. А ребяташки обнаружили испражнения старушки, в другую сторону, куда она бежала. Вот смеху-то было. Когда сказали старушке об этом, она не смеялась, а сказала: стало быть, это я медведя убила, шкуру я возьму себе, а мясо разделите себе.

Так и сделали. Она эту шкуру постелила себе в комнату. Большая шкура, всю середину комнаты закрыла. Мне тоже дали кусочек медвежатины. Вид мяса противный, сало – как сопли. А когда сварили – вкус свинины.

Как-то раз я неудачно провалился между жердями с крыши. Сапог застрял – и я перевернулся вниз головой и ударился головой об оглоблю, и было сотрясение мозга. Сильно болела голова. Врачей нигде нет. Баня была хорошая, по белому, как в комнате, все выбелено. Я в бане парил голову - это не помогало. Хотел уже ехать в Колывань, там врачи были. За лето-то я несколько раз ездил домой. Нагребу целый воз муки, зерна для кур и охвостьев смолочных для свиней и привезу туда, и мы там сыты, жить было можно неплохо. И на этот раз хотел то же самое по пути сделать.

Гляжу, бабушка Мальчиха сидит на лавочке и смотрит на меня. Я подошел к ней. Вообще-то она неразговорчивая была, ела отдельно.

Ты че, все ходишь, морщишься? – спрашивает. - Че, у тебя, голова болит, што ли?

Ужасно болит, бабушка, говорю.

А че, поди, ушиб где, што ли? - Я провалился с крыши и ударился головой об оглоблю. – О–о! Ты это, мозги стряс. Подь на кухню и принеси мне сито.

Я принес. Она велела взять сито зубами за обечайку и крепко держать. Потом стала козонками стучать по обечайке.

Когда почувствуешь тепло в голове, скажи.

Я не сразу почувствовал приятную теплоту в голове. Сказал ей. Ну, вот и все, - говорит. - Ни к каким духторам ходить не надо.

И действительно, голова перестала болеть.

Заходим как-то с Серафимом в молоканку. Бабушки где-то не было. Гутя сказала, что она ушла в церковь. А в молоканке все разбросано, замарано и пол грязный. Что это?

А там была Надя – двоюродная сестра, дяди Степы дочь. Она еще раньше приехала к Леле жить. Хорошая девушка, молодая, трудолюбивая. И вот почему-то она не убрала. И мы с Серафимом все починили, вычистили, вымыли пол и стали прибирать кровать. А там под периной полно сухарей – мы собрали чуть ли не два ведра и унесли в конюшню. Мы мечтали, как она нас станет хвалить... И вот она пришла. Мы с Серафимом побежали в молоканку. Она как раз открыла дверь. Лицо сердитое, глядит на меня.

Это ты все здесь прибрал? – Я. – Вот как козонками-то ударю тебя в чело, будешь знать. – И ударила, как поленом. У меня даже потемнело в глазах. Я присел на крыльце.

Вот так бабушка, 84 года тогда ей было, а мне 19-й год шел.

Куда девал сухари?.. – спрашивает. – В конюшне. – Принеси.

Я побежал к Лели, сказал ей. – Она уже выжила из ума, - говорит. - Не связывайся с ней, принеси ей обратно сухари.

Я принес. Но почему-то уважать ее не стал. Она прожила еще 20 лет, а всего жила до 104 лет. Жила, как отшельниц. Мне бы так не прожить. Мне-то она родная бабушка, ничего похожего у меня от нее нет.

Сидим как-то за обеденным столом, кроме нас почти всегда бывают посторонние старушки. Зачем иметь такой большой дом, разве мало работы нужно затратить, чтобы держать его в хорошем состоянии, одних дров не напасешься. Ну, для чего это? Когда стану самостоятельным человеком, никогда не буду иметь своего дома, буду жить в государственном. Я вот живу в этом хозяйстве, и я считаю себя рабом этого хозяйства. Я не имею ни одной свободной минуты даже отдохнуть, книгу почитать некогда.

Леля сказала: тебе не нравится жить на всем готовом? После моей смерти это все может перейти к тебе. Я знаю, за которой девушкой ты ухаживался. Нюра Бехтерева. Какая хорошая девушка, трудолюбивая. Какая хорошая пара бы получилась. Только живи на всем готовом. И половина мельницы будет тоже твоей. Ну, как, Шура, согласишься?

Я вот этого и боюсь, отвечаю. Сейчас время-то не то. Задушило меня это хозяйство. Я и у отца думал, семья у нас большая, нужно что-то делать. Крестьяне стали жить хуже, мало-помалу что-то нужно принимать. Нужно переходить к рабочим. Рабочие стали жить лучше. И вообще, в городах стали жить лучше. Я и к тебе, Леля, приехал только за тем, чтобы поступить в Депо, а не хозяином к тебе. И вот снова задаю вопрос: хозяйство я тебе восстановил, теперь твое обещание: когда поедем устраиваться в депо?

Она посмотрела на меня зло и сказала: березовой каши тебе, а не депо.

Ах, так, говорю, то я завтра еду домой. Серафим может остаться и Августа тоже.

Обед нарушился. Леля стала меня уговаривать, в слезы. Я остался непоколебим. Обмануть можно только один раз.

На другой день было воскресенье. Я утром рано встал и стал собираться домой.

Леля, должно быть, сбегала к Бехтеревым и сказала Нюре, что я уезжаю, и чтобы она, во что бы то ни стало, задержала меня. Иначе как бы она могла узнать? И вот Нюра пришла в это время. Никого не было.

Я ей сказал: поедем со мной в Колывань, на мельницу. Я нагребу там муки, продуктов. И ты вернешься сюда одна без меня.

Кончу я письмо стихотворением:

*И вот она ко мне приходит
И тихо руку подает.
Домой, однако, Шура, хочешь? –
Домой, прощай, душа моя.–
Как, ты совсем бросать нас хочешь?
А как, Шура, я? –
Что, Нюра? – Ты забыл, однако,
А помнишь ли весной скамью?
Ты говорил: магнитна я-то.
Нельзя ль составить нам семью? –
О, Нюра, что вы говорите?
Зачем смеяться надо мной?
Я вас люблю. Вы как хотите.
Прощай же, еду я домой.
Но тут такое приключилось,
Что описать пером нельзя.
Ко мне на грудь она склонилась,
Промолвила: люблю тебя.
Я на недельку жить остался.
О, как был счастлив я тогда.
И где бы я ни находился,
То не забуду никогда.*

И вот, как видишь, я не забыл, и даже стихотворение сочинил. Письма мы не имели привычку писать. За продуктами оттуда приезжали. Нюра всегда передавала мне поклоны, и я всегда посылал ей ответный поклон. Так тянулось года три. И заглохло. Мы жили плохо.

Крепко обнимаю и целую. Твои дядя Саша и А.М.

ВОЛОДЯ - БОРИС

Володя – Борису

14.01.86

Здравствуй, Боря!

После долгого безмолвия, сел наконец-то кое-что написать тебе. Кое-что? Потому что очень трудно мне писать свои мысли, трудно сосредоточиться, так как другое в голове мешает и отвлекает – работа и дела дома. На твои вопросы сегодня ответить не могу. Письмо твое от 9 октября прочел с интересом, как всегда. Особенно биографию твоего отца. Что-то с биографией отчима совпадает

Очень жаль, что выбранная мною область деятельности не дает возможности посвятить себя на длительное время чтению книг, переписке с тобой, своим записям чужих мыслей, до своих я еще не дошел, а дойти смог бы, очень жаль – это очень и очень интересно – все о Человеке. У меня острое желание как можно больше знать о человеке, все о нем. Но это только желание – нет времени (время дороже денег) даже на электронику, все уходит на нее: работа, свободное время. И жизни, наверно, не хватит – слишком это обширная область. Уже думаешь о районе этой области, как бы его освоить.

Для меня твои письма – разрядка, отдых от электроники, все равно что для тебя сходить на концерт классики. По твоим письмам, с тобой очень хочется иногда поспорить. Мой тезис: если человек будет понимать поступки, слова, желание другого и будет это взаимно, тогда будет мир на земле, – но это практически невозможно – люди редко понимают один другого, тем более взаимно – поэтому очень хочется, чтобы каждый хоть понял одно, что он должен стараться понять другого, прежде чем осудить его. Ведь большинство даже этого не может понять. Стих Р. Киплинга понравился, если попадется, пришли. У философов было время для философии, поэтому они и философы. А наша жизнь крадет наше время, потому что без хлеба насущного голова перестает работать, вот почему время дороже денег, но если бы были деньги, было бы и время – наследство нужно, капитал, – чтобы жить полноценно, чтобы время стало твоим достоянием, а – не государства.

Вот если бы написал: хочу сыну подарить набор деталей для сборки магнитофона, тогда бы я понял, что ты приучаешь сына к технике, а так... другой подарок – это баловство – и больше ничего. Книга, по-моему, лучше, в данном случае, чем магнитофон.

Из Сибири не пишут – жду. Очень жду.

Извини за нескладное письмо. Хочу писать чаще – попробую. Обязательно ответь, так же коротко, если мало времени.

Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

18.02.86 – 19.02.86

Здравствуй, Володя!

Наконец-то, я в отпуске. Вот поэтому и собрался ответить на твои письма. Нахожусь в доме отдыха «Вороново» под Москвой. Поэтому не могу напечатать письмо с копией. Так что ты мне его верни. Весь 1985 год был у меня колготной. Принимали в партию, исполнял обязанности начальника (без доплаты) 11 месяцев. Наконец, прошел все собеседования, и меня сделали редактором отдела культуры, членом редколлегии журнала «Молодость». Но многие сотрудники моего отдела против меня. За место не держался и не держусь. Устаю по страшному. Кое-как укомплектовали штат.

И самое главное – я женился. Моя жена Валя, Валентина Алексеевна, инженер, 1946 года рождения, немного похожа на меня. В январе была регистрация, приезжала моя мама. У Вали есть отец, мать, сестра с мужем и двумя дочками. Есть кооперативная однокомнатная квартира. Будем съезжаться. Она ездила в Астрахань туристом на пароходе, и ее приглашала мама домой, где Валя всех сразу повидала и всем моим родным понравилась.

Теперь ответы на твои письма.

Письмо дяди Саши от 26.03.85

Как прошла операция Марии Александровны (глаза)?

Дядя Саша пишет, что заметил черту русского человека: «Он радуется беде соседа». Это черта не только русского человека, это черта невежественного, прежде всего, необразованного, завистливого человека. Именно – варварство. Но так как дядя Саша был сметливым человеком, то, живя среди необразованных, он и заметил это качество варвара. Люди же образованные умели и тогда щадить человеческое достоинство других. А как ты считаешь?

Володя, помнишь, в этом письме дядя Саша писал о бабушке Мальчихе? Это твоя прабабушка. Она прожила 104 года.

Очень трогательные стихи написал дядя Саша. Но прозой у него получается лучше. Вот бы таким слогом и так детально он написал тебе об отце.

Теперь ответ на твое письмо от 14.01.86.

Твой тезис: люди должны понимать друг друга, но это невозможно – не совсем точен. Люди должны понимать хотя бы интуитивно справедливость, правду, истину. И каждый человек, ориентируясь на это понимание правильного, может понять – насколько близок или далек от истины близкий

или чужой человек. Только знающий много, талантливый душой человек близок к истине, ему и легче понять других.

Время не дороже денег. Это фраза для деловых людей, хапуг. Если бы были деньги, то было бы и время, – заблуждение. Будь у тебя миллионы, они бы заставили тебя экономить каждую секунду. На деньги нужно тратить много времени. На то же наследство – чтобы оно не расплылось, требуются большие затраты времени и сил хозяина, предпринимателя. Самое интересное в твоём письме то, что ты выразил мечту человечества будущего: «чтобы время стало твоим достоянием, а не государства». Время – уже сейчас твоё достояние, только ты не научился рационально им пользоваться. Скажем, много делаешь пустых дел, вручную, без мастерства, и пр. 7 часов – сон плюс 8 часов работа, равно 15 часам. 9 часов – свободного времени, хотя бы для того, чтобы думать о своём. Сделай хронометраж дня, запиши – и схватись за голову, что ты делаешь варварски со своим временем!

Обнимаю тебя, твой Борис. Привет твоему семейству.

Поздравляю вас с праздником Советской Армии! Мирного вам неба, мира, лада дома, мира и лада в душе. Борис.

Володя – Борису

19.03.86

Здравствуй, Боря!

Поздравляю с законным браком!

Желаю вам с Валентиной Алексеевной счастливой жизни, хорошей дружбы и взаимопонимания! (Того понимания, о котором я тебе твержу, а ты не можешь меня понять в этом вопросе, и все время критикуешь).

Первый листок твоего письма я кое-как понял, а в твоих ответах на мои письма многое не разобрал, поэтому не смог понять – перепечатай.

Был в командировке 7 дней в Тбилиси в феврале, грузины понравились. Самое интересное – встретил парня из Чебоксар, тоже командированного – полная твоя копия: твой внешний облик, тембр твоего голоса, даже жесты некоторые твои. Одно отличие – он белый, волос белый, глаза голубые.

(Я тоже в детстве сначала был белый и кудрявый.)

Поразительное сходство, никогда не думал, что могут быть так похожи два человека.

(И такое сходство не в первый раз: я видел кинофильм о враче в Подмоскowie – копия я, даже голос такой же. А меня друзья школьные ведь звали поступать в медицинский институт. Находились похожие на меня в Киргизии, в Узбекистане, в Венгрии и других местах.)

Прочитал там (брал с собой) Даниила Гранина «Река времен». Очень советую тебе прочитать, особенно его «Эта странная жизнь» Он пишет о жизни реального человека – поразительная система жизни этого человека, не образ жизни, а именно система, та, по которой он жил всю жизнь и благодаря этой системе смог очень многое сделать.

Из Сибири молчат.

Молодец Горбачев – нашелся человек, который ответил на половину моих вопросов, которые я когда-то тебе задавал. Твой ответ мне не подходил. Горбачев все объяснил, хотя вторая половина вопросов все-таки осталась.

Договоримся – будем писать не менее одного раза в месяц – согласен? Обнимаю, твой Вова.

Борис – Володе

01.06.86

Здравствуй, Володя!

Вот и собрался написать тебе письмо. Дел много, а работа стоит, и даже письма писать не хватает сил. Все суета какая-то и беготня. Да еще Валентина Алексеевна моя побаливает, никак после воспаления легких не поправится, то кашель, то температура. Опять на больничном. А себя не бережет, и работу со службы брала на дом, и по хозяйству крутится с температурой. Вроде, небольшая, 37,2, но самая вредная.

Какие у меня новости. В основном, мелкие. Опубликовали в «Дне поэзии 1985» мое стихотворение об Астрахани, так его в «Книжном обозрении» один мой недоброжелатель назвал примитивным. Составлял план работы на 1987 год, все просят издаться, а мест и прав мало. Ездил дважды в Астрахань. Из санатория вызвала мама, так как сильно заболела тетя Оля. Приехал, она в больнице, вошел, не узнал ее, рак всю съел. Обрадовалась мне, кричала от радости. Попросила кофе с молоком. Достал. С жадностью попила. Покормил ее из ложечки, ничего не может есть. Худая – не узнать. Уехал. В Москве свалился с простудой, и Валя лежит, с воспалением легких. А тетя Оля вскоре умерла. Похоронили без меня. Потом летал заказывать оградку на могилку, да оставила она на меня немного денег. Для нее – тысяча, а начни тратить – вода, только на оградку 500 рублей надо.

Андрей окончил школу слабо, на тройки. Ходит на курсы в архитектурном институте – тоже еле-еле. Нанял ему художника, хоть немного позанимается рисованием, он не занимался рисованием всерьез. Все хихочки да хахачки. Правда, некоторые успехи в архитектурном кружке, после третьего года занятий в Доме архитектора, у него прорезались. Есть склонности к макетированию. Даже преподаватели удивились этому перелому. Будет на следующий год опять ходить на подготовительные курсы

в архитектурный институт. Собирается от школы в ГДР на 12 дней, а потом – в Севастополь, к морю, к родственникам.

У меня отпуск теперь, если и будет, то лишь в сентябре, а куда ехать при нынешних обстоятельствах – еще неизвестно. Наверное, будем с Валею на даче.

Доклевываю «Философию искусства» Фридриха Шеллинга. Очень много неясного, но что-то и доходит до моего сумрачного сознания. Вот слушай, что он пишет на 427 странице: «Шекспир был протестантом, и для него эта возможность была закрыта». Уточняю, что за возможность: возможность истинно трагической судьбы допускалась католицизмом, который, «будучи по своей природе смешением святого и мирского, узаконивает грехи, чтобы их прощением доказать силу орудий благодати» божией. Далее о Шекспире: «Таким образом, если у него есть фатум (судьба), то он может быть только двоякого свойства. Беды могут вызываться обольщением злых сил ада, но, по христианским понятиям, эти силы не могут быть непобедимыми, и им должно и может быть оказано сопротивление. Таким образом, необходимость их воздействия, поскольку она имеется, все же, в конце концов, зависит от характера или субъекта. Так и у Шекспира. Вместо судьбы древних у него выступает характер, но Шекспир вкладывает в характер такую роковую силу, что он уже больше не может совмещаться со свободой, но существует как непреодолимая необходимость». Далее тебе – как и мне – трудно разбираться. Но уже этого достаточно, чтобы понять главное в произведении Шекспира. Более того, смотри, как идеология влияет на развитие таланта, вернее религия. Раз силы ада победимы для Шекспира, то они у него ни в одной пьесе и не победили. Но смотри на нас, основы какой религии двигают соцреалиста? Никакой? Оказывается, атавистической религии (почти исчезающие, как аппендицит, христианские корни), некоторые это называют общечеловеческой моралью. Благодаря этим корням, у нас зло всегда наказуемо, а справедливость торжествует. У нас никто и не публикует произведений с плохим концом.

До Даниила Гранина у меня руки не доходят, я художественные произведения не успеваю прочитать, а пустышки и подавно не читаю. Что такое «система жизни» – это программа работы, а ведь главное в жизни, как ты ее представляешь, духовная ее основа. Тебя же мучает вопрос: как понять человека и быть понятым другими. А «работа» интересует как материальный результат – «смог многое в жизни сделать». Прочитай для сравнения с этим Граниным «Доктора Фауста» Томаса Манна. Небо и земля. Что касается политических вопросов, о них не пиши, я не разбираюсь в делах, которые не знаю и знать не могу. Всего тебе хорошего.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

22.06.86

Здравствуй, Боря!

Получил твоё письмо. Наконец-то! Перед этим послал тебе твоё письмо с вопросами, чтоб ты его перепечатал, не знаю, получил ли ты его?

Конечно, очень плохо, когда на тебя много всяких горестей свалится в одно время, а ведь за пазухой ещё куча дел, очень нужных, обязательных, всяких средних и вообще ненужных. Да, наша короткая жизнь так и старается отнять у нас наше такое драгоценное время.

Герой Гранина научился, вернее, его личная цель жизни научила его дорожить временем больше, чем жизнью. И нам, которые забывают об этом своём времени, полезно почитать эту повесть Гранина, вот почему я тебе о ней написал в предыдущем письме. И это есть пример того, как один человек не понял другого, – ты решил, что я тебе предлагаю пустышку. Хочу тебе напомнить: если я предлагаю, я уже подумал, что у тебя масса дел и даже на художественную литературу нет времени. Я знал это и все же предложил, предложил для того, чтобы ты смог хоть чуть-чуть задуматься о своём времени, его расходовании – эта повесть заставила бы тебя задуматься, вынудила, ты меня не понял и написал, что это программа роботы. Так думал и Гранин, когда встретил этого человека, а получилось то, что вынужден был написать повесть, чтобы кто-то прочитал, у кого не хватает времени. Видишь, как долго мне нужно объяснять, чтобы другой человек понял.

Может после этого, «как понять и быть понятым другими», ты поймешь мою мысль: я хочу, чтобы мы могли, научились высказывать свои мысли так, чтобы их мог понять каждый, умный, глупый, тот, кому предназначена эта мысль, и сами мы должны так же стремиться понять мысль, поступок другого. Для писателей это качество, по-моему, одно из важнейших. Вот почему я так упорно тебе пишу об этом, а ты все никак не можешь понять моей мысли. Когда я первый раз написал тебе об этом, у меня и мысли не было, что возникнет такая длительная дискуссия об этом, что с полуслова меня поймешь.

Доктора Фауста, может, когда-нибудь и прочитаю, но здесь он никакого отношения к Гранину не имеет. Я об одном, ты о другом. А «Философию искусства»? Какой смысл ее читать? По-моему, нужно сначала поднять уровень своего мышления (не знания, а мышления), чтобы легко читать эту книгу. У тебя лишняя трата времени, хотя половина прочитанного для тебя понятна.

(Мимоходом, обозвал дураком своего друга?)

К тебе завтра придут два молодчика и начнут бить тебе морду – что ты будешь делать? Как в дальнейшем будешь себя вести? Все будет так, как ты понимаешь политику, без политики жить нельзя – ты живешь в столице государства. Не хочешь политики – уезжай подальше в глушь. Но и там тебя политика достанет. Ты работаешь в редакции, без политики тебя давно бы оттуда выгнали. Наконец, вокруг тебя люди, ты с ними общаешься, здесь

тоже без политики нельзя – я не верю твоим последним словам твоего письма. Скорее всего, ты боишься разговаривать со мной на эту тему, потому так и написал. Хорошо, я больше не буду касаться так называемой «политики», как ты пишешь.

Я послал тебе три письма дяди Саши. В последнем он просил сохранять эти письма. Если будешь перепечатывать, подложи еще одну бумажку, чтобы было два экземпляра (для меня)

Хочу продолжить поиски следов отца, прошу письма отставников выслать для этого, и что сочтешь нужным для меня.

Мать этим летом сказала, она знает, что Африк был в окружении, знает, что он вышел из окружения. Было письмо от него, в котором он пишет, что, когда выходили из окружения, он ехал на штабной машине с документами, в эту машину попал снаряд, все, кто был, погибли. А он один остался жив. Потом, она сказала, от него не было долго писем, она написала командиру дивизии, пришел ответ, где было написано, что Африк ушел на задание, задание выполнил, но с задания не вернулся. Вот все, что она знает о самом последнем.

Мать каждое лето живет в Фонтанке, у моря.

А ты своего сына хорошо знаешь? К примеру, почему он закончил школу на тройки?

Пиши, и никогда не обижайся на Рябова.

Обнимаю, Володя.

Большой привет твоей супруге.

Борис – Володе

02.07.86

Володя, здравствуй!

Ответ на твое письмо от 22.06.86 г.

Ты пишешь, что наша короткая жизнь так и старается отнять у нас наше такое драгоценное время. Но это – подмена понятий. Время – и есть наша жизнь, наши дела – это и есть материализованное время, наше время, время нашей жизни. Что касается твоего пренебрежения к «Философии искусства», то, мой дорогой Володя, такие книги в основном и помогают «поднять уровень своего мышления». Пока ты, и я тоже, не умеем мыслить. Ты вон мечтаешь научиться «высказывать свои мысли так, чтобы их мог понять каждый», а потом предстоит еще большая задача – научиться самому мыслить. Ораторское искусство – это аппарат, инструмент для выражения мыслей. Но эти мысли нужно иметь. Как я, под влиянием откровений одного философа во ВГИКе, понял, что не умею читать художественные произведения, снимая только фотографический снимок с прочитанного, и не понимая его глубины, художественного, идейного замысла, подтекста. Сейчас

знаю об этом, но научиться сразу читать квалифицированно нельзя – вот почему я и обратился к учителям, философам, чтобы научиться мыслить. Преуспел? Вряд ли.

Очень рад, что дядя Саша понял значение своих писем и попросил их сохранить. Когда я буду перепечатывать их, то обязательно сделаю экземпляр и для тебя. Письма отставников буду высылать по мере их перепечатки, давай начну со следующего письма, позарез не хватает сейчас времени.

Наконец-то твоя мама сказала что-то об Африке. Только где же те письма от отца – после окружения, и ответ о том, что он не вернулся с задания.

Сына своего я знаю плохо, как впрочем и он сам себя, но я хуже, так как в душу не залезешь, а у него ситуация секретная для меня и для его мамы. И это усугубляет отстраненность Андрея от меня.

На письма дяди Саши – ответ в следующем письме.

Большой привет твоему семейству.

У меня вышла книга стихов в издательстве «Современник» в 1986 году. Пока у меня лишь один экземпляр. На работе был мой отчет, мне досталось, но выдержал. Был на Съезде писателей СССР, на секции прозы. Все кричали о перестройке, как выразился один выступающий «бегали по разминированному полю и махали руками». Все передрались, переругались, но вывод один – талантов мало, а склок много. Повыгоняли и повыгоняют многих, но менять их будут люди такие же, если не хуже. И это не политика, а закон курятника: сри на нижнего, клюй ближнего и выбивайся вверх. В отпуск пойду не раньше сентября. Валя моя побаливает, какая-то простудная инфекция.

Как вы поживаете? Пиши. Всего наилучшего тебе в поисках. Чем смогу, помогу.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

21.08.86

Привет, Боря!

Все, что ты выслал, получил еще в июле. Спасибо, но с 31 июля по 17 августа ездил с Зоей по турпутевке в Болгарию. Оба довольны поездкой, одним словом, болгары – молодцы, уровень жизни у них минимум в два раза выше нашего. Видел, насколько «высока» культура русского человека за границей. Без той элементарной культуры, которая есть там, невозможно у нас сделать то, что намечено Горбачевым. Слишком много наболело, и не хочу писать тебе о том, о чем ты не хочешь.

Купили 18 книг, советских, среди них – последние тома из старых сочинений Л.Н. Толстого и М.И. Пришвина, их дневники, для меня они

ценны, купили также «Рыцарь Иоанн» Сельвинского (толще твоей книжка). Стоит у меня на книжной полке рядом с твоим Болотниковым.

Ответ на твое письмо 18.02.86 – 19. 02.86.

Сразу вопрос–ответ, по твоему желанию – зачем вступил в партию? Я не встречал ни одного настоящего партийца.

Ты опять прав, дяди Сашины письма я читаю с большим интересом и удовольствием, как книгу, когда он пишет о прошлой своей жизни. «Написал бы тебе об отце» – я очень этого хочу, но я рад тому, что получаю хоть такие письма, которые он пишет с большими перерывами, вот и сейчас не могу дождаться его письма.

«Только знающий много, талантливый душой человек, близок к истине, ему и легче понять других» – вот я и хочу, чтобы побольше было таких людей, стремящихся понять других, вернее другого, конкретного человека, с которым общаешься в данный момент, взаимное стремление к пониманию другого исключает ссору, вражду, неприязнь, сам человек станет выше, а может, и воскликнет: какой я дурак, что не мог его понять, а ведь как все просто – каждый человек должен мыслить, трудиться мыслить, а не стрелять своими догмами в противника.

О времени. «Время не дороже денег» – ты понял бульварно. Суворов сказал: Деньги дороги, жизнь человеческая дороже, а время всего дороже. Как бы ни сэкономил я свое личное драгоценное время, мне его все равно очень мало, мизер.

Ответ на письмо от 02.07.86

Как я понимаю?

Каждый человек, на то он и человек, родился не для того, чтобы получить образование, специальность, работу, зарплату, чтобы жрать, пить, рожать и воспитывать потомство – все это видит каждый, – это наша, так сказать, наружная жизнь. Но человек, если он все-таки считает себя человеком, должен каждую минуту своей жизни учиться, должен трудиться для себя, стараться как можно больше понять себя и окружающий мир, природу так, чтобы слиться с ней, увидеть самого себя в природе не глазами и ушами, а всеми своими внутренностями, если можно так сказать, других слов не могу подобрать, была только что мысль и улетела. М.И. Пришвин смог это хорошо понять, он мне близок больше всего. Бессмертно слово, имя – для кого? – только для людей после тебя, а что же тогда для тебя? – Сам ты, а что еще, не знаю...

Стремился ли ты и как понять своего сына? В его возрасте все мы знаем себя плохо, как, впрочем, и сейчас, нам еще много и много узнавать о себе.

Твой сын – это ты сам в его возрасте, постарайся вспомнить себя в то время, побольше ему задавай всяких простых вопросов, а вдруг да и что-нибудь осмыслишь.

Закон курятника, по-моему, был всегда и, ох, как долго еще будет для тех, кому верх сладок.

У тебя, наверняка (свадьба) появилось новое фото – хотелось бы увидеть тебя (или вас) на нем.

С Зоей живем хорошо, и вам того желаем. Да, как твоё отношение к личному компьютеру? Я знаю, что он даёт возможность сэкономить массу полезного времени независимо от рода деятельности.

Посылаю письмо дяди Саши.

Крепко обнимаю, Володя.

Пиши.

ПИСЬМО ДЯДИ САШИ

Дядя Саша – Володе

Белово, 8.04.86

Здравствуй, дорогой Володя. Привет Зое.

Получил от вас письмо, очень интересное. У тебя, должно быть, возможности большие, против моих. Я в журнале посмотрел осциллограф С1-94. Он довольно сложный, у него много деталей. У нас их нигде не достанешь. Поэтому я и не могу об этом даже мечтать. А комбинировать прибор на микросхемах, наверное, очень компактный, меня очень заинтересовало. Хотелось бы и мне его сделать с твоей помощью. У меня есть хороший индикатор на 100 мкА на всю шкалу. Сопровождающий – достаточно, гнезда и переключатели тоже найдутся. Только микросхем здесь не достать (хотя я не знаю, какие микросхемы). Я стараюсь достать несколько лет микросхемы: К548УН1А – 2 шт., Л174–УН4 – 2 шт. У себя, в Новосибирске и в Кемерово их не было совсем. Нынче в Новосибирске К174УН4 одну, последнюю, купил и сделал из нее оконечный усилитель, замечательный усилитель, очень чисто работает и очень мало берет питания, никакой наладки не требует. Если только попадетсЯ, я обязательно возьму две штуки. Так вот, к тебе просьба: выслать схему комбинированного прибора, и если есть возможность, вышли микросхемы для него. А также К548УН1 А или В – 2 шт., если подвернется, купи. Деньги я всегда вышлю, сколько бы ни стоило. Они мне нужны для звукового кино. Я еще думаю им заняться. Автотрансформатор для телевизора нужен. У нас пониженное напряжение от 180 до 210, плохо работает телевизор «Алатр». Мне нужен (он с прибором, замеряет ток и напряжение). Я делаю электромоторчики, так их нужно испытывать на напряжение и ток. Очень удобно.

Весна у нас в полном разгаре, снег еще не растаял. На Мичуринске еще ничего не делал. Занимался велосипедом, приделал к нему коляску, как у мотоцикла. Мария Александровна плохо ходит, так я ее буду возить в сад в коляске. Я пробовал возить одного мужика (75 килограмм), везти довольно

легко. А Мария Александровна намного легче, так ее совсем легко буду возить. Помидоры у нас, посаженные в ящики, погибли, у всех была черная ножка. И нам пришлось вновь посадить, поэтому они у нас еще маленькие.

Первого апреля я был именинник, исполнилось 80 лет. Юбилейная дата. Мария Александровна сильно болела, и мы договорились юбилей не справлять. Дочь моя Тамара была в Новокузнецке на семинаре врачей, и там встретилась с Михайловыми. Мы с ними – старые друзья, еще с Тургайского дома отдыха. Лидия Поликарповна была там учительницей, и моя Тамара у нее училась. Семинар был рядом, где жили Михайловы, и естественно они встретились, и договорились приехать к нам в гости на мой юбилей. Тамара написала нам письмо, что приедут к нам в гости с Михайловыми на мой юбилей. Осталось четыре дня до юбилея – что делать? Мария Александровна заплакала: я же болею и не смогу подготовиться.

Заходит Лена Петрова, узнала, в чем дело, сказала: я помогу, устроим вечер на славу.

Ну, и пошла заваруха. И мне досталось. Они – дома, а я – по магазинам. Покупал продукты, вино, шампанское. Из погреба – огурцы, помидоры, картошку и капусту. А Мария Александровна ожила, стала лучше себя чувствовать. Все успели сделать.

Первая приехала Михайлова Лидия Поликарповна, одна. А где Виталий Матвеевич? – спросил я. – Он улетел в Ленинград срочно по каким-то делам.

Не вовремя-то. Тамары долго не было, хотели, было, без нее начинать. Стали все на стол собирать – и Тамара приехала, одна. Петр остался со Светой. Она очень плохая, и ее нельзя оставлять одну. С Тамарой приехал Алеша с сыном Юрой (мой правнук). Таня, жена Алешина, осталась дома с Аней, моей правнучкой.

Итак, нас собралось: я, Мария Александровна, Лена с Василием Васильевичем, соседка Валя (Глупак), Лидия Поликарповна, Тамара и Алеша, и Юрочка. Целое застолье. Все – очень близкие люди. Жили вместе от 30 до 40 лет. Много вспоминали из своей жизни. Было очень весело и дружно. Хорошая память о моем юбилее. Долго буду помнить. Валя Глупак говорит: а помнишь, Александр Васильевич, я была на твоём юбилее в честь 50-летия? И на 80-летие попала. Теперь будем справлять 100-летие. – И все засмеялись.

Много всяких шуток. Поздно вечером все разошлись, довольные и радостные. Но Тамара и Алеша уехали на другой день.

Здоровье мое, как старика, можно сказать неплохое, но все же с каждым годом я чувствую слабее и слабее, все же старость есть старость – закон биологии. Замедляется обмен веществ, первый заметный признак – это человек начинает без всяких причин терять вес, и не восстанавливается это. Жизнь близится к концу. У меня же вес не снижается, значит, я еще поживу. Езжу на велосипеде, за четыре года я снизил вес на 20 килограмм. Весил 94, а осенью весил 74 килограмма, за зиму я пополнил и, вероятно, я 80 килограмм буду весом (нужно взвеситься).

Мария Александровна все время болеет и худеет очень сильно, но чуть станет полегче – быстро полнеет, значит, есть надежда – еще поживет. Вот так мы и живем.

Теперь буду продолжать свою автобиографию. Постараюсь больше сокращать не характеризующее жизнь время.

После приезда домой из Дубровино, это было во время НЭПа – Новая экономическая политика (НЭП). Ленин сказал: «Сделаем шаг вперед, два шага – назад». Это значит: крестьяне могут пахать, сколько хотят, и сеять, что хотят; кустари могут заняться своим делом, что по душе; купцы могут открыть магазины и свободно торговать; заводчики восстанавливать свои заводы и т.д. Налогу будут платить все не выше царских налогов. Откуда что взялось? Удивительно, за два года люди стали жить лучше, чем в царское время, всего стало полно. Появились акционерские (акционерные) общества России, которые торговали с заграницей. У них были громадные магазины, как сейчас у нас универмаги. Все были довольны Советской властью. Никакого вредительства нигде не существовало, и совсем изжили это слово. Церкви тоже расцветали, религиозных людей было еще много, и много посещали церковь, молились.

Я, конечно, в Бога не верил. Но однажды я посетил службу из-за любопытства. Я поразился, что я услышал. А услышал я «многие лета» советскому правительству. Что это? Священнослужители – за советскую власть! Может быть, это – показательная сцена, а в душе – другое. Но это слышат все люди в церкви, это очень важно. А что у них на душе – это никто не знает и не узнает никто. Может быть, и священникам стало жить лучше. Все может быть. Вот при такой хорошей жизни мы стали жить плохо. Мельницу у нас отобрали в государство, и отца сделали заведующим этой мельницей. Все гарцы (так называлась мука, которую брали в помол), и отец ее сдавал в государство, а ему платили зарплату. Так как денег у них не было, он получал зарплату мукой. Конечно, с такой «зарплатой» мы жили плохо.

А когда образовался НЭП, нам отдали мельницу. Тут приехала Матрена Алексеевна из Дубровино и сказала, что она поставит своего человека, и доход от мельницы будем делить пополам. Отец согласился, и она прислала своего родственника. У родственника тоже – своя семья, лошадь, корова и свиньи. Все это нужно кормить. И Матрене Алексеевне доставалось совсем мало, во много меньше, чем мы ей возили. Она стала менять родственников, а результат оставался прежний. Она пожаловалась своему родному брату, он на много младше ее, и на руку не чист. Она это знала и боялась его. Но он уговорил ее, и она согласилась. И вот он приехал. У него были два сына, почти ровесники с нами, Виктор и Аркадий. Мы, ребяташки, всегда дружили с ними, и очень обрадовались, когда они приехали.

Дядя Ваня Мальцев «взялся за дело», проявил свой характер. Договорился с моим отцом поочередно дежурить на мельнице: сутки – я, сутки – ты.

Хорошо, хорошо, согласился отец.

Стали молоть. Когда мы дежури́м сутки, набираем неполный ларь муки. Когда дядя Ваня дежурит – ларь полнехонек. Отец ему говорит: ты что это обвешиваешь людей?

А они ведь не знают об этом, отвечает. А отец свое: у тебя хоть немного совести есть?

У кого она совесть-то теперь есть? – ухмыляется. И началась перебранка.

Как тебе этот хлеб в горло-то лезет? Я об этом Матрене Алексеевне скажу. – Скажи. Она сама об этом давно уже знает. – Страшный ты человек. Я не хочу иметь с тобой никакого дела.

На мельнице было два постова. Отец сказал дяде Ване: возьми себе один любой постов, а мне – какой останется. И будем молоть раздельно друг от друга. Не хочу ворованным питаться.

И дядя Ваня выбрал себе лучший постов. И мы стали молоть раздельно. Ихний постов был лучше нашего, и он больше смалывал зерна. Да дядя Ваня обвешивал безжалостно. И он собирал муки чуть ли не в два раза больше нашего.

Но народ стал замечать, что у Мальцева меньше муки привозишь домой, чем у Сливкина. И старался попасть к Сливкину. Мальцев злился на нас и обвинял нас, что будто бы говорим всем, что Мальцев обвешивает. Но мы ничего никому не говорили. Весной обычно мало бывает помольников, и мельница часто простаивает, и люди стараются у Сливкина молоть, а Мальцев злится.

Приехала Матрена Алексеевна и подняла такой скандал. Сказала, что у нее есть документ, что она – одна хозяйка, и она подаст на нас в суд и отберет у нас мельницу. Она обзывала нас всякими нехорошими словами. И это говорила женщина. Всю жизнь прожила в богатстве. У ней действительно был документ еще царского времени, который отец не взял у нее, когда покупал мельницу, разрушенную, у Завьялова. Это он сделал большую ошибку. Теперь Мальцев воспользовался этим, подкупил юриста и председателя сельсовета. Отец имел у себя справку от сельсовета, что он один восстановил мельницу в таком-то году, никакой другой хозяин не объявлялся до настоящего времени. И все-таки мельницу присудили Матрене Алексеевне Крыловой. Отец стал недоволен судом, подал апелляцию. Там признали: суд не утвердили. Сделали пересуд, снова присудили им. Снова отменили в области. И так несколько раз приходилось нанимать адвоката. Мы с мельницы уехали. Вместо нас там стали жить зять Лекандр с Потей. Замучили эти нас суды. Отец как-то встретил друга детства Медведева, он давно живет в Нижнем Каёне, 40 километров от Новосибирска к югу, 30 километров от Берска к востоку. Он рассказал отцу, что там очень хорошая речка, там запросто можно построить мельницу. Отец съездил туда, место понравилось. Поговорил с председателем сельсовета.

Что мы будем иметь? – спросил председатель.

Мельница будет прямо в деревне, и своим деревенским буду молоть – два фунта с пуда, - сказал отец.

Хорошо, приезжай, мсогласился тот. - Сделаем документ. Обычно с пуда брали четыре фунта.

Отец приехал домой и нам сказал: место хорошее, и деревни там большие, можно эту мельницу бросить.

Как бросить? Нельзя бросать. Нужно сделать так, чтобы она досталась не нам, и не им, говорим мы. - А кому же? – Отдадим ее комитету бедноты. Все же польза будет.

Так и сделали на очередном суде. И по желанию отца присудили Комитету бедноты. Отец остался доволен судом, и область утвердила.

Отец съездил на мельницу. Председатель Комитета бедноты был друг. Он сказал ему: принимай от меня мельницу, ее присудили вам. Забирай ее всю. Выгони этих компаньонов. У них документы – царские. А вот этот документ – советский. И постановление суда – тоже советского. Действуй!

Председатель боевой. Он быстро их выгнал. Дядя Ваня и здесь вывернулся: он, как липку, обобрал Матрену Алексеевну, и построил мельницу в Малом Осте, и ее не пустил к себе. Она осталась при разбитом корыте.

С Августой как они жили, я не знаю. Через много лет я с ней встретился у Африкана. Он жил с Серафимом. Они числились, как беспризорные дети, но в своей квартире. Об этом лучше знает Августа.

Ну, Леля, все же мы встретились, у нас мельницу отобрала, и к нам же пришла. Теперь поняла, кто тебе друг, и кто враг.

Все меня обманывают, все! – сказала она. – И Сливкины? – спрашиваю. Она молчала. – Значит, Сливкины – нет. Эх, Леля, жила бы ты у нас до самой смерти и горя никакого не знала. – Правда, правда, – тихо сказала она.

Вскоре она умерла, и прямо на улице обнаружили ее мертвой.

Но это я забежал далеко вперед. Я еще дойду до этого.

Когда отец вернулся с мельницы, сказал: ну, с мельницей все покончено. Нужно что-то предпринимать.

Был март месяц. Нужно дом продать. Покупатель быстро нашелся, новосибирец, на слом. Сосед взялся перевести его в Новосибирск, пока санный путь не растаял. Быстро его разобрали, разметили и увезли. Я не помню, куда мы девались, где жили в это время, куда перевезли мебель и ящики.

Аркадий, Африкан и Серафим учились в школе, кажется, жили у Потя, потом перешли рядом, к соседям, на квартиру. Александра, приведенная сестра, ушла жить к Асташкиным, к своей бабушке. Мы же, отец, мамаша с Германом, он был тогда ребенком (у нас еще была девочка Лида, ушла тоже к бабушке, матери мамашы), со Львом поехали на новое место жительства.

Приезжаем на Новый Каён, устроились на квартиру к Бондаренко. Хорошие люди. Мы с ними жили, как с родными. Хозяйка – вдова, муж умер от чахотки. Остались дети. Девушка Маруся, подстать нам со Львом (я мечтал на ней жениться, да Лев все дело испортил, и я был дураком, не мог простить, у меня бы совсем, совсем была другая жизнь), Миша, мальчик лет

15, вся тяжелая крестьянская работа была на нем, и Витя, мальчик лет семи, - вот и все.

Отец пошел в сельсовет к председателю. Председатель собрал собрание крестьян. Все крестьяне – чалдоны, во всей деревне две фамилии Чуркины и Шмаковы. Есть, конечно, и другие фамилии, но их очень мало. Медведев, Муштаев – только по одному двору, да где жили мы, на краю деревни за ручьем, 20 домов – украинцы, они недавно приехали. И все.

Председатель пояснил крестьянам, что за человек приехал, строить мельницу. И дал слово отцу. Отец рассказал, что он старый мастер, мельник, и как его разорила родня, что его хорошо знает Медведев, и что он просит крестьян запрудить ему речку в долг. Он обещал: я все запишу, потом, когда будет работать мельница, постепенно оплачу всем, кто будет работать. За это я буду брать с вас за помол не четыре фунта, а два фунта. И мельница будет прямо в деревне.

Люди обрадовались, сказали: поможем, и платы нам никакой не нужно.

И действительно, некоторые не взяли оплату. Сделали все документы: договор и отвод земли под мельницу и дом. Прошло половодье, и мы начали строить мельницу.

Кто-то сказал, что в Верхнем Каёне на складе есть турбина для мельницы, никому не нужная. Может быть, вы ее возьмете? - сказал.

Мы с отцом поехали туда. Там, действительно, лежит хорошо прибранная турбина, и хозяин ее – сельсовет. Мы пришли в сельсовет, спросили – действительно, на учете есть турбина, и стоимость известна – 100 рублей. Но у отца уже не было ста рублей. Деньги еще у отца были, но на них нужно купить сруб большой для мельницы, на мост для пропуска вешней воды. Мост этот – два толстых и длинных бревна, на нижнем и верхнем лежняке. Мост нужно сделать проезжим, значит – много досок и свай. А сколько лесу на ставни, русло нужно выписать, два жернова – они недешево стоят. А тут – турбина. Заманчиво. Придется брать богатенького мужика в компанию. Охотник уже был, просился в компанию, колыванский сосед, кузнец.

Отец поехал к нему, тот сразу согласился. Сам не поехал, а дал отцу 200 рублей. И мы купили турбину. Ее установить проще и быстрее. Опять я столкнулся с чертежами. Но я уже хорошо в них разбирался, даже лучше отца, и он мне всю установку поручил. Отец писал на Урал, на Мальцевский завод жерновов для сельских мельниц. И скоро получил ответ, пишут старые хозяева: высылайте задаток и адрес, на какую станцию выслать жернова. Отец послал задаток и указал – станцию Берск. Скоро станция прислала извещение – приезжайте за жерновами. А на чем вести жернова? Поехал на станцию, там ему сказали: вот у нас специальная телега, только на ней можно увезти жернов, запрячь в нее четыре лошади. Словом, жернова привезли без всякой канители.

Всю мельницу мы быстро построили. Жернова были высокого качества. Сроду у отца в жизни не было таких жерновов. Кузнецов как-то

приехал к нему, посмотрел на жернова и пощупал муку: да, техника растёт, не стоит на месте.

Кроме нас, в деревне ещё было две мельницы. Но они далеко от деревни: одна – выше, порядка двух километров, вторая – ниже по реке на 1,5 километра, и жернова – старого типа, и качество муки заметно хуже. Поэтому у нас всегда был помол, к нам ездили ещё и из соседних деревень, и брали мы с них за помол 4 фунта. Своим дешёвым помолом мы повлияли на соседние мельницы, они тоже стали брать по 2 фунта с пуда.

При постройке мельницы отец сделал две большие ошибки. Первая – по незнанию, как прудить пруды на горных реках. Он запрудил плотину прямо на песке, толщина слоя гравия была 2,5 метра. Вполне естественно, что сквозь гравий и песок просачивалась вода, и довольно много, почти третья часть. И мы третью часть дохода потеряли. Вторая ошибка – эта турбина велика для этой речки. В таком случае можно молотить не круглые сутки, но плотина просачивается, и вода накапливается медленно, и воды уйдёт много бесполезно. Исправить эти ошибки очень трудно. Нужно запрудить вторую плотину по всем правилам. Это нам ещё не под силу. Главное, мельница стала давать нам доход. У нас появились деньги, и мы стали расплачиваться с долгами.

Рядом с нами жили тоже Бондаренко. Старший брат умершего Бондаренко решил уехать в Новосибирск совсем, продал нам свой дом взаимы: когда будут деньги, отдадите.

Обычный дом деревенский, две большие комнаты: кухня просторная и чистая комната. Надворные постройки: амбар, крыша, большой огород. Все – не старое. Жить можно. И мы перешли туда жить. Стали перевозить свой скарб из Колывани. Лошадь одна. За день не обернешься: туда – день и обратно – день ездили, когда – я, когда – Лев. В Новосибирске через день ходил паром, там всегда была очередь.

И уже последний раз поехал я, нагрузил: разные кадки, скамейки, кровать, ящики, ломик–выдерга, – словом, воз набрался порядочный. Африкан мне помогал, и мы поехали вместе во второй половине дня. В Новосибирске решили ночевать у дяди Саши Толочко. Под вечер подъезжаем к Новосибирску, спускаемся по переулку в пойму на паром – и на нас напали грабители. Хотели отобрать лошадь с возом. Сделали они так неожиданно, я не успел опомниться, как мне вожжами связали руки, я их никак не мог выдернуть. Народу было кругом много. Я закричал: нас грабят!

И Африкан закричал громко: «Грабят! Нас грабят!..»

Сразу все прохожие исчезли, никого нигде не стало. Значит, самим нужно как-то отбиваться. Смотрю, один на телегу сзади забрался и лезет к Африкану. Я ему уже спокойно сказал: чего ревешь? В Кадке – ломик. Бей заднего по голове.

Он, как это быстро сделал – изо всей силы ударил заднего по голове. Он так высоко поднял вверх руки и через спину упал на дорогу. Африкан хотел и этого, который держал мои руки, ударить. Но он успел отскочить, и отпустил мои руки. Я освободился и ударил его вожжами по лицу. А вожжи

петлей зацепились ему за голову. Я сильно дернул вожжи, он потерял равновесие и упал вперед, и попал под колесо. Вожжи потянулись за ним, вожжи запутались. Совсем пропало все. И все же я успел обернуть вожжи за конец рейки телеги. Телега замедлила ход, колесо скатилось на шею с груди. Сильно натянулись – чуть не оторвало ему голову, и освободились совсем. Я взял за вожжи, и хотел понукнуть лошадь, а там ее держит под уздцы третий мужик. Я дернул за вожжи и крикнул: бей его, Маша!

И лошадь, как будто поняла меня, встала на дыбы, ударила его ногой и подмяла под себя, и по мужику проехало переднее колесо. А там – четвертый мужик. Хотел поймать лошадь под уздцы, а лошадь сама бросилась на него и также подмяла под себя. И мы проехали по нему передним и задним колесом. После этого она понеслась махом. Я посмотрел назад. Все наши грабители лежат на дороге. Один вдруг поднялся и опять упал и лег. До парома еще километра два было, и мы еще в возбужденном состоянии были. Я посмотрел на Африкана, и он трясется сильно-сильно.

Ты что так трясешься? – сказал я. Он ответил: а ты что так трясешься?

Я посмотрел на себя – действительно, я тоже трясусь. И нас трясло до самого парома. Отчего? От сильного нервного напряжения. Это произошло быстро, в считанные секунды. И дрались мы с ними не на живот, а на смерть. Вероятно, не один труп остался. Колесо-то по шее проехало страшно. И Африкан по голове ломиком ударил удесятенной силой. Неприятный случай в жизни.

Пока все, следующее письмо напишу быстрее.

Крепко обнимаю и целую, дядя Саша.

Привет от Марии Александровны.

ВОЛОДЯ – БОРИС

Борис – Володе

08.10.86

Здравствуй, Володя!

Отвечаю на твое письмо от 21.08.86.

Рад, что ты был в Болгарии. Но относительно их жизненного уровня у тебя спорное мнение, так как это мнение туриста, а не жителя.

На первый твой вопрос ответ у меня неожиданный – райком не утвердил решение собрания – и поэтому меня не приняли (в партию), из-за того, что три раза женат и сменил много мест работы. На этом драматическом случае я понял, что еще мало того, чтобы люди тебя поняли, важнее, чтобы они захотели войти в твое положение и оказали действенное сочувствие. Понимая же врага, человек может не только посочувствовать ему, но и вернее ударить его в слабое место. Вот как, дорогой Володя, все это

понимание другого может обернуться. Поэтому люди и прячутся за масками, как улитки. Отсюда и мои стихи: «Мы прячем откровенья, как улики, Боясь, что нам никто их не простит. В самих себя уходим, как улитки. О, самосохранения инстинкт!» Вчерашний приятель, которому ты доверился так, что он тебя хорошо понял, через какое-то время может стать твоим врагом и будет бить тебя в незащищенное место.

Еще одна тема: ты ратуешь о внутренней жизни, ты пытаешься разделить жизнь душевную и духовную. Да, человек должен жить и духовной жизнью, думать, учиться, стремиться к каким-то идеалам. У некоторых эта духовная жизнь лишь в зародыше, другие отдают ей больше сил, чем животной жизни. Душевной. Физиологической жизни, я называю эту жизнь растительной, а духовную – единственно стоящей жизнью. Лев Толстой называл ее «живой жизнью». Но и растительная, и живая жизнь для людей, для будущего – материального и духовного будущего. А для тебя – то, что оставили для тебя другие, и все. Чем ты живешь сейчас и будешь жить завтра.

Выясни, куда девался у матери пакет с письмами Африкана. Он никуда не пропал.

Мать твоя говорит, что Африкан Сливкин был представлен к правительственной награде? Ты сможешь ее получить, по крайней мере, похлопотать можно. Видимо, нужно попросить администрацию Красмаша запросить эту награду или сведения о ней. И сам можешь написать письмо в Президиум Верховного Совета СССР, рассказать, что ты ищешь сведения об отце. И узнал, что он был представлен в таком-то году к правительственной награде и не смог ее получить из-за того, что погиб или пропал без вести. А вдруг он ее получил?

В каком-то институте учился Африкан? Нужно сделать запрос в этот институт, и они ответят, хоть что-нибудь. Повод запроса: хочу все знать о своем отце. Писать надо на партком.

Понять сына я стремлюсь всю жизнь. Конечно, многое не удастся. Но он тянется ко мне. Секретничает со мной. Но и вынужден что-то скрывать, чтобы не выдавать свою маму. Но он, конечно, не я – в этом возрасте, а лишь в чем-то отдаленно иногда меня напоминающий. Даже если бы мы жили все время вместе, тождество, увы, не возможно. Посылаю свою фотографию и вышедшую недавно книгу. Отношение к компьютеру – положительное. Андрею купил микрокалькулятор. Для себя купить – слишком дорого.

Ответ на письмо дяди Саши от 08.04.86.

На 80-летию дяди Саши так много родни упоминается, что я опять прошу тебя составить генеалогическое дерево Сливкиных.

То, что человек перед смертью без всяких причин начинает терять вес – страшное, но, видимо, верное предзнаменование. Читая письмо, я подумал, что если удастся собраться с силами и написать какое-то произведение, то как

художественный прием, можно все события из жизни дяди Саши приписать биографии Африкана. Как ты на это смотришь?

А то у нас только первый эпизод про Африкана, когда он с братом Александром отбивались мальчишками от грабителей. У меня создается впечатление, что дядя Саша вел всю жизнь дневник, поэтому он так подробно все описывает. Если дневник есть, он бы нам очень помог в случае, если дядя Саша не сможет дальше писать. Может, написать ему такую фразу: «Дядя Саша, вы так подробно все помните, наверно, дневник писали с детства». Что он ответит?

И самое главное. Володя, это и ты сидел на телеге, это и тебя спасали лошади, потому что ты – в отце, а он – в тебе

Вот тебе и суть триединства.

А дух?

Дух – все, что ты узнал об отце из документов его судьбы, из рассказов родни о его жизни, взглядах и нравственных основах семьи Сливкиных – все это твой отец.

Поэтому ты – почти копия дяди Саши, родного брата твоего отца.

Володя, я неправильно положил копирку. Перепечатать некогда, верни мне, пожалуйста, этот листок.

Большой привет Зое. Обнимаю тебя, Борис.

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, Боря!

Ты спрашивал, какие песни пела моя мать под гитару в молодости. Невозможно вспомнить – это было в Хабаровске, мне было не более 12 лет. Как-то я просил мать вспомнить эти песни и слова – она сама забыла.

Что она думала и думает сейчас о моем родном отце? Молчит. Только сказала, уже после смерти отчима, что ей до сих пор снится Африк.

У тети Нади ничего узнать не могу, ее сын и она не хотят со мной знаться.

(Почему такая ненависть у них возникла, неужели неосторожный Володя им насолил, или Рябов отругал, пригрозил и велел им ничего больше не говорить Володе?).

Брата, ее сына, не видел с 1978 года, хотя он и живет в Одессе. Они считают меня очень плохим человеком. А я не напрашиваюсь, не хочу унижаться, хотя знаю, что ни в чем перед ними не виноват.

Сестры мои о пакете документов знать никак не могут, потому что они только от меня узнали о Сливкине. А семья Рябова на мои письма не отвечает.

Я уже писал на Красмаш в отдел кадров, получил ответ, что такой человек в архиве не числится. А ведь у меня есть ответ, который ты читал, на первый мой запрос. Написал еще раз на имя директора, жду ответа. В Президиум Верховного Совета писать не догадался – напишу.

Я не знаю, в каком институте учился Африк. Может, есть ответ в документах, которые остались у тебя, посмотри? Где найти еще ответ, не знаю.

Компьютер и калькулятор не одно и то же. Калькулятор – счетная электронная машинка. Кого не спрашивал, почти каждый отвечает, что компьютер – то же самое, только в большом масштабе. Это не так. Для компьютера нужно еще иметь любой кассетный магнитофон и любой телевизор.

(Какой бред несли мы в то время о компьютере!)

Лучше поменьше. Что может компьютер? Все, что может придти в голову – поиграть в увлекательную игру, решить дифференциальное уравнение, узнать, что можно приготовить из данного продукта, самостоятельно выучить курс сопромата, запросить, какие где идут спектакли, когда прибывает самолет и какая будет погода, снять с тебя нервное напряжение, поговорить по душам с электронным психологом, посоветоваться с электронным врачом, прежде чем обратиться к настоящему, привести в порядок семейный бюджет, и многое-многое другое. Работая с компьютером, ты как бы разговариваешь с самим собой, к нему не нужно приспосабливаться, торопиться, бояться пропустить или недопонять. Ты исследуешь и раскрываешь свои возможности, копаешься в памяти, рассуждаешь, сравниваешь, классифицируешь, анализируешь, синтезируешь. Компьютер – очень большой помощник в любом деле. При этом человек всегда находится впереди, на виду, а компьютер за ним на втором плане, как бы говоря: «Не бойся меня, я тебя не обижу, не притесню, я глупее тебя: только ты наделен творчеством, можешь думать иррационально, полагаться на интуицию, понимать не только текст, но и подтекст. Но я умею быстрее и лучше делать то, что тебе неинтересно, скучно, и чем ты, человек, не должен заниматься». Умение вести диалог с машиной сейчас выдвигается, как понятие «второй грамотности». Очень скоро, Боря, это станет большой необходимостью. Если бы стремительно развивающаяся авиационная техника развивалась также быстро, как вычислительная, то аэробус стоил бы сейчас в десять раз дешевле автомобиля, и на нем можно было бы облететь земной шар за 20 минут, израсходовав менее 20 литров горючего.

Все письма у тебя, то есть информация о генеалогическом дереве у тебя. Галина Баландина написала мне в письме, что составила это дерево и

обещала прислать. Но это было еще весной. С тех пор молчит. Но у Баландиной нет ветвей Никитиной и Рябова. Может, написать мне, что знаю по этим ветвям?

Относительно биографии героев, все в твоей власти, кроме моей просьбы – имена оставить настоящие. Как ты на это смотришь?

У меня такое впечатление, что у дяди Саши как раз не может быть, скорее всего, нет дневника. В последнюю нашу встречу в Новосибирске он (дядя Саша) сказал, что по 4 часа пишет одно письмо, что он как бы заново переживает свою молодость, как бы живет в то время, и само собой всплывает все в памяти. А его просьба сохранить письма и боязнь, что он заново не вспомнит то, что написал в письмах, говорит за то, что нет у него дневника. У него была тетрадь его стихов, которую он потерял.

Я уже тогда, когда дядя Саша попросил вернуть потом письма, сразу ему написал, что все его письма сохраняются. Я давно уже заметил, что дядя Саша повторяется, но ничем ему это не выдал. Я, как могу, корректно прошу дядю Сашу побольше писать об Африке. Очень осторожно это делаю. Но, по моему, когда он пишет, он просто пишет все то, что может вспомнить. А помнит он, прежде всего, самого себя, свою жизнь. И плохого о себе не скажет. Видно, придется довольствоваться только тем, что он напишет. Но напишет ли еще?

Твой вопрос о воспоминаниях других родственников об Африкане попал в точку. Я в тупике – никто из Сливкиных не отвечает на мои письма. Дядя Саша тоже замолк, еще летом. Меня это очень сильно беспокоит.

Простой вопрос к тебе. Целых пять лет наш отдел из КБ разрабатывает проект нового проигрывателя, получилась очень удачная перспективная модель, от которой завод наш отказался по указанию сверху. Выходит: целый отдел работал пять лет – виноватых нет, но отвечать кто-то должен? Или это опять политика? А ведь таких примеров очень много. Что ж тогда у нас творится в стране? Я бы сказал – бардак. Если не хочешь, можешь не отвечать на этот вопрос.

Всего тебе доброго. Обнимаю, Вова.

Большой привет жене.

Володя – Борису

31.10.86

Дорогой Боря!

Поздравляю с рабоче-крестьянским ленинским праздником, пусть он всегда будет в нашей жизни и жизни наших детей.

Получил ответ из Красноярска, который тебе высылаю с другими документами, чтобы ты их прочитал и высказал свои соображения. Я думаю так. Раз тогда, когда я писал в 1978 году, мне ответили, что Сливкин работал

на заводе, но нашли документы только по зарплате и один приказ, а остальных документов нет, не были ли они специально уничтожены после того, когда там узнали, что Сливкин пропал без вести? Ведь часть документов сохранилась.

Странно получается: в архиве МО его нет, там, где работал до войны, тоже нет – вот как может человек исчезнуть из жизни.

Ответ сразу – что ты думаешь об этом.

Обнимаю, Вова.

Большой привет твоей жене.

(Когда Володя стал искать отца, у него могли возникнуть проблемы с органами, потому что Сливкин был в плену, так же проблемы и у Сливкиных, и у тети Нади с ее сыном? Вот поэтому они и замолчали?)

ДОКУМЕНТЫ СУДЬБЫ

Документ

(Штамп) Производственное объединение
«Красноярский Машиностроительный завод»
№ 02/5–162 23 октября 1986 г.

Тов. Рябову В.В.

270111, Одесса, проспект
Добровольского, 148.

Работники центрального архива объединения очень внимательно проверили имеющиеся в наличии документы за период 1940–1946 г.г. на работников техотдела завода. Каких-либо сведений о работе Сливкина Африкана Васильевича, 1913 года рождения, к сожалению, обнаружить не удалось. При проверке документов о работе на заводе кого-либо из Сливкиных установлены архивные данные о том, что в период с 13 ноября 1941 года до 14 февраля 1946 года на рабочих должностях (бетонщик, прицепщик) в различных подразделениях завода работал Сливкин Андрей Васильевич, 1903 года рождения.

Тов. Вивдич Г.Т. подтверждает, что в предвоенный период вместе с ним в конструкторском бюро техотдела завода действительно работал Африкан Васильевич Сливкин, но вспомнить какие-то подробности из трудовой жизни Вашего отца он не смог.

Разделяя Ваше огорчение по поводу ненадлежащего хранения архивных документов в предвоенный период, оказать Вам помощь в восстановлении трудовой биографии т. Сливкина Африкана Васильевича возможности не имеется.

Генеральный директор
Объединения

В.К. Гупалов (подпись)

Документ

Производственное объединение
«КРАСНОЯРСКИЙ
МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД»

№ 1462 20.04.1987

Секретарю исполнительного комитета Красноярского Краевого Совета
народных депутатов
Т. Гупалову К.М.

Г. Красноярск, ул. Мира, 110

Копия: Тов. Рябову В.В.

г. Одесса, пр. Добровольского, 148.

На Ваше письмо о розыске архивных документов о награждении т. Сливкина Африкана Васильевича, 1914 года рождения, сообщаем следующее:

Т. Сливкин А.В. действительно работал до Великой Отечественной войны на заводе имени Ворошилова (в настоящее время – производственное объединение «Красноярский машиностроительный завод»).

До января 1944 года работники завода к награждению не представлялись. В последующие годы в списках работников, представляемых к награждению правительственными наградами, т. Сливкин А.В. не значится.

Заместитель генерального
Директора по кадрам

(подпись) Н.К. Козаренко.

Документ

№2

Государственный комитет
СССР
По телевидению и радиовещанию
Отдел писем
Всесоюзного радио
113326, Москва, М-326, Пятницкая, 25
20/IV-87 № 15109-30

Уважаемый товарищ Рябов!
Ваше письмо получили. К
сожалению, помочь Вам не имеем
возможности. Радио
в передаче «Бюллетень
розыска родных», идущей по

программе «Маяк», рассказывает о розыске только малолетних детей (рождения 1930–1943 гг.), их родителей, братьев и сестер, потерявшихся в годы Великой Отечественной войны при бомбежках и эвакуации. Других радиопередач по розыску родственников Радиокomiteт не ведет.

Военнослужащих мы не разыскиваем. Справки о судьбе не вернувшихся с войны, пропавших без вести, адреса однополчан можно получить в Архиве Министерства обороны СССР (Московская обл., г. Подольск) или в военном комиссариате по месту жительства.

По вопросу розыска родных, с которыми потеряны связи до и после войны, советуем обращаться в органы милиции по месту жительства. Органы милиции помогают многим родственникам установить связи.

Желаем Вам всего доброго.

Редактор (подпись)

С. Лаврова.

Документ

Исполнительный комитет ордена Ленина
Союза общества
Красного креста и Красного полумесяца
100031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 18/7 тел 221–71-75
При ответе ссылаться на наш номер
Москва, 21. IX 1987
Уважаемый Владимир Валентинович!

Мы очень сожалеем, что ничем не можем Вам помочь, так как в нашем управлении сведений на в/служащих не имеется. Этими сведениями располагает Министерство обороны СССР. А наше управление занимается выяснением сохранности могил, находящихся за границей.

С уважением

/Зам. начальника Управления

(подпись)

ВОЛОДЯ – БОРИС

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, Боря!

Время от времени я перебираю и изучаю все документы, которые остались от моего родного отца и хранились у его сестры Августы. Смотрю на старые фото. Я уже говорил, что все это я получил еще после первой своей поездки в Новосибирск. Первое письмо от дяди моего Аркадия Васильевича, которое я получил, уже не надеясь его получить, и первое письмо мне от Августы Васильевны, с которой я до сих пор переписываюсь. Эти письма мне дороги. А какое впечатление они произвели на тебя?

Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

С трепетом рассматривал подлинные документы твоего родного отца. Представляю, как ты на них смотрел.

Свидетельство о рождении.

Сливкин Африкан Васильевич родился в 1913 году 14 февраля, г. Колывань (Новониколаевского уезда и губернии) Новосибирского округа.

Отец Сливкин Василий Фомич. Мать Сливкина Александра Алексеевна.

А у тебя твоего свидетельства о рождении нет, и ты не можешь сейчас посмотреть, кто записан отцом – Сливкин или Рябов.

Вот копия удостоверения об учебе твоего отца в школе.

Документ

РСФСР НКП Главное управление социального воспитания и политического образования

Удостоверение

«Предъявитель сего Сливкин Африкан Васильевич гр-нин д. Нижний Коев Бердского района Новосибирского округа... обучался с 1926 года по 1929 год в Колыванской школе II ступени в первом концентре и окончил ее в 1929 году. В течение курса обучения приобрел знания и навыки в объеме курса, установленного программами НКП для школы II ступени первого концентра, по следующим предметам...»

По таким же, как и мы учили в школе.

«Участвовал в следующих видах общественно–полезной работы внутри и вне школы:

1. Работа в редколлегии стенгазеты школы.
2. Легкая кавалерия.
- 3 Участие в антирелигиозной работе».

Ты вник - легкая кавалерия? Буденовец твой отец. А я учился в школе водить грузовик – полуторку. До сих пор помню: «Угол не срезай на повороте!»

Твой отец мальчишкой «За время пребывания в школе обнаружил особую склонность к математике и химии». А ты? Похож был в детстве на отца?

Вот толстый документ с потертой обложкой

Трудовая книжка

Фамилия Сливкин

Имя Африкан

Отчество Васильевич

Год рождения 1913

Образование: начальное, среднее, высшее (подчеркнуть)

Профессия Конструктор

Подпись владельца Трудовой книжки (А. Сливкин)

Дата заполнения Трудовой книжки 10 января 1939 г.

Смотри с 1933 года Африкан начал работать, а может, и раньше. Но

Трудовой стаж до поступления на **6 лет - подтвержден**
Красноярский машиностроительный завод **документами.**

Где он работал эти шесть лет? Документы есть.

Справка

СССР–НКТП

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ГОРНО–ТОПЛИВНОГО

МАШИНОСТРОЕНИЯ

«ГЛАВГОРМАШ»

Красноярский

машиностроительный

Завод

Настоящая дана конструктору Техниче–
ского отдела Красмашзавода т.

СЛИВКИНУ А.В. в том, что он
действительно с 7–го июля по 23–е
июля включительно находился в
очередном отпуске.

Начальник технического

Отдел тех.
7/VII-38 г.
№ 13-7-7
Адрес: ... Красноярский
Завод «Главгормаш»
Прав. берег р. Енисей
Машиностроительный 3-д

Отдела подпись ГОВОРУШКИН
Секретарь подпись ТИТОВА
Печать: Административно-
хозяйственного отдела КР-КИЙ
машино-вагоностроит. 3-д
НКТП-СССР

А в 24 года он уже принят на завод начальником Техотдела на должность конструктора 4 разряда, и за два года достиг 1 разряда.

И не имея высшего образования, Африкан Васильевич занимал инженерные должности. Как и ты, Володя?

Приказ № 18
По Красноярскому машиностроительному заводу
Г. Красноярск от 24 января 1939 г.

На период освоения новых машин прикрепить ведущими конструкторами:

1. К лебедками ТЛ-0 и ТЛ-1 – Головкин И.А.
2. К вагонетке Гремба – Тонких П.И.
3. К трансмиссии РТИ-80 и Главзолото – Сливкин А.В.

В обязанности ведущего конструктора входит помощь в инструктировании цехов в процессе изготовления деталей, сборки машин, разрешение вопросов конструктивных и производственных неувязок, исправление обнаруженных чертеж. ошибок, на основе изготовления и испытания первых машин, усовершенствование конструкции и уменьшение трудоемкости изготовления.

Ведущий конструктор обязан бывать на рабочих местах цехов-изготовителей ежедневно, установив личный контакт с начальниками цехов и производственных мастерских. В случае необходимости цех может вызвать ведущего конструктора перечисленных выше т.т. Т.Т. ведут свою текущую работу в техотделе.

Сроковое цеховое и межцеховое планирование в функции ведущего конструктора не входят, так как являются обязанностью производственного отдела и цеховых ПРВ.

П.П. Директора завода
С подлинным верно: –
Секретарь Технического отдела

АВЖЕВ
А. ТИТОВА

А в 28 лет, «1941 VI 24 Уволен по уходу в РКК» - на фронт.

Документы многое тебе могут рассказать о твоём родном отце.
Свидетели живые.

Удостоверение

Всесоюзный союз рабочих металлистов, членский билет А № 042055

Сливкин Африкан Васильевич. 1913 года рождения

Время вступления в Союз Металлистов 18 сентября 1931 года.

Здесь интересно то, что Африк старался больше зарабатывать. Причем из других документов я эту черту тоже заметил. Сначала, получая не больше 75 руб., Африкан платил взносы с сентября по ноябрь 1931 года по 1 р.20 к. Потом его оклад увеличился до 130 р., и с декабря 1931 по февраль 1932 года он стал платить по 2 р. 30 к. В марте 1932 года перешел работать в Союзсельхозмашинообъединение, где стал получать около 170 руб., поэтому с апреля 1932 года по октябрь 1932 года платил 3 р.

В этом удостоверении есть отметка о его любви к книгам - Штамп Окружной Новосибирской центральной библиотеки, «абонемент № 166».

Посмотри, Володя, какие воспитывающие элементы в обычном удостоверении. Перлы агитации!

Удостоверение Всесоюзного профессионального союза рабочих сельскохозяйственного машиностроения (1932 год).

«СССР – ударная бригада мирового пролетариата».

«Важнейшей задачей профсоюзов является внедрение в сознание широчайших народных масс того, что рабочие работают не на капиталистическое, а на свое собственное государство, на свой собственный класс. Это сознание является громадной двигательной силой в деле развития и в совершенствовании нашей промышленности» (Из резолюции XVI съезда ВКП (б)).

«Внедрять и укреплять хозрасчет, поднять внутрипромышленное накопление» (Сталин).

«Изменить отношение к инженерно–техническим силам старой школы, проявить к ним побольше внимания и заботы, смелее привлекать их к работе» (Сталин)

«Ликвидировать текучесть рабочей силы, уничтожить уравниловку, правильно организовать зарплату, улучшить бытовые условия рабочих» (Сталин).

«Профсоюзы только под руководством коммунистической партии могут идти во главе масс и своевременно совершать повороты на всех этапах развития пролетарской диктатуры» (Шверник).

«Со знаменем Ленина победили мы в боях за Октябрьскую революцию. Со знаменем Ленина добились мы решающих успехов в борьбе за победу социалистического строительства. С этим же знаменем победим в пролетарской революции во всем мире» (Сталин).

«В СССР социалистическое соревнование превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства».

(Из политотчета XVI съезда ВКП (б).»

В общем, целый цитатник. И почти все нам с тобой знакомо. Потому что не только твой отец, но и мы, ты и я, воспитывались на этих лозунгах.

Перейдя на другую работу, отец перешел и в другой профсоюз, получив этот новый «Членский билет № 88300».

Здесь у него выше взносы, в ноябре и декабре 1932 года приклеены марки по 4 р. 20 к. - при окладе от 171 до 220 р.

А в 1933 году отец перешел на работу на Кузнецкий металлургический завод:

«7/ XI Принят на учет на МК заводе».

Вот профсоюзный билет.

Удостоверение

Профессиональный союз рабочих металлургической промышленности СССР

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ А № 235856

**Зачеркнуто все наискось и штамп «ПАСПОРТ ВЫДАН 33 г.»
(в 20 лет)**

Сливкин Африкан Васильевич 1913 паспортизатор

Производственный стаж с 1930 г. (с 17 лет)

Год вступления в союз 18/IX–31 г.

Год вступления в данный союз 7/XII– 32 г.

Подпись члена союза

Название профорганизации Завком Новокузнецкого з-да им. Сталина

Дата 13 января 1933 г.

Подпись печать

(Оплачено марок:

Январь – август 1933 – по 4 р.20 к.

Сентябрь–ноябрь – по 2 р.70 к.

Декабрь 1933 – май 1934 года – по 3 руб.

Июнь – август 1934 года – по 1 р.30 к.

Сентябрь 1934 по март 1935 уплачено, но марки отклеены, штамп

«Уплачено» только за март 1935 г.)

Отметки о снятии и принятии на учет

29/VIII – 34 Завком КМЗ им. Сталина ввиду ухода на учебу (подпись)

20/X – 34 Профком ВСРМ (подпись)

Вот еще профсоюзные билеты. Даже по этим билетам можно проследить, где и кем человек работал.

Удостоверение

Инженерно-техническая секция ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ

«Кадры решают все».

(СТАЛИН)

«Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса».

(СТАЛИН)

Профессиональный союз рабочих речного флота

Инженерно-техническая секция

Членский билет № 15009

Фамилия, имя отчество Сливкин А.В.

Образование среднее

Профбилет № 274651

Время вступления в ИТС, и какого профсоюза

3 мая 1934 г.

Наименование бюро ИТС Самус. завод

Дата выдачи 3/V – 1937 г.

Председатель бюро ИТС (Подпись)

(Волдодя, у меня подозрение, что этот билет – Аркадия Васильевича Сливкина, т.е. брата твоего отца.)

Удостоверение

Профессиональный союз рабочих тяжелого машиностроения

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ

№467440

(Фото Сливкина Африкна – как копия Володи Рябова.)

Сливкин Африкан Васильевич

Год рождения

1913

Профессия

конструктор

Производственный стаж

с 1930 г.

Год вступления в союз

1931 г.

Год вступления в данный союз

1935 г.

Наименование профорганизации

завком Красмашзавода

(подпись)

Дата 6/III–1941 г.

Печать

*(Оплачено 194... январь – май включительно соответственно марок:
7 руб. – 7 руб. – 8 руб. 50 коп. – 7 руб. – 7 руб.)*

Принят на учет
Снят с учета

14.10.1937 г
7/VI–1941 г.

Видимо, прежний билет кончился, завели новый.

Володя, мы спрашиваем у матери и запрашиваем у Красмаша документы Сливкина А.В. А вот же они! Многие документии хранились у родственников твоего отца.

Обрати внимание. Твой отец везде был ударником труда. Не ленился, как ты. Потому что ударнику давали и больше денег, и давали льготы. А фрик заботился и о Гуте, и других братьях и сестрах. Ты помнишь, они отдельно жили на его иждивении, как бы «беспризорные», проговорился в письме дядя Саша. Беспризорные!

Карточки ударника

Их четыре, приведу две крайние.

1-я КАРТОЧКА УДАРНИКА

Кузнецкий металлургический завод имени тов. Сталина
III категории серия № 3
№1419
Фамилия Сливкину А.В.
Цех Отд. Главн. мех–ка
За месяц январь 1934
Действительна по 15 /III – 1934 г.
Выполнил обязательства по соцдоговору
11 к 100%

Пред. Цехкома (Подпись)

Выдано 22/II–1934 г.
(Печать)

.....

4-я КАРТОЧКА УДАРНИКА

И.Т.Р.

Кузнецкий металлургический завод имени тов. Сталина
г. Сталинск

1934

№16

Фамилия Сливкин А.В.

Цех Заводоуправление О.Г.М.

За месяц апрель 1934 г.

Действительна по 15 /VI – 1934 г.

Пом. Начальника (Подпись)

Пред. Цехкома (Подпись)

Выдано 22/V–1934 г.

(Печать Производственного отдела заводского комитета металлургов).

Действительна по – 1934 г.

Эти карточки были нужны, наверное, для получения лишнего куса хлеба. А вот сао удостоверение ударника.

Удостоверение ударника

Выдано тов. Сливкину в том, что он является действительно ударником «Сибкомбайнмашстроя» Ц.Т.Н.Б...

Действительно с 15 июля по 15 августа 1932 года.

Пом. Нач. Стр-ва

По произв. совещ. (Подпись)

1932 г.

И, конечно, опять перлы агитации вдалбливали в голодное сознание наше.

«Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда».

(ЛЕНИН)

ПАМЯТКА УДАРНИКА

1) Ударник должен быть передовым борцом за выполнение пятилетки в четыре года, что обязывает ударника дать высшую производительность труда и наивысшее качество своей работы.

2) Ударник должен быть передовым борцом не только на производстве, но также в общественной работе: прежде всего своим активным участием в производственных совещаниях и в быту.

И т.д.

(И попробуй даже подумать, что ты ничего не должен им – отцам народов.)

ПРЕИМУЩЕСТВА УДАРНИКА

Удостоверение ударника дает:

1) Право на внеочередное получение товаров и продуктов из закрытого распределителя СКСИС.

2) Право получать дополнительные продукты и все виды премий в установленном порядке за лучшее выполнение и перевыполнение производственных заданий.

И т.д.

(И, наврное, боялись показать это товарищам по работе, могли и темную устроить?)

«Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит *(вместо производит)* коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из заторного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства»

(СТАЛИН – XVI Съезд ВКП (б)).

(Таких удостоверений у Сливкина Африкана было три. Второе – на сентябрь–октябрь 1932 (с штемпелем дополнительно: «РЫБ»). Третье – с 1 ноября по 15 декабря 1932 года.)

За ударную работу Сливкин, на иждивении которого были сестры и братья, получал, конечно больше других своих товарищей. Об этом красноречиво говорит его Расчетная книжка.

Расчетная книжка

Для рабочих государственных, кооперативных и общественных предприятий и хозяйств

Конечно, в ней обязательная порция пропаганды и агитации.

«Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя». Ленин

«Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из заторного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело ЧЕСТИ, в дело СЛАВЫ, в дело ДОБЛЕСТИ и ГЕРОЙСТВА». Сталин.

(Отточили последний лозунг.

Внушение шло по методу, как, впрочем, и сейчас, – желаемое выдавалось за действительное, неукоснительное и верное, состоявшееся, достигнутое. А желали только хозяева народа, хозяева душ человеческих.

Обложки закончившейся расчетной книжки нет. Она вложена в новую книжку – продолжение. Всю книжку не привожу, только начало и конец.)

РАСЧЕТНАЯ КНИЖКА №

Ф.И.О.	Сливкин Африкан Васильевич
Наименование предприятия	Машиностроительный завод
Адрес предприятия	г. Красноярск КМЗ
Дата поступления	_____
Цех, отел и т.п.	тех отдел
Должность/ специальность	Конструктор
Общий стаж работы	_____

Условия труда

Изменение условий труда

Расчетный лист № _
(в старой р/к)

II –40 г.

За расчетный период

Аванс	280–
Подоходный налог	33–
К/с 34–25	(коллективное страхование жизни)
КМСТ	110–99
Платежа по госзаймам	70–
Всего удержано	117–25
К выдаче на руки	582–95
За расчетный период	
повременно 21,6 дни/часы	612 р.
КМСТ	56–
Дни болезни по соцстраху	95–32
Итого	707–32
Всего причитается	+56–

Печать (Оплачено)

(И т.д.)

V–41

Аванс	770–
Подох. налог	53–69
К/ст	21–30
Кв/плата	122–73
Техучеба	39–40
Всего удержано	967–72
К выдаче	199–28
Повременно 20 дн.	860–
Сдельно	345–
Комп. 13 д/ч	491–40
Вых. пособ.12	452–16
Итого	1848–56

VI– 41	
Аванс	280–
Подох. налог	69–72
К/с	111–78
Досрочно	1382–06
Остаток за рабочим	100
Платежи по госзайму	25–
Всего удержано	1848–56

(Записи кончились. Ушел на войну.)

А вот безобидный, казалось, документ, но говорил о подготовке к войне. Приведу именно такие отрывки из этого удостоверения.

Удостоверение

**Всесоюзное добровольное общество пролетарского туризма и экскурсии
Организация «Сибкомбайнсельмаш»
Район Новосибирский Горсовет ВДОПТЭ**

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ № 951190

**Сливкин Африкан Васильевич
Время вступления в ОПТЭ 23 января 1932 года
(Печать)
Председатель Центр. Совета ОПТЭ (подпись)
Секретарь (подпись)**

Кто не растеряется в снежных горах – тот не струсит в бою.
Туризм готовит боевые резервы для Красной Армии.
Пролетарский туризм – орудие культурной революции.

Из Памятки Туриста

1. Туризм – путешествие в дни отдыха и отпуска. Мы решительно против бродяжничества. Прогулов и попрошайничества – под флагом туризма...
И т.д.

(Вступительный взнос – марка 1 руб. 1932 год – январь 25 коп., июль – 25 коп.. 1933 год – так же погашено.)

Конечно, отец был и членом добровольного общества Красного Креста. А это древнее общество ничем тебе не помогло в розыске отца?

Удостоверение

Союз общества Красного креста и Красного полумесяца

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ

№ 148784

Фамилия	Сливкин
Африкан Васильевич	
Время вступления в общество	29 июня 1939 г.
Вступительный взнос –	(марка наклеена 50 коп.)
Наименование организации, выдавшей билет	Тех. Отдел Красмаша,

печать (подпись)

29 июня 1939 г.

(Всего один взнос – две марки 50 и 25 коп. 1934 год.)

ВОПРОСЫ – ОТВЕТЫ

Вопрос

Борис

Володя, меня сразу насторожила в прошлом письме фраза Аркадия Васильевича: «Больше, пожалуй, у меня нет ничего интересного для тебя» – может быть, есть, если стоит слово «пожалуй»?

Володя

Боря, из поездки в Новосибирск я узнал, что Дунькович и Аркадий Васильевич вместе работали в Красноярске. Дункович ему рассказал о парикмахере. Дункович умер в 1982 году.

Тетьа Гутя мне сказала, что Аркадий раньше (давно) рассказывал по этому вопросу по-другому, а сейчас все по-новому.

Борис

Думаю, Аркадий Васильевич ничего не скажет больше, а жаль. Разное он мог говорить из-за забывчивости и привычки приврать или стемнить. Уже первое его письмо я читал с чувством, что человек лицемерит, радость наигранная. Осуждать за это не стоит – такой уж человек уродился. Но иметь это в виду нужно. Но от письма к письму он холодеет и злится, это заметно. Значит, есть причины, видимо. И в том, как мы к нему пристаем с вопросами.

Володя

Боря, последнее письмо Аркадия Васильевича более откровенно.

Борис

Чем ты вызывал ответ Аркадия Васильевича, как и о чем у него спросил?

Володя

У Аркадия есть, что сказать, – не хочет, он хорошо знал Рябова, оба работали на речном флоте.

Он так правдиво ответил на мое письмо, может потому, что я написал ему: «Очень огорчен, дорогой Аркадий Васильевич, что у нас прервалась переписка. Мне бы очень хотелось ее продолжить. Но если Вам трудно мне писать, ответьте всего на два вопроса и т.д.» На эти два вопроса он мне так и не ответил, поэтому я ему написал новое письмо, задал еще несколько вопросов по его письму–ответу.

Вопрос

Борис

Володя, почему Аркадий Васильевич пишет, что «Серафим, так же, как и Африкан, пропал без вести», так сообщили семье? Кому? Тому же могли сообщить также и про Африкана.

Володя

Про Серафима больше ничего не знаю, а про Африка могли сообщить только моей матери, а уже от нее узнали Сливкины.

(Совершенно верно!)

Известий о пропавшем отце больше не было. Хотя мать мне, думаю, неслучайно сказала: «Может быть, он в Америке?».

Борис

Если про Африка могли сообщить только твоей матери, значит, она знает больше, чем его родные, но не говорит. Родным она могла не сообщать всего, солгать или просто не говорить ничего, раз так рассталась с ними. Но родные знают много, потому что и сами наводили справки. А после развода (если вообще он был) мать уже имела меньше прав искать Сливкина (да и не хотела), а родные – больше прав имели обращаться во всесоюзный розыск, в военные архивы и пр.

Вопрос

Борис

«Вот немного и приглядывайся к нам, разбирайся... может быть, успеешь что-нибудь понять. Сейчас, конечно, они уже старые, но ведь были и не так старые». - Как эта фраза характеризует тетю Гутю? На что намекает она? Какое у тебя впечатление о взаимоотношениях в этой родне? Вспомни письмо Африка с укором сестре - в каждой семье были и ссоры между

родными, и обиды. Знаешь ли ты о каких-нибудь скандальных историях в родне Сливкиных, кроме твоей истории?

Володя

Я много думал над ее фразой «Вот немного и приглядывайся к нам...», ты тоже на нее обратил внимание. Во-первых, она говорит, смотри, какие мы все разные; а во-вторых, смотри сам, кто из нас плох, а кто хорош. Сейчас они старые, очень изменились, а ведь были молодые, когда тебе было бы легче их понять, - это она хотела сказать. Эта родня более дружная, чем моя родня по матери. Коренные сибиряки, спокойные, уверенные в себе. Часто тетя Гутя говорила, Аркадий от нас всегда был в стороне. «Никаких скандальных историй» не слышал. Во время моего последнего приезда в январе 1984 года тетя Гутя сказала мне: «Держись с Владимиром и Галиной Баландиной – очень они хорошие люди».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ДУХ ОТЦА

Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне.

От Иоанна ,14, 24.

ГЛАВА I

ПИСЬМА ДЯДИ САШИ

Дядя Саша – Володе
Белово, 9.05.86

Здравствуйте, дорогие Володя и Зоя.

Получил от вас письмо, в котором Володя пишет, что получил мое заказное письмо, и дальше – все разговор технический, который понятен

только для меня. Пока этот сезон меня не слишком здорово загружает, и я могу отвечать на ваши письма чаще. В Мичуринске я почти иду в ногу с природой. Что нужно, все сделал по времени, и свободное время появляется. Вот и пишу очередное письмо. Я сделал коляску к велосипеду, и на ней вожу на Мичуринский Марию Александровну. И она там себя чувствует лучше, и здоровье немного улучшилось, и мне немало помогает – это хорошо. А я, как всегда, – без перемен. Для старика это тоже неплохо.

Теперь о жизни Сливкиных.

Переехали мы Обь на пароме с Африканом и переночевали у дяди Саши Толочко (муж родной сестры моего отца). Тетя Стеша недавно умерла. Остались дети: три дочери и два сына. Дочери обе замужем, а сыновья молодые, и дочь Валя. Дядя Саша умный и очень веселый человек, не скупой, хлебосольный. Мы его очень все любили.

С Африканом мы договорились про драку с грабителями никому ничего не говорить, и вскоре о ней совсем забыли.

Домой в Нижний Каён приехали к обеду, и больше в Колывань нам незачем было ездить. Мельницу мы быстро построили, но молола она мало. Половина речки вода проходила под плотину. Речка горная, дно каменистое, галька, песок. Вода сквозь проходила, и ничем закупорить ее невозможно. Какие мы меры не применяли, ничего поделывать не могли. И доходы наши были слишком малые.

Симонов, компаньон наш, приезжал, посмотрел и махнул рукой.

Знаешь что, Василий Фомич, сказал он, - постепенно верни мне мои затраты, и я не буду вмешиваться в это дело

И оставил у нас своего племянника. Не знаю, для чего. Он у нас жил, ничего не делал целый год.

На другое лето вода плотину прорвала так сильно, что снесла всю плотину и часть берега. Сначала в пруду появилась воронка, мы показали отцу.

Это сильно вода просочилась под плотину, решил он.

Мы посмотрели вниз под плотину, и действительно, там сильно бурлила вода.

Нужно привезти нозьму и сбросить в воронку, может быть, затянет, предложил отец.

Мы привезли навоз, и с лодки сбросили навоз в воронку. Воронка исчезла, и бурлить под плотинной перестало. А ночью мельница остановилась. Побежал посмотреть – воды в русле не было, а со стороны плотины – сильный шум воды. Подошел к плотине, а плотины не видать, и даже много обвалилось берега. Ночь, видно было плохо. Утром посмотрели: от плотины и следов не осталось, и много обвалилось берега. Мост и шлюзы были у противоположного берега, он остался целым. Речка превратилась в большой ручей с перекатами, по которым можно перейти пешком в хороших сапогах на другую сторону. А где была плотина, там образовалось озерко глубиной до

двух метров. Я разделся и нырнул ко дну. И увидел: песок и гальку вымыло до самого плотняка. Вот это авария. Что делать?

Отец отослал Симонова племянника за Симоновым. Он приехал. И в это же время приехал друг отца Пильноватых. Он – тоже мельник, и продал свою мельницу. И вот все трое осматривали нашу беду.

Продайте мне вашу турбину, - предложил Пильноватых, - и вам хватит для ремонта своей мельницы.

Василий Фомич, мне – турбину, тебе – мельницу, - сказал Симонов. - Я продам ее Пильникову, и я отступлюсь от компанейства. Будем квиты.

Да, а как я восстановлю мельницу? У меня же ничего нет, кроме кучи детей. 100 рублей оставь мне на покупку лесоматериалов. – Согласен, говорит, если ты мне их вернешь. - Верну, – сказал отец.

И на этом согласились. Симонов получил деньги, отдал договор отцу и уехал. А Пильноватых отдал отцу 100 рублей за турбину и попросил прислать меня к нему для установки турбины на его мельнице.

Он облюбывал место. Речка Каен впадает в реку Бердь. Там она круто впадает в Бердь. И он задумал сделать мельницу без плотины. Просто в сторону отвести канал, и на берегу Берди построить мельницу.

Я установил ему турбину. Там Каен была в два раза больше, и никакой утечки воды не было. И мельница смалывала много.

Но Пильноватых ошибся, когда он проводил канал. Нужно было обойти холм, а он прокопал прямо, и ров оказался глубоким. Земли много вывезли, а зимой ров заносило снегом, под снегом лед таял и оседал до дна. И вода не проходила, останавливалась мельница, и они ничего не могли сделать.

Ну а мы? Начали прудить плотину, долго ее прудили. Она в полтора раза стала длиннее, и двухметровую глубину в воде тоже нужно было заполнять. Народ нам помогал охотно. Все это было на моих плечах. Отец все время был в поездке, нужно было достать материал для водяного и сухого колеса, и главное, нужен деревянный вал, достать его нигде не мог.

Поехал к Кузнецову Федору Семеновичу, он ему дал готовый старый вал и хороший материал для сухого колеса и кулачьев. И еще дал ему займы 100 рублей. Все это он привез в Каен. А у нас уже половина плотины была готова. Он мне сказал, что мы мало отсыпали плотины. Зашел на плотину и потопал ее, попрыгал.

Как плотно вы ее насыпали, - говорит. Увидел чашу и солому, солома – внизу, а чаша – сверху. – Это вы ее всю так насыпали?

Всю, – сказал я. – Ты же сам говорил: если солому класть внизу, а чашу сверху, то такую плотину никогда не размочет. Земля сквозь чашу просыплется и крепко закрепит ее.

Это хорошо, – сказал отец. И сам стал прудить плотину также. Впоследствии эта чаша вся проросла, и плотина целиком обросла тальником, значит, будет вечная, не сопреет. И еще вот какое достоинство: она легла на плотняк (на плотный грунт), и под нее не просачивалась вода. Немножко просачивалось лишь там, где был мост, но то не беда. Зато мельница наша стала молоть гораздо больше.

Колеса стали делать мы со Львом под руководством отца. Ну, и я к сухому колесу сделал дополнение: я его сделал конусным, как заводское, только что оно не чугунное, а деревянное. Я сделал уже второе колесо. Первое – в Воробьевке. Там у меня обнаружили некоторые недостатки. Здесь я их учел. Водяное же колесо оказалось с большими недостатками. Федор Семенович сказал отцу, что в шлицах нужно сделать отверстия, чтобы быстрее выливалась вода, а то она сзади высоко тянется за колесом. Так вот, эти отверстия сделали очень малые, воздух не успевает заполнить пустую шлицу, и вода тянется вверх. Да и шлицы можно сделать немного реже. Все это я думал переделать, но не успел. Все ликвидировали. Мельница стала давать хорошие доходы.

Мы купили дом, рядом с Бондаренковыми. Это брат Бондаренко, у которых мы жили на квартире. Купили корову, поросят. Зажили, как полагается. Стали рассчитываться с долгами.

Первые 100 рублей, отец сказал, отдай Симонову. Я поехал на базар в Новосибирск с мукой. Не хватало до ста рублей, но я продал муку и доложил до сотни. Симонов уже жил в Новосибирске. Я знал его адрес. Прихожу на квартиру, дома была дочь Симонова (забыл, как звать). Мы хорошо друг друга знали. Она мне показалась очень красивой, и я, по-видимому, ей тоже понравился. И у нас был такой веселый разговор. Я ей показал деньги, она так им обрадовалась и хотела взять. Я их не дал ей. Отдам, говорю, отцу твоему в руки, так сказал мой отец.

И в это время приходит ее отец, хмурый, сердитый. Я поздоровался с ним. Он мне что-то буркнул и ушел на улицу. Я бросился за ним, а дочь удержала меня. По-видимому, он умылся. Посмотрел на меня подозрительно. Я вытащил деньги и подаю ему.

Мой отец, говорю, велел мне передать их вам в руки. Здесь сто рублей.

Он взял деньги, посмотрел на них, посмотрел на меня.

Деньги! - говорит. - Ох, как они сейчас нужны мне. Деньги. Я уже не надеялся на них. Здорово. Вот здорово!

Потом радостно улыбнулся.

Ты что же сидишь? - позвал он дочь. - Угощать дорогого гостя нужно.

Я попил чаю, простился с ними и ушел.

А вот со второй сотней получилась целая история. Мы купили дом. За дом нужно заплатить деньги, которых у нас не было. Но Бондаренко очень хороший мужик, и поверил нам в долг. И мы старались первым делом рассчитаться с ним. И тут вдруг приехал Кузнецов, и тоже стал просить деньги, 100 рублей. Денег у нас не было, и мы не могли ему отдать. Кузнецов посмотрел нашу мельницу, пощупал муку.

Вот это действительно мука, говорит, завидую, нам так не смолоть.

Спустимся вниз, - позвал я его, - посмотрим сухое колесо.

Он посмотрел, подошел ближе, ухом послушал.

Как тихо, спокойно работает, сказал. - Кто его сделал? – Я, говорю. – Молодец. Мой Федюшка тоже хорошо делает, но до этого еще не дошел. Побыл день. На другой день сказал: ладно, как-нибудь обойдусь.

И получилось так. Живет далеко, в Прокуткино. Когда деньги появятся – до Кузнецова далеко. В Новосибирске не встречаются. А как денег нет – и как нарочно в Новосибирске встретятся. Так отец и не мог отдать Кузнецову деньги. Кузнецова расстреляли, как кулака.

Через много лет мы стали жить плохо.

Знаешь, Александр, - сказал как-то отец, - я ведь Кузнецовым так и не отдал деньги. Будешь самостоятельным – отдай Кузнецовым, кому-нибудь, мой долг. Освободи меня от этого чувства.

Я обещал ему, и он успокоился. Представь себе, мне представился такой случай: и я, уже после смерти отца, выполнил его просьбу.

А вообще мы стали хорошо и спокойно жить в Нижнем Каёне. Со всеми перезнакомились. Я знал мужиков не только в своей деревне, а и в соседних деревнях.

Рядом с мельницей я построил себе мастерскую, прямо на берегу выкопал, в стены забил крепкие палки, а к ним прибил дранку и заштукатурил переднюю стенку, сделал из горбылей большое окно и обычную дверь, а потолок – из горбылей, и все это заштукатурил. И получилось довольно просторное помещение. Сложил там печь, и на печи устроил горно. И все время там что-нибудь делал. Один мужик мне заказал сделать простую веялку. Старая веялка у него сопрела, а железо – шестерки и грохот – целы.

У меня, говорит, уже три года все лежит, пересохло.

Я согласился. А веялки никогда не делал, и не знаю, как сделать. Тогда я пошел по дворам. И, у кого веялка есть, спрошу хозяина, чем хороша его веялка, чем плохая.

Дует она хорошо, скажет один, а протрясает плохо.

А другой – наоборот: плохо дует, а протрясает хорошо. Или тяжела на ходу. Много разных характеристик. Я только рассматривал. Хорошо дует – я сниму чертеж вентилятора. Хорошо протрясает – чертеж грохота. Тяжела на ходу – найду причину. И т.д.

Дома я начертил чертеж идеальной веялки, и по нему вместе со Львом сделали веялку. Она оказалась тяжелая на ходу. Я стал выяснять – почему это. Оказалось, грохот не в резонансе, его качание реже, чем обороты вентилятора. Я стал укорачивать подвески грохота, он стал качаться чаще. Таким образом, я подогнал грохот в резонанс. Получилось, веялку можно крутить только с определенными оборотами, тише – тяжело, и быстрее – тяжело, а в резонанс – очень легко. И вот такую веялку он увез от меня, дал мне за нее два мешка пшеницы. Я ее делал не за пшеницу, а для своего интереса.

Деревенька, в которой жил мужик, была маленькая, тридцать дворов. После, он мне сказал, все мужики свои веялки побросали, все 30 дворов провеяли моей веялкой.

До чего же она легкая на ходу, говорили. Мальчишка крутит, а два мужика не могут загрузить полностью веялку.

И тот мужик мне еще мешок пшеницы дал. А я подумал, на заводе, где делают веялки, неужели не могут додуматься, как можно сделать хорошую веялку? Я же сделал веялку из их же частей. Только установил крыло вентилятора на самом выгодном градусе и укоротил подвески в резонанс. В то время у меня образование было пять классов. А там человек с высшим образованием. Грустно очень, грустно! Какие черствые люди есть.

Аркадий и Африкан жили в Кольване у Поти и учились в школе. На лето они, конечно, приезжали к нам. Шура (приведенная дочь) жила у своей бабушки и училась. На лето тоже приезжала к нам. Гутя жила у Крылихи, и к нам никогда не приезжала. В ограде у нас было всегда чисто. Посреди ограды стоял крокет (игра). Вот здесь мне пригодилось, что я умею точить по дереву. Я наточил (у соседа был станок по дереву) шары, молотки и кегли. И у нас все лето играли в эти игры. И также были гири, двухпудовая и одна однопудовая, и с ними изредка занимались. А также – турник. Немного в стороне стоял большой стол, мы часто за ним обедали.

Наш край деревни отгорожен от основной деревни рвом с ручьем, через который переброшен небольшой крепкий мостик. И называют этот край Буферным государством. Дворов 20 – 25, точно не знаю. Из ребят не женатых, старше меня был один Иван Коваль – сын кузнеца, украинец. В этом краю чуть не все – украинцы, и приехали они сюда лет десять назад. Народ хороший, дружный. У Суворовых была молотилка. Весь край собирался вместе, и не расходились, пока не измолотят весь хлеб. А когда молотили Бондаренко, то приходили молотить и мы со Львом. Было хорошо, весело. Каждый вечер мы, ребятишки, собирались у нас в ограде, и играли в разные игры. А если хоровод – то на улице.

Против нас и Бондаренко и Суворовых была площадь, треугольная, довольно просторная. Ничто нам там не мешало играть в любую игру. Довольно часто мы ходили в избу-читальню, она же была – и сельсовет. Там же показывали картины, и мы сами участвовали в художественной самодеятельности. Девушки-украинки имели хорошие голоса. А также делали постановки. Я больше участвовал с технической стороны: делал всякие декорации и занавес. А руководил всем этим Костя Медведев, старше меня года на два. У них была двухрядная гармонь, а играть на ней мог только Александр Медведев, брат Кости. Но он ушел в армию служить. Но я успел у него кое-чему научиться, а потом сам приспособился, и стал заправским гармонистом на вечерах.

В нашем краю были две взрослые подружки, не на много старше меня, Нина – чалдонка и Ольга – украинка. А ростом все-таки я их был выше. Они почему-то не участвовали в наших играх. А в избу-читальню ходили часто (изба-читальня была на другом конце деревни). Один раз они пригласили меня с собой пройти до избы-читальни, я согласился, и оказался между ними в середине. Разговаривали, шутили, смеялись. И я почувствовал, что с ними ходить гораздо интересней, и разговоры были серьезные. Нина оказалась довольно умная, интересная девушка. Ольга – простая, все время была на поводу у Нины. С этого времени я ходил только с ними. И даже Маруся

Бондаренко сделала мне замечание: увлекся взрослыми людьми, нас совсем забросил.

Здесь я сделал ошибку, которая испортила мне всю жизнь. Я вернусь еще к этой теме.

Володя, мне так хочется сделать небольшой простой осциллограф, но я никак не могу достать подходящую осциллографическую трубку. Может быть, ты сумеешь достать ее, денег, сколько нужно, я вышлю. Микросхемы, которые я написал тебе, К548 УН1 усилителя записи и такой же для усилителя воспроизведения. Мне нужно сделать маленький магнитофон, который, может быть, можно поместить в кинокамере. Такую ИМС мне нужно 2 или 3 шт. А для осциллографа что нужно, я надеюсь на тебя. У тебя уже есть некоторый опыт. Денег пока высылаю 50 рублей.

Твой дядя Саша. Крепко целую. Привет от Марии Александровны.

Дядя Саша – Володе

Белово

04.06.86

Здравствуй, дорогой Володя!

Получил я бандероль, обрадовался. Вот это здорово, все, что мне нужно. Этого я не ожидал. Вот, большое спасибо. 50 рублей не знаете, куда девать?.. Я вам вышлю еще 80 рублей, и вы купите мне осциллограф Н-319, который вы мне посоветовали. Это очень правильно. Много времени на него уйдет, а деньги у меня есть. И с осциллографом у меня другое дело пойдет быстрее. Вот будет хорошо. Я очень рад. Сейчас я нахожусь больше всего на Мичуринском саду. Сделал велосипед с коляской, и вожу Марию Александровну в сад. Ей это очень нравится. Она там в чем-нибудь все копается, и здоровье ее немного улучшилось. Мы посадили все, но растет все плохо. Погода неважная, дожди и прохладно, 10–17 градусов. Ясной погоды мало, и еще обещают пасмурную погоду. Себя я чувствую хорошо. Снабжение у нас хорошее, кроме мяса. Письма, кроме как от тебя, ни от кого не получаю.

Володя, а ты, которые я присылаю, письма о жизни Сливкиных сохраняешь? Их бы нужно сохранить все. Может быть, они пригодятся мне, или кому-нибудь. Может быть, я вздумаю написать большую книгу со всеми подробностями, и они мне пригодятся, как конспект. А то память мне начинает изменять. Снова мне уже это не написать. Ты говоришь, чтобы я просто взял даты, то есть, в каком году это происходило. Я ведь сам не знаю, но по этим письмам нелегко установить. Я пишу события разные. Например, нам это можно установить из истории СССР, когда был НЭП, также и другие события. В прошлом письме я закончил словами: «Это была моя большая ошибка».

У меня была до ранения и контузии на фронте феноменальная память. А у Африкана она была еще лучше. А остальные братья и сестры ничем не выделялись. Сколько я перечитал книг. Горы! Африкан перечитал меньше, но он читал их быстро, слова не выговаривал. А я так не мог читать, я всегда мысленно слово выговаривал, конечно, много быстрее, чем вслух.

В детстве я прочитал в детской библиотеке все до одной книги. Библиотекарь мне сказала, что нужно переходить мне во взрослую библиотеку.

И я пошел. Первую книгу мне дали «Том Сойер» Марка Твена. Боже мой, на сколько, мне показалось, она интереснее сказок. И я прочитал всего Марка Твена – и стал сразу много взрослее. Потом я начал читать Майн Рида, всего прочитал, – и он подарил мне доброту. Вместе с Майн Ридом я читал Пушкина и Лермонтова, тоже все у них прочитал, от Лермонтова – любовь, от Пушкина – ум. Жюль Верн привязал меня к технике и изобретательству. Джек Лондон – учил жизни, что она очень жестока. От Дюма (отца) – вся жизнь властителей мира построена на интригах. Ги де Мопассан – жизнь о проститутках. «Собор Парижской Богоматери» – я узнал, что в мире есть политика, люди разделяются на классы. Рудокопы, тред-юнионы, классовая борьба. Бальзака, Гегеля – философия. Толстого – мало читал, после войны прочитал «Войну и мир». И еще много русских писателей – Жуковского, Некрасова, Ломоносова, Кольцова и многих других. И все это я хорошо помнил.

Потом увлекся технической литературой, кое-что делал, начал изобретать «Перпе – тум» (перпетуум–мобиле) – «вечный двигатель», все неудачно. Наконец, появилось радио. Я выписал (в Каёне жил) газету «Радио», и сделал самодельный детекторный приемник. Александр Медведев дал мне два наушника, и мы слушали Новосибирск, четырех киловаттку. Потом я сделал много приемников, и раздавал их соседям, они только покупали наушники.

Мне очень нравилось жить в нашем «Буферном государстве». Ребятишек, девчонок было человек 10. Каждый вечер мы собирались на улице, играли: в хороводах и разных веселых играх. И спали все вместе на сеновале у Бондаренковых. Там я им рассказывал романы. Много я знал интересных рассказов. Бывало, чуть не до утра рассказываю. Как я все хорошо это помнил, и рассказывать научился, как тот плотник. Иной роман приходилось рассказывать три – четыре вечера, и ведь никто не спит. И так – все лето. Иногда какая-нибудь недоверчивая мама придет, заберется к нам посмотреть, что мы там делаем, – и тоже заинтересуется моим рассказом и дослушает до конца. И некоторые другие – даже мужички. И все были довольны, и нас никто не тревожил.

Однажды я прочитал в газете, как можно сделать самому динамомашинку. Просто из кровельного отожженного железа. И я решил сделать. Нашли все, и железо, и провода, и меди на коллектор. Ребятишки все мне помогали, но больше всего делали я и Лев. Наконец, мы ее сделали, и стали пристраивать на мельнице к жернову. Хорошо пристроили, хорошо она

крутилась, но тока не давала, а мы ее боялись, что током может убить, потом осмелели. И, как мы ни бились, ток она не дала (коллектор был плох, токарного станка у нас не было).

После я решил достать где-нибудь испорченную динаму и отремонтировать ее. Но этому плану не пришлось осуществиться.

Наша подружка Ольга вышла замуж на станцию Инскую. И остались мы только с Ниной. Оказывается, она ухаживала за Александром Медведевым. И как он только отслужил, вернулся домой – и женился на Нине. И я совсем осиротел.

За мной ухаживали Муштаевы девчонки. Красивые все, особенно Тоня, старшая (она старше меня). Но мне они почему-то не нравились. Муштаевы – родственники Медведевым. Я частенько с ними весело балагурил, и они на меня имели вид. Я просто думал, что мне еще рано жениться.

Однажды отец меня позвал и сказал: запряги лошадь, сейчас мы поедem в коммуну.

У нас организовалась коммуна во главе с Медведевым. Им выделили место километров семь от Каена. Ну, и мы с отцом поехали к ним. Нас хорошо встретили, показали свое хозяйство, новые дома. И пригласили отца к себе в коммуну.

Ну, как, Александр, пойдem в коммуну? – спросил меня отец.

Мне не понравилось это место. Я сказал об этом Медведеву: мы рассчитывали поближе к полю.

А вы разве не думали, что впоследствии будет? – спросил он. - Вся деревня будет в коммуне. Вот вам и ближе к полю. Это ваша большая ошибка. Нет, на этом я только и сыграл, а то бы я не мог организовать коммуну.

С ним я согласился: большое хозяйство. Без электричества будет очень трудно, а электричество у нас рядом. Я уже об этом давно думал, и замерил речку, она дает три кубометра воды в секунду. Это дает: один метр подъема – 3 кв, четыре метра – 12 кв. Мы можем в районе ниже Каена построить четыре маленьких электростанции по 10 кв каждая. Всего даст 40 кв. Это большая сила для коммуны, и молотить, и веять. И освещаться – все можно делать даровой энергией. А построить их нам ничего не стоит.

Вот это здорово, – сказал мне Медведев. – Ты будешь механиком и за это дело возьмешься. Значит, пойдете к нам?

Долгов у меня много, сказал отец. - С годик подождem, с долгами рассчитаемся – и тогда вступим в коммуну.

Долги, долги. Да мы все твои долги оплатим – это не проблема.

Хорошо, подумаем.

И мы вернулись домой.

Костя Медведев (ровесник Льву) окончил курсы маслодела. Костя, как и брат его Александр, – комсомольцы. После женитьбы Александра назначили секретарем комсомола района, и он уехал жить в Берск, там ему дали квартиру. Я у него в Берске был на квартире, и ночевал у них. Возился с

ребенком. У них жила племянница Нина, девушка лет 17, веселая, в самом расцвете молодости, мне очень понравилась.

А Костя с ребятами нашли пустой дом, недалеко от магазина, отремонтировали его и оборудовали молоканку. И вот он стал там мастером и заведующим этого «завода». Дали ему в штат женщину уборщицу. И пошел работать маслобойный завод. Я часто у него там бывал и помогал ему скорее закончить работу. Выпивали по одному литру сливок и уходили в избучитальню. С этих сливок я чуть не сутки был сыт, дома почти ничего не ел, и сильно пополнел.

Я также часто был у коваля (кузнеца) в кузнице, помогал ему и кое-чему научился у него. Он меня полубил, и завидовал мне.

Мой Ванюшка был бы таким, как ты, говорил, нет, он никудышный против тебя.

Я забыл, писал ли о случае с сенокосилкой. Ладно, напишу еще раз.

У Суворова была американская сенокосилка (вся штампованная, по весу легкая). Но он замучился с ней. Все время рвется режущая пила, и очень тяжелая на ходу. Она – одноконная, а он запрягает две лошади, и те – все в мыле. Замучился совсем. Коваль мне говорит: ты – человек грамотный, соображаешь лучше меня, посмотри, в чем дело.

Я внимательно посмотрел, и заметил, что пила зубьями не касается вкладышей. Я удивился, как же она могла резать траву. Теперь мне понятно, почему рвется пила.

Нужно все зубья поднимать, - сказал я кузнецу, - до пины вплотную, а они чугунные, их не согнешь. Придется делать подкладки.

Это чугун ковкий, говорит, он гнется. У меня даже есть ключ для этого

Действительно, я этим ключом подогнал все зубья к пиле. И после Суворов мне говорил: ох, и легкая сенокосилка стала, под гору сама катится.

Таким образом, я стал авторитетом. Ко мне стали люди приходить с разными работами. Кому починить ходики, кому наточить пилу, починить самовар, граммофон, вырезать и вставить стекло в раму, починить самопряку. Всякую мелочь – и все я делал. И все были довольны.

Но я все же думал об электростанциях. Речка была горная, и всюду была сплошная галька, и она была вся в перекатах с омутами. На перекатах везде ее можно было перейти. Запрудить такую речку просто невозможно. Но горький опыт меня научил, как такую речку можно запрудить надежно. Просто сделать небольшую временную плотину. В половодье вода пойдет через эту плотину, и вода сама вымоет всю гальку за плотиной до плотяка. И вот на том месте можно будет запрудить. Постоянную плотину, но вечно под нее будет просачиваться вода. Вот и все. Просто и дешево.

У нас был подъем три метра, а пруд длиной немного больше одного километра. Сколько таких прудов можно сделать на семи километрах? Очень заманчиво. Вот где даровая и надежная электроэнергия, которую можно выполнить не в индивидуальном хозяйстве, а только в коллективе. В этих прудах, кроме всего, можно развести рыбу. Я много прошел по этой речке и

видел хорошие места, где можно запрудить речку. И у меня была большая надежда выполнить это, ничего не мешало это выполнить

Но случилось непредвиденное. Жили все хорошо и надеялись на лучшую жизнь. И вдруг все полетело комом. Выдумали кулаков и объявили их врагами народа, стали арестовывать и расстреливать. Это была, по-моему, самая большая в истории коммунистической партии ошибка.

Потом вдруг все прекратилось, и стали кулаков выселять на север в тайгу в Нарым. Медведев – партиец, ему все было известно. Он хороший человек и друг моему отцу. Предупредил отца, чтобы он все бросил и переезжал в Новосибирск. Отец так и сделал. Сколько было муки. Он все перевез к Толочко, дяде Саше. И нашел квартиру на окраине Новосибирска, пустой плохой дом. Хозяин дома разрешил ему пожить в нем бесплатно. Он боялся, что там без жильцов могут все растащить. И мы стали туда переезжать. Благополучно переехали.

В Каёне остались только я и Лев. Мы дежурили на мельнице, получали за помол, пока нас никто не трогал. А отца голоса лишили, и он в Каен не показывался.

Интересно, как нас лишали. Председателем в это время выбрали Костю Медведева. И на собрании комитета бедноты голосовали, кого нужно лишить. И вот дошла очередь до Сливкина.

Кто за то, чтобы лишить Сливкина права голоса?

Все знали Сливкина, как хорошего человека. По приезду его в Каён за помол стали платить в два раза меньше на всех мельницах. А потом все знали, что мы плохо живем, все дети плохо одеты. Какой же он кулак? Ни один человек не поднял руки. И даже председатель сельсовета Костя не поднял руку. Уполномоченный взбесился. Встал, посмотрел на Костю.

И ты? - говорит. - Подними руку.

Костя поднял. Три руки: председатель, писарь и уполномоченный.

Это что за саботаж?! – кричит. - Кто вас подкупил? Вот у меня список людей, которых нужно раскулачить, лишить права голоса. Список утвержден. Я это должен выполнить, а вы меня подводите.

Как все загалдели, зашумели. Слышны были выкрики.

Утвержден... – Подводите... – Зачем здесь делать эту комедию?.. – Сами написали – сами утвердили, тогда сами и лишайте. – Пойдемте, ребята! Без нас обойдутся...

И все ушли.

Плохо работаете с людьми, - сказал уполномоченный Косте. - Ну, дела...

И уехал в Берск.

Зимой пришел посыльный, сказал, что я должен вместе с ним пойти в сельсовет. Я пришел, и меня сразу арестовали и посадили в гриминовочную (она заменяла в это время «кутузку»). Там уже был какой-то незнакомый мужчина. Я с ним разговорился. Он раскулачен и сбежал. Его поймали. Я забыл, как называется деревня, вроде Березовка, недалеко от Берска.

Теперь вас сошлют на пять лет в Нарым, - сказал он мне.

И вот меня вызывает уполномоченный. Не тот, который был.

Фамилия? - Сливкин. - Он понял, что сын Василия. – Из хозяйства что имеете? - спросил:

У нас одна лошадь, говорю, одна корова, две свиньи, дом и тринадцать человек семьи. Я старший, И младший – грудной ребенок.

У вас есть мельница? – Да. Но у нас нет земли. – Какой доход дает эта мельница? – Доход мы не считали. Но нам не хватает этого дохода. Мы живем плохо. Это могут подтвердить все, и даже председатель.

Он посмотрел на Костю вопросительно. Костя подтвердил: это правда.

Работников держите на мельнице? – У нас своих людей лишне. – Сколько налога платишь? – Восемнадцать рублей в год.

Он удивился: сколько же стоит ваша мельница? – Кому нужна сейчас мельница? Возьмите у нас ее даром. – Ну, сколько-то она стоит... – И на Костю посмотрел. – На сколько она застрахована?

Костя посмотрел: на триста рублей.

Какого черта вы возитесь, тоже мне, нашли кулака! - закричал уполномоченный. - Иди домой!

И я ушел. Не знай, как обрадовался. Выхожу, а там встречает Маруся Бондаренко, и в руках – узелок. Я спросил: что это? – Продукты, на дорогу тебе, говорит. – Меня отпустили совсем.

Потом я встретился с Костей.

Страшно, что делается сейчас, сказал он.

Покажи тот закон, по которому лишают голоса людей, говорю.

Он мне показал. Я нашел статью. Там сказано, кого имеют право лишать голоса. Если человек имеет мельницу с наемным человеком.

Вот видишь, - показал я Косте, – первая часть напечатана жирным шрифтом, а вторая – обычным. Все читают только жирный шрифт – и этим руководствуются.

Уезжайте отсюда поскорее все, говорит Костя. - В наших документах о вас написано, что вы уехали добровольно. А кто добровольно уехал, тех не преследуют.

Мы так и сделали. Что сделали с мельницей и с домом, мы не интересовались, и я не знаю.

Еще до этого я хотел жениться на Марусе Бондаренко. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что Маруся жила со Львом, и сделала от него аборт, неудачный, и болеет от него. А Лев ее не захотел взять замуж. Ох, как я ругал Льва, что он загубил девушку. Он одно твердит, что она – нехорошая девушка, ему никакого не стоило труда переспать с ней. Будто она может с любым человеком так же легко переспать. Какое же глупое суждение. Они ведь всю жизнь прожили в деревне, и культура в то время на много была ниже, чем в городе. Менее начитанная и менее общительная. У них не было никогда свободного времени, все время в работе. Городской – какой-то быстрый, живой человек. А деревенский – вялый, и даже разговор растянутый, тягучий. Это сильно заметно. И деревенские завидовали

городским, это тоже было заметно. Просто Маруся, во что бы то ни стало, хотела попасть в нашу семью. Я ей сильно нравился, Лев – меньше. Я ее как-то спросил: как тебе нравится Лев?

Лев хороший парень, но скучноват, - ответила она. - А вот с тобой не заскучаешь, хоть всю ночь просиди.

Но я отвлекся от ихней группы и примкнул к Нине с Ольгой. Потом она упрекнула меня, что я их совсем забросил. Она подумала, что я к ним уже не вернусь, и решила связаться со Львом. И потому так легко ему отдалась. Ведь мы с ними жили, как с родными. И я мечтал на ней жениться. Если бы я на ней женился, у меня бы была жизнь совсем другая. Здоровье у Бондаренко у всех очень хорошее. И значит, дети у нас тоже были здоровые, а это – самое большое счастье человека.

А сейчас я своим детям не позавидую, ихнему здоровью. А внука Светлана – инвалид первой группы. Это меня сильно огорчает. Но ничего уже не вернешь.

В Новосибирске мы немного подремонтировали квартиру. В Новосибирске в то время не было водопровода. Поэтому было много водовозов, каждый водовоз имел свой район и свои квартиры, куда он возил воду. И зарабатывали они хорошо. Некоторые водовозы по какой-то причине продавали свою бочку другому, со всем районом и квартирами. И вот отец купил такую бочку, и мы со Львом стали возить воду, и за день зарабатывали 8 рублей. Это хорошо. Мы на мельнице столько не зарабатывали.

В Новосибирске были частные кирпичные заводы, на некоторых были нанятые работники. И вот таких заводчиков тоже раскулачили и сослали в тайгу. А заводы остались за коммунальным отделом. И тут, недалеко от нашей квартиры, пустовал такой завод. Мамаша сказала, что она работала на кирпичном заводе, и все знает, как делать кирпичи. Отец сходил в коммунальный отдел и договорился работать – делать кирпичи. И вот всем нашлась работа. Мы стали делать кирпичи. Африкан был рекордистом. Пока все.

Крепко целую, твой дядя Саша. Привет от Марии Александровны.

ВОЛОДЯ – БОРИС

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Вот мое впечатление на этот раз о письмах дяди Саши.

Ответ на письмо дяди Саши от 09.05.86.

Дядя Саша пишет, что «Аркадий и Африкан жили в Колывани у Потю» – может, попросить и других родственников написать о детстве и юности Африкана, что они помнят?

Ответ на письмо дяди Саши от 04.06.86.

Ты успокой дядю Сашу, что письма его ты сохранишь. Пока я изучаю их. Но когда вопрос встанет серьезно, я их скопирую и оригиналы вышлю тебе. Книгу дядя Саша вряд ли напишет, так как дневниковые записи его хоть и подробные, но однобокие и сугубо личные. Какая обстановка была в стране, какие люди жили окрест, природа, нравы, обычаи, портреты, одежда... А, главное – сюжет и идея.

Вот у нас с тобой сюжет: сын ищет отца, познает свой характер, понимает свою судьбу. Но чтобы написать художественный рассказ хотя бы одного дня Сливкина на войне, нужно перевернуть кучу военной литературы, хотя бы той, которая имеется о его дивизии, воспоминаний очевидцев отступления, пленения и т.д. Если дядя Саша не помнит даты – не надо проставлять. Попробуем воссоздать время по скудным приметам, что творилось вокруг описываемых им событий. Дядя Саша забывает, что некоторые эпизоды уже описывал, в частности эпизод с американской сенокосилкой. Ничего, не упрекай его, второй раз он описывает с новыми подробностями. Володя, дядя Саша, как любой человек будет вспоминать только честные и благородные поступки свои и Африкана, раз ты им интересуешься. Вот про Льва Сливкина он смог сказать, что тот обесчестил девушку – Марусю Бондаренко. А нам бы не мешало знать от дяди Саши и теневые стороны жизни родных людей, чтобы не идеализировать их, а учиться на их ошибках и угрызении совести. Попадая в гнусные ситуации, мы не знаем, как вести себя достойно потому, что никто не делится таким «печальным» опытом.

Пиши. Борис.

Володя – Борису

18.10.86

Здравствуй, дорогой Боря!

Был в командировке в Ленинграде, с 8 по 18 октября, приехал сегодня, лежит твое письмо, есть время, решил сразу ответить. Большое спасибо за книгу и фото – на нем весь ты, по-моему, прическа у тебя ни к черту – у тебя круглое лицо, и твои волосы на уши еще более делают его круглым. Не обижайся на меня, мы должны друг другу говорить все, не боясь, что станем врагами, – это должно быть исключено, не бойся и мне говорить все прямо.

Я учел, когда писал о Болгарии, что я турист, а не житель, поэтому мое мнение осталось прежним – болгары молодцы, нам далеко до них.

На первый мой вопрос твой «неожиданный ответ» – не прямой, фактически это не ответ, а уход от ответа. Я, кажется, тебя спрашивал, что заставило тебя подать заявление в партию, а не результат этого – приняли или не приняли, я хотел знать причину твоего желания. Результат, конечно, неожиданный, но для меня – не особенно. Это просто результат нашей в стране политики, от которой ты бежишь, и для меня в данное время один из

основных вопросов – не понимая, что творится вокруг, трудно жить. Сейчас действует принцип: «Я – начальник, ты – дурак» и наоборот «ты – начальник, я – дурак».

Райком игнорировал решение собрания, проявив первый принцип, а само собрание – его участники – не заступились за тебя, применив второй принцип.

Вопрос о понимании. Не думал, что у тебя так запутанно его понимание. Люди прячутся за маски – это плохие люди. Честный человек всегда старается не идти на компромисс.

(Это несозревшие юнцы или инфантильные взрослые, кто не умеет искать компромисса и остаются до старости максималистами.)

А я свое понимание писал тебе по отношению к честным, потому что два честных, не поняв друг друга, могут стать врагами, всех подлецов я исключаю в этом вопросе. Поэтому понимание в отношении двух честных так важно, не стараясь понять другого, можно стать врагами.

(А уж поняв эгоизм и самомнение другого, трудно сохранить дружбу, нужно крепкое чувство терпимости к слабостям друга.)

Я не стараюсь как раз разделить духовное и физическое – они неразделимы, но первое всегда главенствует над вторым. И от того, каково оно, первое, таково будет и второе. Вот почему развитие духовного так важно.

(Как раз может одно от другого не зависеть. Нельзя от поэта требовать такой душевности. Получается обычно донжуанский список Пушкина. Как говорил сам Пушкин по отношению к личным архивам умершего Байрона – не надо копаться в грязном белье. А Сенека говорил – одно дело хотеть, а другое – мочь.)

У многих духовное, как ты говоришь, в зародыше, значит и физическое у них на уровне звериного, а человеческим и не пахнет.

(А все мои неграмотные бабушки! Они были очень душевными, порядочными, добрыми людьми. Володька – еще молодой, в 1986 году ему 46 лет, много о себе мнящий мужик.)

Сейчас был в Ленинграде, еще раз спросил у матери, куда делись документы. Говорит, что все письма лежали в комод, завернутыми и перевязанными в пачку. Что Рябов никогда не лазил в комод.

(Судя по подготовке ответа на письма Володи, Рябов был скрытный, спокойно мог взять письма и уничтожить, не сказав никому, ради спокойствия в семье.)

Сейчас рылся в книгах у матери, нашел технический справочник Африка, и обнаружил, что в нем вырван первый (обычно чистый) лист. Лист после обложки, на котором обычно пишут фамилию владельца. Показал матери, она удивилась и сказала, что здесь всегда писал Африк свою фамилию. И неужели Валентин Яковлевич вырезал? Мать теперь Рябова в разговоре со мной называет только Валентином Яковлевичем, а для себя зовет его «папочка». Но далее на титульном листе стоит роспись Африка и этот лист не вырезан. Что-то в этом не ясно. Мать еще сказала, что было много справочников, и все их В.Я. унес на работу и не принес.

Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

12.01.87

Здравствуй, Володя! С Новым годом тебя и твое семейство! С новым счастьем!

Только сейчас собрался ответить на твои два письма. В связи с партийными делами меня хотели уволить по собственному желанию, и я боролся с превосходящими силами противника. В результате работаю старшим редактором отдела прозы журнала «Молодость», ищу работу в другом издательстве, потому что и аттестовали меня только на год. Жена за меня волнуется. А еще надо жить, платить алименты и репетитору Андрея. Записался в Архив, много вопросов по Антонову. Но, тем не менее, пишу тебе письмо.

Прическу я сменил на прежнюю, по настоянию жены, такую почти, какая была в юности. Путаница в твоей голове скреплена крепким раствором уверенности. Только знающий человек говорил: я знаю, что ничего не знаю, – это был Сократ. Я не уверен, что друзья должны говорить друг другу правду в глаза, потому что потерял из-за этого многих друзей.

По Болгарии знаю меньше тебя, так как не был там, но слышал много от болгар такого, что твои уверенные доводы разлетаются вдребезги.

Заявление я был вынужден подать в силу многих обстоятельств, хотя – я идейнее множества краснокнижечников. И вопрос о моем приеме решался гораздо выше, чем я предполагал. И не потому, что много значу, а потому, что не должен много значить по вине низкого рождения. Принцип, о котором ты пишешь – восточный, древний, и действует он не только на Востоке, но и на Западе, до сих пор. И повторяю, два честных человека, поняв друг друга, могут стать врагами. Так бывает, например, при разводах несовместимых супругов.

Ты не понял разницы между духовным и душевным, заменив эти понятия на духовное и физическое, имея в виду душу и тело, а не душу и дух. Для души ты делаешь мало, а для духа почти ничего. Поэтому мы в основном прожигаем жизнь, а не живем ее. В довершение «вступления» сообщаем, что, в конце концов, меня приняли в Союз писателей СССР, уже дали билет, хотя, какой я писатель! Теперь надо оправдывать аванс.

Посылаю тебе письмо, которое хотел послать на XIX Всесоюзную партийную конференцию.

Теперь размышления по твоему предыдущему письму. Если документы Африкана были, они где-то остались. Письма Рябов или кто-то другой не мог выбросить без разрешения твоей матери. Может быть, когда-нибудь она откроет тайну. Лист после обложки вырван потому, наверное, что на нем было написано, кому от кого подарена книга, что обычно делают на этом листе. Вот поэтому и сохранилась фамилия Сливкина на титуле. Все эти «пропажи» и вырезания листов сделаны для того, чтобы ты не наткнулся на тайну, которую впоследствии ты все же открыл.

Думаю, с тетей Надей и ее сыном у тебя не налажены отношения потому, что ты имеешь очень трудный характер. И «хороший человек», как ты выражаешься, может быть с таким трудным характером, что не каждый (а тем более, тоже с трудным характером) с ним захочет общаться. Может быть, попробовать пересмотреть свое отношение к ним (это больше нужно для тебя, а не для них) и наладить утраченную связь. Сблизиться можно на почве того, что рассказать, как мы ищем концы о Сливкине, попросить прощения за обиду, которую ты, может быть, вызвал, не заметив, своим поведением, и т.д.

По ответу на твой запрос завод Красмаш, видно, прислал просто отписку равнодушную отписку. Может, люди новенькие. А раньше, видимо, отвечали старые кадровики. И сейчас могут опять отписаться.

Теперь вот какой вопрос. Кто в семье матери находится в оппозиции к твоей матери и В.Я., тот может тебе что-то рассказать о тайне на твой вопрос или вопрос твоих сестер.

Есть ли ответ из Президиума Верховного Совета СССР о награде Сливкина?

Не пыли. Осталось еще несколько важных этапов поиска твоего отца. Я его уже вижу. А ты?

Обнимаю, Борис.

ПИСЬМО БОРИСА НА ПАРТКОНФЕРЕНЦИЮ

XIX ВСЕСОЮЗНОЙ ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

От Карина Бориса Константиновича

(русский, 1941 г. рождения, образование высшее, работает в редакции журнала «Молодость», женат, проживает по адресу: 125040, Москва, А-40. ул. Нижняя, 11)

Суть моего дела заключается в следующем.

Закончился мой кандидатский стаж, за время которого я утвержден в должности члена редколлегии – редактора отдела культуры журнала «Молодость», участвовал во встречах с молодыми писателями на XII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве, в редакционной работе на секции прозы VIII съезда писателей СССР, в подготовке экспозиции журнала на выставке «Молодежь страны Советов» на ВДНХ СССР, награжден медалью ВДНХ СССР, выпустил книгу своих стихов, принят в Союз писателей СССР.

1 сентября 1986 г. на собрании первичной партийной организации журнала «Молодость» я единогласно принят в члены КПСС. Партийная Комиссия Третьяковского райкома партии единодушно поддержала решение партсобрания.

Однако на Бюро Третьяковского райкома КПСС, которое заседало 18 сентября 1986 г., отнеслись ко мне предосудительно и формально, и воздержались утвердить решение партийного собрания, даже не проводив голосования. Главный редактор, Герой Социалистического Труда Петров А.С., от имени парторганизации журнала обратился в райком за разъяснением и с ходатайством ко второму секретарю Пентюхову В.М. После чего, в присутствии партактива, объявил мне о продлении кандидатского стажа. Но в тот же день стало известно, что райком партии отказал мне в приеме в КПСС. Меня освобождают от занимаемой должности, обосновывая тем, что номенклатурный работник должен быть коммунистом.

Все это вынудило меня 11 октября 1986 г. подать апелляцию в Московский городской комитет КПСС.

По существу изложенного дела могу дать следующие пояснения.

В редакции журнала «Молодость» я работаю с июня 1983 года. Сначала был старшим редактором журнала. За успешную работу меня решили повысить в должности. В течение почти года, по просьбе главного редактора (без приказа, я исполнял обязанности руководителя отдела культуры. По настоятельному ходатайству партийной организации журнала (парторгом был Семенкин В.П.) и главного редактора журнала Петрова А.С. в июле 1985 г. меня приняли в кандидаты в члены КПСС (к/к № 08042473), а в ноябре 1985 г. утвердили на должность члена редколлегии – редактора отдела культуры журнала «Молодость».

У меня был серьезный участок работы. В отделе восемь редакторов. Отдел за два года до меня не выполнял план по количеству публикуемых материалов. Приходилось публиковать больше рассказов отделу прозы. За время кандидатского стажа мне удалось активизировать работу отдела, найти

и устранить узкие места, повысить качество редактирования, отдавать предпочтение действительно молодым авторам, наладить контроль за выполнением производственного графика и трудовой дисциплины, улучшить оформление публицистики, вскрыть резервы экономии бумаги и получить большую сверхплановую прибыль (так, в III квартале 1986 г. сверхплановая прибыль превысила 200 процентов). В результате отдел с 1985 г. план перевыполняет на 100,8 процента.

Производственные успехи достигнуты, не смотря на то, что была искусственно создана конфликтная ситуация в отделе: на должность руководителя отдела прочили принятого старшим редактором работника. Впоследствии он уволился по собственному желанию.

Почти год приходилось выполнять обязанности руководителя отдела без юридических прав (что вызывало недовольство, особенно тех сотрудников, которые не принимали новшеств в работе. Заместитель парторга, а потом парторг Ашпатов А.И. оказывал на меня давление, настояв сначала на включении в план отрывков из своей прозаической книги, потом заменил её (при утвержденном плане) на литературно-критическую статью, потом заменил редактора, наконец, приняв в штыки мои редакционные замечания, восстановил в верстке текст, вычеркнутый заместителем главного редактора. Это испортило отношение парторга ко мне. Как я потом понял, он специально «ослабил» внимание к выполнению мной партийного поручения.

Тем не менее, за время прохождения стажера кандидата в члены КПСС я дважды отчитывался о своей работе на открытых партийных собраниях. И оба раза эту работу коммунисты журнала одобряли. Хотя при втором отчете Ашпатов А.И. пытался настроить коллектив против меня, за что получил замечание на партийном собрании.

1 сентября 1986 г., в отсутствие парторга Ашпатова А.И. (он был в отпуске), собрание первичной партийной организации редакции журнала единогласно приняло меня в члены КПСС. Партийная комиссия Третьяковского райкома партии единодушно поддержала это решение.

Перед заседанием Бюро райкома партии меня, как и других, пригласили в сектор учета проверить правильность заполнения учетной карточки, и сообщили, когда приходить за билетом, имея при себе 70 копеек. Однако мне для проверки дали снова серую учетную карточку кандидата в члены КПСС, которую я проверял год назад перед заседанием Бюро райкома партии, принимавшего меня в кандидаты в члены КПСС. Хотя другим кандидатам давали для проверки красные карточки члена КПСС. В тот момент я не придавал этому значения. Только сказал, что не записаны в карточку мои перемещения по службе, и расписался карандашом на обороте обложки.

Не свидетельствует ли это о том, что Бюро Третьяковского райкома партии вынесло заранее отрицательное решение по вопросу моего приема в члены КПСС, до того, как я стал отвечать на вопросы на заседании Бюро, и специально засыпало меня, поэтому и не заводили на меня учетную карточку члена КПСС? Прошу дать мне разъяснение по этому вопросу.

Предосудительное отношение ко мне первого секретаря Третьяковского райкома партии Соснина Е.Ф. я выявил для себя сразу, с первой же его фразы о том, что я недостойн звания коммуниста, так как третий раз женат. Этим был задан тон обсуждению моей кандидатуры. Это же и привело меня в стрессовое состояние, и помешало мне четко отвечать на вопросы. Я и без того плохо себя чувствовал, перенося простуду с температурой на ногах, но не обращаясь к врачу из-за важности момента вступления в партию. Меня называли морально неустойчивым, хотя за мою моральную устойчивость ручались мои рекомендатели: заместитель главного редактора Высоцкий В.В., ответственный секретарь журнала, инвалид Великой Отечественной войны Нурмиев А.А., редактор отдела Семенкин В.В., который десять лет был парторгом журнала. Я пытался объяснить, что развод считаю трагедией, сам воспитывался с рождения без отца, испытал это на собственной судьбе. Но мне не верили.

Первый раз я развелся 22 года назад. После года совместной жизни на Алтае, куда я был направлен как молодой специалист, жена с ребенком уехала к матери в Астрахань. Я получал 90 рублей. Жена не работала. За гороховым хлебом стояли в очереди с четырех часов утра. Это было в 1963–1964 гг. Можно понять, почему она не выдержала материальных трудностей. А я вынужден был продолжать работу на Алтае. Жена меня ждать не стала.

Второй раз развелся девять лет назад, прожив с женою десять лет. К этому времени жена защитила диссертацию кандидата наук, родился и подрос сын. Я перешел с инженерной должности на профессиональную журналистскую работу. Но это не устроило жену, мои занятия поэзией ей не нравились, мое материальное положение не утвердилось. Но я активно несу ответственность за материальное обеспечение и воспитание своих детей. Дочь уже окончила институт, вышла замуж, работает преподавателем математики. С сыном встречаюсь регулярно, он считает мой дом вторым родным домом, у него свои ключи от моей квартиры. Готовится на подготовительных курсах в архитектурный институт. Бывшая жена не препятствует нашему общению, исполнительный лист на алименты она забрала через год после нашего развода. При приеме меня в кандидаты в члены партии Партийная Комиссия Третьяковского райкома КПСС, рассматривая этот вопрос, отнеслась ко мне неформально. При приеме в члены партии комиссия уже этот вопрос не поднимала. За время прохождения кандидатского стажа у меня изменилось только то, что я, после девяти лет со дня развода, женился. Разве это криминал? А может быть, это даже лучше?

Мою общественную работу на Бюро райкома первый секретарь Соснин Е.Ф. свел на нет. Член редсовета по работе с молодыми авторами – это поручение я понимал как поиск молодых способных авторов в командировках, на собраниях в секциях Союза писателей СССР, на региональных и Всесоюзных совещаниях молодых писателей. Представляющий меня на Бюро райкома заместитель парторга Егоров Л.А. пытался настоять на том, что парторганизация считает это партийным поручением, но ему не дали слово, пока не вынесли решение. Поручение

быть агитатором, после неоднократных моих просьб, Ашпатов А.И. дал мне позже, но не объяснял задачу, видимо, ожидая выборную компанию. Я пытался рассказать, что за время прохождения кандидатского стажа я выполнял несколько отдельных важных партийных поручений, но меня до конца не выслушали. А между тем, мной организована экспозиция журнала «Молодость» на выставке «Молодежь страны Советов» на ВДНХ СССР. В результате пять сотрудников журнала получили серебряные и бронзовые медали ВДНХ СССР, трое стали участниками выставки. По просьбе Московской писательской организации я принял участие в работе Международной творческой мастерской литературы на XII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. В своей партийной организации я выступил с инициативой оперативно подготовить и выпустить книгу переведенных сотрудниками и активом редакции журнала стихотворений поэтов фестиваля. Эта книга уже вышла в литературном издательстве. Далее, я составил в нерабочее время важную книгу очерков молодых авторов журналов «Молодость» и «Сельская нива» о проблемах молодежи на селе и выполнении Продовольственной программы. Выпущенная книга получила высокую оценку в газете «Сельская жизнь». Поручения мои имеют конкретное, вещественное исполнение. Кроме того, по поручению главного редактора, данному на партийном собрании, в составе других редакторов, я принял участие в работе по подготовке стенограммы выступлений писателей на секции прозы VIII съезда писателей СССР. Как член редсовета по работе с молодыми авторами активно сотрудничал с жюри Всесоюзного литературного конкурса имени Максима Горького в Союзе писателей СССР.

Мое общественное лицо характеризуют и другие факты из моей биографии. Коллективы, где я учился и работал, избирали меня в комитет комсомола (с комсомольского учета снят в 30 лет), в местком, журналистскую организацию (член Союза журналистов с 1973 г.). В 1974 г. выступил инициатором выпуска серии книг «Герои девятой пятилетки» – серия стала межиздательской. В 1976 г., вместе с журналистом Ющенко С.Р., подготовил и послал на имя Маршала Советского Союза тов. Устинова Д.Ф. предложения по патриотическому и нравственному воспитанию молодежи, получив из Министерства обороны СССР положительный ответ.

В 1978 г. участвовал в оргработе XVIII съезда ВЛКСМ – получил «Благодарность ЦК ВЛКСМ». Возглавлял «поэтический десант» по стройкам Тюменского края – за проведение праздника Молодежной книги, посвященного 60-летию ВЛКСМ, награжден Почетной грамотой Тюменского обкома ВЛКСМ. В 1982 г. на агитпоезде «Молодость» с выступлениями проехал по стройкам Западной Сибири – получил «Благодарственное письмо» штаба агитпоезда.

При обсуждении моей кандидатуры на Бюро райкома партии сложилась нервная обстановка, что мешало мне отвечать на вопросы по Программе и Уставу КПСС. А вопросы были объемные. Например, что нового внесено в Устав КПСС на XXVII съезде партии? Я пытался ответить на них своими словами, по существу. Но меня постоянно перебивали, вместо дружелюбного

ободрения. А когда я убеждал, что сильно волнуюсь, слышались в мой адрес оскорбительные слова: «Два института закончил, а двух слов связать не может».

Должен ли кандидат в члены партии знать весь Устав КПСС наизусть, или только «глубже ознакомиться с Программой и Уставом КПСС?»

Что же касается моих способностей, могу сообщить, что мной написано и издано в московских издательствах восемь очерковых и три поэтических книги. Так, книга «На стройке Магнитки» (1974 г.) написана по поручению Стройиздату Секретаря ЦК КПСС тов. Долгих В.И., о бригаде монтажников Б.Н. Григорьева, с которой он встретился при посещении строительства одного из объектов металлургического завода. Книга одобрена в газете «Правда». Книги о прославленной ткачихе Мясячкиной, о Дедовском производственном объединении технических тканей и другие. За изданную книгой драматическую поэму «Иван Болотников» меня приняли в Союз писателей СССР.

Первый секретарь Кировского райкома партии тов. Соснин Е.Ф. предложил воздержаться от приема меня в члены партии, но голосования не проводил.

Если председательствующий на Бюро райкома Соснин Е.Ф. не ставил вопрос на голосование, ограничившись риторическим вопросом: «Голосовать не будем?», не является ли в этом случае решение Бюро райкома недействительным? Тем более, у одного из членов Бюро райкома после решения было особое мнение о том, что моя партийная организация неправильно отнеслась к данному мне поручению.

Что мне делать дальше – известно в Уставе КПСС, сказал Соснин Е.Ф. Но так как кандидатскую карточку у меня на Бюро райкома не забрали, можно было предположить, что мне продлен кандидатский стаж. И я, и руководство журнала были в недоумении, как все это могло произойти, и что означает формулировка «Воздержаться».

Главный редактор журнала Петров А.С. позвонил второму секретарю Третьяковского райкома партии тов. Пентюхову В.М. и попросил разъяснить позицию райкома, и ходатайствовал за меня от имени партийной организации. После чего пригласил партактив: Ашпатова А.И., Егорова А.А., Яковлева В.П., Высоцкого В.В., и объявил мне в их присутствии, что райком продлевает мне кандидатский стаж, нужно составить план выполнения партийного поручения, посещать занятия школы молодого коммуниста. И через несколько месяцев райком снова вызовет меня на Бюро.

Однако после нескольких часов в тот же день, якобы тов. Пентюхов В.М. сам позвонил Петрову А.С. и сообщил, что обстоятельства изменились – райком отказал мне в приеме в партию, но просил оставить меня на прежней должности и предоставить мне возможность вступать на следующий год снова в кандидаты в члены КПСС. На другой день Ашпатов А.И. стал требовать, чтобы я сдал кандидатскую карточку ему или в сектор учета райкома партии. Об этом же сказал и Петров А.С.

Встает вопрос: кто принимал решение о моем приеме в партию – коллегиальный орган, Бюро райкома, или отдельные люди в кулуарах, и сколько раз и по каким причинам это решение менялось? И чего стоят слова второго секретаря райкома?

Я решил выяснить ситуацию, записавшись на прием к секретарю райкома партии, как советовал Нурмиев А.А., и обратиться в орготдел горкома партии, как советовали Высоцкий В.В., Яковлев В.Н., Петров А.С. Для начала я обратился к помощнику секретаря райкома Левко А.С. Но он записывать меня на прием к секретарю не стал, обещав выяснить обстоятельства моего дела. Но в назначенный день сообщил, что помочь ничем не может, и даже первый секретарь отменить решение Бюро райкома об отказе мне в приеме в партию не имеет права. Остальные объяснения мне даст в секторе партучета Беднякова З.А.

Беднякова З.А. встретила меня недоброжелательно, объяснив, что у меня забыли забрать на Бюро райкома кандидатскую карточку и собирались рассматривать этот вопрос на следующем заседании Бюро. Основной причиной отрицательного решения Бюро райкома, сказала она, является моя моральная неустойчивость. Решение мне не показала, сообщив, что формулируется оно так: «Во изменение решения партийного собрания, на основании пункта 16 Устава КПСС, Третьяковский райком партии отказал в приеме в члены КПСС». Но этот пункт не предусматривает права райкому изменять положительное решение собрания первичной партийной организации. Белякова З. А. сообщила мне, что я имею право в течение двух месяцев обратиться с апелляцией в вышестоящую партийную инстанцию, но вряд ли у меня что получится. Попытка – не пытка.

После этого у меня начался второй этап трагедии.

Курирующий наш журнал инструктор сектора печати тов. Богданов А.Г. предложил «по-дружески» мне подать в два дня заявление с такой формулировкой: «Прошу уволить меня по собственному желанию в связи с переходом на другую работу». Иначе, объяснил он, у меня будут крупные неприятности, я буду снят с занимаемой должности, как не принятый в партию, ибо номенклатурный работник обязательно должен быть коммунистом.

Встает вопрос, на основании какого документа не принятый в партию номенклатурный работник должен быть немедленно снят с занимаемой должности?

В отчаянии я написал такое заявление. Но наутро понял, что остаюсь просто «на улице». И подал заявление о том, что прошу мое заявление от 10 октября 1986 г. о моем увольнении по собственному желанию считать недействительным и вернуть его мне. В секторе печати на меня стали оказывать давление, вынуждая уволиться по собственному желанию, намекая на комиссию по проверке моей профессиональной пригодности. Но замечаний по работе у меня не было, поощрениями исписана вся трудовая книжка. Я просил меня трудоустроить и пригласить на заседание сектора печати, который будет освобождать меня от занимаемой должности.

Так как меня решили уволить и не предоставляли возможности на прежней должности через год снова вступать в кандидаты в члены КПСС, я подал апелляцию на решение Третьяковского райкома партии в Московский горком КПСС 11 октября 1986 г. на имя первого секретаря МГК тов. Ельцина Б.Н.

Моя бывшая супруга Щетинина Л.Г., узнав о случившейся со мной беде, тоже послала письмо на имя Ельцина Б.Н. Ее вызвали в Третьяковский райком партии, где инструктор объяснил ей, что в моральной неустойчивости меня не обвиняют.

Я по-прежнему справлялся с работой, не смотря на неприятности, однако меня спешили освободить от занимаемой должности. Спрашивали, куда и когда я подал апелляцию, что собираюсь делать в случае отрицательного ответа из горкома партии, утверждали, что ответ будет отрицательным. И когда узнали, что я намерен обращаться в вышестоящие партийные органы, решили пойти мне «навстречу» – предложили рядовую должность в журнале «Молодость». Я написал заявление о переводе меня на должность старшего редактора отдела прозы журнала «Молодость». Сектор печати тут же освободил меня от должности члена редколлегии–редактора отдела культуры журнала «Молодость», и назначил на эту должность тов. В. Жеглова, который был моим помощником в отделе культуры. 14 ноября 1987 г. был подписан приказ о моем переводе.

17 ноября 1986 г. инструктор горкома партии тов. Стрельцова З.С. вызвала меня по моему письму в горком партии. Именно она на Бюро Третьяковского райкома КПСС больше всех выступала против меня, задавала вопросы, перебивала мои ответы указанными ранее репликами типа: «Два института кончил, а двух слов связать не может». При беседе со мной она продолжала настаивать, что у меня «полная сумятица в голове». Ответов по существу моих вопросов не дала. Например, она высказала мне замечание, будто я напрасно жалуясь на увольнение с работы, так как 11 ноября 1986 г. подписан приказ о моем переводе на должность старшего редактора, а до этого я был просто редактором. Но апелляцию я подал не 11 ноября, а 11 октября 1986 г. Приказ о моем переводе подписывали 14 ноября, а не 11 ноября 1986 г. И самое существенное: должность члена редколлегии – редактора отдела (руководителя) выше должности старшего редактора. Подобные ответы Стрельцовой З.С.меня не убедили, многие вопросы моего вступления в партию и понижения в должности остались не разъясненными, дать письменный ответ на мою апелляцию инструктор горкома отказалась. Я понял, что ничего не добьюсь.

Но беды мои на этом не кончились. Обо мне распустили невероятные слухи. Например, что однажды я уже утаил вступление в партию. Меня включили в список на аттестацию, хотя я не проработал в новой должности старшего редактора и года, и аттестовали только на год с несправедливой формулировкой. Перейти на работу с таким «хвостом» сложно, не смотря на мой большой опыт. Писателям, которые хотели написать письмо в вышестоящие организации и заступиться за меня, посоветовали не делать

этого. У меня тяжело заболела жена – сейчас она инвалид второй группы, не работает.

Сменили руководство в райкоме, в горкоме. Но парторг в нашем журнале – тот же, А.И. Ашпатов. Я остался с пятном не заслуженного позора. Более того – мое желание приносить больше пользы обществу в рядах КПСС перечеркнуто. Хотя после этого я снова три месяца, по поручению главного редактора, и снова без приказа, выполнял работу уволенного заведующего редакцией прозы до прихода нового сотрудника. Два издательства забраковали мои поэтические рукописи, третье намерено (при заключенном ранее договоре и выплате 25 процентов гонорара) «зарубить» на редсовете полный вариант моей драматической поэмы «Иван Болотников» (и это после двух положительных рецензий, 10-ти лет обещаний, рукопись дважды выброшена из плана редподготовки)...

Внимательно слежу за процессом перестройки в нашей стране. Верю, что и в моем случае справедливость может восторжествовать. Поэтому обращаюсь с просьбой к XIX Всесоюзной партийной конференции решить мою судьбу коммуниста.

Прилагаю ответ на мое письмо в Министерство обороны СССР.

Б.К. Карин

ГЛАВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
Советской Армии и Военно-Морского Флота

№ 172/28164
103160, Москва, К-160

22 октября 1976 г.

111402, Москва, Вишняковская, д. 3 . Ашиткову С.Р.

Уважаемый Сергей Ростиславович и Борис Константинович!

Ваше письмо рассмотрено в Главном политуправлении Советской Армии и Военно-Морского Флота. Предложения и пожелания по дальнейшему улучшению военно-патриотического воспитания подрастающего поколения нами доведены до соответствующих организаций и отделов и по возможности будут ими учтены при разработке и составлении текущих и перспективных планов совершенствования военно-патриотического воспитания молодежи.

Одновременно сообщаем, что некоторые Ваши предложения уже осуществлены. Так, в Воениздате периодически выходят сборники о легендарной военной технике, о различных военных профессиях, существует

и звание «Заслуженный военный летчик СССР». Учрежден ряд премий за лучшие военно-патриотические книги, кинофильмы и т.д. Имеется ряд памятных знаков, которые вручаются активистам военно-шефской работы.

С уважением

Начальник отдела печати

(В. Лаврентьев)

(Жалоба и письмо не посланы.)

ДОКУМЕНТЫ СУДЬБЫ

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Володя, я не послал на партийную конференцию эту жалобу потому, что понял – все бесполезно.

Не знаю, просто ли я выделяюсь из своей среды, или меня держат под контролем вездесущие органы с измальства. Ведь я из семьи осужденного по политической 58 статье деда Белова Алексея Тимофеевича.

Аргументы – пожалуйста.

Еще в шестом классе, когда объединили мужскую и женскую школы, меня обсуждали на собрании класса как нарушителя дисциплины. Да, я обозвал каких-то одноклассниц засранками за то, что они не хзотели с нами мальчишками водиться. Но на собрании мне приписали, что я хвастун, эгоист, и черт знает что. И классный руководитель подло спросила моего друга по парте, правильно меня осуждают или нет. А Славка Поздняков сказал, что я хороший друг, обнял меня при всем собрании и поцеловал. И разбор персонального дела провалился.

Люська, о которой был твой упрек в нашей переписке, возбудила обсуждение моего персонального дела на моей работе. Все коллеги были за меня. Ведь они хотели присудить мне звание ударника коммунистического труда. А я, видите ли, не захотел на ней жениться. А то мало у нее было других ухажеров, тот же твой друг Толик Недомерков.

Меня хотел уволить с работы из издательства «Молодость» наш заведующий Давидюк. Он бросил меня на поле боя, кричал он на собрании. И все ждали, что я уволюсь. И только потому, что я, отредактировав книгу, сдал ее ему и законно взял отпуск для сдачи очередных экзаменов во ВГИКе. А выгнали из издательства его.

Так из журнала «Молодость» хотели убрать – а придаться не к чему, работа делается отлично. И вот нашли такой подлый ход – морально неустойчив, потому что третий раз женился...

Ну ладно, пес с ними. Перейдем к нашему делу.

На твой вопрос о том, учился ли Африкан Васильевич в институте, у нас есть документы (прилагаю).

Володя, у твоего отца энергия бурлила непрерывно и с одной целью, повышение роста и благосостояния (почти по-советски заговорил). Он работал, и учился. Вот документ.

Удостоверение

(на листке бумаги)

(Штамп)

**В.С.Н.Х. С.С.С.Р.
Государственное управление
Директора
по строительству, подготовке
к пуску завода
КОМБАЙНОВ
и других сложных сельско-
хозяйственных машин
в г. Новосибирске
«СИБКОМБАЙНСЕЛЬМАШ»
ноябрь 1931 г.
№ 408 с
Новосибирск, Зап-Сиб. Край
Коммунистическая, 42
Телеграфный адрес
Новосибирск Сибкомбайн**

**Сливкину А.В.
(неразбочиво) курсы
паспортизации... организованные
отделом кадров управления
Сибкомбайнсельмаша в 1931 г.
Тов. Сливкин на курсах
прослушал и провел практические
работы:
1. Математические основы
(алг. и триг.) – 126 ч.
2. Механические основы
(механики и сопр. матер.) – 242 ч.
3. Основы паспортизации – 176 ч.
4. Практические работы в
мастерских по паспортизации
станков– 360 ч.
5. Обществоведение – 40 ч.**

Печать

**Зав. Отделом Кадров
Зав курсами инженер**

(Подпись)

(Подпись)

Для чего он проходил эти курсы? Не только для того, чтобы иметь более оплачиваемую работу в Сибкомбайнсельмаше. Но и чтобы поступить в рабфак. Другого пути у него не было. Ты потом поймешь, почему. И он добился направления на учебу в рабфак. Сливкину А.В. 16.07.1932 г. был выдан отзыв отдела технического нормирования Сибкомбайнсельмаша о том, что он «работает в качестве бригадира группы паспортизации» и «для командирования на 4-й курс вечернего рабфака вполне подходящий».

Отзыв

(Штамп)

В.С.Н.Х. С.С.С.Р.
Государственное управление
Директора
по строительству, подготовке
к пуску завода
КОМБАЙНОВ
и других сложных сельско-
хозяйственных машин
в г. Новосибирске
«СИБКОМБАЙНСЕЛЬМАШ»
16. 7. 1932 г.
№ 505ор
Новосибирск, Зап-Сиб. Край
Коммунистическая, 42
Телеграфный адрес
Новосибирск Сибкомбайн

Дан настоящий отзыв тов.
Сливкину А.В., работающему
в качестве паспортизатора в
группе по исследованию
оборудования п/отдела
Технического нормирования
Сибкомбайнсельмаша.
За время работы в группе
т. Сливкин проявил себя
как один из наиболее
теоретически развитых и
серьезных товарищей. В
настоящее время работает
в качестве бригадира группы
паспортизации. Администрация
отдела считает кандидатуру

т. Сливкина, для командирования на 4-й курс вечернего рабфака, вполне подходящей.

Зав. п/отделом Т.Н.Б.
Руководитель группы паспортизации

(Подпись)
(Подпись)

Через два года, видимо. После окончания рабфака, Африкан решил поступить в институт. Он уже работал в другом месте, на Кузнецком металлургическом заводе. И следующие документы рассказывают, как он поступал в Санкт-Петербургский механико-машиностроительный институт.

Я нашел служебную записку от 3 июля 1934 года отдела главного механика Кузнецкого металлургического комбината для предъявления в Санкт-Петербургский механо-машиностроительный институт, выданную характеристику А.В. Сливкину, справку из отдела кадров этого комбината от 29.08.34 г. о том, что он «уволен ввиду ухода на учебу» (проработал на Кузнецком металлургическом комбинате с 28.11.32 по 28.08.34 г.), врачебную справку для приема в институт (выдана 5 сентября 1934 года).

Справка

(Штамп)

СССР
НАРКОМТЯЖПРОМ
УПРАВЛЕНИЕ
Кузнецкого Металлургического
Комбината имени И.В. Сталина
2 июля 1934 г.
№ 342-2

Выдана тов. Сливкину А.В.

гор. Сталинск, Запсибкрая

в том, что он действительно работает в Отделе Главного Механика Кузнецкого Metallургического комбината в качестве техн. паспортизации стан. оборудования с окладом триста двадцать пять руб. в месяц с 28/XI–32 г.

Выдана для предъявления в Спб. Механико–машиностроительный институт.

Нач. отд. кадров КМК (Подпись)
Ответ. исполнитель (Подпись)
(Печать)

Действительна по 25 августа 1934 г.

Африкан прошел отборочную медицинскую комиссию.

Справка

(Штамп)

СССР
НАРКОМТЯЖПРОМ
УПРАВЛЕНИЕ
Кузнецкого Metallургического
Комбината имени И.В. Сталина
29 VIII – 1934 г.
№ 342–2
гор. Сталинск, Запсибкрая

Выдана тов. Сливкину А.В.

в том, что он действительно работал в Кузнецком Metallургическом комбинате в Отд. главн. механ. в качестве техника–паспортизатора с окладом триста двадцать пять руб. в месяц

с 28 ноября 1932 г. по 28 августа 1934 г.

Уволен в виду ухода на учебу.

Нач. отд. кадров КМК (Подпись)
Исполнитель (Подпись)
(Печать)

Справка

ЕДИНЫЙ ДИСПАНСЕР ТОМСКОГО ГОРЗДРАВА
Тимирязевский пр. № 20, тел. 5–35

ВРАЧЕБНАЯ СПРАВКА

Дана гр. Сливкину Африкану Васильевичу в том, что при медицинском освидетельствовании найдено: здоров, вследствие чего по состоянию своего здоровья он может быть принят в число студентов Т.И.И. по Ф.К. группа первая.

5 октября 1934 г.

(Печать)

Медотборочная комиссия (Подпись)

Врачи: (Подпись)

21-VIII – 34 г.

И когда Африкан поступил в институт, то уволился с завода. Значит, поступил на дневное отделение?

Из следующих документов видно, что твой отец был какое-то время студентом другого, Томского индустриального института (ТИИ).

Членская книжка

Автономная секция

ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ

при **ТОМСКОМ ЦРК**

ЧЛЕНСКАЯ КНИЖКА

№ 1836

Пред. Правления (подпись)

*(Две печати – Томского Студенческого Кооператива ТИИ
и штамп «Перерегистрирован ...ТИИ 1935 г.»*

Фамилия Сливкин

Имя Африкан

Отчество Васильевич

Соц. положение студент

Время вступления 7/XII– 1934 г.

ПОЛНЫЙ ДИФПАЙ

Зарплата в месяц 81 р.

(Это после-то 325 рублей в отделе главного технолога!)

Должен иметь пай 49 р. 35 к.

Внесено Сто двенадцать руб.

Дата 7/XII- 1934 г.

Подпись

(Печать)

(На обороте карандашные отметки «Ял», «При зод».)

Но учиться не дали обстоятельства? Какие? Потому что Африкан закончил только 5-месячные курсы при этом заводе. Я нашел курсовой билет и зачетную книжку слушателя курсов «Технических конструкторов Сталинского учебного комбината «Кузнецкстроя», г. Сталинск, 1934 г., курсовой билет № 255, зачетную книжка № 161.

Курсовой билет

Н.К.Т.П.

С.С.С.Р.

**Сталинский Учебно–курсовой комбинат
«КУЗНЕЦКСТРОЯ»**

КУРСОВОЙ БИЛЕТ

№ 255

г. Сталинск

Действителен

по 15/III–1934 г.

Директор курсов

(подпись)

Действителен

по 15/VIII–1934

Директор курсов

Предъявитель сего тов. СЛИВКИН Африкан Васильевич состоит слушателем курсов Техников-конструкторов б/о Сталинского Учебного Комбината.

Директор курсов

(подпись)

Секретарь

Печать

Зачетная книжка

НКТП

Инженерно-технические курсы

Кузнецкого металлургического комбината

ЗАЧЕТНАЯ КНИЖКА

№ 161
Сливкин А.В.
Гр. Т2 - Конструкторов
(Печать)

1. Математика			
2. Химия	оч. хор.	20/III	(Подпись)
3. Политэк.	хор	19/VI	(Подпись) (карандаш)
4. Черчение			
5. Русский	хор.		
6. Физика	отлично	10/VI	(Подпись)
7. 17-й партсъезд	хор. хор.	19/VI	(Подпись) (карандаш)

Зав. учебной частью Ф.З.Т.К. – (Подпись) (Н. Горбачевский)

В 1936 году Африкан снова пытается поступить в институт. Он уже работает в другом месте.

(Штамп) Отдела Землеустройства НКЗ.ККАССР № 693 1/VIII–1936 г.	Дана тов. СЛИВКИНУ А.В. в том, что он с 15–го ноября 1935 г. по 1–е августа 1936 г. работал в Отделе Землеустройства НКЗ.ККАССР в качестве техника–чертежника с месячным окладом 240 руб. и уволен ввиду отъезда на учебу.
---	---

Нач. Отдела Землеустройства (подпись)	Гельба
Секретарь (подпись)	Михайлова
Печать	

Отзыв

Дан настоящий отзыв тов. СЛИВКИНУ А.В., работавшему с 15 ноября 1935 года по 1–е августа 1936 года в Отделе Землеустройства НКЗ.ККАССР в качестве техника – чертежника. За время работы в Отделе Землеустройства (камеральная обработка фотопланшетов – дублировка и вычисление площадей) проявил себя хорошим работником–стахановцем со средним показателем выполнения норм 390 % и с хорошим качеством работы.

А так же тов. СЛИВКИН принимал участие в общественной жизни Отдела.

Нач. Отдела Землеустройства (подпись)	Гельба
Профорг: инженер Картограф (подпись)	Карякин
Печать	

Володя, обрати внимание, что профессия, указанная в этом отзыве, помогла ему потом на фронте работать с планшетом.

Куда поступал Африкан на учебу? Но уволился с работы.

Выписка

Из приказа № 137 по Отделу Землеустройства от 27/VII–36 года

г. Турткуль

8 – 8

Тех. чертежника СЛИВКИНА А.В. уволить с 1–го августа, как уходящего на учебу.

Бухгалтерии произвести полный расчет.

П/п Нач. Отдела Землеустройства

Секретарь

(подпись)

Михайлова

Печать

Вот такие эти пожелтевшие бумаги – вехи жизни замечательного человека.

Видимо, Африкан поступил в Томский индустриальный институт, но по каким-то причинам (нужда?) ушел из него. Потом пытался восстановиться, но неудачно. О чем свидетельствуют две справки. Ответ из ТИИ в Главное управление учебными заведениями НКТП (копия Сливкину А.В.). «На ваш запрос за № 268-77 от 15/IX-с.г. сообщаю, что мною в приеме в институт гр-ну Сливкину было отказано в виду того, что прием в Институт был закончен и согласно существующих правил приема, после окончания срока приема, запрещен. И.о. директора ТИИ (Нестеров). В штампе дата 26.09.1936 г. № УД-О-12, адрес: Томск, Тимирязевский пр., 9 (Справку высылаю).

Письмо из Народного комиссариата тяжелой промышленности (вот как он бился за себя!) в Томск, Самуський Затон, Сливкину, копия Директору Томского Индустриального института № 268-77 8/X - 36 г.

«Сообщаем, что ГУУЗ не считает возможным оказать содействие в восстановлении в институт, в связи с тем, что прием в учебное заведение уже закончен и занятия начались с 1-го сентября 1936 г. Зам. Нач. ГУУЗ НКТП В. Швейцер». (Письмо высылаю). Володя, обрати внимание, что институт писал о приеме, а комиссариат пишет о восстановлении, но причина отказа – прекращен прием. Обе фамилии ответчиков говорят сами за себя, и оба чиновника – заместители. Итак, он поступил, может быть, в 1934 году в Томский индустриальный институт, проучился год и ушел, а потом в 1936 г. хотел восстановиться, но опоздал. Но допускаю, что опоздал сразу, и два года хлопотал, но безуспешно.

Обнимаю, Борис.

ВОЛОДЯ – БОРИС

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй дорогой Володя!

Спасибо за разъяснение о компьютере. Но им смогут воспользоваться, наверное, только внуки наших детей. Видимо, текст объяснения ты позаимствовал из популярной книги.

(Как я был не прав, даже сам пишу на компьютере, и давно!)

Я думаю, что имена можно в книге оставить настоящие, заменив только фамилии, и пр.

Жаль, что нет у дяди Саши дневника, и что никто тебе не напишет об отце. Это можно объяснить тем, что многие не любят писать письма, а здесь нужно еще и вспоминать. Я многое не помню из своей жизни. У дяди Саши просто дар, и память, и литературные способности, хотя и неопытность в повествовании.

На вопрос о том, что свернули ваши работы по «удачной перспективной модели», можно говорить долго. Может быть, только вам она кажется такой перспективной? Может, другой завод сделал еще лучше, а ваша – не нужна. Все это можно назвать и головоугодничеством, и некомпетентностью, и даже вредительством. Главное, не обобщать. Сидит лягушка в болоте и говорит, кругом сыро, на всем белом свете. А ведь не так!

Что касается политики, то я не спорю с тобой о ней, потому что знаю очень мало, хотя в десятки раз имею большую информацию, чем ты. О некоторых вещах, творящихся у нас на глазах, может быть, смогут правильно рассуждать только наши далекие потомки, лет через 100–200. А повторять досужие сплетни или газетные «сенсации» просто глупо.

Ответ на твое письмо от 31.10.86. Все напутал ты и они. Какие сведения и документы можно искать на заводе, если почти все они прошли через меня (ты мне их переслал). Например, я писал тебе о трудовой книжке Сливкина. Повторюсь. После 6 лет трудового стажа Сливкин З.Х.37 г. зачислен н-ком Техотдела на должность конструктора 4 р. 15.3.37 переведен в 3-й разряд конструктора (повышен в должности). VI.38 опять повышен – переведен во 2-й разряд. 4.V.39 – переведен в 1-й разряд конструктора и 24.VI.41 г. уволен по уходу в РККА. Много и других документов. Тебе выслали в 1978 году оставшиеся документы по зарплате и приказ. Больше их

и не будет. Мелкие, текущие документы вообще уничтожаются через несколько лет. Так что не потерялся человек. На Красноярском заводе смотрели только 1940–1946 годы. Только Вивдич мог что-то вспомнить, но, увы, не вспомнил. И лишь к ветеранам, работавшим когда-то с твоим отцом, и могли бы мы обратиться за помощью – вспомнить подробности. Может быть, он кому-то и писал, как другу, и подробно.

Всего тебе наилучшего.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

16.02.87

Здравствуй, Боря!

Пишу ответ на твое письмо от 12.01.87.

Со многим не согласен из твоего вступления, или из-за моего непонимания многого, или из-за твоего нежелания понять мою писанину. А скорее всего, мы с тобой совсем по-разному смотрим на многие стороны жизни. Так как каждый из нас живет в своем мире, созданном нами самими, нашими внутренними ощущениями. Я практически полностью изолирован от того окружения, в котором есть ты, а ты, наоборот, совсем не знаешь моего. Вот из-за этого наше и непонимание друг друга, но это не значит, что мы должны стать врагами, так как этого не хочу я. А ты не должен возмущаться в моей уверенности, если знаешь, что ничего не знаешь. Лучше попробуй развеять мою путаницу в голове. Я в каждом письме стараюсь написать так, чтобы ты меня понял, с твоей же стороны сплошные абсурды. Как можно назвать другом того, кому нельзя сказать правду, разве это друг, а ведь, кроме того, как друг, он еще и должен понять твою правду. И два честных человека, поняв друг друга (так как я хочу тебе объяснить), никогда не станут врагами. Несовместимые супруги до свадьбы были совместимы, но не смогли понять друг друга, поэтому стали несовместимыми, стали, а не были раньше. И еще абсурд: «По вине низкого рождения» – это, по-моему, принцип фашистской партии. Чем же отличается душа и дух? И что ты называешь древним восточным принципом? Когда работаешь в пользу государства от 5.30 до 16.30, много ли времени останется для души и духа. Для души я трачу все свободное время на радио, а для духа пишу тебе письма. Жизнь постоянно учит тому, что за правду в нашем обществе нужно драться.

О твоем письме на партконференцию писать не буду. Скажу лишь одно – правильно, что не послал его.

Теперь – ответы на другие вопросы.

Документов у матери не было, были только письма. Если в этом есть тайна, мать никогда мне не скажет ее. С тетей Надей и ее сыном сближение исключено, мои попытки пресекались.

Ответа из Президиума Верховного Совета СССР еще нет.

Все твои рассуждения обычно довольно логичны, я это приветствую. Но о компьютере ты зря так: «внуки наших детей». Создается впечатление, что ты в стороне от жизни страны. Да, я тебе написал о нем из популярной книги, чтобы тебе было более понятней. А сам скажу так, моя сейчас цель – самому себе сделать компьютер, и научиться на нем работать, и это вполне возможно, были бы только деньги. А уже в этом или в будущем году они будут в продаже 500–600 руб., и ты сможешь купить себе готовый. И если имеешь телевизор и кассетный магнитофон, он (компьютер) сам научит тебя им пользоваться.

Что касается нашего завода, он сам свернул экспериментальные работы, так как нерентабельно выпускать это изделие. А нерентабельно потому, что премии уже получили (начальство) и организовать по-настоящему выпуск изделия у них (у начальства) нет желания. А читаешь ли ты газеты? Сейчас совсем не так, как раньше было. Сам Горбачев сказал, что 15–17 лет последних наших прошли даром. Сейчас идет драка отчаянная старого с новым, и чем эта драка закончится внутри страны, так мы и будем жить. И если бы ты стал коммунистом, а не краснокнижечником, то, как коммунист, обязал бы себя постоянно драться за правду, за справедливость.

Да, ты имеешь в десятки раз большую информацию. Но какую? Она может быть достоверной, а может быть и ложной. То, что происходит сейчас в стране, я, как рабочий, приветствую, давно пора было начать борьбу за правду. А то уже не верил.

(Посмотрим, как ты потом запоешь!)

Уже ношу очки +4 для чтения и +1,5 вдаль, стареем. Зубы все прокурил, а может, и здоровье скоро прокурю.

Сделал себе проигрыватель с выходом на стереонаушники – очень удобно, – никому не мешать и слушать музыку. А сейчас только ЭП может дать самое высокое качество звука. Мой тебе совет, если любишь музыку, которую можно слушать, работая или просто отдыхая, купи проигрыватель Вега-110 (155 руб.) и стерео наушники любые (20–40 руб.). И имея пластинки (классика стоит 1 р. 45 к.), нужно слушать музыку для духа, для души. Столько прекрасных мелодий, которые мы не слышали. Каждое повторное прослушивание воспринимается по-другому, все глубже и глубже. Всего доброго.

Обнимаю, Вова.

ГЛАВА II

ВОЛОДЯ – БОРИС

Володя – Борису

01.03.87

Дорогой Боря. Все твои рассуждения довольно логичны, я это приветствую.

Я написал еще раз в Верховный Совет. Жду от тебя письма! Вова.

(На обороте – письмо из Верховного Совета СССР.)

Президиум Верховного Совета СССР

Отдел наград

Москва, Кремль.

16 февраля 1987 г. № 221-он

Тов. Рябову В.В.

г. Одесса,

пр. Добровольского,

д. 148

На Ваше письмо сообщаем, что в Отделе сведений о награждении тов. Сливкина Африкана Васильевича, 1914 г. рождения, не имеется.

Зам. заведующего Отделом (подпись) С.А. Зима.

Володя – Борису

09.03.87

Здравствуй, дорогой Боря!

Высылаю тебе ответ из г. Белый.

Получил письмо от тети Гути, нужной информации она не пишет, пишет о своих сегодняшних бедах.

Дядя Саша молчит.

Извини, если что не так написал в последнем письме. Для меня очень важно, если ты прямо будешь писать о моих недостатках, я тебе буду только очень благодарен. Пиши обо всем, что тебе не нравится в Володьке Рябове, и не обижайся на меня, если я напишу, что не так, – промолчи, или, еще лучше, развеяй мои неверные суждения по любому поводу. Если будем спорить – это будет совсем хорошо. Так надо!

Ума не приложу, в какие еще органы обратиться об Африке.

Пиши. Вова.

Бельский
Районный военный
Комиссариат
Калининской области
20.02.1987 г.
№ 63

270111 г. Одесса
ул. Добровольского
д. 148.
Рябову В.В.

Город Белый 172530 На Ваше письмо сообщаю, что Сливкин Африкан Васильевич в списках погибших и захороненных на территории Бельского района не значится. Другими архивными материалами о Вашем отце военкомат не располагает.

Бельский райвоенком
Майор (подпись)

(Рябцов)

Володя – Борису
24.03.87

Здравствуй, дорогой Боря!

Хочу написать на ул. Жданова, но мне нужен адрес, а где его взять? Может, ты поможешь?

То, что мог, нарисовал на дереве и высылаю, оказывается, знаю совсем мало.

Чем отличается духовное и душевное, вопрос философский, а если без философии? Кстати, что такое вообще философия, и почему она есть, и для кого – вопрос нужный, не зная его, не стоит читать философию.

(Кажется, давно мы это обсуждали, и забыли, что спорили об этом.)

Какие бы мы гении не были, всегда можно сказать, что мы невежды, так излагать эту мысль нельзя. Я согласен, мы очень и очень мало знаем, но если бы мы не знали ничего, не возникали бы такие вопросы и суждения по этим вопросам.

У меня очень мало времени для чтения книг, газет, и я уже давно подхожу к этому дифференцированно, выборочно, просмотрев все, что попадает мне, как рабочему человеку, и что заинтересует. «Принцип, о котором ты пишешь, – восточный, древний, и действует он не только на Востоке, но и на Западе, до сих пор». Так написал ты. О восточном принципе ты написать не можешь. Тогда я не могу понять смысл приведенных тобой слов. Вот поэтому я и спросил о восточном принципе, чтобы понять смысл этих слов, построенных в предложение.

Сны это только подсознание, но не сознание. Дух и душа – они одно целое, и рассматривать их отдельно невозможно, поэтому для простоты можно говорить «духовное, душевное». Если в каждом понятии лезть слишком глубоко, тогда вообще можно ничего не понять. Ведь истина – в простоте. Значит сначала нужно разобраться и понять простое, чтобы потом смочь понять некоторые книги. А если не можешь даже и строчки понять в таких книгах?

Политику, то есть, как я понял, жизнь нашего общества, поступки и дела окружающих тебя людей, я больше затрагивать не буду. Но ведь это то, без чего нельзя жить, тем более литературному работнику. Жизнь нашего общества, это, прежде всего, мы сами, а ты называешь это политикой.

Не только «Арктур» – тебя неправильно информировали. Любой советский проигрыватель, раз подходит «Арктур», может подойти, у нас стандарт один. Но «Арктур» нельзя слушать на стереонаушники, а на «Вега-110» можно. Поэтому все равно предпочтительнее «Вега-110» – в качестве звучания разницы не будет.

Всего тебе доброго. Большой привет жене!

Обнимаю, Вова.

PS. Смотрел ли «Покаяние»?

Володя – Борису

31.03.87

Боря, здравствуй!

Получил еще один ответ из Верховного Совета, более обнадеживающий.

Дядя Саша прислал открытку, его жена сломала руку, три месяца болеет. И пишет он, что у него нет времени. Может, стоит ему отослать первые письма 2–3 шт., что, может, ускорит его дальнейшее повествование о своей жизни. Но эти письма у тебя.

Жду адрес для дальнейших поисков.

Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

В ЦДЛ я не раз видел этого писателя Ивана Колоса. Знал, что он пишет книги для детей. И вот к нам в редакцию принесли рецензию на его военную книгу. Твой отец мог имеет такую же фронтовую биографию. Поэтому привожу некоторые данные из этой рецензии. Вот приведенный в книге документ.

Письмо из главного разведуправления Генштаба.

«Заместителю главного редактора журнала «Новый мир» Тарасенкову А.К.

Возвращаю Вам рукопись тов. Колоса, о котором считаю необходимым сообщить следующее.

Мне кажется, нецелесообразно показывать, что «К» выбрасывался в Варшаву советским командованием и являлся офицером связи Командующего фронтом к Бур-Комаровскому. Если надо писать о событиях в Варшаве в 1944 году, то пусть «К» окажется там как партизан какого-либо отряда или избрет другой способ без участия советского командования. Кроме того, из рукописи необходимо удалить все то, что, хотя бы косвенно, указывает на связь советского командования – передачи сведений по радиостанции шифром и т.д.

Приложение: упомянутое, на 90 листах от н.в. 266 н/о – только адресату.

1 октября 1952 года. (Чекмазов) 2 /187».

И подвиг Колоса не просто замолчали, но осудили. А между тем, на Полесье еще и теперь ходят легенды о молодом партизанском командире Иване Колосе, который родился здесь, на берегу Убороти, в деревне Картыничи.

Ему было девятнадцать лет, когда он, армейский разведчик, создал в Лельчицком районе первый партизанский отряд имени Кутузова. Командиром отряда избрали Ивана Колоса, а комиссаром – Романа Лина. Партизанский этот отряд провел несколько удачных операций. К весне 1943 года Лельчицкий район был полностью очищен от фашистов и предателей. К середине марта действовали уже три партизанских отряда, потом сформировалась целая бригада. И ее командиром был назначен Иван Андреевич Колос.

А потом Колоса гнали с родной земли соотечественники-начальники. Славу его присвоили другие люди. А подвиг, совершенный в катакомбах Варшавы, засекретили на целые столетия. Легендарный герой Иван Колос стал изгоем. Его боялись одни, не хотели видеть другие. Лишь сам он верил, что правда и справедливость должны восторжествовать.

В партизанской и фронтовой истории, Володя, оказывается столько еще спрятано и недоговорено, столь ко искажено и перевернуто, что свидетельству мужественного человека, да еще писателя, с чистой совестью нет цены. Лучше Ивана Колоса о войне никто не расскажет. У него всегда был характер писателя – правдолюбец, правдоискатель, в оппозиции к власти чиновников и чинуш. А писательский талант пророс потом, когда закончил курсы журналистского мастерства в Литературном институте в Москве. Такой опытный умный и честный человек не мог молчать.

А журнал «Молодость» эту рецензию так и не напечатал.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

24.04.87

Здравствуй, Боря!

Генеалогическое дерево моих родственников по отцу и по матери выглядит примерно так.

Родословное дерево по отцу.

Мой дед – Сливкин Василий Федорович умер в 1934 году. У него было две жены. От первой – родилась Ефросинья 8 октября 1901 г., Александр – 1 апреля 1906 г., Лев – родился в 1908 г. (погиб на войне), Аркадий – родился в 1910 г., Африкан – в 1913 г., Серафим – в 1914 г., Августа – родилась в 1919 г. От второй жены родились – Герман (1926–1986) и Владимир – в 1928 г.

По материнской линии – мой дед Никитин Михаил. У него была жена Мария, моя бабушка. У них были дети – Вера, Надежда, Виктор, Юрий, Валерий и моя мать Никитина Любовь, 1918 г. рождения.

У тетки одесской по матери, Надежды Михайловны Рубан (по первому мужу) есть сын, зовут Вадим. Он от меня, как брата, отказался. Сказал, что я ему больше не брат, и никаких отношений со мной поддерживать не хочет. Но именно он мне говорил, что меня кто-то разыскивал, какой-то мужчина, написав письмо моему деду Михаилу Никитину в Самусь. Тетка Валерия Михайловна тоже живет в Одессе. Вера в Ленинграде, Виктор – в Самусьском Затоне, там, где жили дед и бабушка. Юрий умер в Алма-Ате – самый младший. Дед Михаил умер в 82 года – всю жизнь не курил и ни грамма не брал в рот спиртного. От рюмки водки на своей свадьбе он болел три дня.

Что касается родных Рябова, отношения с ними – безразличные с обеих сторон. У моего отчима Рябов Валентина Яковлевича отец Рябов Яков – умер в 1946 г. У отчима были две жены, и были сестра Анастасия (в Измаиле) и брат Виктор (в Горьком).

Дети отчима и моей матери – мои сводные сестры Татьяна, 1943 г. рождения, и Ольга, 1944 г. рождения.

Вот приблизительно вся родословная.

А вот подробности о моих предках.

Мой прапрадед Михаил Дмитриевич Сливкин – переселенец из Воронежской губернии в 1850 году. Сословие – государственный крестьянин, то есть свободный, как городской мещанин.

Дети Михаила – Фома (мой прадед), Иван, Евфросиния родились в Сибири в д. Катково около с Колывани. В 1880 году мой дед и бабка по

отцовской линии – Фома и Евфросинья переехали в Колывань. Занимались хлебопашеством, как крестьяне.

Дед Василий Фомич был мастер (кузнец, плотник, имел мельницу).

У меня сохранился документ о смерти моего деда по отцу. Я должен его хранить?

Свидетельство о смерти № 346

Дубликат

**КЕМЕРОВСКИЙ
ГОРОДСКОЙ ЗАГС**

1–е отделение

22/II–1934 г.

Выдано в том, что Сливкин

Василий Фомич

**умер в 1934 году 19 числа февраля месяца,
о чем в книге записей актов гражданского
состояния о смерти г. Кемерово Запсибкрая
за 1934 год 20 числа февраля месяца
произведена соответствующая запись.**

Место смерти

**Город Кемерово обл. район Кемеровский
Запсибкрай**

**Возраст
и причина
смерти**

59–и лет Острый гастрит

**Особые
отметки**

Энтерит

(Печать) Заведующий (Подпись)

Делопроизводитель (Подпись)

На обороте отметка – Кирилову (прописью)

Кто такой Кирилов? Ему выдали этот документ в 1934 году. Тоже какой-то мой родственник, наподобие меня, с другой фамилией, не Сливкин.

Брат Василия – Федор – солдат империалистической войны, дважды Георгиевский кавалер.

Это мне прислала Галина–Августа Баландина.

Борис – Володе

25.04.87

Здравствуй, дорогой Володя!

Времени опять нет, но все же сел тебе за письмо. Срочно должен сдавать перевод рукописи белоруса и эстонки. Новостей особых нет. Самое хорошее – опубликовали книжку стихов абхазского поэта в моем переводе – в журнале «Молодость», и в альманахе «Аполлон» за 1987 год – мой очерк об Андрее Тургеневе. Пробую писать и прозу. Написал (заново) рассказ о

парне—однокурснике. Может, ты его помнишь, по-моему, его фамилия Востриков, которого мы обсуждали на первом курсе института. А со второго курса он ушел, перевелся в другой институт. Но проза еще сырая, много надо работать. Писать и писать... Отпуск пока планируем на июнь, а что получится – неизвестно.

Письмо второе из Президиума Верховного Совета получил. Что ответит Красноярский исполком?

Твое предложение о возвращении писем дяде Саше потихоньку буду выполнять, хотя трудности невероятные, ведь я к этому материалу еще не приступал. Сразу отвечаю на твой вопрос: Москва, ул. Жданова, 7, Исполнительный комитет Общества Красного креста и Красного полумесяца, управление по розыску родственников советских граждан за границей.

Теперь ответ на письмо от 25.03.87.

Родословная получилась интересная, ветвистая. Нет только ветвей жен и мужей твоих кровных родных. Например, у Александра Сливкина как зовут жену и т.д. А ведь они в письмах наших и дяди Сашиных упоминаются.

В родословной ты забыл сына тети Гути – Сашу, «необщительность» которого мне напомнила, что я звал тебя «Молчуном». И написал ты о нем больше важного, чем о других братьях и сестрах.

Составляй подольше и потщательней, можешь подключить к этой работе дядю Сашу, на это, думаю, он с удовольствием пойдет. Володя, это очень нужно при работе, чтобы не перепутать, о ком речь, и кто кем кому относится.

Ты говоришь, что пустая трата времени читать книги, в которых ничего не понятно. Ты прав, но тогда почему учеников заставляют читать книги по алгебре, геометрии и т. д. Им объясняют прочитанное в определенной последовательности, и заставляют изучать непрерывно материал, чтобы понять и выучить следующий за ним материал. Это процесс обучения. А наскоком – открывай книгу, и бросай ее, потому что там ничего не понятно.

Истина в простоте, – пишешь ты. Любые афоризмы – односторонние, а тем более неграмотные афоризмы. Такое случается и с пословицами. Бабе дорога – от избы до порога. Вот теперь применяй эту пословицу – не можешь, даже если захочешь. Потому что каждая пословица – к слову молвится. Так и твой афоризм. Истина в простоте. Не в элементарном – истина, как ты понял, написав: «Значит сначала нужно понять простое». А истина – в простоте ее понимания, ее изложения. Не накручено, не наворачено, а дошел до сути, до самого главного, отбросив шелуху и плевелы. Пока человек не дошел до этой сути, он путано, многословно, сбиваясь, пытается объяснить. А знающий истину, даже самую сложную истину может объяснить просто. И вот на объяснение истины люди кладут иногда жизнь, и не называют это пустой тратой времени.

Посмотри в словарях, что значит слово – политика, и не путай ее с жизнью. Потому что жизнь включает ее, политику, так же, как и науку, искусства, спорт, веру, быт, семью и до бесконечности. Газеты мне не

присылай, у меня своих полно. И я не называю всю жизнь нашего общества политикой, что-то ты спутал. Этому делу, политике, тоже надо учиться и долго, и не только по газетам, а главным образом по истории, и не только отечественной, а начиная с Римской империи. Она заложила основы государственной политики. Надо учиться, как музыке, как астрономии, как высшей математике и т.д. А все остальное – дилетантство и трепотня.

Большой привет от Вали. Обнимаю, Борис.

Президиум Верховного
Совета СССР
Отдел наград.
Москва, Кремль.
26 марта 1987 г.
№ 221–он

Исполком Красноярского
Краевого Совета народных
депутатов
г. Красноярск

Копия: Тов. Рябову В.В.

г. Одесса,
пр. Добровольского, 148.

Направляем на рассмотрение письмо тов. Рябова В.В.

Сообщаем, что в Отделе сведений о награждении Сливкина Африкана Васильевича, 1914 г. рождения, не имеется, о чем тов. Рябову В.В. на его первое письмо сообщено нашим № 221-он от 16.02.87 г.

Разъясняем, что Президиумом Верховного Совета СССР Указы о награждении работников машиностроения за период 1939 г. – 1943 г. не принимались.

Просим оказать содействие тов. Рябову В.В. о розыске архивных документов, подтверждающих факт представления к награждению Сливкина А.В. по месту его работы в тот период и о результатах сообщить Рябову В.В. с соответствующими разъяснениями на поставленные в письме вопросы.

Приложение: на 1 листе в первый адрес

Зам. Заведующего Отделом (подпись)

С.А. Зима.

Володя – Борису
28.04.87

Очень рад, что ты все-таки находишь время написать, вернее, напечатать (наверное, труднее) мне письмо. За это я тебе благодарен. Ты озадачен нехваткой времени, а я тебе по этому поводу, наверно, не зря предлагал прочитать очерк Д. Гранина в его книге «Река времени» под названием «Человек, который любил время». Его метод очень интересен. Не пожалейшь. Жалуешься на нехватку времени, а результатов работы вроде бы маловато. Часть времени тратишь на пустоту, то есть на ненужную работу и

лишние занятия. Фамилию Востриков и даже его лицо немного вспомнил, а остальное слышу от тебя как бы в первый раз о нем – зачем нужно было тратить время на этот рассказ. Кстати, давно хотел тебя спросить, поэтому сразу пишу, потому что сию минуту вспомнил. Ты очень долго, как я понял, писал «Ивана Болотникова». А были ли у тебя моменты в этом твоём творчестве, когда ты почувствовал, что сам стал Болотниковым, то есть как бы перевоплотился в него его времени. Было ли у тебя это? Скажу так, от себя, у тебя это перевоплощение должно было быть, а если этого не было, то это очень и очень плохо, плохо для твоего творчества. Не умел «входить в образ», кажется, есть такое выражение, вместо одной минуты творчества, ты будешь тратить сутки, и качество будет низкое, есть ли смысл тогда в такой работе? Вдохновение здесь, по-моему, не причём!

Что касается родословной. Я не забыл сына тети Гути – Сашу, его необщительность в сто, тысячу раз больше, чем я – молчун. И в нём для меня очень много непонятного, для этого нужно с ним прожить хотя бы год. Например, его пристрастие к алкоголю. Можно сказать, пьяница–одиночка, любит выпить только в одиночку. И в то же время поступил в аспирантуру. Я не могу этого понять.

В мае должна (обещала) заехать ко мне Галина Баландина, попробую эту родословную с её слов дополнить и постараюсь побольше расспросить. Давно заметил одну страшную вещь – нигде в официальных документах нет имени моего отца: ни в архиве МО, ни в военкомате г. Красноярска, откуда его призвали, ни на заводе имени Ворошилова, где он работал. Из многих мест, куда я писал, вообще не пришло никакого ответа. Я писал в школу, где он учился, писал многим ветеранам дивизии.

Я хочу тебе сказать, что процесс обучения начинается с азбуки, а что такое философия, ты мне не ответил. Так же мне на этот вопрос не ответил никто, кто изучал философию в институтах, а ведь у каждого был экзамен. А это – наука об основных началах познания и бытия, очень древняя.

Афоризм – мысль, выраженная в сжатой и яркой форме. Как могут быть мысли грамотных людей, и не только грамотных, – неграмотными. Любая мысль выражает что-то, а не все сразу. И нужно понимать, о чём и для чего сказали эту мысль, которая связана с жизнью человека, его сказавшего. Бабе дорога – от печи до порога. Это тоже афоризм, только вышедший из народа, и смысл его понятен, то есть мысль понятна, и сейчас кое-где её применяют. Много мыслей об одном, похожих, одинаковых, но сказанных по-разному – могут приоткрыть истину, и среди этих мыслей может быть только одна, сказанная очень кратко и просто и понятно всем – разве тебе не будет приятно прочитать такую мысль.

Что такое политика? Это, прежде всего искусство, искусство управлять государством. И от того, какую политику изберут наши лидеры, от этого их выбора, будет зависеть вся наша жизнь. К примеру, кулаков уничтожили, как класс, ещё при Ленине, такое же раскулачивание было в начале 30-х годов, сколько миллионов невинных поплатилось за эту политику? Жизнь и политика неразрывны, как ты их можешь разрывать на части, не знаю. Наша

жизнь зависит от политики, а без нас всех политику не сделаешь. И вообще, по-моему, не надо об этом больше говорить – ты прав, мы дилетанты, так как не можем знать всего. Просто мне иногда хочется взять пулемет...

Пиши. Большой привет жене и маме. Обнимаю, Вова.

ПИСЬМО ДЯДИ САШИ

Володя – Борису

07.05.87

Боря!

Это письмо от дяди Саши, он прислал его незаконченным, таким и высылаю.

Вова.

Дядя Саши – Володе

Белово

22.04.87

Здравствуйте, дорогие Володя, Зоя и Сережа!

Письма и поздравления от вас все время получаю, спасибо. А я вот нарушаю традицию ответа. Но, вероятно, пройдет это все, будем писать регулярно. Сад мне сильно мешал, я с ним затуркался совсем. Продал – и как гора с плеч свалилась. Кузнецов (друг детства) умер. Я поздно получил телеграмму, и не пришлось мне его похоронить. Это для меня был настолько сильный удар! Я сразу почувствовал себя сиротой. До этого я нисколько не задумывался о смерти. А после его смерти у меня вдруг появились слова: «Я не бессмертный», и еще много других грустных слов. И я затосковал о нем так сильно, что не знал, куда мне деваться. Нужно съездить в Ташкент и побыть на его могиле. Как раз мы поехал в Новосибирск. Я думаю, Марию Александровну оставлю у родственников, а сам на самолете слетаю в Ташкент. Купил билет, и через пять суток полечу. И как нарочно, М.А. заболела, нужно срочно ехать домой. Пришлось билет сдать и уехать домой. Сад-то продали, и кое-что перетащили в гараж. И М.А. полегче стало, а я совсем измотался. Меня чуть ли не силком техникум завербовал, ремонтировать пишущие машинки, 12 штук. Оформили на полставки (40 рублей в месяц), работать по требованию (как поломается машинка), а у них из 12 работает одна. Ой, как они мучились целый год. Я сбегал за инструментом, и в этот день исправил три штуки – вот обрадовались. Но мне пришлось поработать над ними, две электрические. Сейчас я бываю у них раз в неделю, бывают небольшие неисправности.

В декабре я решил съездить в Ташкент и поехал. Все прошло без приключений. Туда приехал, меня встретили на машине. Съехалась вся родня – и на двух машинах поехали на кладбище. Я подошел к могиле, на памятнике увидел его портрет. Это был не тот Кузнецов, которого я знал и держал в своем сердце. Как он изменился, еще до смерти, но все равно это – он. Вдруг как сжало мне грудь, я чуть не упал, ухватился за памятник и зарыдал сильно–сильно. Мне никто не мешал. Когда я прорыдался и успокоился, мне стало легко на сердце. Мы там закусили, выпили и поехали домой. Там нас ждал праздничный стол.

В Ташкенте я прожил три дня, чувствовал себя хорошо. Достал билет домой, меня отвезли на вокзал и проводили. Дорогой никаких приключений не было. Я чувствовал себя прекрасно, привез подарки для М.А. Захожу в дом, а дома беда: увидел Марию Александровну, с рукой в гипсе. Я напугался, а Мария Александровна заплакала. Оказывается, она дома упала и сломала себе руку. Я осмотрел руку, опасное уже позади, все нормально забинтовано, и она шевелит всеми пальцами. Успокоился сам и ее успокоил. Потом стал за ней ухаживать и водил ее в больницу, стелил постели и укладывал ее, а утром снова все убирал, готовил что покушать, варил, что нужно, убирал посуду, мел полы и мыл их, стирал белье и сушил. И также ходил на производство и исправлял, что нужно в машинках. 10 дней я проездил в Ташкент, и машинки ни одна не вышла из строя.

Но я был занят по горло, у меня самого разболелись сильно ноги. Когда ездил в Ташкент, то надел носки из искусственной шерсти, и всю дорогу почти их не снимал с ног. От этого на ногах образовалась аллергия: тело воспалилось и покрылось сыпью, образовались большие отеки, страшный зуд. Я пошел в больницу, сказали – аллергия, лечить ничем нельзя. От отеков дали какие-то таблетки – пить две штуки в неделю, мочегонное хорошее. Я стал часто мочиться, и отеки постепенно уменьшились, а сыпь и зуд исчезали. Я попробовал натереть мазью Вишневского, стало хуже. Тогда – своим зубным эликсиром стал натирать – помогло здорово, только так и вылечил. Теперь остались только наплывы на подошвах. На правой ноге, можно сказать, все прошло, а на левой ноге болит большой палец, от ранения мешает заживить.

Вот до сего времени мучаюсь с Марией Александровной. Я мучился три месяца, теперь она уже все готовит, я только в магазины хожу да белье стираю.

Навалилась еще одна беда. У нас в туалете прорвало трубы, затопило нас. Кое-как заткнули дыру, позвали сантехников. Они так грубо все сделали, сменили трубы, и варили на месте автогеном, все прожгли, закоптили, наделали в стенах большие дыры, смесители поставили косо. Я не стал принимать работу. Они на месте стали выправлять смесители и безобразно изогнули трубы, и больше ничего не стали делать. Нам пришлось все выскрести, замазывать и перекрашивать. Заодно все выбелили, всю квартиру. Стремилась это сделать к Пасхе, не успели, осталось повесить

ковры и шторы все. Пасху отдыхали. После стал писать письма. Два письма отослал в Кемерово, и вот третье – пишу вам. На производстве все в порядке.

После письма займусь своими делами. Осциллограф я попробовал, он работает, но я его не знаю, не разобрался, для чего некоторые клавиши, для какой цели. Чувствительность его явно мала, нельзя проверить частоту в приемнике. Микрофон напрямую тоже нельзя проверить. Но это ничего, может быть, можно сделать усилитель на входе. Словом, я еще не могу судить его, еще мало с ним знаком. Прибор также не делал, только литературу подобрал, какую ты мне рекомендовал.

Вот о себе и все. Сейчас начну продолжение своих мемуаров. Нужно посмотреть, на каком месте я остановился. Сначала пойдет грубо, а тогда, когда я перекинусь в то время, тогда пойдет лучше.

Мы уже в Новосибирске работали во всю, каждый на своем месте. Когда Сталин говорил речь о «Головокружении от успехов» – дескать, мы не организовали колхозы, а загнали народ в колхозы. После этого, как мужик узнал это, и все побежали из колхозов, но большей частью он не бежал домой, а просто дома он колол скотину и продавал ее за бесценок на базаре. Продавал, если находился покупатель, дом, а если нет – оставлял его на месте и сматывался в город. Была такая неразбериха. Никто не знал, что творилось. А у нас был хороший заработок, и много продуктов мы закупили за бесценок. И отец наш удивлялся, на какой черт я связался с этой мельницей, без мельницы у нас стало в десять раз больше денег. Вот так сглуповал я. Лев работал на кожзаводе и прилично зарабатывал, чернорабочим. Говорил мне: бросай свою водовозку, приходи на кожзавод. Там рабочих сильно требуется.

Я подумал, сказал отцу.

У тебя нет паспорта, сказал отец, без паспорта завод никого не принимает.

У меня не было метриков, а без метриков паспорта не дают. Колывань недалеко, можно съездить. И мы продали водовозку. Я съездил в Колывань и получил метрики, а по ним получил паспорт в Новосибирске и поступил на кожзавод.

(И я, так получилось, съездил к отцу в 1956 году, и сам не знал про то, что тогда же получил метрики, повторные. А было ли у меня вообще свидетельство о рождении в 1941 году? Никто не знает. Ладно, не скули и не пыли!)

Ну и достался же мне этот кожзавод. Мне досталась работа просвечивать кожи сырые на просвет. В складе – темно, дверь откроют – вот мы с таким же здоровым парнем берем свернутую кожу из огромной кучи, разворачиваем шерстью вниз. Брели за верхние концы, расправляли и прикладывали на проем двери, чтобы проверить ее на просвет. Специалист с палочкой проверяет ее на просвет и говорит, какой сорт. И мы бросаем ее на ту кучу, к какому сорту она принадлежит. И так – целый день. Кожи тяжелые,

солью покрытые – очень тяжелая работа. Я к тяжелой нагрузке – непривыкший, мне было тяжело, едва домой придешь. Я удивлялся, сколько кож целыми вагонами приходили на завод, сколько скота загубили с этой коллективизацией. Неужели об этом никто не знает? К концу месяца я чувствовал себя намного лучше. Когда стали получать зарплату, оказывается, мы заработали хорошо. И нас специалист похвалил, сказал: следующий месяц еще больше получите.

Но я не стал работать. Я старался поступить куда-нибудь на завод. Все отвечают: мы принимаем только с биржи труда. На бирже труда не ставят на учет, потому что я не член союза.

Лена Толочко написала отцу письмо, что у них в Красноярске принимают на биржу – сдавших на заводе экспертизу. Я решил поехать в Красноярск. Деньги у меня были, и я поехал зайцем, зачем – не знаю. Но я доехал только до Болотной, меня сняли с поезда, и я решил купить билет. Одна женщина сказала мне: если хочешь проехать зайцем, то нужно зайти на ту сторону поезда, и, как поезд пойдет, заскочить на приступки. Там хорошо. Можно хоть куда уехать. Как остановится поезд, соскочить. Пойдет – снова запрыгнуть. И так – пока не приедешь, куда тебе нужно.

Я так и сделал. Была ночь, подошел поезд. Я заскочил на приступку и поехал. Была весна, но было холодно. А поезд ехал быстро, и ветер все-таки доставал меня. Я был в хорошем полушубке, и все равно пробирало. Ох, подумал я, можно замерзнуть и слететь и разбиться насмерть. Хоть бы скорей станция – дальше не поеду. Вдруг дверь отворилась, и меня за руку поймал человек. Я хотел вырвать руку, но не смог. Я подумал, до станции довезут и ссадят, это неплохо, согреюсь. Он повел меня в вагон. Он оказался мягким, весь в купе. Первое купе было без двери, и он завел меня в него, посадил и что-то крикнул. В вагоне тепло. Подошли еще два мужчины и говорят не по-русски, хорошо одеты. Один из них заговорил по-русски, выговаривая каждую букву:

Зачем вы сели на приступки? – говорит. - Вы бы замерзли и разбились.

Я не подумал, говорю, об этом, я доехал бы до первой станции и слез бы.

Долго бы пришлось вам ждать, смеется. Наш поезд не на всех станциях останавливается.

Я это тоже не знал, говорю. – Куда вы едете? – спрашивает. – В Красноярск, – отвечаю. – Вы что, из деревни? – Конечно, – ответил я.

Он засмеялся и сказал хитро: кулачек? – Нет. – Смотри, какой хороший новый полушубок. – В деревне все ходят в таких полушубках, говорю. Их все сами шьют. Мне стало жарко, и я расстегнул полушубок.

Вы кушать хотите? – Хочу.

Мне принесли два пирожных. Я их взял, положил в рот, и они, мне показалось, мгновенно растаяли.

Еще хотите? – Мы такую пищу не едим. Нам нужно мясо, хлеба и чай.

Они все захохотали. И принесли мне полкурицы, большой ломоть хлеба и кофейник чаю и стакан. Вот это да! – подумал я, и стал кушать с завидным аппетитом.

Тут пришли две молодые дамы. Как они были одеты! В шелках, и все насквозь видно тело. Мне стало даже неудобно. Их приходило много, и все смотрели на меня, как на дикаря. Я так проголодался, что все съел и захотел спать. Это заметил мужчина, который говорил по-русски.

Располагайся здесь и спи. Никого не бойся, никто вас не тронет. В Красноярске вас разбудят, и вы слезете. – Кто же вы будете? – спрашиваю.

Он посмотрел на меня, засмеялся и сказал: вам посчастливилось, вы едете вместе с Американским посольством. Так что не беспокойся. И я заснул.

А в Красноярске слез, сказал им спасибо.

Когда я рассказал свое приключение Лене и Поте, они очень удивились. Утром я пошел на биржу, и там меня послали в депо на экспертизу. Я туда пришел, показал бумажку. Мне дали сделать дверной замок к вагону. Я подумал: «Ого, его за смену не сделать».

Пришел к мастеру, он дает мне части, готовые от замка. Мне только стоит их собрать. Я их за полчаса собрал и пошел посмотреть, как здесь работают люди. И целый час проходил. Потом подошел к мастеру и подаю ему замок. Он посмотрел в тетрадь и сказал: полтора часа.

Что? – удивился я. – Полтора часа ты затратил время на сборку замка. Много затратил время. – Да я целый час ходил по цеху, интересовался, как работают люди. – Ничего не знаю, сказал. И написал мне – слесарь третьего разряда. Как я его упрасивал, он ни с чем не соглашался. Так я и стал на учет 3 разряда. Прожил целую неделю, и меня никто не потребовал на работу.

Петя (муж Лены) работал шофером. И вот зачем-то их машины высылают в Омск, на какую-то работу вместе с шоферами. Шоферам дают на дорогу пассажирский вагон. Я спросил Петю: я смогу с вами доехать до Новосибирска? Он сказал: очень просто можно с нами доехать, хоть до Омска.

И я поехал. Взял на бирже труда перевод на Новосибирскую биржу труда. И дорогой было не без приключений, но они нехарактерны.

Так я в Новосибирск приехал тоже бесплатно, только ехали очень долго.

В Новосибирске меня взяла на учет биржа труда по 3 разряду. Но этот разряд никто не берет. Тогда я упрасил, чтобы они послали меня на экспертизу, насилу уговорил. Послали в мастерские по ремонту машин. Я прихожу, показываю бумагу, и дают мне обточить слесарный ключ 1/2 x 3/4. Я схватил его и, как зверь, без отдыха обточил. Подношу мастеру: вот, пожалуйста, ключ.

Он мне говорит: где взял? – Я уже обточил. – Не дури! Где взял? – Он никак не может мне поверить, что так быстро обточил.

Я его спросил: вы записали, когда я его получил, в какое время он записал, для чего это нужно и кому оценить мою работу. Я отдал ему ключ: ну, посмотри, как работа?

Он взял, смерил размеры – все правильно. Работа хорошая, говорит, мне нравится. Как можно сделать так быстро и так хорошо?

Значит я – слесарь не третьего разряда? – говорю. Пятый-то разряд можно написать, да в бирже не поверят. Четвертый напишу лучше, поверят. И написал 4-й разряд.

А там сказали: ну, вот, видишь, прибавили один разряд. А четвертый ведь никому не нужен, не много же ты выиграл.

Черт возьми! Не вдруг на работу устроишься. И еще проходил на биржу неделю. Один раз прихожу, спрашиваю женщину: есть требование на слесарей?

Требования были, отвечает, 11–12-го разряда, три человека, элеваторные мастерские.

Я попросил, чтобы она послала меня. Сперва она не соглашалась. Но тут – еще требование на слесарей на хлебозавод, временно, разряды не значились, И она меня послала на хлебозавод.

Вот, наконец, я попал на производство. А хлебозавод сильно похож оборудованием на мельницу. Тоже мука, мешки, разные сита, валы, шестерки, ремни. Я там себя почувствовал, как дома. И все знал, что делать, и как делать. Завод встал на ревизию. Ползавода остановили на ревизию. Нужно просмотреть все трансмиссии, все подшипники, все муфты, шпонки и шкивы. Очистить от грязи и хорошо вновь закрепить, а потом все собрать и проверить на ходу. Механик меня заметил, что я так смело и ловко орудую. Спросил меня: что, все это знакомо? И ремень можешь настроить, чтобы не соскакивал? Я сказал: все могу.

Вот тебе два парня, говорит, пусть они поработают с тобой.

А эти парни (моложе немного меня) работают здесь постоянно, но ничего не смыслят. И я с ними поработал всю неделю, и подружился с ними. И они мне показали, где можно помятый хлеб домой унести. И я таскал этот «негодный» хлеб по две булки домой (хлеб был по карточкам). И наша семья была целую неделю сыта.

Когда завод пустили, и меня рассчитали, я попросил директора написать мне отзыв о работе. Он написал благодарность. Я пришел на биржу, встал на учет и подал бумажку с благодарностью, и спросил: а на элеваторы слесарей послали?

Она сказала: нет. – Ну, посылай меня.

Она взяла и послала.

Вот я прихожу, подаю направление мастеру. Он посмотрел и сказал: четвертый разряд! Она с ума сошла. Мне нужно самых квалифицированных слесарей, а они дрянь посылают. Ну, на что ты нам нужен?

Я посмотрел на него – типичный немец, уже пожилой, должно быть, давно здесь работает. Кто-то подошел и назвал его – Карл Иванович. Мне

почему-то это имя понравилось. И я назвал его также: Карл Иванович, а какую вам нужно работу производить? Я ведь из деревни, и могу делать все.

Все! – говорит. - А можешь сделать плашки в клуб? – Могу. – Петька, дай ему заготовки. Пусть делает полплашки в клуб.

Я подошел к нему и взял заготовки и клуб, и какой нужен инструмент. Спросил: время ограничено или нет? – Время не ограничено. Но чтобы нарезало резьбу легко.

Сделал я плашки, очень хорошо. И закалил их сам. Болты нарезало легко и чисто. Карл Иванович сам нарезал болт и похвалил.

Какой разряд мне дать? – спросил. – Какой тебе надо?

Я, говорю, буду пока доволен и пятым разрядом, а там сам увидишь.

Так я и остался с пятым разрядом. Деньги платили сдельно, и разряды не поиграли никакую роль. Так я проработал всю зиму с Карлом Ивановичем. Мы подружились

Лев работал чернорабочим, грузчиком, пиво развозили по магазинам. Он таскал сразу по два ящика, тяжело.

Как-то Карл Иванович мне сказал, что нужно найти где-то слесаря. – Завтра приведу слесаря, говорю. Я зарабатывал по сто рублей в круговую в месяц, в то время это было много. А Лев зарабатывал 30 – 40 рублей. Вот я его и привел, и сказал, что он такой же слесарь, как и я, и беру его к себе в бригаду.

А какой ему разряд дадим? – спрашивает. Мне бросилось в голову «дадим». – Пятый разряд, поди, можно дать.– Нет, дадим ему что-то сделать.

И попалась ему большая заводская гайка. Он взял ее и сказал: пусть отточит ее по всем правилам. – Хорошо, – сказал я, и отдал ее Льву.

Он посмотрел на нее и сказал: что с ней делать, я не знаю. Она и так гладкая. Какие тут еще правила?

Я взял ее и сказал: она отштампована по всем правилам. Все грани у нее правильные. Вот несколько лысок нужно поправить. Это ты поправь и отшлифуй ее. Он ее так отшлифовал (Карл Иванович куда-то ушел), показал инструментальщику Петьке. Он засмеялся, и дал ему пасты. Он этой пастой отшлифовал ее до зеркальной чистоты. И Карл Иванович пришел. Он ему на стол поставил. Тот глянул на нее и залюбовался. Потом взял на руки и погляделся, как в зеркало, и поставил осторожно на стол. Сказал: теперь она будет всегда стоять здесь.

Я подошел: какой разряд? – Пятый.

И он стал работать со мной по пятому разряду. Мне с ним было легче работать. Он делал грубую работу, а я нежную, и у нас получалось здорово, всегда больше сотни на брата. И Карл Иванович стал нас предпочитать 11–12-ти разрядным слесарям.

Мне все это знакомо по мельнице. Лев-то дома больше за девушками бегал, мало уделял внимания мельнице, а я и чертежи все знал. На элеваторе то же самое, что и на мельнице.

Был такой случай. Запороли четыре башмака и две головки у самотасок квалифицированные слесаря. Они обвиняют – чертежи не подходят. Вызвали

главного инженера. Он посмотрел и тоже не мог разобраться. И прекратили их собирать. Карл Иванович пришел за свой стол и говорит мне: чертежи не сходятся в башмаках с жезлом, вот беда-то.

Не может быть, сказал я, и пошел разбираться. Все нормально. Они, слесаря, неправильно собирали. Собрать башмак и головку стоит 25 рублей. Один башмак не сильно испортили. Я спросил Карла Ивановича: дайте нам с братом собрать испорченные башмак и головку, и мы докажем, что все нормально.

Карл Иванович поговорил с главным инженером, мол, молодые слесаря берутся собрать испорченные башмаки.

Тот говорит, испорченные пускай берут.

И мы восстановили, все, как есть, подошло. (Я вспомнил, вот когда мне знание чертежей пригодилось).

Карл Иванович, иди, посмотри. Все поковки точно подошли к башмакам, и головки, – сказал я.

Пошли, посмотрели, Карл Иванович поудивлялся. Потом пришли с главным инженером. Он посмотрел на меня, сказал: грамотный, или имел дело с этим. А Карлу Ивановичу сказал, все башмаки и головки пускай они собирают.

И вот мы со Львом начали их собирать. С каждым комплектом мы стали их собирать быстрее и быстрее. Приходили к нам Карл Иванович и главный инженер, смотрели, и были довольны нашей работой.

Эти склады были в отдалении от мастерских, на самом берегу Оби у высокого забора. За забором – Обь. Здесь на берегу находились три предприятия, это: мельница паровая, мастерские элеваторные и дальше – хлебозавод. А за мельницей, кажется, был элеватор, точно не знаю (забыл). И вот мы с братом двое работали на этих складах, одни, больше никого не было. Никто нам не мешал. Лев работал очень быстро, мне не угнаться за ним. Он делает все, не думавши. И мне это было удобно, и ему, должно быть, тоже. Если он будет делать это один, он наверняка испортит. Я так думал, впоследствии это подтвердилось. Вот мы дождались зарплаты за эти башмаки по 220 рублей на брата. Карл Иванович глаза вылупил.

Домой мы отцу принесли 400 рублей, по 20 рублей оставили себе. Отец удивился: сколько денег! Я боялся потерять мельницу. Моя семья десять мельниц стоит. Все сыновья подрастут – меня завалят деньгами. Потом, обращаясь к жене весело говорит: не горюй, Машка! Мы еще проживем.

Когда мы со Львом пришли на работу, Карл Иванович нас предупредил: экономисты расценки на башмаки изменили, теперь они будут по 16 рублей за комплект.

Что мы можем сделать? Мы стали меньше их собирать за смену. Иногда работали только полсмены. Остальное время – перепрыгнем через забор и купаемся в Оби. Один раз Карл Иванович застал нас, погрозился и сказал: мало заработаете – пеняйте на себя.

Но мы не пеняли, а считали, сколько нужно заработать. И так делали – всегда по 150 рублей на брата, чтоб не сбавляли.

У меня заболел сильно глаз, дали бюллетень. А в это время Льва командировали в Среднюю Азию на сборку элеваторов на месте. Когда я выздоровел и пришел на работу, меня тоже командировали на сборку элеваторов в Осмерыжск, это вверх по реке Иртыш от г. Омска. Нужны люди, которые разбираются в чертежах, – и я поехал в захолустье. Конечно, я и там чувствовал себя, как рыба в воде. А Лев мне пишет: ох, как трудно мне без тебя, зыпурхулся совсем. Всю жизнь жили вместе, и никогда и нигде не встречались с трудностями. Я подумал про тебя, Александр, а ведь ты сразу родился мастером. И дома, и в школе, и на работе с тобой было нетрудно.

После Лев ушел с элеватора и поступил в МТС, ремонтировать тракторы, машины. Потом попал на реку Амударья. Там на катерах устанавливают тракторные моторы и ездят, только на таком устройстве можно там ездить. Впоследствии он устроился директором судоходства на реке Амударье. И на фронт оттуда попал, и погиб.

А у меня был совсем другой путь. В Осмерыжске мы быстро собрали элеватор. Нас послали в Иртышск, поближе к Омску. Здесь – тоже маленький элеватор, 100-тысячник. И его быстро собрали. Я хорошо ознакомился с этой работой, стал работать бригадиром. По окончании нас послали в Омск. Там, на левом берегу Иртыша (забыл, как место называется) стоял громадный деревянный элеватор на 1 миллион тысяч тонн, канадского типа. И все – канадское оборудование. Общежитие плохо оборудовано, и все – в клопах. Я отказался и уехал в Новосибирск...

(Письмо было прервано.)

ВОЛОДЯ – БОРИС

Володя – Борису

06.06.87

Здравствуй, Боря!

Очень обеспокоен твоим молчанием, ведь я послал тебе несколько писем, хоть бы сообщил об их получении открыткой, я когда-то тебя просил об этом. Пожалуйста, Боря.

На прошедших днях я получил истинное удовольствие в общении с очень интересным человеком – приезжала моя сестра Галя Баландина. Уникальная женщина! Вообще о ней можно рассказывать много. А ведь она дочь Аркадия Сливкина, и как совсем не похожа на своего отца. Мать ее спилась, а дочь кончила два института.

Тот парикмахер (!) жил в селе под Красноярском. И когда они с тетей Гутей нашли это село, там сказали, что был такой еврей, но он давно уехал. Он, вроде бы, говорил, что видел, как немцы выбросили Африка на улицу, сказав: «Этот русский готов». Все это со слов Аркадия. Я убедил сестру, что

здесь что-то не так, и попросил ее основательно расспросить отца и написать мне.

Прочитал в последней «ЛГ» интервью с С. Рерихом – очень понравились его мысли, его слова удивительны и заставляют думать – все-таки очень мало у нас таких людей. Внимательно слежу за информацией о В. Высоцком. Изучаю микропроцессорную технику. Это здорово.

Пиши. Как дела? Как семейная жизнь?

Рад получить твоё письмо.

Большой привет жене. Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

04.07.87

Здравствуй, Володя!

Наконец-то, собрался тебе ответить на письма. Валя лежит в больнице. Каждый день бываю у нее. Будут делать операцию. Больше ничего не хочется сообщать об этом. Сам приболел, то ли камень опять в том же месте, которое резали в 11 лет, то ли обострился холецистит. Одна гниль. И чем дальше – тем хуже. Настроение неважное.

Ответ на письмо от 24.04.87. Родословная Сливкиных. Очень интересная. Но одни пробелы, и только по одной – дедовой линии. Представляешь, какая бы получилась сеть, если бы дать полную родословную. Мы дерево рисовать не умеем. Но мне и этот рисунок много говорит.

Ответ на письмо от 28.04.87. Гранина читать не буду, есть вещи важнее. Трата времени идет не от организации, а от судьбы и характера – все остальное будет неестественным насилием над натурой. Я не жалею о нехватке времени, а констатирую, на что у меня времени не хватает. О творчестве у тебя представления общие, в основном – заблуждение. Я не мог чувствовать себя Иваном Болотниковым. «Входить в образ» – это термин театральный, и как термин, конечно, не точный. Но могу тебе сказать, что когда соблазнял монах крестьянку – я спускал. Когда ее мучили – мне было до тошноты дурно. И, работая над «Болотниковым», я понял, что я казак по натуре, отчего у меня и такая судьба. Что касается траты времени, то один и тот же человек на одну вещь тратит две недели, на другую несколько лет (Россини, Верди и т.д.). Леонардо до Винчи писал картину ангела с крестом – почти всю жизнь. Гете писал «Фауста» с двадцати до восьмидесяти лет, накатав за это время много стихов, романов и прочее.

На вопрос 202. Ты заметил правильно, что нет имени твоего отца ни в архиве МО, ни в военкомате Красноярска. А на заводе имени Ворошилова – Красноярский машиностроительный завод имя есть, ты сам прислал оттуда

ответ. Просто работники завода до января 1944 года к награде не представлялись.

На вопрос, что такое философия, ответить не философу трудно, поэтому тебе никто (а это мизерное число) правильно не ответил. Есть споры, что философия не наука. У нас ее толком изучают только в духовной академии, по первоисточникам, а не отрывкам из обрывков. Твой же ответ, что философия – это наука об основных началах познания и бытия – филькина грамота из какого-нибудь безграмотного словаря.

Мысли грамотных людей большей своей частью неграмотные, часто они опровергаются последующими поколениями. Сначала ученые люди считали, что земля плоская и покоится на трех китах. Больше примеров не надо? Все дело в уровне грамотности (вернее, образованности), интеллекта. Если тебе понятен смысл изречения, это еще не значит, что он верен, или был верен в определенной социально-политической обстановке. Ты можешь понять, что человек ошибается, и в чем его ошибка. Малыш говорит, что его нашли в капусте. Мысль ясная – и ты киваешь ему головой, улыбаясь про себя. Мысль близкая к истине и сказанная кратко и красиво, конечно, вызывает удовольствие, но для этого нужно быть подготовленным ее воспринять. Пока я не прожил лет 40, я не мог понять глубину образа: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу». Сейчас я чувствую глубоко давно известные мне строки: «Не возбуждай меня без нужды»; «Не возбуждай воспоминаний минувших дней...»; «Шли годы... дум порыв мятежный развеял прежние мечты...»

Что такое политика, ты тоже не знаешь и, увы, не узнаешь никогда, потому что не будешь политиком. Поэтому об «искусстве» политика, искусстве управлять государством ты лепечешь. И, тем не менее, ты живешь в отрыве от политики, так как ей не занимаешься. Ведь читать газеты – это не управлять государством. О раскулачивании почитай «Касьяна Остудного» Акулова. А лучше просто не говори о том, в чем ничего не понимаешь, не повторяй чужого вздора. Мы даже не дилетанты. (Мы же не делаем кое-как политику?) Дилетантом был, например, Стендаль. Мы невежды.

Ответ на письмо дяди Саши от 22.04.87. Какой же удивительный человек! Старый, больной, едет столько верст на могилу недавно умершего друга Кузнецова. Это, прежде всего от уважительности к близким людям. А еще – и встреча с частицей собственной жизни. Поэтому и пишет дядя Саша: «Я подошел к могиле, на памятнике увидел его портрет. Это был не тот Кузнецов, которого я знал и держал в своем сердце». Учиться надо нам, Володя, такой здоровой нравственности. И не надо учиться такой дикости наших старших, какую выказал тот же дядя Саша (нет культуры личной гигиены) – 10 дней ездил в Ташкент и не снимал носки из искусственной шерсти, так что тело покрылось сыпью и пришлось лечить. Всего-то надо мыть ноги каждый день и стирать носки на ночь. Дядя Саша решил, видимо, продолжить писать, поэтому прислал неоконченное письмо. Об Африке он,

наверное, писать не будет, потому что мало о нем знает. Зато у самого жизнь очень богатая и интересная. Много ли ты можешь написать или вспомнить о своих сестрах, хотя они и были все время у тебя на глазах? Только внутренняя личная жизнь запоминается больше, потому что она переживается, анализируется, и видна не только ее внешняя часть, но и тайная, глубинная. А жизнь ближнего ты видишь, как айсберг, если даже и внимательно смотришь, видишь только то, что выступает на поверхность.

Ответ на письмо от 06.06.87. Ответ из Красного Креста замкнул круг.

Володя, ты пишешь, что Галя Баландина – уникальный человек. Не мог бы ты о ней написать подробности, какие сможешь вспомнить?

Написала ли Галя о подробностях рассказа парикмахера об Африке? Где и откуда выбросили его на улицу, не понятно.

Очень хорошо, что ты прочитал статью Рериха. Но этого мало. Прочитай книги его и о нем, о всей этой семье. Я из статьи в «Литературке» взял на вооружение: «Все наши поступки несут отпечаток наших мыслей, поэтому мы ответственны в своих мыслях – не только перед собой, но и перед людьми». Вывод – не согреши даже в мыслях. Раньше я этого не знал из православной веры. Но понимал так: за греховные мысли тебя тоже ждет расплата. Теперь понял, что «грешные мысли» приносят вред не только тебе лично, но и другим. Понял ли ты, как это важно? Автор интервью понял, поэтому и назвал статью «Мы ответственны в своих мыслях...»

Я пока в отпуске. Отдыхать никуда не поеду. Пиши. Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

12.07.87

Здравствуй, Боря!

Очень рад тебе! Да, Боря, жизнь жестока, и не известно, что она преподнесет нам завтра. Я тебе сочувствую в твоих страданиях. Чем-то помочь, даже и не знаю, чем – крепись, надейся на лучшее. О себе, своем здоровье, не надо забывать, а мы в этом страшно ленивы, до сих пор, пока не согнет, и не начнут страдать близкие. Я считаю, когда заболел сам – все к черту, и скорее за ремонт, чем быстрее, тем лучше и себе, и родным.

Родословная Сливкиных? Почему пробелы по дедовой линии? Что ты имел в виду, я не понял?

Трата времени – раз от судьбы и характера, значит и от привычек, а они часто бывают вредные и это не будет естественным насилием над натурой, если заставлять себя избавляться от вредных привычек, будет выглядеть, как стремление к разумному использованию своего времени. Я это насилием над собой не считаю.

О творчестве? А я как раз думаю наоборот, в отношении себя, конечно. Я не только думаю, но всем своим нутром испытал это состояние, и муки, и радости. Но совсем в другой области. И мне кажется, что не зависимо от того, что ты творишь – чувство человека, его внутреннее состояние в момент творчества, одни и те же.

В отношении траты времени, твои примеры хороши, но есть и другие примеры – человек всю жизнь потратил на что-то, так ничего путного и не сделал. Почему? Он не смог ясно осознать свои возможности, способности, и не смог вовремя поставить точку, чтобы искать себя в другом.

Галина родословную не смогла дополнить, она будет это делать, расспрашивая всех родственников, но это будет не скоро. Дети и внуки связывают, отнимают ее свободное время.

Попытаюсь вспомнить, чем она – уникальный человек. Но оттого, что пишу начисто, – будет несладко и отрывочно, хотя и буду стараться. Все факты о ее жизни – только с ее слов. Писать трудно еще потому, что рассказывала она, не соблюдая последовательности, как дядя Саша. Закончила она два института, первый – на агронома, по распределению поехала на Дальний Восток, работала в колониях, видела много очень разных людей, и репрессированных тоже, в том числе Вертинского и Русланову. Потом закончила другой институт, на химика, и все время работала на химзаводах военных, в таких цехах, где даже не в той одежде вошел – может быть взрыв. То есть, она постоянно работала, рискуя, у нее даже привычка такая стала: не оступится, не обожжется, не порежется в обычной обстановке (это ее слова). Запросто встречалась с многими руководителями крупного ранга, которых все боялись, а она с ними начинала говорить на «ты» (наедине). В 45 лет пошла на пенсию и попала случайно работать в крайком профсоюзов. Видела все, что можно видеть, там наверху. Она много примеров рассказывала. Сейчас не работает, нянчит своих внуков. Когда приехала к нам (без телеграммы, чтоб не беспокоить – это мои мысли), на следующий день сдала все бутылки наши, взялась шить юбку Зое, потом – платье, сшила варежки из тряпок, чтобы брать горячую посуду. По Одессе не бегала. Старалась больше общаться с нами. Эта женщина, как я понял потом, может мгновенно оценивать правильно обстановку и моментально принять решение. Наверно, работа в лагерях и в химии ее этому научила. Она может сделать невозможное, если захочет – энергии, которая есть в ней, хватит на десятерых рядовых. Сама маленькая, невзрачная, а сколько силы. У нее заповедь: делать добро, ничего не требуя взамен. Когда мы ее провожали, в поезде ждала женщина (которой она перед отъездом звонила), с которой она встречалась лет десять назад в Красноярске, сделала ей там добро, и женщина стала ей писать. Нужно было заснять и записать слова на пленку, чтобы вновь увидеть и осмыслить эту сцену встречи их в вагоне, – женщина та очень больная, а на встречу приехала.

Теперь о других вопросах.

На заводе Ворошилова нет имени отца, в архиве его имени нет, только по моей настоятельной просьбе нашли людей, которые помнили о нем.

Люди знакомые не ответили мне, что такое философия, потому, что они изучали философию, как необходимость, но никому она не нужна была. А я обратил внимание на то, что они изучали предмет, который не нравился, и совсем не хотели понять, что же они все-таки изучали. Ведь многие, поняв, что это такое, могли бы по-настоящему заинтересоваться. Я хочу сказать этим, что если что-то начинаешь изучать или хотя бы знакомиться с чем-то, нужно обязательно ясно представить себе, что это такое, а уж потом изучать.

(Рассуждает как взрослый ребенок, даже не как инфантильный мужчина.)

Ты пишешь, что не философу трудно ответить, что такое философия, но есть ответы самих философов и их не мало. Так неужели из этих ответов хоть что-то понять нельзя, так сказать, подготовить себя к тому, что собираешься изучать. Причем основательно себя подготовить – от А до Я.

Представлял ли ты себе сразу, перед началом работы о Болотникове, весь объем работы, которую предстояло выполнить. Писать об истории очень трудно, я не литератор, но думаю, это один из труднейших жанров, писать об истории. И требует от писателя очень многих качеств, таких, каких не очень нужно в других жанрах.

Мысли грамотных людей, если они безграмотны, и читать не захочешь. Твое объяснение подходит для малыша, которого нашли в капусте. Я уже давно из этого возраста вырос. И давно чувствую, что многое сейчас воспринимаю не так, как 5 – 10 лет назад. И в то же время знаю, что через какой-то отрезок времени изменю свои взгляды, матушка–жизнь всему тому причиной – заставляет десятки–сотни раз проверять себя в понимании того, что происходит, произошло и должно произойти.

В отношении своего взгляда на мысли, ты сам не заметил противоречия в своих словах. Ведь ты советуешь прочитать «Касьяна», а может, там мысли безграмотные, это ты сам считаешь, что они грамотные, а я могу решить, что они безграмотные. Каждый имеет свой запас в голове и имеет право на свои мысли. И еще твое противоречие – ты взял на вооружение мысли другого человека – Рериха, а почему я не имею права взять на вооружение мысли кого-то? Я с тобой согласен, что мы более невежды, чем дилетанты, но... но мы, в конце концов, должны иметь свои мысли и только свои, хотя они, может быть, похожи на чьи-то, это не имеет значения. Главное, чтобы ты ясно знал, что это твое, что это в тебе и никак не в ком-то другом.

Нужно нам дорасти до возраста дяди Саши, может, и мы сможем вспоминать то, что он так мастерски делает. Ведь он писал, что переживает заново всю свою жизнь, когда пишет. Видно, что-то в организме человека происходит с возрастом, к примеру, кто пишет мемуары – старики, ведь да?

Я считаю, круг не замкнулся после ответа Красного Креста, я написал туда еще раз сразу же, ответа еще нет.

О парикмахере, по моей просьбе, у Гали будет специальный разговор с отцом, который она планирует в ноябре, так как только в это время сможет с ним встретиться. Я внутренне чувствую в этом вопросе подвох.

Моя сестра – человеческий клад.

О себе. Живу сейчас проблемой стройки нового дома – все стало вдвое дороже. А не строить нельзя. Большой привет жене, надеюсь на выздоровление.

Пиши. Обнимаю, Вова.

Володя – Борису

03.08.87

Здравствуй, Боря!

Высылаю тебе ответ из «Красного Креста», написал им еще одно письмо.

Со стройкой дома много проблем, хотя бы потому, что все стало вдвое дороже, чем когда я строился. А с транспортом – и того хуже. Но строить надо.

Часть своего свободного времени посвятил компьютерной технике, очень сложно, но и очень интересно. У нас в стране сейчас в 250 раз меньше оснащенность этой техникой, а к 2000 году будет в 400 раз меньше, чем в ведущих странах.

Прочитал статью в «Огоньке» о Федоре Раскольникове и диалог в «ЛГ» о работах Ленина – последних – все относится к одному вопросу – о нашем прошлом, нашей истории и ее белых пятнах. Ваша, литераторов, задача – побольше писать о нашей советской истории, и не только советской. Правду о прошлом очень важно знать нам, нашему народу.

Всего тебе доброго. Пиши.

Обнимаю, Вова.

Документ

СССР

Исполнительный комитет ордена Ленина

Союз обществ

КРАСНОГО КРЕСТА и КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА

Москва, В-36, Черемушкинский проезд, 5 Телефон 126-57-31

№ УР 5490

Москва, 03 06. 1987

Дело

Уважаемый Владимир Валентинович!

Ваше заявление об установлении судьбы Сливкина А.В. нами рассмотрено и направлено в Центральный архив Министерства обороны СССР по адресу: 142100. Московская обл., г. Подольск, откуда Вы получите ответ.

Одновременно сообщаем, что в Управлении по розыску – сведений на военнослужащих не имеется.

/Начальник Управления по розыску (подпись) (Фатюхина В.П.)

Володя – Борису

29.09.87

Здравствуй, Боря!

Долго молчишь, не случилось ли что? Думаю, что у тебя лучше, чем было, надеюсь.

Получил еще ответ из Красного Креста. Посылаю тебе его Этот путь теперь закрыт. Где искать другой, что еще придумать?

Жизнь другого человека может остаться неразгаданной. Мое отношение к этому делу все больше покрывается грустью. Ох, как нелегко ворошить прошлое! Тяжкий это труд.

Тетя Гутя практически не пишет. Дядя Саша необычно прервал свое письмо и больше не пишет. Я им уже писал вторично. Сестренка Галя, то, что обещала узнать (генеалогическое дерево), еще не успела это сделать.

Все свободное время уходит на сверх интерес – компьютерную технику и все, что связано с ней. В недалеком будущем, еще при нашей жизни, любой человек, независимо от его деятельности, вынужден будет общаться, вести диалог с компьютером. И поэтому именно сейчас это умение нужно осваивать. Для своего компьютера разработал печатную плату 255x250 мм, довольно сложная – но сам компьютер наипростейший, но возможности его неплохие, может даже рисовать и музицировать.

Стараюсь, на уровне своих знаний, разобраться во внутренней политике нашего правительства – факты, факты и факты, и из этого как можно глубже понять, а моя голова может отлично это делать, только бы побольше фактов.

Пиши, старый товарищ, меня всегда тянуло на диалог с тобой, поспорить, попытать, выговориться.

Крепко обнимаю, Вова.

Исполнительный комитет ордена Ленина

Союза обществ Красного креста и Красного полумесяца СССР

(СОКК и КП СССР)

117036, Москва, 1-й Черемушкинский проезд, 5. Телефон 126-57-31. Телегр.
Москва – ИКРЕСТПОЛ
На № УР-7444 20.07.87

Уважаемый тов. Рябов!

Наша организация сведениями о судьбе Вашего отца не располагает.

Данными для розыска за границей Вы не располагаете.

Сожалеем, но быть Вам полезными не можем.

С уважением,

(подпись) Лебедева

ПИСЬМО ТЕТИ ГУТИ

Тетя Гутя – Володе

16.10.87

Здравствуйте, Зоя, Володя!!

Так давно мы не писали друг другу, а вернее, я вам давно не писала, а потому не знаю, с чего начать. Вот пять лет живу в каком-то аду. Раньше, когда я все-таки писала вам, тоже были перерывы, но это были перерывы потому, что я не все письма посылала. Всех ты нас не знаешь. А писать о всех, это не так просто.

(Может, под старость у нее с головой стало плохо, как у мамы, поэтому всех стала подозревать и бояться?)

Очень плохо, что ты не жил среди нас. У тебя, Володя, нет никакого представления о нас. Ну, я могу рассказать о каждом, но это мое мнение о человеке, а ты, может быть, будешь его понимать совсем по-другому. Ты просил меня писать все, а я не решалась, и как-то написала о Поте, тебе это не понравилось. Я не обиделась. Ну почему ты должен со мной согласиться? Вот если бы ты пожил вместе, сам воочию убедился в этом. А этой возможности у нас нет. А потому, что я буду писать? Мне бывает очень тяжело, и тогда я не пишу. А потом я все-таки получаю весточку от вас, хотя редко, но получаю. У вас с Зоей все хорошо, и я спокойна за вас, мне уже легче. А вот что ты тоже беспокоишься, что же с нами? А я молчу. Тоже плохо, очень плохо. Надо это прекратить. Писать надо, ну хоть немножко.

Вот ты переписываешься с д. Сашей, как-то его уже знаешь. А я тоже его знаю и хорошо, даже очень хорошо знаю. Мнение мое о нем далеко не лестное, я не хочу сказать о нем, что подлец, такой, сякой. Нет, он порядочный человек, даже честный человек в принципе; во многом я его не принимаю, даже есть моменты, когда у меня нет к нему уважения.

С Аркадием мы разные. Я часто бываю с ним не согласна. Но когда приходилось жить вместе – мы не скандалили. Нет у него такого, чтобы он мог человека оскорбить, унижить и пр. Все у нас трудолюбивые, и я такой же была и есть такая. Маленькой я даже никогда не играла. По духу мне близки были Африк, Лев, Серафим. Душа нараспашку у нас. Меня Потя звала простофилей, с таким презрением это говорила. В ее понятии, все равно что полудурок. Потя и Аркадий это люди, у которых своя рубашка ближе к телу. Однако Аркадий – это не тетя Потя, он умница, хороший организатор, потому он все время был на руководящей работе (по специальности). Я хочу сказать, не на политической руководящей работе, там у него ничего бы не получилось, знаний таких нет и способностей таких нет. Общительный, веселый в компании, выдумщик, не скандальный, спокойный, так что нормальный, таких много.

Да, Александр Васильевич был способный. Отец его звал изобретателем (это, наверное, нужно было понимать – мастеровой), с этим я согласна. Он писал и стихи, наверное, мог быть и писателем, но... Семь классов кончил уже после войны, в вечерней школе. Да интерес у него все больше был к радио. Он был со странностями. Ну, например, считает, что он музыкант, а слуха музыкального совсем нет, и попробуй об этом скажи ему... Один раз расскажет о прошлом так, а другой раз – по-другому, и тоже нельзя возразить. Я старалась и сейчас стараюсь это не замечать. Или, когда рассказывает, всегда любит себя (дал умный совет, чему-то научил и т.д. и пр., и всегда прав, избави боже возразить...) Вот если бы ты пожил с нами, и ты бы это заметил. Но я принимаю его таким и считаю, что он человек хороший, жить с ним вместе легко, зная его слабости. Но воспитатель и отец он никакой. Только бить, да еще как бить... А бить можно, пока не выросло дите, а потом... Так вот у него получилось с сыном.

Вот так у каждого из нас всего хватает, и плохого, и немного хорошего.

О прошлом (о котором я не знаю) Александр рассказывает так, Аркадий по-другому, а т. Потя тоже что-то другое говорит. Я больше верю Аркадию Васильевичу: потому что, когда беседовала с двоюродными сестрами и братьями (их ровесниками), то сказанное – ближе к Аркадию Васильевичу. А то, что помню я сама, как мы жили, я напишу. А что было до меня, я не знаю... Но больше верю Аркадию Васильевичу.

Володя, Зоя, почему я так долго не писала, я все-таки постараюсь объяснить в следующем письме. Это письмо посылаю и начинаю писать другое. Ждите.

Всех целую вас, обнимаю, всегда ваша т. Гутя, до свидания. Если Галина–Августа у вас, и ее целую, обнимаю. Как Сережа?

ВОЛОДЯ – БОРИС

Борис – Володе

27.10.87

Здравствуй, Володя!

Размышляя над рассказами матери об отце, я пришел к выводу, который как-то объяснял слова отца в письме ко мне «Никто не виноват, ни мать, ни я в разводе». Видимо, у отца была девушка, или даже гражданская жена, но он решил жениться на моей матери, расписался, зачал меня и поехал в Астрахань знакомиться с семьей моей матери в Астрахань. Тут он увидел, какая большая семья, какая нищета, но самое страшное, узнал, что отец матери Белов Алексей Тимофеевич осужден по политической 58-й статье. Приговор – смертная казнь. Заменен, по прошению большой семьи его, на срок 10 лет без права переписки. Комсомолец, будущий парторг, стремящийся из нищетки выбиться в люди, испугался перспективы родства с такой семьей. И вернулся с фронта к другой жене, а не к моей матери.

Отец до армии пытался бросить мать, когда у нее был выкидыш. Тогда аборт карался по закону, но парторг заступился за мать и дал машину, отвезти ее в больницу, так как выкидыш был не по вине матери, пригрозил партийцу-отцу выговором.

Все равно получается, что отец жил с двумя женами одновременно. Вот как не виноват?

И женился второй раз, не оформляя развода с матерью. Ну как не двоеженец? Ведь его регистрация с матерью не законная, так как в свидетельстве о регистрации нет номера в книге записей в ЗАГСе. У матери нет оригинала свидетельства о регистрации, только копия, которую нотариус заверять отказался из-за отсутствия этого номера.

У меня нет оригинала свидетельства о рождении, только дубликат, выданный в 1956 году (чуть ли ни сам отец писал его, вспоминала как-то мать). Значит, я даже не имел документов о регистрации рождения, когда жил с матерью в Астрахани после уезда в 1942 году от отца с Дона.

Обнимаю, Борис.

Борис – Володе

29.10.87

Здравствуй, Володя!

Работа в редакции идет сложно.

Решил больше внимания отдавать сбору материалов. Попросил главного редактора подписать письмо в Военно-исторический архив о разрешении собрать материалы о выдающемся русском артиллеристе, одном из пионеров ракетного дела в России Константине Ивановиче Константинове (1817-1871). Столько человек сделал за свою жизнь, и даже никто книгу о нем не написал. Достаточно сказать, что от его изобретения пошли потом «Катюши». Кстати у меня бабушка имеет девичью фамилию Константинова.

Может, в этом архиве удастся поискать и материалы о твоём отце.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

27.11.87

Здравствуй, дорогой Боря!

Замолчал ты совсем. От жизни не убежишь. Не дождался твоего письма, благодаря обстоятельствам, пишу. Обстоятельства такие: получил письмо от тети Гути 16 октября, 21 октября получил телеграмму – умерла теть Потя – 86 лет. Хотел лететь, но, просидев в аэропорту, так и не смог (это было как раз в то время, когда в Москве скопилась масса народу в аэропорту). Пожалел. Письмо решил писать тебе. Что и делаю.

13 ноября получил письмо от Галины Баландиной, от сестры, которая была у меня в мае этого года. Решил кое-что из этого письма тебе переписать: «...Гуте одной тяжело, никто не помогает, никому нет дела. Отец (Аркадий Васильевич) бегаёт по делам Наталии (его дочери), которая покупает автомашину, а отец ищет гараж. Говорила с ним. Бесполезно, толком ничего не помнит, ты прочти заново письмо тети Гути, там, только там правда, все, что она узнала, побывав в Красноярске. 29/XI – будет сорок дней, снова ещё буду говорить с папой, с ним трудно говорить, и память неплохая, а тут ничего не помнит. Дядя Саша плоховат. Взяла у тети Поти её письма. Прочту все старые, может быть, что найду. Нашли похоронку Льва. Оставляла тете Гуте. Вова, не обижайся, но ничего папа говорить не хочет – не знаю, не знаю. А то говорит общие фразы, которые ты знаешь. Прочла старые письма и извещение, что (Африк) пропал без вести. Писем три – от папы, от дяди Саши и не знаю, от кого, в них только это «об Африке ничего не слышно, о Серафиме тоже», дата 21/VIII–42 г. «Лев 10/ VIII–42 г. также писал Африку, но он ничего не ответил, если ты знаешь что про него, напиши». И письмо от 21/II–34 г., видимо, от отца, так как пишет Африку и Гуте – благодарит за 50 руб., очень болят ноги, просит прислать адреса Шурки, Аркадия, Серафима – подпись «семья Сливкина». Четвертое письмо – папа (Аркадий Васильевич) пишет тете Поте 7/I – 42г.: «от Льва, Африка, Серафима нет никаких известий. Про Африка есть версия, что будто бы

попал в окружение или возможно в плен. Любка Африка свихнулась – второй или третий раз выходит замуж. Аркадий». Письмо из Самусьского Затона Томской области (родина моей матери).

На поминках стояли трое – папа, дядя Саша и дядя Вова – младший брат, и кто-то из них, я не поняла, бросил фразу: «Она убила его». Я говорю, кто кого, а дядя Саша объяснил – что Африк узнал об ее измене и сам лез под пули. Откуда узнали, никто не знает, видимо, предположение, так в кино бывает. Ничего не посылаю, боюсь, потеряет почта, привезу летом...»

Боря, в этом ее письме в скобках – моя запись.

«Из архива мне ответили – этот документ, наверное, уже у тебя – они перепутали Льва с Африком. Это Лев Сливкин призывался из Средней Азии, а отец пропал без вести, когда дивизия попала в окружение. А из Красноярского военкомата мне ответили, что такой не призывался, хотя я точно знаю, что отец призывался из Красноярска, в его трудовой книжке ясно это написано».

Пока все, Боря, теперь жду твое письмо.
Всего тебе доброго, большой привет жене.
Обнимаю, Вова.

(Все-таки дядя Саша считает, что Люба Никитина – мать Володи изменила мужу Африкану Сливкину – и он узнал.)

Володя – Борису
07.01.88

Здравствуй, дорогой Боря!

Очень редко мы стали писать друг другу. Жаль, конечно. Я думаю так, письма должны играть немаловажную роль в жизни человека, и нужно специально в своей работе выделять время для этого, и только исключительные обстоятельства должны красть это время. В наше быстрое время, насыщенное информацией и делами, всегда неотложными, мы забываем, наверное, о главном в каждом из нас, об общении с себе подобными, в простом диалоге и очень нужном споре, что, может быть, через письма, мы себе отказываем, так как просто забываем об этом в скоротечности времени. А письма пишем поэтому редко и очень короткие (слишком медленно пишутся слова, рука не успевает). Наступит ли то время, когда можно будет писать письма друзьям, а не ответы. Я думаю, едва ли это будет, поэтому мне страшно, что мы так сейчас живем – не так все, не так...

Самое страшное в сегодняшней молодежи, по-моему, равнодушие – плод нашего общества, вот и вялость в желаниях, жестокость к людям, бездуховность в жизни.

Зачем ты много переводил прозы и стихов, смысл? Моя мама другая, но смысл один – старость – это страшно, но не для них, а для нас, думающих о старости.

Мой дом построен на берегу моря (стрелять надо того, кто разрешил здесь строить). В один прекрасный момент берег стал валиться, наша улица попала в аварийную зону. Значит, дом продать нельзя, ничего взамен не давали. Люди в течение нескольких лет кое-как добились, что дали другие участки для застройки, поэтому дом нужно ломать и строить на новом месте, тогда можно будет продать или жить в нем. Ломать должен я сам и строить тоже, и сроку дали до 1990 года. Стройматериал сейчас стал вдвое – втрое дороже, и достать его труднее (в прессе только болтовня), никому нет дела, где люди будут жить, сломав дом, ведь новый дом еще не построен.

Все время до весны занято компьютером. Я считаю, эта вещь нужна всем, независимо от рода деятельности. Пример для тебя: можешь печатать любой текст на дисплей, одновременно исправляя ошибки и редактируя его, когда будет он готов, можно нажать кнопку – и он будет записан на магнитную ленту или напечатан на бумаге в любом количестве копий, причем напечатан он будет очень быстро. И еще скажу о компьютере – это не вычислительная машина, это в первую очередь языковая машина. Вот ты занимаешься переводами, компьютер может ускорить твою работу в 100 (!) раз. Сочиняешь стихи, компьютер поможет в этом – и опять же в экономии времени нужное слово найдешь за долю секунды. С компьютером можно разговаривать. Единственный его недостаток – его ответы будут подчинены очень жесткой логике, по-другому он не может – это логическая машина, построенная по законам логики. В наше скоротечное время такой помощник очень необходим. Вот еще немного тебе о компьютере. И не жалей, не общаться с ним будем, а работать, и отдыхать и наслаждаться, и все это вместе, это очень и очень не похоже на телевизор, с телевизором ты пассивен, а с ним нужно быть только активным, и думать, и думать.

О трате времени полностью с тобой согласен, схема хороша, могу только добавить: нужно постоянно ее усовершенствовать – ведь ты сам постоянно движешься вперед, кстати, опять компьютер, вот главный помощник в этом деле.

О философии. Я не мог в ней запутаться, так как я ее не знаю, а только представляю, что это за предмет, о чем он и для чего, и знаю точно, что в любом деле без какой-то философии не уедешь, поэтому она нужна каждому. Иначе можно запутаться в деле, которому служишь, – вот что я знаю. Твой пример о путнике хорош, но он не относится к той мысли, которую я хотел сказать.

Конечно «Письма Сенеки» я прочесть не смогу – нет времени на газеты и журналы, хоть я их все-таки читаю. Приходится много читать технической литературы. Подписался, кроме всего, в этом году на «Огонек»,

«Литературку» и «Аргументы и факты». Всего шесть газет и восемь журналов.

Твое рассуждение об истории и отношении к ней мне понравилось. Не понятно только одно – твой выбор темы, вот почему я тебя спросил об исторической прозе. Мне кажется, что твой подход к выбору темы изначально был неверен, зачем еще раз писать о том же, зачем еще раз выражать взгляд на то, о чем уже сказано, может быть, не в истории это и нужно, а в истории, по-моему, есть много «белых пятен». И задача историка – не писателя и писателя выявлять эти пятна. Ведь читатели хотят больше знать именно о «белых пятнах», а не выбирать, чья точка зрения лучше и правдивее, потому что все равно он не сможет это узнать, так как читателю недоступны архивные документы. Ему более интересно знать из истории то, о чем не говорили и не писали.

Мои рассуждения о мыслях ты не понял, ввиду неспособности моей четко излагать свои мысли, также как я не смог тебе изложить свои мысли о понимании другого человека. Чувствую, что не смогу тебе объяснить, как ни буду стараться, – нужно непосредственное общение, видеть и слышать.

Одиночество? Это преступление человечества.

Письмо, переписанное, Гали я тебе послал, там ответ о «парикмахере».

О Раскольникове слишком много пишут, о Сталине тоже, о Бухарине и т.д. Показать, что наступила гласность? Я ничему не верю, так как не нахожу логики во всем этом. Совершенно не верю в перестройку – это лапшу на уши нам вешают. До того развалили всю работу, дохозяйничались – вот и придумали перестройку. Но факт сталинских расправ уже не опровергнешь, он преступник. Мое мнение, побольше читать и анализировать. Из всего этого вытекает совсем другое: мне очень больно и обидно, что мы такие стали, что совершенно ничего не знаем о Ленине, что столько добра улетело в воздух и исчезает бесследно, что затушевывают нашу историю нынешнюю и раннюю.

Мать правду не скажет, если есть такая – таков ее характер.

Я знаю, что правда есть, но мне от этого не легче. Добыть правду об Африке в наших условиях невозможно.

(Володя почти всегда не называет Африкана Васильевича отцом, называет Африк.)

Не любят в нашей стране правду, да и кто ее любил за все время человечества.

Ты спросил меня за одиночество (*одесский оборот*). Ответь мне, что такое правда? Так же коротко, как я тебе ответил. Я ответить, что такое правда, не могу.

Совершенно забыл, что нельзя писать на другой стороне листа, извини, только сейчас вспомнил.

Большой привет твоей жене, может, напишешь о ней подробнее.

Всего вам доброго.
Обнимаю, Вова.

Борис – Володе
17.03.88

Здравствуй, Володя!

Правильно ты ругаешь меня, что мы отказываем себе в удовольствии писать друг другу письма, общаться откровенно, ведь это жизнь – духовная, а человек в своей суетливости стал очень мало времени жить духовно, больше занимается службой и борьбой с общественной суетой или бытовыми дрязгами. У меня все без перемен к лучшему. Хотя, вроде, опубликовали подборки стихов в журнале «Дон» и альманахе «Поэзия» и рассказ в журнале «Студенческий меридиан». На этот год вообще никаких публикаций не надеюсь увидеть, хотя перевел две повести и три подборки стихов. Много времени отдал сбору материала для очерка о ракетчике Константинове (1817–1871), жалею, что связался, настаивала супруга. Теперь надо писать, а заказчик что-то не интересуется, видимо, уже и не нужно. Так что может получиться, что придется где-то пристраивать, если даже и напишу. А «Александр Антонов» все отодвигается. Сил стало мало, болячки допекают. Но самое главное – Вале не лучше, а даже хуже. Что писать подробности – опухоль головного мозга, пока еще сама себя обслуживает, но очень слабая, все лучшие лекарства перепробовали, операцию боятся делать – может быть еще хуже, так как опухоль глубоко – глазного бугра. На работе грядут сокращения. Стихи пишу редко, и очень об этом жалею. Сын работает в Моспроекте чертежником, опять будет поступать в Архитектурный институт, но надежды никакой, хоть и занимается с репетиторами. Мама собирается переехать в Москву, характер стал еще хуже, поэтому ее еще жалче. Вот и все мои сопли–вопли.

Ответ на письмо тети Гути. Письмо очень интересное, многое проясняет. Но я больше буду успокаивать тебя, чем отвечать. В каждой семье много всякой дряни и дрязг. Когда ты вошел в семью своего отца, как в новый дом, тебе, как гостю, говорили только хорошее, доброе друг о друге, о твоих родных. И ты их принял. Теперь тебе можно говорить и о взаимных обидах и несчастьях. Это и отрезала в письмах тетя Гутя? Так что ответ на этот вопрос мы получили («я не все письма присылала»).

Мнение о дяде Саше у нее нелестное еще и потому, что дядя Саша талантливый человек, и, как все талантливые люди, самоуверенный, заносчивый, тщеславный, трудно выносимый для обычных людей, и сам порой их не одобряющий. Помнишь Пушкина: «Кто жил и мыслил, тот не может / В душе не презирать людей»? Для рядовых людей такие люди, как

дядя Саша, выглядят белой вороной, гадким утенком. Все гении были трудными, невыносимыми для окружающих людьми.

Тетя Потя называла тетю Гутю простофилей с таким презрением, что словно она полудурок. Раньше я не понимал, почему в сказках Иванушку называют дурачком. Он же такой умный, сообразительный. Но вот и тетя Гутя поняла, что ее так называют – за прямоту и откровенность, душу нараспашку. А теперь представь, что ты живешь в доме, без стен и загоронок, и на глазах других ешь, пьешь, любишь, делаешь интимные вещи, – а народ ходит мимо и потешается над тобой – разве ты не дурак?

(Прошло время – и по телевизору стали показывать программу «За стеклом».)

Аркадий, по словам тети Гути, – умница, а знаешь почему, потому что он дипломат в отношении с ней и с людьми. Он и тебе ничего не сказал и не скажет. Поэтому он и общительный, и веселый, нормальный. Он знает, когда и как с каждым можно общаться, вот и получается у него быть со всеми веселым.

Что касается музыкальных способностей дяди Саши, то я в них тоже верю. Неслучайно его речь в письмах так льется, столько в ней много интонаций. (Интонирует). Если он неправильно поет, это еще не значит, что у него нет музыкального слуха и музыкальной памяти – они внутри его. Моя бывшая супруга Лиля не могла спеть песню, а окончила музыкальную школу, и многие оперы знала наизусть. Помнишь, я тоже назвал себя музыкантом, хотя не играю ни на одном инструменте и свожу сложную мелодию. Но я же всю жизнь про себя пою и сочиняю песни, и даже аранжирую про себя несложные мелодии. Просто у меня не было условий получить музыкальное образование. Но все обиды и ошибка тети Гути простительны, потому что она не подготовлена их понять, хотя и умудреннее нас и по-своему права, как все нормальные (обычные) люди.

О прошлом каждый из членов семьи говорит по-разному потому, что это разные, хоть и родные, люди, разная у них память, и взгляды, и понимание. Ты можешь сам не вспомнить, как пошел в школу, и кто тебя держал за руку, отец или мать. Даже можешь вспомнить не так. Такие опыты проводились. Муж говорил, что на невесте было белое платье, а жена была уверена, что была в голубом, а теща – что был белый костюм и т.д. Так время искажает наше восприятие прожитой жизни. Я тоже уверен, что Аркадий Васильевич помнит точнее, так дядя Саша может вообразить, художественно домыслить. Говорят иногда: он даже верит в то, о чем соврал. Хорошо, что он знает, что не надо говорить, а что – надо.

Интересно, написала ли тетя Гутя о том, как они жили, как обещала? Написала ли о причине своего молчания в следующем письме, как обещала?

Ответ на твое письмо от 27.11.87. И память неплохая, а тут ничего не помнит. Так пишет тебе Галина. Володя, сейчас много пишут о том времени,

ты должен и это не снимать со счетов. Читал ли ты Рыбакова «Дети Арбата» и Гроссмана «Жизнь и судьба»? Впечатление такое, что люди не будут вспоминать те события, даже если мы их очень попросим. Каждый вел себя в то время как исхитрялся. Не исключено, что твой отец Африкан был репрессирован, попал в штрафбат и поэтому, чтобы спасти себя и тебя, мать, а может быть, и Аркадий Васильевич, и тетя Гутя, и прочие родные отrekliсь от него, и запретил поэтому Рябов говорить тебе о родном отце и его родственниках, (а с них взял клятву молчать). Поэтому и нет никаких документов о нем в военкомате и на предприятии, где он до этого работал. Поэтому не хочет вспоминать об этом и Аркадий Васильевич, и твоя мать не советует тебе искать следы отца. И если это, не дай Бог, так, то ничего ты не узнаешь. Единственный шанс – будет работать или уже работает комиссия по реабилитации репрессированных в годы культа, но адрес я вряд ли узнаю, видимо, надо обращаться в Прокуратуру СССР или что-то в этом роде.

Галина пишет, что прочла извещение об Африке, что пропал без вести. Это очень важно. Потому что далее есть такая фраза в письме Галины: «Любка Африка свихнулась – второй или третий раз выходит замуж. Аркадий». (7.1.42) Значит, к этому времени твоя мама была свободна от брака с Африком и могла выйти замуж? Только похоронка или заключение позволяли жене выйти замуж без развода второй раз. Не знаю, достаточно ли было извещения «пропал без вести». Володя, только не обижайся на маму. Люди расходятся – и забывают друг друга, даже в спокойное время, и им не до судьбы бывшего супруга (если без алиментов). Своих забот хватает. А в то страшное время даже известие, что попал в плен, или тем более пропал без вести, вычеркивало страхом человека из памяти супруга, тем более, может быть, еще и нелюбимого. По молодости могла и изменить.

(Полгода нет известий с фронта – свободно можешь выходить замуж?)

Когда твоя мама зарегистрировалась с Рябовым? Учти, что 10.08.42 Лев еще писал Африку (не получил ответа), а 21.08.42 дядя Саша писал: «об Африке ничего не слышно». А еще 07.01.42 (проверь дату) Аркадий писал: «Про Африка есть версия, что будто бы попал в окружение или, возможно, в плен». Кто эту версию и когда сообщил Аркадию (окружение или плен) на родину твоей матери в Томскую область – мать? Может сказать и она, и он.

Сделал ли ты запрос в Заельцовский военкомат г. Новосибирска, откуда пришло извещение: пропал без вести?

Разговор на поминках о том, что твоя мать изменой «убила» Африка, это обида потерявших своего родного брата – и было им тогда по 25 лет, молодые, неумудренные жизнью. Сейчас бы они так не сказали. Да и горе делает людей слепыми и эгоистами. Сейчас, наверное, и ты по-другому

смотришь на причины твоих разводов? Не суди мать. Африк мог погибнуть при любых отношениях с ней в любую секунду. И даже не лезть под пули.

Ответ на письмо от 07.01.88.

Как, Володя, подвигается твое строительство? И для кого нужен этот дом, трата сил, здоровья, денег, или вам тесно в квартире? Или думаете на берегу моря коротать свою старость, или отдадите дом или деньги, продав его, детям? Компьютер для писательского труда, конечно, вещь хорошая, но помощь эта будет лишать этот труд романтики. Даже на пишущих машинках не все писатели могут работать, а Лев Толстой был против даже авторучек. Так как любая механизация творчества – это кощунство. Некоторые сейчас наговаривают свои многометражные произведения на диктофон, и жены, или секретари их перепечатывают, редакторы редактируют. Но чем меньше труда вложено в текст, тем он ущербнее. Компьютер не найдет нужного слова, потому что даже словари синонимов не могут иногда помочь душе найти такие сочетания, как магические: «Унылая пора, очей очарованье» или «Я пережил свои желанья». А машинные стихи может написать и Вознесенский без всякого компьютера, назвать чайку – плавками бога, и душу женщины совмещенным санузелом. И ускорить работу в сто раз можно механическую, а не творческую. Даже перепечатывая готовое стихотворение, я нахожу иногда лучшее слово или строчку, и заменяю ту, над которой трудился весь предыдущий день. С компьютером тебе неинтересно будет переписываться, потому что он механический, а не комок нервов и чувств и культурных тканей (собранных веками гениями всех времен и народов). Все же это игра и отдых, но и они быстро наскучат, потом ты мне подтвердишь это, если вспомнишь.

(И я во многом ошибался, а компьютер оказался намного опаснее и много полезней.)

Очень жаль, что у тебя нет времени на Сенеку, а есть время засорять мозги газетами и журналами, которые пишут в основном посредственности (и для посредственностей). А вот один из классиков сказал: я не читаю газет из умственной гигиены (Бель). Но тогда ничего не будешь знать – не бойся, у нас столько источников, так они мощно работают, что все равно главное к тебе просочится в мозги, хотя бы из разговоров с людьми, которые кроме газет ничего не читают.

О выборе темы в истории ты рассуждаешь, как человек, ищущий в произведении материальную помощь, информацию, а не философию. Чтобы откликнуться на свое время, одни берут бетон и стекло, другие – кирпичи старинных храмов – и каждый строит свою версию жизни человека, какой он ее понимает сейчас, из этих материалов. Если ты не слышал, что Сталин подражал Ивану Грозному, что Петр I внедрил практику выбирать руководителей – бурмистров собранием народа, что в истории все

повторяется, то тебе трудно было уловить и в моем произведении отклик на «время застоя».

Об одиночестве ты ничего не сказал, а жаль. Любой афоризм ограничен и обманчив. Я тебе предложил порассуждать.

Я тебе уже не раз писал, Володя, что о политике я не буду с тобой дискутировать, потому что в ней ничего не понимаю. И не понимаю не потому, что глупый совсем, а потому что не хочу повторять глупости и не обладаю достаточной информацией и философским, логическим аппаратом. Ты попробуй ответить себе, знаешь ли ты диалектический и исторический материализм, что проходят в институте? Можешь ли ты этим методом проанализировать политические события у нас в стране и за рубежом? И ты поймешь, что ты ни хрена не знаешь и знать не сможешь никогда, потому что рассуждаешь, как баба на базаре. Сначала мне пишешь восторги, потом разочарования. Не пиши мне ничего об этом. О Сталине еще лет сто могут не сказать правды, если еще о Петре I ее никак не могут всю сказать, поэтому не опубликована до сих пор «История Петра I» в полном объеме, которую написал Пушкин. А он знал, что она не будет полностью опубликована. И в серии ЖЗЛ до сих пор не может выйти биография Ленина тоже неслучайно. Мы не готовы знать всю правду, как не готовы знать свое собственное будущее. Скажи тебе, что осталось жить два года, ты за два месяца от страха дуба дашь. И не только ты, все так. Пример – больные раком. О правде ты невольно повторяешь мои слова из драмы: «Никто не любит правды, оттого никто ее никак и не добьется». Это не открытие, но уровень мышления. Ответить на твой вопрос, что такое правда, пытаются все люди на земле уже лет 4 000, если не больше. Последний интересный ответ я прочитал в поэме Исаковского о том, как мужик пошел правду искать. Раньше поэму не печатали, она издана в прошлом году.

Вот как сложно написать мне ответ на твое письмо. Печатал 3 часа.

Хочется как-то спокойно встретиться, поговорить. Вот, может, когда уйду на вольные хлеба, приеду на лето, тогда потолкуем. Мой тебе совет, брать пример с моря: когда на поверхности шумит буря, на глубине тихо. И чем глубже, тем тише.

Обнимаю, большой привет Зое и Сереже. Твой Борис.

Володя – Борису

17.04.88

Боря, здравствуй!

Отвечаю на твое письмо от 17 марта. Очень интересное было твое письмо, месяц назад получил, только сейчас сел писать. Компьютер занял все свободное время и, как я понял, будет требовать все больше и больше

времени. Не знаю, как я напишу тебе сегодня письмо, мысли о компьютере не выходят из головы, все откладывал ответ из-за этих мыслей, которые здесь для меня помеха. Ведь писать письмо – это тоже творчество, и мне поэтому очень трудно писать, так как трудно собрать мысли. Поэтому, читая твое письмо, буду по ходу делать комментарии.

Занимаешься переводом? Зачем? Чтобы выразить свою мысль, прибегу к примеру. Писатель стал писателем на родине, вынужден покинуть ее и оставшуюся жизнь писать за границей, в совершенстве овладев языком другой страны, где живет и продолжает писать, но не на родном языке. Когда-то вдруг захочет перевести свое произведение на русский язык, и вдруг обнаруживает, что у него ничего не выходит, произведение в переводе получается совсем другое. Он пробует ранее написанное на родном языке перевести на тот, другой – и тоже ничего не получается. Этим примером я хочу сказать, что, кем бы ни переводилось, произведение в переводе теряет что-то то, за что его ценят на родном языке. Не помню, Маркс или Энгельс специально учили русский, чтобы прочитать «Слово о полку Игореве». А сколько людей переводят «Плач Ярославны», и какие они все не такие. Нужно прожить полжизни на старославянском, чтобы суметь перевести. Думаю, теперь ты понял мою мысль. Перевод – это, прежде всего, время, а время – дороже жизни, слишком мало его у нас в нашей чертовой жизни. Ведь «гомо–сапиенс» – человек разумный. А кто мы? На 99 % – животные и на 1 % – «гомо–сапиенс». Спим, работаем, чтобы не подохнуть, а на то, чем ты должен заниматься как «человек», времени нет. Переводы – это, наверное, твой хлеб насущный, если нет – нужно забыть о них. Подумай о главном, ведь у тебя должно быть главное.

Твоя фраза «настаивала супруга» – меня насторожила. «Стихи пишу редко» – не понятно, зачем тебе переводы, чем они лучше стихов.

«Сын... надежды никакой» – мое мнение – будет надежда, если не будет репетиторов, если человек не хочет, ничем его не заставишь, а если захочет, то сам может горы свернуть. Никакой опеки, каждый должен сам выбирать свой путь в жизни.

Ответ на письмо тете Гути мне понравился, анализ твой отличный, молодец.

Тетя Гутя молчит после похорон тети Поти, даже поздравительные открытки перестала присылать. У нас была Галя (Августа) Баландина. Нашла обмен для дочери из Красноярска на Измаил, заехала к нам. Почти ничего нового от нее я не узнал. Когда она родилась, мать ее захотела назвать Галей, а отец – в честь своей сестры захотел – Августой, он и оформил ее в документах Августой. Но все всегда звали ее Галей, и на работе всегда звали Галиной Аркадьевной. Тетя Гутя ей тоже не пишет, та послала ей из Красноярска посылку, а она не ответила, получила ли. Похороны ей не понравились. Тетя Потя умерла от отека легких, болела неделю. На похороны тетя Потя оставила в комоде 1000 рублей. А когда Галя все там перебрала, нашла еще 990 рублей, отдала Гуте. На сберкнижке было много денег, из-за которых были споры, в основном между Аркадием и Гутей. Остальные от

этих денег отказались. Дядя Саша выглядел на похоронах очень плохо, у него сильно болеет жена. Большую помощь (физическую) в похоронах оказал сын дяди Саши. У тети Гути очень сильно пьет сын, это ее беда, наверно, будет тянуть с матери все деньги тети Поти (пропивать). А ведь он пишет кандидатскую, до сих пор не женат.

О «Детях Арбата» хорошо знаю, но где их достать, на черном рынке – 100 рублей. Читаю в основном «Литературку», «Огонек», «Аргументы и факты». Как наши отцы и деды жили – страшно подумать, а ведь жили.

(Это – пафос книги. «Только не перегибай», – остановил Саша Пилин. И правильно. Можно в говне утонуть.)

Узнать что-то об Африке – это один шанс из миллиона. Надежды никакой. Отвечаю на твои вопросы.

Извещение о том, что Сливкин Африкан Васильевич пропал без вести, датируется 1947 годом – после войны. И было, наверно, ответом на запрос, но чей?

Дату регистрации моего дня рождения не знаю, но помню только, что в моем свидетельстве о рождении была дата регистрации моего рождения 1943 год. Свидетельства у меня нет, где оно, не знаю.

Запрос в Заельцовский военкомат г. Новосибирска не сделал. Меня вызывали в мой военкомат – туда пришел ответ из Архива МО СССР, опять тот же. Они (в военкомате) решили сделать запрос в Красноярск.

Разговор на поминках именно был сейчас.

Если не строить дом – пропадет все, так что нужно как-то строить, а что будет дальше – не знаю.

Компьютер – очень хороший механический помощник, и писателю, и композитору, и художнику, только многие этого еще не понимают. А жаль.

А теперь выдержка из одной книги о компьютере:

«По нашему убеждению, компьютер, действующий по специальной диалоговой программе, может выступить в роли действительно беспристрастного, объективного посредника при сопоставлении группой людей индивидуальных точек зрения по какому-либо вопросу».

А теперь – выдержка о «понимании». «Наличие собственной пристрастной позиции часто затрудняет наше понимание иной точки зрения. Нередко деловые и бытовые конфликты разворачиваются на почве утраты взаимопонимания: стороны искаженно представляют себе позицию друг друга. Мешает эгоцентризм – неспособность увидеть ситуацию с «чужой колокольни». При этом эгоцентрику кажется, что он-то «отлично понимает и слова, и мысли, и намерения» партнера, но на самом деле в конфликтной ситуации, как многократно показывали психологи, происходит не понимание, а контрастная иллюзия – партнеру приписывается точка зрения, противоположная собственной. Вместо спора о сути дела возникает спор

двух глухих – каждый спорит со своим мнимым, воображаемым оппонентом. Понятно, что в таком споре трудно добраться до компромисса. А ведь для этого необходимо как минимум понять точку зрения другого, понять, какие за ней кроются резоны, постараться найти общность позиций и, отталкиваясь от нее, достроить более полное, цельное понимание ситуации...»

Как хорошо здесь сказано о том понимании, о котором я когда-то тебе писал, и у нас получилась даже дискуссия по этому. Я писал, что как бы было хорошо, чтобы каждый из нас осознал то, что прежде чем спорить, нужно постараться сначала понять другого, и, если это будет обоюдно, как легче стало бы жить и легче бы стало понимание между людьми. Я как-то сказал такую мысль одному мужчине старше меня, он удивленно посмотрел на меня и сказал: «А ведь ты прав, многие наши житейские беды от непонимания одной из сторон».

Работа на компьютере – это тоже творчество. Американцы установили точный факт – компьютер может давать новые знания. И наверняка наступит такое время (уже наступает), когда человеческий мозг будет не в состоянии осмыслить тот поток знаний, информации, что может наступить крах, катастрофа, и помощник в деле избежания краха будет компьютер. Поиск слова в словаре синонимов займет в тысячу раз больше времени, чем это сделает компьютер. Твое предсказание едва ли сбудется. Но ты, мне кажется, никогда не сможешь понять, что такое компьютер, как человек чувства, эмоций, а эта машина – очень жесткая логика – совершенно без чувств и эмоций.

Я не засоряю мозги газетами и журналами, а просто хочу знать историю нашего времени, о котором начали писать только в газетах и журналах, я читаю только об этом. Зря ты меня упрощаешь. Я увидел в твоём «Иване Болотникове» «исторические параллели». А в истории, чтобы была философия, нужны сначала факты, которые постоянно умалчивают. А я говорю о чистой истории, которую сейчас стали публиковать в журнале «Москва», а не о художественно-историческом произведении, я думал, ты это понимаешь.

Одиночество – это преступление человечества, а не афоризм – этим, по моему, сказано все. Я так и не пойму, что же ты понимаешь под политикой, я стараюсь тебе об этом не писать, но ты опять пишешь об этом. Да и как можно писать об истории, не зная политики в любом ее понятии. Очень жаль твоих трех часов, которые ты потратил на мое письмо. Твой совет мне не нравится - так можно ничего и не знать.

Обнимаю, большой привет жене. Пиши, Вова.

Володя – Борису

16.07.88

Здравствуй, Боря!

С 11 июля в отпуске, все дни на Фонтанке, сегодня вырвался, приехал – лежит твое письмо. Решил ответить сразу. Дело все в том, что до сентября редко буду бывать дома. Галина поменяла квартиру дочери на Измаил, значит, часто будет бывать в Одессе. В одном из писем Галина (Баландина) пишет (дословно):

«Сижу на «Красмаше», плачу и жду Вивдича Григория Трофимовича, 1914 г.р. – он жив (мне тогда сказали ложь, что он не работает и его нет, видимо, отчество влияло). А вышло так, я ехала от Лены (дочери) в поезде (местном) в Красноярск. В купе была женщина, на пенсии, с «Красмаша». У нее спросила о Вивдиче, она его знает. Он работает, пришел ко мне, хорошо выглядит, говорит, что хорошо помнит Африка, который был женат. А он холост и у них были разные компании. Но он ушел в 1-й день войны из КБ и именно на фронт. Ася, не Новожилова, а Ася Новоселова. Она не работает, он пошел звонить ей, а я пишу дальше. Семейку, жену, тебя Вивдич не знал, но работали вместе три года. Африк был добрый, обычный, хороший человек. Сейчас уже нашли адрес Аси Новоселовой, иду к ней домой. Он мне покажет дом, так как не знает № квартиры и дома. Вивдич очень приятный человек, не спешит, все объясняет, очень молодо выглядит, подтянут, не высок, лицо молодое.

Уже была у Анастасии Афанасьевны Новоселовой (Сурьяникова): ул. Красноярский рабочий, 46. Она плохо видит, карточку рассматривала в лупу. Но Африка помнит, он приехал молодым специалистом в 37 или 38 лет (не помнит), а она работала чертежницей с 1935 года в КБ. В 37-м году начальника отдела Смирнова Николая Николаевича забрали, Рашида Ибрагимова забрали, взяли 2/3 отдела в 37-м году, но Африка еще не было.

(Забрали как «врагов народа».)

Потом он приехал, работал хорошо, спокойный, умный, много работал. Взяли в первый день войны в военкомат и все, больше не пришел – никто не вернулся. Покрышкина сняли в 41 году, когда приехали Коломенский и Ленинградский оружейные заводы. Покрышкин переживал, заболел, умер от чихотки. Еще арестовали Смолеху, Саран, – не помнит, кто еще ушел в военкомат. Но Африка не арестовали – это она помнит точно. Ее дом. тел 33–14–32. Она очень спешила, возится с правнуком, ей надо было уезжать к нему – это четыре остановки, – мы с ней ехали до них, и все она вспоминала.

Свинтинская – это вторая жена Паклина, она приехала в войну из Киева, и он бросил первую жену. Она живет: ул. Красноярский рабочий, 48, рядом с Новоселовой, но она ничего не знает, что было до войны, а Паклин умер. В Архиве нет Африка, обещали поднять ведомости, платежки, сейчас перееду и пойду снова в Архив.

Посылаю вырезку из газеты – Варишикову не видела, но звонила домой, она на больничном, все записала, через месяц мне позвонит, если нет, то я позвоню ей. Телефон Вивдича 33-22-24, адрес: ул. Парковая, 9. Это тоже рядом. Меня удивил его вид, очень подвижен, молод, и Африк мог бы быть

таким. Новоселова тоже молодец – только глаза подводят, в трамвае ехали – она без палочки, немного видит, но везде с лупой ходит. Она с 1918 г., дом напротив проходной «Красмаш». Пока все. Буду ждать до 25/VII, что скажет Варшикова, затем архив, военкомат. Хотела сейчас туда, но Варшикова сказала, что у них уже есть опыт – подождать их ответа».

Вот такое письмо написала мне Галина. Сейчас она на Фонтанке, дальнейшее ей сделать не удалось, свои дела помешали. Она мне привезла письма, которые были у тети Поти. Переписываю каждое дословно:

«Здравствуй, Потя! Пишу с Кавказа, Чечено-Ингушской АССР, недалеко от Грозного. Назначение своей работы еще не получил, поэтому адреса еще не имею и писать мне некуда, днями будет адрес – напишу. Так я и не узнал, где сейчас Августа, Ты, будь добра, узнай и в первом же письме сообщи мне о ней. Так же писал Африку, но он ничего не ответил, если ты знаешь что про него (зачеркнутое слово), напиши. Сообщи адрес Аркадия. Жив, здоров, с приветом, брат Лев. Привет всем родным и знакомым» 10VIII– /На обороте листа обратный адрес: Л-нт Сливкин Л.В. Цензурой просмотрено.

«Тайга 21/VIII–42.

Потя, здравствуй!

Не знаю, где ты находишься, но все равно пишу тебе письмо. Давно уже от тебя ничего не получал и не знаю, как ты живешь, да и у меня произошли в жизни некоторые изменения. Пишу о себе. Из госпиталя выписался – годным к нестроевой службе в тыловых частях округа. Домой не отпустили даже и на краткосрочный отпуск, и Дусе никак нельзя приехать ко мне. Служу я сейчас в тыловых частях Красной Армии. Работаю в качестве кинорадиомеханика в красноармейском агитпункте в армейских условиях. Работа моя не тяжела, хорошая, как раз по мне. Живу вместе с комсоставом, кормят – все не поедаю, словом, живу я пока очень хорошо по теперешнему времени. Моя работа заключается: дежурство в радиоузле, держать всю аппаратуру в порядке и в исправном состоянии, вечерами демонстрировать кинокартину, встречать и провожать эшелоны музыкой и снабжать их литературой и газетами. Иногда приходится мало поспать, но с этим еще можно мириться. Рука моя совсем зажила, здоровье мое поправляется. Я уже почти таким же стал, каким был до армии. Семья моя живет тоже неплохо. Томочка болела, теперь поправляется, пока что ничего не угрожает и с этой стороны. От Льва получил письмо, отвечать пока не велел до следующего письма. Об Африке ничего не слышно, о Серафиме тоже. Августа тебе пишет. С приветом, брат Шура».

(Да, это письмо написал Сливкин Александр Васильевич, дядя Саша, который пишет письма Володе.)

«Здравствуй, Потя! Давно я тебе не писал, все занят, занят и без конца занят. Изменений особых не произошло, работаю все еще в Самуськах, но работа вообще-то не радует, все надоело. Лично сам с семьей живу сносно по настоящему времени. Сейчас приходится заниматься натуральным хозяйством, то есть садить огород, заготавливать дрова, держать корову и другой скот, так что с первого взгляда не различишь – инженер или крестьянин, но приходится мириться – эта война покажет и научит работать по-настоящему. Кто не знал раньше, как добывать хлеб. В этом году весной, если возьмут в армию, хотя у меня здоровье неважное, придется посадить огород с большим запасом, чтобы перейти целиком на свое пропитание и не посещать столовых и базара.

Семья здорова, от Льва, Африка, Серафима нет никаких вестей, про Африка есть версия, что будто бы попал в окружение или возможно в плен. Пиши, где Потя и как Сливкины, напиши, как живешь. С приветом, Аркадий. 7/1–42 г.

Любка Африка свихнулась, второй или третий раз выходит замуж».

А это – из рассказа Аркадия Василдьевича своей дочери Галине (Баландиной):

«У Августы был последний раз в конце апреля, обещала она мне 2000 руб. Сторговал автомашину «Нива» за 7000 руб. Денег Августа не прислала, а мы 7 тыс. не могли набрать, так и упустили хорошую новую машину. Владимир поздно начал разыскивать след отца Африкана. 12–15 лет назад я ему передал фото и письма Африкана, на них есть штампы полевой почты его военной части. В армейских архивах можно разыскать действительную историю гибели дивизии, и, возможно, через газеты можно разыскать еще живых освобожденных из плена, находившихся с Африканом в немецких лагерях. Парикмахер в разговоре пересказал мне два раза, как их взяли в плен и отправили на автомашинах в тыл, в Германию, и здесь же говорил, что их отправили пешком под конвоем в разных партиях. Болтун он, этот парикмахер, то он говорил, что каждому пленному предлагали служить у немцев, то говорил, что предлагали позднее в лагерях. Я понял из разговора, что их развезли по разным лагерям, и он Африка в плену не встречал. Дункович (мой знакомый, работник Красноярского речного порта) был в одной дивизии с Африком, но в разных подразделениях, ихняя группа вышла из окружения, а группа, где был Африк, Дункович точно знает, из окружения не вышла. Дункович должен знать, когда и где происходило это трагическое событие. Лучше, с перспективой на положительный результат, делать объявление о розыске через центральную печать с указанием номера воинской части». 9.06.88».

Вот пока и все, Боря, что я хотел тебе сообщить.
Обнимаю, Вова.

ВОПРОСЫ – ОТВЕТЫ

Вопрос

Борис

Володя, куда делись все письма Африка?

Володя

Мать сказала, что все, что было, она хранила в одном месте, в комод, и что все куда-то исчезло еще до 1952 года, в Хабаровске, и что Рябов не мог это сделать. В то время с ними жила тетя Надя, от семьи которой я узнал о Сливкиных, так что можно предположить три варианта: Рябов уничтожил, тетя Надя выкрала, мать потеряла, а может, сама уничтожила.

Еще мне мать сказала, что Соловьев, который утонул подо льдом Енисея (это известие мать страшно огорчило), был очень хороший порядочный человек, из семьи старого интеллигента, он высоко ценил Африка, как специалиста, и говорил, что в будущем он (Африк) будет крупным ученым.

Еще мать сказала, что Африк был представлен к правительственной награде за работу на Красмаше, но награда до нее не дошла, война помешала, и сказала, что Африк до женитьбы учился в институте, который бросил на 1-м или 2-м курсе ради сестры Гути, которой нужно было помогать. Он пошел работать и помогал Гуте учиться в техникуме.

Борис

Наконец-то твоя мама сказала что-то об Африке. Только где же те письма от отца – после окружения, и ответ о том, что он не вернулся с задания?

Если документы были, они где-то остались. Письма Рябов или кто-то другой не мог выбросить без разрешения твоей матери. Может быть, когда-нибудь она откроет тайну.

Володя

Документов не было, были только письма. Если в этом есть тайна, мать никогда мне не скажет ее. С тетей Надей и ее сыном сближение исключено, мои попытки пресекались.

Борис

Старайся выяснить, куда все же девался пакет с документами – еще раз у матери, у тети Нади, у сестер, у семьи Рябова. Он никуда не пропал.

Вопрос

Борис

Володя, может быть узнать, кто еще был другом Африкана Сливкина, кому он мог писать письма с фронта, и вообще что-то поверять в своих письмах? О друге может вспомнить и мать, и дядя Саша, и другие родственники.

Володя

Давно уже стало понятно, Боря, что нет уже таких ветеранов, не к кому обратиться. Все мои попытки пресечены были, когда я первый раз обращался на завод «Красмаш». На мать и дядю Сашу надежды нет. Мать забыла все имена. А дядя Саша не мог знать друзей Африка предвоенного времени. Что-то последнее время многие мои письма об Африке к людям остаются без ответа. Десять лет назад ответов было больше.

Вопрос

Борис

Ты прислал ответ на письмо в «Бюллетень розыска родных» по программе «Маяк». Они предложили обратиться в органы милиции по месту жительства. Разве ты еще ни разу не обращался? Тогда надо срочно обратиться.

Володя

В милицию я не обращался, просто не додумался просить милицию о всесоюзном розыске, а как объяснить причину моего желания?

Борис

Ты какой-то гнаивный, Володя. Опиши в заявлении, что ты ищешь отца, что многие инстанции тебе не смогли помочь. Ведь если отец жив, он где-то прописан. И милиция знает, где.

Володя

Всесоюзный розыск через милицию, я отбросил. Тетя Гутя мне сказала – Африк бы давно заявил о себе, если он на родной земле, – он мертв. А если за границей?.. То и милиция не поможет.

ГЛАВА IV

ВОЛОДЯ – БОРИС

Борис – Володе

11.09. 88

Здравствуй, Володя!

Перешел работать в «Литературную газету». Пока входил в дела, некогда было продохнуть. Работаю обозревателем отдела критики. Много приходится читать периодических журналов. Андрюша сдавал опять в Архитектурный институт, не прошел, не добрал одного балла на вечерний факультет. Он летал, в первый раз, к бабушке в Астрахань. Тебя не тянет в Астрахань? Как твои ребята? Как мама? Как идет стройка?

Ответ на твое письмо от 16.07.88.

Галина не успела с Варишиковой узнать в архиве завода «Красмаш» об Африке, узнать в военкомате об Африке. Может еще сделает это?

По поводу письма Аркадия. Он уже в январе 1942 года знал версию, что «Африк попал в окружение или возможно в плен». От кого он это узнал, от парикмахера, наверное?

Володя, сколько раз выходила замуж твоя мама? Если она до 7 января 1942 года выходила замуж за Рябова, значит, она уже имела документ, освобождающий ее от мужа Африкана Сливкина, или нет?

Ответ на последнее письмо Аркадия дочери Галине. Перед тобой – план действий. Воспользовался ли ты этим планом? По полевой почте нужно найти часть, дивизию, в которую она входила. В библиотеке в Одессе узнать, что об этой части, дивизии написано, какие люди из этой части вернулись из плена, что они рассказывают, некоторые, может быть, еще живы, и с ними можно наладить переписку. Может быть, найдутся очевидцы, знающие, что стало с Африканом Сливкиным, такое имя вспомнит каждый. В Центральный архив можно сделать запрос об этой части и людях, которые были в ней и живы до сих пор. Аркадий прямо пишет о «находившихся с Африканом в немецких лагерях». Значит, уверен?

Связался ли ты с Дунковичем? Может быть, нам обратиться, действительно, в «Красную звезду» с письмом сына, разыскивающего отца, с указанием номера военной части. Ты напиши текст такого письма, а я постараюсь его дать тому, кто не бросит его в корзину в редакции газеты. Только не пиши, куда ты обращаешься. Текст примерно такой:

«Здравствуйте, дорогая редакция!

Недавно, совершенно случайно, узнал, что воспитывал меня всю жизнь отчим, очень хороший человек. А мой родной отец, Сливкин Африкан Васильевич.

(И дальше пишешь его краткую биографию, год рождения, где учился, где работал, когда и откуда ушел на фронт, в какой части воевал. Приводишь текст последнего письма от Африка)... Обращаюсь к Вам с просьбой: опубликуйте, пожалуйста, мое письмо и номер части, где служил мой отец. Может быть, кто-то откликнется из его однополчан и тех людей, кто видел

его после окружения. Очень хочется знать все о родном отце. (И подпись)». Такое письмо лучше писать от руки.

Привет твоей супруге. Моя Валя все так же больна, и не можем ей помочь.

Всего хорошего. Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

04.12.88

Здравствуй, Боря!

Дорогой товарищ, наконец-то я смог сесть писать тебе ответ. Очень я виноват, оправдываться не буду. Галина Баландина теперь частый гость у нас, ее дочь после обмена квартиры из Красноярска живет в Измаиле. Она (Галина) часто туда ездит, обещала поговорить с Варишиковой.

Отвечаю на твои вопросы.

План действия Аркадия? А чем я занимался при твоём содействии все эти годы? Чем это закончилось, ты знаешь.

Дункович умер в 1982 году.

Идея с письмом в газету мне понравилась. В брежневские времена это было сделать нельзя, может быть, сейчас поможет, хотя я совершенно не верю всей этой возне в нашем обществе. Письмо в редакцию я прилагаю.

В сентябре приезжала ко мне тетя Гутя с сыном, была всего пять дней, а другие пять дней она использовала, чтобы из Одессы съездить в Моздок, около Минеральных Вод, на братскую могилу, где похоронен Лев Сливкин, – она была там в первый раз. То, что мне рассказала, я мало запомнил, попросил ее все это записать в тетрадь и выслать мне.

Запомнил один эпизод. Когда отец Василий Фомич попал под раскулачивание, Аркадий официально, через местную газету, написал, что он отрекается от отца.

(Иисус Христос сказал – Петру: «Как пропоет петух – трижды отречешься от меня.»)

И по этому поводу тетя Гутя помнит разговор Африка с Аркадием, она присутствовала. Африк назвал Аркадия сволочью. Вот приблизительно так я запомнил ее рассказ. Она обещала обо всем написать.

Дядя Саша, который так давно мне ничего не писал, вдруг сразу прислал два больших письма в трех конвертах, я их тебе пересылаю. В них есть кое-что интересное. Высылаю в четырех конвертах два письма его.

Спасибо за поздравление. Компьютер (простейший) я сделал давно. Сейчас все время уходит на него – учусь программированию – неплохая статья была в «Литературке» о компьютерах. Мы – самая отсталая страна в

этом деле и наверняка уже, наверно, никого не догоним в этом очень нам нужном деле.

У вас в редакции, кажется, есть компьютер, если есть интерес, посмотри, что это такое, о своем впечатлении напиши.

Сергей женился, весной заканчивает техникум, поедет работать в Арзамас. А мне весной предстоит продолжение стройки.

В Астрахань не тянет, у меня там ничего и никого не осталось.

Мать моя молчит, о детях ничего не знаю.

Посылаю письма дяди Саши.

Пока все, пиши. Привет Вале. Крепко обнимаю, Вова.

ПИСЬМА ДЯДИ САШИ

Дядя Саша – Володе

Белово

17.11.88

Здравствуйте, Володя, Зоя и Сережа!

Привет от Марии Александровны.

Сегодня мне делать нечего. Ногу мою, сломанную, загипсовали и не велели ходить на улицу до 11 декабря. Придешь в больницу, и мы снимем гипс. Вот и пишу. Развернул свою книжку, там написано 15 письмо, а не написано, написал ли я его вам или нет.

Это я работал в Барабенске, собирал элеватор, техническое оборудование. Механик сбежал, и меня поставили механиком. Там я познакомился с Дусей. Но, что я на ней женюсь, не договаривались. В газете я увидел приказ, что допризывники, тылоополченцы, 1906 года, должны явиться в военкомат, такого-то числа, с военными билетами. Я уже просрочил две недели. Что делать? Элеватор скоро закончим, и решил не являться. Все равно уже отвечать. (Напиши мне, писал я это или нет).

Элеватор я сдал на «отлично», получил премию 300 рублей.

В Новосибирске получил новую командировку – на другой элеватор, со званием механика.

Я пошел в военкомат. Там со мной строго поговорили, дали мне направление, а документы, сказали, вышлем по почте, в Анжерку. Не вздумай убежать!

Я думал, куда мне бежать? Лучше отслужу и получу настоящие документы, и там будет вольная пища. А на производство написал: за несвоевременную явку в военкомат, арестовали и угнали на шахту в Анжерку.

Когда я прибыл в Анжерку, нашел ополченцев. Пришел в контору, там был только один писарь. Я ему показал свое направление. Он сказал: по направлению мы не зачисляем в часть. – А как мне теперь быть? – Он отвел меня в казарму, показал на постель: вот здесь занимай место.

Я и занял. День жду, два жду. Никто мне ничего не говорит. Люди утром встают, идут на работу, в столовую. И я в столовую – покушал. Пошел, на шахту, в мастерские. Слесаря в грязи с большим оборудованием возятся. Заглянул в другую комнату – электрики с моторами возятся, здесь чище. Вот сюда я приду. И зашел туда. Там один молодой парень работает. Я его спросил: ты тылоополченец? – Нет, я вольный. – Один? – Один. Электриков–слесарей никого нет.

Заходит пожилой мужчина, спросил меня: чем интересуешься?

Я сказал: я ополченец. И интересуюсь, как бы сюда поступить работать. – Ты электрик? Кто ваш командир? – Пока никто. Я недавно прибыл. – Как фамилия? – Я сказал. – Хорошо. Я договорюсь.

На другой день уже работал. Все на шахту ходили работать строем, а я ходил один. Электриков на шахте было несколько. И у них был бригадир Вася, балагур такой, но грамотный. Все они линейщики, и он тоже. С проводами, с кабелями возились. Подвести кабель, подключить, отключить. И высокое напряжение – тоже за ними. Иногда я с ними работал.

Получили английский электромотор, в 100 квт, и устройство к нему пусковое. Электромотор предназначен выкачивать воду из шахты. Пусковое устройство никто не знал, как включать, его прислали к нам – разобраться. А электромотор спустили в шахту. Вася велел мне разобраться. Инструкция – на английском языке. Но схема есть, и она несложная. Я довольно быстро разобрался и Васе рассказал, как нужно включать, и ушел в столовую.

Прихожу, а там стоят два мастера, зав. электроцехом и зав. мастерской, а Вася им толкует, как работает пусковое устройство. Я увидел, что он неправильно им показывает. Они, конечно, ничего не поняли. Я его спросил: зачем ты их обманываешь?

Он захохотал и сказал: я им целый час доказывал, что они, дураки, и они так и не поняли.

Я подумал, это нехорошо.

А вот другой случай. В самой шахте стояли в каморах небольшие 50 квт трансформаторы 6 киловольт 380 ватт. В камору подводится высоковольтный кабель и подключается к трансформатору голыми шинами высокого напряжения. Нам нужно было 380 вывести к рубильнику. Низкое напряжение мы отключили, и стали на корточках по стене проводить провода. И я незаметно забрался под высокое напряжение. Шины высоковольтные от моей головы – пять-шесть сантиметров. Стоит мне только тряхнуть головой – и смерть мгновенно. Вася это увидел – и не крикнул, не дернул меня за руку. Он осторожно подложил мне плоскогубцы и сказал мне: Саша, подвинь мне плоскогубцы.

Я увидел плоскогубцы и нагнулся, чтобы двинуть их ему. Он поймал меня за руку и выдернул оттуда. Показал, где я был – у меня мороз по коже прошел.

Таких случаев смертельных было два, и мне не нравилось работать в шахте.

Шахта 1–6 самая старая. До ополченцев она добывала в сутки одну тысячу, при ополченцах добычу увеличили вдвое. Уголь добывали кайлом и отбойным молотком. Работать было очень тяжело, а зарплаты – никакой. Ополченцы начали сбегать, побег стал массовым. Тогда все бараки обнесли высоким забором, и сверху – колючая проволока. И водить стали под конвоем. Но тогда стали мало добывать угля. Сделали штрафную роту – все равно ничего не помогает.

Я написал стихотворение, такого содержания:

*Эй, молодежь, вас труд зовет,
Вас труд зовет свободный.
А изнуренный организм
У всех у нас – голодный.
Нас взяли все здесь на прорыв,
Мы дети все лишенцев.
И заповедь не повторив,
Должны прорыв окончить.
И ты как будто позабыл
Тот клич труда свободный,
По воле их совсем затих.
Ослабший и голодный.*

Этот листок я бросил в зале красного уголка – он сразу исчез.

На шахтах у нас электрослесари участвовали в соревновании, БИС–15 и 5–7. Кто быстрее разберет и соберет электромотор 7,3 кв. от шахтового транспортера (в то время они только и работали). Электромоторы часто выходили из строя, забивались пылью, и их приходилось часто чистить. На соревнованиях добились до 1 часа 20 минут. Обычно было 2 часа. И это дело тянулось – скоро будет целый год. Мне тоже приходилось разбирать их немало. Но я их разбирал намного быстрее (меньше часу). Сказал как-то профсоюзному деятелю нашей шахты: пошли меня на соревнование, я их сразу обгоню.

Он заинтересовался. И я читаю в нашей Анжерской газете «Борьба за уголь» объявление. Такого-то числа будет соревнование на шахте 5–7, три шахты, по разборке и сборке электромотора. От шахты 5–7 т. Чуркин, от шахты БИС–15 Маслов и от шахты 1–6 Сливкин. Я читаю – и глазам не верю. Побежал в профком с газетой: это что? Он ответил: ты же сам напророчился, я забыл сказать, приготовься.

Вот, черт возьми! Я же никогда ни с кем не соревновался. Что делать? Моторы грязные, гайки плохие, и все разные (на одну гайку нужно 2–3

ключа), все погнуто, все забито. Их ведь часто из шахты вытаскивают тросом, зацепят за шестерку, бросят две-три в вагонетку и с ней поднимут наружу. А там за трос берут и, как попало, тянут в мастерскую.

Дело было зимой. Все это я хорошо знаю. И даже покался, зачем я в это дело ввязался. Но дело сделано. Нужно что-то предпринимать. У меня в мастерской стоят два таких мотора. Подошел к ним, посмотрел, взял ключ только к одному болту – он подошел, и то отвернуть его нельзя – крышка мешает. Здесь нужно торцевым ключом отвертывать. А что, если сделать ключ торцевой? Все равно нужно не один и не два. В углу стоит стержень. Подошел к нему, стальной. Хорошо, можно два ключа сделать. Если оба конца использовать, то будет четыре ключа – ловко. Подошел к токарю (мы там все хорошо знакомы), и попросил его выточить два двухконцевых ключа, размеры ему дал. Он выточил быстро. Я из них сделал четыре ключа – все разные. Попробовал – все болты можно отвернуть. Вот как здорово! Все равно долго. Крутить их неудобно: нужно их крутить ключом. Постой, они достаточно длинные, их можно согнуть под прямым углом. Я подошел к кузнецу, и там согнул и закалил головки. Попробовал – удобно отворачивать. А когда болт ослабнет, то можно по ключу стукнуть рукой – и он быстро закрутится, и болт весь вывернется. Вот это здорово, действительно. Ну, теперь я не боюсь, и успокоился.

На место соревнования я пришел раньше на час. Там никого не было. Вскоре привезли три мотора, грязные, во льду. Я их взял, поставил на чистое место, обмел веником. В помещении было жарко, поэтому с них стало быстро все оттаивать и отставать. Я все это отковыривал и тряпкой обтирал. Попробовал свои ключи – ко всем подходят хорошо.

Стал собираться народ. Пришел мужчина с шахты БИС-15 с ключами, отверткой и плоскогубцами. Мой противник с шахты 5-7, молодой, серьезный, самонадеянный, ни с кем не разговаривает. Профсоюзные деятели пришли. А зал уже шумит от публики. Начали соревнование. Поставили моторы посередине сцены, и нас поставили против моторов.

Я оказался с краю, левый. Дали команду. Я, не помня себя, бросился на свой мотор. Нужно снять кожух вентилятора. Он крепится на четырех шурупах под отвертку. Стал отвертывать, а там головка испорчена – отвертка не берет. Ну, вот и задержусь. Как отвернуть? Попробовал плоскогубцами – пошла, быстро отвернул. Куда девать? Положил в карман пиджака. А те все хорошо отвернулись. Дело за крышками. Вот тут меня ключи выручили. Я был сильно возбужденный, никого не слышал, ничего не видел. Лихорадочно торопился. С одного удара я отвинтил один болт, все болты отвернул. Нужно снять крышку, а она не снимается. Я так и сяк – не снимается. Побил кругом молотком, с силой дернул, легко снялась – и я упал на задницу. Народ в зале захохотал. Вторую крышку быстро отвернул, крышка легко снялась, и я вытащил ротор. Теперь нужно собрать мотор. Осторожно вставил ротор в статор – и надеваю крышки. Начал привинчивать болты, глянул на партнеров, а у них уже обе крышки закрыты. Это что, я опоздал? Сразу я как-то смяк, и

не стал торопиться. Потихоньку все собрал, и поставил мотор на место. Встал какой-то человек, сказал: одиннадцать минут.

Как одиннадцать минут? Всего? А мне показалась вечность. Так они еще не разобрали моторы. И верится, и не верится. Ох, как мне долго показалось, они возились. Результат: шахта БИС-15 – 1 час 20 минут; шахта 5-7 – 1 час 10 минут; шахта 1-6 – 11 минут.

Утром в газете «Борьба за уголь» было напечатано на первой странице крупными буквами: «Подхватить инициативу т. Сливкина всеми шахтами Кузбасса», а затем мелким буквами – о соревновании, и почему Сливкин имел такой громадный успех – благодаря ключей, самим им изготовленных.

Больше этих соревнований не было. И запретили ополченцев брать для этого. А меня комиссар шахты взял к себе, он вел себя со мной очень дружелюбно. Администрация купила аппаратуру для радиоузла и кинотеатра. И меня взяли с производства обслуживать эту аппаратуру. Я с этой аппаратурой был незнаком, тем более – с киноаппаратурой.

Комиссар, веселый человек, занимал пост – заведовать культурой. Отвели мне комнату, и он сказал: изучи, разберись и работай.

Почему он это сделал?

В ополчении здесь был Кузнецов, работал плотником. Я ему посоветовал пойти работать к нам в мастерскую слесарем. Все-таки – в тепле, и много вольных. Через них можно кое-что прирабатывать. Сперва он не согласился, а потом, смотрю, он работает слесарем. Мы ведь с ним – друзья со школьной скамьи. И еще один – Виктор, он сам был лишен голоса, женат. У него была своя «фотография», с одного года со мной. Он еще сватом мне приходился. И жалковался мне – фотографического материала много гибнет: бумага, пластинки, химикаты. Я как-то в разговоре с комиссаром сказал ему: вот еще одна комната пустует. Здесь можно сделать фотографию.

Он заинтересовался: возни много. – А если без возни? – А как это сделать? – У меня есть сваток. Он популярный фотограф. У него есть все: аппаратура и материал. Только нужно разрешение ваше – занять эту комнату. И фотографировать за деньги. Конечно, он будет брать недорого, лишь бы окупить материалы. – Я поговорю с майором.

На другой день было все улажено. И Виктор стал фотографировать. Я ему помогал и кое-чему научился.

Радиоузел я оборудовал, и кино стал показывать. Кино было тогда немое. Нужно вручную крутить динаму – я сделал от сети. И сделал кинобудку.

Один раз комиссар приносит мне бумагу и показывает мне. Я посмотрел – там большое стихотворение. Начинается оно моими строками, но продолжено не так складно – другими, но страшными словами. Вот это да!

Где это взяли? – спросил я. – Уборщица из казармы принесла. – Товарищ комиссар, а ведь здесь правды много. Что делать? Товарищ комиссар, когда я сюда пришел? Я пришел позже, я опоздал. Здесь не было ограды, не было конвоя, не было штрафной роты. Люди работали лучше,

кормили лучше. Шахта выдавала угля вдвое больше, и никто никуда не убегал. Ни радио, ни кино не было. Люди-то чувствовали себя свободней. А теперь? Саженный забор, сверху проволока. Под конвоем на работу ходят. Штрафная рота. Кормят хуже. Это за что-то говорит? Нужно убрать этот забор, конвой снять. Строй можно оставить, но командовать им должен бригадир. Это нужно, если собрались на работу – может, кто заболел, или, может, кто остался в шахте, в беде. Это проверять нужно. А убегать будут – пускай бегут. Он мучиться на воле будет, как достать документ. Один год уж остался – получит настоящий документ без всякой канители. Это должен каждый знать. Вот и нестрашно, и этой писанины тогда не получится. Это уничтожить нужно, как будто ничего не было.

Через некоторое время сделали забор низкий, проволоку убрали. В воротах поставили дежурных, из ополченцев. На работу стали ходить во главе с бригадиром. Штрафная рота устранена. Всем выдали армейскую форму. Кормить стали хорошо. И маленькую зарплату стали давать. Побег все прекратились. На сцене стала работать художественная самодеятельность. Администрация где-то достала легковой автомобиль, неисправный, не закрытый, но наружный вид хороший. Вместо фар – газовые горелки. Аккумулятора не было. В заднем мосту не было хвостовика. Хвостовик, конечно, достать было негде. Я сказал: можно сделать самим.

Нашелся шофер, Тульчук, хороший шофер. Тульчук говорит: как сделать? Мы не знаем размер шестеренки. – Дайте мне планитарку, я по ней начерчу чертеж в натуральную величину. И там вычислится шестеренка хвостовика, оттуда мы и возьмем размер.

Они мне не поверили, но планитарку дали. Я взял большой лист бумаги и начертил чертеж. И взял, оттуда начертил отдельно хвостовик в натуральную величину. Там видно, сколько зубьев и ее размер. А длину мы замерили на месте. Нашли на шахте подходящую стальную болванку, токарь выточил хвостовик. А Тульчук заставил своего дружка нарезать зубья. Он оказался хороший слесарь. Я говорю: ставьте ее не закаленную – и поездите недели две.

Тульчук со мной не соглашался. Говорит: нужно сразу закалить. – Если ты не веришь мне, поставь на место и поезди один день.

Он согласился и поездил полдня, посмотрел – и ничего не заметил, как будто совсем не ездил. Тогда он поездил смело еще два дня. Начальство все возил днем, и не мог ничего заметить. – Тогда ее совсем закаливать не надо.

Она нисколько не снашивалась, и проездил на ней целый месяц. Снял, посмотрел, как хорошо она подработалась, как заводская стала. Ну, тогда мы пошли на шахту. В кузнице никто не работал, и горно было холодное. Мы разожгли горно и нагрели хвостовик до нужной температуры, и опустили в воду. Попробовали подпилком – не берет, так крепко закалилась. Если ее поставить, сразу рассыплется. Нужно отпустить, до темно-синего цвета. Я стал отпускать, и неудобно было – она неравномерно отпускалась. Хвостовик был пустотелый. И подумал: а что горячий воздух пропустить в отверстие. Так и сделали. Цвет пошел по валу к шестерке, вот до шестерки добрался, и

вдруг щелкнуло – я сразу выдернул из горна и быстро в воду опустил. Оказалось, два зубца лопнули, с них с половину слетела пленка металла. Загоревали.

На нем еще можно ездить, говорю, ставь на всякий случай. Мы сделаем новый. - У-у! Делов сколько, – сказал Тульчук. Я сказал: теперь-то что? Размеры есть, токарь выточит, а Петя нарежет зубья.

Хвостовик сделали новый. А этот хвостовик оказался очень удачный: повреждение не мешало, хвостовик не изнашивался.

Мы все кончили службу, все разъехались, кто куда. Много осталось здесь, на шахте. Тульчук съездил на Украину. Там от голода все село вымерло. И мать, и отец его. Он вернулся обратно и устроился на шахте шофером. Женился, но с женой жил недружно.

Кузнецов тоже остался на шахте. Ему дали хорошую квартиру

Я поступил электриком в гараж автобусов. Жил на частной квартире. С Дусей переписывался все время. Она ждала меня, согласилась стать моей женой.

Работа в гараже мне сильно понравилась. Оклад был триста рублей, шоферы получали по 270 рублей. Гараж был в коммунальном ведомстве. У нас было пять автобусов маленьких, и один американский «Автокар», грузовые «Ярославки» и две полуторки. Гараж находился на краю Анжерки, на выходе к Судженке. Маршрут был один: Анджерка – Судженка, 7 или 8 километров. Моя работа – электрооборудование в машинах и аккумуляторы. У меня была отдельная комната, даже две. Другая – отгороженная комнатка для перемотки динамоков, а в первой – аккумуляторы. Прямо в гараже стояли верстаки, где ремонтировали машины, и отдельная комната, где стоял токарный станок. За гаражом был красный уголок, где проходили собрания. За гаражом была большая ограда, где стояли стены недостроенного большого гаража. В стороне – была кузница, где работал эстонец кузнец Югон, член компартии. Вот и все хозяйство. Бухгалтерия находилась напротив, через дорогу. Там же находился директор. Здание – обычный одноэтажный дом. Коллектив – небольшой, дружный, все знали друг друга, как свои пять пальцев.

В городе Анжеросудженске процветало большое вредительство. Может быть, это было повсеместно. Мало того, что много было, неизвестно за что арестованных, еще – аварии.

На шахте 5–7 сразу погибло 24 человека. Клеть остановили на полпути, она шла со скоростью. Падение на второй пласт – ее остановили на первом. Она – двухэтажная, на каждом этаже находилось по 12 человек – все погибли.

На шахте 1–6 случился в шахте пожар из-за нарушения техники безопасности. При пожаре нужно бежать к копру, потому что дым должен идти на шурфы. А он (дым) пошел в сторону копра, и вся смена задохнулась, это больше 40 человек.

Частенько на улице или в квартире убивают человека, и никакого ограбления не делают. Такие случаи можно слышать чуть ли не каждый день.

На санитарный двор (тогда на лошадях вывозили из выгребных ям из уборных) пришла грузовая машина с милиционерами. И велели собраться всем рабочим, кто был дома, и увезли насовсем. Один запоздал – и остался жив. Через три года один больной вернулся и сказал, что их обвиняли за поджог моста, а его никто не поджигал.

И у нас было вредительство. Я чуть не пострадал. Машины новые, аккумуляторы – дрянь, хватало только на один месяц. Все аккумуляторы вышли из строя. Машины останавливаются, да не только у меня. По всему городу мучаются с аккумуляторами. Что делать? Полез на чердак. А там столько сломанных аккумуляторов. Пластин килограмм 200 нашел, целые ящики. Подобрал пластины и сделал аккумулятор. До чего же он был хороший! Поставил его на автокар. Хоть один автобус хорошо ходит, вечером полный свет, и со стартера заводится. Как утром выезжать – ни одну машину не заведешь. И все заводят от автокара. Ящики все ломаются. Пробовал паяльником заваривать – ничего не получается. Тогда я сделал железный ящик, точно вовнутрь заходит ящик аккумулятора. А внутри – тоже железные маленькие, немного конусные ящички, точно по аккумулятору три ящика. Взял асфальтовой смолы и раскрошил туда обломки от аккумуляторного ящика. На улице в ограде паяльной лампой нагрел снаружи железный ящик, равномерно везде. Аккумуляторная масса расплавилась и кое-где провалилась. Я туда заливал приготовленную (плитмассу). И таким образом ящик вновь отлил. Только разобрать было нельзя. Из железного ящика я не мог вынуть аккумуляторный ящик, а внутренние ящички вынулись легко – из такого железа были сделаны. Этот ящик никогда не ломался. Другие ящики я сделал разборные и смазывал маслом. Ящики есть, пластин нет, свинца аккумуляторного много. Я стал просто отливать пластины целиком. Нет прокладок. Я взял топор и сходил в лес–тайгу и срубил гладкую березу. Отрубил две чурки и пошел напрямик домой. По пути попало высохшее озерко, ил гладкий и мягкий. Смотрю следы человеческие, босиком. Внимательно посмотрел – дальше пальцев расцарапано. Так ведь это медвежьи следы. У меня на спине сразу выросли волосы, вся спина согнулась–перегнулась, как у собаки перед дракой. Помимо моей воли. И я завертел головой, озираясь. А потом подумал: «Ведь следы-то старые – высохли». Все сразу вошло в норму. И я опять пошел. Вдруг слышу – дзинь... Звук, как щепка у сломанного дерева, звенит, когда ее дернешь рукой. И так – периодически. Я заинтересовался, пошел на звук и вскоре увидел медвежонка. Он лапкой дергал щепку у сломанного дерева. Я засмеялся. Медвежонок, а здесь где-нибудь его мать? И я сразу свернул в сторону. Пришел в гараж и рассказал об этом. А Югон говорит: здесь много видят медведей, но ни каких происшествий не было.

И вот на токарном станке токарь нарезал столько березового полотна высокого качества, на всю мою работу в гараже. Проварил в каустической соде и готовыми пластинками сложил на полку.

Угольными электродами хорошо можно варить пластины. И я наделал аккумуляторы на все машины. Когда сделаешь аккумулятор из сплошных

пластин, то он совсем не заряжается, но машина хорошо с ним ездит, сигнал гудит, и фары горят. И так, пока аккумулятор не отформуется, а отформуется он только через месяц. Тогда стартер начинает заводиться. Ко всему, только у нас в городе машины ходят со светом. К нам стали заходить шоферы, и спрашивали, откуда у нас аккумуляторы. Я им говорил, что делаем мы сами. Я так прославился, что даже из Томска и Кемерово консультировались. И Арнольд, начальник ГАИ интересовался: откуда ты знаешь, как нужно делать аккумуляторы?

Я ему сказал: я занимаюсь радиолюбительством. Там при нужде можно так делать аккумуляторы. - А ты передатчик, приемник можешь сделать?

Я вспомнил, что в журнале «Радиофронт» есть такая аппаратура и сказал ему: сделать немудрено, но части не достанешь. - Я достану части – сделаешь? – сказал он. - Сделаю, но простую. Кислота у нас куда-то исчезла.

Я сказал об этом механику Старикову. - Попробую достать, – пообещал он. Но на другой день говорит: всех обзвонил, и все отвечают, давно ее ищут, нигде ее нет.

Я всем людям сказал, что нужно достать серной кислоты. Не достанем – транспорт остановится. Через некоторое время одна кондуктор говорит: в стройгруппе кладовщик мне сказала, у них на складе есть бутылка серной кислоты, она у них не числится, и начальник сказал, отдай ее кому нужно, где твой шофер?

Уехала заправляться. - Как приедет, поедем за кислотой.

Так я раздобыл кислоты целую бутылку. У меня была трехлитровая бутылка. Я в нее налил серной кислоты. И еще развел стеклянную банку электролиту. А остальную – поставил в шкаф и наказал кладовщику: никому не давать, кроме меня.

И я зажил. Все у меня работает.

Вот как я расписался, что забыл про себя написать.

Я живу в квартире отдельной. Дом с оградой и огородом. Я женился на Дусе. И у нас уже дочь годовалая или двух лет. Все это с большим трудом досталось. Сначала мы с ней жили на частной квартире. С Христолюбовым, начальником коммунального отдела, я хорошо сошелся. Я ему в банях слежу за электроосвещением. И он мне обещал помочь.

И вот одному подлецу присудили восемь лет с конфискацией имущества. Семья куда-то переехала. В доме сломали печь и выбили одну стену. И вот Христолюбов сказал: забирай эту квартиру и еще земляную избушку. Избушку сломай. Там одна стена хорошая и пол хороший.

Я согласился. С директором и с ребятами сговорился. И мы поехали на «Ярославке», и сломали барачек. Лес там весь новый, и даже крыша – тесовая, пол совсем новый. И мы не могли все сложить на «Ярославку». Нагрузили много. Поехали мимо, где я жил на квартире. Я Дусе сказал, чтобы она подобрала, что там осталось. На «Ярославке» свалили в ограде. Ограда глухая, хорошие ворота. Потом вся ограда заросла травой. Посередине

большая клумба. Все я там исправил, и получилась удобная квартира. И вода близко.

Дуся нигде не работала. Нам и 300 рублей вполне хватало. Мы с Кузнецовыми ходили друг к другу. И поступили в школу взрослых в шестой класс. И с успехом его закончили.

К нам приезжал Лев, одетый по последней моде. И – чемоданчик модный, я нигде не видел такого. Жил недели две. Женщину–соседку чуть с ума не свел. Хотела бросить мужа и выйти за него замуж.

Избаловали его эти женщины. Один раз женился. Накупили разной посуды – одним вечером этой посуды не стало. И они разошлись. Я поинтересовался: куда же посуда девалась? - А мы ее разбили.

Так он и не женился. - Зачем жениться? Женщин и так хватает.

Он работал директором Амударьинского судоходства.

Как он стал директором? Он был командирован в Среднюю Азию на сборку элеватора. Откуда он как-то перешел в МТС, ремонтировали тракторы. Оттуда он уехал на Амударью. Водил там катер по реке и возил грузы. Катера были примитивные. На большую лодку поставят мотор от трактора, колеса поставят деревянные – вот и весь катер. Речка быстрая, и местами – мелкая. Только такие катера могут ездить, вернее, ходить, там. Таджики все неграмотные и не умеют вести хозяйство. Ловкачи их все время обманывают. И производство всегда в прорыве. А Лев, у него пять классов образование, по тем временам это достаточно. И вот его поставили директором на пробу. Он сразу догадался, где можно пожить, и закрыл эту дыру. И при отчете у него получилось все в порядке. Он был в коридоре, дверь была не закрыта, и в управлении дирекция проверяла его отчет, и ничего не нашли. Сказали: он, вероятно, большой плут или честный человек. Пускай работает, лишь бы нас не подводил.

Так он и остался директором до самой войны.

Африкан как-то приехал от Аркадия ко мне. Недельку жил. Привез с собой фотографии, которые сделал фотоаппаратом «Фотокор». Снимки были 9x12 и лента метров шесть. Стали снимать, а лента вся засвечена. У Аркадия снимали – все в порядке было. Оказалось, жена Аркадия полубопытствовала, и посмотрела, что там завернуто, она у ней из рук выпала и раскрутилась. Она сказала, что она ее аккуратно всю смотрела и завернула. Мы купили стеклянные пластинки 9x12 и, что нужно, поснимали. При отъезде Африкан мне подарил «Фотокор». Африкан говорил: быть грамотным – нужно знать не только свое основное знание, а еще нужно знать музыку и уметь играть в основном на пианино, но можно на гитаре, балалайке, аккордеоне, нужно уметь танцевать, многие танцы, вальсы, знать поэзию и философию. Вот тогда только будешь интеллигентным человеком. Еще нужно уметь разговаривать, не задевая чести человека. И действительно, он умел хорошо играть на гитаре, сложные вещи, и танцевал с Дусей, красиво танцует и правильно. Он работал на заводе, где делали комбайны шахтовые. Кузнецов приехал на велосипеде. Тоже с ним разговаривал. Я ему сказал, что я его догоню. Он мне ответил: долго догонять придется. У нас опыта больше. Вы

там делайте, а мы здесь будем осваивать. Конечно, при освоении обнаруживаются недостатки. Будем держать смычку.

Я попросил у Кузнецова оставить велосипед. И мы с ним, Африканом, объездили всю Анджерку и Сунджерку, в гараже побывали.

Он точно с меня ростом. Дуся говорила, даже некоторые движения такие же, и улыбаются одинаково. Африкан был влюблен в Дусю.

Время пришло, и я проводил его на вокзал.

После него приехала Августа. Вернее, я за ней съездил к Аркадию в Томск. Привез ее. Она прожила у меня всю зиму. Ходила в школу. Мне нравился ее характер. Большая экономка. Кто ее так воспитал? То ли Крылиха, то ли жизнь такая у нее сложилась? Упрямая. Нужно как-то сломить ее упрямство. Несчастливая жизнь у нее будет со своим упрямством. Наживет какую-нибудь неизлечимую болезнь. Я ей говорил: вот ты – сирота, живешь без матери. Тебя воспитывают сестра и братья. Обязаны они это делать? По закону – не должны. Но за это нужно оплачивать. - Когда вырасту – я все оплачу. - Когда ты вырастешь, не сможешь оплатить. Или он умрет, или ты умрешь. Или все забудешь – за что и сколько. - Я заплачу столько, сколько смогу. - Вот это правильно: сколько сможешь, столько и платить нужно, немедленно, сегодня, сейчас. - Чем я сейчас могу заплатить – у меня ничего нет? - У тебя есть ум, руки, глаза, ноги, рот – какое богатство! А ты говоришь, что тебе нечем заплатить. - Как я этим могу заплатить, не знаю. - Сказать спасибо – разве этого мало? Это самое дорогое, что имеет человек. Это говорит, что ты – кому сказала спасибо – сделаешь все, что сможешь. А ты сможешь: вымести пол, сходить за хлебом, вымыть посуду и убрать со стола, посидеть с ребенком, что-то подать, посмотреть ласково в глаза и еще кое-что многое. Все это ты сможешь сделать, а ты этого не делаешь

Был такой случай. Она что-то клеила. Клей столярный, в баночке. Она плеснула в банку воды, поболтала и начала клеить. Ничего не приклеивалось. Я ей сказал: - Поставь банку на плиту. Плита горячая. - Мне не надо клеить. - Мне надо клеить, поставь для меня. - Не буду. - Как не будешь? Ты что, для меня не хочешь поставить клей на плиту? - Не буду. - Я приказываю поставить банку на плиту. - Не буду.

Я схватил ее за руку. Сам думаю, нужно преодолеть упрямство. Шлепнул по заднице. - Не буду!

Я – сильнее. - Не буду!

Куда же еще сильнее? Она вырвалась, убежала на улицу. Забралась на чердак и в окошко кричит во все горло: Потя! Потя! Потя!

Я залез на чердак, взял ее на руки и сошел с ней на землю. Занес в избу и сказал: я не трону тебя даже пальцем, но и держать тебя у себя не буду. Куда тебя направить? — К Африку.

И я ее проводил на вокзал, дал денег. Африкану написал письмо: Августа сильно испорчена, у нее большой эгоизм. Нужно что-то сделать. Она же будет мучиться всю жизнь. Нам бы всем так сделать, как я. Тогда бы она, может быть, изменила свой характер.

Он ответил: поздно, я уже пробовал, ничего нельзя сделать.

Прошло больше сорока лет. Она жила в той квартире, в которой сейчас живет. Ссорилась с Потей. Я ее уговаривал. Она мне сказала: что ты меня уговариваешь? Помнишь ли в детстве, в Анжерке ты чуть меня не убил? За что? Что я банку с клеем не поставила на плитку?

Какая нелепость! Какая злопамятность? – подумал я. – Как бы ей доказать, что это нелепо? И сказал: ах, помню, помню. С тобой врачи в больнице боролись две недели, спасали тебе жизнь.

Она подняла на меня заплаканные глаза и сказал: нет, не это. - А правда, ты валялась у меня в ногах и умоляла: не убивай! Не убивай!

Она опять посмотрела на меня и сказала: нет, этого не было. - Тогда что же было? Я тебя просто отшлепал, а ты так испугалась, что назвала меня зверем.

Она посмотрела на меня зло и сказала: я ненавижу тебя.

Я ответил: а я все равно люблю тебя. Свой своему поневоле друг.

Она схватила, помню, пальто, накинула на себя и ушла на улицу. После этого случая у нее сменилось ко мне отношение в лучшую сторону.

После смерти Поти она что-то не ладит с Аркадием и с моим сыном. Сын сказал: больше не пойду к ней.

Теперь вернусь в гараж. Мне сказали, что кладовщик пролил кислоту. Я побежал в склад, нашел кладовщика. Спрашиваю: ты что, пролил кислоту? - Не я. Каким-то образом зубило упало и разбило бутыль. - Ну-ка, пойдём, посмотрим, как это случилось.

Он мне сказал: я все убрал и бутыль выбросил. - Куда? Покажи.

Я посмотрел. Дно бутылки цело, немного стенок. Кислоты могло бы сохраниться литров пять. Почему не сохранили? Тут что-то не то. Ничего не сказал.

- Пойдем на склад, говорю - Пошли. - Где стояло?

Посмотрел. Сверху никакого инструмента нет, и положить там некуда. Вышли из склада. Пошел к кузнецу. Югон один стоял в кузнице. Я подошел к нему и сказал, что кислоту убрали нарочно. Кладовщик с кем-то связан. Ему приказали убрать – и он убрал неумело. Выходит, у нас вредительство. Югон сказал: кладовщик-то – племянник директора. - Вот оно что!

Югона я как-то спас от смерти – и мы стали хорошими друзьями. Я ему сказал: будем иметь в виду. Посмотрим дальше.

«Дальше» это появилось быстро. Счетовод Васильев любил играть в шахматы. И он часто ходил в клуб строителей и там играл с заведующим клубом. Он меня знал хорошо. Я шел на работу, и он меня увидел и сказал: пускай вечером придет играть в шахматы.

Прихожу в гараж, подхожу к телефону и звоню в бухгалтерию. Женщина мне отвечает. Говорю: позовите к телефону Васильева. - Кто звонит? - Г.П.У.

Я слышу, она зовет: Васильев, вас Г.П.У. вызывает.

Не сразу подошел. И слышу слабый голос: Васильев слушает.

Я ему говорю громко: Васильев? - Да. - Вы сегодня вечером должны прийти в клуб строителей и сыграть в шахматы.

Он ответил весело: - Ладно, ладно. – И положил трубку.

А в обед женщина мне говорит: кто-то позвонил сегодня утром, назвал себя Г.П.У. Просил Васильева. Я сказала, что Васильева вызывает Г.П.У. Васильев так скис, съежился. Потихоньку пошел к телефону. И тихо сказал: Васильев слушает. И вдруг весело сказал: ладно, ладно. И быстро сел на место. Я пошел к Югону и рассказал об этом.

Что-то есть, говорит. Директор, счетовод, еще кто?

Я пожаловался директору, что кладовщик пролил кислоту. Он ответил: я знаю, нужно заставить его, чтобы он достал кислоту, нужно что-то сделать, чтобы он бережно относился со стеклянной посудой.

Сделалось очередное профсоюзное собрание. Меня выбрали председателем. Мы все быстро разобрали и запротоколили. Тут я сказал: что будем делать с кислотой? Директора на собрании не было. Директор что-то ничего не предпринимает, даже кладовщику не сделал выговора. Это никуда не годится. Ну, если директор ничего не предпринимает, тогда мы примем: давайте директора упрекнем за это.

Васильев как закричит: этого делать нельзя! - Почему нельзя? Мы его предупреждаем, а не лишаем доверия. - Все равно нельзя.

Спрашиваю у бухгалтера, он ответил: лишать доверия рано, а упрекнуть... - Что это «упрекнуть»? Оно ничего не дает.

А Васильев кричит: нельзя! - Ну, ладно, проголосуем.

Проголосовали все – «за», только Васильев – «против». Ну, вот, теперь все запротоколили. Собрание закрывается.

Дня через три директора сняли с работы. Вместо него директором поставили Дорофеева, председателя завкома. Малограмотный, да и малоразвитый. Я подумал, нарочно так сделали. Не играет роли, мол, бухгалтер и механик гаража Старченко дело свое знают, значит, не опасно. Так и случилось. Гараж все время сбор денег не выполнял, цену билета все прибавляли, дошли до трех рублей, дорого, автобусы все время недогружены, почти пустые.

Сделали собрание. Что делать? Дорофеев был с нами. Я предложил: билет нужно сделать 50 копеек, сбор будет больше.

Главбух говорит: пролетим в трубу. Нужно попробовать один месяц.

Голоса разделились. Заходит Хрестолубов. Вошел в курс, сказал: сделайте – 50 копеек. Я компенсирую, если пролетите.

Не пролетели. Людям не хватало автобусов, были большие очереди. Оборудовали «Ярославку», поставили туда самого бойкого кондуктора. Две нормы дали. Вот тебе и плохой директор!

Однажды был такой случай. Мы с Дусей ни одного кино не пропускали. Тамара всегда оставалась одна и спокойно спала. Мы уходили в кино. А тут – кино двухсерийное, до часа. Приходим домой – ворота не на запоре. Мы ж их закрывали? Подходим к двери – замок сорван. Боимся заходить. В сенках – огонь. Я пошел в стайку, взял небольшой ломик. Дверь

открыл – никого. На кухню дверь открыл – никого. Везде огонь горит – и никого нет, ничего не взято. И Тамара спокойно спит. У стола – два стула, и затушены две папироски. Здорово мы струсили! Значит, приходили за мной, и не дождались.

В гараже я рассказал об этом. Как раз пришел Арнольд, начальник ГАИ. Мне сказал: я это разузнаю, зачем приходили, если наши.

А Югону я сказал: вот за мной уж охотятся.

Нашего директора сделали директором МТС Судженской. И там, по видимому, ему не терпелось сидеть смиренно. На него стал писать учитель. Он подговорил дурачка и дал ему ружье, чтобы он незаметно убил учителя и ружье будет его. Дурачок этот пошел мимо учительской квартиры, учитель сидел за столом и пил чай. Окно было открыто. Дурачок выстрелил в учителя и убил его. Его сразу поймали и повезли в Анжерку. А там приехали из Москвы, НКВД, 30 человек, вооруженных, для разбора. И этот дурачок попал прямо им в руки. Они допросили его. Он сказал: директор дал мне ружье, чтобы я убил учителя. И меня забрали.

С этого и началось. Нашего директора и Васильева забрали. Заведующих всех шахт, главного инженера рудника Шестова, председателя г. Анжерки, секретаря обкома, начальника милиции и Арнольда, начальника ГАИ, словом, всю головку забрали. Христюбов не попал и зав. шахтой 1–6 Решетник – тоже. Потом в Москве их судили, и по радио можно было слушать. Я слышал, как Вышинский допрашивал Шестова.

Кто-нибудь догадывался о вашем вредительстве? – спрашивал Вышинский. – Да, догадывались – студент из Томска был на практике (с которым я работал), приходит ко мне вечером и говорит: у нас на шахте вредительство. Я боюсь кому-нибудь сказать, и пришел к тебе. –А об этом никто не знает? – спросил я. –Нет, никто не знает.

Я его успокоил, сказал: это хорошо ты сделал, иди домой, и спокойно. Но он не дошел до дома. Я позвонил – и его убили.

Арнольда Вышинский назвал «международной собакой». Конечно, все стало спокойно, но никто не вернулся домой.

Вскоре я из Анжерки уехал. И резко изменилась жизнь.

Пока все. Дома сижу с больной ногой. Может, еще разохочусь и напишу письма.

Крепко обнимаем и целуем. Ваш дядя Саша.

Дядя Саша – Володе

20.11.88

Белово.

Здравствуйте, Володя, Зоя и Сережа!

Привет о Марии Александровны.

Оказывается, про Борабинск я ничего не писал. Разобрался в своем талмуде. Прежде чем писать о Борабинске, нужно сказать, что до Барабинска

я работал еще на двух элеваторах, и здесь я приехал уже квалифицированным слесарем по элеваторам. Что-то в моем талмуде не отмечено, и не знаю, писал ли я об этом вам. Если писал, то там ничего особенного не было, можно и пропустить.

После сборки элеваторов в Иртышке и Осмарышке, нас направили в Омск на сборку большого элеватора канадского типа, с канадским оборудованием. Я пришел туда. Оборудование мне понравилось. Но общежитие неудобное, а клопов там видимо-невидимо и грязно. Людей очень много. Я, никому не показываясь, уехал в Новосибирск. И Новосибирск послал меня в Барабинск, на маленький элеватор, 100 тысяч тонн.

Я согласился, оформился и пошел к Африкану. Дорогой я встретился с Матреной Алексеевной, она шла туда же. Мы долго смотрели друг другу в глаза, я зло, она – умоляюще. Я ей сказал:

– Ну, чего, теперь ты довольна? Сперва мать нашу отобрала, сделала нас сиротами. Потом – мельницу. Мы же от этого не умерли. Только не живем вместе. Куда идешь-то, к Африку? Опять же к нам идешь? Что ты за человек? Что тебе надо?

Смотрю, она встала на колени, и хватала меня за руку, и хотела ее поцеловать. Я ужаснулся! Старуха так унижается перед молодым. Руку я не дал ей поцеловать. Услышал слова: прости меня, Шура, это все сделал Иван, он и меня обманул, все это его дела.

Я пробовал ее поднять, и сам не выдержал и заплакал. Она встала. Я подумал: действительно, она была игрушкой в руках дяди Вани, неграмотная, недалекого ума, ей всю жизнь везло, под старость только поняла, да поняла ли она?

Она вернулась домой. А я пришел к Африку. Там и Серафим был. Они жили вдвоем одни. В квартире чистенько. Спрашиваю: как с деньгами?

Серафим подрабатывает. И от тебя получали. Лев тоже высылал.

Про Аркадия не знаю. У него денег тогда еще не было, он учился в институте.

Я ночевал у них, а утром уехал в Барабинск. В Барабинске элеватор стоит рядом с железной дорогой. И к нему уже была проведена колея, с тупиком, с расчетом, чтобы там поместился весь поезд при въезде в Барабинск на чистом месте. Там построили два небольших домика и ларек торговый. В одном – общежитие, в другом – контора с квартирами, и еще небольшой временный склад.

Когда я прибыл, там уже работа шла вовсю. Механик Агеев мной поинтересовался, спросил: работу элеватора знаешь? – Знаю. Собрал уже два элеватора. И раньше делал оборудование для элеватора. – О, какого мастера прислали! Это хорошо. Самое сложное будешь собирать. Так к тебе я прикреплю одного слесаря. Он ничего не смыслит по слесарному делу, но зато парень крепкий. А теперь иди в общежитие. И там у технички возьмешь постельное белье.

Я пошел в общежитие. Там тепло, чисто. Людей немного. Верхние нары почти пустые, и внизу места есть. Клопов не видно.

Утром пришли на работу. Агеев пришел позже, стал делать раскомандировку, дошел до меня: а ты, Герасимов, иди сюда. Вот тебе твой бригадир. С ним будешь работать. Что бы вам дать? Закрепить трансмиссии, нижнюю и верхнюю. Закрепить шкивы и надеть ремень. Трансмиссии уже лежат на месте. Их нужно закрепить. Проверить и подогнать каждый подшипник и закрепить. Шкивы также установить и закрепить. После надеть ремень и опробовать, чтобы ремень не спадывал. Хватит это вам на месяц.

Действительно, здоровый парень. Но он еще не представительный. Как артист, ему бы только купцов и директоров играть.

И вот мы стали работать. А Костя слесарное дело достаточно знает. Только в чертежах не разбирался. Довольно веселый человек, общительный, играл на сцене в самодеятельном кружке. Действительно, почти артист, я не ошибся. Он говорил мне: сходим в дом культуры.

Время-то – зима была. Я против него выглядел мальчишкой. И он это видел сам. И с усмешкой говорил: не я тебе должен бы подчиняться, а ты – мне. А жизнь по-своему распорядилась.

А вообще-то, он чувствовал, до меня ему далеко. И говорит: вот на сцене ты бы мне подчинялся. И это его успокаивало.

Когда мы нижнюю трансмиссию закончили, и она легко и плавно стала крутиться, нужно переходить на верхнюю, он посмотрел наверх и увидел верхнюю трансмиссию. Сказал мне: смотри-ка, верхнюю трансмиссию установили неправильно, она этой трансмиссии непараллельна, а поперек. И захохотал: вот дела!

Я это увидел сразу, и посмотрел на оборудование, подумал: а иначе нельзя. Я знал, что под углом трансмиссия работает лучше. На ходу ее никакими силами не сбросить ремень, поэтому он никогда сам не соскочит. Но если в обратную сторону крутить, он сразу соскочит.

Когда мы закончили всё раньше времени, и позвали Агеева принять работу, он пришел, посмотрел (я за ним наблюдал). Он увидел, что трансмиссии лежали под углом, посмотрел на нас и сказал: вы что, не видели, как валы лежали?

Я сказал: видели. Правильно лежат. И ремень будет держаться.

И начал крутить за шкив, за спицы, и тихо, и быстро. Остановил ее. А он хотел повернуть назад. Крикнул: назад нельзя – сразу соскочит.

Он все же повернул – и ремень соскочил. Пришлось Косте бежать вниз. И тогда надели ремень. Агеев сказал: хорошо, вам можно поручить установку двигателя.

Двигатель – большой, 4,5 л.с. Он грубо сделан, чугунное литье, толстое. Маховики тяжелые. Фундамент уже сделан. Мы с ним провозились долго.

Костя меня все же в дом культуры приучил ходить. Далековато, не мешало бы поближе. Однажды мы идем домой, смотрим, женщина лежит на

дороге. Костя говорит: кто-то ее ограбил. - Мы подошли к ней, она застонала. – Смотри, даже избили, – нагнулся. – Где больно?

Она ответила: нога подвернулась.

Мне показалось, ботинок свалился. Я осторожно снял ботинок. Нога была в страшном положении, немедленно ее нужно поставить на место, распухнет – не поставит. Сказал Косте: Костя, держи ее подмышки крепче.

Она застонала. Я как дернул за ступню, она легко вырвалась из моих рук. Я упал, черт возьми. Надо было крепче ухватиться за ногу. Хотел снова взяться за ногу. Смотрю, а она на месте, и женщина ею шевелит. И она не крикнула, а сказала: как хорошо стало.

Надели ей ботинок. А шагнуть она не могла. Я ее спросил: далеко идти? - Нет, недалеко, по этой улице. - Нам по пути.

Мы ее проводили и завели в дом. Две комнаты, кухня, большая и поменьше комната. Женщина разделась, оказалось, женщина полная. Имя Сара – еврейское. Живет на квартире. Хозяйка миловидная, одинокая, веселая, разговорчивая. Сказала нам: она уходит от меня домой, в Новосибирск. Нужно где-то найти квартирантов.

Костя мне говорит: а что если мы снимем эту квартиру? Отдельная комната.

И у меня были такие же мысли. В два раза ближе до дома культуры. И клопов нет. И готовить обеды она будет. Так все и получилось. Было очень удобно.

Как-то мы пришли в дом культуры, а билетов нет. Опоздали, кино уже началось. Выходят две девушки. И направились к нам. Костя сказал: сейчас погонят.

Они подошли и спрашивают: у вас билеты есть? – Есть, говорит Костя.

И они повернулись.

Я сказал: нет у нас билетов. - Правда, нету. - Правда. - Вот у нас два лишних билета, возьмите.

Мы взяли. Они ушли. Мы подошли к двери, показали эти билеты – и нас пропустили. Нашли свои места. Оказалось, что мы сидим рядом с теми девушками. Костя сразу занялся с ними разговорами. С ним больше говорила вторая девушка. И он пересел на ее место. А другая девушка подвинулась ко мне. Я спросил, как ее зовут. Она сказала: Дуся. - А я – Саша.

И мы все кино с ней разговаривали. И когда вышли на улицу, я сказал ей, что я провожу ее. И Костя стал провожать свою девушку. И мы пошли по улице, мы – впереди, а Костя – позади. На рост его девушка покрупнее, ему подстать, а Дуся – мне подстать. Впоследствии, на которой я женился.

Костина девушка жила недалеко, и она рассталась. А Дуся сказала: я к ней пойду. И тоже ушла.

На другой вечер наших девушек не было. На третий – тоже. Прошла неделя – тоже нет. Костя говорит: что ты их ждешь? Я, вон, какую себе облюбовал. Пойдем, покажу.

Пошли. Ничего особенного в ней не оказалось. Говорит, пойдем сегодня за кулисы и вступим в театральный кружок. Мы пошли. Где вы

работаете? – спросил руководитель. - Элеватор оборудуем. - И сколько время прооборудуете? - К урожаю должны закончить. - Это – все лето? - Да. - А потом? - Потом – куда пошлют. - А вы на сцене играли?

Костя сказал: я играл, даже главные роли играл. - А вы? – обратился ко мне. - Я не играл. Больше сцены собирал. - Хорошо, проверим. Записал нас в журнал и выдал нам контрамарки. Приходите, говорит, каждый вечер. И мы ушли. – Вот здорово, без всякой книжки! – сказал Костя.

С этого дня мы стали каждый день ходить бесплатно в кино и на спектакли. На репетиции нам нужно бывать ежедневно вечерами, и даже в выходные дни.

Они декорации сцены делали для спектакля полностью, с окнами и дверями. Я им сказал: этого не нужно делать, а спустить (падоги). А если по содержанию нужна стена с фотографией или зеркалом, или окно, дверь, можно ведь это только и поставить. - Потеряем эффект. - Нет, не потеряем. - Попробуем на репетиции.

Попробовали. Все свободные, и Костя, смотрели из зала – и всем понравилось. И сыграли один спектакль – комедию «Коза». Зал весь хохотал. На сцене только одна дверь стояла. С этих пор без меня ни одну сцену не делали.

А про Костю совсем позабыли, пока сам не навязался. Я тоже с ним играл на сцене артистом, без слов, слесарем. Сконструировали часть паровоза. Моя роль – ремонтировал его, с ключами, молотком. Паровоз этот я делал с художником. Впечатление большое было от его величины. Я на него забирался по лестнице. А Костя был начальник депо. Роль как раз подходила ему, и он неплохо сыграл. И больше ничего – за все лето. Меня, правда, затаскали делать сцены, и Косте приходилось помогать мне.

Костя каждый вечер находил себе девушку. На другой день она ему уже не нравилась. А мне говорил: что ты не ищешь себе девушку? - Я жду ту, которую нашел первый раз.

Он сжимал кулаки, делал страшную морду, и говорил страшные слова какого-то шекспировского героя. Я забыл эти слова, а он часто их говорил.

Дома на квартире он всегда был с тетрадью и карандашом или ручкой, и писал стихи: что ни строчка – то роман. Вроде: Катя была капризная, а Маруся жаркая и т.д. Ну, что это за стихотворение?

Я говорю: ты возьми какую-нибудь девушку, с которой был у тебя роман, и напиши о ней стихотворение. Это будет интересно и полезно. – Чтобы такие стихи писать, нужно было Поэтом родиться, – сказал Костя. Я ему ответил: стихи написать может и не поэт, их уж не так сложно писать, первые две строчки можно написать какие угодно, а вторые две нужно подбирать в рифму. - Ты умеешь писать стихи? - Я знаю, как стих писать, но я никогда не писал. Но я люблю стихи, и могу отличить плохие стихи от хороших, – сказал я.

Костя подает мне тетрадь и карандаш и говорит: на, попробуй что-нибудь написать. – Положил тетрадь на стол и карандаш. – Иди, пиши.

Я сел за стол, и написал:

Писать, не все ли уж равно...

И не знаю, что дальше писать, про кого писать. Про Валю Иванову?

Но ясно в памяти моей...

Теперь нужно писать в рифму. Какая же рифма? «Давно».

Прошло то время уж давно...

Получилось. Теперь – рифму к «моей». Какая же рифма? «Своей», «ничей», «с ней»? Вот эта:

Когда мы повстречались с ней.

Тут можно, что угода писать, не соблюдая рифму.

*Мы встретились так нечаянно,
Не многие, встречаясь так...*

Нужно соблюдать длину строчки, число слогов – регулируются.

*Я удивился так забавно,
Что значит этот ее взгляд...*

Я вспомнил, что в этот момент меня захватила сестра.

*«Она живет ведь с нами рядом», –
Тут мне сестренка говорит.
И, посмотрев лукавым взглядом,
Ушла. Чего-то мастерит.*

Что это я пишу? Не думаю, рифмы сами мне в голову лезут.

*Мы объяснились. Я увлекся.
Пошли тогда у нас мечты,
Как будем жить. Душа так рвется,
И говорим мы с ней на «ты».*

Вот разошелся! Нужно сказать: кто она и что делает.

*Она – брюнетка. Звали Валею.
Душой большою веселит.
Меня увидит – станет алой.*

Как поцелую – убежит.

Пишу, не останавливаюсь, и не видно конца. Легко получается.

*О, сколько теплых и прекрасных
Я проводил с ней вечеров!
А днем она в полях окрестных
Вместе с отцом пасла коров.*

Нужно кончать, а то слишком длинное получается.

*Но время шло. Мы разошлись,
Как не любили никогда.
Любви порывы пронесли
Любовь та детскою была.*

Закончил, посмотрел – понравилось. Как это я написал, как письмо, ни одной поправки. Я знал, что так легко стихи писать. Покажу Косте – не поверит. Я и сам себе не верю. Никогда не пробовал писать. Встал из-за стола. Костя читает книгу. Подумал: неужели я так долго писал? Подошел к нему, говорю: вот написал про одну девушку, смотри, сколько. – Ну-ка, прочитай, – сказал Костя. Я прочитал. – Это ты чье-то стихотворение написал. – Не чье-то, а свое. Сейчас только сочинил. И сам себе не верю – легко так получилось.

Он взял и прочитал сам. И говорит: такое стихотворение можно в журнале напечатать. – В журнале напечатать нельзя – здесь есть бледные строчки, и грамматические ошибки, которые нельзя исправить.

Пошли в дом культуры, иначе называется дом железнодорожников – вот как длинно. Приходим и видим наших девушек. Они нам обрадовались. Но я больше всех обрадовался. Подбежал к Дусе, схватил ее за руки и побежал с ней в сторону. Она хохочет и говорит: куда ты меня потащил? – Пойдем куда-нибудь отдельно, чтобы нам никто не мешал. – И мы ушли. Весь вечер бродили по улицам. Я ее просил показать, где она живет. Она не хочет показать, где живет. Стали спорить. – Ну, хорошо, я скажу – где я живу. – И пошли. Оказалось, недалеко. – Вот здесь.

У ворот – лавочка. Мы сели на лавочку и весело разговорились. Подходит какая-то девушка, знакомая Дусе, и говорит: вы что здесь сидите? – А я сказал: мы – дома. – Но это наш дом, а ваш – напротив, с тополем. Дуся сказала: ты меня подводишь. – Ничего, ничего, пусть знает, где ты живешь.

И я потащил ее туда. Там – тоже лавочка. И мы сели на нее. Я говорю: ну, теперь мы дома.

Она немного обиделась. Домик у них неказистый, и, может быть, она этого стыдилась. Мы долго сидели, и нам не хотелось расходиться. Но расходиться пришлось. И я сказал: завтра воскресенье, и я приду к вам днем.

Она сказала: не приходи, я не разрешаю. - Мне нужно знать, кто твои родители.

На другой день я прихожу к ним. И представился: я работаю на элеваторе. И встретил вашу дочь в доме культуры. С ней познакомились. Она мне очень понравилась. И чувствую, что и я ей нравлюсь. Мне захотелось увидеть ее родителей. И вот я у вас. Будем знакомиться. Чтобы вы знали, с кем у вас гуляет дочь.

Родители у нее хорошие, простые, гостеприимные. Отец – крепкий старик, большого роста, Илья Федотыч. Всю жизнь проработал кондуктором на грузовых поездах. Скоро должен идти на пенсию. Мать – маленькая, живая старушка. Народила ему два сына–богатыря и три дочери – тоже крупные. Я им так понравился. Попросили меня раздеться и посадили меня за стол. Предлагали выпить. Я никогда не пил, и здесь не стал. Дуси где-то нет и нет. Пришла младшая дочь Варвара, полная. Посмотрела на меня и ушла в комнату. Я уже наелся. Заходит Дуся. Удивленно на меня посмотрела, погрозила мне и ушла в комнату. А Илья Федотыч сказал: вот как встречает жениха.

Она из комнаты выходит, махнула мне рукой и выбежала на улицу. Я оделся, попрощался и тоже вышел на улицу. Она бранила меня: зачем я ее позорю. Я говорю: как позорю? Я делаю все открыто. Вот когда крадучись будешь делать, и нас обнаружат – вот позор. Мне же нужно знать твоих родителей. Ухаживая за тобой, я должен знать все о тебе. А если ты ко мне относишься тоже серьезно, то ты тоже должна знать обо мне все. Тогда и соображай, есть расчет ухаживать или нет, чтобы попусту время не проводить.

Помирились. Разрешила мне приходиться запросто, в любое время. И я ходил.

У Дуси был хороший голос, она умела играть на гитаре. Она знала много романсов, образование имела среднее, работала на станции телеграфисткой. Я – деревенский парень, ничего подобного не слышал, и был зачарован этим. Вот она настоящая городская жизнь. Я хорошо знал всю ее родню, и ходил в гости к брату ее Николаю. Необычайно сильный человек, работает машинистом на паровозе.

Костя злится. Не стал ходить никуда. Где-то подцепил тиф. Оказывается, не один он болеет тифом. В больнице нет мест.

Я в детстве болел тифом, чуть не умер, меня считали мертвым. Я выздоровел, и научился, как надо лечить тиф. Я сказал Косте: не нужно никуда ходить. Я тебя вылечу лучше врача. Тиф – неизлечимая болезнь, он сам себя уничтожает. Поэтому не нужно ему мешать в этом. Тифом можно заболеть в том случае, если тебя укусила тифозная вошь. Мы с хозяйкой договорились, постель его изолировать и проутюжить все его белье, как на нем, так и на кровати, чтобы уничтожить всех вшей и гнид. Просмотреть себя и свои постели, нет ли у нас вшей. Если обнаружишь, уничтожить. Строго следить за чистотой. Лекарство нужно только одно – марганцовку для полоскания во рту, чтобы не допускать там сухости и корки, чтобы рот был

всегда чистым. Так и сделали. Врач, конечно, к нам приходил, проверял температуру. Забыл, сколько времени болел Костя. Мы за ртом его следили хорошо. У него ни разу не была высокая температура. И он легко переболел. Врач удивился: это единственный человек тифозный вылечился от тифа без температуры. Я подумал, сколько людей погибло от тифа – миллионы, неужели ни один врач или ученый человек не догадался, что только рот держать при болезни чистым, и нужно для этого только одно лекарство – марганцовку, вот какое дефицитное лекарство.

Когда выздоровел Костя, то меня очень благодарил и сказал: если с тобой случится какое-нибудь несчастье, напиши мне – и я всегда приду к тебе на помощь.

На элеваторе мы с Герасимовым собрали и установили двигатель. Осталось только надеть маховики, большой и маленький. Я сказал Агееву, что маховики нужно надевать всем народом, краны не предусмотрели. Но мы предусмотрели сделать подмости деревянные, по которым можно закатить шкивы. Пришел Агеев, собрали народ, и удобно закатили и надели шкивы. Мы их закрепили шпонками. Запустили двигатель. Начали крутить за шкивы не скоро, стали встряхивать, потом двигатель сам стал качаться взад и вперед. Никогда не имел дело с двигателями – и не знаю, что делать. Агеев, видно, тоже мало знает, вот и мучается. А взад и вперед качается, не останавливается.

Пускай качается, говорит, приработается.

И все разошлись. Я подумал: в картер наберется горючее - разнесет, наделает делов.

Смотрю, инструкция лежит на столе. Я взял ее и начал прорабатывать. И нашел: если делается преждевременная вспышка, нужно капельницей увеличить подачу воды. Здесь как раз преждевременная вспышка. Я подошел и увеличил воду – двигатель как заработал скорыми оборотами. Я перекрыл горючее, а двигатель не сбавляет обороты. Я понял, что он берет горючее из картера. Забегает испуганный Агеев, кричит на меня. А двигатель стал сбавлять обороты. Я отрегулировал горючее, и он стал работать нормально. Агеев так и стоит. Если бы он знал, что надо делать, то сразу бы перекрыл горючее. Он подошел ко мне и спросил: что это он сам заработал? - Нет, если бы он сам заработал, то меня бы не было в живых, и двигатель разнесло бы. – Что ты сделал? – спросил Агеев. – Прочитал инструкцию, и делал по инструкции. Если бы я это сделал на полчаса позже, то его бы, двигатель, разнесло.

Рука у меня была вся в крови. Чтобы горючее остановить, я хотел клин поднять, а он вырвался и поранил мне руку. Агеев спрашивает: что сейчас будешь делать? – Нужно его остановить. Но раньше нужно самопуск накачать. – Как? – А вот так. – И открыл клапан.

Баллон большой, а быстро накачался до отметки. Говорю: сейчас можно остановить. – И я остановил двигатель. – А как запускать, нужно двигатель поставить в рабочее положение. И вот этим клапаном пускать.

Нажать кратковременно – он оборот даст. Еще раз нажать и, если не заведется, – еще раз. – А ну, попробуй.

Я один раз нажал – и он сразу завелся. Опять остановил.

Ты будешь на нем работать, когда нужно, говорит. Человека наймут, обучишь его.

Там была динамо и электропроводка проведена. Нужно только ремень надеть. Мы это сделали – и свет появился: в конторе, в общежитии и по всему элеватору. Работать стало удобнее. Сделать до зимы бы.

На другой день пришли, Агеева нет. Я пошел к прорабу узнать, а прораб показывает бумагу:

– Вот, посмотри.

Я посмотрел бумагу. На ней карандашом написано: «Меня не ищите. Мне невольно пришлось исчезнуть. Вместо меня поставьте Сливкина. Прощайте, Агеев».

Меня поставить? Я никогда не работал механиком. Смогу ли я это сделать? Мы послали телеграмму в Новосибирск. Что ответят, не знаем. Ответили: Сливкина оставить механиком с окладом 220 рублей. Так я стал механиком. Погрузился в другие дела. Оказалось, что мы соревнуемся с таким же элеватором в г. Чистоозерская, недалеко от Татарской. Меня поразило: в бумагах – на строительство все есть, список оборудования, инструмент, молотки, подпилки, ножовки и полотна, все, что нужно для элеватора, – все есть в достаточном количестве, вплоть до электрических лампочек и горючего, тросы разные, проволока и изоляция – всего хватало. А сегодня этого нет. Я со всем этим познакомился и разобрался. Никогда в конторе не сидел, все время был на элеваторе. И люди с вечера знали, что им нужно делать завтра. Другой раз посмотришь, а он вчера это вечером сделал. Свет есть, оборудование есть, установить его – и деньги в карман. Это стали делать все, и работа стала подвигаться быстро. Мы на целый месяц закончили эlevator раньше намеченного числа. Послали телеграмму – принимать эlevator. А уже хлеб откуда-то начали возить. Подогнали 16-тонный вагон для погрузки зерна для пробы. Я стал на управление весами. Они вешают автоматически: ковш насыпают 5 тонн – и перекрывается, снизу открывается заслонка – и зерно сыплется через окно в вагон. Как все высыплется – заслонка перекрывается, и в ковш снова сыплется зерно. Можно сразу – в два окна: в два раза насыпается вагон быстрее. А на доске все автоматически записывается, пока рукой не остановишь. Нужно было бы ставить заранее, сколько грузить. Впоследствии, должно быть, так и сделали. Нагрузили вагон. Я все просмотрел, не просыпается ли где зерно. Не нашел – все нормально.

Приехала комиссия принимать эlevator. Им было подозрительно, что сделали раньше времени. Злые, говорят резко. Но сразу смягчились, что в машинном отделении очень чисто. Когда я стал запускать, паяльная лампа хорошо заработала. Двигатель завелся с одного удара по клапану. И никто ничего не регулировал. Свет горел хорошо. С общего пульта везде все хорошо слушалось. Нигде ничего не заедало. Зерно нигде не просыпалось. У весов

уже был свой человек. Подкатили вагон под погрузку. Погрузили вагон – время сэкономили. Ни к чему не могли придраться.

Спрашивают, кто здесь механик?

Прораб показал на меня и сказал: вот наш механик. – Такой молодой. В техникуме учился? – Нет, я самообразованием.

Написали протокол: принято с отличием.

Ну, до свидания, Володя. Целую, твой дядя Саша.

ВОЛОДЯ – БОРИС

Борис – Володе

08.01.89

Здравствуй, Володя!

Ответ на письмо от 04.12.88.

Письмо твое отдал в «Красную звезду».

Ты сейчас много читаешь периодики. Поэтому должен понять, что отца твоего могли просто не считать за человека, раз он был окруженцем, а тем более пленным. «Без вести пропавший» – означало – враг, можно было выходить замуж за другого. Вот почему Рябов и приказал молчать родным Сливкина и не разыскивать тебя. И это понять можно. Как и понять поступок Аркадия (но не принять). Твардовский – и тот, сплетничают, отрекся от отца раскулаченного. Но все было не так просто. Да, из людей делали сволочей (отказывались неверующие от иудейско-христианской морали!). Не дай бог тебе быть на их месте. Поэтому и Рябов, и твоя мать молчали, хотя бы ради тебя, да и себя. Пустили бы Рябова в Чехословакию, если бы он не сумел замести следы твоего рождения? Как это горько, Володя! Поэтому-то нет документов ни в Архивах военных, ни военкоматах о твоём отце. Может быть, он в архиве КГБ (НКВД). Но туда не попасть нам с тобой, и сейчас.

Теперь о письмах дяди Саши. От 17.11.88 г.

Дядя Саша спрашивает, писал ли он об элеваторе. Писал, ответь ему.

Письма интересные, как всегда. Видимо, у него есть дневник, по которому он все так подробно списывает. Жаль только, что мало об Африкане у него воспоминаний. Он вообще пишет в основном о себе. Но и за это спасибо.

У меня работа идет спокойно. Но писать свое очень трудно. Только суббота и воскресенье свободные. Из-за этого собираюсь вообще оставить службу и опять уйти на вольные хлеба. Хочется и «Александра Антонова»

сделать. И прозу пытаюсь писать, много начато, да и эту вещь о твоём отце хорошо бы довести до ума.

Валя живет у мамы, похоже, ко мне возвращаться не собирается. Улучшений у нее нет.

Новый год справлял в ресторане Совета Экономической Взаимопомощи. Столько дам в вечерних туалетах. Справляли Новый год разных стран (по часам): Польши, Венгрии, Германии и т.д., как только он наступал. Много было вкусных закусок, вино, шампанское, оркестр...

Как строительство? Что нового в твоей жизни? Привет семье.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

18.01.89

Здравствуй, Боря!

Письмо твое получил, спасибо.

Твои рассуждения понятны. Я и сам часто думал о таком варианте, а сейчас вообще страшно думать об этом, какое было ужасное время. Презираю коммунистов, которые были хуже фашистов, грош цена той партии, которая все это допустила. И сейчас стоит вопрос – кто кого? От этого зависит наша дальнейшая жизнь, наше будущее. Слишком хорошо научился наш народ молчать и терпеть, и очень трудно, почти невозможно сейчас заставить его еще во что-то поверить. Я в перестройку не верю – у нас на заводе не только ничего не изменилось, а наоборот, стало еще хуже, и очень трудно понять, куда дальше все пойдет.

Компьютеризация – это вопрос жизни или смерти для нас, вопрос выживания. Информация – это сырье, и оно не убывает, а возрастает. Мы это сырье почти не используем.

У меня нет такой возможности – «вольные хлеба» – в этом твое преимущество. Но... нужно иметь какой-то капитал, чтобы не думать о хлебе насущном, а заниматься тем, чем должен заниматься для себя, своей души и для страны. Только так человек может принести максимум пользы обществу, только у нас это никому не нужно – у большинства свои личные цели, об обществе-то и забыли. Поэтому прямой смысл тебе перейти на «вольные хлеба». Ведь жизни мало для того, чтобы сделать что-то.

Будь здоров. Обнимаю, Вова.

Володя – Борису

14.03.89

Здравствуй, Боря!

Конечно, я помню твои замечания о политике.

Но ты так и не ответил мне, что же такое политика в твоём понимании, что именно имеешь ты ввиду, когда пишешь это слово? То, что происходит в твоём окружении, или то, что происходит в нашей стране, или только то, что творится в нашем руководстве и т.д. Ты пишешь, что знаешь много больше, чем удастся узнать мне. Больше чего, сплетен? Назвав далее Ельцина – фуфло, разве это не твоё отчасти отношение к политике?

(Сдаёт меня в открытую «читателям» чужих писем. Может, поэтому и некоторые наши письма потерялись по-пути?)

Я уже не тот мальчик, чтобы верить на слово, а тебе советую раскрыть закрытые глаза и постараться увидеть то, что ты не хочешь или делаешь вид, что не хочешь увидеть. Внутренний голос в этом не поможет, он останется только с тобой наедине, думать, анализировать жизнь, своё место в жизни, почему у нас такое страшное, нескладное общество, почему все тихо молчали, а тут вдруг сразу всех прорвало. И какого черта ты или я не можем занять капитал, неужели мы так плохи среди такого большого количества бездарностей? Я считаю, что все это политика, вся наша жизнь в окружении других людей, в обществе себе подобных. А думать, например, только о чём-то одном, не зная, что творится вокруг, по-моему, бессмысленно, истины не найдёшь – все и всё взаимозависимо, не может быть чистой поэзии, так же как и чистой науки. Невозможно судить или думать о назначении человека на земле, не изучая самого человека, его истории, а истории без политики не бывает.

Компьютеры возникли неожиданно и останутся навсегда, так же, как останется мельница, которая должна из зерна сделать муку, и через миллион лет муку нужно будет делать, чтобы жить. А компьютеры – это хлеб для мозгов, который даёт возможность мыслить человеку на порядок выше, чем он мыслил до компьютеров.

(Леонардо да Винчи обходился без компьютера...)

Сейчас наличие информтехники в стране – есть вопрос выживаемости. Про Дон Кихота не знаю, потому что не читал этой книги. И зачем мне о нём думать, если я не имею права зарабатывать столько, сколько смогу, за свой честный труд, а должен более одной трети своей личной жизни отдавать кому-то за право только, чтобы кушать, чтобы не сдохнуть. Почему я всю жизнь должен унижаться перед каждым, кого я кормлю? Потребителей произведенного продукта больше, чем производителей этого продукта. Извини Рябова, я, может быть, многого не понимаю. Но ты слишком детские истины мне говоришь, а далеко ли ушел ты от меня? Пути у нас разные, а желание, мне кажется, одно – прийти к одному и тому же. Пиши, Вова.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Только вернулся из поездки на агитационном поезде «Молодость» по Горной Шории. Впечатления о Сибири богатые. Нашел же ты уникальное место – родиться.

Расскажу только об одном случае. Представляешь, передо мной – Бурвиль, в панаме, с таким же носом – крючком. И в обрезанных валенках. Стоит во дворе около своего неказистого деревянного сельского дома, недалеко от Новосибирского металлургического завода. По двору свиньи бегают, визжат, куры квохчут. А к саманному сараю приставлено цилиндрическое чудо техники – персональная обсерватория, которую хозяину за труды подарили и поставили французы. Сказка-быль! За какие труды? Дьяков рассылает в разные страны известия, когда и где ждать землетрясение, наводнение, торнадо, чуть ли всемирный потоп. И я сам читал благодарственные телеграммы этому Дькову от правительства Японии, Кубы и других стран. Языков не знаю, но латинские буквы понятны. В двух словах об этом уникале. Он был лаборантом у двух ученых-исследователей солнечной активности, которые, на основании погодных наблюдений и статистических таблиц, составленных еще в царской России в течение нескольких десятилетий, создали свою теорию о влиянии солнечного ветра на катаклизмы на Земле. Революционные чиновники отвергли этих астрологов. Тогда они издали свою книгу в Германии. А России их за это сослали в ГУЛАГ и расстреляли. Дьяков же взял эти материалы и потихоньку развивал их метод прогнозирования погоды, соперничая успешно с официальным Гидрометеоцентром. Только на международные конференции отказывается ехать. Фрака нет? Выписывает на свои гроши иностранные журналы, следит за солнечным ветром и предсказывает надвигающиеся катастрофы. Правда, дождь у себя в селе предсказать не может, и над ним смеются. А из Министерства сельского хозяйства карьеристы к нему тайно приезжали за перспективными прогнозами.

Ты спросишь, Володя, кем же он работает? Опять же – чудо. Вызывает его однажды генеральный директор металлургического комбината. И устраивает ему разнос. Бурвиль стоит в кабинете в валенках, гнет шапку и тихо оправдывается. Представляешь? В одном из зарубежных журналов он прочел предложение - купить обсерваторию. Врут, наверное, подумал. Решил проверить. Заполнил бланк заказа, и, как член сельсовета, поставил сельскую печать. И вот Генеральный директор орет: «Валюту, выделенную заводу на год, придется выложить за железнодорожный состав с разобранной обсерваторией, который прибыл из Франции!.. Что делать с этим брахлом и с этим дураком-предсказателем?» Обсерваторию поставили на горе около

Новосибирска, а Дьяков там – и сторож, и астроном, черт бы его побрал. Еще и зарплату получает.

Есть мифы, что хотели у Дьякова выкрасть его таблицы умельцы из ЦРУ и из КГБ. Но не верится. Однако его сын, на всякий случай, отказывается принять опасное дело у стареющего отца.

Ну как? Пишите письма!

Пока, Борис.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОЛОДЯ – БОРИС

Володя – Борису

29.08.89

Дорогой старый товарищ!

Извини за долгое мое молчание. Я виноват, мог хоть короткую записку написать, как пишу сейчас. Все лето я занят домом, который разломал. А сейчас весь разломанный материал нужно перевозить на новое место. Все это было вызвано тем, что берег очередной раз обвалился, и уже дальше тянуть было некуда. Много лет не работал физически, начинать было очень тяжело, сейчас гораздо легче, стал здоровее, и появилось желание заниматься этой работой (стройкой) – стараюсь работать так, чтобы не надорваться. В общем, дел этим летом и еще весь сентябрь, а, может, и октябрь, много, буду работать до непогоды.

Как твое здоровьечко? Не мешало бы тебе хорошо физически размяться. Может, надумаешь на будущее лето ко мне в Одессу? Новая обстановка, свежий морской воздух, физическая работа – разве это плохо. Жить будешь, как дикарь, спать на воздухе, готовить на костре, а может, на керосинке – будет хорошая встряска организму. Думай, если надумаешь, я буду только рад.

Вот пока на сегодня все.

Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

29.08.89

Здравствуй, Володя!

Жизнь закрутилась. Как бы этой удавкой нас всех не передушила. Столько открытий сегодня – но больше вранья. Как бы остаться собой, не полеветь, не поправеть, короче не покриветь. Вот дали мне задание написать рецензию на книгу и говорят: ты напиши, как о Сталине написал. А я удивился – так не опубликовали же мою заметку о Сталине. А мне в ответ: а мы читали.

Отцу стало плохо. Я ездил к нему, отпросился с работы. Опять начал курить, не выдержал.

А вот как отреагировала на эту мою поездку к отцу моя мама.

«Тобой, сынок, я всегда была и буду довольна. Хвалится отец, но он не знает, сколько мук, и каких, мне стоило тебя спасти, дать образование. Помогала мама, ты, все. Да, но ведь ты был умирающим, и не раз. Смывла тебя диспепсия, которая отняла детей у тысяч матерей.

Отец сказал:

«– Езжай домой. Я тебя разлюбил.

– А сын? – говорю.

– Он маленький – умрет».

Нет, не дала тебя смерти, не сбылись его слова. И, слава Богу! А теперь хвалится он: «На меня похож».

И не единого слова благодарности в мой адрес. Или ты не хочешь сказать? Даже не спросил обо мне? Сломал жизнь и выбросил. А почему? Какое имел на это право? Да и твоя бы жизнь была иной».

Я приехал к отцу в Быково Волгоградской области, по письму брата Сергея, что у отца – инфаркт. Остановился в пустом заброшенном доме отца в запущенном его саду. Посмотрел на всю эту утлую обстановку и подумал: «А ведь я мог сейчас вот так жить здесь, а не в Москве, и не работать в «Литературной газете».

Обнимаю, Борис.

Борис – Володе

18.12.89

Здравствуй, дорогой Володя!

Жизнь жестокая штука. Но другой нет. Поэтому надо не терять чувство юмора. Вот я послал в «Литературную газету» часть своих афоризмов, или афонаризов. Может, улыбнешься и ты.

У человека один друг, и тот – собака.

Казнь через повышение.

Жена – лицо мужа, а муж – ее кошелек.

Слезы – слабость мужчины и сила женщины.

Когда все можно – ничего не нужно.

Ну, что, улыбнулся? И я – ничего не опубликовали.
Пока, Борис.

Борис – Володе

Декабрь 1989 года

Здравствуй, Володя!

Я был на Байконуре. Повстречался с сыном, который там служит в армии в стройбате. Обстановка сложная. Приехал ко мне весь в «байконурских розочках» - это ранки гниют на теле до кости. Меня послала туда в командировку «Литературная газета», для подготовки материала о взаимодействии советских и партийных органов города Ленинска Кзыл-Ординской области и военным руководством района в решении социальных вопросов.

Был в одной гостинице с сыном среди главных конструкторов, генералов. Был на запуске ракеты на космодроме, которая «несла» в космос телескоп. Потом с командованием «обмывал» этот успешный запуск в убежище. Каждый подарил мне по разному значку, посвященному космонавтике. Был в музее. Там есть и мой герой очерка Константинов. Он идет вторым после Засядько. Написал в книге знаменитых посетителей четверостишие из притчи, посвященной погибшим космонавтам. Видел всю технику, и Буран, и ту, которая должна была полететь на Луну, но не полетела в космос. Все в открытом письме не расскажешь. Дали мне 15 минут на встречу с командиром Байконура, мы проговорили полтора часа. Вышел из кабинета в приемную - она вся зеленая от ожидающих офицеров. Получил помощь о переводе сына в клуб художником-оформителем. Он же художник, дважды поступал в Архитектурный институт, и будет – в третий раз. Впечатлений куча. При встрече расскажу.

Пока, обнимаю, Борис.

Борис - Володе

26 01.90

Здравствуй, Володя!

Да, время смутное. И не только в политике, даже той, какую ты принимаешь за политику.

Но я стараюсь не только читать между строчек, но еще открывать ответы на свои вопросы. Например, НЛЮ воспринимаю, как объект из нашего будущего, который иногда попадает из другого измерения в нашу действительность. Это прорыв будущего времени во время настоящее. Все времена существуют одновременно, но мы их не видим. Странно? А чего странного в том, что ты в музее видишь мумию Тутан-Хамона? Чего

странного в том, что собор, построенный в 12 веке, стоит рядом с высоткой 20 века в Москве? А умерший давно артист Черкасов поет по телевизору песню про отважного капитана? А существует ли пятилетний Володя Рябов в твоей комнате в Одессе сейчас? Он же не умер? Помнишь, как ты говорил студентом мне: есть разумные вещества выше человека, как для муравья есть разумное существо – человек.

Вот прочитал в «Звезде» статью «Тайна Лермонтова». В ней говорится о том, что романтикам органично присуще жизнетворчество – обдуманная театрализация жизни, преднамеренное построение в жизни художественных сюжетов. Так в юности Лермонтова известен случай, когда он разыграл любовную историю по придуманному собственному плану. И я вспомнил, что под чужим именем сочинил и сыграл историю своей любви в 8 классе. Передавал через друга или подкладывал в карман пальто любимой девочке из параллельного класса свои стихи о своем увлечении. Пока родители девочки не потребовали исключить из школы моего друга. И любовь пропала. Осталась только радость воспоминаний о моей тайне. Так что, Володя, неслучайно я окончил сценарный факультет ВГИКа. Жаль только, что в этой статье не говорится о том, что план жизни написан был у Лермонтова, как и у других, с рождения. Только младенец разожмет в первый раз свою руку – и на ладони откроются все линии его судьбы. А поэт стал лишь талантливым режиссером-постановщиком этого любовного сюжета.

Напрасно ты меня упрекаешь в лени. Я все делаю по плану. И осознаю, что дарование – есть поручение, которое надлежит выполнить, не смотря ни на что. Так же осознаю и то, что произведение искусства, это не сам предмет, а воплощение в этом предмете автора, его изобразителя. Что говорить о моих стихах? Сколько было создано распятий Иисуса Христа разными великими художниками? И все они – разные, по этой причине.

Обнимаю, Борис.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, дорогой Володя!

Все же я тебе хочу продолжить рассказ Константиновской. Но в сокращенном переложении.

Я ей рассказал свой необычный сон. Во сне слышу голос: «Через миллиард и восемьсот миллионов лет Земля из состояния Изумруд перейдет в состояние Колумбит. В это время человечество будет отброшено в своем развитии / на миллиард восемьсот миллионов лет». Я вскакиваю, быстрее записываю, потом зарифмовал в стихе, чтобы не забыть. И только по

прошествии большого времени вдруг читаю о такой гипотезе. Но раньше я об этом точно не знал. Откуда я мог получить эту информацию?

Константиновская отвечает. Всем людям чего-то снится. Когда бывают вещие сны? Вообще вещие сны бывают очень редко, но эти сны мы помним очень долго в подробностях, и чувствуем, что там закодирована информация. А простые сны мы быстро забываем. Когда приходите на плохой концерт, чувствуете, что ерунда, и забываете вскоре об этом. Но когда вы слушали концерт Рихтера, вы помните долго. Почему? Информация мощная, играет пророк. Так же, когда сны – откровения, они запоминаются. Почему мы считываем информацию именно ночью? И почему сейчас информация о цикличности развития идет? Как астроном я говорю, земля по спирали отходит от Солнца, удаляется, проходит квантовые оболочки в солнечной системе. Чем дальше эта оболочка, тем лучше находится информация в этой системе. Мы проходим, например, мимо комнат, и в каждой комнате - 1 класс, 2 - класс, 3 класс. И мы слышим эту информацию, слышим, что говорит учитель. Поэтому когда мы попадаем на какой-то канал, у нас по-новому начинает развиваться эта наука. Видимо, в наш век мы попали в то информационное поле, когда надо открыть науку циклов, и на основании этого предсказывать, рассчитать эти циклы. Вы, говорит она мне, попали в это информационное поле «Изумруд и Колумбия», Зеленое и Черное. Менделеев попал в информационное поле, когда он увидел во сне свою периодическую таблицу. Пушкин попал в информационное поле - составив свои философические таблицы. Есть некие состояния и некие люди, которые, попадая в это состояние, понимают, что им говорят. Эту информацию могут считывать все, но не понимают, и забывают.

Я астроном, уже знала какие-то законы, какие-то астрономические понятия. Поэтому могла понять, считывая информацию о цикличности.

Ведь у человека есть ангел-хранитель, и этот ангел-хранитель знает, чем этот человек должен заниматься. После школы пошла поступать на математический факультет педагогического института. Но не добрала одного балла. На второй год я стала поступать в экономико-статистический институт. И опять не добирала одного балла. Иду по Тверской (тогда улица Горького), зимой, смотрю маленькое объявление висит. Никогда на заборах ничего не читала. А здесь читаю: объявляется набор. Думаю, дай-ка я просто сдам экзамены, чтобы повторить математику и физику, а летом буду поступать в технический институт. Туда поступали одни ребята. Но увидела свою фамилию в списке поступивших. И закончила этот институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, и не могла понять, почему. Но он же мне пригодился. Очевидно мы не совсем властны над своей судьбой. А потом я вынужденно училась в медицинском училище. И шла мимо одного киоска, как обычно, и смотрю - там учебник по астрономии. И я купила его для своей одной приятельницы, астролога.

Я ее перебил: вы считаете, что и прежние астрологи имели какую-то ценность для земных знаний?

Конечно, сказала она. Но дело в том, что астрология в свое время имела фундаментальные знания, то, что называется наукой. И на этих фундаментальных знаниях строились расчеты. Какой-то шарлатан потихоньку эти научные знания отбросил - и осталась только надстройка – фундамента нет, а надстройка есть. И астрологов сейчас побивают. И вот мои разработки как раз и дают астрологам тот кирпичик в фундаменте. Они на него ссылаются: вот видите, солнечная активность определяется положением планет, а это уже влияет на события на земле.

Но я никогда не думала, что буду так глубоко астрономией заниматься. Все никак не могла встретиться с этой приятельницей-астрологом, и начала читать ее книгу. И она мне очень понравилась. Так интересно. И я стала по-новому в астрономию входить. Так меня как будто кто-то вел.

Володя, тогда я рассказал ей свой аналогичный случай.

Какие-то, казалось, мелкие события определяют нашу судьбу. Я первый разрезал книжку дореволюционного издания (1890) в Театральной библиотеке (значит, раньше ее не читали?) – и это определило мою дальнейшую литературную судьбу.

Книга о русских поверьях и преданиях. Я начал писать на эти сюжеты притчи в стихах. Одну из притч готовил так долго, что у меня получилась драма в стихах. И с этой книжкой вошел в литературную жизнь.

Она говорит, как у Булгакова: Аннушка уже купила масло.

Потом мы разговорились о магнитных бурях. Я был в одной задрипанной лаборатории, руководитель которой подписывал потом в «Известиях» информации о магнитных бурях в разделе о погоде. Я писал о нем статью в журнале. Самое интересное, что в таких скотских условиях он работает с гелием и прогнозирует катастрофы. Считает, что сама земля является саморазвивающимся организмом, который регулирует и нашу жизнь, направляет развитие всего человечеств. Фамилия этого старого чудака Яницкий. Оказывается, Константиновская не только его знает, и уважает. Говорит, он абсолютно прав. Я вхожу в его группу.

Не думаете ли вы, что Бог - это сама Земля? – задал я провокационный вопрос.

Она не растерялась: Смотря, в какой системе, говорит. Земля - это не только Земля, но и Луна. В земной системе Бог есть земная система. В ней Земля - головной мозг, а Луна - спинной мозг. А мы, люди, - те самые микробы, которые живут в этой системе. Разум земной системы - это ноосфера.

Кстати, спохватилась она, я не астролог, ничего не понимаю в астрологии, там заучивание, а я хочу понять и доказать все, иначе я не принимаю просто. Когда мне составил первую карту Подводный или Каменский, известный наш астролог, который пишет учебники, он редко выступает, но все учебники - это его. Я с ним познакомилась у Джуны лет 15 назад. Он мне составил мою натальную карту и сказал: «Ты должна сделать какие-то открытия в астрологии и в медицине». Тогда я ни медиком, ни астрономом еще не была.

Что же, в этой натальной карте, и о смерти человека говорится? – спросил я.

Возможно, ответила она. Но я об этом как-то не спрашивала. А потом я знаю свой срок, и мне уже это не надо знать.

Какой кошмар!

И тогда я рассказал, как в издательстве меня однажды привели женщины из редакции к одному гадальщику: погадайте ему. А он посмотрел на меня, и говорит: я ему не буду гадать. Это прошло лет 20, наверное.

Он не прав, сказала Константиновская, как психолог, я хочу вам сказать следующее. Каждый нормальной человек имеет свой порог чувствительности. Есть такое понятие в физиологии. Когда раздражение допороговое, вам дают информацию, которую вы способны воспринимать. Эта информация будет стимулировать вас, ваше развитие. Как только вам дадут информацию выше порога чувствительности вашей, то есть вы неспособны ее воспринимать, - она вас испугает, вот тогда она будет вас разрушать. Поэтому в данном случае астролог, к которому вас привели, вам должен был сказать всю информацию допороговую, а выше пороговой он не имел права говорить. Значит, то ли дурак астролог, то ли вы настолько сильная личность. что можете эту информацию вынести, спокойно воспринять.

Я задал Константиновской несколько вопросов из ее новой книги. Например, где живут души, вселяющиеся в новорожденных? Вообще-то у меня есть православная книжка об ангелах. Там говорится, где живут души умерших людей. Но ни о какой реинкарнации речь в православии идти не может.

Астрологи же говорят, что эти души живут в созвездии Рака. Там, говорит Константиновская, находится душа Иисуса Христа.

И вот смотри, Володя, как она поплыла от моих вопросов. Все смешалось: и вера, и атеизм, и язычество, и просто невежество шарлатанов от науки. Я уж не говорю, что Христос сидит одесную Отца своего, просто намекаю, что Христос символизируется Рыбой.

Надо у астрологов спросить, говорит. Знак Рыбы символизирует гармонию. Энергия Янь Инь. То есть гармоничное развитие. Рыба имеет очень много аспектов.

Я продолжаю наступление. А когда же произошло сотворение мира? Сколько же было сотворений, по-вашему?

Начнем с библейского, смело бьется Константиновская. Во-первых, с того, чему равен божественный день в Библии. В начале Ветхого завета говорится: «И был вечер, и было утро: день один» - появилось то-то. С позиций астрономии, этот божественный день, назовем его галактический день, – это период обращения центральной звезды Галактики вокруг своей оси. День Земли – это один день. А день Солнца – равен 27 дням земным. А галактический день - это один миллиард лет. И, расшифровывая Библию, надо говорить: прошел один миллиард земных лет – и образовалась Земля. Геологи говорят, да, возраст Земли примерно 5-6 миллиардов лет. И в Библии

– сотворения мира продолжалось шесть дней. И появился человек. Если идти в расшифровке дальше, то человеку суждено жить один божественный день - миллиард лет. Человек прожил уже около 300- 400 миллионов лет. То есть, нам еще жить и жить.

Я спрашиваю: вы не признаете, что человек прилетел из космоса, а считаете, что он произошел от обезьяны?

Она отвечает: обезьяна – это самая последняя станция развития, до этого мы были растениями, до них – клетками, а до этого - теми молекулами из космоса.

То есть, спрашиваю, до этого сотворения библейского, не было никаких цивилизаций?

Эта лакмусовая бумажка быстро проявляется. По поводу цивилизации, опять заглянем в Библию. Там сказано, что до Адама с Евой жили еще боги. И Адам с Евой жили у этих богов (наверное, имеет ввиду ангелов?). А до этих богов были еще Боги. Эти боги - и были цивилизации.

(И попала в абракадабру Кабалы, от которой открещивалась вначале, как от оккультизма).

И была первая цивилизация, была вторая цивилизация, третья цивилизация. И у этой третьей цивилизации жили мы, Адам с Евой. Адам с Евой – наши прародители, которые являются четвертой цивилизацией. И на каждую цивилизацию приходится примерно сто миллионов лет. Наша цивилизация прожила половину этого отпущенного срока. Потом появится пятая цивилизация. Пятой цивилизацией является снежный человек, который сейчас существует, - это начало той цивилизации, которая нас заменит. Продолжается развитие нашей цивилизации. Снежный человек будет выше, чем современный человек, но со временем, когда он разовьется.

Для пояснения, возьмем вас, ваших родителей и вашего ребенка. Вы своего ребенка не считаете дураком, понимаете, что он молодой. Когда он вырастит, до вашего нынешнего возраста, он примет вашу информацию и наработает свою информацию. Снежный человек - это тот же ребенок, который родился у нашей цивилизации. Но кроме нас, родителей, существуют бабушки и дедушки. Вот те, которые сейчас живут в так называемой Шамбале в Гималаях. В Тибете существует самая старая, отмирающая цивилизация, но самая умная. Они достигли высокого уровня развития. Эти летающие объекты, которые для нас – еще загадка, для них - средство передвижения. То есть НЛО – это может быть проявлением третьей уходящей цивилизации, расы богов. И недаром считают, что снежный человек обитает в большей степени там. Почему? Потому что мы, еще «дураки» по развитию, этого снежного человека хотим поймать, схватить, убить. Можем его истребить. Мудрые «бабушки и дедушки» наши, видимо, взяли охрану над снежным человеком, детьми новой цивилизации.

(Помнишь, Володя, ты мне говорил, не может быть, чтобы существовали только мы одни на Земле. Могут существовать более высшие

существа, и мы смотрим на них, не понимая, как муравьи смотрят на человека?)

По вашей гипотезе, говорю, получается, что настоящее, прошлое и будущее существуют сразу одновременно. Мне, например, кажется, что эту одновременность настоящего, прошлого и будущего можно ощутить во сне. Во сне можно видеть себя в прошлом и увидеть вещий сон о будущем.

Константиновская отвечает опять интересно. Как сказку рассказывает, в которую хочется поверить. Солнечная система - это клубок Ариадны. И в этом клубке записана информация прошедшая, и есть какие-то наметки будущего.

Возьмем Марс. Планета Марс уже пережила то, что мы сейчас переживаем. Она дальше от Солнца, она прошла ту стадию развития, в которой находится сейчас Земля. В солнечной системе, я говорила, есть квантовые оболочки, и человек своею мыслью может уйти либо в будущее и посмотреть, что там, либо оглянуться в прошлое - посмотреть, что было.

Я русская, и переживаю за русскую космонавтику. Все космонавты для меня - родные братья. Когда намечался полет русской ракеты на Марс, то, что не состоялось в этом году, - я везде, и по радио тоже, выступала и хлопотала за два года отсрочки полета. И предупреждала – измените программу, потому что наша русская программа включает следующее: с силой приземлиться на Марс, взорвать планету, и на три метра уйти вглубь. Марс более разумная система. Если там есть люди (живые существа), то они находятся на более высокой стадии развития, например, в виде плазмы, в виде шаровой молнии. Поэтому они, зная нашу программу, не пустят нашу ракету к себе. Представляете, что вы знаете, что я хочу подойти к вам с ножом, разрезать вас и посмотреть, что у вас внутри. Вы заранее не будете со мной искать встречу, в лучшем случае.

И тогда я не выдержал и спросил прямым текстом: «Людмила Васильевна, вас многие ученые, наверное, считают сумасшедшей, имеющей поверхностные знания, разбрасывающуюся, пытающейся объять необъятное?»

Она не подала виду, что обиделась, и пощечину не дала. Просто продолжила ту же муть.

Я, изучая житие наших ученых, пришла к выводу, что действительно нет пророка в своем отечестве. Но это не должно меня смущать, решила я. Во-вторых, истина превыше всего. В-третьих, если я действительно иду впереди, меня поймут после, не сейчас. В-четвертых, не думаю, что наши ученые настолько дураки, а ведь многие разделяют мое мнение.

И я решил тоже продолжать, как ни в чем ни бывало. Но только вести разговор пожестче. Спрашиваю: вы задумывались над тем, что означает зачин Библии: «В начале было Слово»?

Она начала издаലെка. Электромагнитные волны делятся как бы на три категории: первая - это звук; вторая – в более высокая - это свет; третья - это радиация.

Экстрасенсы, кстати говоря, тоже делятся на три вида, качества, класса: первый - самые примитивные, которые орут, передают звуком воздействие на человека. Вторые – передают светом, воздействуют неконтактным массажем – то, что я излучаю, другие излучают, – электромагнитные колебания воздействуют на человека, светятся. А есть третьи – воздействуют мыслью, тем, чем лечил Иисус Христос. Он пожелает - и это случается. Но это – тоже электромагнитные колебания (*святотатство невежества!*). Итак, сначала в развитии системы электромагнитных колебаний идет звук. Потом – свет (кто не могут светиться, те много орут). И самое сложное - когда экстрасенс может изменить понятия человека, изменить жизнь человека. Меня иногда спрашивают: ты можешь двигать стрелку магнитную. Я отвечаю: может ли радиация поджечь бумагу? И что сильнее, огонь или радиация?

Вот как она понимает начальное значение Слова.

Я рискнул спросить: вы высчитывали по своим таблицам, на сколько вы талантливы? Можете показать, как высчитать, например, мои возможности?

Она замялась. Нужны научные разработки, чтобы подтвердить эти методы, опубликованные в книге «Когда приходят пророки». Этими научными разработками сейчас занимаются в МГУ. Там представлены три индекса, три определителя солнечной активности. Первый индекс – это пятна на Солнце. Чем занимались все ученые, и у нас есть эти данные за 250 лет. Это самый большой ряд. Потом начали измерять вспышки на Солнце, когда появился телескоп, – это второй индекс. Вспышка бывает мощная или немощная, бывает большая, маленькая, яркая, неяркая. Третий индекс – это магнитные бури на Земле. Что влияет на здоровье человека, как говорят нам.

Но на сегодняшний день существуют тридцать индексов, которые определяют солнечную активность. Возможно, существует и еще сто тридцать. Ведь Чижевский сказал, что существует Z-излучение, а его еще до сих пор никто не открыл, то есть нет индекса, который измеряет зетто-излучение. Это излучение влияет на мозг.

Поэтому в книге собраны грубые таблицы. Пятна на солнце говорят, возможно, о кинетической энергии человека. А магнитные бури на Земле и вспышки на Солнце – это говорит о гениальности, на 90 процентов. Вспышка - это гениальность, могу я почти утверждать. Все остальные индексы - кто знает, на что они влияют.

Приблизительно можно что-то узнать по этой книжке, например, о вас.

Берем год вашего рождения - 1941-й. Берем таблицу пятен на солнце, открываем сорок первый год - здесь написан месяц – ноябрь. Берем ноябрь. Теперь день - седьмое ноября. Вот видите, ноль – это пятен на солнце не было. Но это вовсе не значит, что на солнце не шли другие процессы. Возьмем другой индекс - вспышка на солнце. Вспышки на солнце у нас стали фиксировать совсем недавно. В этой книге даны вспышки только с 1966 года. Моих данных тоже нет. А самое-то интересное - это как раз вспышки на Солнце. В центре мировых данных по солнцу можно прежние сведения взять, но если были наблюдения. Дальше листаем книгу. Магнитные бури. Мощность магнитной бури фиксируется у нас с 1868 года. Открываем 1941

год, берем ноябрь, число 7. По таблице - двадцать четыре единицы. Я астроном, я знаю, что среднее число (за 130 лет) 19 единиц. А у вас 24 единицы - это уже кое-что, высшее образование вы можете иметь. И, соответственно, должны сделать какую-то довольно серьезную работу. То есть большая энергия обрушивалась на Землю. Но ноль пятен на Солнце – это не ноль. Срабатывает закон сохранения энергии. В это время рождалось очень мало людей талантливых, но при таких условиях они должны быть очень талантливы. А когда, наоборот, большая солнечная активность, то много талантливых рождается, но не очень, так как сумма общей талантливости должна быть той же. При максимальной солнечной активности рождается одна очень талантливая личность. Вот почему, повторяю, 14 тысяч младенцев ушли из жизни, когда родился Христос.

Есть у меня в книге еще очень интересные таблицы. Вот график в уменьшенном виде, где рождение Христа отмечено – 2800 лет. Примерно 2800-3000 лет до рождества Христова - это рождение Рама. Рама - это реинкарнация Христа до своего рождения. То есть Христос приходил не однажды. Если мы будем идти назад по этому графику - то там будут времена Атлантиды. То есть Иисус тоже тогда мог жить. Выходит дело - это одно и то же лицо. Только разное его воплощение.

(Володя, я тогда не мог спорить, а сейчас я обратил внимание на слова из Символа веры, которые могут подтверждать это атеистическое утверждение Константиновской. Там написано про Иисуса Христа: «Верую...И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, иже от Отца рожденного прежде всех век: Света от Света, Бога истина от Бога истинна, рождена, не сотворена, единосущна Отцу, им же вся быша.

Нас ради человек, и нашего ради спасения сшедшаго с небес, и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася...» То есть Сын Божий был «прежде все веков». А тогда я спросил об одной известной мне версии о Христе.)

Есть такая легенда, сказал я, что Иисус Христос прожил 92 года, и в Индии есть его могила. Будто он сошел с креста и туда ушел. В Индии работал один мой знакомый корреспондент. И я опрашивал его об этом. Он говорит, что слышал там эту версию, но могилу эту не видел.

Константиновская меня пожалела. Легенд много, говорит. Я могу только утверждать, что это был суперталантливый человек, который пока еще не пришел. Все Христы и все Мадонны, которые сейчас занимаются самозванством и богохульством, - это очень большой грех.

На мой вопрос, слышала ли она, что Библия - это зашифрованный рассказ о прошлом и будущем, Константиновская ответила отрицательно.

В Библии зашифрованных слов нет. Каждый понимает Библию по мере своего развития. Ее может расшифровать только тот, кто ее зашифровал. Это может быть через 800 лет, когда придет снова Христос. И он тогда раскроет нам истинные знания. Поэтому до конца Библию никто не расшифровал и не расшифрует. Тот, кто утверждает сейчас, что ее расшифровал, это – шарлатан. А если что-то и удастся раскрыть – то это маленький срез.

(Сейчас, когда я пишу эту книгу, я прикоснулся к такому «срезу» и написал об этом стихотворение. В притче, о том, как Христос накормил четыре тысячи своих слушателей семью хлебами и несколькими рыбами, я открыл, как это можно было сделать. Этот хлеб насущный – было учение Иисуса Христа. Если записать это учение в книге и дать тысячам людей прочитать, то они насытятся этой мудростью, а потом передадут ее другим. Поэтому «и ели все и насытились; и набрали оставшихся кусков семь корзин полных, а евших было четыре тысячи человек...» И подтверждение моего прозрения я увидел в словах Иисуса Христа, когда он напомнил об этом событии своим ученикам в другой раз такими словами: «Еще ли не понимаете и не помните о пяти хлебах на пять тысяч человек, и сколько коробов вы набрали? ни о семи хлебах на четыре тысячи, и сколько корзин вы набрали? как не понимаете, что не о хлебе сказал Я вам: берегитесь закваски фарисейской и саддукейской? Тогда они поняли, что Он говорил им беречься не закваски хлебной, но учения фарисейского и саддукейского». Евангелие от Матфея, 16, 9-12).

Эти таблицы, показывала Константиновская в своей книге, означают научные данные за 250 лет. Это – десятилетия солнечной активности. Современное состояние – выше всех данных за эти 250 лет. Если брать статистику, то наш XX век стоит на первом месте по открытиям, каким-то значительным событиям. На втором месте стоит XVIII век. А XIX век – на третьем месте. С 1940 года начался взлет активности. Я взяла маленький отрезок этого графика за несколько лет. по нему на Солнце есть и маленькие ритмы, и большие. Три больших примера с интервалом по 60 лет. Смотрите, какой всплеск в 1978 году, и посмотрите, какие пики в 1989 году. Вы говорите, Пушкин сказал, что в 1998 году будет социальная революция? По солнечной активности 1998 год - не должен быть очень большой активности, но по событиям – будет большой. Начался новый цикл в 72 года. Тот самый цикл, когда мы 72 года как-то поднимались, правда, с большими потерями и с большой нагрузкой. А Запад похитрее, он соблюдал закон физиологии: максимальная работа совершается при средней нагрузке. Они тихо-тихо ползли и доползли. А мы рванули, а силенок дальше бежать нету. Нам надо бы тоже соблюдать законы постепенного развития.

Говорят, Пушкин в своих тайных таблицах, что Европа уже пережила свой взлет, она загнивает, а ведущей в мире становится Россия, сказал я.

Но ведущей - не в плане материальном, уточнила Константиновская, не в плане богатства, а в плане духовности. Вот Иисус Христос ведь в материальном плане был нищий, птица божья, с позиции тех богатых людей, которые его презирали. Но мы-то с вами понимаем, что он был настолько богат духовно, что нам до него расти и расти.

И что ожидает Россию? – задаю я традиционный вопрос.

Россия находится в состоянии святости, говорит она. И не только она так считает. У русских людей деньги никогда не стояли на первом месте.

Когда знакомимся с человеком, спрашиваем: кто он? Не спрашиваем, сколько у него денег, чем он владеет? На Западе по-другому, там спрашивают, сколько ты зарабатываешь? Нет денег – ты никто. Поэтому я Россию ставлю на первое место в духовном плане. И астрологи ставят Россию как головной мозг, мозг Земли.

В чем же ваша миссия на Земле? – спросил я. Она ответила: написать книгу под названием «Космогоническая модель вселенной, солнечная активность и универсальное прогнозирование» - это первая моя миссия. Эту книгу в черновике я написала, сейчас ищу людей, которые мне помогут ее издать.

Вторая моя миссия: я должна эти знания донести до людей. Поэтому я согласилась читать лекции в Политехническом музее Москвы.

Конечно, меня интересовал и вопрос о мировом упадке культуры и литературы. И здесь Константиновская смогла интересно ответить.

Мы сейчас входим в «0», когда наступает смерть старого и рождение нового. Мы с вами являемся свидетелями рождения Золотого века открытий – и какой-то всплеска совершенно нового понятия жизни. Поэтому появится своего рода новая литература. Вся старая не будет, конечно, забыта и выброшена, она перейдет в фундаментальные знания. Туда и Пушкин ляжет. И начнется новый взлет литературы – его дадут те самые дети, которые родились в 1978 и последующие годы. Это новые люди. Золотой век движется параллельно временам перемен, когда идут чума, холера, катаклизмы. Когда активизируется как микробы, так и ноосфера. Этим новым детям сейчас около двадцати лет. Двадцать лет - это пока идет набор энергии. Вот когда они научатся, тогда и начнут творить.

Вспомните, когда Христос родился, и тогда пророки сказали: «Пришел!» И тогда все ждали, где же он? Но объявился-то когда? Когда ему исполнилось тридцать лет. Пророк, я утверждаю, родился в 1989 году. Посчитайте, сколько ему сейчас. Он еще учится во втором классе. Ему еще надо набраться сил, чтобы стать пророком, учителем.

Не каждый человек может пустить огромную энергию во благо. А лжепророков и лжеучений, типа масонских, всегда было достаточно. Я в своей книжке пишу: если это истинный учитель, он никогда не будет призывать к убийству, самоубийству, уничтожению, не будет преследовать учеников, не будет преследовать другую религию, другое мировоззрение.

Хочу напомнить, что Иоанн Кронштадский когда-то сказал: в 89-ом придет новый пророк России, новый отец России, который в 30-40 лет выйдет из монастыря и будет монахом. Значит, мы должны ждать 2030-2040-го года. Когда будущий пророк наберет энергию, наберет информацию, для того, чтобы вести за собой Россию.

Володя, Представляешь, я как-то проснулся ночью от ранней весенней грозы с удивительной мыслью, что родился вождь. Есть такая народная примета, что если разразится очень ранняя весенняя гроза, то родится великий человек. Причем, тоже поверье, что великие люди рождаются через

сто лет. Я сел и написал об этом стихотворение, включив в него дату рождения вождя. Она, другая. Вот это стихотворение.

РОЖДЕСТВО

И грянул гром, когда родился вождь.
Мир потрясли мучительные роды.
И голый лес хлестал апрельский дождь,
И молнии летели на народы.

Ребёнок мир на ощупь осязал
Рукою той, что поведет на битвы.
Еще он слова даже не сказал,
Волхвы ему уж вознесли молитвы.

Двадцатый век. Семьдесят третий год.
Апрель. Шестое, грозное утро.
Родился вождь – сорвать столетний плод,
Судьбой людей распорядиться мудро.

Володя – Борису
28.01.90

Здравствуй, Боря!

Ох, как долго я тебе не писал, конечно, это не по-товарищески, это просто хамство с моей стороны, и нет мне оправдания. Рад только, что ты, как видно, не в обиде на мое молчание, раз «улыбаешься». Перечитал сейчас все твои письма за 1989. Интересные И решил хотя что-то тебе написать. Я совсем не в обиде от твоих прямых слов (одесский оборот?). Но я так и не понял, и в предыдущих письмах просил тебя написать, о чем именно нельзя писать, хотя приблизительно догадывался и, соответственно этим догадкам, старался не писать, но в очередном письме ты опять поднимал этот вопрос, пока не написал прямо – как же не писать о том, что творится вокруг тебя – это наша жизнь и от нее никуда не денешься. Я еле выигрываю время, чтобы читать периодику, а телевизор у меня всегда включен и перед глазами постоянно. Такое количество очень интересной информации никогда не было за всю предыдущую жизнь. А время где взять, если есть масса других дел – с наступлением тепла начнется опять стройка до следующих холодов.

Наверно, ты опять скажешь, что нельзя писать, что я сейчас напишу. Перестройку я пока вижу только в средствах массовой информации и в тех делах, о которых они сообщают. Насколько все верно – это знают только они сами. У нас на местах я не вижу никакой перестройки, только заметна

тенденция ухудшения во всех сферах окружающей жизни и полное равнодушие со стороны рабочих к делам, которые творятся в стране. Все что-то выжидают, а чем же все это закончится. Конечно, разговоры идут, но не более этого. Наплыв НЛО, Кашпировских, и Чумаков, твоих Константиновских и т.д. – это только желание отвлечь, и им это отчасти здорово удастся. И ты ими по-своему интересуешься, как я вижу. Напрасно. В общем, не буду об этом далее писать – это, по-твоему, есть политика. А я понимаю так, что вся наша жизнь, и общая, и личная, есть политика, как часть общей политики, которую мы создаем сами, и сами в ней варимся, и от этого никуда не денешься – иначе нужно жить отшельником. Я в меньшей степени, по роду своей работы, а ты в гораздо большей, постоянно имеешь с этим дело. Все твои дела и предшествующие этим делам мысли связаны с политикой. Того же «АА» без знания политики того времени не напишешь – мне не понятно только одно – почему я вынужден тебе об этом писать, ведь ты все это прекрасно понимаешь, понятно мне только, что я опять нарушил твой запрет.

А теперь попробую писать так, как ты просишь. Только не знаю, что из этого получится.

В 1987 году я открыл для себя компьютер, и теперь не знаю, как уйти от этого – это равносильно бросанию курить, ведь ты через столько лет опять начал, а зря. Настолько это интересная область, что я не знаю, как тебе об этом написать. Мой первый, самый простой персональный компьютер (ПК) обошелся мне всего в 100 рублей. То, что продают у вас в Москве – это беззастенчивая спекуляция в 10–20-кратном размере, то, что на Западе стоит 100 долларов, у нас продают за 2 – 4 тысячи ввиду крайнего дефицита (это, наверно, опять политика). Сейчас я начал делать второй компьютер, который обойдется, наверно, в 250 рублей. И самое страшное в этом деле для меня то, что ПК отнимает абсолютно все свободное время, которого и так нет.

Мы, только родившись, сразу лишаемся свободы, и потом с каждым годом, со временем, этой свободы нас лишают все больше и больше (опять политика, или твои гороскопы?). И мы никогда не будем свободны так, как, например, кошка или собака. Как не может осознать человек того, в какой изуродованной жизни он живет, созданной им самим. Не знаю, правильно ли ты поймешь эту мысль, о которой я пишу. Этим примером я хотел тебе показать, какими мыслями я сейчас живу.

Кстати, я когда-то тебе писал о дневниках Пришвина, сейчас в прессе о них вспомнили, будут публиковать, я смог часть их прочитать. Там настолько необычные мысли, что получается не только простой интерес их прочитать, но и собственные мысли сдвигаются в сторону. Мы что-то знаем о мире растений и животных, но что мы знаем о своем собственном мире – мире человека, кроме своих дел и забот? До сих пор нет такой науки, науки о человеке в общем. Рerих что-то делал в этом, но где его публикации?

За прошлое лето разломал дом, и то, что от него осталось, перевез на новое место, которое гораздо дальше от моря. Теперь весной нужно начинать строить. Придется все делать одному с той помощью, которую может оказать

женщина – жена. Сергей после окончания техникума в марте 1989 года, уехал вместе со своей женой на три года в Арзамас, где сразу родилась девочка, внучка моей жены Зои. Так что с Зоей мы сейчас живем одни, она уже пенсионерка, хотя и продолжает работать там, где работала. Я работаю на прежнем месте, хотя проигрыватели уже давно не выпускаем, делаем сейчас «Ну, погоди!» – электронная игра на основе однокристалльного компьютера, но в очень малых количествах, так как не хватает микросхем.

Может быть, будет нетактично вмешиваться, но, если ты сетуешь, что у тебя нет проигрывателя, тогда не понятна твоя затея с обменом мебели. Неужели мебель оказалась важнее возможности слушать музыку? А ведь ты, наверное, немалые деньги выбросил только на то, чтобы изменить свое окружение, на то, на что постоянно приходится смотреть, разве это главное в жизни. Я бы понял тебя, если бы ты этим создал себе более лучшие условия для домашней работы и отдыха. А фактически ты одни занавеси поменял на другие. А, кроме того, лишняя суета, лишняя трата времени. Извини за критику, но хотелось бы еще добавить, много разбрасываешься в своей работе, не выработал систему, не направил все свои усилия к главному для самого себя. Неужели ты еще не ощутил, насколько коротка жизнь человека, ведь уже не молодой. Если «Антонов» у тебя не на первом месте, едва ли ты его уже напишешь. Одного хотения мало, и вольные хлеба, это не выход, если нет капитала. Наверно, нужно найти какую-то работу, где минимум времени, но на хлеб чтобы было, и отдать себя только «Антонову». Да, не мне тебя учить, сам должен все это сознавать, но ведь что-то все-таки тебе мешает, а что? Ты думал об этом? Если да, то старался что-то делать?

Дядя Саша, тетя Гутя не пишут, и, наверно, уже писать не будут, я этим делом практически уже не занимаюсь. Потерял всякую надежду.

А, в общем, жизнь сейчас такова, что один день похож на другой, и очень обостренное чувство времени – год проходит, как день.

А что было за этот год, кроме борьбы за хлеб насущный, все это осознаешь, да не обидно, а не знаю, как сказать, невольно начнешь верить в бога, потому что другой веры нет. И все-таки, где ты, умный человек, где твои ценности? Нет этого...

Конечно, хорошо встретиться, поговорить, не хватает личного общения.

Пиши. Побольше ругай, если есть за что.

А, в общем, не обижайся на меня, ведь мы старые товарищи.

Обнимаю, Вова.

Володя – Борису

02.04.90

Здравствуй, дорогой старый товарищ!

Трудно поверить, что столько лет мы не забываем друг друга. Я получил твое письмо от 23.03, а ты не сообщил, получил ли мое, по содержанию твоего письма я понял, что не получил. Я уже забыл, что в нем писал. Вот такая у меня память стала, которая на 50 процентов забита только информатикой.

У нас необычная была зима и весна, очень сухие и теплые, наверно, будет засуха, уже все цветет. Потихоньку начинаю строиться. Весь стройматериал, что остался от дома, с Зоей перевезли на новое место, где строят все не дома, а дворцы. И откуда у людей деньги? Мой дом будет самый-самый скромный, куда уж мне до этих воров и деляг! У меня дом, который мне очень нужен, и он совсем рядом, 8 километров от квартиры. А тебе предлагают дачу и, наверняка, далеко от дома. А раз ты один и без машины, то тебе нужно иметь кругленькую сумму, чтобы все сделать. А потом же нужно будет возиться в земле, а где ты возьмешь садовника? Вот если бы ты поменял квартиру подальше от центра и шума, куда-то на окраину и поближе к природе, по-моему, это было бы тебе лучше и для здоровья, и для работы. Очень жаль, что ты опять в одиночестве. Лепестков крымской розы в аптеках нет, остается искать на базаре, а подойдут ли тебе они, ведь не будет гарантии, что это именно они, если тебе подойдут, напиши, я поищу на базаре.

Обратить внимание на речь Кожедуба я уже не смогу, так как съезд закончился, а искать специально в прессе нет времени. Напиши, что ты этим хотел сказать, о чем?

«Буду сидеть над Антоновым, если бог даст силы». А кто давал силы Солженицыну и дает? И почему «сидеть», а не «работать»? Я прочитал начало «Архипелага» в № 8, и впечатление – неповторимое, не в том, как написано, а в том, о чем написано. И, по-моему, он старался писать как можно мягче и сдержаннее, чем было все на самом деле. И это может все оценить только тот, кто все это прошел сам – было много ужаснее. А все, что сейчас происходит в стране, вызывает только боль душевную за наше Отечество и не более. Кто мы? Люди или звери?

Об отпуске придется забыть, пока не построю дом. Даже компьютер не буду все лето брать в руки. А компьютер – единственная радость для мозгов, ведь он – первый в истории индивидуальный инструмент для усиления природных возможностей человеческого разума. Но не все это знают. А у автора «Архипелага», наверно, есть этот инструмент, как и у всех американцев. Им не нужно иметь книг, они в любой момент могут получить из банка данных текст любой книги, и нужные места тут же напечатать на принтере. Это до того мощный инструмент, что и представить-то почти невозможно.

Моя сестренка, Оля, читает первоисточники по философии и религии, я сейчас веду с ней переписку на эту тему, и мне кажется, что она знает очень многое и отлично умеет излагать свои мысли на бумаге, куда мне не до нее в этом. Вот такая у меня сестренка, никак не мог подумать. Пиши, Боря, обязательно.

Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

21.05.90

Здравствуй, Володя!

Не смогу сообщить, что сказал Кожедуб, не посню точно. Но мне понравились когда-то слова И. Бакунина в «Коммунистической антиутопии»: они стремятся овладеть народным движением и направить его к своей личной цели.

Я тоже попробовал об этом написать:

*Сплотились «Я» в отряды «Мы».
И брань сильней брони.
И вырвались из рабской тьмы,
Но правят вновь «Они».*

А вообще я сделал два открытия о себе. Первое – чуть раньше: в столице живу как провинциальный человек, поэтому и называют «темным», а раньше - еще хуже «дремучим». В году 67-68-м интуитивно понял это и написал:

*Живу в столице, как в глуши.
Потертый лик иконостаса
Уже не выкажет экстаза
Паломника своей души.*

Так и остался плебеем и через двадцать лет.

А второе открытие: я всю жизнь осужденный, приговоренный к алиментам. И даже не чувствую судимости. То ли от того, «что простоват». То ли несу добровольно наказание за грех – творчество?

Что касается «Архипелага» - у Солженицына инструмент – не принтер, а развязанные руки. Но это уже – политика, а не искусство.

Пока. Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

25.07.90

Боря, здравствуй!

Что-то ты мне давно не пишешь, работаешь, наверно, как негр. Бог тебе в помощь в этом деле. Крымской розы ни у кого на базаре не нашел. Это, наверно, обыкновенная чайная роза, которую собирают в Крыму в июне, ее лепестки, для выработки розового масла. Из этой же чайной розы делают розовое варенье (из лепестков). Эта роза имеет сильный аромат, варенье – это тоже лепестки, может быть, ты его достанешь. На старом моем участке растет такая роза, но я сломал дом. И когда приехал набрать лепестков, кто-то уже их сорвал. Не повезло.

Все субботы и воскресенья тружусь физически на стройке. Понял, что физический труд – очень нужная вещь для здоровья. Загорел, как негр. Но стройка движется очень медленно. Моя стройка, по сравнению с рядом строящимися, – самая нищая. Все строят настоящие дворцы, где мне до них – будет самый маленький и самый скромный домик из двух комнат. Сейчас дошел до крыши летней кухни 3х5,5 м – она нужна очень, чтобы переночевать можно было, а потом буду делать дом 7,25х8,5 м с верандой 3х5,5 и с мансардой. Другие делают 9–12х10–15 м двух, трех, четырех этажные дома (полуподвал, два этажа и мансарда).

На работе заработок чуть больше прежнего, но проигрыватели уже не делаем. Стали делать игрушку электронную – для меня работа очень не интересная, но нужен хлеб насущный, другой работы рядом нет.

Зоя заработала пенсию в 50 лет – 132 руб., с завода ушла и пошла работать рядом с жильем в магазин фасовщицей. Приехал из Арзамаса Сергей с женой и дочкой, так что мы сейчас в одной комнате впятером.

Неделю назад наконец-то нам поставили телефон, ждали 10 лет: 54–24–85 – запиши, может, пригодится. Вот такие мои дела. Родственники из Сибири молчат. Передавай большой привет своей маме. Помнит ли она еще меня?

Желаю успеха в твоих делах! Пиши.

Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Хочется с тобой поделиться вот каким воспоминанием, навеянным одной из моих публикаций в «Литературной газете». Читаешь ли ты эту газету? Смотри меня – в «Пульсе». Когда я прошел по жуткому конкурсу во ВГИК, то вздумал попытаться поступить в Литературный институт. Ведь я три раза не проходил туда творческий конкурс, а на этот раз прошел. И, никому не говоря, даже матери, сдавал туда экзамены. Принимали только восемь человек, из них на драматургию четыре и на критику четыре. Я, конечно, не прошел. Не добрал одного балла. Ко мне подошел чернявый

кудрявый парень и в утешение сказал: «Попроси у ректора разрешение ходить к нам вольным слушателем. Потом переведут в студенты». На другой день утром я собираюсь идти, мама рассказывает сон: «Пришла к ректору и прошу его – примите меня в институт. Я же все сдала. Так и не взял». Спрашиваю: «Как выглядел ректор?» Она описывает именно ректора Пименова, к кому я собираюсь идти. И я не пошел. Решил учиться во ВГИКе.

А сейчас написал информацию о книге этого парня: «И вот в издательстве «Московский рабочий» вышла первая книга этой серии («Анонс») – Виктора Коркия, «Черный человек, или Я бедный Сосо Джугашвили». «Господи, - восклицает во вступлении к ней Л. Баткин, - неужели впрямь кончилось то время, если сочинитель может вот так зубоскалить над тем, что оно не кончилось?» Да, книга шла трудно, задерживая серию, потому что о мифологии власти, потому что с запасом смыслов». И так далее.

Как ты думаешь, Володя, может, зря я поверил вещему сну матери и не пошел вольнослушателем в Литературный институт? Хорошо, что хоть ВГИК окончил?

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

14.08.90

Здравствуй, дорогой Боря! Очень рад был твоему письму. Пишу свои мысли–ответы по ходу твоего письма. Очень хорошо, что не поехал в командировку – у тебя есть главная цель – атаман Антонов. (Кстати, кто он? И когда был? Хотя бы в двух строчках). Деньги дороги, жизнь человеческая дороже, а время всего дороже – слова Суворова, которые я всегда помню. Ты, видно, хотел поехать, но потом, когда не получилось, вспомнил, что все-таки Антонов важнее. А ведь если бы получилось, наверное, все-таки поехал бы. А жаль. А встреча со мной в этой поездке заняла бы очень мало времени, значит, она не в счет. Если бы была просто командировка в Одессу, тогда другое дело в отношении встречи.

А ты все-таки мне напиши, что же такое Крымская роза, и отчего ты пьешь эту смесь трав. Очень хорошее профилактическое средство – это голод, один день в неделю или три дня подряд в месяц. Я сам это не делаю, но знаю, кто делает – дает очень положительный эффект. Вообще, я пока ничем не болею, кроме десен (парадантоз), не знаю, чем лечить. И стали болеть некоторые мышцы от неподвижного образа жизни. Еще ношу очки: вдаль +1,5, читать +4,5. Я ни разу не был на больничном за все время работы, даже никогда не простывал, а тем более – грипп. Обязательно ешь такую пищу, чтобы ежедневно в одно время был стул, и ни в коем случае не допускай запоров – это очень важно.

Я считаю, что я не «корячусь», строя дом, – это необходимость, приятная и полезная. Вот только то, что трудно со стройматериалами, а о

технике и говорить нечего. И я не завидую тем, кто строит дворцы – из них никто не попадет за решетку, мне даже жаль этих людишек – человек, не знающий чувства меры, сразу о многом говорит, а они, скорее всего, отмывают свои деньги в наше смутное время. Я получаю удовлетворение от сделанного своими руками, они делают все – чужими. Просто я тебе хотел сказать, что в нашей стране богачей гораздо больше, чем мы обычно представляем, и все они просто воры, которые обокрали нас с тобой и нам подобных, вот за что обидно-то, что честный труд в наказание – это не страна, а ад. Вот моя мысль из прошлого письма.

(Рудаки: «Жизнь надо заново создать, иначе это – ад».)

Компьютера сейчас у меня нет, делаю другой, более мощный, но время – дефицит.

Очень рад, что твоя мама помнит нас с Недомерковым, и, наверно, спрашивала, как так долго ты со мной держишь связь, и что тебя заставляет это делать, и есть ли еще кто, с кем ты так долго имеешь связь. Знаешь, для меня переписка с тобой, по чувству, стала какой-то родственной связью. А как тебе это кажется?

Книжка стихов... Жизнь, она не стоит слез и сожаленья, день за днем уходит, гаснет на лету, все, что жизнь нам дарит, унесет мгновенье, отдых, труд, страданье и порой мечту...

Это четверостишие я помню всю жизнь, со школы, хотя в школе его не учил, а где прочитал, не помню. В наше время стихи не популярны – 99% молодых вообще ничего не читают из стихов, а наизусть тем более не знают. Поэзия в наше время в упадке, но не только поэзия. Что больше всего в программах телевидения – рок-группы, а что в газетах – экстрасенсы, НЛО и т.п. Вот что быстро раскупается, и это – наш век.

Импортный проигрыватель с магнитофоном двухкассетным и приемником с КВ. Я такой конструкции в одном блоке не видел. Импортных проигрывателей в Одессе не видел – они за рубежом дороги, и моряки их не везут. А двухкассетная магнитола у них дешева, и у нас в комиссионке стоит не меньше 2000 руб., до 3 500 руб. Моряки везут то, что им будет выгодно, а в Москве продают то, что покупалось себе. Это тебе информация. А... далее... Зачем тебе это, ты задавал себе этот вопрос? Это первое и самое главное – перед покупкой радиоаппаратуры ты должен определить свои конкретные потребности, чтобы зря не выкидывать деньги. Какая музыка тебя интересует, я, кстати, ненавижу современную эстрадную, особенно РОК – эта музыка не для тех, кто слушает музыку, – это, просто, зрелище и все.

А есть ли у тебя цветной телевизор? Если есть, хорошо ли он, вернее, нормально ли он показывает? Я советую тебе приобрести хороший цветной телевизор: японский или советский с японской трубкой («Рубин» последней марки). А проигрыватель, который дает, можно сказать, натуральный звук – это лазерный или то же самое: проигрыватель компакт-дисков, его делают в Таллинне, где свободно продают за 1200 руб. без паспорта (твоего). Имеется

выход на стереонаушники. Это мечта для меломанов, не нужно ходить в концертный зал, полная идентичность звука.

Мама живет одна. Ольга собирается, когда муж пойдет в отставку (1991), переехать к ней. Татьяна связалась с дачей и ничего не пишет. Из Сибири даже Галина перестала писать.

(Знакомство семьи с Володей произошло, пошумело, и затухает?)

Не могу понять причины, на мои письма не отвечают. В 1988 году т. Гутя приезжала в Одессу с сыном, были у нас очень мало, съездили от нас в Моздок на Кавказ на могилу Льва – брата т. Гути. Тетя Гутя дала мне 1000 руб. из денег т. Поти, которые ей достались после ее смерти. Я отказывался брать, но она сказала, что это для нее все равно, что дать брату Африку, и уговорила меня взять. После их отъезда она прислала одну открытку и все. Она обещала мне, по моей просьбе, записывать все, что вспомнит из жизни, в тетрадку, а потом мне эту тетрадку выслать, но с тех пор молчит. Вот такой мой комментарий и мысли по твоему письму. Но еще говорят, что народ достоин своих правителей. А? Один каверзный вопрос: может ли умный человек стать глупее, если он остается здоровым физически?

(Может, от атеросклероза и маразма.)

Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

Декабрь 1990 года

Здравствуй, дорогой Володя!

Да в «Литературной газете» я многому научился. И проформом стал, при упраздненной компартии – начальником. Чушь какая-то Приятно только, что в юбилейной выпуске – газете «Литературка» на огромной фотографии коллектива - и мой нос торчит кверху. И с писателями общался, Беловым, Астафьевым... Но в богему, в элиту не попал. Чужой. Так и ушел на вольные хлеба. Потому что приспело писать «Антонова». Он уже просится на волю. Гудит голова, переполненная событиями страшной нашей истории. Ты спрашивал, кто это? В словаре коротко написано: Александр Степанович Антонов, начальник уездной милиции в Кирсанове, главарь кулацко-эсеровского мятежа в Тамбове в 1920 – 1921 годах, убит при аресте.

Сейчас уже и еще можно об этом рассказать. Революция кричала: «Земля – крестьянам!», а потом этих крестьян и расстреляла всех пулеметами. Помнишь о реформе 1861 года? Освободил царь крестьян от

крепостного права, они и стали погибать без хозяина, как бездомные собакидохнут.

Вот только от этой литератрной элиты у меня остался один документ, со всеми подписями. Чтобы не забыть. Приведу тебе лишь отрывки из него.

Заявление исполкома русского советского ПЕН-центра

В газете «Литературная Россия» от 4 августа 1989 года опубликованы письмо граждан Антонова, Клыкова, и Шафаревича, а также постановление секретариата правления Союза писателей РСФСР, решившего в связи с этим письмом обсудить работу редакции журнала «Оутябрь» на заседании секретариата правления СП РСФСР...

Мы квалифицируем это решение как намерение вернуть литературу на путь грубого административного контроля, попытку запугать писателей и редакторов, превратить органы печати в безмолвных исполнителей своего группового диктата.

Интересно примечание – от руки:

«В списке вычеркнуты члены исполкома не присутствующие на заседании».

Подписали:

Рыбаков, Битов, Вознесенский, Евтушенко, Виноградов, Искандер, Стреляный, Ахмадулина, Каледин, Курчаткин, Лакшин, Окуджава, Попов, Толстая.

(Все – «квалифицированные» классики советской и постсоветской литературы.)

А мы для них – не люди, голь перекатная, которая со свиным рылом лезет в калашный ряд.

Пока, Володя. Не забывай. Борис.

ГЛАВА V

ВОЛОДЯ – БОРИС

Володя – Борису

05.02.91

Здравствуй, Боря!

Прости, дорогой товарищ, за молчание, виноват. Такова наша жизнь несостоявшихся личностей в нашей страшной стране – потеря и для нас, и для страны огромная. Молчал: не знал, о чем писать, да и сейчас не знаю, о чем терзать бумагу. Душа пуста, хотя мыслей сколько хошь, а поговорить не с кем. Завидую сестре, которая читает Фромма и Фрейда и т.п., у меня времени на чтение не только книг, а вообще просто своей почты, практически нет. На работе совершенно никаких изменений – все, как в «застое». В магазинах еще кое-что есть из жратвы, не то, что у вас, по доходящим до нас слухам.

Был ли у тебя сын на Новый год? Наверно, отвел душу. Жаль, что ты так–таки один, хоть домработницу завел бы (я шучу).

Спасибо, что помнишь мой день, мне уже 52-й пошел. Слушай, зачем тебе эта паршивая аппаратура, твое дело для тебя важнее. Задайся целью приобрести компьютер на одну программу, которая называется текстовой редактор, должны на гнилом Западе продавать такие специализированные персоналки только для писателей, журналистов и т.п. и прилагается к нему принтер (печатающее устройство) – не пожалеешь. У тебя, наверно, немало знакомых писак, которые бывают там, а может, у кого и есть такая машинка в виде чемоданчика–дипломата (ноутбук?), принтер отдельно. Если ты заимеешь эту вещь, ты обалдеешь от счастья, как приятно на ней работать, не знающему человеку очень трудно представить все неожиданные возможности этой системы. Все это должно стоить много дешевле обычного компьютера. В ней может быть и встроенный диктофон, только без магнитной ленты. Твой голос будет сразу вводиться в компьютер, в его память, и сказанное может быть сразу выведено на дисплей и текстовым редактором отредактировано тобой самим, а потом тут же в любом количестве отпечатано на принтере (есть почти бесшумные и очень быстрые печатающие принтеры).

Пиши, как твои дела, жизнь?

Весной для меня начинается стройка и до осени. Желаю успеха! Впереди еще достаточно много времени, но абсолютно его совсем мало.

Обнимаю, Вова.

Борис - Володе

26.03. 91

Здравствуй, дорогой Володя!

Времени на самом деле всегда много – вечность. Более того, некоторые крымские ученые вообще считают, что время не движется, оно постоянно. Но это – на грани фантастики.

Лучше поговорим о твоей политике. Только не единовременной, а тоже постоянной – века. Ты знаешь из истории, что русские постоянно воевали,

находясь на бойкой разбойной дороге между Европой и Азией. Цвет нации бросался в бой и погибал. Оставался слабый подлый люд – высевки. Поэтому Россия никак не могла вырваться из нищеты и невежества и догнать развитые страны, отстала в своем развитии. Кто-то говорит, что – навсегда. Из высевок опять шли в бой лучшие, оставалась одна половина. И ни Иван Грозный, ни Петр Великий, ни Пестель, ни Ленин, ни Сталин, ни Горбачев, пытавшиеся «Россию поднять на дыбы» и быстро цивилизовать, не принесли и не принесут желаемого результата. Чудес не бывает. Вот тебе и вся твоя политика.

Но я задам тебе два вопроса. Разве герои других народов не гибли в войнах (ассирийцы, гунны, монголы, римляне)? У первых двух – и государства исчезли. Кто еще имеет такую бескрайнюю страну, кроме нас? Почему же мы вечны?

Вот одно из моих стихотворений.

ТАЙНА

*Вся тайна мира в том, что я тебя люблю.
Извечно он стоит на этом триединстве.
Латинских трех китах, на трех слонах индийских,
На Троице Святой, которую молю.*

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису
20.04.91

Боря, здравствуй!

Получил твое, довольно грустное, письмо.

В какое непонятное историческое время мы живем – это, примерно, то же, что пережили наши деды и бабушки тогда, когда родилась твоя мама. Сейчас, примерно, то же. Я приветствую твой поступок, здравый смысл взял свое – ты продолжаешь писать «Антонова». Но мне не понятно, на какие средства ты живешь. Наверно, все-таки приходится тебе на хлеб чем-то зарабатывать. Может быть, стоит ту работу, о ракетчике, подработать, «подогнать» к духу времени. Конечно, очень плохо, что ты один, нет рядом друга, помощника; такую жену тебе надо, которая не упрекнет, не будет требовать ничего, что против твоей цели. Может быть, Таня – и есть такая, 12 лет немало для женщины, чтобы, не надеясь ни на что, продолжать с тобой встречаться. Красивые ноги уже поздно искать, тебе нужен рядом человек, хоть часть рутинной работы взявший на себя. Подумай, хоть я и не имею права писать тебе об этом.

Дейл Карнеги «Как перестать беспокоиться и начать жить» – прочитал отрывок в № 10, 90 и № 3, 91 брошюры «Философия и жизнь» которую издает «Знание», – я выписываю. Понравилось, полезно иногда всем известные истины прочитать в таком виде. Советую и тебе. А меня жизнь заставила строить дом заново после 50-ти лет, не знаю, осилю ли. Очень много времени уходит на хлеб насущный, на дом почти не остается времени. Все на стройке приходится делать самому, Зоя взяла на себя огород – все лишняя подмога к столу, но, конечно, по своим возможностям, помогает строить. Мне, бедному рабочему, не до соседей, у которых и техника, и люди есть – дворцы строят. А дом мне нужен не как дача, жить будем с Зоей в нем, ведь мы сейчас – впятером на 18 квадратных метрах. Желание строить есть, и не малое, даже интересно это делать так, как хочешь. Но, конечно, в этом ограничивает недоступность многих стройматериалов. Да и цены на все в 4 – 5 – 10 раз больше. Жутко! Как будем жить дальше, наверно, никто не знает.

Какого черта вспомнили бога – этот бред и невежество, и без бога можно блюсти его заповеди – нужно просто жить по-человечески, по здравому смыслу, по совести.

(По совести – это и есть божественное в человеке.)

Вера в бога лишает человека свободы мышления, а этого не должно быть, не хочу быть рабом от бога, да я и никогда в него не смогу поверить, как не верю в НЛЮ, экстрасенсов, и всяких ясновидящих.

Астрология и хиромантия заинтересовали, но только в плане того, как бы это все проверить – ведь это люди накопили за тысячелетия, а вдруг есть какая-то логика.

Очень не хватает мне музыки, специально слушать не могу, нет времени, а весь эфир помешался на роке, а это, между прочим, культура в том виде, какая она есть. Не в этом ли все наши беды? В бескультуре?

Пиши чаще. Если бы было куда принять, то пригласил бы тебя ко мне на лето – у нас все-таки с продуктами чуть получше, живем без талонов – пока. Пиши Антонова через час, или – через полдня, или через день, но не более – уверен, у тебя выигрыш будет – попробуй.

Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Давно тебе не писал. Все стараюсь освоить жанр прозы.

Посылаю тебе мой рассказ. Пока сырой. Но, смотри, как я вставил туда жену и Толика Недомеркова.

ТЕТЯ ЮЗЯ

Приехав в Трускавец, я понял, что единственная возможность не умереть с дождливой тоски – это писать рассказ, о котором просила жена, всерьез решившая обучать меня писательскому делу.

Это было в середине апреля того года, когда весь мир собирался праздновать тысячелетие крещения на Руси. Люди подтверждали свое вавилонское разнообразие не только разноязычием и строением скул, но и одеждой и внутренним наполнением их ума и сердца. Кто шел в пальто, кто в костюме, кто в чириках, с блестящими калошами, кто в босоножках. Некоторые вообще были одеты в меховые домашние тапочки и меховые шапки. На деревьях кричали испорченными кукушками горлицы. Их призывы перекрывал хор отдыхающих, напившихся минеральной воды «Нафтуси», отдающей эфирными маслами. Сводный хор всех республик. Некоторые лихорадочно переписывали друг у друга какие-то самодеятельные нехитрые песни. У выхода из пансионата отдыхающих останавливали спекулянтки. Прикидываясь полячками, они продавали польскую якобы губную помаду втридорога. Дождь моросил постоянно и подтверждал штатную в этих местах шутку: если Москва – сердце страны, то Трускавец – ее мочевого пузыря.

После очередного дождя мне надоело проминаться по террикону, мимо странных фигур полурасалок-полукосмонавтов в невесомости да позеленевшего от минеральных миазмов здешнего воздуха мраморного бюста Мицкевичу.

Как там заканчивается его баллада («Свитезянка»)?

*Волны поныне, и в брызгах, и в пене,
Плещут, исполнены гнева;
Мчатся по ним две знакомые тени –
Юный стрелок то и дева!*

- Ты глаза промыл? - спросил встретивший меня сосед одессит Миша.
- Так это же первое дело. Пойдем, я отведу тебя к тете Юзе.

«Тетей Юзей» оказался источник минеральной воды «Юзя». Мне не хватало терпения пройти по террикону дальше памятника Мицкевичу. А там-то и находился этот легендарный источник. По легенде полагалось набрать воды из источника впрок да помыть лицо над чашей.

- Тьфу, тьфу, тьфу! - постучал Миша по деревянной скамейке. - Я вылечил этой водой свой конъюнктивит. А вообще, по преданию, умываются для того, чтобы стать красивым.

И сосед поведал, почерпнутые от местных гидов сведения, о растворенном в воде источника «Юзя» немислимым способом глицерине. Ведь известно, что глицерин в воде не растворяется. Будто бы этот глицерин и разглаживает кожу лица. Рассказал Миша и о местной легенде. Якобы девушку Юзю соблазнил молодой пан, а потом разлюбил и бросил. Она убежала от стыда и отчаяния в лес и поселилась там у этого источника. Умываясь по утрам этой водой, она стала еще красивее и моложе, о чем пошла молва у окрестных охотников. Пан решил проверить слух, и пошел в лес... Дальше одессит Миша не помнил. Да и мне было не интересно. Да и чем могла закончиться эта встреча отвергнутой девушки со своим возлюбленным?

Гораздо интереснее для меня было другое. До чего похожа нижняя губа скульптуры Юзи на губу моей жены Вали. Я поразился, как в бронзе можно было передать эту чувственность, рделость и сочность почти прямоугольной губы юной женщины. Эту скульптуру, выяснил я впоследствии, выполнил по своему дипломному проекту выпускник Художественного училища. Какова-то его дальнейшая творческая судьба? Думается, это был его взлет, надеюсь - не последний.

- Каждое утро ее смазывают, солидоллом, - вывел меня из задумчивости голос реалиста Миши.

- Почему? - отшатнулся я от ставшего сразу неприятным видения этой красавицы, вымазанной солидоллом. Представилось, как выглядели на Руси вымазанные дегтем ворота согрешивших женщин.

- Люди повадились лазить на нее - фотографироваться, - просто объяснил Миша, тщательно зачесывая гребнем на лысину отращенный сбоку длинный клочок волос. - А сейчас не видно. Смазка подсохла.

Я умылся водой из источника «Юзя», чувствуя, что на виду у всех совершил глупость. Промывая глаза, вдруг вспомнил, что тетку моей жены тоже звали Юзей. Ведь моя жена по материнской линии наполовину украинских кровей. И род их был не из бедных - Баронецкие. И это показалось мне перстом судьбы: написать рассказ, который давно добивается от меня моя жена. Рассказ о тете Юзе.

Тетя Юзя в молодости была похожа на мою жену не только нижней чувственной губой. Так же, как и Валя, она до сих пор держит голову слегка наклоненной, и смотрит немного искоса и исподлобья. Глаза у нее - кокетливой лисички - карие, большие. Брови - вразлет. Лоб высокий, слегка с боков прикрытый волнистыми темными волосами. Она носила сзади бант. Девушка с бантом - так было модно среди девушек ее круга. Носик прямой, аккуратный. Она не любит, когда ее называют курносой - это тетя Юзя считает вырождением породы до «дворяжки». Но, пожалуй, вся прелесть лица - в мягких линиях скул - такое впечатление, что щеки постоянно тронуты улыбкой. Лицо и серьезное-то бывает только в испуге. Даже когда ей приходилось всплакнуть, из-за чьей-нибудь «черствости», то и тогда на щеках, мокрых от слез, играла улыбка, словно солнце в слепой дождь.

С первым своим мужем, Илларионом, Юзя познакомилась шестнадцатилетней школьницей. В ту пору принято было старшеклассникам выезжать на концерты в воинские части. На этих концертах школьники читали стихи, пели песни, устраивали «живые монтажи». А главный номер программы – пирамиды. Мальчики, в трусах по колению, девочки, в шароварах и маечках, вставали в различные позы, стараясь как можно выше взгромоздиться друг на друга, и застывали на несколько минут, пока зрители радостно им хлопали. Тетя Юзя гордилась тем, что стояла обычно на вершине такой пирамиды, как самая красивая и стройная девушка.

Вот тогда-то и углядел ее молодой командир части, в которой Юзя с одноклассниками давали очередной шефский концерт.

Биография Иллариона Есипенко была романтическая. Рассказами о себе этот рослый красавец-командир увлек молодую девушку, словно мавр Дездемону. Хотя он был из крестьянской семьи и пересыпал речь простонародными словами и поговорками, частушками и прибаутками, но зато был настоящий герой войны.

В этот раз артисты задержались допоздна, повторяя на бис различные номера программы, и пришлось им заночевать в части, на сеновале.

- Ты стоишь на самом вершине, а я смотрю и вспоминаю, как там у Пушкина: «И на лбу звезда горит», - увлекая Юзю в степь, рассказывал командир.

- Илларион Тимофеевич, а страшно было на войне? - широко распахнув заблестевшие от закатных лучей глаза жалостливо спросила Юзя.

- Да зови меня просто Илларион, - слегка коснулся командир локтя школьницы, и ее словно прошло током от чувственного возбуждения. - Страшно, когда начинаешь, а потом некогда бояться.

- Расскажите мне о каком-нибудь бое, - с замиранием сердца попросила Юзя. - Вот за что вы получили этот орден Красного Знамени?

- Было дело, - усмехнулся Илларион, - давай присядем.

Они сели на расстеленный Юзей мамин широкий платок, с которым на концерте Юзя исполняла цыганский танец.

- Не испачкаем травой? - недоверчиво спросил Илларион.

- Больше цветов будет? - смущенно улыбнулась Юзя. - Ну, и что?

- Было дело, - повторил, прищурившись, Илларион и начал рассказ.

Он служил тогда в бригаде Ведерникова. И вот белая кавалерия, сабель триста, зашла в тыл уже поредевшей, истрепанной боями бригады. Что делать? Решение нужно принимать немедленно.

- Я тогда был начальником конной разведки сто тридцать второго стрелкового полка. Предлагаю взять врага на арапу.

- Как?

- А дело было в середине осени. Скошенные хлебные поля стоят сухие. Вот я и решил этим воспользоваться. Был у меня разведчик Толька Недомерков, из Чира. Такой маленький, черный, как уголек. Только глаза - голубые. Посмотрит на девчонку - и она сразу замуж просится.

- Пряма уж? – рассмеялась Юзя.

- Ей-ей, не шучу, - продолжал увлеченно Илларион. - Любил этот Толька больше всех девчонок - гармошку. Такой был мастер на ней играть, только что не ногами. Но под брюхом своего коня – играл, да еще на полном скаку. Циркач! Вот я и говорю ему: «Толька, выручай! Играй за десятерых. И упаси тебя бог под саблю попасть – пропадем!» А он мне в ответ, как всегда: «Перебодаем!» И мы пошли. Сотней бойцов выскочили на своих кониках из лощины - на поле пыль столбом поднялась. А мы орем, Недомерков нажаривает на гармошке, что целый оркестр. А мои хлопцы кричат: «Левый эскадрон! Вперед!»: «Правый эскадрон! Ура!» Враг не видит в пыли, сколько нас, а по шуму - много! И тикать. Километра полтора их гнали. А пыльное поле кончилось - они глазам не поверили, что нас-то всего раз-два и обчелся. И повернули на нас. Да уже поздно - подоспела наша пехота. Отбились. Ведерников меня расцеловал тогда. «Это, - говорит, - аванс перед орденом».

- Молодец! - не удержалась Юзя, и тоже чмокнула командира в щеку. Это и определило ее судьбу.

Но Юзя не предполагала, что такая романтическая встреча кончится так скучно. Целыми днями, как царица Тамара, сидела юная жена Иллариона под замком в доме военного городка на третьем этаже, и ждала возвращения с учений своего командира, который был в два раза старше ее. Скучала и пела:

*Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня.
Все равно не боюсь
Ни ножа, ни огня...*

Володя – Борису

Без даты

Здравствуй, Боря!

Посылаю тебе одно из последних писем моего друга Сергея. Нас с ним подружила электроника.

Вова.

Письмо Сергея – Володе

Томск

17.06.91

Здравствуй, Владимир!

Получил твое письмо. Немного задержался с ответом. Тут моему другу на днях пришли ПЗУ «RAMFOS» с кассетой, но, к сожалению, почему-то

они выслали совсем без документации, то есть, что делать с ними, совершенно не понятно, ни схем, ни описания, ничего нет. Отложил ее пока до лучших времен.

В данный момент занимаюсь только IBM фирменного производства. Поставили компьютерную сеть фирмы NOVEL. Откровенно говоря, делать ее на отечественной базе и в той версии, что у нас есть, у меня пропало всякое желание после работы на хорошей машине. Нам такого не сделать, по крайней мере, лет 10, а делать машину очень низкого уровня и быстродействия не поднимаются руки.

По поводу организации клуба «Специалист», на мой взгляд, эта идея опоздала лет на пять, интерес к нему резко упал, остались такие приверженцы–фанатики вроде моего друга и тебя, больше на данный момент я не знаю людей, на сколько-либо серьезно занимающихся этим. Если будет какая-нибудь информация на сей счет, я тебе обязательно напишу.

(Вспомнил, в общежитии рыбвтуза Рябов организовал радиостанцию УКВ и вел передачи даже с зарубежными радиолюбителями по УКВ. Желание создать клубный коллектив технического профиля у него осталось.)

По поводу описания системных программ на «SPECSTRUM», если тебя это интересует, напиши, какие именно тебе нужно, я поищу.

Цены на рынке у нас тоже космические, пытаюсь найти себе автомобиль хотя бы за 15–20 тыс., но пока ничего не попадается, либо очень старые, либо такое предложат, что смотреть на него невозможно.

Ну, вот пока все новости, пиши, что у тебя. Я не хочу терять с тобой связь.

Сергей.

(Это письмо Володя мне прислал для доказательства верности других его друзей.)

Володя – Борису
17.07.91

Здравствуй, Боря!

А ты разве не труженик?

Извини, что задержался с ответом. Строить дом – моя судьба, и от этого никуда не убежишь. А строить мне нравится, хотя и тяжело физически в этом «молодом» возрасте. Посмотрел бы ты, как стараюсь я, и как все вокруг. У нас всегда были бедные и богатые (повторяется), злые и добрые, дураки и

умные. Страна, уничтожаемая человеком; большевизм не одно столетие живет в людях этой страны. Почему я, имеющий какие-то знания и опыт, не могу применить их во благо себе и другим? У нас это невозможно, все что угодно возможно, но не это. Я задавал тебе вопрос, в чем смысл жизни, ты ответил, – наверно, в самой жизни. А уже тогда я знал, что Толстой всю жизнь искал ответа на этот вопрос, и нашел перед смертью, но не написал об этом.

(Все думающее человечество веками отвечает на этом вопрос. И Толстой не нашел.)

Я считаю, что этот вопрос неверен сам по себе, если рассуждать логически, далее можно задать такой вопрос: зачем природа дала разум человеку, и еще далее – что такое разум, почему человек мыслит, какие силы заставляют его думать. Почему «я» есть «я» в этом теле, какая физика и химия делает это «я». Давно нужно было создать институт человека, и он, кажется, наконец, создан, где будут изучать не только этот главный вопрос каждого из нас.

Купил ты аппарат совсем не лучше советского по ТУ. Звуковой диапазон 20 гц – 20 000 гц, у наших 40 – 10 000 гц, а у твоего всего 125 – 6300 – диапазон речи. Натуральный орган имеет диапазон от 7 до 40 000 гц, поэтому его нужно слушать без всякой электроники, частоты, которые мы не слышим, все равно воздействуют на наше тело, поэтому орган натуральный и электронный – небо и земля. Вопрос – зачем тебе такая музыка? Рок вообще-то слушать можно, но я это музыкой не считаю – это шум, сильно раздражающий, музыкой и не пахнет. А ты мог бы слушать компакт-диск. То, что он способен выдать, не способна воспроизвести акустика, она еще не доросла до него. Так что раздели стоимость твоего аппарата на стоимость самого дорогого билета на концерт – вот столько раз ты потерял возможность услышать настоящую музыку.

Астрахань я почти забыл, был там в конце 1960–х, не помню. А раз забыл, то скучать не о чем.

Зоя работает, хоть есть пенсия 137 руб. Сергей решил стать шофером. Я работаю на старом месте, сижу на проверке электронной игры «Ну, погоди!», средний заработок 400–500 руб. без вычетов. Наш завод никогда не будет акционерным. А в кооперативных работах – рвачи и дураки, гоняющиеся за «бумагой» (деньгами). Сейчас для меня дороже моих денег – время. Неужели ты еще не чувствуешь этого? А не имеет ли смысл для тебя, пока есть возможность, заработать какой-то капитал в кооперативе, ведь ты свободен в работе – это я, рабочий, привязан? А уж потом – все отдать «Антонову».

Кинофестиваль, хоть и подешевле, но ведь это время, которое не имеет цены, – новых знаний не наберешь в зрелище, а знакомства – может, но нужны ли они? Тебе в этом году, кажется, будет 50 лет. А попробуй вспомнить все, что сможешь, из прошлого, сколько дней вспомнишь –

столько ты и прожил на этом свете, остальное, забытое, – его не было в твоей жизни. Так что можешь в двадцать лет прожить больше, чем в 70.

Родственники из Сибири не пишут. Сестры – тоже.

Пиши. Желаю удачи!

Обнимаю, Вова.

Володя – Борису

12.08.91

Здравствуй, Боря!

Спасибо за письмо. Фокусник ты, зачем ты мне пишешь эту белиберду? Мы живем в реальном мире. Почему я добрый? И совсем мало я знаю, отчего страдаю, так как нет времени и сил познать больше. Человек приобретает знания разными путями, ошибки человеку не нужны, но он должен их знать. Веками, тысячелетиями люди копили знания. А ты что пишешь, что все знания – это ряд ошибок, из чего следует, что знаний у нас нет. Это же абсурд.

А среди бедных и богатых всегда были и есть середняки, есть беднее бедных – нищие, есть богаче богатых. Такие и злые – и добрые, и умные – и дураки. Может и есть то трехмерное пространство, в котором мы живем, хотя есть и четвертое измерение – время.

Ты это все прекрасно понимаешь, так зачем писать всякую муть – чтобы просто поспорить?

И следующий абсурд – о социализме, которого у нас нет, и не было, а только начали пытаться бороться за него. Да, видно, ничего из этого не получится – нет будущего у России, как нет будущего у каждого из нас, я имею в виду светлое будущее. А истоки коммунизма идут от Готамы Будды. Он не признавал бога и бессмертия души, учил трудолюбию и знаниям, равенству и братству, был против частной собственности. Это буддизм. А у нас был и остался еще лагерь, но не социалистический трудовой, пионерский, а вся страна – одна тюрьма, угодная богу, о котором вдруг вспомнили, а вспомнить нужно было. Ведь главная идея рухнула, а взамен нет ничего, вот и вспомнили о боге – этом многовековом идоле. Очередной абсурд, нет никакого бога, а все его истины человек должен знать и выполнять и без его помощи – иначе человек перестанет быть человеком, а опять станет зверем.

А я где-то прочитал, что перед самой смертью Толстой говорил, что нашел смысл, который искал всю жизнь, так что все претензии к тому, кто это написал. Где здесь ложь, а где правда, знает только бог, то есть никто. А может, наоборот, если знать смысл своего рождения на свет, тогда и жизнь будет другая, но только не гибель, а прогресс этой жизни на более высоком

уровне. А институт человека не ищет смысл, он занимается проблемами человека, познавая человека как вещь, как предмет или сгусток материи.

Кто-то из моих знакомых сказал про рок – это музыка для одноклеточных, а я вообще не считаю это музыкой. Рок – это набор световых эффектов и не более. Но волнует другое – массовость такой музыки, что говорит об отсутствии культуры, а, если далее, то все это, раз оно существует, – продукт нашего общества, то есть нас самих. А у общества, где нет культуры, кто-то сказал, нет будущего.

Ты прав, музыку надо слушать, когда никто и ничто не мешает. Это не люди, кто слушает музыку, а по разным причинам пришедшие на концерт, скорее показать видимость своей культуры. Ты правильно решил купить лазерный проигрыватель и купи к нему стереонаушники и покупай компакт-диски, да слушай на здоровье. Ведь из всех искусств именно музыка оказывает самое сильное воздействие на человека.

В Астрахани я жил всего два года, а это слишком малая доля от всей моей жизни, а если что и помню, то только те дни, что общался с тобой, да проводил связи на институтской радиостанции. Все события нашей жизни важны, так как были нашей личной жизнью, а в памяти остаются те, которые были более важными, чем все остальные. Ведь каждое событие как-то по-разному меняло нашу жизнь, а более важные меняли сильнее, вот и запомнились.

«Стирать носки» оказалось слишком важным событием, ведь ответ сказал о многом, что было скрыто целых десять лет.

(Учились вместе в школе и дружили 10 лет парень и девушка, а потом решили пожениться. Парень спросил: «А ты будешь мне стирать носки?» Девушка ответила: «Ты что, не можешь свои грязные носки сам постирать?» И свадьба не состоялась.)

В нашей стране абсурда все делается шиворот на выворот. Где сейчас найдешь хорошее марочное вино – виноградники вырубил. Лес рубят – щепки летят, русская поговорка. Это прекрасно – бороться с пьянством, но...

*Уменье пить – не всем дано,
Уменье пить – искусство,
Тот не умен, кто пьет вино
Без мысли и без чувства.*

Так и с кооперативами – идея хорошая, но... опять но, все наоборот. Эту идею подхватили прохвосты, чтобы отмыть свои деньги, чему способствовали местные власти. Вот я тебе и предложил, раз тебе сами эти прохвосты предложили работать с хорошей зарплатой, воспользоваться моментом и заработать N-ую сумму, которая помогла бы тебе сохранить время для завершения основной своей работы – «Антонова».

Ты свободен в своей работе, и это не значит, что ты лодырь, бездельник. Ты, наверно, не испытал на себе, когда вынужден за опоздание на 1 минуту писать объяснительную, а за 2 – 3 таких провинности лишаться премии и т. п. Разве это свобода – это тюрьма. А только малая толика всего, что мы терпим в этой стране дьявола. Вот о чем должен писать писатель, о болезнях наших. Поэт должен кричать об этом в своих стихах, а музыка должна плакать. Глазунов – молодец, он пытается показать это в своих картинах. А коммунисты – палачи, все в крови своего народа, и не думают о покаянии. Я бы подал на них в суд, если бы это было возможно, за всю свою и других моих (близких) жизни.

Я не согласен, руки рабочего без головы ничего не значат, так же как мозг писателя без рук не напишет ничего.

Желаю успеха! А главное – здоровья!

Пиши. Обнимаю, Володя.

PS. Если написать мое письмо твоим почерком, то нужно в три раза больше бумаги!

Володя – Борису

31.10.91

Здравствуй, Боря!

Хочу тебя поздравить с юбилеем – 50-летием. Но у меня почему-то возникло сомнение о годе твоего рождения, если ошибаюсь, значит, уже точно начался склероз. Ругай за это. Пожелать хочу только одного – выжить в эти трудные годы, которые преподнесла нам жизнь. Заботься о своем теле, ведь его качество – залог оставшейся жизни. Не давай покоя своей душе, ведь столько дел еще надо сделать. И пусть твой дух всегда думает о вечности бытия, что ничего не исчезает, а все остается.

Что молчишь? Или события последнего времени не дают времени вспомнить старых друзей? Или я написал что-то обидное в последнем письме? В таком случае ты давно имеешь полное право обругать меня за это по-дружески.

Мне трудно стало писать письма – не идут мысли в голову, о чем писать, какую тему затронуть. Слишком все ясно, но, в то же время, эта ясность превращается в полное непонимание того, что кажется ясным. И потому об этом не хочется больше думать. Но не думать трудно, приходится заполнять брешь всем, что попадает в данный момент. Но мой мозг не хочет понять многого, о чем сейчас говорят. Самое обидное, что в своих «блуждающих» мыслях я одинок – слишком много «серости» в нашем обществе, особенно сейчас, когда, я думаю, люди наши стали потерянными

для самих себя. Ведь большинство из них почему-то не понимают, что они «человеки», и что у каждого, кроме как от природы, есть и от человека. Послушай, о чем больше всего говорят, о чем спорят, чем живут, за чем стоят в очереди и т.д. и т.п. Мне страшно. Поэтому и не хочется ни о чем думать. Зачем? Единственная отдушина – компьютер, а жизнь заставила еще и строить дом после 50-ти лет. Вот эти два фактора и движут мою жизнь, не считая, конечно, хлеба насущного.

Каждый должен всю жизнь думать, зачем он живет в этом мире, иначе он не есть человек, а только животное.

Извини, что пишу категорично – просто кричать хочется об этом каждому. Забыли. Или не знают.

Можешь ли ты печатать на машинке быстрее, чем писать – это нужно уметь для твоего дела – быстро писать трудно, а быстро печатать – легче.

Как живешь? В бытовом плане.

Пиши, если еще считаешь нужным мне писать.

Обнимаю, Володя.

Володя – Борису

21.11.91

Дорогой Боря!

Рад, что вспомнил обо мне. А я, кажется, тоже не забыл, что ты разменял 50.

Благодарен тебе, что не прерываешь со мной связь. До отчаяния я еще не дошел, да и не смогу себе позволить такую роскошь. Жаль только одного из прошлого, что не смог реализовать свои возможности, чего-то искал, мучился своими недостатками, а жизнь заставляла делать совсем другое. Да и не было никакой цели или желания. Вся жизнь шла сама по себе, как течет река. Сам не знаю, как это я смог прожить 52 года, вроде бы их и нет. Вся жизнь была – грусть.

Видел книгу у знакомого на работе (преподаватель вуза работает рабочим) «Есть ли будущее у России?», автора забыл. Он предлагал мне прочитать, не взял. Но спросил его – есть ли будущее? Он ответил, что в книге написано так, что можно понять, что нет будущего.

У меня к тебе большая просьба, конечно, если она тебе посильна, а может, ты и знаешь это из истории. Со школы я помню, что была Киевская Русь, а вот как она стала Украиной, не знаю. Может, знаешь ты? Ведь получилось, что мы живем в разных странах, и что будет далее – одному Богу известно.

О боге. Вместо кабалы партии приходит кабала религии, ее усиленно начали впихивать в народ. К черту все, меня уже не изменишь. Рынок – это естественно, нужно привыкать к этому, но настоящего рынка у нас в странах

мы с тобой, наверно, не сможем увидеть. Сейчас время для воров – они будут обогащаться.

Общий уровень квалификации в стране очень низкий – он один из тормозов настоящего рынка. А впрочем, зачем я тебе все это пишу – ты должен лучше знать. Стал работать для хлеба, не забывай и о себе – если на работе есть компьютер, освой на нем работу, это сейчас очень нужно. Компьютер – могильщик коммунизма, как страшно боялись его коммунисты, партократы. А вообще работать на нем – прелесть. Не пожалеешь. А потом и свой займешь. С писательским уклоном, т.е. с программой для редактирования текстов.

У меня все по-старому, хотя вот-вот должно измениться, наш ширпотреб кто-то должен купить. Мы – рабы, рабами и останемся.

Будь здоров!

Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

1991 год

Здравствуй, Володя!

Тяжело мне приходится на вольных хлебах. Друг предложил съездить в командировку в Лиепаяу, написать материал для журнала «Пограничник». Я съездил на Балтику. Впечатлений уйма. Выходил в открытое море, Балтийское, до Клайпеды, жил неделю на пограничном катере «Морской охотник». Много чего написал, да не все можно публиковать. Пропах катером и морем. И запах этот остался.

Посылаю тебе отрывок из написанного в стол. Чтоб у тебя было впечатление, чем я занимаюсь на вольных хлебах.

МОРСКОЙ ОХОТНИК «МО-207»

1943 год. Не было дня, чтобы морские охотники не вступали в бой с численно превосходящими силами противника.

Этот памятный день клонился к закату, когда пограничные корабли «МО-207» и «МО-303» вышли в дозор для проверки охраняемого района. На службу шли с тралами. Катерами командовали старший лейтенант Н. Каплунов и лейтенант В. Титяков, во главе звена стоял старший лейтенант И. Чернышов.

- Товарищ командир, получена радиограмма, - доложил радист идущей впереди «семерки» Константин Соколов. - Из Кронштадта вышли подлодки, а туда с острова - конвой.

- Значит, не миновать встречи с фашистскими катерами, - отозвался Николай Каплунов.

Того же мнения был и командир звена Игорь Чернышов:

- Уж больно большой соблазн для фашистов. Постараются незаметно проникнуть на фарватер.

- Впереди неопознанные цели, - слышался в сумерках голос сигнальщика «семерки» Анатолия Петрова. - Вижу, это «щюцкору».

- Сколько? - резко спросил Каплунов.

- Двенадцать... нет, четырнадцать, - тревожно ответил сигнальщик.

- Значит, на каждого - по семь, - усмехнулся угрюмо командир.

- Выбрать тралы! - прозвучала команда Чернышова. - До выяснения обстановки пристроиться противнику в кильватер.

Фашисты обнаружили приближающийся в темноте пограничный дозор и стали перестраиваться к атаке. Несмотря на такое численное преимущество «щюцкоров». Пограничники бесстрашно ринулись на врага. Фашисты не знали, что этим бесстрашным было по 14 - 15 лет - еще юнги! - а старшему не более 30. Атака двух морских охотников была до того дерзкой, что, казалось, сами неприятельские катера оторопели.

- По головному - огонь! - скомандовал Каплунов.

Мастерские залпы орудий Михаила Цымбаленко и Николая Живоры достигли цели. Задрав форштевень, головной «щюцкор» начал тонуть.

- Прорезай строй! - крикнул Каплунов сквозь грохот орудий. - Полный вперед!

Этот смелый маневр посеял панику в рядах фашистов, они стали расстреливать друг друга. Однако, спохватившись, усилили огонь и стали окружать советские катера. В кормовую пушку «семерки» попал снаряд - упал на палубу смертельно раненый наводчик Николай Дворянкин. На его место встал комсорг катера Иван Акулов. От пулеметной очереди ближнего «щюцкора» сполз к ногам командира рулевой Алексей Ивчевко. Его заменил помощник командира Иван Лобановский. Огнедышащее вражеское кольцо сужалось.

- Врешь, не возьмешь! - крикнул с вызовом Каплунов. - Братцы, идем на таран! Обе машины полный вперед! - скомандовал он мотористу Василию Бычкову.

И в это время молнией врезался в мостик вражеский снаряд. Падая, Каплунов почувствовал жуткую боль в груди и животе, увидел, как подкашивается, но все держится за руль Лобановский. Все завертелось в глазах Каплунова и рухнуло в черную бездну. Это завертелся на месте оставшийся без управления «морской охотник». Пулеметчик Алексей Фролов, оценив первым ситуацию, кинулся на мостик, перевел ручки машинного телеграфа на «полный вперед».

- Миша, командуй, брат! - крикнул он в гремящую черноту.

Старший красноармеец Михаил Цымбаленко встал на мостик.

- На таран! - закричал, придя в сознание командир. Акулов быстро перевязывал ему раны.

Расстреливаемый в упор «МО-207» ринулся навстречу «шюцкору», закрывшему выход на фарватер. На выручку товарищам с другой стороны кольца спешил «МО-303», сильно повредивший другой вражеский катер.

Залпы обоих «морских охотников» прозвучали одновременно. Снаряды угодили в топливные баки. Огненный вихрь разметал вражеское судно, и под дождем его горящих обломков вырвалась из окружения мужественная «семерка».

Но бой не прекращался. Раненые остались на боевых постах. Каплунов, приходя в сознание, отдавал прерывистые команды Цымбаленко. Пулеметчик Трофим Боженков, с перебитыми ногами, лежа на палубе, подавал ленты Алексею Фролову. Ощетинился огнем и «МО-303». И немцы, потеряв три катера, не выдержали напора. Поставили дымовую завесу и укрылись под своим берегом. Откуда на смельчаков обрушился ураган огня береговых тяжелых орудий.

Умело маневрируя, два «морские охотника» вышли из-под обстрела. По пути на базу на руках у Акулова мужественный командир Николай Каплунов скончался. За этот подвиг он посмертно награжден орденом боевого Красного Знамени. Ему исполнилось двадцать пять лет...

- Каплунов!

- Старший лейтенант Николай Каплунов пал смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины!..

Вот так каждый день отличник боевой и политической подготовки торжественно называет на поверке имя прославленного героя, посмертно зачисленного в состав экипажа пограничного корабля, ведущего родословную от «Морского охотника МО-207».

Молодые моряки застыли в кубрике у аккуратно заправленной койки, на которую никто никогда не ляжет. На подушке - бескозырка военных времен. В изголовье - стенд с фотографией Каплунова и описанием его подвига. Лицо на фотографии знакомо каждому члену экипажа, как лицо старого верного друга.

Несколько поколений моряков-пограничников, служивших на этом корабле, восстанавливают мельчайшие подробности героического боя и жизни Николая Каплунова. И заносят в альбом «Мы – каплуновцы».

Николай Каплунов родился в 1918 году. Учился в той же школе и у той же учительницы И. Троицкой, что и первый в мире космонавт Юрий Гагарин. Закончив семилетку, уехал на заработки. Поступил работать на завод в Одессе. Там жил у старого мастера С.И. Анастасюкова, который стал ему вторым отцом. На заводе вступил в комсомол. По вечерам учился в рабфаке. В 1937 году, по призыву комсомола - на флот, поступил в Ленинградское военно-морское училище. В числе лучших курсантов ежегодно участвовал в

военных парадах в Москве на Красной площади. В училище начал писать стихи, их публиковали в газетах и журналах.

*Скорей в моря! Скорей в моря!
За горизонт - вперед!
Чтобы страна заведомо
Встречала нас с победами
Среди балтийских вод.*

Грянула война. И поэтический порыв моряка воплотился в жизнь. 27 июня 1941 года выпускник училища, в новеньком лейтенантском кителе, прибыл на боевой корабль. В октябре того же года Каплунов стал командиром «морского охотника». Справедливый командир, хороший товарищ, он нравился офицерам дивизиона, сразу пришелся по душе всему экипажу. Проявлял завидную настойчивость и мужество в достижении поставленной цели. Вообще, в Великую Отечественную «морские охотники» стали лидерами малой морской войны. В конце 1941 года Каплунов получил первую награду - орден Красной Звезды. В письме к сестре он писал: «Каждая моя пуля, мина, снаряд, бомба, граната, каждый убитый мной и моей командой фриц, сбитый самолет или потопленный корабль немцев - все за вас, мои дорогие родные!..»

Молодые пограничники равняются на Николая Каплунова в напряженной пограничной службе. Делают с него жизнь...

Володя, в день Военно-морского флота я надеваю Андрею на голову мичманку, и он поднимает в моей квартире на шнурках от занавесок морской Андреевский флаг. У нас праздник.

Всего хорошего. Пиши.

(А после этой публикации я стал замечать, что меня считают связанным с органом безопасности. Даже заговаривают со мной, вспоминая подробности секретной работы. Причем, мои же друзья, в первую очередь. Когда же один из таких товарищей поздравил меня в буфете Союза журналистов с «нишим» праздником, купил мне бутылку «Шампанского», в эту версию готова была поверить и моя жена Таня. Ну, бог с ним, он пьяница. Но мой начальник, на мои жалобы на мизерную зарплату министерстве, меня упрекнул: «Вы же получаете военную пенсию?». «Только не знаю, где?» - ответил я. Но он не успокоился и повторял эти слова не однажды, пока министерство не закрыли – и мы не разошлись.)

Борис – Володе

10.11.91

Спасибо за поздравление с юбилеем. Все прошло хорошо. Особенно меня тронула поздравительная телеграмма от Союза писателей. Можно я похвалюсь?

«Уважаемый Борис Константинович

От имен писателей столицы сердечно поздравляем вас с пятидесятилетием со дня рождения от всей души желаем вам доброго здоровья исполнения всех ваших планов и замыслов многих радостных дней будьте счастливы =

Гусев Шереметьев Кобенко Ю Кузнецов

Бюро творческого объединения поэтов».

Они меня, конечно в глаза не видели. Кроме одного, Кобенко. Когда замечательный поэт Владимир Костров привел меня к секретарю Союза писателей Кобенко и уговаривал его взять меня на работу в бюро объединения поэтов, говорил, что меня на эту работу рекомендует Валентин Устинов. Но все бесполезно. Страна абсурда. Я не пьющий, а взяли пьющего, а значит, контактного, управляемого.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

12.12.91

Здравствуй, Боря!

С очень большим желанием поздравляю тебя с 1992 годом!

Каков он будет, это, увы, сейчас не от нас зависит, а от власти.

Пусть все беды минут тебя!

Очень жаль, что редко пишешь. А о встрече уж и не знаю, когда она станет возможной. Твоя командировка на Балтику тебя «подставила», наверное. А может быть, это всего лишь твоя обычная мнительность.

В Бога не верю – пустота в нем и абсурд.

Человека жалко – многие умирают, не начав жить. Федотов назвал наш век не веком атома, теории относительности и т. п., а веком падения души, веком войн между партиями. А я бы назвал наш век – веком самых тяжелых преступлений против человека.

Чем тебя порадовало мое письмо?

«Да, верьте себе в то великой важности время, когда в первый раз загорится в вашей душе свет созидания своего божественного происхождения. Не тушите этот свет, а всеми силами берегите его и давайте ему разгореться. В этом, в разгорании этого света, единственный великий и радостный смысл жизни всякого человека». Л. Толстой, 22.11.1906 г.

А Э. Фромм сказал, что смысл жизни заключен в постоянном рождении заново каждого человека.

О чем думаешь?

Обнимаю, Вова.

Борис - Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Ты попаросил меня рассказать об истоках Украины и России.

Мне встретился интересный молодой ученый, который наделал много шуму своими научными изысканиями по этому вопросу, исследуя находки археологов при раскопках древних курганов. У него получается, что мы чуть ли не от этрусков. Сложно сказать, насколько он прав. Но ведь курганы, с IV тысячелетия до нашей эры являются наиболее представительными историческими памятниками Руси, как зиккураты для Шумера или пирамиды для Египта. Курганы – исток и символ Руси, воплощение ее слывы и первенства в иерархии цивилизации планеты, ситает этот ученый Юрий Алексеевич Шилов. Деятельность Шилова пришлась на тяжелое время раскола страны на Россию, Беларусь, Украину, когда раскололись и научные школы. Он окончил МГУ, 25 лет работает в Киевском Институте археологии Национальной академии наук Украины. Написал несколько монографий – «Прародина ариев», «Праистория Руси», «Космические тайны курганов» и другие. Он прочитал курс лекций «Праистория Руси 7 тыс лет до н. э. – 1 тыс лет н. э.» в 1996 году на Украине и в России. Основа спецкурса - этноисторический очерк становления славянской (в основном, восточнославянской) цивилизации-государственности в среде родственных индоевропейских культур. Он противостоит тем, кто обрезает корни славянства и принижает индоевропейскую цивилизацию. Поэтому мы привыкли знать, что Русь во главе с Киевом – «матерью городов русских» сложилась со второй половины 9 века. Шилов считает, что этому предшествовала история, уходящая в 7 тысячелетие до Рождества Христова, изначально связанная с зарождением индоевропейских народов. Курс построен на сопоставлении исторического процесса с теми традициями славянской культуры, которые соотносятся со скифо-античной, гиперборейско-арийской, и даже более древними культурами. С древнейших времен (с 7 тыс. лет до н. э.) этнокультурное ядро составляли араты – лелеги – пелазги – илионы-гелоны – венеды – этруски – русичи, которые существовали, частично смешиваясь с родственными племенами ариев, греков, италийцев, кельтов, германцев, фракийцев и других индоевропейских народов. Со времен Троянской войны родословная стала забываться. И это вошло в конфликт с накопившимися в 20 веке

археологическими, лингвистическими и другими с научными данными. Вот тебе целая лекция. Я об этом пишу статью для журнала.

Устал. Тем не менее, обнимаю, Борис.

Володя – Борису

27.01.92

Здравствуй, Борис!

Спасибо, что не забываешь. Получил два письма. Первое – записка короткая. Рад, что тебя поздравили писатели. Второе – мне не понравилось.

Я со многим с тобой не согласен, готов крупно поспорить, но в письме это сделать трудно. Я живу (и ты тоже) в стране абсурда, у которой будущего уже давно нет. Катимся только по наклонной, и всем это нравится. И какое же будущее предвидится? То, которое тебе хочется? Так, что ли? Ради какого будущего жить в стране, где нет никаких ценностей, стране пьяниц и тунеядцев, воров и преступников, хапуг и пр.

Твой друг архитектор Рыжков, в командировке в Австрии, вспомнил только русскую душу, которой давно нет, но которую почему-то еще вспоминают. А что скажет этот его знакомый миллионер, приехав к нам из Австрии? Наверно, только одно слово – дикари. А дикарям, ох, как долго нужно учиться понимать простые истины в человеческой жизни. Съезди сам в Австрию, посмотри своими глазами на ту жизнь, тогда наверняка пошлешь своего друга ко всем чертям: видеть глазами другого можно все, что угодно, только не то, что увидишь сам. Жил, как умел, и живешь, как можешь, – это выражение расшифруй сам для себя. Я жил и живу так, насколько позволяют внешние условия, то есть общество, в котором я живу. А оно связало меня по рукам и ногам, ни шага лишнего сделать нельзя. Руки и умение свое приложить нельзя и негде. Да. Я тебе уже об этом писал, а ты успокоил – живи, как можешь. Хорошо подметил: «Биз нес – Без нас!». Но ты не добавил, живи, как можешь – в нашем гнилом обществе. Все мы так же сейчас, как и ранее, живем и жили. Ты считаешь, хорошо?

А историю Руси ты также не знаешь, как и я, а жаль. Все, что ты написал, я знал.

Ты не можешь понять, почему компьютер – могильщик коммунизма (дибильски революционный лозунг), так как ты крупный дилетант в области информатики. Только дилетант может написать то, что написал ты. Как машина, созданная человеческим умом, может стать могильщиком человеческого в человеке? Запомни, компьютер – машина, а не живое существо, обладающее разумом. И работает эта машина по программе, которую придумал человек. «Жесткая логика». Но чтобы понять, на что способен компьютер, нужно его пощупать руками, сесть за пульт и

поработать. А возможности компьютера поразительны. Для примера высылаю тебе письмо, которое написано на компьютере. Для коммунистов он был могильщиком, поэтому они его так и боялись. А то, что безукоризненно и совершенно, не может быть противным для человека высокой культуры, той, которой нет у нас – дикарей.

Никто тебе не запрещает творить с гусиным пером в руке. Но в нашей жизни много рутинной не нужной для мозга работы, почему бы не отдать ее машине. Японцы специально держат человека, который затачивает карандаши для инженера, чтобы у него было больше времени думать.

Человек, вынужденный рабским трудом зарабатывать свой хлеб, – уже раб, поэтому все мы – рабы в своей жизни. А в животном состоянии может оказаться, к примеру, пьяница или садист, но не раб. Религия может сделать человека животным, рабом идола – это самое страшное, что придумал человек для себя же.

Извини, если написал что-то не так. Я могу с тобой поспорить, мне кажется, у тебя мало глубины мысли. Пиши.

Обнимаю, Вова.

Володя – Борису

07.02.92.

Здравствуй, Боря!

Я тебе только недавно написал, ты ответил не на мое письмо, а на мою записку, где я привел слова Л. Толстого о смысле жизни, который он искал всю жизнь, и вот к какому понятию он пришел. Я ничего не напутал, как, конечно, и Л. Толстой. Чтобы его понять, нужно его всего прочитать.

Народ не спрашивают, что он хочет, а значит, погоды он сделать не сможет. Вся беда как раз в том, что от нас (народа) слишком мало что зависит. Люди могут долго терпеть беспредел. Но всему есть предел, а когда он приходит, появляется кровь. На кострах сжигали, атомные бомбы бросали – это мизер по сравнению с 77 годами террора – десяти миллионов жизней. Твоя душа не стыдится, что приняла партбилет? Какого черта ты полез в это хамство?

Будущее страшит не за грехи, конечно, и тебе, умному, это понять нужно было, о чем я писал. А то, что все беды, созданные рулевыми, свалятся на наши головы, тех, кто ни в чем не виноват, – за все преступления тех, у руля, расплачивается простой люд, а из них виноватых нет. Интересно, каким образом ты будешь спрашивать и с кого? Там все шито-крыто. Не найдешь. Врагов нет и не может быть, есть преступник по закону. А страну разоряли, разоряют и будут разорять, пока не будет хозяина, собственника. У связанного по рукам и ногам всегда больше бед, чем у свободного человека. У нас в стране сейчас нет коммерсантов, и не скоро они будут – не так-то легко

вспомнить то, что вытравили, а вот подлости, ох, как хорошо научили, а ты говоришь – нет падения души.

Ты прав, только русский может так сказать: «Слава Богу, живы!» Сколько в нем терпения, столько и ярости, когда терпение лопнет.

Еще раз повторяю – бог – это полный абсурд. Человек – создание природы, а не бога. И если он – человек разумный (что весьма сомнительно, если он верит в бога), то все заповеди бога человек воспримет и без его помощи, а только благодаря своему уму (разуму). А если это должен сделать бог, тогда у человека нет ума. Другими словами, все моральные и духовные ценности, проповедуемые богом, должны быть и без бога естественными для человека разумного. А бог или Бог – это же идеология, кому-то очень выгодная, как любая другая идеология. А когда видишь, как много еще людей поклоняются богам (Иисус, Кришна, Будда, Магомет и т.д.), невольно думаешь: где же ты, человек разумный? А Л. Толстого я понял так – помни, человек, что природа создала тебя разумного, и не забывай этого.

Письмо, написанное при помощи компьютера, которое я тебе выслал для показа, как пример, выглядит много эффектнее и нет того количества помарок и ошибок, что у тебя в этом, напечатанном на машинке (письме).

(Жизнь с компьютером – это жизнь за стеклом.)

И у тебя всего один вид шрифта, а там в памяти их может быть очень много на любой вкус. И нажимать на клавиши нужно в 50–100 раз по усилию меньше, чем на машинке (рука не устает). А печатать нужно уметь вслепую двумя руками.

Дом строить, а что будет, если к власти придут или уже пришли националисты? Пример тому – письма от людей из Кишинева и Риги, которые я получаю по заочной переписке... Неужели и до меня дойдет такое?

Зоя на пенсии, но работает. Сергей с женой и дочкой живут с нами, сдал на шофера–профессионала. Ремонтирует машину, чтобы на ней работать. Я заработал «грязными» в январе 2060 руб. Из них 460 – алименты. Вот такова жизнь. Женись, но не расписывайся, всегда успеешь, все может повернуться на 180 градусов.

Обнимаю, Вова.

Володя – Борису

13.02.92

Решил не вскрывать тебе письмо, хоть и забыл, что там написано. Конвертов и марок не продают, с трудом достал, чтобы отослать четыре вернувшихся письма. Будь проклята эта страна, которую создали сами в ней живущие – лучше не будет, а хуже – это наверняка. Кому все это нужно, у

«народа» (на который ссылаются) интеллект отсутствует, а у такого народа будущее отсутствует. Пиши об Антонове, но... кому он будет нужен?

Будь здоров.

Вова.

Володя – Борису

25.02.92

Здравствуй, Боря!

Живи лучше в новом году! Хотя и трудно это сделать. Люди не понимают друг друга, в этом их беда, и от этого один вред, повторяю твои слова, которые прекрасно знают многие. А я, исходя из этого, подал тебе мысль тогда, давно, ну, почему люди, зная все это, не хотят понимать, не хотят стремиться понимать и т. д. Ведь если бы каждый, зная начало этого понятия, придерживался бы конца, как много бы легче стало жить людям. Почему люди не хотят понять друг друга, почему каждый другому хочет что-то доказать свое? Язык создан для понимания, язык создал самого человека, совершеннее его создать нечего (языка). Если слова Пушкина верны, значит, мы не «гомо-сапиенс», а «гомо-полусапиенс». Если прочитают нашу переписку рядовые, обыкновенные люди, то посчитают нас с тобой придурками, чокнутыми. Посмотри вокруг, чем живут люди, что им надо в жизни, все видеть и слышать противно, человек идет назад, к зверю. Ужасно!

(У Володи такое окружение, а других ему не видно.)

Всю жизнь иду, не зная куда, но иду, без всякой цели, а если бы была цель, то, наверно, давно бы свихнулся, так как наша жизнь – реальная – била бы меня со всех сторон. И без цели она бьет немало и будет еще бить. Человек создан, чтобы, страдая, умереть.

Сможешь ли ты заниматься своим делом, подыхая с голоду? – Никогда, поэтому будешь делать, что заставят, чтобы сытым заняться своим делом. Ван Гон где-то брал хлеб, или ему давали, иначе бы он сдох. Вот про это я тебе писал, да ты этим и занимаешься.

(Брат давал Ван Гоггу минимум – только на хлеб и краски.)

В общем, я понимаю так, что нет смысла ни в чем, в том числе и в жизни. Человек живет только для удовлетворения своих желаний и страстей, все остальное ему чуждо и не нужно. Он знает, что он умрет, и всеми способами хочет побыстрее удовлетворить свою ненасытность, а потом сдохнуть. Желание писать стихи, картины, слушать музыку, работать – все это удовлетворение потребностей. Потребностей, возникающих неизвестно

как и почему, у каждого свои. Поэтому они плохие и хорошие, низкие и высокие, возвышенные и низменные – это сама суть человека, без которой он не может жить, он для этого создан и будет таким всегда.

(Если бы Володя был «действующим» отцом, то жил бы для детей, ради детей и внуков.)

Потому что жизнь случайна и не имеет смысла, в том понятии, в котором хотят найти этот смысл.

Надоело все, жить не хочется, удалиться бы от всех. Получается, я тебе пишу, что меня терзает – ты комментируешь – этим я отвлекаю тебя от дел твоих, трачу у тебя твое драгоценное жизненное время. А у самого-то тебя неужели не возникает что-то, что мучает и не дает покоя? Почему ты об этом ни разу не заикнулся? Или ты живешь слишком гладко в своих мыслях? Не поверю.

Будь здоров в Новом году, Жри поменьше – дольше проживешь.

Обнимаю, Вова.

PS. В Новом году говорят письмо в Россию будет стоить 100 руб. А сейчас 1 купон 40 коп. Сейчас автобус в город стоит 5 купонов, а в новом году, говорят, будет стоить 40 купонов. Куда мы падаем?

Володя – Борису

02.04.92

Здравствуй, Боря!

Ты опять ошибся, не озлоблен я, а мне страшно обидно за всех нас, за всю нашу страну, за всех, кто равнодушен к ближнему своему. Какое громадное терпение нужно иметь, чтобы позволять себя обманывать. Нас всегда обманывали, и будут обманывать, таков народ – он позволяет это делать. Все твои нравоучения мне давно известны, а если тебе было гадко читать мои письма, наверно, еще многое не понял. И вопрос совсем не в том, кто из нас умнее, – каждый по-своему воспринимает жизнь. Вот если бы ты написал, как ты живешь, но не физически, а духовно, какие мысли у тебя возникают, о чем постоянно думаешь, кроме дневных забот, мне было бы интересней поговорить об этом, чем спорить ни о чем.

Если тебя обидело что-то в моих письмах, то это зря так думаешь. Я тебе пишу то, что никому не говорю, что наболело, и совсем не хочу от тебя каких-то поучений, наставлений, ведь я не сын твой. Мне кажется (из твоих писем), что ты и очень многие по-настоящему не осознали, что же с нами

произошло за 70 лет, что происходит сейчас. Именно с нами, рядовыми, а не там наверху. Конечно, письмо труднее бывает понять, чем в общении, если бы с тобой встретились и говорили – наверняка ты все понял не так, как, прочитав мое письмо. Вот и я не могу (не смог) понять, к чему твои слова написаны в твоём письме, какой смысл ты в них вкладываешь: «Вот компьютер – есть, его можно собрать и разобрать, и научить своему же невежеству. Только и он мыслить, тем более чувствовать, в том числе ложь, или правду, не говоря о предчувствии, не может». Сократ сказал: я знаю, что я ничего не знаю, а другие и этого не знают. Ничего особенного в этой фразе я не вижу и не видел сразу.

(Но это и есть изложенная другими словами мысль Ницше: все знания есть, не что иное, как собрание заблуждений. Это можно понять и в словах сократа: мои знания ложны. Вот какое открытие я сделал для себя в словах Сократа.)

Раз я знаю, что ничего не знаю, – одно отрицает другое, – значит, вообще ничего не знаю. Отрицание своих знаний? Для чего? И так, понятно, что человек не сможет понять все, что истины как таковой нет. То, что мы знаем сегодня, завтра может быть ложно. И наоборот.

(Вот, начал приближаться до смысла, но не дошел.)

Как выжить в наше время? С голоду, наверно, не подохнем, какие бы цены не были; хуже будет, если начнется драка, слишком многие этого хотят, да и терпение, если лопнет, а лопнет тогда, когда уже терять будет нечего.

(Лопнуло в октябре 1993 года, расстреляли Верховный совет и тысячи обманутых, трупы вывезли и сожгли, суд над палачами замяли, наверно, за счет замятого суда над КПСС. И концы в воду.)

Тогда начнется взрыв, который разрушит последнее и все начнется сначала, с нуля.

У тебя телевизор японский (схема) пятого поколения. У нас делают еще третье поколение, начали появляться четвертого. Твоя схема на специализированных микросхемах – и без описания работы ничего понять невозможно. Но в инструкции написано, что в метровом диапазоне волн у них нет 1 канала, есть все остальные. Видно, Московская программа работает на 1 канале. Дорогое не всегда ладное, если хочешь смотреть Московскую программу – купи любой советский телевизор, второй не помешает, поставь его на кухне, лучше, если он будет с малым экраном. И все проблемы.

Будь здоров и не обижайся на меня, не за что.

Пиши. Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

30.06.92

Здравствуй, Володя!

Вместо телевизора отдал 7 тыс. руб. за садовый участок в Шаховском районе (где пенаты Блока) за Волоколамском. Говорят, эти земли экологически чистые, и даже политически чистые, так как принадлежат члену Госдумы Травкину. Там задуман кооператив Союза писателей. Встал один крикун и сказал, что нас обманывают. Но ему не поверили, кроме меня. Поверил, но отдал, потому что знаю, какой я мнительный.

Хочется написать пьесу о том, как человек ведет разговор с молодым знакомым, кое-что о нем знает, чему молодой человек удивляется. Оказалось, что это один и тот же человек, только два возраста: 25 и 50 лет. И вдруг слышу по радио пьесу с этим сюжетом. Хорошо, что не написал, а то бы сказали – плагиат.

А как выжить? Меня задиры все спрашивают об этом. А я их спрашиваю: «Еще лебеду не ели?»

Всего тебе хорошего. Борис.

Володя – Борису

02.08.92

Здравствуй, Боря!

Давно ты мне не пишешь. Жаль! 11.04.92 послал тебе инструкцию на твой японский телевизор с письмом. С тех пор и нет от тебя известий. Квитанцию я сохранил (высылаю, чтоб с твоей стороны не было сомнений). А почему сохранил – по привычке. Вот уже с 1988 года я получаю и посылаю бандероли с кассетами, на которых записаны программы на мой компьютер. Сейчас стало очень туго с этим делом – таможня принимает эти записи зашифрованные. Приходится обмениваться в пределах Украины (может, скоро и письма нельзя будет посылать?!). До сих пор, с весны, не могу выслать хозяину его кассету в Ригу. Рушатся многие мои связи по этому делу из других республик (стран). Никого не волнуют такие мелкие вопросы, так как созданное рушится в пользу чьих-то интересов, но только не наших. Я уже давно ни во что не верю, тем более в Бога. А смысл жизни только один, тот, что задумала природа, вернее тот, что стихийно возник в природе: жизнь – это смерть старого и рождение нового. Человек, родившись, должен, пройдя через муки, оставить после себя такого же, чтоб жизнь продолжалась. А разум – он во много раз осложнил жизнь человека, его предназначение,

данное природой. И нужно вопрос о смысле жизни превратить в вопрос – для чего нужен разум и почему он возник.

Я с 4.07 по 3.08 был в отпуске – весь завод выгнали в отпуск. Все это время был на стройке, и наконец-то закончил цоколь дома – то, что выше уровня земли до пола – есть цоколь. Теперь начну делать стены по субботам и воскресениям. Нужно положить 1000 шт. камня-ракушечника и 4000–5000 шт. кирпича на облицовку. Будет коробка, потом положить балки и стропила, сделать из кирпича фронтоны, накрыть шифером крышу, подбить потолки, засыпать керамзитом перекрытие, поштукатурить потолки, стены, сделать еще пол и еще много чего.

Сливкины абсолютно все перестали мне писать. А ты, наверно, уже давно передумал писать что-либо из задуманного, в том числе и то, что хотел из моей судьбы. Если так, то еще давно ты обещал перепечатать письма дяди Саши и выслать мне. Сейчас они тебе не нужны, а я хочу их еще раз перечитать – ведь я их читал при получении и сразу пересылал тебе, и много забыл. Пожалуйста, вышли.

Очень мало пишешь о себе, своей жизни.

Будь здоров!

Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Непросто быть на вольных хлебах. Друг предложил вести мне клуб литературных встреч в школе, директором которой успешно работает его жена. Они оба из Астрахани. И вот я приводил на встречи с ребятами старших классов знакомых писателей – Полякова, Кизилова, Боброва. А недавно уговорил прийти к ребятам Сергея Михалкова.

Одно дело, учить стихи по книгам, совсем другое – поговорить с писателем с глазу на глаз, получить ответы на вопросы о его героях, о тайнах творчества. Заседания клуба литературных встреч в школе ведет старейший преподаватель литературы и я. Каждая такая встреча – живой урок литературы. Школа эта стала экспериментальной площадкой в поиске новаций в обучении. Здесь и дизайнкласс, и химический (без экзаменов в институт), и гимназический классы. Преподают и вузовские учителя, и авторы учебников. И писатели.

Когда Сергей Михалков вошел в актовый зал, дети бросились к нему, стали читать его стихи, петь его песни. Показали интермедию. Так было интересно. Не столько Михалков говорил, сколько юные слушатели.

Потом мы привезли Михалкова к нему домой, так как он был с клюшкой из-за недавнего перелома ноги. После недолгого разговора, он расцеловал нас на прощание.

У меня с Михалковым связаны важные моменты в моей жизни. Хотя он меня так и не знает. Я читал его басни на школьной сцене, потом начал писать свои басни. Одну из них опубликовал в областной газете – и с этого года пошел мой творческий стаж работы. Хотя в Союз писателей меня приняли только в 1986 году. Так получилось, что с Михалковым вместе я получал и билет Союза журналистов в 1973 году. Он еще меня спросил в коридоре, где вставать на учет новому члену журналистов? А я, оторопев, ответил – по месту работы.

Потом меня пригласила радио «Надежда», и я у нее в гостях рассказал об этой встрече с Сергеем Михалковым в школе, о себе, прочитал свои стихи. Мне даже кто-то задал вопрос на радио – я смущенно ответил. А вопрос, оказалось, задал мой сын Андрей. Я от страха даже голос его нее узнал. Цирк и только!

Пока, Володя.

Борис.

Володя – Борису

16.09.92

Здравствуй, старый товарищ!

Товарищ, в смысле, друг, а не то, что придумали большевики.

Тебе, верю, сейчас трудно, более трудно, чем мне. Я делаю ту же работу, только платят теперь меньше во много раз. Все стало дороже в среднем в сто раз, а зарплата увеличилась в десять раз. Наш директор сделал себе оклад 170 тыс. руб., начальникам цехов по 45 тыс. руб., а рабочие более 5 тыс. руб. не получают. Едва хватает на жратву. Хорошо, у нас огород свой. А как другим?

Как может человек, прожив более полжизни, измениться – это невозможно.

(Поэтому и существует деструкция, и большевики лишних носителей прежней информации и уклада отстреливали. И неокapиTaлиcTы – «хайдары», гайдаровцы, прорабы перестройки, олигархи, лишние свидетели прежней жизни пустили в расход – бандитизмом, паленой водкой и контрафактными лекарствами и продуктами, торговлей наркотиками и человеческими органами, коррупцией, самозахватом, диким произволом оборотней всех мастей в погонах и в чиновничьих креслах по всей вертикали власти, мафиозными и бандитскими разборками, беспределом купленных депутатов, внутренних и внешних органов и частной охраны, мизерными зарплатами, нищенскими пенсиями, платным образованием, платным

медицинским обслуживанием, продажей земли, ипотекой и прочими «реформами». Вот во что выросла эта гигантская саркома!)

Приспособиться как-то к новым условиям еще можно, и легче это молодым, но не 40–50-летним.

Цель себе можно придумать и стремиться к ней всю жизнь, но внешние условия среды все равно будут влиять на цель, и она уже станет не целью, а мечтой. Поэтому, наверно, не надо никаких целей. А просто каждый день делать свое дело, то, которое умеешь, которое любишь – вот и вся цель, только это уже назвать целью нельзя – это обыкновенная жизнь нормального человека.

А меня нужда заставляет строить дом, но не цель, и мне нравится строить, только тяжело, и все идет очень медленно. Никаких планов нет, лишь бы дожить до следующего дня.

На Украине хуже, чем в России, больше произвола и бесправия, цены выше.

Держись всеми силами за свое, другому мы не успеем научиться, может, и повезет. Все наша жизнь – это его величество случай, начиная с самого рождения.

Не мог догадаться, что время-то меняется, и никому не будет нужен этот твой ракетчик Константинов? Столько зря времени потратил – забыл, что ничего нет дороже времени, даже жизнь человеческая? Благодарю, что еще копейку дали, а не рубль.

О Сливкиных ничего не знаю, никто ничего не пишет. Недавно написал Аркадию Сливкину, может, он ответит, его первое письмо у меня до сих пор хранится.

Абсолютно никакая почта из периодики не стала приходить, кроме «АиФ» и «Огонька» – наверно, только на них и подпишусь, и еще журнал «Радио». А была целая куча подписки. А сейчас конверт простой стоит 1 руб. 40 коп., а в Прибалтику – 25 руб. 40 коп. Да и читаю-то я совсем мало – для себя остается так мало времени, что и жить-то не хочется.

Никак не могу бросить курить, а самые дешевые сигареты – типа «Прима» – стоят уже 30 руб., в сто раз больше, чем раньше, да и в магазинах их нет вообще, только на базаре.

Гласность на Украине прикрыли, всех недовольных – долой с Украины. А что будет дальше?

Из 4000 работающих на заводе уже около 1000 уволились сами – вот и сокращение, только куда они ушли – не представляю.

Есть ли смысл писать то, на чем не заработаешь? Я имею в виду жизнь Сливкиных. Тебе нужно сейчас писать, чтобы занять копейку в кармане, и писать быстро, хорошо знать, что писать сегодня, а что завтра. Это чтобы выжить.

По-моему, почти никто не умеет общаться, в основном, общение заменяется простым пустословием, репликами и полным непониманием

собеседника. Не научили нас общаться, не хотели, чтобы мы общались. Тогда смогли бы многое понять. Когда пишешь мне письмо, сначала прочитай мое последнее и ответь, а потом пиши – я так всегда делаю, это моя просьба к тебе.

Пиши. Обнимаю, Вова.

Володя – Борису

16.10.92

Здравствуй, Боря!

Дорогой друг, неожиданно получил я письмо от дяди Саши, которое тебе высылаю. Ему я еще не ответил. Он просит свои письма. Поэтому не знаю, что ему писать. И поэтому пишу тебе это письмо. Что делать? В ответном письме верни мне это его письмо.

Может быть, как-то отговорить его писать свою биографию, а предложить о чем-то другом написать? Несколько наивны его рассуждения в этом письме. Человек жизнь прожил, а многое так и не понял.

Я живу сейчас очень трудно, стройка все выжимает. Да и пять человек в одной комнате – кошмар. Зоя замаялась, бедная, и все ради сына. А он, беспомощный, ничего не умеет, хоть и семью создал.

Почему никто не пишет книгу специально для молодых, как начинать жить? Скольких многих ошибок они смогли бы избежать. Жизнь-то ведь жестока и не прощает этих ошибок из-за необратимости времени. Или каждый должен учиться только на своих ошибках? Или все молодые знают, как жить лучше, чем старики? Не думаю.

Жду скорого ответа.

Обнимаю, Вова.

Володя – Борису

18.11.92

Здравствуй, Боря!

Письма дяди Саши получил, а их, оказывается, немало. Как прочитаю еще раз, отошлю их автору – пускай пишет, что хочет.

Из этого твоего письма я еще раз почувствовал, насколько обязательно, а иногда и важно правильно понять мысль (или поступок) человека, с которым как-то общаешься. Я не зря тебе ранее писал об этом, но тогда я

понял, что ты так ничего и не понял, или, вернее, я виноват в том, что не смог эту мысль объяснить тебе так, чтобы ты понял. Вот и в этом твоём письме, хоть это и мелочи, я понял, что ты меня неправильно понял. Слово «товарищ» изобрели не большевики, по-моему, об этом знает каждый русский человек. А большевики взяли на вооружение это слово в том виде, в каком мы все знаем – именно это имел в виду. Если ты так обо мне подумал (то, что я только знаю это слово от большевиков), то можно сделать вывод, что ты довольно-таки плохо знаешь людей вообще. Обо всем этом я пишу не оттого, что это меня задело, а потому, что хочу еще раз заострить твоё внимание на том, что многие беды в семье, в коллективе, в стране, в любом обществе людей происходят из-за того, что люди не хотят, не научились понимать друг друга. Их не научили папы и мамы, сами они не дошли до этого, в общем-то, простого понимания: правильно ли дошла до тебя, в твои мозги, мысль другого человека. А далее самое главное: ведь от того, как ты понял эту мысль, и будут происходить дальнейшие события, все зависит от значимости сказанного. И далее, зная об этом очень нужном понимании другого, если бы каждый стремился понять, а потом реагировать на понятое, легче стало бы жить.

(На самом деле принять суждение Володи часто трудно как раз из-за того, что он не понимает сам, что все путает. И обижается, что не принимают то, что он считает истиной, и укоряет, что его не понимают.)

Еще пример из твоего письма: «делать каждый день свое дело». Здесь я тоже не донес до тебя свою мысль. Попробую еще раз. Есть два варианта возникновения жизни. Можно рассуждать так: случайно или преднамеренно. Любое событие в мире (в космосе) случайно или преднамеренно. Если событие преднамеренно, то оно кому-то для чего-то нужно. А если событие возникло в результате каких-то случайных процессов, то оно никому не нужно, оно не имеет никакого смысла, бессмысленно. Ты случайно родился – значит, не нужен никому? Существование нашего мира, а значит, и жизни каждого из нас, тоже является событием космического порядка. Если возникновение жизни на Земле – событие случайное, то наше существование, то есть наша жизнь бессмысленна, жизнь каждого отдельного человека, как и жизнь, вообще, не имеет никакого значения. Она (жизнь) также случайно может исчезнуть, как и случайно возникла.

(Жалко, Бога у тебя в голове нет.)

Если жизнь – событие преднамеренное, то должен существовать некто, кому нужно было это событие, кто вложил в это событие значение, смысл. Этого некто можно назвать по-разному: вселенский разум, бог или информационно-энергетическое поле, или как-то еще. Но главное – нет какого-либо точного доказательства его отсутствия или его существования.

Это, наверно, доказать невозможно. Но человечеству больше «нравится» жить со смыслом, превознося при этом степень своей значимости. Не жить же с постоянной мыслью, что в любой момент ты прекратишь свое полное существование и растворись навсегда в космосе. Вот и верят люди бездоказательно в вечный вселенский разум (в Бога).

Я лично считаю, что все в мире случайно, поэтому смысла жизни не может быть. И нет никакого смысла из-за этого в своей жизни ставить какую-то цель, которой посвящать всю свою жизнь. Просто нужно делать свое дело, которое умеешь, которому научился, ежедневно и из года в год, зарабатывая этим себе на хлеб. А всем остальным заниматься втихомолку ото всех, так сказать, для души. Я умею кое-что делать в электронике, но нашел работу, где могу использовать мизерную часть своего умения: я в этом не виноват, так жизнь распорядилась, другой работы рядом нет, и много других обстоятельств не позволяют выложить себя в работе на все 100 процентов умения. Да так, наверно, не может быть ни у кого, единичные случаи. Ты это назвал доступным делом. Но ведь доступным оно может быть от твоего умения, от твоего основного дела, как бы часть твоего дела.

Все кричат о рынке, но кто из нас, таких, как мы с тобой, умеет торговать. Торговать – это тоже дело.

(Я вспомнил, как был в Одессе, и жена дала Володе продавать свитер, приложила его к его груди, он отодвинулся с отвращением от этого свитера. Так мне его было жалко.)

А любое дело – есть наука прежде, а потом умение его делать. Поэтому зря ты себя тратишь на производстве. Тебе нужен хлеб насущный, так зарабатывай его своим делом – писать то, что дает хлеб. Сумеешь, если захочешь. Этот хлеб еще может чему-то тебя научить в своем деле, ведь он будет связан с твоим основным делом.

(То, что предлагал Володя, по его незнанию, конечно, было изменой себе и своей цели и своему предназначению. Потому что продать можно было только китч, чтиво, масс-культуру. Кстати, я и не умею этого делать, и так же отстраняюсь с отвращением от него, как Володя от свитера на продажу.)

Так и делай, что умеешь, чему научили 50 лет жизни. Каждый из нас должен уметь свое дело внедрять в обстоятельствах – этому нас коммунисты не хотели учить, а сейчас наступило именно такое время. Подметать мостовую пойдешь тогда, когда будет жрать нечего. А сейчас, пока есть какие-то копейки, ищи работу, где можно приложить свое дело в любом виде. А вот тогда будут не копейки, а рубли – капитал, вот тогда и делай, что хочешь, и Булавина, и Антонова и прочая. А с пустым карманом забудь о них и о всех остальных замыслах.

(Нет. Продав душу дьяволу, уже ничего путного не сможешь сделать.)

Вот так я хотел тогда сказать, когда писал тебе – делать каждый день свое дело, не имея никаких целей в жизни. Но пришлось в этом письме так долго объяснять, так как ты совсем не так понял.

Да, я считаю, что в мире все случайно, в мире, который возник из хаоса, в хаосе и живет, и никто не может сказать, чем все закончится, – в отношении нашей жизни на Земле.

Не случайно лет 10–15 назад возникла наука о хаосе – синергетика, которая позволяет по-новому взглянуть на мир космоса.

Жить сейчас тяжелее – это видят все – одни резко нищают, другие быстро делают себе капитал на наших неумениях жить в новых условиях. Но, по-моему, самое страшное именно сейчас для нас – это полная незащищенность от всего. Раньше я знал, что меня не так-то просто уволить, сейчас это ничего не стоит сделать любому начальнику.

Пиши о наблевшем, о мыслях своих, вместе легче обсудить что-то, понять что-то.

Будь здоров. Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

13.03.93

Здравствуй, Володя!

Работаю, где попало. Как в болоте. На одну кочку вскочешь, другую ищешь. Потому что земля уходит из-под ног. Работаю заместителем главного редактора журнала «Фантастика для всех». Фактически коммерческим директором. Продаю все. Хорошо, что ничего не получается, а то бы убили давно. Как мне сказал кавказец, работающий у нас: «Боря, если тебе даже дадут миллион, сколько шагов ты сможешь с ним сделать?» А бывший редактор из другого журнала, посмеялся надо мной: «Боря, если ты продашь вагон тушенки, ты уже не напишешь ни одного стихотворения». Кончилось тем, что хозяин журнала, умница, все бросил, и фирму, и рукописи, и долги, и удрал из Москвы к своему брату в Тюменский край. Мы остались без зарплаты и работы. Очередная кечка ушла в болото. Хорошо, успел соскочить на другую кочку-работу.

А как твои дела, Володя?

Посылаю мое стихотворение.

УЛИЦА ВОЛГА

*Улицей Волгой на палубе лет
Тихо плывет нескончаемый свет
Мамы моей.
Ветры волнующий выстлали путь,
Чайки причалов зовут отдохнуть –
Нет якорей.*

*Замерла юность с голодной удой,
С грезой о рыбке своей золотой –
Счастье нужды.
Сына затягивал омут не раз,
Но материнский всевидящий глаз
Спас от беды.*

Борис - Володе

24.06.93

Здравствуй, Володя!

Я набрался смелости, и второй раз послал бандероль А.С. Солженицыну, через знакомых. Вот с такой просьбой.

«Писателю Солженицыну А.И.

Уважаемый Александр Исаевич!

По наивности пробовал послать Вам свою драму в стихах «Иван Болотников». И был удивлен, что издательство «Советский писатель», после десяти лет ожиданий, в спешном порядке решило вставить в план выпуска мою книгу, вместо уехавшего на Запад другого интересного поэта. Но многое сократили, до планового объема. Однако текущие события помешали изданию, и набор рассыпали – книга не коммерческая.

А тем временем я закончил вторую драму «Александр Антонов». Если можно как-то судить о ней по финальному фрагменту, и она вызовет Ваше участие, не могли бы Вы помочь в издании моей дилогии под общим названием, составленной из исторических хроник «Иван Болотников» и «Александр Антонов», объемом 15 а. л.? Фрагменты их печатались в донском журнале.

С искренним уважением к Вам и Вашим книгам, Борис Карин».

Вот так-то, Володя. Приложил адрес и телефон и послал. Солженицын не откликнулся, а может, и не получил мою бандероль.

Опять после вольных хлебов вернулся в журнал «Молодость». Второй раз вошел в реку. Зв давностью лет даже предательства можно простить. Удивляюсь, почему до сих пор не прощены Сальери и Иуда? Журнал еле дышит, почти не платит. Придется искать подработку.

Пиши. Обнимаю, Борис.

Борис – Володе

15.09.94

Здравствуй, Володя!

Мне оказал большую творческую поддержку писатель Валентин Берестов. Написал вступление к моей подборке стихов в центральной газете. Замечательный человек. Вечно улыбается. Меня познакомил с ним один мой знакомый, с которым я ездил в ГДР. Не помню, писал ли я тебе о первой попытке помочь мне в моем творчестве.

Этот знакомый редактор пришел как-то на встречу со мной в ресторан Центрального дома журналистов. Сидим, рассказываем, шутим. Четвертый человек подсел за наш столик на четверых. Слушает с улыбкой наши шутки. Вдруг я сорвался и сказал фразу из модного в то время анекдота про Фиделя Кастро: «Надо, Федь, надо!» Наш сосед сразу выдал себя: «Что это вы имеете в виду?» Я прикусил захмелевший язык. А два моих собеседника смеются и что-то говорят «подсадной утке», показывают удостоверение. Думаю: «Хорошо, что они тоже из органов». Сосед сплюнул и ушел. Оказалось, что со мной сидел критик Федь.

А потом этот добрый еврей познакомил меня с Валентином Берестовым. Мы даже недалеко жили друг от друга. Но «Литературная газета» выбрала такие кондовые советские стихи для моей подборки с предисловием Валентина Берестова ко дню совещания молодых писателей в Софрино, что поэт стал меня избегать. Он меня простил, но дружба прервалась. Поэтому мне пришлось свои книги посылать ему по почте.

Посылаю тебе письмо, которое я ему направил.

«Здравствуйте, Валентин Дмитриевич!

Не забыл Вашу доброту, и, не докучая приходом, посылаю Вам свои 3 книжки. Помните, Вам понравилась моя строфа, где была строчка: «Вздохну глубоко – буря налетит»? Вся неровность и противоречивость отозвались к нынешнему моменту в этих книжках. Не бог весть что, но, при работе на моем пределе. Последняя картина пьесы – даже выше моих возможностей – от отчаяния. Будет желание позвонить – буду рад услышать Ваш молодой голос по телефону. Все учусь у Вас улыбаться счастьем жизни, но этот подвиг не всем под силу. Благодарный Вам, Борис Карин».

Володя – Борису

28.09.94

Здравствуй, Боря!!

Сегодня получил твое второе письмо с новым адресом. Шел домой, только подумал, может, не ждать от тебя нового адреса, а в почтовом ящике письмо твое, и решил сразу написать.

Интересная у тебя жизнь. Это хорошо.

Рад, что у тебя относительно все в порядке – жизнь подошла к моменту, когда пора посмотреть назад, на ту короткую дорогу, которую прошел от рождения, чему научился и что сделал за это время. И сразу простой вопрос, на который никто, и даже бог не ответит. Зачем родился, зачем живешь? Ведь только начнешь чуть-чуть понимать эту чертову жизнь – и она говорит тебе: хватит тебе жить, дай место другому пожить.

Не надо говорить, что все в беде вспоминают о боге. Я никогда, ни в какой беде не вспомню бога, так как его просто нет и быть не может. Слишком медленно сознание людей перестает верить в бога. И еще очень много времени нужно, чтобы перестали верить – это произойдет только естественно, также медленно, как очень медленно развивается человечество в духовном плане. Борцов против Бога почти не было раньше, а сейчас, хочешь верь, хочешь нет, – выбирай сам. А это еще больше тормозит отказ от веры – ведь проповедников развелось слишком много. А люди в основной своей массе невежественные, читали книги в школе, а потом почти никто не читает серьезных книг. Это говорит о том, что большинство не умеет, а скорее не хотят мыслить – соблазны жизни интереснее. Чем больше человек приобретает знаний, тем менее его предрасположенность к вере в бога. И наступает момент, когда он вообще перестает верить в эту ерунду, так как верить в бога, значит растоптать разум – это сказал автор книги «Иллюзии бессмертия». У него есть глава в книге о том, что дает отказ от веры человечеству? Напрашиваются очень простые ответы – исчезнут религиозные войны, освободится очень много времени у каждого человека, громадная армия слуг господ начнет делать полезные дела для всех, а сколько денег и средств освободится для блага всех. Люди постепенно начнут мыслить совсем другими категориями. Люди, зная, что жизнь одна и очень коротка, будут стараться больше сделать в этой жизни, так как другой нет и не будет. Цивилизация начнет развиваться еще быстрее. И люди давно бы нашли способ продлить жизнь в два–пять–десять раз. Ведь было у атлантов какое-то лекарство, продлевающее жизнь до 800 лет. И никакого бога у них не было.

Ты, Боря, такой же слепой раб веры в бога, как и большинство, еще и меня хочешь в этом убедить. Посмотри на людей. Оглянись вокруг, чем живут люди – только одним днем, и каждый хочет побольше всяких благ.

Есть много простых истин, которые отрицают бога. Почему разные народы верят в разных богов? Самая древняя ведическая философия признает только бога Кришну. Буддизм, ислам, христианство – так кто же из них прав? Только один – его величество случай. Жизнь возникла случайно и все в мире случайно, большинство событий происходит по воле случая. Вселенная возникла случайно из вакуума, которого, как мы его всегда понимали, не существует. Вакуума нет, это не пустота – одно из последних открытий науки. Шопенгауэр – ты что-нибудь помнишь, что было с тобой до рождения, так вот и после смерти будет то же самое, так зачем нам загробная жизнь, о которой мы ничего не знаем. И ведь умерший человек уходит от всех живущих навсегда. И зачем какие-то мысли о неизвестной жизни, самостоятельное существование которой не должно нас волновать. Мы живем в своем мире, и нет нам дела до другого, то есть до мира, где есть бог. Это очередной бред проповедника. Мир един и только тот, в котором мы есть.

(Лучше бы уж он ничего не знал, чем отрывки из чужих знаний и заблуждений, которые он не может сложить, как кубики – ребенок. И при этом доволен собой.)

Что такое философия – это наука о мире в целом. И возникла она, наверно, с тех пор, как появился человек разумный, – люди с тех пор думают, зачем они есть и каково их назначение. Вот и появились разные боги.

Я не озлобился и не отчаялся. Жестокость жизни, злобный мир вокруг и жизнь, построенная на несправедливости, привели к тому, что исчезли всякие желания, кроме одного – уснуть и не проснуться никогда.

*(«Я б хотел забыться и заснуть!
Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы...»*

Лермонтов был на той грани, но не крайности – как Володя.)

Нет желания жить в этом жестоком и ненасытном обществе себе подобных. Эта жизнь диктует только одно – не сдохни, а для этого вкалывай, чтобы наполнить желудок, на все остальное времени тебе нет, не дают и не дадут, пока не станешь преступником. Как бродячая собака, рыскаешь по окрестностям в поисках пищи.

Все лето не работал, не было работы на заводе, поэтому все лето строил дом. Я 3 сентября накрыл крышу, сейчас делаю забор – ворота, калитку. А еще все делать внутри дома: потолки, штукатурка, полы, много-много всякой работы для этого дома, чтобы хоть на старости пожить в нем и сдохнуть. Стройка – это единственное, что меня сейчас волнует. Зоя на пенсии (8 долларов) и все время спекулирует, чтобы были какие-то деньги на пищу и на

стройку. Сейчас спекуляция – единственное, что спасает людей от голода. Нам помогает очень огород, на котором все заботы Зоиных рук, которая очень большая труженица.

Здоровье пока у обоих сносное, хотя стала беспокоить быстрая усталость и болезнь суставов и мышц. У меня постоянно болит поясница, стараюсь физически не перегружать себя. Был худой, похудел еще более – брюки приходится носить с ремнем.

Уже пятнадцать лет живем с Зоей без единой ссоры – союз оказался удачным.

Из Сибири перестали писать совсем и все. Сестры почти не пишут. Ольга с мужем живут под Ленинградом с матерью. Двоюродный брат, из-за которого я оказался в Одессе, вот уже 15 лет знать меня не хочет – он живет на другом конце Одессы. Я перед ним никакой вины не имею, да и вообще, я никому в своей жизни не сделал ничего подлого – это не в моем характере, я просто не смогу сделать это.

Очень большой привет твоей маме и доброго ей здоровья.

Пейте вместе с ней почаще хороший правильно заваренный чай, в день не меньше 0,5 литра (3 чайных ложки сухого), так как чай – это здоровое лекарство от многих бед нашего организма.

Пиши чаще (то есть быстрее ответь).

Обнимаю, Володя.

Борис – Володе

21.10.94

Здравствуй, Володя!

Мой друг познакомил меня с поэтом Анатолием Жигулиным. Мы с ним были у него в Переделкино, обменялись своими книгами. Я опубликовал в нашем журнале подборку замечательных стихов Жигулина. Свела нас судьба Владимира Фалина, брата моего друга, который вместе с Жигулиным «упирался в одну вагонетку, выталкивая ее из черного забоя в мрачном квершлагге», как написал он Жигулину в письме. Володю в 1949 году арестовали в Ленинграде прямо в институте за связь с астраханской организацией «Свободная мысль», таких же юных ребят. В лагере он выпил ковш холодной воды на морозе, чтобы простыть и попасть в больницу. Так он выжил, вернулся домой в 1953 году, но рано умер. Жигулин в своей книге написал о нем. А мой друг собрал стихи брата и издал поэтический сборник опального поэта. Единственное, в чем я мог поучаствовать, это отстоял стихотворение брата для публикации в газете. Самое удачное из подборки. Чего стоит начальная строчка: «Среди собак я волк»!

А ты скулишь, что тебе жить плохо, в собственном доме на берегу Черного моря.

Пиши почаще. Борис

Володя – Борису

20.01.95

Здравствуй, Боря!

Получил твою бандероль пару дней назад – большое спасибо за книги с автографами. Я – безработный, хотя с завода не уволили, но и работать не дают. Сижу без дела один дома, Сергей работает в торговой будке («батискафы», как здесь их прозвали, растут, как грибы), получает гроши. Зоя каждый день ходит на базар продавать вещи, купленные в Польше. С 8.00 до 15.00 стоит на морозе до – 10 градусов, и редкий день что-то продаст. За место, чтобы торговать, нужно платить каждый день мордovorотам. Если не заплатишь, заберут товар, и никто не заступится – беспредел. Я пытался заниматься ремонтом, но ничего не получилось, вот и сижу на иждивении жены. Жизнь здесь в 10 – 20 раз хуже, чем в России – это отмечают все, побывавшие у вас. Хотя и у вас не сладко, но все же что-то движется. У нас никаких сдвигов, кроме разгула преступности. В темное время очень опасно ходить. Сейчас на первом месте всякие торговцы и дельцы, а люди труда, как были на последнем – видно, всегда так и будут. Это не беда – это хуже, и будет еще хуже. Теперь от рождения будут имущие и неимущие – это как рок, одним быть только наверху, а другим только внизу. Сколько еще тысячелетий нужно человеку, чтобы иметь это, если 5000 лет не хватило реализовать то, что дала природа – разум. Вечная борьба добра со злом – ей нет конца, и всегда побеждает зло.

Есть только одно желание: как-то доработать до пенсии, достроить свой дом, поселиться в нем с женой и копать в огороде, ничего не замечая, что творится вокруг. У меня есть книга Джеймс Фрэйзер «Фольклор в Ветхом завете» (автор «Золотой ветви») – в ней описывается (с первобытных времен), откуда возникли мифы, описанные в Библии, что наносит удар о богоданности библии, «Книги книг», написанной евреями через 150 лет после смерти Иисуса Христа. Я признаю религию, как философию, но не как веру в идола, верить можно только в разум человека, а не в догму.

Ты пишешь, не пыли, не паникуй, а работай. Я пишу тебе так, что ты принимаешь, будто я паникую. Но я делаю это специально, чтобы встряхнуть тебя, твои мозги, и заставить тебя хоть немного мыслить о бытии нашей жизни, стараться понять, что происходит с человеческим разумом и выразить все это на бумаге. Ты очень, очень мало работаешь в этой области, которую избрал для себя – ты используешь свой мозг только на 0,5 %, а в среднем все используют всего на 2 – 3 %. Ты ленив, чтобы заставить работать свои мозговые клетки – за двадцать лет написать всего две книги (!?). Тебе в твоей

работе никто не может помахать, а моя работа (ее наличие) зависит от очень многих: и хотел бы работать, да не могу, из-за отсутствия таковой.

(Тоже лодырь царя небесного!)

Я уже писал тебе в прошлом году два письма по новому адресу, но ты не пишешь, что получил их. Последнее письмо было с поздравлением с Новым годом.

Очень рад за тебя, что увидел Францию своими глазами, но впечатлений что-то у тебя маловато. Уравниловка – мы уже знаем, что это такое, контраст должен быть всегда, но справедливый.

Извини за такое, может быть, резкое письмо!

Я тоже призываю тебя работать, но в десять раз продуктивнее, 53 года – не так уж много, и еще остается много времени для многих дел. Главное, не лениться.

Будь здоров! Наилучшие пожелания тебе и твоей семье.

Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Квартиру я обменял. Так что у мамы будет теперь своя комната, ради чего я забрался в татарскую диаспору в Перово. Тут рядом - Новогиреево, по имени татарского хана Гирея, осаждавшего когда-то Москву. Кстати, здесь жил и князь Разумовский, о котором я собирался писать роман и собрал много материалов. Этот казак решил взять Москву не силой, как Болотников, а любовью к будущей императрице Елизавете. И преуспел. И взял, но пока любовь не кончилась.

Не помню, кажется, я тебе писал, что на сообщение моего отца о его сыновьях, я резко сказал, что «его сыновья меня не интересуют».

Но сводный брат Сергей пытался со мной подружиться. Посылаю тебе его письмо. Что ты об этом думаешь? Ты мне - письмо Сергея, и я тебе – письмо Сергея.

Обнимаю. Борис

ПИСЬМО СЕРЕЯ КАРИНА

Сергей Карин - Борису

13.11.94

Боря, дорогой, здравствуй!

Поздравляю с обменом квартиры, это величайший шаг. Тебя так же с новой работой, не пойму, как ты ее совмещаешь с творчеством. И с рецензией тебя поздравляю (думаю, что неплохая), и с дачным домиком.

(Домик дачный я так и не купил, а жаль. Но деньги пригодились на операцию. Бог знает, что дает.)

В общем, я за тебя рад.

Мы хотим купить недорогую дачу, плодоносящую, в таком районе, куда бы можно было добраться одним транспортом, без пересадок. На нашей даче все воруют. Недавно купил плиты ДСП и прибил их на стены сарая. Так их отодрали. Надежда в основном на кредит, который обещает директор со следующей суммы, которую нам пришлют. Мне, как проработавшему более десяти лет, должны дать 1 миллион. Сегодня ездил смотреть одну дачу (7 лет, с полувагончиком, 17 деревьев, кустарник, 5 соток – за два миллиона), но туда тоже трудно добираться.

Сажали всем институтом за городом картошку, у меня было 2,5 сотки, с которых мы сняли 4 мешка, а рядом у директора выкопал кто-то. Выходные в основном заняты с внучкой, она очень забавная сейчас. Открыл свой сезон драмтеатр. Но мы с Леной не смогли пойти (хотя были билеты), так как перед этим ночь не спали – не пришел ночевать сын. Оказалось, его хорошо избили, пытались раздеть, и он еле дошел ночевать к сестре. Я уже писал, что он учится в университете. Вроде, старается, но чувствую, что придется нанимать репетиторов, по математике точно. По-прежнему любит гитару.

Я месяц назад вступил в американскую компанию «Гербалайф» и являюсь ее агентом по распространению одноименной продукции.

У нас он стит 150 долларов, а у вас? Пока дело идет туго.

Закончил работу над брошюрой, ищу спонсоров, редактируем мелочи
Объем 130 страниц.

Прошу тебя, Боря, при случае узнать, сколько стоит метандростенолон (для качков), а также координаты «Торгового дома Гермес». Я туда вложил ваучеры, но потерял их из виду.

(Гермес! Они всех надули, и меня тоже, и смылись за рубеж.)

Брат Женя приедет из рейса в декабре, писем не было. Его старшая дочь вышла замуж за работника казино, но я его даже не видел.

С работой справляюсь не хуже предшественников, у которых многое было запущено. Водители хамят, а их 10 человек, принимаю меры. Не прекращаются кражи. 11 декабря будут повторные выборы в городское представительное собрание. Я председатель комиссии по финансам. Будет туго – будем продавать часть флота.

(В отца пошел, управляющего банком.)

Пытаемся кое-что занять от лимита выделенной нам работы. Но больно много на пути препонов. Ну, вот вкратце и все. Большой привет сыну. Привет от Лены и Андрея. Сергей.

ВОЛОДЯ – БОРИС

Володя – Борису

20.06.95

Здравствуй, дорогой Боря!

Вырвался из Фонтанки, где строю дом. Я сейчас там безвыездно, так как уже давно завод не работает. Не выгоняют, но и работать не дают – живи, как хочешь. Вот я и на стройке, штукатурю стены – это на все лето.

А от тебя писем нет. Я написал тебе по новому адресу 3–4 письма, но подтверждения не было. Одно из двух: или они не доходят, но тогда ты беспокоился бы, почему я молчу, или ты на меня крупно обиделся. Мы с тобой очень старые друзья, и обидчивость неуместна. Я никогда и ни в чем не хочу тебя обидеть. Ты прислал мне свои две книги, на которые потратил двадцать лет – но, дорогой Боря, это очень и очень непродуктивно. Я понимаю, можно всю жизнь писать только одну книгу, но эта книга должна быть очень большой – мне тебя просто жаль. Мне тебя жаль – повседневная жизнь мешает основному в жизни, да еще, наверное, всякие болезни, недомогания, и просто редко приходят творческие дни. Где брать творческие силы? Для этого нужно огромное желание и упорство. Я уже давно не покупаю никаких книг. Но эту книгу, цена которой оказалась равна всей пенсии жены, я купил. И сейчас с большим и все неослабевающим интересом читаю ее в редкие минуты отдыха. Эта книга о человеке, о каждом из нас, о нашем здоровье, образе жизни. И как стать здоровым на 100 процентов без лекарств. Лечится даже рак в любой стадии. Эта книга об устройстве нашего организма, как саморегулирующейся и самовосстанавливающейся системы. Очень просто и понятно написана, читается очень легко, хотя и много всяких терминов – эта книга полностью отрицает всю современную медицину. Автор сам испытал все, что написано, поборол неминуемую смерть. Это уникальная книга, ее должен прочитать каждый, и тогда поймет, что каждый из нас всю жизнь, от самого рождения, пытается уничтожить самого себя, пока, в конце концов, не уничтожит. Это доказано в книге очень убедительно, на 100 %. И сейчас хочет написать за короткое время кучу новых книг. Это система оздоровления, которую он применил, дала ему большой творческий экстаз. Слишком много пишут об оздоровлении всякие авторы. Этот смог все впитать в себя и создал уникальную систему оздоровления и лечения. Нужно лечить причину, а не следствие, как делает современная медицина. Ты

должен купить эту книгу, хотя бы ради мамы, чтобы она прожила за 100 лет. А сам очень внимательно прочитай теоретическую часть, потом примеры, если заинтересуешься, – тогда читай практику. Издатель АО «Комплект» 1994–1995гг. С–Петербург, в серии «Целительные силы», автор Г.П. Малахов, четыре тома. Нужно купить все четыре:

1 т. Очищение организма и питание.

2 т. Биосинтез и биоэнергетика.

3 т. Биоритмология и уринотерапия.

4 т. Создание собственной системы оздоровления и лечения болезней.

Не пожалей последних денег и купи. Не пожалеешь, так как откроешь глаза на многое. Большой привет Капиталине Алексеевне.

Обнимаю, Володя.

Борис – Володе

1995 год

Здравствуй, дорогой Володя!

Когда я работал в мелких коммерческих предприятиях, то убедился, что подчиненные воруют у хозяина. А хозяин дерет семь шкур с подчиненных, почище, чем нам говорили при советской власти про капиталистов. Самое интересное – больше соков хозяин выжимает из знакомых и друзей. Я ныл-ныл от такого обращения, а знакомый делец мне говорит: «Что ты ноешь? Не нравится работать на хозяина – сам открой фирму и работай на себя». Я открыл издательское агентство, стал директором. А на зарплату бухгалтера даже нет средств. Одни налоги, и нулевые отчеты.

Друг нашел мне заказчика. Летчик, сбросивший одну из атомных бомб на Японию, раскаялся и создал по миру реабилитационные центры для инвалидов, изувеченных войной. О таком центре в Москве я сделал буклет. Жена Ельцина сфотографирована с инвалидами горячих точек в этом буклете, она оказала им спонсорскую поддержку.

Расплатился с долгами, сам получил один раз небольшую зарплату. И закрыл фирму к чертовой матери. Надо воровать, обманывать заказчиков и налоговую инспекцию. А меня совесть мучает. Даже не страх. Я хочу спать спокойно. Закрывающих фирму дураков мало, я был 157 из сотен тысяч открытых или брошенных. Но я сделал все по-честному и истратил на закрытие фирмы больше, чем заработал.

Вернулся к перу и бумаге. Береги и ты себя.

Борис.

Володя – Борису

Декабрь 1995

Дорогой Боря!

Поздравляю тебя с Новым годом – 1995!

Всего тебе хорошего в твоей жизни. И не лезь больше в предприниматели, пока цел.

У нас ничего хорошего. Ответ на мое последнее письмо ты не писал. Не забывай очень старых друзей – жизнь так коротка, так мало осталось. Высылаю тебе фото моего дома, где приложены мои руки и голова. Здесь на фото нет забора (спереди), который я сделал после (в октябре).

Пенсию жене повысили в два раза – стала 890 т. крб. (1 рубль=40 карбованцев), а цены возросли в 5 – 15 раз. Живи, как хочешь, но работать нельзя, можно только торговать и воровать, такие условия жизни. Я не работаю, хотя с завода не выгнали – будь прокляты все, кто сделал такую жизнь! Мне бы только дотянуть до пенсии, да достроить дом. Будущего нет в этой проклятой стране (СССР) ни для кого, кто хочет жить честно.

Пиши, твой старый товарищ.

PS. Большой привет твоей маме.

Борис – Володе

1996 год

(Не отправлено)

...На мосту у Белорусского вокзала я услышал вдруг внутреннее пение: «О тебе же все упование мое...»

Решил найти эту молитву. Узнал, у Леночки Бараева, что писатель Володя Богатырев имеет молитвенник. А Богатырев мне давал в свое время рекомендацию в Профком литераторов. Принес он мне молитвенник. В нем я нашел молитву святого Макария «К тебе, Владыко человеколюбче...», где были и слова моей главной просьбы «О тебе же, все упование мое...». Я перепечатал некоторые утренние и вечерние молитвы, зная, какие иконы у меня есть и какие мне бы хотелось приобрести. Перепечатал также молитвы об усопших, о болящих, о главных православных праздниках. Сложил их в папку. И стал читать по утрам и на ночь, пока не выучил их наизусть. Первое время с бумагами перед иконами стоял. Если что-то забывал, опять открывал папку, и читал по напечатанному.

Спасибо Володе Богатыреву. Он пишет духовные стихи. Позже он напечатал в православных антологиях несколько моих стихов на библейские сюжеты.

Богатырев, видимо, сказал о моей просьбе почитать молитвенник, начинающему писателю Брежневу. Тот за публикацию своей книги, в знак благодарности, принес мне бутылку водки, я вернул ему по почте деньги. Тогда он принес молитвенник – это не отказался взять. А потом он дал пропуск в Елоховскую церковь на Пасху – я отдал пропуск–приглашение сыну Андрею. Он ходил со своей мамой Лилей на ночную службу.

С молитвенником происшествие не случайно.

Помню еще такой необычный случай. Как будто кто водил меня по электричкам, когда я поехал к своей тете Наде до станции Отдых. Не посмотрев расписание, я вынужденно трижды пересеживался с поезда на поезд, туда и обратно, потому что они проскакивали мою станцию без остановки. И вдруг увидел под ногами на полу электрички крест с цепочкой.

Рассказал товарищу, а он заметил: нельзя брать чужой крест. Куда деть его? Не выбросишь. И я спрятал крест с цепочкой в пол у трубы в редакции журнала. А вскоре попал в больницу. И вскоре увидел сон. В комнате, при иконах, шкатулка с зубами хотела меня схватить. Я – в ужасе. Перед операцией дал себе завет: останусь жить – отнесу крест в церковь. Вернулся из больницы, достал из пола у трубы крест и отнес на Большую Ордынку, и повесил на церковную ограду.

Был еще с другим крестом необычный случай. Моя тетьа Надя продавала золотой крестик и образ Божией Матери. Мне достался образок, моей крестной, бабе Шуре, – крестик. Потом крестная отдала мне этот крестик. Стали сниться кошмары. Я решил избавиться от крестика – так как чужой крест не носят. Жена Таня взялась мне помочь, продать мой золотой крестик в магазине на Олимпийском проспекте. Страху натерпелась, как будто за ней гнались.

А потом вообще было чудо. Когда я был в Иерусалиме, в святых местах, купил золотой крестик. А в это время в России мать видела сон: моя крестная, умершая, с двумя женщинами пришла в комнату, где она ночевала, на квартире в Красногорске. Мама была в шоке от этого сна. Боялась за меня.

Как-то я надел золотой крестик из Иерусалима и купленный раньше у Нади образок Иверской Божьей матери на золотой цепочке на шею. В это время мы с Таней стояли на платформе Красногорская. А потом выяснилось, что я потерял все: и цепочку, и крестик с образком. Говорят, тонкая цепочка не выдержала большого веса золота, порвалась и упала с шеи. Я посчитал это наказанием мне за мои грехи. Искали по всей даче и на дороге к ней, но не нашли.

Однажды Таня была на даче одна, был дождик. Она шила занавески. Вдруг поднялась, вышла в сад, подошла к грядке и... нашла мой крестик. Я не поверил ей, думал, что она отдала свой крестик, который я купил ей тогда

в Иерусалиме в подарок. Но она показала мне и свой крестик. Я написал стихотворение – ко мне вернулся крест – как прощение.

Новый образок Божьей Матери я купил в Ватикане, когда был в Италии. Переживал, что купил у католиков, есть ли разница у католического и православного образов Божьей Матери. Спрашивал у приятеля Гольшева, который учился на священника, а сейчас выкладывает мозаикой иконы в храме. Но ответа пока не нашел.

Боюсь носить – чтобы не потерять. Нужна крепкая цепочка, чтобы выдержала вес крестика и образка.

Гольшев – мой духовный консультант. Он мне подарил оклад для иконы Николая угодника. Помог высветлить икону Божьей Матери. Он пел когда-то в церковном хоре, пластинки с песнопениями мне покупал.

А с иконой было дело так. Икона Казанской Божьей Матери сильно почернела от старости, и ее не видно было в стареньком киоте. Я вынул ее, и не знал, куда деть киот. Зарыл во дворе у забора. И потом считал, что этим согрешил. Сказал кто-то (в телепередаче о Екатерине II): императрица считала, надо в этом случае пустить киот по воде. И вот я попросил Гольшева – почистить, осветлить икону Божьей Матери. Он за небольшую плату почистил, как мог, икону, но лак плохо высох. И на щеке от покрытой бумаги остался след – словно шрам (как у Иверской Божьей Матери, образок которой я потерял).

Из молитв, которые я читал, мне не хватало иконы Троицы. Тогда я купил икону Троицы. Купил икону Бориса (моего ангела–хранителя) и Глеба.

Ты, Володя, в каждом из последних писем выступал против веры. И я не знаю, как тебя, безумного, вразумить. Поэтому и решил рассказать о своих духовных размышлениях. Я вижу в них связь с нашими поисками отца. Ведь бог – наш отец небесный. Ищем отца земного, а от отца небесного отходим?

Всего хорошего. Пиши. Не обижайся.

Борис.

ВОЛОДЯ – БОРИС

Борис – Володе

1996 год

Здравствуй, Володя!

Хочу тебе рассказать об одной из интересных тем, с которыми мне посчастливилось работать для журнала «Молодость». Недавно встречался с

полуслепым интересным человеком. Это Аполлос Иванов, автор книги «Тайна Храма Христа Спасителя», недавно изданной в Москве. Я еще подрабатываю на полставки в издательстве «Современник». И эту интересную книгу издательство могло бы переиздать. Вот мы и сидели вместе с полуслепым Аполлосом Феодосьевичем, сочиняли письмо меру Москвы с просьбой переиздать эту книгу к празднованию юбилея Москвы. В этой книге отмечены никому не известные данные об условном месте в Кремле, о таинственном замурованном входе в подземный тоннель, в котором дьяк Василий Макарьев обнаружил в 1682 году тайник с легендарной «либереей» Ивана Грозного. Отрывки из книги печатались у нас и за рубежом. Гонорар за один из очерков, опубликованный в 1989 году в «Литературной России», был перечислен в Фонд воссоздания Храма Христа. Это – первое пожертвование в этот фонд, да ко всему еще – от человека, который в 30-е годы, по заданию свыше, определял кубатуру этого храма при подготовке к его взрыву. Тогда-то Аполлос Иванов и наткнулся на потайной ход, насчитал 34 ступеньки вниз и очутился в подземном тоннеле, ведущем к Кремлю. Таких подземных ходов под Кремлем много. В одном из них давно надеются найти мифическую библиотеку Ивана Грозного. В нынешнее время создан даже штаб по поиску этой библиотеки, в который входит и Аполлос Иванов. Почему ищут? Потому что есть сведения, что Иван Грозный в свое время пригласил ученого Ветермана из Дерпта, тот спускался в подземелье, составил даже каталог этих книг, но боясь, что его убьют, бежал из России. А метростроевцы при проходке тоннеля под проспектом Маркса в 1979 году наткнулись под землей на подземный тоннель с арсеналом старинного оружия времен Ивана Грозного. Не знаю, поможет ли наше письмо. Но Иванов рассказал, что Мэр Лужков приходил даже к нему домой, расспрашивал подробности о его работе над этой книгой.

Да, Володя, много нераскрытых тайн рядом с нами. Удивительных.
Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

17.02.97

Здравствуй, Борис!

Ты не пишешь!

Наверно, эта новая жизнь прибавила тебе, как и многим, немало хлопот, что нет времени написать старому товарищу. Уж извини, что этим письмом, я, наверно, прибавлю еще тебе лишних усилий по тому делу, о котором мы много с тобой писали.

У меня к тебе просьба, которую выполнять необязательно, но желательно.

После смерти моей матери, ее сестра, моя тетя Надя рассказала мне, что она читала последнее письмо от Африка Сливкина, моего отца – это

было летом 1942 года. А в конце июня Африк пропал без вести, попав в окружение со своей дивизией. Моя мать это письмо не читала, так как ее не было дома. Она с моим дедом, ее отцом, была в плавании по реке Обь. А когда появилась осенью 1942 года из плавания (она работала у отца), письмо потеряли, и матери о нем ничего не сказали. А прочитать его смогла только моя тетка, другие, кто был рядом в это время, просто не умели читать. Тетка запомнила только одно, что было в письме: Африк писал, что вышел из окружения один из той группы, с кем шел. Взорвалась машина, на которой они ехали, и только он остался жив один. Еще он написал, что и здесь его преследует прошлое отца (деда раскулачивали, так как он имел водяную мельницу) – вот все, что могла вспомнить тетка из этого письма. Так как письмо пропало, потерялось, она побоялась в то время сказать о нем моей матери. А мать, находясь в трудном материальном положении (мне было всего три года), осенью 1942 года вышла замуж за Рябова, и они сразу же уехали в Барнаул.

Значит, Африкан все же смог выйти из окружения, но, видно, попал в руки НКВД и там его следы теряются. Желательно обратиться в архив КГБ, может, там найдется его имя, или что-то о дальнейшей судьбе. Архивы в Москве. Теперь ты уже понял о моей просьбе – обратиться в архив и сделать запрос. Я не в состоянии приехать в Москву. Нет денег. Это, наверно, будет последним шагом, чтобы узнать что-то об отце.

У меня все без изменений, а эту новую жизнь я ненавижу и не приемлю, только преступный мир может ее приветствовать – для них созданы все условия. А нас делают все больше и больше рабами.

Большой привет Капитолине Алексеевне!

Пиши. Обнимаю, Вова.

ДОКУМЕНТЫ СУДЬБЫ

В АДМИНИСТРАЦИЮ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По письму Рябова В.В., г. Одесса

4 апреля 1997 г.

Исх. А–08

Просим оказать содействие обратившемуся к нам Рябову В.В. в розыске его отца Сливкина Африкана Васильевича, участника ВОВ.

Сливкин Африкан Васильевич родился 14 февраля 1913 года, в г. Колывань Новосибирской обл., отец Сливкин Василий Фомич, мать Сливкина Александра Алексеевна. Последнее место работы Красноярский машиностроительный завод, конструктор 1 разряда, уволен по уходу в РКК 24 июня 1941 г. Призван в армию в июле 1941 г. Кировским райвоенкоматом г. Красноярска. Однако Красноярский краевой военный комиссариат в письме № 4/632 от 27 октября 1977 г. сообщил, что

«гражданин Сливкин Африкан Васильевич, 1913 года рождения, по спискам призванных, погибших и пропавших без вести в военкоматах города Красноярска за период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. не числится... подполковник Сипкин». Жена и родные писали Сливкину А.В. по адресу: Действующая Красная Армия, Полевая почтовая станция 493 п/я 12. Знали, что служил он в 119-й, потом 17-й гвардейской дивизии, Красноярской; при штабе, после переписки родных с однополчанами, уточнили, что служил в штабной батарее в топовычислительном взводе. Возможно, был разведчиком–артиллеристом в составе разведчиков полка, во втором дивизионе.

В июле 1942 года дивизия попала вместе с другими соединениями в окружение, многим удалось выбраться из вражеского кольца, но были и пленные, часть людей попала в партизаны. Некоторые вышли к своим через два–три месяца. Части и штаб дивизии, по сообщению следопытов–школьников г. Красноярска, в феврале–июле 1942 года находились в районе г. Белого Смоленской области (восточнее, северо- и юго-восточнее). Штаб располагался в деревне Егорьево. Во время кровопролитных боев с неприятелем (июнь–июль 1942 года) штаб перемещался несколько раз. Во время окружения находился в 1 – 1,5 километрах от деревни Солидолово. После окружения (июль) дивизия вышла в район Петришина лба.

Сестре Африкана Васильевича – Сливкиной Августе Васильевна на адрес: Красноярский край, Карамузенский район, село Качулька – пришла Почтовая карточка – полевая почта 49 от 22.08.42 (просмотрена цензурой В III (12). Адрес отправителя: п.п.с. 493 бат. Н.А.Д. от Мордвинкина Иосифа, в которой сообщалось: «...Ваш брат Сливкин Африкан служил вместе со мной, но в настоящее время прошло уже 45 дней как о нем ничего не известно... Он был моим близким товарищем по фронтовой жизни...»

Бельский районный военный комиссариат Калининской области (г. Белый) в письме от 20.02.87 года № 63 сообщил, что «Сливкин Африкан Васильевич в списках погибших и захороненных на территории Бельского района не значится... майор Рябцев».

На запрос Аркадия Васильевича Сливкина пришло извещение: «Ваш брат солдат Сливкин Африкан Васильевич пропал без вести в августе 1941 года. 05.08.47 – № 1/978 года, Заельцовский военкомат, г. Новосибирск».

О молчании воевавших братьев Аркадий Васильевич с тревогой писал родным 07.01.42 года: «...от Льва, Африка, Серафима нет никаких известий. Про Африка есть версия, что будто бы попал в окружение или, возможно, в плен».

Жена Сливкина Африкана Васильевича – Никитина Любовь Михайловна вышла замуж за Рябова Валентина Яковлевича, и сына от Африкана Васильевича Сливкина записала на фамилию нового мужа, запретив большой семье Сливкиных объявлять о себе ее сыну. Поэтому Рябов Владимир Валентинович до взрослых лет не знал, кто его настоящий отец. А случайно раскрыв семейную тайну, стал искать отца и его родню, обратился в архивы и в редакцию, к однополчанам и сослуживцам своего отца. Мать была против его поисков, но, наконец, сказала сыну, что Сливкин вышел из окружения, и вновь пошел в разведку, больше от него писем не было, и она ходила в военкомат, сделала запрос, пришел ответ, что Сливкин А.В. ушел на задание и не вернулся. Все письма от Африкана Васильевича жене, а писал он каждую неделю, пропали.

(В черновом варианте этого письма написано «Рябов В.В. добился признания матери, которая в частности сказала: «Африк вышел из окружения, он ехал на машине, в которую попал снаряд, – все погибли, он остался жив и был на волосок от смерти. В другом письме он писал, что уходит в разведку – это было уже через несколько дней после выхода из окружения. Последнее письмо, которое было от Сливкина А.В., мать не получила, получила его Магрефа – жена брата матери, но не смогла после его найти. Больше писем не было. Мать ходила в военкомат, сделала запрос, пришел ответ, что Сливкин А.В. ушел на задание и не вернулся»).

На главные запросы Центральный Архив Министерства обороны СССР в письме от 6 января 1978 года № 9/145739 и в письме от 12 октября 1983 года № 9/391856 за подписью зам. начальника отдела Алексева сообщил: «...рядовой Сливкин Африкан Васильевич, 1914 (так в документах) г. рождения, уроженец Новосибирской обл., с. Колывань призван в СА Таджикским РВК, пропал без вести в августе 1941 г. Сестра: Сливкина Ефр. Вас. проживала: г. Новосибирск, Свободы, 33. Учен в 1947 г. по материалу РВК, г. Новосибирска. Основание: донесение № 35202 с – 1947 г. Документов 17 стр. дивизии (ппс 493) за 1942 г. на хранении в ЦАМО не имеется, поэтому удовлетворить просьбу заявителя не представляется возможным». В этом ответе есть неточности, по сравнению с изложенными фактами. Год рождения у Сливкина Африкана Васильевича другой – 1913–й. Призывался он из Красноярска. Зато из Средней Азии (Таджикский РВК?) призывался брат Африкана – Лев Васильевич Сливкин, как сообщали его сестры. Был еще и двоюродный брат – Африкан Прокопьевич Сливкин...

Не дали результатов и обращения в Совет ветеранов 17-й гвардейской стрелковой дивизии, в исполком Союза сообществ Красного Креста и Красного Полумесяца, в Верховный Совет СССР и др. Поиск был остановлен.

Но вот, после недавней смерти матери, Рябов В.В. вновь обратился к нам с просьбой в связи с открывшимися обстоятельствами. Сестра матери – Надежда Михайловна рассказала (об этом пишет Рябов, – «что она читала последнее письмо от Африка Сливкина, моего отца – это было летом 1942 года, а в конце июня Африк пропал без вести, попав в окружение со своей дивизией. Моя мать это письмо не читала, так как ее не было дома, она с моим дедом, ее отцом, была в плавании по реке Оби, а когда появилась осенью из плавания (она работала у отца), письмо потеряли и матери о нем ничего не сказали, а прочитать его смогла только моя тетка, другие... не умели читать. Тетка запомнила только одно... Африк писал, что вышел из окружения один из группы, с кем шел, взорвалась машина, на которой они ехали, и он остался жив один, еще он писал, что и здесь его преследует прошлое отца (деда моего раскулачили, так как он имел водяную мельницу). Речь идет о Сливкине Василии Фомиче. «А мать, – продолжает Рябов, – находясь в трудном материальном положении (мне было всего три года), осенью 1942 года вышла замуж за Рябова, и они сразу уехали в Барнаул. Значит Африкан все же смог выйти из окружения, но, видно, попал в руки НКВД, и там его следы теряются. Желательно... сделать запрос... Я не в состоянии приехать в Москву. Нет денег. Это, наверно, будет последним шагом, чтобы узнать что-то об отце... Мой телефон 54–50–11 (на блокираторе)».

Просим помочь Рябову Владимиру Валентиновичу узнать о судьбе его отца Сливкина Африкана Васильевича, 1913 года рождения, без вести пропавшего в 1942 году, и сообщить по адресу:

Украина, 270111, Одесса, ул. Добровольского, д. 148, Рябову Владимиру Валентиновичу.

А копию выслать в редакцию по адресу:

101525, Москва, К-6, ГСП, ул. 3-я Тверская-Ямская, д. 22/1, редакция журнала «Молодость». Контактный тел. 251-33-22.

Зав. отделом культуры

Б.К. Карин

Документ

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Управление Президента Российской Федерации
по работе с обращениями граждан
103132, Москва, ул. Ильинка, д. 23

№ А26-16-61842

101525, Москва, К-6, ГСП, ул. 3-я Тверская-Ямская, д. 22/1, редакция журнала «Молодость»,

28/04/1997

Карину Б.К.

Сообщаем, что Ваше обращение, поступившее в адрес Администрации Президента Российской Федерации, направлено на рассмотрение в Федеральную службу безопасности РФ.

Советник
Отдела писем

Фалин А.С.

Документ

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ

270111, Украина, г. Одесса,

РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ул. Добровольского, 148,
Рябову В.В.

Центральный архив
18.06.97 № 10/А – 2876
журнала
Москва

Копия: Зав. отделом
культуры редакции

«Молодость»
Карину Б.К.

на исх. № А–08 от 4.04.97

101524, Москва, К–6 ГСП,
ул. 3–я Тверская–Ямская,
д. 22/1

Уважаемый Владимир Валентинович!

В связи с запросом редакции журнала «Молодость» об установлении судьбы Вашего отца – Сливкина Африкана Васильевича, поступившим в наш адрес из Администрации Президента Российской Федерации, сообщаем, что Центральный архив, а также Управления ФСБ России по Красноярскому краю и Новосибирской области какими-либо сведениями о нем, к сожалению, не располагают.

По учету лиц, осужденных за уголовные преступления и направленных в ссылку на спецпоселение МВД России, Сливкин А.В. не значится.

Заместитель начальника архива (Подпись)

А.Т. Жадобкин

ГЛАВА VI

ПИСЬМА КОНСТАНТИНА СЕМЕНОВИЧА

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Посылаю тебе несколько писем моего отца. В основном он писал поздравления с праздниками.

Твой Борис.

Константин Семенович – Борису

Без даты

Здравствуй, сын!

Получил от тебя два письма. Первое – еще в больнице, а второе – уже дома. Спасибо за поздравления с праздником. Сергей хочет, чтобы я жил у них. Я же не знаю, что мне делать. Пока еще слаб, живу вот уже неделю у них. Правда, ночевать уже три раза ходил домой.

Перенес я инфаркт миокарда в тяжелой форме. Груз могу носить до 3 килограмм, а ходить не больше километра. Ну, вот так и живу с таблетками нитроглицерина в кармане. Кроме того, до 10 ноября нахожусь на амбулаторном лечении, а там, наверное, должны дать группу инвалидности.

Поздравляю тебя с днем рождения и праздником Октября.

Отец (подпись)

Привет и поздравления также Андрею и Тане.

(Отец, участник войны, несколько месяцев после ранения лечился в госпитале после ранения, чуть не лишился ноги. Но не смог в Волгограде получить за ранение льготы инвалида Великой Отечественной войны. Не было нужной справки. Так и дали ему лишь инвалидность от болезней в старости).

Константин Семенович – Борису

23.12.86

Здравствуй, сын!

Получил от тебя новогоднее поздравление и пожелания. Спасибо.

Шлю и тебе также всего хорошего в новом году, как в труде, а также и в личной жизни. Я по-прежнему живу один. 4 ноября мне сделали операцию на левой лопатке, по месту жительства, по рекомендации областного онкологического диспансера, где я был на обследовании 2 декабря, выписали на работу. Диагноз: «С» кожи левой лопатки T1 No Mo гр. II а.

В общем, что-то около рака. По медицинской энциклопедии такие операции дают успех до 85 %. Попаду ли я в эти проценты, покажет будущее. Явиться в облдиспансер для проверки я должен 2 апреля 1987 года. Вот такие дела, сын.

Хотя результаты анализа, что посылала после операции наша больница в областной онкодиспансер, дали отрицательный результат, как мне сказали наши хирурги, делавшие мне операцию. В общем, на учет онколог наш меня взял, также как и облдиспансер.

Как ты поживаешь, над чем работаешь и как твоё здоровье?

У Сергея – брата твоего заболевание плечевого сустава правой руки. Иногда при обострении не может поднять руку и даже писать.

Обнимаю и целую,

отец (роспись).

Константин Семенович – Борису

Февраль 1987 г.

Здравствуй, сын!

Поздравляю тебя с семьей с праздником Советской Армии – 70-летием ее создания. Желаю хорошего здоровья, успехов в работе и долгих лет мирной жизни.

Отец (подпись)

Константин Семенович – Борису

Октябрь 1987 г.

Здравствуй, сын!

Поздравляю тебя с днем рождения и праздником 70-летия Октябрьской революции. Желаю тебе здоровья, счастья в личной жизни и успехов в твоих трудах. У меня в жизни никаких перемен. Работаю дома и на работе. Я стал домохозяйкой: приготовление пищи, стирка, полы и прочее. И, между прочим, нелегкая доля женская. А как ты живешь, работаешь? Как встретил разговоры о перестройке? Мне уже читать газеты стало не по себе – сколько выворачивается дерьма в нашем обществе. Правда, нарыв зрел долго, а вот к операции приступили поздно. Нужно бы ее сделать пораньше. Все боялись выносить сор из избы. Вот его и накопилось много. И не скоро еще выметут весь мусор со всех углов. Пиши.

Отец (подпись).

Константин Семенович – Борису

22 февраля 1989 года

Здравствуй, сын!

Поздравляю тебя с праздником нашего народа – днем Советской Армии.

Желаю тебе главного – хорошего здоровья. Будет здоровье – остальное все приложится, и в труде, и в жизни.

Я в настоящее время начинаю чувствовать себя лучше. Постепенно перехожу на самостоятельное житье.

Передай привет жене и Андрею – будущему воину.

Отец (ропись).

Константин Семенович – Борису

Без даты

Здравствуй, сын!

Получил твое письмо, из которого видно, что ты окончил свою поэму. Только сейчас у общества российского временно не те нравы – оно на распутье пока, вернее, в тупике. Идет великий поворот истории назад. Вопрос в том, с какими катаклизмами осуществится этот поворот.

Здоровье мое резко ухудшилось. Прошу тебя приехать. Денег тебе я дам на дорогу туда и обратно. И не тяни с этим. Сергей заделался активным кооператором – бизнесменом. Купил себе легковую машину старую и сделал из нее почти новую.

Привет внуку.

Отец.

Константин Семенович – Борису

Январь 1991 г.

Здравствуй, Боря!

Поздравляю тебя с праздником Нового года. Желаю хорошего здоровья, успехов в работе и счастья в личной жизни. Я тебе послал по почте 100 рублей. Это тебе новогодний подарок. Желаю счастья в жизни. Напиши о получении. У меня здоровье неважное. Начал болеть мочевого пузыря. Завтра еду в онкологический (диспансер) в г. Волгоград на обследование. К какому блоку ты там примкнул?

С приветом. Отец (подпись).

Константин Семенович – Борису

Без даты

Здравствуй, сын!

Получил твою новогоднюю открытку. Спасибо за хорошие пожелания. Поздравляю с Новым годом тебя с Андреем. Желаю всего хорошего вам в новом году. А вообще-то, нас всех ждут тяжелые времена. Один спрут разжал свои объятя над народом, но объятя нового спрута будут куда безжалостней, пока он разжиреет, высасывая соки и жизнь из народа. Ведь меняется вся жизнь.

О себе. Прошел два курса облучения в онкологическом диспансере, один курс химиотерапии из трех положенных. В июле месяце приезжал из больницы домой и больше решил не ездить туда. В настоящее время чувствую себя удовлетворительно. Сколько проживу, столько и проживу. Так я решил. Живу один. Сергей с работы из исполкома райсовета ушел. Решил заняться бизнесом. Не знаю, что у него получится в кооперативе. Дети у него растут. Сейчас ему тяжело: жена уехала к умирающей матери. Приходится ему помогать смотреть за ребятами. Если тебе будет трудно жить в Москве, то приезжай ко мне пережить это смутное время.

Отец (подпись).

Константин Семенович – Борису

25 сентября 1992 года

Здравствуй, сын!

Получил твое письмо. Спасибо. Я 14 сентября вернулся домой из онкологической больницы, где находился три недели. Прошел курс лечения химиотерапией. Для проверки должен явиться вновь туда в ноябре месяце. По заключению врача, состояние моего здоровья терпимое.

Дома почти ничего не делаю, кроме приготовления пищи. Физические нагрузки противопоказаны. Живу один. Сергей с Леной и внуками бывают каждый день. Сергей по-прежнему занимается бизнесом – у него свое предприятие. Часто ездит по своим торговым делам по России. Телефон его 3-33-90, а мой 3-41-45. Я дал номер твоего телефона Сереже, и он обещал тебе позвонить. Что же ты не написал о своей Тане, с которой живешь? Кто она, чем занимается? Есть ли у нее дети? Я рад, что Андрей упорно учится и работает.

Я все-таки надеюсь, что ты приедешь. Жду тебя. Живем-то в суматошное время, очень смутное. Идет оболванивание народа. Хотят изменить общественный строй диким способом, а это без крови не обойдется. И она уже льется на окраинах страны. Не везет России на умных правителей. Все какая-то настырная сволочь пробивается наверх власти, окружая себя – подобными. И им это удастся, используя веру народа в хороших правителей и его долготерпение.

Приезжай. Жду.

Отец.

Константин Семенович – Борису

Без даты

Здравствуй, сын!

Поздравляю тебя с праздником – Днем Победы нашего народа 9 мая 1945 года. Желаю тебе хорошего здоровья и счастья в жизни. В отношении своего здоровья. На днях приезжали кардиографы из Волгограда и определили – сердце, после инфаркта, находится в стадии рубцевания. А вообще-то я инвалид II группы. Ковыряюсь во дворе немного. Основные земляные работы на огороде делают Сергей с Леной. Прошу тебя приехать пожить со мной, и занимайся здесь своей литературной индивидуальной деятельностью, пока не сотворишь что-нибудь дельное. Сергей до последнего дня работал заместителем председателя исполкома райсовета. Но вчера его переизбрали, то есть выбрали другого, а ему предложили идти в отпуск пока. Внучата растут.

Отец (подпись).

Константин Семенович – Борису

Без даты

Здравствуй, Боря!

Поздравляю тебя с праздником Победы. Желаю здоровья и успехов в труде, а также конца смутного времени в нашей стране.

Я из больницы выписался 8 апреля. Чувствую себя удовлетворительно. Сергей работает председателем райплана.

Отец.

Константин Семенович – Борису

03.05.95

Здравствуй, сын!

Поздравляю тебя и всех твоих родных и близких с 50-й годовщиной нашей Победы над немцами. Желаю всего хорошего, здоровья и сносной жизни в условиях наступающего капитала русских капиталистов.

Отец.

Константин Семенович – Борису

16 марта 1998 года

Здравствуй, сын!

(Почерк стал корявым.)

Получил от тебя открытку и письмо. У меня в жизни произошло много нового. Я продал свой дом и переехал жить к Сереже, в его дом, строительство которого он закончил. Здесь у него я живу второй месяц. Закончилось мое самостоятельное житье. Теперь я снова живу в семье. 15 лет я жил один на старости лет. Больше здоровье не выдержало.

Деньги за проданный дом я отдал Сереже с Леной. Им они потребовались на окончание строительства дома и другие нужды.

Здоровье у меня неважное, то одна болячка, то другая. Но с мочевым пузырем дело наладилось пока. Зато другая болячка хватает. На оставшейся ноге болят пальцы – ногтеед съел ногти почти полностью.

Передвигаюсь на коляске. Пробовал ходить на костылях. После того, как раза три упал, перестал ходить.

Желаю вам всем здоровья и всего хорошего в жизни.

Отец (подпись)

Мой адрес: 404060 р/п Быково, Волгоградской обл., ул. Волжская, дом №1.

Телеграмма

23 августа 1998 г.

Умер отец похороны 24 в 13 часов Сергей

ВОЛОДЯ – БОРИС

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Отец умер 23 августа 1998 года. А у меня – операция, удалили аденому предстательной железы, и я с трубкой от мочесборника в животе. Ехать не могу. Брат Сергей позвонил. Я только разрыдался, что не могу приехать даже

на похороны. А потом было еще три операции. Отказывали почки. Еле спасли. Спасибо, Тане. И деньги помогли. Так что только сейчас прихожу в себя. Я написал стихотворение под впечатлением прежней поездки к отцу, когда у него был инфаркт. Но он тогда выжил. И прожил еще 10 лет. Вот все, что у меня осталось от отца.

Крепись, Володя. И не пыли зря. Видишь, как она, жизнь?

Борис.

Володя – Борису

07.03.99

Здравствуй, дорогой Боря!

Спасибо за поздравительную открытку. Кажется, ты совсем решил не писать мне. Для меня это горестно – потерять связь со старым товарищем. Видно, совсем не интересен я для тебя стал.

В 1988 году в Одессу приезжала т. Гутя, сестра Африка, приезжала с сыном Сашей, доктором химических наук, не женатым. После ее отъезда она перестала мне писать, иногда на Новый год звонила по телефону и поздравляла. Но в середине декабря 1998 года получаю от нее письмо, в котором она пишет, что ей ужасно, что ей очень плохо, так как в сентябре 1998 года умер ее сын Саша, 45 лет. Она осталась одна. Аркадий, брат, на похороны не пришел (они с тетей Гутей в ссоре). Брат Владимир живет далеко. А дядя Саша умер в 1997 году на 92 году жизни. Я уже ей написал три письма, она опять ничего не пишет. Аркадию 88 лет, тете Гуте 79 лет. 24 января 1999 года умерла моя сестренка Таня, я ездил в Донбасс на похороны. Ей было 55 лет, язва желудка, операцию сделали плохо – в ее смерти виноваты врачи. Ее муж истратил на них 6000 гривен, ради спасения жены, которую очень любил.

Во всех наших болезнях виноваты мы сами. Бог создал пищу, а черт – кулинара. Человек веками, тысячелетиями неправильно питается, и все болезни от этого. Я прочитал немало книг разных авторов, и теперь могу точно утверждать, что пища небезразлична нам. Что от нее все беды. Если состоянию здоровья человека дать три понятия: здоровое тело, не здоровое тело и болезнь, то на нашей планете живут только те, кто нездоров и болеет, здоровых людей не стало. Состояние нездоровья может длиться всю жизнь, а она очень коротка.

Лучше всего о нас написано в книге «Законы здоровья» Майи Гоголан, где она подробно рассказывает о системе здоровья К. Ниши, японского профессора, который ее опубликовал еще в 1927 году. Не хотят, чтобы эту систему знали люди, так как производители лекарств и продуктов обанкротятся, а это очень большой и выгодный бизнес. Я считаю, что эту книгу должен прочитать каждый, чтобы знать принципы здоровья.

У меня все без изменений. Работаю в аптеке дворником за 48 гривен (3 часа в день три дня в неделю). Зоя торчит на базаре. Денег едва хватает, чтобы жить. А болеть и умирать нельзя, так как на это нет денег. В этом году постараюсь закончить дом и, наверное, с Зоей переедем туда жить. А Сергей будет жить с женой здесь. Хотелось бы о многом поговорить с тобой, но, видно, этому не сбыться.

Передавай большой привет всем своим близким от меня, особенно твоей маме.

Крепко обнимаю, Вова.

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Не писал, потому что сильно болел. За полгода – четыре операции. Был при смерти. Вот сейчас немного очухался. Не знал, что буду делать безработным. Никуда не брали. Сейчас пристроили, на ночные дежурства в приемной министра. День работаешь, два отдыхаешь.

Служба в министерстве дает знания о политике государства и как она делается. Сложней мне было оставаться самим собой при всеобщем раболепии и интриганстве. Я, до операции, был советником у заместителя министра. С самого начала отказался разливать вино за столом с его друзьями на дне рождения. Потом отказался писать ему книгу из кучи его речей, подготовленных разными подчиненными. У него еще – кавказский характер. Он смахивал в бешенстве со стола все письменные принадлежности и бесчисленные бумаги. Только не мог меня ударить. И все это нужно было вытерпеть.

Его секретари мне участливо говорили: «Как вы выдерживаете такое безобразие, Борис Константинович?»

А когда я заболел, и долго лежал после операции в больнице, замминистра отказался возвращать меня, полудохлого, на мою должность в его приемную. Меня сделали ночным помощником министра. Не спать всю ночь сторожу трудно. Но фельдфебели приходили с пакетами документов ночь-полночь. И все же это было лучше, чем у прежнего замминистра.

Что я сделал, чтобы восстановить свое реноме? Я предложил этому горцу помощь во вступлении в Союз писателей. Написал он много, авторитет большой. Он был на Чеченской войне, вытаскивая солдат из плена. И, по поручению секретариата, лично вручил ему билет члена Союза писателей. И ему ничего не осталось, как сменить гнев на милость. Он пригласил меня, в числе других, на свой юбилей. А стихи его дочери я опубликовал в журнале «Молодость», по старой дружбе. Стихи неплохие.

Вот так, Володя, испытываешь трудности, чтобы не только понять, но и вытерпеть людей.

Посылаю тебе стихи, которые посвятил мне один из начинающих писателей. Я помог ему издать его повесть. Он даже навещал меня в больнице после операции.

Обнимаю, Борис.

Б.К.

Прилипло репейником горе.
Кругом тишина...
И шутка массовика-затейника
Совершена.

И тени склонились в поклонах –
Мертвечина и жмых.
Телевизорные стоны
И слепки с живых...

Россия, родная Россия,
Примерен тебе хомут!
Россия! Россия! Россия!
Когда же всё это поймут?

Прилипло репейником горе,
И больно и жить, и смотреть.
Борис Константинович, Боря,
Должны мы дожить и допеть!

21 октября 1998 г.

Борис - Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Готовлю для журнала интервью с очень интересной женщиной. Вот бы тебе с ней поговорить. Она бы тебя сразу поняла. По кА привожу только биографическую врезку о ней, некоторые ее ответы на мои (да и наши с тобой) вопросы пришлю после публикации этого интервью.

НОСТРАДАМУС В ЮБКЕ

Людмила Васильевна Константиновская все знает о нашем будущем. Вот как она дошла до такой жизни.

Окончила Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. Кажется, все наши космонавты закончили там факультет космической геодезии. Работала в проектно бюро космического профиля, занимаясь аэрофотогеодезией.

Совсем неслучайно столкнулась с экстрасенсорикой. Познакомилась с Джундой. Стала ее лучшей ученицей. Такие же руки, такой же рост. Тоже писала стихи, рисовала портреты. Только пришлось окончить медицинское училище - нелегально (потому что уже есть диплом о высшем образовании), и Университет психологии при Академии наук (ничего себе, амплитуда колебаний?). Стала достойной соперницей - и бурно рассталась с главной целительницей нашего смутного времени.

Константиновскую пригласили преподавать в Московский медицинский стоматологический институт имени Н.А. Семашко (ныне академия) на кафедру нормальной физиологии. Там она и преподает уже десять лет. Освоила около двадцати нетрадиционных методов лечения, и, наряду с экстрасенсорикой, знакомит студентов с этим курсом знаний.

В детстве жила рядом с огромным парком имени Горького. Когда подросла – он уменьшился; увидев в его конце ограду, - разлюбила парк детства. Так и в науках: познала границы – интерес слабеет, устремляется к другим горизонтам. Стала заниматься биоритмами человека, а диплом астронома вывел на изучение ритмов Космоса. Одной из причин космических ритмов, узнала, является солнечная активность, солнечный ветер, солнечные бури. Ознакомилась с фундаментальными трудами раньше «крамольного» А.Л. Чижевского, одного из основоположников гелиобиологии. И поняла (открыла?), что в солнечной системе есть, по всей видимости, три новых планеты – три новых солнца: Прозерпина, Милиуса и Фаэтон. Написала книгу «Когда пиходят пророки, или Наука циклов» («Современник», 1994 г.). В ней в увлекательной форме рассказала о воздействии планет и звезд, солнечных и лунных циклов на судьбы отдельного человека и целых государств. Но главное достоинство издания – астрономические таблицы, помогающие просчитать каждому человеку свои возможности, свою судьбу. Этими разработками занимается и лаборатория МГУ (консультации Константиновской пригодились).

Нет, она не увлекается оккультизмом, астрологией. Она – член Философского общества России, ученый секретарь в московском обществе испытателей природы (бывшее императорское, которому более 190 лет), ученый секретарь отделения астрономического прогнозирования Академии прогнозирования. Читает лекции в молодежных аудиториях в Москве (в том числе в Политехническом музее) и за рубежом – при полном аншлаге. Пишет кандидатскую диссертацию по геологии. Подготовила рукопись своей

главной книги (для чего, собственно, и родилась на свет) о русских космистах.

Пророчества ее вызывают ажиотаж неофитов и шок специалистов. Например, такие: конец света, как и мессия, придет еще не один раз на землю; сейчас три цивилизации живут одновременно, как семья – дети, родители и внуки; библейский день сотворения мира равен миллиарду земных лет... Познакомьтесь с некоторыми прорицаниями современной сивиллы с научным стажем.

Обнимаю тебя, Володя. Привет твоим близким.
Борис.

Борис – Володе

10.07.99

(не отправлено)

Что-то от тебя нет письма, Володя!

Недавно выступал по радио «Логос», это религиозная станция. Расположена в том кабинете, откуда вещал всю войну Левитан. Уже это меня растрогало. Читал свои стихи на религиозные темы. Оказалось, с религией связана моя жизнь и мое творчество, как у любого русского писателя. Хотя так громко о себе говорить не могу. Вот смотри. Ребенком меня в церкви звали петь в церковном хоре. Ведь на сцене-то я пел всю школу и почти весь институт. Собирался написать стихи по мотивам псалмов, даже одно стихотворение вошло в мою книгу. А псалмы писали и Ломоносов, и Пастернак... В одном самостоятельном стихотворении у меня есть такой духовный образ.

КРЕСТ

Это было бесконечным сном:
Сторонясь машин и пешеходов,
Под тяжелым согнутый крестом
Шел я дни, и месяцы, и годы...

Шел - своей судьбе наперерез,
Только трудной ношей озабочен.
Я пытался сбросить этот крест,
Но к нему был крепко приколочен.

Есть и другие религиозные сюжеты, например, «Золотая ломпада», «Пилигрим». Первая моя пьеса – о монастыре, где выведен друг Мамаев, которого я про себя зову «Пименом». А сколько мне пришлось касаться истории нашего духовенства, в своих исторических хрониках в стихах! Я даже хотел найти возможность встретиться с патриархом и посоветоваться, чтобы ошибками не согрешить. Я тебе так скажу, что без веры – писателя нет. «Богородица не велит!» Ты знаешь, что начало стихотворения Пушкина «В крови горит огонь желанья...» - это начало «Песни песней» из «Ветхого завета»? А его «Пророк» - на сюжет видения из пророка Исаии. «Один из ангелов взял клещами уголь с жертвенника, притронулся им ко рту Исаии и сказал: «Вот приконсультую к устам твоим и отнимет беззакония твои и грехи твои очистит». После этого Господь послал Исаию учить народ еврейский. Это написано в первой книге Закона Божия о православной вере.

А ты не веришь. Но будь терпимым к свободе вероисповедания для других.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

13.07.99

Здравствуй, Боря!

Молчишь! Не отвечаешь на мои письма! Если хочешь прервать нашу связь, так напиши прямо об этом, так будет по-товарищески. Очень прошу тебя об этом, чтобы замолкнуть навсегда для тебя. И последняя навязчивая просьба. Меня удивляет и шокирует то, что подавляющее большинство людей абсолютно безразличны к своему собственному здоровью, все надеются на кого-то, кто вылечит. Никто никогда не вылечит. Только каждый сам, по своему хотению, может быть абсолютно здоров до самой смерти. А просьба, в связи со здоровьем, очень простая – купи книгу: Майя Гогулан «Попрощайтесь с болезнями (система здоровья Ниши)». Эту нельзя читать выборочно, покажется, что все это уже знакомо. А нужно читать все по порядку, страничку за страничкой, вдумываясь в каждую прочитанную строку. Книга написана очень доступно, а главное, в ней все абсолютно правильно, так как это опыт всего человечества за 5000 лет по наш день. Законы природы жестоки и неумолимы. Природа наказывает невежд за их незнание этих законов. Прошу, поверь мне, я не ошибаюсь. А хочешь убедиться, проверь, прочитай.

В Одессе книга продается до сих пор, невежи не хотят ее покупать. Я ее прочитал три раза и буду еще читать. Интуиция меня никогда не подводила. Извини за это письмо, что потревожил.

С уважением, Вова.

Борис - Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Мы получили все ответы о твоём родном отце. Только верить им, или нет?

А пока посылаю тебе записки с ответами Людмилы Васильевны Константиновской на мои мистические вопросы. В них – и ответы на некоторые твои реалистические вопросы. Не со всеми ее аргументами и выводами мы с тобой согласимся. Иногда она выглядит неменяемой, как шаманка. Но познакомиться и поговорить с ней мне было интересно. Журнал «Молодость» публиковал по моей инициативе несколько ее статей, в таком же духе. А этот материал опубликован не был.

Записки Константиновской Людмилы Васильевны

Кто я такая? По профессии, по работе, по месту в обществе?

По окончании школы мне дали, помимо аттестата зрелости, еще диплом воспитателя детского сада. Поступила в Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. Все наши космонавты закончили там факультет космической геодезии. Работала в проектно бюро - занималась привязкой космических снимков к Земле. Афро- фотогеодезия. Заинтересовал феномен экстрасенсорики. Познакомилась с Джуной. Я математик-аналитик, захотелось анализировать, не хватало знаний – пошла... в медицинское училище. Нелегально его окончила, поскольку нельзя было с высшим образованием – в техникум предъявила только аттестат зрелости.

Параллельно окончила университет психологии при Академии педагогических наук. Начала изучать экстрасенсорику, освоила. И меня пригласили преподавать в Медицинский институт имени Семашко, на кафедре нормальной физиологии. Там я преподаю уже десять лет. Могу, потому что педагог по первому образованию. Как поняла, смогут все, потому что чувствительные рецепторы есть у всех, поле (так называемая аура) есть у всех, чувствительность есть у всех, только разная. Я подготовила лекции, параллельно стала искать еще какие-то нетрадиционные методы. Нашла около двадцати этих методов. И параллельно с экстрасенсорикой, которой я обучаю студентов, я их знакомлю с другими нетрадиционными методами. Образовался целый курс. Потом стало неинтересно, поскольку все изучено, а у меня характер - мне интересно, что не изучено, что бесконечно. Когда я была маленькой, я очень любила парк культуры и отдыха имени Горького. Мы рядом жили. Но когда я увидела его конец, он меня совершенно перестал интересовать.

Я стала заниматься биоритмами человека. А поскольку у меня второй диплом – астрономический, то я вышла на изучение биоритмов космоса. Меня заинтересовали их причины. Одной из причин ритмов – я узнала – является солнечная активность. Стала изучать труды Чижевского. Втянулась на столько, что сама экстрасенсорика мне помогает в работе.

В свое время Джуна признавала меня лучшей своей ученицей, видимо, в связи с этим мы с ней и разошлись, и довольно бурно. Даже говорили ее родные, что у нас руки одинаковые, рост сантиметр в сантиметр. И стихи я тоже писала, И рисовала, тоже больше портретов, хвалили в Союзе художников. И письма писала в стихах, без черновика. Выступала на сцене, танцевала и пела.

Но вот стала заниматься фундаментальными исследованиями Чижевского. Все книги по астрономии, какие попадались, скупала, сейчас довольно-таки большая библиотека. Как мне кажется, я открыла одну из главных причин солнечной активности. На базе этого вышла на понимание, что в нашей солнечной системе есть минимум две новые планеты, возможно, что и третья есть. Помимо научных, есть и интуитивные предсказания. Но нужны фундаментальные знания. Чем силен пророк и гений? У них есть капитальные знания научные и есть предвидение дух. Объединив причины солнечной активности со следствиями, которые изучал Чижевский, я и вышла на то, что можно прогнозировать.

Для книги «Когда приходят пророки», 1991 г., я взяла в Центре мировых данных сведения по Солнцу, научные таблицы. В Центре они были в совершенном хаосе, никто ими не занимался. Моя заслуга в том, что я привела их в божеский вид. В этом - ценность этой книги. Все ссылаются на солнечную активность, но, как правило, у многих ученых нет этих данных. И когда издательство «Современник» взялось напечатать мою книгу, я очень просила напечатать обязательно и таблицы, пол объема книги. Ведь таблицы – это то, ради чего люди будут покупать эту книгу, и астрономы, и астрологи.

Я выдвинула такую гипотезу, что (по этим таблицам) солнечная активность должна влиять на гениальность человека. Много энергии - много способностей. Ведь говорят: родился под счастливой звездой. Этими разработками сейчас занимаются в МГУ, целая лаборатория. Они год-два позанимались, и были счастливы, что доказали как солнечная активность влияет на способности человека. Но прочитали мою книгу – и удивились, думали, что они первые это открыли. И теперь им приходится ссылаться на мои работы.

Нынешние компьютерные программы учитывают малые ритмы, 27, 29 дней, 21 - это эмоциональный, интеллектуальный, творческий ритмы. Притом эти ритмы не чисто 21 или 27 дней. У этих цифр есть десятые, сотые и тысячные доли дня. У каждого человека этот ритм индивидуальный. Ведь почему аура индивидуальна? Потому что у каждого человека своя частота вибрации. Поэтому ясновидящий по какой-то там вещи, которая излучает ритм этого человека, может выйти на самого человека. Каждый человек индивидуален по ритмам. Это зависит от многих факторов. Один из

факторов: если верить, что душа бессмертна, то есть реинкарнация (т.е. мы жили когда-то), Это зависит и от возраста.

Я не занимаюсь оккультизмом, я, как ученый, могу принять только то, что доказуемо. Если есть закон, который это доказывает, я могу принять к сведению, и проверить. Вы спросите, а как докажете, что есть эта реинкарнация? У меня написана философская статья «Общий закон развития систем». Меня приняли и члены Философского общества России.

Процесс развития бесконечный. Если учитывать какой-то ритм: например наш, мы родились, мы умерли, и нас больше нет, вроде. Мы рассчитываем этот ритм - в среднем 75 лет. Но существуют большие ритмы – от минус бесконечность до плюс бесконечность. То есть не было начала рождения – процесс никогда не кончается – и нет смерти, это бесконечно.

Каждую частицу можно дробить до минус бесконечности, поэтому элементарной частицы нет. То есть, нет первокирпичика. Каждая биомолекула, сама в себе уже сложна, сама бесконечность, как космос. Поэтому нет начала, есть ритмы. А по поводу развития человека, еще Циолковский сказал, что человек перейдет в более сложное состояние, в светящуюся какую-то личность, будет светиться. Об этом и Библия говорит. Примерно такой, как шаровая молния. Мы в процессе развития перейдем в какое-то плазменное состояние.

Вот на иконах светящийся нимб, это переходная стадия этого процесса.

Дело в том, что, когда человек рождается, его потенциальная энергия довольно ограничена. Ребенок смотрит, потом рассуждает, по-умному не по годам иногда. Значит, есть какое-то творчество. Но в процессе жизни он набирает потенциальную энергию. Что такое потенциальная энергия? Это знания, которые нам дают потенциальную энергию. Поэтому обязательно надо заниматься наукой. Но науку нельзя противопоставлять религии.

Религия развивает дух, даёт представление, как развивается дух. А наука дает представление, как развивается материя. Одно без другого не существует, поэтому должна быть между ними взаимосвязь. В процессе развития человек начинает на столько уметь, потенциальная энергия у него повышается так - что у него начинается свечение лица. Он начинает излучать не просто видимый спектр, а излучает информацию. (Смотри у Велидова, Блюмкина, Барченко). Светится информация. Поэтому тот, кто находился около Иисуса Христа (Преображение Господне), тот не понимая, может быть, получал информацию.

Информацию можно передавать голосом – это же вибрация. А можно взглядом, свечением. Это тоже вибрация, и другой человек может ее понять. Потому что у нас чувствительные рецепторы по всему телу расположены.

А раньше пришествия Христа на землю были ангелы. Их называли до нашей эры еще гениями. На Кипре, например, на мозаичном полу в раскопках – изображены эти крылатые люди, гении. Они тоже светились. Высшие люди, которые развили дух, в религии считаются пророками, святыми! Люди, которые развили свой интеллект, знания, считаются гениями. Христос достиг высшего развития духовного – и он светится.

Но я рассматриваю ритмы. Библия говорит, что Христос еще придет на землю, примерно через 3000 лет). Ритм прихода Христа по расчету - 2800 лет. Вот научный график, который сделали американцы по радиоактивному углероду. Как? Есть такие лиственные деревья, срезают их, и по кольцам на пне считают солнечную активность. Чем больше солнечная активность, тем меньше содержание радиоуглерода. Этот график – за пять тысяч лет. Говорят, в Петербурге наши ученые сделали такой график за восемь тысяч лет. Солнечная активность начала нашего века большая. Приход Иисуса Христа совпал с большой солнечной активностью. Отсюда подтверждение, что в период большой солнечной активности рождаются очень талантливые люди. Посмотрите дальше на X, XI, XII века. Повышение солнечной активности продолжалось, но не так сильно, как в начале веков. Вот в каждый такой пик активности рождаются суперталантливые люди. Но оказывают влияние и другие факторы. Это уже другой вопрос.

Посмотрим современное состояние солнечной активности. Оно гораздо ниже, чем во время рождения Христа, или тысячелетия крещения Руси. Примерно VI век соответствует нашему состоянию.

Но нельзя так упрощенно смотреть на график рождения гениальных людей в пик активности солнца. Мы с вами не только в отдельной комнате и отдельной местности, мы в мире. И, наверное, в мире очень много мест, где в период солнечной активности должны родиться новые Христы. Начнем с того, что солнце светит всей земле. На экваторе очень горячо, а на полюсах очень холодно. Солнечная активность влияет на все точки на земле по разному. Лишь в определенной местности может родиться Христос в определенное время.

Так, Библия говорит, что Иисус Христос родился в 12 часов ночи. И родился тогда, когда Земля оказалась между солнцем и созвездием Рака. По древним источникам, Иисус родился под созвездием Рака, где есть звездные скопления под названием Ясли и Ослята. В своей книге я привожу рисунки этого созвездия. И в том созвездии появилась в тот момент некая звезда, которую назвали звезда Вифлиема.

Что это за звезда? Как астроном, я могу сказать: никакая другая система не может войти в солнечную систему. Они очень жесткие. Луна не может оторваться и полететь к Юпитеру или к солнцу. Однако звезда в солнечной системе появилась, ее видели три волхва – это астрономы, это цари, посвященные в знания. Они – с трех частей света, независимо друг от друга – сказали: должен придти некто. Почему? Потому что сближение этой звезды вызвало повышение солнечной активности, мы больше стали получать энергии на земле. Если взять научные источники, то по ним две тысячи лет назад температура на земле была на 2 градуса выше. Сейчас тоже говорят о повышении температуры - но всего на половину градуса.

Я пользуюсь научными данными. Потом выхожу на какие-то ненаучные источники, которые подтверждают мои расчеты. Меня радует это. Я слышала о Пушкине, о его тайных таблицах, о которых писал журнал «Молодость». Пушкин тоже говорил о ритмах, от биоритмов до космических, с амплиту-

дами в десятилетия, столетия, тысячелетия. Пушкин, якобы, говорит на основании своих исчислений, что в России в сентябре 1998 года будет социальная революция. Но, может, будет и голод, и упадок сил народа. Но Россия в течение 628 лет будет ведущей страной в мире.

Однако я не отхожу от поиска Бога. Когда меня спрашивают, что такое Бог, я говорю, в какой системе вы хотите узнать, что такое Бог. Меня спрашивают, что такое система. Я объясняю. Примерно так. Кто твои родители? Папа и мама? А бабушка и дедушка? Если пойдем дальше, то выйдем на Адама и Еву. И дальше их. И все это наши родители. Теперь, если брать солнечную систему, то Бог - вся солнечная система, где солнце является головным мозгом, все планеты - позвонки в этом космическом человеке. А солнечная система входит как некая единица в нашу галактику. Сама галактика - локальное сверхскопление. Поэтому Бог есть действительно весь космос. Где мы – какая-то самая маленькая составная часть.

Если рассматривать предложенный в моей книге график, что останется от земли после очередного страшного потопа, стихийной катастрофы? От Америки останутся какие-то мелкие острова. А материковая часть уцелеет только в Восточной Европе и в России?

Не так все просто. Все катаклизмы практически зависят от солнечной активности. Циклы солнечной активности должны быть очень большими. По графику современная солнечная активность скачком не идет вверх. Она идет по какой-то косой линии. Пускай карту засекречивают - нам это ничем не грозит. Потому что в ближайшее время ничего глобального, что называется концом света, не произойдет.

Циклы солнечной активности равны двум баллам из десяти. Сейчас идет солнечная активность три балла. Солнечная активность времен Иисуса Христа была четыре балла. Такое будет в 28 - 29 веке.

Конец света - это девять баллов. Он бывает раз в 250 миллионов лет. Все погибнет, что случилось во времена Ноя. Согласно научным геологическим данным - я еще геолог по образованию, - такое событие, было примерно 50 - 75 миллионов лет назад. Значит, следующее такое событие будет через 200 миллионов лет. Это так называемый ритм Плутона. Сейчас идут последствия, извержения, катаклизмы земные, погодные изменения крайние.

Что сейчас происходит? На одном участке Земли все залило, на другом все высохло. О моей группе прогнозов мы говорили еще десять лет назад, предупреждали, что это будет. Кстати, я за это здорово пострадала. Мне не поверили - у нас должно быть все хорошо, как Сталин сказал, у нас все пойдет по восходящей. И не я одна пострадала. У нас Чижевский отсидел в тюрьме за свои разработки о солнечно-земных связях. Николай Кондратьева у нас занимался цикличностью развития экономики, довольно неординарная тоже личность. Он занимался в 20-30-х годах экономикой. Первый в сталинские времена сказал, что в 37-41-м году будет обвал мировой экономики, могут быть даже военные действия. И у нас, в России то же самое будет. И Сталин этого просто пережить не мог. И его расстреляли.

Кондратьевские ритмы, примерно 55 лет (45 – 60). Эту цикличность он рассчитал на базе научных статистических данных. И по этим ритмам сейчас строят экономические циклы экономисты. В этом направлении работает академик Яковец. За границей Кондратьева быстрее приняли и поняли, чем мы. Нет пророка в своем отечестве. Теперь проводятся ежегодные международные Кондратьевские чтения. На них слетаются многие ученые со всего мира, последнее такое чтение было у нас в Москве, совсем недавно. Там было три секции, одной из секций руководила я. Я была ученым секретарем по астрономическим циклам, природным циклам, катаклизмам. Поскольку я занимаюсь этим направлением, то являюсь ученым секретарем МАИ по Московскому обществу испытателей природы. Это императорское общество МОИП, ему 190 лет. Одна из секций, где я ученый секретарь, работает под руководством профессора Афанасьева Спартака Леонидовича. У нас в России этими разработками продолжают заниматься, и в этом году (1995) у нас открылась Академия прогнозирования, где около сорока секций - направлений работы. Руководит этой академией академик Бестужев-Лада Игорь Васильевич. Здесь я тоже являюсь ученым секретарем секции астрономического прогнозирования. То есть мы сейчас выходим на новую науку. И Пушкин, и многие другие умы говорили, что в наш век родится новая наука, наука циклов, ритмов, что все развивается ритмически, все, включая экономику.

Ученые-экономисты, те, кто занимается кондратьевскими ритмами, предполагают, что сейчас начался новый цикл, он совпадает с солнечной активностью, что у нас будет спад производства и рост инфляции до 2005 года.

Кстати говоря, когда в 1937 году Сталин убрал очень многих ученых (ведь Россия тоже имеет потенциальную и кинетическую энергию), то мы сразу потеряли очень много энергии. И на нас сразу напали, потому что знали, что теперь могут нас взять голыми руками. И следующий такой виток может быть в 1999 году. А если начнется уничтожение ученых, тогда у нас впереди – третья мировая война.

И по-Чижевскому, в 1999 году ожидается большая солнечная активность, и будут очень большие неприятности на Земле, по крайней мере, в России.

Любое событие имеет предсигнал, когда ясновидящий говорит: тебя ждет то-то и то-то. Ясновидящие видят предсигнал. Например: ты кончаешь школу - ты должен поступать в институт. Ты уже знаешь, что это событие должно происходить. Другое дело, поступишь – не поступишь. Сдаешь экзамен - это сам сигнал. Событие изощло. Ты примерно чувствуешь, поступишь ты или нет. Тебе ясновидящий говорит: нет, ты не поступишь. Он видит постсигнал.

Так, и в современной ситуации предсигнал был в 1979 году.

Истина - одна, говорят о ней с разных сторон об одном и том же. Русские космисты занимались развитием этой новой науки. Они первые.

Вторая книга, которая сейчас у меня готовится, посвящена русским космистам.

В этой книге я пишу, что само событие произошло в 1989 году. Именно 29 сентября 1989 года родился тот пророк, которого мы ждали, который приходит раз в 250 лет. А вот постсигнал будет или в 1999 или в 2005 году, по моим расчетам. И у нас расчеты совпали с экономистами. Ожидается как бы разрушение. Солнечная активность будет не очень большая, беру смелость это утверждать. Но, по значимости событий, на Земле будет нечто значительное. Опять же не конец света - три балла из десяти.

Например, выходишь из дома зимой и идешь через реку - это предсигнал: ты можешь провалиться под воду, знаешь, что река не совсем замерзла. Ты проваливаешься в прорубь - это сам сигнал, событие произошло. Но человек заболевает не сразу Приходишь домой, пытаешься лечиться, а через день, через два поднимается температура - последствия идут.

Вот 1999 или 2005 - это последствия.

Поговорим теперь о конце света. С ним увязывали дьявольское число 666, так написано в Библии. Например, в год снятия сана с патриарха Никона в 1666 году. Предожиданием конца света грешили, да простит меня Господь, сами апостолы. Вот, Иисуса вы убили, говорили они, теперь ждите, будет конец света. И люди боялись – вот, сейчас будет конец света. Прошло 2000 лет - а конец света все никак не настает.

Что такое конец света? Если говорить по-научному, конец света бывает разных классов. Конец света, про который все говорят, про тот, что описан в Библии, бывает раз в 250 миллионов лет. То есть циклы имеют классы. Так, 1937 год – это конец света в 1 балл. Во времена Иисуса Христа, четырнадцать тысяч младенцев убили - это конец света под номером 4, четыре балла. При Никоне, в XVII веке - это конец света в 3 балла из 10. Сейчас у нас тоже 3 балла, у нас смена советской власти, последствия еще идут, пере стройка не закончилась. Перестройка эта, согласно нашим расчетам, будет 25 лет, с 1979 по 2005 год. Само событие, как заболевание. Например, после того, как провалился в прорубь, могут быть и осложнения после заболевания. Отчего эти осложнения зависят? От стойкости системы. В данном примере – от вашего здоровья. Для каждого человека последствия будут свои. У каждой страны последствия тоже свои. Так что, конец света – понятие относительное.

Знание истории дает тоже открытия цикличности, повторяемости ситуаций. Так, например, во Франции или Англии, тоже были страшные события - чуть ли ни через год отрубали на гильотине голову королю или королеве. Неслучайно есть поговорка: «Король умер, да здравствует король!» У них свои концы света.

И получается, что у каждого человека своя частота, ритмы, и у каждой страны, в зависимости от ее духовного возраста, тоже свои ритмы. Меня заинтересовал один вопрос в геологии - у каждого вулкана тоже свои ритмы.

У одного извержения через пять лет, у другого через два года, у третьего через 40 лет.

Почему Иисус Христос приходит в мир раз в 2800 лет? А мы с вами приходим в мир (вот мы умрем, а потом опять должны родиться) раз в сто лет, в 70 лет. Умерли, через три года – пять лет родились опять. Пророк на уровне Сергия Радонежского, если посмотреть по графику солнечной активности, рождается раз в 250-300 лет. Вот сейчас пришел тот самый пророк, который родился 29 сентября 1989 года. Он по силе равен Сергию Радонежскому, Петру Первому, Настродамосу, таким личностям.

Ну, что, Володя, устал слушать эту белиберду? Может еще пришло продолжение.

Самое интересное, эти люди что-то важное узнали, и этими знаниями стараются тебе доказать свои бестолковые открытия. Сама их речь примитивна донельзя. Вот цыгане такой речью пользуются.

Пока, пиши. Борис.

Володя – Борису

14.09.99

Здравствуй, старый (давнишний) дорогой товарищ и друг!

Второй месяц пошел, как получил твое письмо, которому был очень рад. Большое спасибо. Все-таки не забываешь. Так же рад, что хоть что-то узнал о тебе. Судьба преподнесла нам подарок в наши зрелые годы – «кинула» нас в эту черную жизнь – жизнь на выживание среди зверей. Тебе писать не хочется, а мне хочется кричать: люди, что вы делаете!..

Самое главное, в наше время (да и всегда было) – здоровье, которое отчасти зависит сейчас от твоих денег, которых нет и не будет. Вот почему я упорно тебе писал об этих книгах – информация в них бесценна, их не рекламируют, очень невыгодно магнатам, рухнут производители лекарств и пищевая индустрия. А, прочитав очень внимательно и осмысленно, а может, и два, и три раза, вся эта информация попадет в подсознание. Ты, скорее всего, не захочешь делать все то, что советуется в этих книгах, и не будешь. Но начнет работать твое подсознание, а именно это и нужно. Я уже это на себе чувствую.

Прочитав это твое письмо, мне показалось, что ты не читал мои письма за этот год. Пишу повторно: год назад у тети Гути умер сын, доктор химических наук, 45 лет. Она осталась одна, на улицу ходить не может, ей 80 лет. В 1977 году на 92 году умер дядя Саша. Дядя Аркадий, 89 лет, еще жив. Это о Сливкиных. 24 января этого года умерла моя сестра Таня, на 56 году. Ее зарезали хирурги, делая операцию по поводу язвы желудка, занесли

инфекцию – и начался перитонит, а обнаружили уже поздно, когда ее муж привез из Луганска главного хирурга области. Он истратил на ее лечение 6000 гривен (\$1500), и ничего не помогло. Я ездил на похороны. Водку пил, как воду, стресс был большой. А когда вернулся, заболел артритом – впервые в жизни испытал температуру 38,8 градусов. Но быстро вылечился без врача и без лекарств чесноком и медом. Кроме анальгина, никаких лекарств за всю жизнь не принимал и не болел. Работая в Одесском порту в 1973 году, подорвал спину, поэтому она иногда меня беспокоит – вот и все мои болячки, не считая зубов, страдающих от курева, и глаз, страдающих от чтения и мелких работ, где нужно хорошее зрение. Ношу очки + 2 для дали и + 5 для чтения. Очень и очень очки мне мешают в моей жизни. Второй год работаю в аптеке рабочим, в основном убираю мусор около аптеки: 12 дней в месяц по 3 – 4 часа в день за 48 гривен (\$9). С 18 июня 1998 года я пенсионер, получаю 64 гривны (13 долларов). Зоя с 1989 года на пенсии. Сначала получала 132 рубля, а сейчас 55 гривен, с нее налог в Пенсионный фонд берут, так как торгует на рынке. Ее торговля, до предела примитивная, дает возможность платить за квартиру 70 гривен и сводить концы с концами.

За право смотреть российские каналы ТВ по кабельному каналу мы еще платим 16 гривен в месяц. ТВ Украины можно не смотреть, там смотреть абсолютно нечего. Радиостанция «Маяк» на СВ исчезла еще в 1992 году. Так что о России мы узнаем только по кабельному, ради этого и платим 16 гривен. Городской автобус – 1 гривна, трамвай 0,30 гривны, хлеб 1 гривна булка.

Четыре дня в неделю я достраиваю дом, осталось совсем немного, чтобы переехать в него жить. Даже уже закупили на зиму две тонны угля за 360 гривен. На будущий год летом будем переезжать. А Сергей, сын Зои, будет жить в этой квартире. Сейчас он живет у тещи с женой (второй). Он никак не может устроиться на работу (шофер). В данный момент с 1 июня не работает. Его жена – учитель рисования в школе. Теща и тесть на пенсии – так что им тоже несладко жить. Единственную льготу, которую я получил в Украине, это меня с завода по сокращению штатов выгнали на пенсию раньше срока, поэтому я пенсионер. Да еще бесплатный проезд на трамвае – вот и все. 90 процентов, а может, и более заводов Одессы не работают. Люди (знакомые) ходят на работу, но зарплату не получают по 2–3 года. В то же время машин, иномарок дорогих, все больше и больше – уже половина или даже две трети всех машин. Бензин на Украине в два раза дороже, чем в России. Ольга (сестра) ехала на похороны из Волгограда на автобусе за 15 гривен, а обратно на том же автобусе за 30 гривен. Сестра в Ленинграде похоронила мать, продала ее квартиру и уехала к дочери в Волгоград, где купила квартиру для себя.

(А Володе не положена часть наследства от матери?)

О моих мальчиках и дочери не спрашивай – это моя боль, о которой никто не знает, – они для меня потеряны.

Да, писем ты мне не пишешь, потому что я не знаю, получаешь ли ты мои, твои вопросы этому подтверждение.

Какой смысл писать книгу о неудачнике, каких сейчас хоть пруд пруди?

Рад, что у тебя появился «notebook», так как любой компьютер – отличный помощник для человека, когда для него есть хорошее ПО. Единственное, что меня сейчас спасает – это стройка дома, хоть и переедем в следующем году в него, а работы там еще много. Это дело отвлекает от всего. Было время, когда не хотелось жить в этом мире, с этими людьми.

Марк Аврелий в своей книге (вернее, он не писал книгу, а его дневниковые записи дошли до нас и опубликованы в книге «Наедине с собой») сказал: (не дословно помню) «Когда цари станут философами, а философы – царями, наступит золотое время».

(Будет такой бардак и хаос, что они быстро поменяются местами! Неплохие артисты становились министрами культуры у нас – и быстро их убирали, не справлялись с чиновничьей рабртой.)

Каждый понедельник ко мне в аптеку приходит Борис Муравьев, 55 лет, холост, живет в бывшем общежитии нашего завода, пенсионер по инвалидности, нигде не работает (не может устроиться), обедает бесплатно у «кальвинистов» (устроил его знакомый). Но... Уже 21 год он занимается наукой – естествознанием. Очень умный, эрудированный человек, член общественной академии наук. Образование – два курса университета (Одесского), на заводе работал рабочим. Наукой занимается сам один. Создал новую модель возникновения и развития вселенной на основе синергетических систем.

(Почти портрет Володи?)

Мы каждый понедельник по 1,5–2 часа с ним разговариваем (с весны этого года). Я отвожу душу, так много интересного можно с ним познать. Он создал теорию незнания, теорию ошибок и теорию осознания.

(Кошмар!)

Он по любому вопросу может говорить и говорить, основываясь на своей главной теории. Он на все находит ответ, чтобы я его не спросил. С ним очень интересно. Но... У него нет ни копейки, он собирает бычки, чтобы покурить. Он не может опубликовать ничего, так как не может даже напечатать. Интуитивно чувствую, что это талант, но ничем не могу ему помочь. Искренне его жаль. Мир бесконечно жесток.

Извини, «старый хрыч», за мою писанину, и еще раз спасибо, что мне написал.

Большой привет твоей маме. Обнимаю, Вова.

Твои стихи не понимаю, извини!

Борис – Володе

14.11.99

Здравствуй, дорогой Володя!

Получил твое письмо с подробным описанием твоих дел и переживаний. Сколько же приходится переносить человеку всяких мытарств! А под старость – еще и муки ада. Не успел я сделать операцию грыжи. С мамой случилась беда. После дня рождения 17 октября я вывел ее посидеть на лавочке, ей хотелось показать новые сапожки, которые мы ей подарили. Через полчаса должен был за ней прийти, как мы договорились. Но она посидела минут 20, и ей стало зябко. Решила возвращаться без меня. А в подъезде у нее потемнело в глазах, и она упала и сломала левое бедро. Закрытый чрезвертельный перелом. Вот уже четвертую неделю лежит в больнице. Операцию делать не стали – сердце не выдержит. Было ей очень плохо, стала заговариваться. Она, как всегда, торопится сбежать из больницы. Но надо подлечить ногу, пока не прекратятся острые боли при движении ногой. Купил ей «ходунки», на костылях она не сумеет передвигаться. У мамы то сердце, то легкие сдают. Платим сестре, чтобы за ней был уход, ходим к ней каждый день. Ест она плохо, похудела, тяжело дышит, температурит. Но уже стали сажать ее на кровати, спуская ноги. Надеемся на Бога. Мне, видимо, придется уйти с работы, чтобы ухаживать за мамой дома. Нянюку нанять очень дорого, я таких денег заработать не могу. А эти переломы заживают полгода. Всю жизнь у нее болят ноги. И вот вместо облегчения – такие дополнительные муки. Бедные люди! Вот это имел в виду Достоевский, назвав свой роман «Бедные люди». Кстати этот роман – в письмах. А когда и как делать операцию мне, вообще загадывать не могу. Хотя хирург сказал, что делать надо. Все больше убеждаешься в словах Рудаки:

Что убиваешься по поводу любому?

Ты худшие узнаешь зоключенья.

Думаю, Володя, большую часть наказания грешник получает еще на этом свете.

Жаль, что ты не воспринимаешь православную веру. Хотя живешь, не замечая, по ее нравственным канонам, ставшим основой нашей культуры и нашей совести.

Таня на работе вся издергалась, каждая новая команда руководителей пытается старых работников уволить. Пьеса моя лежит под столом, пылится. Стихи пишу редко. Не до стихов. В министерстве после выборов ждут новой реорганизации. Платят копейки, на хлеб еле хватает. Повысили зарплату – к

копейке прибавили полкопейки. А цены все растут, как на дрожжах. Андрей никак не женится. Чтобы заводить семью, нужно иметь возможность ее содержать. А он, как и я, бизнесом заниматься не может. Работает с утра до вечера, мясо не ест, потому что после него очень есть хочется, да не на что. Вынужденный вегетарианец. Каждую левую копейку складывал, чтобы купить компьютер. Без него ему трудно выполнять подработку. Хотел ему отдать свой компьютер, но он для черчения не годится, мала память. Нужен пентиум.

Раньше, я думал, что вся эта смута кончится лет через десять. Но все больше убеждаюсь, что такая жизнь – норма не только в нашей стране, но и во всем мире. Неслучайно все тот же Рудаки (860–941) сказал: «Мир надо заново создать. Иначе это – ад».

Володя – Борису

02.01.2000

Честь, почтение, уважение, дорогой Боря, с любовью низкий поклон и еще раз низко кланяюсь – Вова Рябов!

Большое спасибо за поздравление. Вот и наступил последний год XX века, только через год наступит новое тысячелетие.

Болезнь всегда плохо, но мы почему-то об этом не думаем, пока не заболели. Я и Зоя тоже, вот уже два года покупаем газету, на которую нет подписки, газету о здоровье – интересная газета. Выходит раз в месяц, я уже сделал две подшивки за 1998 и 1999. И вот, просматривая за 1998, нашел один рецепт, который решил написать тебе, а вдруг поможет, затрат и времени немного, может, попробуешь. Рецепт слово в слово из газеты:

«Мне 62 года. Я заболел аденомой, а до этого у меня был простатит. Лег в больницу. УЗИ показало, что аденома есть, да и мочеиспускание было трудным. Мне предложили операцию, за которую нужно было заплатить 200 долларов, а где взять валюту, если я получаю 49 гривен пенсии. И вот тогда я вспомнил, как когда-то бабушка лечила себе кисту, а ей тоже предлагали операцию. Причем вылечила ее успешно! Я выписался из больницы и вспомнил этот рецепт: 100 грамм сосновой канифоли растопить, добавить 20–25 грамм пчелиного воска. После того, как вся эта смесь растопилась, добавить 20–25 грамм подсолнечного масла. Взять льняной лоскут 10x15 см и нанести на него теплый раствор смеси 1–2 мм. Затем положить эту липучку на лобок, то есть низ живота. Если на коже есть волосяной покров – побрить. Эту липучку носить 2 – 3 дня, а раствора достаточно на 4 лоскута. Застывший раствор подогревается и наносится на новый лоскут. И так в течение месяца. Опухоль любой этиологии рассасывается. Это касается и женщин, у которых обнаружена киста, фиброма и т. д. На курс лечения достаточно 200 грамм канифоли, 50 грамм пчелиного воска и 40–50 грамм

масла. Два моих приятеля, как и я, вылечили таким методом аденому и простатит».

Думаю, Боря, может, попробуешь, прежде чем идти на операцию.

Из-за этого рецепта я и пишу это письмо. На Новый год разговаривал с женщиной, которая приехала из Москвы в Одессу к внуку. Она каждый Новый год приезжает. Из разговора еще лишний раз убедился, что в России, хоть несладко, живут в 2–3 раза лучше, чем на Украине. Уменьши свои доходы в 3 раза, и тогда можешь представить, как живут люди здесь, но на самом деле еще хуже, так как есть много других факторов, которых в России просто не может быть.

Как-то перед выборами 19 декабря увидел на экране телевизора Никиту Михалкова и Сергея Кириенко. В конце передачи Никита предложил Кириенко спеть молитву, не помню, какую. Меня это шокировало – настолько человек (Никита) невежа, если решился такое предложить – очень узкий кругозор у этого человека, кроме того, наверно, ничего больше и не знает.

Недавно прочитал книгу Никиты (другого) Николаевича Моисеева «Человек и ноосфера», 1990, Москва, «Молодая гвардия». Нужно бы Михалкову эту книгу прочитать, может быть, задумался бы, хотя, скорее всего, нет, ведь невежество не ведает самое себя. Мне эта книга подтвердила все, что раньше думал. Человечество изначально выбрало неправильный путь – идею Христа. А ведь в то время были идеи правильные (это стало понятно только сейчас), у Демокрита и Эпикура, его ученика. Идея бога делает человека страдальцем, несчастным, рабом идеи, и полностью отучает думать. А для чего нам дан разум? Ведь мы – носители разума во Вселенной, а так глупо себя ведем – никто не хочет думать, зато с радостью верит в небылицы. Еще год остался до нового XXI века. Всех благ тебе и твоей семье. Обнимаю, Вова.

(Обрати внимание на почтовый индекс 65111. Украина и здесь не хочет быть с Россией. Ее глаза направлены только на Запад!)

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Был тронут твоим обращением ко мне в последнем твоём письме.

Но вместо того, чтобы препираться, расскажу тебе, как я пытался встретиться с Папой римским.

Я мечтал посетить Италию. И когда собрался, вспомнил, что наш журнал «Молодость» присудил премии. За стихи польскому поэту Каролю Войтыле, который впоследствии стал Папой римским, и переводчику этих стихов. Переводчику премию вручили, а Папе нет. Я еду в Италию, сказал я главному редактору журнала, поручите мне вручить премию и журнал Папе римскому. Представляешь, какая наглость с моей стороны! Главный

улыбнулся и дал согласие, если у меня получится. Я обратился к другу в МИД. Он связался с нужным департаментом – и мне обещали помочь. За это время в Посольстве Польши я был на вечере с этим переводчиком, слушал там стихи, и приобрел книжку этого поэта Кароля Войтылы. Считаю, что стихи гениальные. Мне очень понравились. Неслучайно он стал Папой. И надо же в это время Папа собрался приехать в Россию на встречу с нашим патриархом. Но, получив отказ, поехал в твою Украину. И когда я был в Риме, и в Ватикане, и стоял у папского престола, в это время сам Папа гостил у вас на Украине. И с Отцом всей земли мне не удалось встретиться. Но премию журнала (гравировку на серебряной пластине в рамке) и журналы я вручил все-таки в Москве секретарю нунция в Представительстве святого престола, с просьбой передать Папе римскому памятный знак лауреата литературной премии за стихи, опубликованные в журнале «Молодость» в 1995 году. Секретарь нунция с благодарностью премию принял. Кстати, я добавил и журнал с подборкой моих стихов. Но надо сказать, это был хоть не большой, но все-таки добрый жест после отказа в приезде Папе в Россию.

Ну как? Правда, денег за премию у нас не дают, только - слава.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

11.10.02

Здравствуй, Боря!

Спасибо за письмо. Если у тебя нет склероза, то остается одно, не все мои письма до тебя доходят – это уж точно, и было неоднократно. Может, их воруют из твоего почтового ящика? Подумай, очень неприятно узнать, что мои письма исчезают.

Поздравляю тебя с 61–летием и твою маму с 85–летием!

Всех благ вам!

Я давно знаю, что я баран в поэзии, но я писал тебе не рецензию, а как воспринял твои стихи лично я. А сейчас добавлю – 90 % людей точно также не поймут тебя и других работников искусства. Тогда вопрос: для кого вы пишете непонятное? Только для избранных? Но я не думаю, что кто-то из избранных что-то поймет в написанном. Там, где нет мысли, понять невозможно, а представить какую-то ассоциацию – для этого существует природа. Иди на природу – и получишь очень большое наслаждение. А смотря на «черный квадрат» Малевича, представить ничего невозможно. А мировоззрение рождается и возникает только из мыслей человека, а не из ассоциаций и галлюцинаций. Все это антиискусство, придуманное неизвестно для чего, как и многое всякое, чуждое искусству. Искусство, философия, какая-то наука – любое, вновь создаваемое, должны быть понятны большинству. Если ты читаешь философию, и при всем твоим старанием ты не можешь понять написанного, то знай, это уже не философия, а галиматья, созданная для того, чтобы прослыть философом.

(Говорит мудрец великий – Вова Рябов?)

Философ Лейбниц писал, что философ должен говорить и писать яснее и понятнее не философа, что нельзя объяснить, то следует устранить из философии. Так что большая часть философии, как ее понимают все, написана только для «философов». А Декарт в XVII веке писал: сомнение – это деятельность мысли; я сомневаюсь, следовательно, я мыслю; сомневающийся посредством разума человек. Сомнение есть признак некоторого несовершенства. Если мы несовершенны в своей основе, то как можно создать идею совершенного бога? Несовершенства и их преодоление видит только умный, поскольку ищет истину. Гегель сказал, что смерть Христа есть не смерть мученика, а смерть негодяя в виде постыдной смерти на кресте.

(Так хотели представить своего врага фарисеи и до сих пор так считают, и Вова – с ними вместе.)

Манихеи говорили: Церковь вместо того, чтобы преподавать истину, навязывает ее тебе, и истина, которую она тебе предлагает, состоит в значительной степени из бабьих басен, которые не могут находить подтверждение со стороны разума, – церковь требует веры прежде разума и под страхом суеверных угроз приводит к подчинению. А что такое Библия (Ветхий завет), пятикнижие и Моисеев закон? Когда она написана? 1–2–3 тысячи лет до н.э. Из чего она состоит? Это сборник мифов и легенд разных народов мира того времени. А кто Иисус Христос? Настоящее имя Ешуа Машиах – родился 5 г. до н.э. Его могила есть до сих пор в Индии. Я считаю любую религию самым главным злом человека – носителя разума. Это очень хитроумное и самое сильное оружие против человека. Шопенгауэр, философ, сказал, что вера в Бога и знание – как две чаши весов. Чем больше веры, тем меньше знания.

(И так Володя, в эйфории самомнения, решить может в одном письме все проблемы мира!)

В чем смысл жизни человека, человечества, носителя разума? Человек в основе своей есть переделыватель мира, и поэтому через какое-то время разум человека будет перенесен на другой бессмертный и неуничтожимый носитель, а затем этот разум уничтожит всю обозримую Вселенную и сразу создаст Новую. Вот в чем задача Разума, носителем которого является смертный человек.

Мы стоим сейчас на пороге потрясающих событий, и самая первая угроза – экология, если ничего не предпринять в этом деле, то через 40–50 лет все живое на Земле погибнет.

А совсем недавно я узнал потрясающую новость: в Швейцарии в физической лаборатории получили 50.000 молекул антивещества, которые могут «жить» бесконечно. А что это такое? Чтобы представить: количества антивещества со спичечную головку достаточно, чтобы уничтожить планету Земля бесследно (образуется вакуум). То, что произошло в Швейцарии, очень и очень страшно – это в триллионы триллионов раз ужаснее атомной бомбы. Не завидую я нашим внукам.

Хочешь верь, хочешь не верь Рябову, но, если хочешь стать практически здоров и двадцать–тридцать лет еще творчески поработать, последуй моему совету: позвони в Москве в Институт человека, тел. 274–03–80, директор института академик Мирзакарим Норбеков, узнай там, где в Москве можно освоить методику оздоровления Норбекова (всего десять дней), а когда освоишь – будешь должен мне бутылку самого лучшего коньяка (я шучу). Попытайся, не нужно никаких лекарств. Главное условие для оздоровления одно – очень сильное желание стать здоровым Я про это знаю очень много, еще с детских лет. Адрес института: 109044, Москва, ул. Мельникова, 7

Я очень жалею, что не могу далее осваивать компьютер – нет денег. А ведь я один из первых в Союзе сделал сам персоналку, был в числе первых.

Передача «Жди меня», Кваша ведет ее на ОРТ, может искать Сливкина Африкана? Тоска по родному отцу – судьба-злодейка.

Пиши. Обнимаю, Вова.

Борис – Володе

13.04.2003

Володя!

Вот подумай.

Война.

Дети без отцов – маменькины сынки. Мать сына учит, по бабьи, уступать, находить компромисс, оберегает его. Он дружит с подругами, а не с девушками. Нет мужского характера.

Женятся.

Жена работает на трех работах. А муж – домашнее животное. Лежит на диване (или собирает компьютер). У мужа женственный характер. У него нет мужских качеств, смелости суждений и поступков, ответственности за семью. Что это такое, ответственность? И не может научить этому сына.

Он не может быть отцом настоящим. Нет мужской харизмы. Сын сына – еще женственней, гомик.

Президент для таких мужчин – лучше женщина. Они лучше ее понимают, чем грубого мужика, который врагов собирает «мочить в сортире».

Так за поколением поколение – вымирает мужское начало на земле. Страшно?

«А покалеченные поколения и дух и плоть вылечивать должны», – написал я в одном стихотворении.

«Пусть станет деревом хоть твой росток», – умолял я сына в другом стихотворении.

Пока, Борис.

Борис – Володе

07.07.2003

Здравствуй, дорогой Володя!

Рад был твоему письму.

Да, время идет быстро. Маме уже 86-й год, и все подружки ушли, некому написать письма, не с кем поговорить. Я вечно занят своими бумажками, и она просто говорит вслух, может быть, я подойду, послушаю. Кошмар. Чувствует себя слабой, а я шестой год смотрю на ее мучения, как она ставит перед собой стульчик и волочит переломанную больную ногу, чтобы хоть иногда сходить в туалет, а не в баночку. Вчера ее опять тошнило, и она обкакалась. Жена в этот же день упала и разбила ноги, через силу встала с кровати и ее мыла. Вот так проходит это время, что некогда написать письма давнишнему другу. И время идет быстро.

Я работал заместителем главного редактора нового журнала «Автодороги». Целый год регистрировали, согласовывали, наконец, выпустили первый номер. Печатается второй номер (из четырех в году). Ушел на вольные хлеба – больше сил нет работать. Здоровье плохое. Жена дерганая, ворчит с утра до вечера. Плохо вижу, надо делать операцию – катаракта. Хожу в очках. Вместо одного фонаря вижу калейдоскоп. И вот такими калейдоскопами выглядят все фары машин на улице. А лица человека не вижу, пока не подойдет очень близко.

Один ученый дал мне денег на выпуск «Избранного» – Драмы в стихах, стихотворения, переводы. 600 страниц, 2000 экз., в твердой обложке. Никто не покупает, как я и предупреждал заранее своего благодетеля. Написали о книге в «Литературной газете», «Российской газете», «Российском писателе», «Русском вестнике», «Литературной России» (подборка стихов). Есть обо мне сайты в Интернете. Продолжаю числиться в редколлегии журнала «Молодость», но там платят копейки. Собрался сесть за третью драму в стихах, которую вынашиваю около десяти лет. В каких условиях – ты, надеюсь, понял.

Старенький компьютер мой забарахлил. В качестве подарка, Танины дети добавили мне на новый компьютер, четвертый пентиум и новый монитор. Но сочинять все равно придется вручную.

Сын вроде бы обустроился. Работает в Москпроекте-2 за ГАПа, вступил в Союз архитекторов, уже поменял старую машину на новую. Имеет свою однокомнатную квартиру и дачу. Бывает у нас. Но все – по-минимуму. Только никак не женится.

Вот и все мои новости. Очень хотелось бы знать подробности твоей жизни. Не только внутренней, но и материальной. Все твои сомнения обычны для людей думающих. Все твои вопросы решает человечество, сколько себя помнит. Это и есть духовная жизнь. Иногда кто-то делает открытия – и человечество продвигается на шаг вперед. Например, в Эпоху возрождения открытие перспективы. А сейчас говорят, что перспектива открыта неправильно. Вот запустили космический корабль в космос, пристыковывается он к станции, и никак не получается. Оказывается, ошибка в этой перспективе эпохи Ренессанса. В чем? Если ты сфотографируешь протянутую к тебе близко руку, она получится больше головы. А если помотришь на эту же протянутую так же руку человеческим глазом, она видится тебе нормальных размеров. И только скопировав сложный механизм действия человеческого глаза, научились стыковать космические корабли точно.

Володя, меня наградили международной литературной премией и провели презентацию моей книги «Избранное» в мраморном зале Союза писателей, где раньше собирались все классики, от Максима Горького до Сергея Михалкова. Я жутко переволновался. Выступил с ответным словом перед писателями за круглым столом. В основном благодарил всех. Вот примерный текст моего выступления.

«Спасибо вам за оценку моего скромного труда. Я очень рад этой встрече с такими интересными писателями в таком замечательном зале.

Международный союз писателей – это наше традиционное единое литературное духовное пространство. Сообщество братских литератур не знает суверенитетов.

В творчестве хочется отстоять свое естественное пространство мыслей и чувств, сопротивляясь наступлению индустрии бездуховности.

Это желание подвигнуло меня по десять лет вынашивать свои драматические поэмы. Причем выбор тем неслучайный - подсознательно угадывались в предстоящем времени исторические параллели. Драматические вещи - трудоемкие, и мало времени оставляли на лирику. Даже Пушкин и Лермонтов свои драматические произведения в стихах написали – в зрелом возрасте, примерно по 25 лет. Навше время инфантильнее на 10 лет. Сейчас продолжаю работу над третьей драмой в стихах. И опять проявляются исторические параллели с современной и надвигающейся жизнью.

Весь этот путь трудно было бы осилить без поддержки. Всегда со мной рядом – доброжелатели и друзья. Спасибо за то, что в свое время меня поддержали и ободрили поверившие в мои возможности: поэты Павел Антокольский и Алексей Марков, драматурги Александр Мишарин, Владимир Соловьев и Анатолий Парпара, литературные критики Евгений Осетров и Сергей Лыкошин и многие другие.

На литературную работу меня взял писатель Валерий Ганичев. На Всесоюзном совещании молодых писателей мне оказал поддержку поэт Валентин Сорокин. К переводческому делу меня привлек поэт Станислав Золотцев. Так появились в печати мои переводы киргизского поэта Барктабаса Абакирова, эстонского прозаика Юло Маттхеуса, абхазского поэта Вячеслава Читанаа, белорусского писателя Владислава Рубанова, турецкого поэта Оздемира Индже, ингушского поэта Али Хашагульгова и другие.

Все протянули руку помощи в моем становлении. Международный Союз писателей является надежным хранителем отечественных писательских традиций.

Международные литературные премии - лучшие из этих традиций. Я благодарен за высокую оценку моего долгого скромного труда - за Литературную премию имени Николая Тихонова. Мне дорого имя этого поэта Серебряного века. Особенно тем, что он, «с марсианской жаждою творить», исповедовал очень мужскую поэзию. У него я учился писать баллады, называя их притчами. Носителями и охранителями этого мужского начала нашего народа я пытался изобразить и казаков в моих драматических поэмах.

Недавно состоялась премьера спектакля по моей драме в стихах в Государственном Донском казачьем театре. Я был на премьере.

Спасибо».

Привет, Володя, тебе и твоим близким от Тани и мамы.
Обнимаю, Борис.

Борис – Володе

05.05.05 (не отправлено)

У каждого есть право вероисповедания. А я, в свое время, искал Библию, когда работал еще в избательстве «Молодость». Тогда было трудно ее купить, даже в библиотеке имени Ленина почтить не удалось. Купить Библию Наташа Шаталова помогла. За 500 рублей.

Читал ее медленно. Слышал, что наши предки раньше читали ее в течение всей жизни. И решил не торопиться. Читал по главам, по книгам. Потом решил важные для меня места выписывать. Сокровища мысли.

Поэзия. Удивлялся открытиям, когда находил знакомые мне выражения и учения.

Например, слова Александра Невского: «Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет» - это из Библии. Или псалом, откуда взято начало молитвы Животворящему кресту. А эта молитва так мне нравится по поэтическому слогу. «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением...»

Каждая молитва – свои воспоминания и свои видения.

Только так до сих пор не проникся пониманием выражения: «...И даровавшего нам тебе Крест Свой Честный на прогнание всякого супостата».

Видал, как из Библии черпал поэтический огонь Александр Пушкин.

И мне захотелось что-то самому написать на осове Библии. Я узнал, что были поползновения переложить на стихи Библию у больших поэтов, Ломоносова и других. Написаны в стихах некоторые псалмы. Не толь ко Бортнянский, но и Шостакович писали музыку на библейские сюжеты. Я выписал некоторые псалмы и создал подборку стихов, созданных на сюжеты некоторых псалмов. Показать их в редакции было нельзя. Когда я показал эти стихи, со светскими названиями, одному из знакомых редакторов с его другом – литературным критиком, он мне заявил:

– Было бы хорошо, если бы ты назвал их просто псалмами по номерам.

Одно такое стихотворение вошло в мою первую поэтическую книгу под названием «Время».

А псалмы послал в журнал Московской Патриархии. Конечно, хотелось напечатать. Но была более важная причина: проверить – а не богохульствую ли я, перекладывая слова Священного писания на стихи? Мне не ответили.

Библию читал лет 20. Не каждый день, но по порядку глав. Выписки из нее мнегодились впоследствии при создании исторической хроники в стихах. Это – самое важное, самое драгоценное в этом произведении.

Однажды, когда я заканчивал создание последней драмы своей трилогии в стихах, утром проснулся, и пришло мне на ум, может быть, по вразумлению Божию, по крайней мере, я так подумал, как бы задание, – написать роман. Его идея – как я шел к вере в Отца нашего, Господа нашего Иисуса Христа. Каждая молитва – связана с событиями моей жизни. А мой молитвослов – и есть план этого романа. Как я хотел найти не только земного отца, но и Отца небесного, самого главного для человека. В моем стихотворении о моем земном отце, по подсказке Тани, которой я прочитал черновой вариант, появились строчки:

И я прощенья свет познал.

Отец небесный не отринул.

Когда мне трудно, смятение в душе, я открываю Библию, и прошу: «Вразуми меня, Господи!» В ней столько сконцентрировано нравственной мудрости, что любые открытые слова – вразумляют.

Господи, вразуми Володю!

Володя – Борису

10.01.05

Я приветствую тебя, дорогой Боря!

Как и обещал, под Новый год пишу тебе письмо. 65 лет мне стукнуло, всего 65 раз я пробежал вместе с Землей вокруг нашего светила и 23 750 раз я ложился спать за это время своей жизни. Да, время неумолимо, и как его мало дано нам природой.

Мы давно знаем друг друга, ох, как давно! А что мы знаем друг о друге? Скорее всего, ничего. За все это время у нас не было того общения, какое было когда-то в Астрахани. Твои письма (вернее, записки) содержали всего одно – краткие очень сведения о себе – здоровье, работа. И все. Мои попытки как-то интереснее сделать наше знакомство – провалились уже давно. Но почему-то до сих пор что-то пишем друг другу! – Почему? – Не знаю! У меня, наверно, просто ностальгия по прошлому.

Люди!? Океан спящих! Только и занимаются одним – придумывают и создают проблемы, а потом пытаются как-то и бездумно их решать. А на самом деле все уж очень просто – но никто не хочет или не видит самого главного. Что такое наша сейчас жизнь, которая не изменилась за 5 тысяч лет? – На первом месте удовольствие любой ценой. А какое удовольствие? Все сводится к одному удовольствию – половой инстинкт (секс) и нажива (деньги). Вот вся наша жизнь – секс и деньги. А представь себе, вдруг все исчезло, нет общества, людей – ты стал один и вокруг никого: ты сразу теряешь свое имя, национальность, личность исчезает – остается индивидуальность. И вот тогда задай себе вопросы: «Кто я? Зачем я? Куда я иду?» Сначала каждому нужно ответить на эти вопросы, а потом создать общество. Но этого нет.

(Пока я писал эту книгу, появилось у меня четверостишие с ответом на один из подобных вопросов:

*Бежишь, молодой, я гляжу,
Топча стариков на пути?
Ты знаешь, что ждет впереди?..
Поэтому я не спешу.)*

Кому нужна поэзия, скульптура, живопись, музыка и т.п.? Да никому они в нашем обществе не нужны сейчас. Нужны деньги и секс. Если от поэзии, скульптуры, музыки, живописи можно получить деньги, создав их или перепродав, тогда только они нужны – вот смысл нашего общества, и он был всегда и будет.

Человек от природы свободен – это естественное состояние человека. Общество сразу лишает человека свободы своими законами и заставляет его очень бояться одиночества – нарушается естество человека. Быть рабом какой-то религии – это абсурд для человека. Для чего у человека ум и разум? Ум – есть накопитель знаний (банк данных), а разум есть способность этими знаниями пользоваться. Но есть еще шестое чувство – интуиция, которая у большинства не работает. Интуиции не нужны знания, и она срабатывает мгновенно, и на 100 % без ошибки. Интуиция – это скрытая способность каждого человека, о которой мало кто знает. Люди Востока о ней знают больше, чем люди Запада.

Зачем я тебе все это пишу? Скорее, напрасно стараюсь!

Извини – основа нашего единства Человек, который выше каждого из нас (Экзюпери). Его «Цитадель», которую я сейчас читаю, очень похожа на Библию, Коран, Заратустру и Бхагават Гиту. Экзюпери!!!

Живем с Зоей одни в своем доме (60 м²), с водопроводом, горячей водой, местной канализацией, ванной, водяным отоплением. 22 ноября поставили телефон: 8–0482–75–33 (цифровой). Скоро будет природный газ в доме, если осилим сумму 1500 долларов. С нами живут кот Тишка и песик Марсик – очень интересно с ними. Зоя работает на рынке у хозяина, я доделываю дом (двор). Очень страдаю от того, что у меня нет компьютера.

Какие гадкие люди: из радио, телевидения, компьютеров, Интернета сделали самое худшее – все их достоинства почти исчезли – ничего стоящего нельзя давать в руки дуракам. А вернее, это делают деньги, стремление максимальной наживы – вот и уродуется все стоящее и нужное. Нонсенс!

Эрих Фромм в своей последней книге «Иметь или быть?» очень убедительно доказал, что давно пора перестать быть обществом, в котором главное – иметь, а на первое место поставить тезис – быть человеком. Но кто читает Эриха Фромма? Да почти никто.

Я человек абсолютно необидчивый, жизнь научила быть объективнее и принимать все как есть, ни на что не обижаясь. Прошлое не вернешь, а будущее не наступило, жить надо в реальности, в настоящем. Терпение, упорство, настойчивость – лекарство от всего.

Жду ответ из Германии о Сливкине. Передача «Жди меня» – молчит.

С Новым годом, дружище! Побольше тебе новых знаний, а значит, новых мыслей в Новом году!

Честь имею откланяться. Владимир.

P.S. Мыслей много в башке, а на бумаге – не могу выразить.

Борис – Володе

01.02.05

Здравствуй, дорогой Володя!

Очень рад твоему письму. Ты пишешь все одно и то же. Я не обижаюсь на тебя, не волнуйся.

Да никому не нужны наши творения. Посылаю доказательство. Войско донское выбвинуло мои исторические хроники в стихах на государственную премию. Только стыда нахлебался, оформлять эти бумажки. И вот ответ.

**КОМИССИЯ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕМИЯМ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСКУССТВА**

103132, Москва, Старая пл., д. 4, п. 6

Телефон, факс

20 июня 2003 г.

№ А-23-1-81

Б.К. РЯБУХИНУ

ул. Софьи Перовской, 8, кв.7

г. Москва, 111567

Уважаемый Борис Константинович!

Возвращаем книги, направленные нам в связи с Вашим выдвижением на соискание Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства 2002 года.

Приложение: книга «Избранное» в 4-х экз.

**Заместитель председателя Комиссии
по организационным вопросам (Подпись)**

Закончил, наконец-то, третью драму. Жду публикации. Конец моей трилогии. Потихоньку возвращаюсь к стихам. Пока не работаю. Подрабатывать тоже не удастся. Мама плохо себя чувствует. 87 лет! Я у нее раздвоился. Есть один Боря – который как бы чужой. И другой Боря – который ушел и пропал, надо искать, звонить в милицию, больницы, морги, предать земле и т.д. Кошмар. Целыми днями она ноет, просит, требует искать его. Путаает слова. Спрашивает: «Ты кто?» Представляешь, кошмар?

Потихоньку начал раскручивать нашу давнишнюю задумку – вникаю в письма дяди Саши. Пишешь ли ты сейчас Сливкиным? Кто из них остался? Как было бы хорошо, чтобы связь твоя с ними не прерывалась. Знаешь ли ты что-нибудь о своих детях? Таня мне так и не отвечает – не знает. Несчастливые люди. Одни – подранки. И мы с тобой – тоже. Ты правильно понял, что мы с тобой мало что знаем друг о друге. Только эпизоды студенческой юности, и то – пунктиром. Может быть, ради нашего «дела», ты

мне будешь рассказывать о себе, о матери и Рябове в своих письмах. Жизнь выше всех философий.

Я, например, только недавно понял, что отцом и не умею быть, потому что не пришлось жить в семье со своим ребенком. Может быть, ты правильно был недоволен моим отношением к женщинам. Но, скорее всего, я – телок. А тыто знаешь, как быть отцом? Отчимом ты видел, как быть, прожив с Рябовым. И сам давно – отчим Сереже.

Володя, хорошо бы сделать свое родословное дерево. Я уже начал делать свое – и запутался, отдал задание сыну Андрею, пока молчит, но хочет обратиться в архив (супруга Наташа его подбивает).

На пенсию жить трудно. Хорошо, пока жена работает. Но и ее норовят выпихнуть на пенсию. Она делает газету в Аэрофлоте, тоже занимается журналистикой. А меня иногда попрекает куском хлеба. Попробуй не обижаться!

Большой привет Зое и Сереже. Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

15.02.05

Здравствуй, Боря! Спасибо за письмо! Все это меня потрясло.

«Ты пишешь все одно и то же»? – так что же есть одно и то же??

Если адресат тебе не отвечает на письма в течение многих лет – что должен я писать? Хотя бы узнать, доходят ли мои письма до адресата. Вот и решил писать тебе раз под Новый год, кратко о себе. «Давнишняя задумка» была твоя, а не наша, и мне через 30 лет, сейчас абсолютно все равно, будешь ли ты что-то писать или нет. Время не стоит на месте, время все меняет и дает оценку всему в мире людском. Люди сами создают для себя проблемы, чтобы потом тратить бесценное время на их решение – религия, например, самая страшная проблема, стала неразрешимой, и далее будет еще немало жертв этой проблемы.

Дядя Саша умер (я тебе писал), дядя Аркадий умер, тетя Гутя еще жива, но мне не отвечает – тоже тебе писал. О детях знать не положено – решение их матерей. Дети для меня потеряны, навсегда. Но Зоина внучка, которая выросла на моих глазах, и с которой я постоянно общаюсь, – называет меня дедушкой. И на 65-летие я получил от нее самый дорогой подарок за всю свою жизнь, переписываю дословно то, что она написала в открытке, ей 15 лет:

«Поздравляю тебя с юбилеем, мой дорогой, любимый дедушка! Ты старше меня всего лишь на каких-то 50 лет. Но знаний твоих хватит на 5 таких жизней, которые прожил ты. Я знаю, что ты так не думаешь, но мое мнение именно такое. Я знаю также, что человек учится всю жизнь и всю жизнь совершенствуется. Хочу пожелать тебе, дедушка, больших успехов в твоём дальнейшем самосовершенствовании. Я тебя очень люблю и хочу,

чтобы ты как можно чаще чувствовал себя счастливым. С днем рождения тебя! Твоя внучка Ира».

Если хорошо вдуматься, осмыслить – эти слова 15-летней девочки стоят дороже всей прожитой тобой жизни. Вот и вся философия.

А философия – это есть мудрость жизни, и они неотделимы: без жизни не будет философии, а без философии жизнь мертва – это одно и то же.

Ты мне уже давно писал, что отцом не умеешь быть – в этом умения не требуется – каков человек, таков и отец, если ты хороший человек – ты всегда будешь хорошим отцом (или хорошей матерью) – это такие простые истины. Я не помню, чем именно я был недоволен в отношении к женщинам. «Но скорее всего, я – телок». Что это такое? Годы жизни позади – каков опыт! Но в чем же тогда у тебя был этот опыт, если ты остался «телком»? Разговариваешь ли ты с сыном, как с равным, обо всем, видишь ли ты, что он открывается с тобой и говорит обо всем. Ира, внучка, когда мы одни, то говорит: дедушка, мне с тобой интересно, потому что ты совсем не такой, как все, кого я знаю. Обо всех своих детских секретах мне говорит. Умение быть отцом (дедушкой) в тебе самом – раскрой его, файл легко открывается. Так что знать, как быть отцом, совсем не требуется, просто будь им и все – истина!

(Все у тебя, друг, истина, а на самом деле – одни заблуждения.)

Родословное дерево, зачем оно мне сейчас? Есть более значимые интересы! Рад, что ты продолжаешь жить и работать. Вот откуда только ты понахватал столько болячек? Человек сам делает себя и свои болячки. И спасибо, что впервые за столько последних лет получил от тебя не записку, а очень и очень короткое письмо. Низко кланяюсь тебе за это.

Пожалуйста, прошу соблюдать не писанные правила переписки, о которых, по-моему, ты и не знаешь, хоть и литератор.

Желаю тебе не гнусавить, а быть всегда победителем.

Большой привет супруге! Обнимаю, Вовка.

P.S. Через познание приходит знание (извини).

Володя – Борису

25.02.05

Я приветствую тебя, Боря, из далекой Одессы!

Это второе, дополнительное письмо, в этом году тебе. Где-то более года назад я послал письмо на ТВ в Москву в передачу «Жди меня», но ответа от них не получил. В этом письме я послал три письма, которые просил вернуть. Одно из этих писем – первое письмо от Сливкиных, которое я получил от Аркадия Васильевича. Второе – первое письмо от Августы Васильевны и

третье – одно из писем отца, Африкана, с фронта. Думаю, эти письма тебе нужны и, скорее всего, ты их не читал. Если, конечно, ты не раздумал писать о моей судьбе. Позвони на ТВ и узнай о моем письме, если оно есть, то забери письма, которые я туда вложил, они будут твои. Эта передача, скорее всего, есть обычное шоу на ТВ.

Года два назад я написал в посольство Германии в Киеве, через полгода мне прислали бланк запроса по розыску и адрес в Германии, куда этот запрос послать – Международная служба розыска. Я сразу это сделал и быстро получил от них ответ, где они просили ждать, так как у них много таких запросов. Уже больше года жду. Это я сделал потому, что моя мать сказала мне об отце только одно: «Зачем он тебе нужен, может, он за границей? И тебе он не нужен». Это все, что я узнал от матери о родном отце. Больше она не захотела ничего мне рассказывать. А всего более я, конечно, узнал бы о нем от нее. Жду ответа из Германии – это моя последняя надежда что-то узнать об отце.

Письма дяди Саши я так и не успел ему отослать, и только недавно ввел их в мой ретро-компьютер и отпечатал на ретро-принтере. А сами письма отдал Августе (Галине), дочери Аркадия, а она отдала их своей дочери Ирине, которая ими заинтересовалась и хочет писать книгу – она поэт-бард, пишет неплохие стихи, живет в Краснодарском крае на берегу моря.

В ноябре 2004 года у нас появился телефон, цифровая связь Укртелеком, номер 8 –048–753–77.

Я целыми днями дома, топлю котел углем, чтобы было тепло дома. Жена работает у хозяйки продавцом, получает очень мало.

Вот все, что хотел тебе дописать.

Здоровье и честь берегут смолоду, Боря – извини.

Обнимаю, Вова.

P.S. О письме в «Жди меня» я уже тебе писал ранее.

Борис – Володе

03.05.05

Здравствуй, дорогой Володя!

Письмо от 25.02.05 получил 3 мая. А 26 февраля умерла моя мама. Отмучилась, бедная. Меня последнее время не узнавала, пыталась искать среди погибших. Ужас. Похоронили ее на кладбище, далеко, но как просила. Поставили крест, заказали ограду и скамеечку. А памятник ставят только после года, когда могила осядет. Последнее время я ушел с работы, сидел с ней, писал свою третью драму. Слава Богу, закончил. Вроде, – не хуже двух предыдущих. Издал книгу, Таня помогла. Напечатали рецензию в писательской газете. Долго не могу прийти в себя. После 40 дней Таня взяла

бесплатную путевку в санаторий в Сочи, и повезла меня с собой. Билет корпоративный – дешевый. Сегодня вернулись.

И сел ответить тебе сразу на два твоих письма. Ты не обижай, а самое главное, не обижайся. Возраст уносит не только здоровье, но и дружеские связи. Хорошо, что ты мне сообщил о желании Галины написать книгу, в том числе по письмам дяди Саши. Их надо как-то использовать, потому что жалко, пропадет такой интересный сказ. Слова твоей мамы об отце были сказаны в советское, подцензурное время. Жаль, что сейчас она не может тебе сказать большее. Но есть документы. И запрос в Германию ты сделал правильно. Я постараюсь дозвониться до передачи «Жди меня». Конечно, это шоу, но главное – в оплате за большую работу по розыску (иголки в сене). Одна передача стоит тысячи долларов. Думаю, письма мне не отдадут. Только могут вернуть тебе по твоему письменному запросу.

Размышляя над последними рассказами умирающей матери об отце, я пришел к выводу, который как-то объяснял слова отца в письме ко мне «Никто не виноват, ни мать, ни я, в разводе». Видимо, у отца была девушка, или даже гражданская жена, но он решил жениться на моей матери, расписался, зачал меня и поехал в Астрахань знакомиться с семьей моей матери в Астрахань. Тут он увидел, какая большая семья, какая нищета. Но самое страшное – узнал, что отец матери Белов Алексей Тимофеевич присужден по политической 58-й статье к смертной казни, с заменой, по прошению большой семьи его, на срок 10 лет без права переписки. Комсомолец, будущий парторг, стремящийся из нищеты выбиться в люди, испугался перспективы родства с такой семьей. И вернулся к гражданской жене. И с фронта писал этой другой своей жене, и к ней вернулся. А не к моей матери.

Я не сразу был зачат, и отец пытался бросить мать, когда у нее был выкидыш, тогда аборт карался по закону. Но парторг заступился за мать и дал машину, отвезти ее в больницу, так как выкидыш был не по вине матери, пригрозил партийцу отцу выговором.

Однако, регистрация его с матерью не законная. У матери нет оригинала свидетельства о регистрации, только повторное свидетельство, и то недействительное, так как в этом свидетельстве о регистрации нет номера по книге записей в ЗАГСе. Написано: «произведена соответствующая запись по №__», а номер этот не проставлен. Из-за этого нотариус не смог зарегистрировать копию с этого свидетельства, когда матери было необходимо представить эту копию по месту работы. Но самое печальное открытие мое: даже этот неисправный документ выдан матери 12 июля 1947 года. Значит, мать приезжала на Дон не в 1946, а в 1947 году, и ей подсунули эту филькину грамоту. А где же свидетельство о регистрации брака матери с отцом 13 июня 1940 год, о чем в этой филькиной грамоте написано? Потеряно в войну? Раньше так многие говорили. И отец дал бумагу, заверенную нотариусом, что он не возражает против брака матери с другим мужчиной. Свидетельства о разводе они не могли получить, так как не был законно оформлен брак.

У меня тоже нет оригинала свидетельства о рождении (тоже потеряно в войну?). Есть тоже только повторное. Но я удивился, когда оно выписано. Нет, не в 1949 году (чуть ли ни сам отец писал его, вспоминала мать). Оно выписано 27 июня 1956 года. То есть с 1941 года я был без документа о рождении? Вот почему отец, якобы меня позвал, и я поехал к нему, но не в 1955, а в 1956 году. Там отец мне и «выправил» повторное свидетельство о моем рождении. Вот что я привез от него. А потребовала документ, видимо, школа, поэтому и был миф, что отец прислал письмо в школу. Ничего он не присылал, а школа попросила его оформить документ о рождении брошенного сына. Ведь нужно было со временем получать паспорт.

Перед смертью, за несколько месяцев, мама плохим подчерком написала:

«Костя жил с женой, когда я уехала и взяла с него в г. Серафимовиче заверенную нотариусом справку, что он не возражает, чтобы я вышла замуж.

А Боря при всех отказался от отца.

Костя говорит: «Сынок, я твой отец».

Он был удивлен: «Мой отец красивый, высокий».

А у меня и не было никого.

Он даже плечами передернул: «Мой отец?»

Тогда мне было 5 лет (12 июля 1947 года, по дате выписки повторного свидетельства о браке), когда я вот так отказался от родного отца. Но, став взрослым, я его простил. Бог ему судья.

Все эти тайны узнавая, я причинил только лишние страдания больной матери и себе. Она заплакала и сказала: «Боря, истинный Бог, твой отец Костя!».

Теперь у меня нет и матери. Я закончил драму, над которой корпел 10 лет, я нигде не работаю, старого – не берут. И решил бросить курить из-за стенокардии. Никому не нужен, кроме жены. Сын женился, ждут ребенка. Жену увольняют, на пенсию. Пытаюсь еще писать стихи.

Обнимаю, Борис.

Володя – Борису

15.12.05

Дорогой Боря, здравствуй!

Я ответил на твои письма в начале этого года – ответа не было, и я не знаю, получил ли ты мое письмо. Считаю все это ненормальным.

(Диалог глухих! Какая наступила жизнь! Послания теряются по пути из одной части тела перерезанной Руси в другую часть ее единого тела.)

О себе. Мне уже 66 лет стукнуло 3 ноября! Но это очень и очень мало, чтобы что-то узнать об этом идиотском мире людей. Не работаю. Получаю с января 2005 года пенсию в 360 гривен (72 доллара), жена получает 530 гривен (106 долларов) и еще работает за 400–500 гривен. Это наши доходы. Платим в месяц: вода – 2 грн., электросвет – 30 грн., газ (природный) с сентября есть в доме, отопление на газе – 50 грн., когда топим котел. И за телефон – 30 грн. Итого: 110–120 грн. в месяц. – это наши расходы по дому. А на остальное – живем. За год новой власти все подорожало в 2 – 3 раза и более. Выписываем газету (российскую) «ЗОЖ», благодаря которой можем лечиться без врачей. Наш дом теперь по удобствам превосходит любую самую дорогую квартиру. У меня есть компьютер Pentium– I (233 мгц) за 500 грн., на котором я в основном читаю журналы и книги с CD–ROM, да слушаю музыку.

Главное богатство, что мы приобрели за свою жизнь, не деньги, а люди, которых мы любим и которым мы нужны. А накопленный опыт никому не нужен. Жизнь теряет смысл (если он был) из-за глупости этого мира. Интересных людей редко кто может встретить в своей жизни – люди в массе своей хотят только развлечений. В общем, Боря, жизнь людей – самая глупая штука. Вот ты не отвечаешь и не считаешь нужным сообщить мне об этом: «Вова, прости, я не хочу тебе писать», – всего 6 слов, я бы все понял, а главное, ты бы поступил нормально – но ты не хочешь этого сделать, потому что живешь в глупом мире, как и я. Поздравляю с 2006 годом календаря! Всех благ тебе.

Самый глупый из глупых – Вова.

Хочешь, пиши, хочешь, не пиши – это твое право...

Старческого маразма у меня не будет!!!

Володя – Борису

13.02.06

Здравствуй, Боря!

Твое письмо, посланное 30.01.06, получил, спасибо!

Все твои ежегодные письма – записки очень похожи – или не хочешь мне писать, или не научился писать письма. Я тебе писал на Новый 2006 год письмо и не знаю, получил ли ты его, как не знаю, получил ли ты ответ год назад на твое письмо, и сейчас пишу и не знаю... Твое поведение мне не понятно, и нет смысла писать человеку, который не хочет этого, то есть писать ответ мне. Мне очень жаль, что вынужден писать эти строки. Ты очень и очень многое не понимаешь в этой жизни, и чем ты живешь, мне не суждено понять...

Если ты так поступаешь, зачем тогда пишешь эти короткие записки, зачем я тебе нужен, если для меня нечего писать? Ностальгия?

Ира Зайцева, внучка моей жены, считает меня родным дедушкой – написала это стихотворение за 1 час, на одном дыхании. Она очень ценит общение со мной – ей не хватает настоящего отца.

Я не знаю далее о чем писать. Извини.

Всего тебе хорошего, Владимир.

Ира Зайцева, 16 лет

КОШМАРНЫЙ СОН

Трудно дышать в этом мире.
Устала ждать ножа в спину.
Вокруг лицемеры одни.
Повсюду все серо: и ночи, и дни.
Не знаю, как быть, чего ждать?
Зачем тогда жить, не мечтать?
Не любить, не страдать? Ожидать
Не могу. И силы у Бога прошу,
Чтоб дни коротать.
Не могу больше лгать.
Не хочу погибать. Не хочу.
Услышь и спаси, помоги.
Как душу спасти, научи,
И истины путь покажи,
На ключ от дверей укажи.
Мой кошмар - это город грехов.
И он - властелин моих снов.
И страшную тайну боюсь я узнать.
Не могу, не хочу! Я боюсь засыпать.
Я боюсь не проснуться, в кошмаре застрять,
Навеки остаться. Мне есть, что терять.
Тот мир, например, в котором живу.
Мой город грехов не во сне - наяву.
И пусть я тот мир ненавижу,
Но все ж без него не могу.
Он так на кошмар мой похож:
Любая спина ждет свой нож.
Любой друг-товарищ в беде
Солжет и откажет тебе.
И в братстве навеки раскол.
Сатана взошел на престол.
Лукавого армия город сжигает,
И души людей, как дань, забирает.
И рано ли, поздно ли мать
Пойдет ребенка душой торговать.

И слово забыто - любовь.
Повсюду: разврат, жуть и кровь.
Два брата: Холод и Голод,
Сестра их родная - Чума.
Они захватили весь город,
И всюду их мать - Смерть одна.
И нет надежды на спасенье.
Вокруг лишь только зла творенья.
И смысла нет, и веры нет.
Нарушен тот святой обет,
Что перед Богом ты давал,
Что ты когда-то соблюдал.
И хаос вновь всему отец.
Он с Черной Бездной под венец
Идет. И вся Земля ко дну
Отправилась прямо во мглу.
А Бог о ней уж позабыл
И изваянием застыл.

Вот мой кошмар и мое бремя.
Над ним не властно даже время.
И так боюсь я не проснуться.
В ту мглу всем телом окунуться.
Я каждый вечер жду теперь,
Когда рассвет откроет дверь
И даст мне воздуха глотнуть,
И в пробужденье отдохнуть.
Я не хочу сильнее всего,
Чтоб мир мой стал этим кошмаром,
Чтоб прах остался от него,
Земля чтоб обернулась паром.

Декабрь 2005 г.

Борис – Володе

15.05.06

Здравствуй, дорогой Володя!

Звонила твоя соседка Мария Карповна, рассказывала о тебе, спрашивала обо мне, чтобы потом рассказать тебе о нашем разговоре. Жаль, не удалось с ней встретиться.

Последнее письмо от тебя я получил со стихами твоей знакомой. Они искренние, но об этом все говорят. Жизнь моя катится. Работаю ответственным секретарем журнала «Молодость», в основном мой офис –

дома: компьютер, сканер, ксерокс, факс, Интернет. Редакция помогает его обслуживать расходными материалами. Денег немного, да и сил не так много, как раньше. Главный редактор стареет, болеет. Я тоже сижу на таблетках от сердца – артериальная гипертония. Сделали ультрозвуковую диагностику головы, суточную кардиограмму сердца. Сегодня пойду к кардиологу, что скажет. Голова тоже начинает сдавать, наверное, от остеохондроза. Таня тоже работает, тоже на таблетках ходит от сердца, да еще женские неприятности. Так что все у нас по полной программе.

Прочитал книгу Ласло Бито «Исаак из Назарета». Нашел в ней несколько интересных размышлений об отце.

«Но существует ли незримая – сродни пуповинной – связь меж отцом и сыном? Нет, отцовская любовь не от плотской связи берет свое начало и не рождается вместе с нами... отцовская любовь идет не от тела, но от души, боговдохновенного дара, присущего лишь людям».

Мое: в Италии на фреске – Бог Савоаф протягивает Адаму палец, чтобы вдохнуть в него жизнь. Если бы отец протянул мне хоть палец, думается мне. Он только молча и пристально долго смотрел на меня во время болезни, когда я к нему приехал.

Читая книгу Ласло Бито «Исаак из Назарета», я нашел ответ на вопрос, заданный когда-то тобой: Что такое «Ищу отца»? Вот этот ответ: «Но кем бы я стал, если бы настойчивые поиски отца не сделали меня тем, кто я емь? Полжизни потратил я, чтобы отыскать отца среди соплеменников своих, сей путь привел меня к Отцу всего сущего, источнику всякой любви».

Как у тебя со здоровьем? Тоже стал дедушкой, или еще молодой? Хотелось бы приехать к тебе погостить, в море покупаться. Да деньги кусаются. Затеяли ремонт, после смерти мамы, влезли в долги, выплатим – продолжим, еще много надо сделать, кухню, балкон и большую комнату привести в порядок. Сделали санузел, прихожую и бывшую мамину комнату.

Стихи почти не пишу. Немного поработал над ними в санатории в Сочи, дали бесплатную путевку и оплатили дорогу в сообесе. Но больше не поеду – соседи ругаются, что храплю, а сами такие же храпуны, еле срок выдержал, и море не в радость. А пошел на работу – бесплатную путевку уже не дадут.

У Андрея родился сын. Несколько раз виделся я со своим внуком. У молодых тоже сложности свои, как бы сохранить семью. Работает он много, надо кормить жену и ребенка, и мать, а жена просит от него больше внимания и помощи. Пусть сами разбираются. У вас-то Сережа женатый?

Хотел в Астрахань съездить, и в Волгоград – на могилу отца, но денег на дорогу нет. В Астрахань в один конец купейный билет 3000 рублей – моя пенсия.

Очень тяжело переживаю смерть мамы. И мать жалко. И возраст свой остро почувствовал, привык чувствовать себя ребенком. А тут еще курить бросил, а желание сосет. И стержня нет, на котором держался, – тридцать лет шел постоянно к своей цели – написать трилогию, а теперь она написан и

издана. Новую цель еще не выбрал, да осилю ли, с такой головой и таким сердцем? Стихи получаются, мало того, что слабые, еще и страшные – про старость. Писать их не хочется.

Вот такая обстановка в доме, и в душе.

Пиши, Володя. Не жди ответа. Не все письма приходят.

Ты все повторял, что мало обо мне знаешь. Исправляюсь. Посылаю тебе мой очерк о проректоре Рыбвтуза Артеме Захаровиче Щербакове, из книги воспоминаний о нем, которую выпустил рыбвтуз. Ты, наверное, его помнишь.

ОТЦОВСКАЯ ОПОРА

У меня не было с детства отца. Он с войны в семью не вернулся. И я искал отцовскую опору. В школе это был военрук, который меня взял со старшеклассниками в поход на ялах в низовья Волги. В институте это был проректор Артемий Захарович Щербаков. Мне много было не надо, хоть иногда совет, одобрение, улыбка.

Артемий Захарович был уникальной личностью. Поэтому я его и выбрал.

Из преподавателей Рыбвтуза были необычными два человека. Первый – по ТММ (теории механизмов и машин), читал лекции очень тихо, приходилось прислушиваться, а значит, сосредоточиваться, и читал самое главное, без лирических отступлений, причем так вразумительно, что можно было не учить, хватало прослушать лекцию.

А второй – Артемий Захарович. Этот, наоборот, говорил громко и постоянно не рассказывал новый материал, а спрашивал его, как будто мы давно об этом знали, только забыли. И это был ход. Когда я у академика Э.Д. Днепров в Москве был старшим научным сотрудником ВНИК «Школа», по совместительству с работой в «Литературной газете», я понял, что Щербаков использовал западный способ преподавания свободного мышления – «догадайся сам», в отличие от отечественной, принудительной передачи знаний - «делай, как я». А тогда Щербаков задавал нам вопросы по ходу раскрытия темы нового материала, каждый из нас, соперничая друг с другом, старался правильно на них ответить, фактически объясняя преподавателю и себе новый материал. Кажется, мы не только не учили, но и не записывали лекции. И так всё оставалось в памяти, по крайней мере, до экзамена. Такого не делал никто из преподавателей.

Но больше всего мы тянулись к Щербакову после лекций. Он стал во главе художественной самодеятельности Рыбвтуза. Даже родился анекдот-быль. Приходит студент в аудиторию и говорит: «Проректор велел всем добровольно записаться в хор». Но Щербаков – не Огурцов. При его содействии в Рыбвтузе был организован СТЭМ – Студенческий театр эстрадных миниатюр. И мои интермедии там успешно показывали. В Рыбвтузе был драмкружок, целый театр, под руководством артиста из ТЮЗа.

Театр даже ездил на гастроли по области. А я был с этим театром везде, потому что любил театр и... свою будущую супругу, игравшую Луизу в пьесе Шиллера «Коварство и любовь». А хор «по собственному желанию» превратился в студенческий оперный театр Рыбвтуза, гремевший по всей Астрахани, и также выезжавший на конкурсы и на гастроли в другие города. Что же касается меня лично, то проректор писал музыку на мои слова, и эти песни я исполнял со сцены в сопровождении студенческого оркестра.

Помню, как я пришел, наконец, домой к Артемию Захаровичу. Он усадил меня у фортепьяно и стал играть мелодию, которую я ему напел. Это был мой первый урок по классу композиции. Так рождалась моя песня «Гаснет закат в дымных облаках...» про любимый город. Конечно, от моей мелодии ничего не осталось. Но ее исполняли на концертах в институте, не только я, но и другие артисты. А мне удалось потом написать и напечатать в альманахе «Алтай» в 1964 году свою песню «Встречай, Сибирь!» Все участники конференции литераторов Алтайского края подпевали мне припев из этой песни:

*Встречайте меня, сосны!
Тайга, назначай свиданье!
Сегодня в Сибирь я сослан
По собственному желанью!*

По собственному желанью я поехал работать инженером-холодильщиком на Алтай по распределению Рыбвтуза. И здесь я принял добрый совет Артемия Захаровича. Идем мы с ним по тенистой аллее институтского парка, и я у него спрашиваю:

- Артемий Захарович, как вы считаете, куда мне лучше поехать, в Пятигорск на винный завод, или в Рубцовск на гормолзавод?

- Конечно, ты мог бы остаться в институте в аспирантуре, у меня, например, на кафедре (теплотехники). Тем более жена у тебя – в положении.

- Нет, я твердо решил – уехать, начать самостоятельную жизнь.

- Тогда лучше на Алтай соглашайся. В Пятигорск я тебе не посоветую, сам армянин. – И улыбнулся по-доброму. Это был мне первый урок толерантности.

Часто я вспоминал эту улыбку, когда работал в Министерстве по делам национальностей, в том числе и с замечательными лидерами Армянского общественного объединения Москвы. Знание культуры, обычаев, души народов разных национальностей делает человека богаче и добрее.

Запомнилась мне и последняя встреча с Щербаковым. Я привез с Алтая жену с годовалой дочкой в Астрахань, мне же предстояло вернуться в Рубцовск на строительство гоормолзавода, так как молодой специалист, по прежнему закону, должен был отработать по распределению три года. Мне хотелось восстановить недоучившуюся супругу в Рыбвтузе. И я обратился за

помощью к Артемию Захаровичу. Он меня хорошо принял, внимательно выслушал. И, как всегда, доверительно сказал:

- Мы ее восстановим, но ведь она не будет учиться.

- Будет! – настаивал я.

Жена продолжила учебу в Рыбвтузе, а я уехал на Алтай. Но Щербаков, как всегда, оказался прав. Жена стала юристом. Мне повезло, что был в моей жизни такой замечательный учитель, как Артемий Захарович Щербаков.

Володя – Борису

22.06.06

Дорогой Боря, здравствуй!

Спасибо за письмо и за очерк. Мария Карповна мне и тебе кое-что рассказала о нас обоих.

Я тебя и не думал просить напечатать стих нашей с Зоей внучки, я просто хотел услышать твое мнение, я его услышал, спасибо: это ты и о себе кое-что сказал. Внучка прочитала твое письмо и назвала его плаксивым. Каждый человек должен понять, что после сорока сам себе врач – это не я сказал, вот и болеют все вокруг меня, моего возраста, а я пока на здоровье не жалуюсь. Жена по сравнению с другими, такими же, гораздо лучше их по здоровью. Мы с тобой знакомы очень давно, но абсолютно ничего не знаем друг о друге. Я переписываюсь с Юрой Черненко (1950 г.р.) из Запорожья более 10 лет, мы никогда не видели друг друга, но я его знаю уже очень хорошо, и всю его жизнь, а о тебе – ?!? У тебя пенсия более 100 долларов – у меня 75 долларов, я не работаю, ты работаешь. Ты потерял маму, у меня уже нет ни отца, ни матери, сестры Тани, осталась Ольга в Волгограде и две тети в Одессе – это все мои родные, а двоюродные все умерли. Такова жизнь, не надо жалеть о маме, она прожила долгую жизнь. Радуйся, что отмучилась в этом мире. Если не все письма к тебе приходят, что я должен чувствовать, когда пишу тебе это письмо, – ты не указал другой путь гарантированного получения моих писем. А как понять твои слова: «Не жди ответа»? Прекратить переписку? Да? Вот почему и пишу это короткое письмо – ведь все равно «ответа не жди». Как это с твоей стороны? По-дружески или как-то по-другому? Извини, ты сам вынудил меня написать последние строки. Главное богатство, которое человек получает в конце жизни – это окружающие его люди: много ли у тебя людей, кого ты любишь, и кто тебя любит?

А сколько ты ненавидишь?

Еще раз извини, Боря – всех благ тебе! Вова.

Борис – Володе

12.07.06

Здравствуй, дорогой Володя!

Какой же ты стал нетерпимый и кичливый, дружище!

Неужели ты не понимаешь, что обижаешь меня в каждом письме. Я молчал-молчал, но ты не унимаешься, так и норовишь поязвительней обидеть. И сам обижаешься по-пустому. Это просто какая-то старческая нетерпимость. А ведь какие теплые, искренние письма мы писали друг другу, какой у меня был добрый внимательный друг Володя Рябов. Где ты, юный Володя? Куда делся?

Слава Богу, что у тебя все хорошо со здоровьем. Но топтать друга за то, что у него все болит под старость, это просто неприлично. Я родился болезненным, и отец сказал: «Он все равно умрет». Слава Богу, что у тебя есть друзья на старости лет. Но если ты и к ним так неуважительно относишься, сколько же надо им терпения? Я, Володя, у тебя ничего не украл, не занял. Я тебя не шельмовал. Я не злился на тебя. Извини, иногда жалел, что тебе не удалось закончить институт, но до сих пор горжусь перед другими твоими большими способностями! Вот и вся моя вина перед тобой.

Если сможешь успокоиться и не честить меня по пустякам, пиши, я всегда рад с тобой поговорить по душам. Философских диалогов не обещаю. Я не философ. Плакаться в жилетку тоже не буду, раз тебе это неприятно.

Что касается друзей, их у меня, как всегда, не много, в основном в Астрахани. Под старость друзья уходят, мама пережила всех подружек. Товарищи мне продолжают улыбаться при встрече и помогать, чем могут. Дружим мы семьями. В Москве, один хороший друг уже схватил инфаркт, делали ему шунтирование на сердце. Но он не сдаётся. Уехал за 200 км от Москвы в деревню, купил домик, Живут все время с женой там, и мы видимся, когда изредка приезжает в Москву. Недавно чуть не померла у него дочь. Еле спасли, в этом и я поучаствовал. Все обошлось. Ведь у нее трое детей. Второй друг через 15 лет дружбы обиделся на меня и плюнул мне в душу. Первый друг–сердечник, меня предупреждал, что этим кончится. Он и с ним так же рассорился. Только наши жены продолжают тайно от него общаться. Я виноват в том, что прочитал на юбилее его жены стихотворение, которое он превратно понял. Конечно, я – балда, за что меня и пилит жена Таня, должен был это предусмотреть. От нее тебе привет. Продолжаю пока работать. Но пенсионеры уже для «Молодости» не подходят. Требуется молодая кровь.

Одна радость. 19 декабря моя дочь Таня встретила со мной. Я ее поцеловал. «Я сама должна была позвонить. Но мы были не представлены друг другу». Таня сняла с меня вину. Сорок лет дочь ждал! И дождался. Помог ее муж Саша. Он пять лет тому назад обещал эту встречу. Встретились в кафе на Ильинке в день Николы-чудотворца. Слава тебе, Господи!

Книгу об отце писать закончил. И вижу недавно сон.

Ищу в каких-то трущобах квартиру № 7. Вхожу в большую комнату, где живет отец. Подхожу к кровати и вижу очень четко – лежит только живая голова. А тела нет. Отец молодой, с ровно подстриженными темными усами, бородой, шевелюрой. А в жизни был лысый и даже брил голову наголо. Говорит:

- Равиль? – забыл, что ли, как меня зовут.

Я его поправляю:

- Я - Борис.

Он встает бодро и говорит мне:

- Хочешь интервью взять у меня?

Я жмусь:

- Да, нет.

Отец уже успел надеть халат – и тогда обозначилась его фигура. Что-то стал готовить, отвернувшись от меня, видимо, к плите. И говорит о жене моего Андрея, с которой сын недавно развелся:

- Это пока молодая, она гуляет. А так кому нужна – с ребенком, некрасивая, долговязая и лысая.

А я думаю: «Почему лысая?» и просыпаюсь.

Может лысая – означало экзему у нее на руке?

Странно – отец назвал меня Равилем?

Привет Зое и Сереже.

Обнимаю, Борис.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Борис – Володе

Без даты

Здравствуй, Володя!

Я напомнил редакции телевидения о том, что ты обращался с просьбой отыскать своего отца в телепередачу «Жди меня!». Я послал им дополнительные материалы, которые у нас с тобой есть. Они долго молчали. Наконец, мне сообщили, что Африкан Васильевич Сливкин в боях под городом Белым в 1942 году был тяжело ранен и отправлен в госпиталь на

лечение в Тюмень. Ему ампутированы ноги. Военное командование удовлетворило его рапорт примерно такого содержания: в связи с тем, чтобы не отягощать семью своим недугом, прошу направить меня в Центр для реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны. 3 ноября 1977 году инвалид ВОВ А.В. Сливкин скончался и похоронен на кладбище Центра для реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны.

Вот почему, Володя, Бельский военный комиссариат Калининской области в 1987 году сообщил тебе, что «Сливкин Африкан Васильевич в списках погибших и захороненных на территории Бельского района не значится. Другими архивными материалами о Вашем отце военкомат не располагает».

Может быть, Аркадий Васильевич и знал об этом, может? и тетя Гутя отрезала текст письма об этом. Они никогда не признаются.

Я был с другом именно в этом реабилитационном центре. Помнишь, я писал об этом друге Володе, что выпускал с ним книгу к юбилею милиции? До этого он устроил меня в издательство «Молодость». Нашел я этого друга в Москве, по совету Бориса Забержинского из газеты «Комсомолец Каспия», где когда-то работал корреспондентом во время придипломной практики. Как раз Володя и помог Забержинскому лечь в этот реабилитационный центр. У него был рак кожи на голове. Ему надрезали кожу на руке и вживляли ее на затылок. Только так заросла рана. Несколько лет он все же прожил после этой операции.

В этом центре я увидел искалеченных донельзя людей в военной форме. Даже без рук и ног. Немых и глухих. За большинством – ухаживает постоянный медперсонал. Инвалиды там остаются до естественного конца, и у многих инвалидов родные не знают, что они еще живы, считают их погибшими. Причем погибшими ни только на войне или в горячих точках, но и в мирное время на военных учениях. Представляешь, какая у них воля – живут здесь в тайне, чтобы не обременять родных людей! Так что, как обещал, мы нашли твоего отца. Ты теперь знаешь о нем больше, чем о Рябове, который тебя воспитал и любил всю жизнь, как родной отец.

Адрес этого центра: Московская область, ст. Калачево...

Июнь 2008 года